

Неверные

ЛЮБОВЬ МОРОЗ

18+

Девушка лучшего друга, лучший друг, муж, жена, беременная от другого, жена, сбежавшая от мужа, дочь не своей матери, отец, никогда не бывший таковым, родители, что скрывают тайны от детей, чужие дети, тети, дяди... Большая семья и не очень. Все они верны или неверны своему слову. Все стоят перед нелегким выбором... Что если Вы стоите перед выбором, который причинит боль другому, в независимости от самого выбора? Как выбрать меньшее из зол? Заведомо проигравший не всегда прав. Верность своему слову, своим мыслям, своим близким, любимым. На что готовы пойти ради них?

- [Любовь Мороз](#)

- [Глава 1. Золушка](#)
- [Глава 2. Хаос](#)
- [Глава 3. Старая знакомая](#)
- [Глава 4. Сердцем к сердцу](#)
- [Глава 6. Перед пропастью](#)
- [Глава 7. Пятница.](#)
- [Глава 8. Виноватые](#)
- [Глава 9. Хочу остаться с тобой.](#)
- [Глава 10. Болен тобой](#)
- [Глава 11. Странный парень](#)
- [Глава 12. Мурашки](#)
- [Глава 13. Бегство.](#)
- [Глава 15. Пропала Мальвина](#)
- [Глава 16. Пожалуйста, пусть она ничего не узнает](#)
- [Глава 17. Хьюстон, у нас проблемы.](#)
- [Глава 18. Первый поцелуй.](#)
- [Глава 19. К чему приводит битье посуды.](#)
- [Глава 20. Я ее поцеловал](#)
- [Глава 21. Перед грозой](#)
- [Глава 22. Неплохо для девчонки](#)
- [Глава 23. Получай гранату.](#)
- [Глава 24. Дай мне тебя спасти](#)
- [Глава 25. Выходи за меня замуж.](#)
- [Глава 26. Эти зеленые глаза.](#)
- [Глава 27. Обещание](#)
- [Глава 28. Центр Твоей Вселенной.](#)
- [Глава 30. Козырь в рукаве.](#)
- [Глава 31. Когда ледяной душ не помогает](#)
- [Глава 32. Есть способность находить приключения](#)
- [Глава 34. Мы облажались](#)
- [Глава 35. Приезд родственника](#)
- [Глава 36. Спаси мою жизнь](#)
- [Глава 37. И эта нежность между нами.](#)

- [Глава 38. Тебе нравится причинять мне боль](#)
- [Глава 39. Внутри бьется сердце с лаской](#)
- [Глава 40. Все по—прежнему](#)
- [Глава 41. Разбить души твоей окна](#)
- [Глава 42. Самообман и полумрак](#)
- [Глава 43. Я хочу остаться с тобой](#)
- [Глава 44. Разве меня спрашивали.](#)
- [Глава 45. Почему ты пытаешься меня переубедить.](#)
- [Глава 46. Кривое зеркало](#)
- [Глава 47. Ладонь на ладони](#)
- [Глава 48. Накануне](#)
- [Глава 48. Нет на земле моего Короля](#)
- [Глава 49. Мир рухнул, но она все еще со мной.](#)
- [Глава 50. Две полоски](#)
- [Глава 51. У меня иллюзий нет](#)
- [Глава 52. Муки совести](#)
- [Глава 53. Нас станет четверо](#)
- [Глава 54. Я не умею хранить чужие тайны](#)
- [Глава 55. Я просто хотела тебя поддержать](#)
- [Глава 56. Пусть все идет своим чередом](#)
- [Глава 57. Выбери любое место, и мы уедем](#)
- [Глава 58. Я не стану одной из](#)
- [Глава 59. Иди ко мне](#)
- [Глава 60. Тебя я укрою.](#)
- [Глава 61. Он знает, где я.](#)
- [Глава 62. Поезд безумия прибыл, и я его единственный пассажир](#)
- [Глава 63. Прячься, я иду искать](#)
- [Глава 64. Мне так жаль](#)
- [Глава 65. У меня уже есть отец](#)
- [Глава 66. Ты мне должен](#)
- [Глава 67. Я не хочу умереть под елкой](#)
- [Глава 68. Я люблю бейсбол](#)
- [Глава 69. Она сказала неправду](#)
- [Глава 70. Оловянный солдатик](#)
- [Глава 71. Никто не смеет меня игнорировать](#)
- [Глава 72. Я не умею плакать как все](#)
- [Глава 73. Перемирие](#)
- [Глава 74. Твоя любовь до гроба не дожидая весны](#)
- [Глава 75. Я никогда не сделаю ничего, чтобы могло ей навредить](#)
- [Глава 76. Ты наполнила меня ядом до краев](#)
- [Глава 77. Идиот](#)
- [Глава 78. Тебе идет красный](#)
- [Глава 79. Я справлюсь](#)
- [Глава 80. Сыграем на желание](#)
- [Глава 81. Грани морали](#)

- [Глава 82. Мой недружелюбный парень](#)
- [Глава 83. Я хочу знать, откажешься ли ты от меня](#)
- [Глава 85. Попроси у облаков](#)
- [Глава 86. Без шансов](#)
- [Глава 87. Звереныш](#)
- [Глава 88. Помеха справа.](#)
- [Глава 89. Цена за право быть с тобой](#)
- [Глава 90. Она меня раздражает](#)
- [Глава 91. Если я останусь](#)
- [Глава 92. Дети своей матери](#)
- [Глава 93. Границы](#)
- [Глава 94. Гиперопека](#)
- [Глава 95. Я стала Океаном](#)
- [Глава 96. Прокаженная.](#)
- [Глава 97. Пора расставить приоритеты.](#)
- [Глава 98. Память обманчивая штука](#)
- [Глава 99. Знаешь, как фырчат ёжики?](#)
- [Глава 100. Что мне делать со своей любовью](#)
- [Глава 101. Слишком узкие джинсы](#)
- [Глава 102. Амнезия больше не в рейтинге](#)
- [Глава 103. Я всего лишь глупая Варя](#)
- [Глава 104. Да вы охренели все.](#)
- [Глава 105. Благослови меня](#)
- [Глава 106. Лучше не будет.](#)
- [Глава 107. Сахар на твоих губах](#)
- [Глава 108. Между вами большая разница](#)
- [Глава 109. Не вздумай решить, будто все по— прежнему.](#)
- [Глава 110. А ты будешь моей мамой?](#)
- [Глава 111. Мы тебя раскрасили](#)
- [Глава 112. Я никогда так никого не хотел, как тебя](#)
- [Глава 113. Моя прерогатива](#)
- [Глава 114. Бывший тесть.](#)
- [Глава 115. Гармония.](#)
- [Глава 116. Колечко на пальчик.](#)
- [Глава 117. Все беспокоятся обо мне.](#)
- [Глава 118. Неподходящие роли.](#)
- [Глава 119. Мое мнение не учитывается.](#)
- [Глава 120. Помоги мне.](#)
- [Глава 121. Приезжай.](#)
- [Глава 122. Мой лучший друг.](#)
- [Глава 123. Ты не та девушка, что я знал](#)
- [Глава 124. Черт с этим чаем.](#)
- [Глава 125. Женись на мне.](#)
- [Глава 126. Выведи ее из этого уравнения. Пожалуйста.](#)
- [Глава 127. Ты останешься моим принцем.](#)

- [Глава 128. Отчаяние.](#)
 - [Глава 129. Расплата.](#)
 - [Эпилог.](#)
-

Любовь Мороз
Неверные

Глава 1. Золушка

*Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены.*

Дж. Байрон.

Руслан

Я ненавижу понедельники. Seriously. Нет ничего хуже них. Когда живешь одним днем, кажется, должно быть все равно какой день ныне. Но. Я продолжаю ненавидеть понедельники. Возможно, это с моей прошлой жизни. Не знаю.

Понедельник. Только вдумайтесь в это слово. Оно само по себе тяжелое и громоздкое, заметьте, самое длинное название из всех дней недели, именно у него. И он длится больше всех, по ощущениям. Не зря же говорят, что понедельник — день тяжелый. Миллионы людей ненавидят понедельник, не могут же они делать это просто так, не из — за чего? Понедельник никому не нравится, и это общее мнение. То ли дело пятница. Легкое слово, обнадеживающее. И нравится всем.

Меня зовут Руслан Королев, и один из таких понедельников перевернул мою жизнь. И что ж. Я этому рад. Ведь я все же стал тогда счастливым. Пусть и ненадолго...

Этот понедельник не должен был ничем отличаться от остальных. Я спокойно спал, что уже по себе, по меньшей мере, удивительно. Проснулся рано и решил, как обычно пойти на прогулку.

Предательски развязались шнурки и я остановился, чтобы придать себе более приличный вид. Я мог идти и так, но рисковать в дальнейшем своим здоровьем не стал. Мало мне что ли?

Занятый как обычно «самоедством», я оглянулся и тут же увидел вдалеке Чудо. Оно медленно шло в зеленом коротком платье, с распущенными волосами. И походило, мягко говоря, на мираж.

Я растерянно моргнул. Чудо вдруг споткнулось и упало, и, не отдавая себе отчета, бросился к ней. Боже, она оказалась вблизи еще красивее... От этого вида у меня перехватило дыхание, голова закружилась и ноги стали как ватные.

— Помочь? — спросил я. Девушка удивленно подняла голову, и в ее таких красивых и бездонных глазах вдруг показались слезы. Она ничего не ответила, тогда я взял ее на руки. Девушка, отстранившись решительно, пыгливо посмотрела на меня.

— Все плохо, да? — зачем — то она прошептала дрожащим голосом. Слаще я голоса еще не слышал, с трудом отводя взгляд, лишь качнул отрицательно головой. Платье не порвалось, а вот колготки и колени были в ужасном виде. Чего ее угораздило?

— Все не так уж плохо, — ответил я нарочно воодушевленно. Она всхлипнула. Отчего — то мое сердце екнуло.

— Нет, не надо, не плачь. Мы все исправим, — вырвалось с неприкрытой нежностью.

— Мне больно, — шепнула она, — Я опоздаю.

И заплакала. Вид слез так быстро бегущих по ее бархатным щекам, заставил меня

мыслить. Вид женских слез я не переношу, но тут на меня нашло умиление.

– Тогда держись, – ответил я, теперь девушка доверчиво обвила мою шею нежными руками, запах ее кожи, волос, духов накрыл меня с головой... Неся ее на руках, чувствую непонятное что— то в груди. Она продолжала плакать. Но я отчего— то рад. Я бы даже назвал это счастьем, несмотря на то, что она продолжала бурно орошать меня слезами.

Наконец мы пришли к дому. Я с легкостью донес ее до пятого этажа. Мне не хотелось отпускать ее. Казалось, что как только я ее отпущу, она исчезнет, и никогда больше ее не увижу. Она так мило выглядела в своем платье, пухлые губы дергались, слезы все текли по ее нежному лицу.

– Все будет хорошо. Я обещаю, – зачем— то прошептал ей и резко покраснел. Стараясь скрыть дрожь, я открыл дверь, и вновь взяв ее на руки, пронес в квартиру.

Вы никогда не задумывались, насколько глупо это выражение? Все будет хорошо. Обещание чего— то выдуманного и несбыточного. В своей жизни мне приходилось слышать за этим выражением ложь, боль, отчаянье. Все что угодно, но не правду. Кажется, человек, произносящий его, сам верит, что все будет хорошо. Как лозунг для оптимистов, чёрт бы их побрал.

Моя квартира преобразилась... Наполнилась чем— то необъяснимым... Я заботливо положил свою ношу на диван и побежал за аптечкой.

Когда вернулся, то она терпеливо сидела на том же самом месте и испуганно смотрела на меня. Чувствуя себя идиотом, я оперся на колено, опустился перед ней. Ее роскошные ноги почти в порядке, не считая легких царапин.

– Сейчас будет немного больно. Потерпи, ладно?

Она кивнула, закусив губу. Я быстро обработал кожу перекисью и нежно подул на них. Поднял на нее глаза, и мы оба вспыхнули до корней волос. Наши лица пылали. Я довольно глупо

улыбнулся.

– Спасибо, – сказала она, и во мне всполохнулся целый рой бабочек. Еще одно ее слово, сказанное таким милым и нежным голосом, и меня разорвет на части.

– Можно я в ванную схожу? – она спросила, словно пропела. Боже, да все что угодно!

– О, да конечно.

Она сводила меня с ума. Интересно, сколько еще парней чувствуют себя так же под ее взглядом?

Я проводил ее до ванны. Она закрылась, как будто не доверяла мне, как я доверял ей уже безоговорочно.

Чтобы успокоиться, мне пришлось выйти на балкон. С вида пятого этажа город казался больше, чем обычно.

Резко зазвонил телефон. Машинально я ответил:

– Алло.

– Привет! Ты где? На работу собираешься? – Женька.

Мой лучший друг. Я вдруг разозлился на него.

– Приеду через час. Потом объясню, – коротко ответил я, вернулся и нашел вещи сестры. Сейчас ее ужасно разнесло, но ее старые вещи должны были подойти моей незнакомке. Хотя почему моей? Уверен, у нее кто— то есть...

Я разозлился на того, кому она могла принадлежать, и тут же отогнал от себя эти мысли. Они невыносимы. Я представил, как кто— то мог целовать ее, держать за руку,

такую хрупкую, гладить ее лицо, играть с ее волосами. От гнева я закипел, со злостью повернулся и сразу же остыл. Она стояла почти рядом, я видел свое отражение в серых глазах.

– Я тут нашел вещи сестры. Померь, пожалуйста, – мой голос зазвучал неуверенно.

Она покорно взяла из моих рук джинсы и кофту, наши руки на секунду прикоснулись, и нас словно пронзила молния. Мы стояли друг напротив друга, и казалось, в мире больше никого не было. Только она и только я. До этого момента я не знал, что такое возможно. Необычное чувство вдруг затмило, словно меня превратили в мыльный пузырь.

Черт возьми, к ней тянуло как магнитом. Я глупо улыбнулся, девушка расцвела в улыбке...

Вещи ей подошли, сделав ее еще младше на вид. Я нарушил благоверную тишину первым:

– Все хорошо?

Честно, ощущаю себя полнейшим идиотом.

– Да.

Нежное лепетание в ответ.

– Я рад.

– Я тоже.

– Меня Руслан зовут, а тебя как?

– Лера.

Улыбка озарила ее лицо.

– Что?– спросил я, заметив выражение лица девушки.

– Что ты делал в парке?

– Я каждое утро бегаю по нему.

– А, да я же тебя видела пару раз. Ты всегда такой серьезный, когда завязываешь шнурки?

– Не знаю, не замечал.

– Почему ты подошел ко мне?

Какие странные вопросы у этой девушки.

– Сколько тебе лет?

– 21 года. А тебе?

– 25 лет.

– Ты живешь здесь один?

– Да.

– Давно?

– Достаточно.

– И не скучно?

Я над этим никогда не задумывался, мне не бывало скучно.

– Нет. А ты живешь одна?

Она казалось, ждала этого вопроса, судя по скорости, с которой она ответила.

– Нет, я живу с родителями.

По ее лицу проскользнула тень чего— то не очень приятного. Спрашивать я не стал.

– А ты чем увлекаешься?– я не успевал осмыслить ее ответы, как она тут же задавала новые.

– Э, – замялся я. – Разным. А ты?

– Тоже. Хотя как я вернулась в этот город, у меня совсем не осталось тут друзей или хотя бы хороших знакомых.

– Тебе повезло. Я— то знаю тут всех. И меня тоже,— я скривился.

Она это заметила.

– Это удручает?

– Немного,— усмехнулся я.

Город наш был небольшой и тут естественно, все знали друг друга про все. Тем более про мою семью. Почему? К большому сожалению, мои родители являлись одним из самых богатых горожан города. Отец занимался лесом и строительством, мама раньше была учительницей в школе, а теперь ударилась в творчество и писала романы для женщин, причем весьма неплохие. Нас у них родилось трое. Я и моя сестра двойняшка Людмила, и младший брат Максим. Ему, кстати исполнилось недавно пятнадцать. Людмила или Мила для родных, успела выйти замуж и жила теперь в Франции. Ее муж был модельером. Они часто приезжали. Я в свою очередь занимался иногда делами отца, иногда своим маленьким бизнесом, вместе со своим лучшим другом Женькой.

– А меня нет. Ладно, спасибо тебе большое, но мне пора,— проговорила Лера, с улыбкой, смотря на меня.

Неужели она вот так уйдет?! Это невозможно. Это неправильно. Я ее никуда не пущу!

– Я отвезу тебя, можно?

Мой голос звучал умоляющее.

– Ели тебе не трудно. Я и так довольно задержала тебя,— ответила Лера, слегка зардевшись.

Я воспрянул духом.

В машине мы не произнесли и слова. Когда мы приехали, Лера пулей выскочила из машины, пролепетав: «Спасибо!» И убежала. Я даже не успел выйти, ничего не успел сказать. Ругая себя, довольно в мрачном расположении духа пришлось отправиться на работу. А вечером я заметил, что девушка забыла свою заколку. Как Золушка, забывшая свою туфельку.

Глава 2. Хаос

Руслан

На работе как обычно царит полный хаос. Надя, наш секретарь переходила от нас в фирму отца на более высокую должность. Решили взять другую девушку Ольгу и чувствует мое сердце,, не к добру.

Мне всегда было интересно, отчего почти все особи женского пола, независимо от возраста, так реагируют на Женьку?

Вот сейчас новенькая Ольга не сводила с него глаз, слегка приоткрыв рот.

Нет, я благоразумием не отличался в свое время, хотя быть может, когда твоя жизнь резко разворачивается на градусов 90, начинаешь видеть все в другом свете.

Я лишь вздохнул и прошел мимо него, коротко поздоровавшись.

Он, задержавшись, проследовал за мной.

– Чего кислый?

– Все ок. Кстати, это претендентка на место Нади?

– Ага. Я собеседование проведу вечером.

– Не сомневаюсь. В декрет не отправь ее, пожалуйста.

Женька только усмехнулся. Жаль, что Надя уходит. Меня как начальника она полностью устраивала.

Но ее работа не устраивала ее мужа, редкостного козла.

Он ревновал девушку по любому поводу. Она работает на двух парней, чем не повод? Женя, между прочим, к ней единственной не клеился, узнав про ее семейное положение.

Такая интрижка не по нему. Разгневанные мужики, битье морды, в частности его собственной и горячо любимой, в планы не входило.

Поэтому к Надежде он относился с должным уважением. Впрочем, отсутствие как интереса с нашей стороны, равно как и повода с ее, не остановило не в меру ревнивого мужа. Сначала он попробовал наехать на нас, типа показать, кто здесь хозяин. Попытка не удалась, тогда он принялся за жену.

Мы пытались решить этот вопрос по-своему, но Надя умоляла не причинять вреда этому болвану и теперь вот уходила на новое место работы.

Я хотел, чтобы она осталась, видя взгляды, бросаемые Ольгой в сторону Жени. Мотылек полетел на свет. И остановить невозможно.

Надя терпеливо объясняла новенькой ее обязанности, которых было не особо много.

Я закрыл дверь к себе и просидел за документами до обеда. Из головы не выходила моя вчерашняя незнакомка.

Светлые волосы, по которым отчаянно хотелось провести рукой, пропустить их мимо пальцев... Заглянуть в ее красивые глаза... Что со мной? Еще и пары месяцев не прошло, как мы с Крис расстались, и я решил, что завязал с отношениями и тут она. Лера.

Я все рассказал Жене. От него невозможно что-то утаить. Мы знаем друга с детства, и тайн между нами никогда не было.

Женя, скептически отнесся к моему рассказу.

– Не стоит париться. Уж поверь моему опыту.

Кроме Жени, у меня были еще близкие друзья: Оксана и Леша, которых я тоже знал с пеленок. Но все, же самым близким другом для меня всегда был Женька.

Я подумал о том, чтобы последовать совету своего друга. Но не смог. Перед глазами стояло милое, нежное личико Леры, ее красивые серые глаза, полные необъяснимого огня и теплоты, ее длинные, словно шелк волосы, запах ее волос, звонкий и трепетный голосок... Как я могу забыть ее?!

Так прошло два дня. Я не видел Леры, хотя и принимал попытки ее поиска. Увы. Я не знал ее фамилии, а моего описания не хватало для поиска. Она ангел, но как можно это доказать остальным, особенно скептику Женьке?

Я прожужжал все уши про свою незнакомку всем подряд.

– Ты несносен, – заметил Женя.

Я это понимал. Но продолжал терроризировать остальных.

– Дай объявление, в конце концов, – издевался Женя.

Я уже думал над этим. Останавливало лишь нежелание оказаться полным идиотом...

У меня возникло странное ощущение, что может я и не встречал ее? Слишком нереальной она была. Тогда почему я отчаянно хотел увидеть ее еще раз? Зачем? Я не знал... Честно, отношения с девушками у меня не ладились. Не хотелось связывать себя ненужными узами. Правда, встретив эту странную девушку, я готов поменять свое мнение.

Таким мрачным я уже давно не был. На третий день ближе к вечеру Жене надоело сидеть со мной дома, и он вышел в магазин. В дверь кто— то робко позвонил.

И с каких это пор Женя стал вежливым или он решил вконец достать меня?

Я раздраженно подошел к двери и распахнул ее. Сейчас шутник получит.

– Ты очумел?— успел сказать я и замер.

Тот же теплый взгляд, те же серые глаза.

– Я не вовремя?— спросила робко Лера. Ибо это был мой ангел.

– Ты не можешь поверить как вовремя, – ответил я.

– Ну что ж тогда привет, – робкая улыбка на миг появилась на ее губах.

– Привет. Заходи.

Мой ангел тенью прошмыгнула в квартиру.

– Чай, кофе?— предложил я несмело, продолжая глупо улыбаться.

– Чай.

Я почувствовал, как внутри меня растет что— то большое и теплое, нежное и ранимое.

– Проходи на кухню.

Она прошла и села на стул. Пока закипал чайник, я с интересом смотрел на нее. Мы не виделись три дня, и теперь я понял, что соскучился. Волосы заплетены небрежно в косу.

Я мог ошибаться, но ее что— то тревожило. Она выглядела несчастной. Недавно она плакала.

Глаза не могли врать и скрыть следы слез. Я хотел бы знать причину, готов защищать ее, чего бы этого не стоило. Черт, я влюблен. Интересно, что чувствует она?

– Как дела?— прервала девушка ход моих размышлений.

– Нормально. А твои?

Боже, доверься мне, я хочу помочь! Девушка вяло улыбнулась.

– У меня тоже.

Так я и поверил.

Чайник вскипел, я разлил чай, достал печенье, ругая себя за то, что вчера поленился сходить в магазин.

– Я принесла тебе вещи. Ты тогда очень сильно помог мне. Спасибо еще раз.

– Не за что. На работе не попало?

– Нет, – ответила она с улыбкой.

Значит ее огорчение не от работы, может тогда сердечные дела, не дай Бог? Я содрогнулся от этой мысли. Она с кем— то встречается и переживает из— за быть может, ссоры? Я оторву голову этому болвану.

Хлопнула дверь. Женя. Я совсем забыл про него. Секунда и он ворвался, остановился, увидев девушку.

– О, я, кажется, помешал? Стоит тебя оставить одного, как девушки тут как тут.

Он издевался надо мной.

– Женя, это Лера, Лера— это Женя. Чай будешь пить?

– Я пиво принес. Буду ждать тебя в зале. Не опаздывай, через 10 минут матч.

Женя даже не повернул голову в сторону девушки и ушел в зал, громко включив телевизор.

Я извиняющееся улыбнулся, пообещав ему про себя кару за поведение.

– Не обращай внимания, он всегда такой.

– Да ничего. Мне уже пора,– ответила Лера с грустью. Она неловко встала из стола и чуть не упала. Какой беззащитной она мне показалась в этот момент. Я не хотел, чтобы она уходила. Отчаянно не хотел.

– Вот вещи, – девушка протянула мне пакет, – еще раз спасибо.

Останься, я тебя умоляю.

– Может, останешься?– протянул я с надеждой.

Пожалуйста.

– Я не могу, правда. Как-нибудь в другой раз, – извиняющееся пролепетала Лера, собираясь уходить.

– Я могу позвонить тебе как-нибудь?

Я решился на крайние меры. Только дай мне номер телефона, и я буду звонить тебе каждую минуту. Что со мной в последнее время?

– Пиши.

Я полетел за своим телефоном и уже через мгновение записывал, волнуясь, ее номер.

Девушка ушла.

Я счастлив, меня смущал тот факт, что нужно было подождать, прежде чем ей звонить. И я сомневался, что это удастся.

Глава 3. Старая знакомая

Егор

Замужем. Этот статус был неприкосновенен для него. Прежде.

Сейчас он готов сдаться.

Едва Егор узнал, что Надя перейдет к ним в офис на место бухгалтера, он не подал виду, услышав знакомую до боли фамилию.

Надя. Его Надя.

Сколько они не общались? Лет пять? А бывало, не могли расстаться и на час...

Когда тебе всего 17, мир ярче, насыщенней. Всего 17, и ты дружишь с самой красивой девочкой. Девочкой, которую продолжаешь любить...

И вот уже пару недель для него открыт свой персональный ад.

Чужая! Чужая! Чужая! Неоновое слово горело в его мыслях.

И ей давно не 17.

Дурацкие водолазки, закрытые блузки, где такой полет для фантазии, юбки до колена, не скрывающие изящности ее прелестных ножек...

Ей давно не 17. За годы Надя расцвела и превратилась в привлекательную молодую женщину. И Егор считал до этого момента, их любовь осталась давно в прошлом. Он забыл о существовании собственной семьи. У него красавица жена, двое сыновей, трешка в ипотеке.

Надя словно сирена притягивала его взгляды, заполняла мысли. Разумеется, сама девушка не подозревала о его грешных помыслах.

Один раз пялился на ее грудь за чаем. Она его взгляд заметила и привычно отшутилась. А он как мальчик покраснел...

Надя— отличный специалист, ее нахваливал Руслан, сын шефа и видимо не зря.

Сам шеф в командировке, вместе со своей женой Вероникой, что к счастью. Потому что стоило ей появиться в офисе, настроение портилось у всех, считая и самого шефа.

Егор долго не мог понять, откуда в этой семейке Адамс Руслан? Хотя год назад он им соответствовал.

Вот его младший брат Максим, точно белая ворона. А может, еще не дорос?

Как бы там не было, Надя отлично справлялась. И сердце его бешено стучало при ее появлении в поле зрения.

Такая нежная, трогательная и грустная. Не походила она на счастливую в браке. Никак. Худенькие пальчики рук, уставшие глаза, нерадостная улыбка. А ведь когда— то ее смех был таким заразительным! Он столько лет был ее другом, ее подушкой для слез, поддержкой, а теперь...

Что теперь? Он тает от одного ее взгляда, как раньше. Как раньше ловит каждое слово, каждый вздох с ее полных губ.

Впервые его брак тяготит его. Он забывает, что женат. Забывает обо всем, смотря на чужую жену.

Совсем чокнулся. Но с каждым днем все сильнее непонятное чувство внутри него.

Измена? Разве можно думать так низко о ней? Ни за что. На отдалении любоваться блеском глаз, локоном непослушных волос.

Егору хотелось сказать ей обо всем, что он чувствует. Но не смел. Потому что разрушать жизнь ни себе, ни ей, ни своей семье желания не возникало. И находиться с ней, манящей,

сродни горению на костре.

Пусть лучше рванет, взорвется все к чертям, чем вот так тускнеть. Вот и сейчас он стоит рассеянный возле входной двери и смотрит как его Надя идет к машине, семеня стройными ножками.

После работы Надю всегда забирал муж.

И впервые Егора обожгло жгучей ревностью...

Его Надя замужем. И пора с этим смириться. Если получится.

Петр

Петр потянулся в кровати. День обещал быть насыщенным. Раз так весело начался.

Вероника ушла полчаса назад, оставив деньги на тумбочке. От этого факта ему стало неловко... Веронике уже за 40, и она красивейшая из всех его любовниц. Длинные черные волосы, фигуре позавидует и 20-ая девушка, не смотря на рождение троих детей. Правда, с головой у нее как видно не совсем хорошо. Они встречались нечасто, раза два-три в неделю.

Всего час назад Вероника выдала ему:

– Моя дочь должна быть дома. Мне неинтересно, каким способом.

– И что ты хочешь от меня?

– Ты лапочка, привезешь ее домой.

– Она вроде замужем. И навряд ли ее мужа устроит моя персона в ее жизни,— уточнил

Петр.

– На фиг мужа. Он мне никогда не нравился.

– Ника, ты чудовище.

– Ничего нового ты мне не сказал. Так что?

– Предлагаешь мне слетать в Париж и увести Милу домой? А что мне за это будет?

– Все, что хочешь. Ты же знаешь, как дорог мне. Мои дети должны быть под моим контролем. Мила должна быть дома.

– Может, мне жениться на ней? Что думаешь? – он подразнил ее, зная, что для нее это останется незамеченным. И все же он хотел сделать ей больно, пробить ее стальную волю, хоть слезинку бы увидеть!

– Я не против делить тебя с ней. Если большая часть суток будет моей. У тебя неделя. Привези мою дочь.

Напрасны старания. Непробиваемая. Еще и писатель. Задумала, вероятно, очередную гадость. Сыну жизнь не успела испортить, она слишком коротко заканчивается... Что ж еще есть дочь и младший сын. И почему он должен участвовать в ее играх?

– Ок, – он пожал плечами. Милу он знал, вместе учились в параллельных классах.

Так что справится. И вот Вероника ушла. Что их связывало? И когда он успел так вляпаться?

Жена богатого человека с большими связями и Петр не сомневался, что тот, узнав о их «романе», заставит его самого выкопать себе яму...

Для своих лет Вероника выглядела на все сто процентов. Хотя, имея деньги своего мужа, она могла себе позволить многое. Например, молодого любовника...

Петр поморщился. Не любил он это слово. И как выполнить ее поручение? Пошлет его Мила и будет права.

Следовало привести себя в порядок и заказать билет. Отпросился с работы и в путь!

Париж ждет. Хотя бы развлечется...

Глава 4. Сердцем к сердцу

*Я счастлив! Я попался в плен!
Завидую своей я доле!
Мне ничего не надо боле,
Как грезить у твоих колен*

Дю Белле «Сонеты».

Руслан

Не знать ничего о человеке, видеться с ним всего каких— то пару минут и уже чувствовать прочную связь между вами и непреодолимое притяжение.

Родство душ? Единство? Вторая половина? Не знаю.

Знаю одно, как бы там не было, желание быть с ней с каждой минутой все сильнее.

Это желание сравнимо с жаждой, неутолимой и иссушающей. Чувствуешь себя будто в пустыне, под жарким беспощадным солнцем, и только оазис с чистой водой сможет помочь...

Я выдержал ровно день и вечером позвонил ей.

— Алло.

Тихий нежный голос с оттенком грусти.

— Привет. Это Руслан. Узнала?

— Узнала, привет.

В голосе появились новые нотки. Радости, если не ошибаюсь?

Может и она ждала моего звонка? Кто знает?

— Что делаешь?

— Собираюсь домой.

— Можно я тебя подвезу?

Скажи же да!

— Да. Я выйду через минут десять.

Боже, благодарю тебя!

— Я подъеду.

Я молниеносно собрался и прыгнул в машину. Пока ехал, пытался собраться с мыслями.

Прошлым вечером у меня состоялся не очень приятный разговор с Женей, которому, кстати, Лера не понравилась, а еще больше ему не понравилось мое отношение к ней. Когда мы уже стали повышать голос друг на друга, он заявил, что это мое дело, но в случае чего он умывает руки.

Все равно.

Я решил увидеть ее, и я ее увижу, и буду общаться, чего бы мне это не стоило.

Лера вышла из здания и потерянно оглянулась. Я вышел из машины и подошел к ней. Увидев меня, девушка заметно расслабилась и улыбнулась. Хотелось бы мне знать, от чего у нее такой был потерянный вид. Она вновь выглядела несчастной.

— Привет!— радостно поздоровалась она.

— Привет! Пойдем, если хочешь можно посидеть в кафе,— предложил я, не ожидая ее

согласия.

Но девушка согласно кивнула.

Я отвез ее в кафе неподалеку. Меня там соответственно знали и теперь за нами наблюдали очень внимательно. Я давно нигде не появлялся с девушкой. Поэтому вероятнее всего и заслужил такое внимание, раньше я выставлялся напоказ, глупое поведение влюбленного в себя человека. Но теперь все изменилось. Я стал другим.

Жаль, что только девушку я совсем не хотел подставлять.

Вскоре наши имена смешают в какой—нибудь глупой сплетне. Я к этому привык, а вот она, боюсь, нет.

– Со мной что—то не так? – шепнула мне девушка.

– С чего ты взяла?

– Она слишком пристально изучает меня, – ответила Лера и глазами показала на девушку, стоящую за стойкой. Тоня Иванова. В прошлом месяце я имел неосторожность отшить ее, вероятно, она мне этого не простила. Я закатил глаза.

– Не обращай внимание. Это бывает.

– Это потому что ты завидный жених в нашем городе и многие девушки бегают за тобой, но ты, ни с кем не встречаешься.

Ну, вот сплетни она уже узнала.

– Ты права. Только я не знал, что являюсь завидным женихом, – улыбаясь, ответил я. Лера удивленно взглянула на меня и принялась разглядывать меню.

– И ты немного странный.

– Знаешь, во всех есть странности, и если у тебя их нет, ты странный.

Девушка улыбнулась.

– Я смотрела «Алису в стране чудес».

– Ты тоже так считаешь? – не прокомментировав, спросил я.

Скажи, нет, пожалуйста!

– Нет. Ты хороший и я сплетням не верю.

– Умничка. Я тоже, но иногда бывает полезно знать, что о тебе болтают люди.

– Я тоже. А что будешь? Мороженное?

– Да. Я сама... – не успела возразить мне девушка, как я уже был у стойки.

– Кофе и самое вкусное мороженное.

– Здравствуй, Руслан. Мило, что зашел, – ядовито произнесла Тоня, лениво выполняя мой заказ.

– Здравствуй, Антонина. Отлично выглядишь, – ответил я.

– Я принесу тебе заказ.

Вот и результат. Как всегда действует.

Я вернулся к ожидавшей меня Лере.

– Она не укусила тебя?

– Нет, против лома есть приемы, – произнес я в ответ.

Тоня довольно поспешно принесла заказ, не забыв мои требования к кофе.

Лера растерянно ковыряла ложечкой мороженное, когда я спросил ее:

– Как день прошел?

– Нормально. А у тебя?

Надеюсь, она спросила не из вежливости.

– Хорошо. Расскажешь мне о себе?

– Что ты хочешь знать?

Все!

– Что ты можешь мне доверить?

Чего— то я осмелел в последнее время.

– Смотря, какие грани ты будешь переходить.

– Обещаю, что грани я переходить не буду,— серьезно ответил я.

Лера улыбнулась.

– Тогда я попрошу тебя об одном одолжении.

Господи да что угодно! Мое сердце принадлежит тебе.

– Проси.

Девушка глубоко вздохнула и сказала:

– Будь, пожалуйста, моим другом. Я здесь никого не знаю, а ты первый кто помог мне.

Ну, конечно, если ты не хочешь, то сразу скажи.

Я был удивлен ее просьбой и определением своего статуса.

– Я сам хотел попросить тебя об этом.

Радость мелькнула в ее глазах.

Она протянула руку ко мне и робко прикоснулась к ней. Тут же меня пронзило разрядом тока. Боже, как же это прекрасно...

– Значит друзья?

– Навеки, – ответил я и в ответ пожал легонько ее руку. О своем новом статусе я решил подумать позже.

Девушка, довольная принялась за слегка подтаявшее мороженное.

– Теперь можем поиграть в 10 вопросов.

– Это как?

– Ты задаешь вопрос, любой я отвечаю правду однозначным ответом, – пояснила она.

Она не перестает меня удивлять.

– Хорошо. У тебя точно нет никаких проблем?

Лера замялась.

– Есть, – наконец произнесла она, после долгой довольно паузы.

– Я могу узнать причину?

– Можешь. Но правильно спроси, что бы я ответила однозначно.

Я задумался.

– Это из— за человека близкого тебе?

– Да.

Черт. Это мне не нравится.

– Это парень?

Лера зарделась.

Я понял, что угадал.

Закон подлости. Потрясающая девушка и естественно у нее мог и должен быть парень.

– Он тебя обидел?

Я оторву ему голову, пообещав себе это уже во второй раз.

Лера на секунду замерла, и когда, она вновь посмотрела на меня, я увидел слезы в ее глазах.

– Это сложно объяснить, – проговорила она полным отчаяния голосом.

Что сделал этот урод? Как он посмел обидеть моего ангела?

– Я попробую понять. Ты можешь мне доверять.

Пожалуйста, доверься мне. Я хочу помочь. Я видел ее внутреннюю борьбу. Она, должно быть, была права, ей действительно некому было довериться. Я единственный кого она знала, и с кем общалась. И ей действительно было тяжело решиться на этот шаг. Я ждал.

– Как можно рассказать про то, что творится в душе?– тихо произнесла девушка и одинокая слеза скатилась по ее щеке. Меня пронзило от этих слов. Я не находил слов для утешения и просто накрыл ее руку своей ладонью. Ее рука вздрогнула, но осталась на месте.

– Я... Понимаю, глупо выгляжу, – извиняюще улыбнулась она, сквозь слезы.

Она выглядела мило. И у меня возникло огромное желание защитить ее от этого мира. К несправедливости мира я уже привык, вот Лере с ее по— детски наивной душой предстояло еще только познакомиться.

– Ты не выглядишь глупо. Кто тебе такое сказал?– возразил я.

– Я жалею о своей жизни как маленькая, у тебя и так, наверное, проблем куча,– ответила Лера.

Я нахмурился. При чем тут я? Я совсем забыл про свою жизнь, теперь она моя жизнь, а то, что было, то было.

– Мы сейчас о тебе, а не обо мне, – напомнил я.

– О, да. Моя так называемая жизнь. Подходящая тема для разговора.

Я улыбнулся. Ну, у нее и выражения. Она себя не любит. Определенно.

– Так можно сказать и про меня. Так что сделал тот парень?

Вырвался у меня этот вопрос и назад его не забрать. Мне интересно узнать, что ж он сделал.

– Мы расстались, потому что он мне изменил. Я это видела. Я его не прощу. Никогда, – отчеканила Лера.

Хотел бы я поближе познакомиться с этим парнем, заставляющим страдать моего ангела.

– Поэтому я и приехала сюда. Начать с нуля,– продолжила говорить Лера, – Но пока у меня не очень получается.

Я молчал, переваривая ее речь. Странно я начал понимать ее. Когда— то и я пытался начать все с нуля, правда, не сильно преуспел в этом. Я до сих пор на нем. На точке невозврата. По поводу этого у меня существовала своя теория. Сейчас не время для нее.

– Это со всеми бывает. Все не так уж плохо, согласись. По крайней мере, мы сейчас довольно мило разговариваем, твое мороженное растаяло, мое кофе остыло, но мы по— прежнему говорим.

– Наверное, у тебя таких проблем не было никогда.

Мое маленькое чудо, тебе, поверь лучше не знать о моих проблемах. Поверь мне. Я горько усмехнулся.

– Что? – спросила Лера, заметив мою реакцию.

– Так просто. Я провожу тебя до дома? Времени уже много.

– Стремись избавиться от меня?

– Ты ведь не отстанешь?

Лера отрицательно покачала головой.

– У меня, есть одна особенность. Я пристаю к людям, которые нравятся мне словно смола.

К людям, которые ей нравятся? Потрясающе. Я ей нравлюсь.

Я лукаво усмехнулся.

– Это прекрасная особенность. Хорошо, что предупредила.

На ее губах заиграла улыбка. Я глубоко вздохнул, оставил деньги на столе, и коротко кивнув Тоне, мы вышли.

Нас встретил холодный ветер. Он весьма грубо растрепал ее прическу. Лера остановилась, пытаясь заправить прядь волос. Я подошел к ней и ловко вернул прядь на место. Наши лица при этом оказались в опасной близости друг от друга. Я мог разглядеть ее трепетавшие ресницы, мягкую припухлость губ, по которой мне отчаянно захотелось провести кончиком пальца.

Ее лицо зарделось от моего взгляда, и я первым нарушил молчание.

– Чего— то холодновато на улице, – весьма глупо заметил я.

– И темновато, – добавила Лера и улыбнулась.

– Интересно, отчего же?

– Осень, так думаю.

Я коротко рассмеялся.

Мы сели в машину.

– Куда прикажете ехать, Ваше Величество?

До чего же мне с ней хорошо. Разве так бывает?

Лера назвала адрес. Она жила далеко от центра. Неужели она каждый раз добирается туда одна? Я содрогнулся от мрачных мыслей.

– Теперь направо, – скомандовала девушка.

Я повиновался, улыбаясь про себя.

– Вот тот дом.

Я плавно подъехал к тротуару. Вид дома мне не понравился. Слишком мрачно он выглядел. Я заглушил двигатель и повернулся к девушке.

– Ну, вот ты и почти дома.

Девушка растерянно выдавила из себя улыбку и судорожно сглотнула.

Я проследил за ее взглядом, она смотрела на свой дом.

– Будет смешно, если я скажу, что не хочу домой?

– Нет. Я тоже не хочу, чтобы ты шла домой.

По— моему, я перехожу грани. Слишком откровенно.

– Почему?

Прямые вопросы были ее коньком.

– Просто не хочу. Такой ответ устроит?

– Вполне. Пока устроит, – ответила она с серьезностью.

– Во сколько ты выходишь на работу?

Я подумал, что вполне смогу заехать за ней. Не хочу, чтобы она ходила по этим улицам одна.

– В восемь.

Отлично.

– Я пойду, спасибо еще раз за все.

Почему она благодарит меня, когда я должен был говорить ей это?

– Иди, конечно. Спокойной ночи, приятных снов.

Что я говорю? Остайся, не уходи!

– Спокушки! Добрых снов, – ответила Лера и вышла из машины. Я увидел, как она

торопливо побежала к дому.

Я немного покругил по улицам, а после этого отправился домой. Мысли мои смешались. И я не понимаю, что мне делать дальше. Жизнь приобретает другой пока неизвестный смысл.

Перемены неизбежны. Но я им рад.

Впервые мой дом показался мне пустым, словно та, что была здесь забрала часть меня с собой.

Глава 6. Перед пропастью

Надя

Надя несчастлива в браке.

И надо быть полной идиоткой, чтобы этого не понять.

Розовые очки всегда бьются стеклами внутрь.

Она привыкла, мол, все так живут, мол, не сдержан муж на руку, мол, она сама виновата, могла промолчать. Промолчать, когда он в очередной раз пришел злой и раздраженный, а тарелка с ужином давно остыла...

Очередной повод вновь ударить ее за очередную провинность... Надя вышла замуж семь лет назад, и поначалу все было хорошо. Мальчик из приличной семьи оказался садистом после года брака. Он хорошо зарабатывал, и его бесила работа Нади. Ревность стала безграничной. Девушке пришлось отказаться от многого: от друзей, от подруг, от коллег, от тетки с дядькой, заменившей ей родителей. Весь ее мир сжался до мужа. А ему и этого мало.

На той работе уже не задавали вопросов по поводу ее больничных, синяков, ушибов. Прежние коллеги привыкли к ее образу жизни и отношений с мужем и не лезли. Здесь работали более любопытные люди. Поэтому стоило им заметить пару синяков на теле неосторожной Нади и сплетни понеслись быстрее ветра.

Егор пришел в курилку и застал там весьма интересный разговор. «Бьет муж, синяки, бьет, значит любит».

Сначала он не понял о чем речь, а когда понял, не докурив выбежал прочь. Коллеги удивленно посмотрели ему вслед.

Надю он нашел в архиве. Худенькая и хрупкая она искала документы, таская тяжеленные коробки.

Не объясняя ничего, он подошел к ней и рывком задернул ей водолазку на спине.

– Ты офигел?! – воскликнула девушка.

Егор аккуратно вернул ткань на место, стараясь не касаться обнаженной кожи и огромного кровоподтека.

– Я жду тебя в кабинете. Сейчас, – сказал он, и ей ничего не оставалось, как пройти вслед за ним.

В кабинете Егор почти рычал от злости, меряя шагами комнату.

– И когда ты хотела об этом рассказать?

– Это тебя не касается.

– Касается. Так что?

– Что ты пристал? Это мое личное дело! Отвали.

Егор поднял ее подбородок. Губы, упрямо манили к себе. И стоило ему посмотреть в ее бездонные озера глаз, он в них утонул. Не переводя взгляда, он потянулся к ее губам.

Девушка не оценила его страданий и отвернулась резко в сторону:

– Я сама разберусь. Не лезь в мою жизнь, – буркнула Надя.

– Бесплезно. Я уже и так по уши.

– Что?

– Вот тебе и что.

– Ты совсем очумел? Ковалев, мне не до этого! Если бы ты знал, на что похожа моя

жизнь!

Надя заревела. Ничего не смогла с собой поделаться.

Не первый раз муж поднял на нее руку. Но так жестоко впервые. Он бил ее. Это сложно не признать. Но и любил. Бьет, значит, любит, так говорила ее мать, и она же всегда права?

Даже когда ты писаешь кровью после очередных побоев и носишь водолазку с длинными рукавами, ты все равно цепляешься: за свою любовь, за нежелание признавать, что она давно уже умерла, за свою боль, за мнение людей.

Надя никогда и никому не рассказывала, как невыносимо просыпаться каждый день и понимать, кошмар никуда не ушел.

Твоя жизнь – это он. Чувство вины за все происходящее душит с каждым днем все сильнее и сильнее. И перспектива броситься под колеса машины желанна.

И сейчас она, размазывая слезы по щекам, захлеб рассказывала. И он слушал, не перебивая, держа ее левую ладонь.

Они просидели так час, а может и больше. Их никто не искал. Может, потому что случайно заглянули в каморку и оставили их в покое.

– Не возвращайся домой. Снимем тебе квартиру. И это все закончится, – предложил Егор.

Надя подняла на него свои заплаканные глаза:

– И что я ему скажу?

– Ничего. Ты ничего ему не обязана.

– Я так не могу. Не по— человечески. Прости, мне надо работать. Я пойду.

Надя ушла и до конца рабочего дня Егор ее не видел.

С этого момента их отношения охладели. Она старательно и ненавязчиво избегала его присутствия.

Он бесился и ничего не мог сделать. Вызвать ее на откровенность, значит признаться в собственных чувствах, что ему она дорога и ему далеко не плевать. А это могло привести к неожиданным последствиям.

Крепко полаявшись с Викторией утром, он в раздражении и с огромным опозданием пришел на работу. И тут же попал под ее ледяной взгляд. Психанув, он выждал, пока она останется в кабинете одна, и зашел к ней.

– В чем дело?

– О чем ты? Я не понимаю.

– Ты избегаешь меня. Я хочу знать почему.

– У тебя паранойя.

– А может она у тебя? Что произошло?

– Я всего лишь хочу тебе помочь!

– Повторю, у тебя паранойя.

– Ладно. Не хочешь говорить, твое право. Чай пойдешь пить?

– Пойду.

Он решил на этот раз отстать от нее, гнев куда— то испарился, и он чувствовал себя идиотом. Поспешно вышел прочь, она отправилась за ним и вроде хрупкий мир между ними восстановлен...

Как-то раз он вновь опаздывал на работу и отправил ей смску, с просьбой предупредить.

С тех пор они стали общаться и по телефону, без всяких сетей. Перекидывались смешными картинками, анекдотами, видео.

Он стал неизменно желать ей доброго утра, зная, что уже переходит все границы. Она же упорно сводила все к дружбе...

И вероятно только слепой бы не увидел, как он смотрит на нее.

До Вики наконец то дошло, что с мужем ее что— то не так.

Нет, он приходил домой вовремя, нигде не задерживался, по— прежнему целовал ее по утрам и исполнял супружеский долг. Но слишком отстраненно.

А один раз во сне крепко прижал ее к себе и назвал чужим именем. Да еще с неожиданным обожанием в голосе. Ее пробрало до мурашек, и до утра она не могла уснуть.

Женщина всегда чувствует наличие соперницы, как бы ее не пытались скрыть. Только где она? Где та разлучница?

Помучавшись еще неделю, Вика приняла героическое решение. Она отправилась к нему на работу, якобы привезти ему обед.

Разлучница в это время сидела на больничном и на работе не появлялась.

Вика прошла в кабинет мужа и оглянулась по сторонам.

— Зая? Вот сюрприз.

— Ага, решила привезти тебе обед.

Он ошарашено забирает у нее пакет.

— Кстати, детей я отправлю сегодня к бабушке. Приходи домой пораньше, пожалуйста.

Он пообещал. А сам, услышав, звук оповещения о сообщении с трудом удержался, чтобы не рвануть к телефону со всех ног.

Вика ушла, одарив его долгим и протяжным поцелуем.

А он наконец— то прочитал:

«Спасибо). Сейчас уже лучше, температура спала».

«Может тебе чего нужно? Понимаю, что с таким состоянием на улицу особо не пойдёшь».

«Да нет. Все есть. Спасибо. Правда. Я очень рада, что мой старый друг теперь снова в моей жизни».

Друг. Это слово столь ненавистное. Видимо, мужчину она в нем никогда не видела.

Может поэтому, он и поехал раньше с работы домой, по пути заскочив в цветочный магазин.

И только ночью понял, каким же идиотом стал. Ему не прогнать ее образ из памяти. Занимаясь любовью с женой положено испытывать хоть какие— то эмоции, кроме скуки. А она такая шикарная в новом кружевном белье лежит рядом, голова покоится на его плече, а он скотина, предается грешным мыслям о чужой жене...

Через неделю Надя вновь на рабочем месте, излишне худая и бледная.

Чтобы не возникало вопросов у коллег, он таскает на работу мед, малиновое варенье, апельсины, лимоны для всех. Лишь бы она поправила свое здоровье...

Глава 7. Пятница.

Руслан

Сегодня пятница. Это означало, что у меня два абсолютно свободных дня, и я намеривался провести их с Лерой. Она про это даже не подозревала.

Помню, как на следующий день после нашей посиделки, ровно в восемь утра я ждал ее возле дома.

Девушка замерла в нерешительности.

– Доброе утро, – произнес я, вылезая из машины, поеживаясь, на мне был всего лишь тонкий, хоть и кашемировый свитер, но он не справлялся с холодом.

– Доброе утро, что ты здесь делаешь? – поздоровалась в ответ девушка, недоумевая.

Я неопределенно пожал плечами.

– Собираюсь отвезти тебя на работу, ты не против? – ответил я, запуская руку в короткие волосы.

Борьба внутри девушки, судя по всему шла нешуточная. У меня было чудесное настроение, вопреки обыкновению замечательно спал.

– Ладно, я не против, – пролепетала она. А кто сомневался?

– Прошу, – пригласил я ее, открыв перед ней дверь.

Лера немного постояла, серьезно осмотрев на меня.

– Мы ведь друзья?

– А ты сомневаешься? Или в твое понятие дружбы не входит возможность подвести тебя до работы?

Девушка замялась.

– Не сомневаюсь.

И села в машину. Я последовал на свое место.

– Красивая машина, дорогая? – Лера быстро взглянула на меня.

– Да. Как спалось?

– Ты спрашиваешь про то, как мне спалось? – девушка удивленно приподняла бровь.

– Не ты одна можешь задавать вопросы, – я лукаво усмехнулся.

– Я спала хорошо. А ты?

– Замечательно. согласишься пообедать со мной?

Вопрос застал ее врасплох. Девушка вновь с подозрением посмотрела на меня.

Чего стоит сказать просто да? Это разве сложно?

– Тебе никто не говорил, что ты приставуч как смола?

– Нет. Тебя это напрягает?

– Нет. Просто я подумала, с чего это тебе проводить со мной так много времени?

Я готов провести с тобой вечность, а не час. Колочий у моего ангела характер. Она мне не доверяет. Зря. Я не способен причинить ей боль.

– Я что особенный?

– Да.

Я захихикал. Кем угодно, но особенным себя не считаю.

– С чего ты взяла?

Странная девушка. Сначала предлагает дружить, а потом задается вопросом зачем.

– Мы с тобой неровня. Ты общением со мной испортишь общественное мнение о себе.

Вот оно что. Я не смог сдержаться во второй раз и захихикал.

– Что смешного?

– Ты боишься, что скомпрометируешь мой статус завидного жениха? Брось эти глупости.

– А девушке твоей такая дружба понравится?

Девушке? Что за вопросы?

– У меня ее нет.

И опять этот подозрительный взгляд.

– Почему?

– Почему ты задаешь кучу вопросов, вместо того чтобы ответить на мой? – парировал я.

– Хорошо, я пойду с тобой обедать, – покорно согласилась Лера.

Торжествующая улыбка появилась на моих губах.

– Можно только я заплачу за обед? – выпалила она.

– Я тебя пригласил, значит плачу. И без вопросов. Идет?

– Значит, если тебя в следующий раз приглашу я, то плачу я?

Похоже, ее не просто убедить.

– Примерно, – уклончиво согласился я.

– Ладно, тогда следующий обед за мной.

Я мысленно выругался. Придется придумать что —нибудь другое. Не могу ей позволить тратить деньги на меня. Это нелогично. Я мужчина. Но спорить не стал. Пусть пока будет так.

– Жди меня, – вырвалось на прощание, когда уже мы подъехали к ее работе.

– Хорошо, до обеда, – попрощалась девушка и неловко вышла из машины. Она помахала мне рукой и поспешила войти в дверь.

Я помчался в офис, где меня в дурном расположении ждал Женя, поздоровался с ним, он хмуро кивнул в ответ. Обиделся. Как маленький.

В принципе можно не обращать на него особого внимания, ведь увижу Леру и проведу с ней время. Целый час!

Но Женя все же решил не оставлять меня в покое. Он вольготно раскинулся в кресле и изучающее смотрел. Я не выдержал.

– Что?

Мой друг сразу оживился.

– Ты в курсе того, что делаешь?

– О чем это ты?

Я сделал вид, что не понимаю о чем он. Хотя прекрасно все понял с самого начала.

– Ты ведешь себя неправильно, и хочу понять для чего?

– Тебя напрягает то, что я счастлив?

Я знал, что неправ, и нападать не должен на Женю, но вдруг стало обидно. Я недостойн счастья, по его мнению?

– Не переворачивай все, так как тебе угодно. Ты прекрасно все понимаешь, ты знаешь, к чему эти отношения приведут. Хочешь быть счастливым, будь, только не плачься потом, если она не сможет вынести правду. Ты ведь собираешься сказать ей?

Последние слова его застали меня врасплох. Женя это заметил.

– Ах, ты как я понимаю и даже не думал об этом, – произнес он ехидно, скривив свою смазливую мордашку.

– Это уже мое дело,— ответил я в свою очередь грубовато.

– Делай, как знаешь.

Женя встал и ушел, чем окончательно испортил мне настроение.

Самое противное, что он был как всегда прав. Я признаю это. Но ничего не хочу менять. Я не представлял себе, как смогу жить без нее.

Разве возможно так с первого взгляда привязаться к человеку, настолько сильно, что жизнь без него кажется полной мрака? Я ни к кому ранее не испытывал такого притяжения, присутствие Валерии очаровывало, подчиняя меня ей.

Не знаю, что мной такое. Возможно это и любовь, но мне показалось, одного понятия любви здесь было мало для полного описания чувств.

Когда я выходил из офиса, Женя ехидно пожелал мне удачи, назвав «Ромео».

Я решил не обращать внимания. Он привыкнет.

Лера ждала меня. Она стояла возле фонарного столба и задумчиво смотрела на мимо проезжающие машины. Интересно, о чем она думала, волновалась или оставалась равнодушной?

Я подъехал, и она довольно шустро забралась в машину.

– Тепло, – протянула она, застенчиво улыбаясь.

Господи, я чуть не заморозил свое чудо.

– Прости, не подумал, что ты замерзнешь, надо было позвонить, приехал бы раньше.

– Глупости. Я сама вышла раньше. Ну, куда мы едем? Я жутко голодная.

Я улыбнулся и отвез ее в самый дорогой ресторан в нашем городе. Здесь прилично довольно кормили.

Заказывал обед сам, не давая пытавшейся заглянуть в меню девушке, увидеть цены. Для меня они мало что значили, а вот для нее могли оказаться шокирующими.

– Дай мне посмотреть, пожалуйста, – не утерпела девушка. Она требовательно протянула руку.

Я лишь улыбнулся.

– Там картинок нет. Тебе будет неинтересно. Ты разве не доверяешь моему выбору?

– Ты пытаешься сжульничать с обедом. В следующий раз я буду выбирать.

Она обиженно надула губы как маленькая. Она капризничала, и я был в восторге. Следующий раз. Как волшебным это звучало в ее устах. Разве можно надеяться на следующий раз?!

Час обеда пролетел незаметно. И я не хотел отпускать Леру от себя. Честно уже придумывал всевозможные предлоги, лишь бы увидеть ее еще раз. Я грешно думал, что мне нужен повод, чтобы видится с ней. Мой ангел все решил за меня.

Мы стояли возле того самого фонаря возле ее работы. Лера серьезно посмотрела на меня и сказала нарочно сердитым тоном:

– Если ты так будешь кормить меня, то скоро разоришься.

Я удивился. Мне было приятно сделать что—нибудь для нее. Как она этого не понимала? Казалось все мои слова, и поступки должны были ей что—то сказать.

– Мне это не грозит.

– Давай пойдем сегодня Куда-нибудь гулять?

Неужели она меня приглашает? Я, наверное, сплю, если это так—то это прекрасный сон. Не хочу проснуться.

– С удовольствием, – ответил я, пытаюсь скрыть дрожь.

– Ты замерз?– с участием спросила девушка и сняла с себя свой весьма забавный шарф.

Он желто— фиолетового цвета. Девушка набросила его мне на плечи и заботливо завязала.

– Вот, теперь ты согреешься, – заметила она, явно довольная, – Тебе идет. Жутко.

Я в этом не сомневался. Конечно, этот шарф никак не подходил к моему виду, но мне было приятно. Ее забота обо мне приятна...

– Спасибо.

– Не за что. Жду тебя после работы. Пока!

И тут же Лера бросилась прочь. Я зачарованно смотрел ей вслед, чувствуя аромат ее духов, идущий от шарфа.

Увидев меня после обеда, Женька согнулся от смеха.

– В следующий раз она даст тебе поносить свое платье? Брат, ты меня пугаешь. А такой же забавной шапочки у нее нет?

Я усмехнулся. Мне шарф нравился. Пусть хохочет. Все равно.

После этого случая я продолжал носить шарф. Он нравился мне. В нем что— то было от моего маленького чуда. Может такое же сочетание противоположностей, какое представляли мы с ней. Желтым определено была она с ее неумолимой жаждой жизни, доброта была ее важным составляющим и на самом деле Лера была моим Солнцем. Фиолетовым был я. Более холодный, более неживой, запутавшийся в себе... Живое и умирающее. Странное совпадение.

Мы гуляли после работы. Я размышлял над этим совпадением, когда Лера потянула меня вдруг за рукав.

Я очнулся и посмотрел на нее. Девушка стояла рядом и сосредоточено смотрела на меня.

– Ты долго будешь стоять в луже? – спросила она, закусывая нижнюю губу.

– Что?– воскликнул я, не понимая, причем тут лужа.

– Посмотри под ноги.

Посмотрел. Оказалось, мы стояли вдвоем посередине большой и глубокой лужи.

– Ладно, я, а ты что тут делаешь?– спросил я нарочно серьезным голосом.

– Я пошла за тобой. Ты странно выглядел, не могла бросить тебя одного.

Я усмехнулся. Пропали мои кроссовки.

– Что смешного?– она подумала, мне стало смешно от ее слов. А я смеялся над своим видом.

– Какая ты храбрая. Может я подбирал себе новую среду обитания.

– Хочешь стать лягушкой?

– Ага. Будешь жить со мной?

– В качестве лягушки?

– В качестве принцессы. Знаешь сказку про принца— жабу?

– От жаб бородавки, – предупредила девушка, ее глаза искрились от смеха.

– Тебя это останавливает?

– Нет. Я не боюсь.

– Я тоже.

Мы стояли совсем рядом и смотрели друг друга. Казалось, мир исчез. Ничего не было, кроме нас. Даже если бы сейчас мир действительно исчез, мы бы пропустили это событие. Лишь только она, лишь только я. И больше ничего.

– У меня ноги промокли и на нас люди смотрят, – Лера очнулась первой.

– И кого же они видят? – я не отрывал взгляда от ее лица.

– Двух лягушек? – предположила она.

Я хихикнул и впервые взял ее за руку, почувствовал, насколько она холодна. Мы вдвоем вышли из лужи.

– Знаешь, я примерно понимаю, что чувствовали первые млекопитающие, когда им взбрело выйти на сушу, – произнесла девушка.

Я заинтересовано взглянул на нее.

– Я чувствую скованность и холод. Не думаю, что они были рады.

– Я тоже, – ответил я. Какой же странной парой мы выглядели. Но рядом с ней мне все равно как выгляжу в глазах других. Все равно.

Какое счастье идти с любимым человеком по улице, держа его за руку... Никогда не думал насколько это приятно и волнительно. Я чувствовал ее руку в своей и крепко сжал ее. В ответ Лера тихонько сжала мою. Существовал ли лучший в мире, чем этот момент? Не знаю. Для меня он лучший...

Так продолжалось вот уже месяц. Время летело незаметно. Месяц я абсолютно счастлив. Счастлив еще от того, что точно знаю притяжение к ней никогда не ослабнет. Хотя поначалу я этого боялся.

Но сегодня долгожданная пятница и это значит, что мы вместе будем два дня. Два дня...

Сегодня я собирал у себя друзей. И Лере предстояло тоже быть там.

Правда об этом она еще не знала. Не хотел пока говорить ей, зная ее потрясающую способность стесняться. Хотя, по моему мнению, ей не стоило переживать.

Пробило восемь. Я заканчивал со столом, Лера мне помогала. Девушка раз в сотый спрашивала, что сегодня за праздник. Я отмалчивался. Честно боялся, что она убежит, поэтому молчал.

Наконец раздался звонок в дверь. Первым и не стоило этому удивляться, пришел Женька. Весь при параде. Он деловито прошелся по комнате и уселся в кресло, вытянув длинные ноги.

– Ты бы хоть поздоровался, – укорил я его.

– С кем? – бросил Женька и уставился в телевизор. Я только вздохнул, подавив в себе желание, наподдать ему хорошенько.

– Со мной и Лерой.

– Угу, здорово, – грубо произнес Женя и лениво бросил на нас взгляд сквозь густые ресницы.

– Ты собираешься стричь свои лохмы? – поинтересовался я.

– Я отращиваю их для рекламы. Мои волосы, могу делать что хочу. Я— то гадал все утро, чего ты носишься по магазинам. А тут вот. Почему бы сразу не купить ей кольцо с огромным камушком и все?

Женин взгляд и тон совершенно не в его духе. Чего он разозлился?

– Хочешь, Валерия большой камушек на нежном пальчике, а? – спросил он ехидно, обращаясь к девушке.

– Я хочу кирпич, чтобы найти ему место на твоей голове, – с упором парировала Лера. Женя вскинул бровь и усмехнулся известной мне улыбочкой. Он подошел ближе и почти нежно прошептал:

– О, малышка имеет зубки? Я слишком горяч для тебя, детка.

– Пошел бы ты, – тем же тоном ответила Лера. Я, молча, наблюдал за ними, от изумления не зная, что делать.

Они стояли друг напротив друга, испепеляя взглядом. На мгновение я заревновал, потому что почувствовал искру, пролетевшую между ними. Только что это была за искра?

– Огрызаешься? Это мне нравится. Что скрывается за этой симпатичной мордашкой? – Женя навис над девушкой, улыбаясь.

– Я не твоим зубам. Растопчу.

– В горизонтальном положении? Хочешь проверить?

– Прекратите оба. Достали, – выдержать их перепалку я больше не смог. Женя с усилием отвел взгляд.

– Пойду на кухню, – Лера спешно ретировалась.

– Зачем это? Какая муха тебя укусила? – шипя, произнес я. Горло перехватило от всего увиденного. Сложно было не заметить в глазах друга то самое выражение, когда кто— то кроме тебя мог так смотреть на девушку. Желание всегда трудно скрыть.

В дверь вновь позвонили. Уверен, это они специально. Знали же прекрасно, что Лера будет, вот и придуривались. Раньше они не были столь вежливыми.

Она пошла открывать дверь. Я услышал звонкий голосок Оксаны и низкий Лешки. Надеюсь, эти двое не возьмут пример с моего лучшего друга.

Я напрасно опасался. Когда вышел из комнаты, Оксана во всю болтала, все сидели вместе. Один Женька сидел ко всем спиной.

– Привет, отлично выглядишь, – радостно поздоровалась со мной Оксана и подлетела ко мне, чтобы обнять. Я с удовольствием утонул в ее объятиях. Обожаю ее.

Оксана потрясающе худа, даже когда была беременна, она не ни йоту не поправилась. Хотя мы втроем пытались это исправить. Ничего не вышло и поэтому до сих пор мы втайне звали ее соломинкой.

Что бросалось в ее внешности сразу, так это ярко рыжие волосы, Лешка звал ее еще Рыжиком. Вообще она очень отзывчивый и добрый человек. Лешка по сравнению со своей женой, выглядел устрашающее. Крупный крепко сбитый парень, мы с Женькой по сравнению с ним казались дохляками. Но внешность его была обманывающей. Да он скромн, немногословен, но добр и умен.

– Привет! – протянул Лешка и пожал мне руку, – Отлично выглядишь.

Только не уделяйте моему внешнему виду так много внимания. Не надо обострять.

– Привет! Рад вас видеть. За стол? – поприветствовал я, – С Валерией вы уже познакомились, как погляжу?

Оксана и Лешка переглянулись и заулыбались. Она им понравилась.

– В кой— то веки можно прилично поесть! И когда ты все это успел?– спросила Оксана, ловко орудуя тарелками.

– Вот успел.

– Наш принц готовит лучше всех, не обижайся Рыжик, – утвердительно заявил Лешка, с интересом смотря на большое блюдо с запеченной курицей. Принцем они меня все звали из— за фамилии Королев. Видимо до короля я еще не дорос. Поэтому только Принц.

– А я вот ничего не умею и мне наплевать, – высказался Женька, интенсивно уже что— то жуя.

– А ты бы постарался, глядишь путное что—нибудь вышло, – сердито выговорила ему Оксана. Она всегда нас поучала. Нравилось ей это. Среди нашей компании она самая

ответственная. Вторым был я. Женька вообще в этот список не входил.

– Не обращай внимания, это они несерьезно, – шепнул я Лере. Она понимающе кивнула.

– А ты чего сидишь? – накинулась на мужа Оксана. Лешка горестно вздохнул.

– Могу встать, если хочешь, – обреченно предложил он.

Женька фыркнул. Оксанка рассмеялась и потрепала Лешку по голове.

– Глупый, сиди уж.

Я усмехнулся. Эти двое тоже любили поломать комедию, будто никто не знал, насколько сильно они любят друг друга.

Лера сидела рядом со мной и тоже не отставала от скорости остальных. У меня же аппетита не было. Я решил ограничиться одним мандарином, правда, скормил его ей долька за долькой.

– Где вино? – требовательно и с обворожительной улыбкой спросила Оксана, – Пора открывать! Сегодня пятница! Хватит сидеть с постными лицами.

Я открыл вино и понеслось. Мы хохотали над шутками Женьки, сегодня блиставшего, впрочем, как и всегда, громко говорили, пытаюсь перекричать друг друга. Потом пошли танцевать я и Оксана. Остальные нам аплодировали.

Лера улыбалась, глядя, как мы кружились. Вскоре мы устали и тогда Лешка, взяв мою гитару, спел нам всем про любовь. Женька принял у него эстафету, спел «Восьмиклассницу».

Едва пробило одиннадцать, чета Кузнецовых засобиралась домой. На прощание, клюнув меня в щеку, Оксанка прошептала: «Она чудо».

Чудо тоже засобиралось домой, и мы с Женей проводили вместе Леру до дома. Выпитое вино требовало взять ее за руку, но при Жене я не посмел. Хотя ужасно хотелось.

На свежем воздухе мы немного проветрились. Люблю город в это время. Мало народу, фонари, свежий воздух. Красота. Каждый из нас шел, погруженный в свои мысли. Девушка шла, сунув руки в карман, и судя по нахмуренному лбу, о чем-то все же думала.

Когда мы дошли до ее дома, Лера вежливо попрощалась с нами, прошептав мне: «До завтра!».

– Я останусь у тебя? – заговорил Женька, я растерянно кивнул. Все мои мысли сейчас были с ней.

– Да увидите вы завтра, увидите, – улыбаясь, произнес Женька.

Я знал, завтра наступит. И вновь ее увижу. Вновь буду со своим Ангелом, своим маленьким чудом, единственной и горячо мной любимой, с нетерпением жду завтра.

Я уже невыносимо скучал.

Женька помолчал, смотря куда-то вдаль, а потом выдал:

– Мне Егор звонил.

– И чего хотел?

– На счет Нади и...

Я не стал его дослушивать:

– Я тебе уже высказал свое мнение. Если она сама этого захочет, то пожалуйста.

– Она не захочет.

– Я сам поговорю с ней. Без тебя и Егора. Ладно?

– Почему-мне-то нельзя? Ты же знаешь, я решу все.

– Поэтому и нельзя. Помни, ты должен быть чище ангела. Лишняя стычка нам совершенно не нужна. Я сам.

– Кстати, мама твоя очень интересовалась Лерой. Вас уже заметили.

– Я знаю. Пусть.

Женя пожал плечами. И мы отправились молча домой.

Глава 8. Виноватые

Егор не находил себе места. Все летело к чертям.

Может, стоило самому поговорить с ее мужем? Дал бы ему пару раз по морде, глядишь и успокоился...

Надя сегодня пришла с известием, муж уехал в командировку. И она сама заметно повеселела.

– Я думаю о разводе, – сказала Надя ему за работой. Сердце его учащено забилося.

– И когда?

– Как приедет. Так и скажу.

– Молодец. Это правильное решение. Ты главное, не бойся.

– Я боюсь. Очень.

Вместо слов Егор берет и накрывает ее хрупкую ручонку своими пальцами. Девушка не дернулась, но руку и не убрала.

– Спасибо, Егор. За поддержку. И за все. Правда.

Она оказалась слишком близко.

Мгновение и он решил, что если не сделает этого сейчас, то не сделает никогда.

Плевать на совесть, на все плевать!

Он и сам не знал, зачем сделал это.

Раз и притянул девушку к себе, словно имел на это право, словно так и нужно. Не оставив ей ни малейшей попытки избежать этого поцелуя. Да, у нее оставался призрачный выбор не ответить ему, дать пощечину, вырваться из сильных рук. Но по воле случая этого она не сделала.

Потому что всегда испытывала к нему странное притяжение, непонятное для них обоих. Их с первого момента потянуло друг другу, как магнитом и теперь стало ясно: сопротивление невозможно. Его нельзя отложить. И проигнорировать. Оно все равно возьмет свое. Не сейчас, так позже. Отсрочка также неизбежна, как и само притяжение.

Их губы встретились лишь для того, чтобы наглядно показать насколько они созданы друг для друга. Насколько они гармонично и полноценно сочетаются. Лед и пламень превратились во что-то новое, обрекли себя в новую форму. И теперь-то совершенно ясно, без друг друга существовать им нельзя. Не смогут. Она воздух, что наполняет его легкие. Он-кровь, что бежит по венам прямо к сердцу. К их общему сердцу.

В этой очаровательной полутьме, скрытые от любопытных глаз, они неистово целовались, награждая себя за долгое время сопротивления.

Сердце готово выскочить из груди, бешено разгоняясь, из низа живота бабочки разлетались в разные стороны, вызывая дрожь и мурашки по всему телу.

Лишь спустя время он поймет, что за всю его жизнь, это поцелуй навсегда перевернет, вывернет его наизнанку и после этого, им уже не суждено будет быть вместе.

Она первая отстранилась, еле переводя дыхание, пытаясь собрать себя по режущим осколкам памяти. Она не понимала где находится, что случилось в эти минуты с ней самой, оттуда все свалилось на нее, словно водопад, ураган, сметающий все на своем пути: во все что она верила, чему доверяла, все это превратилось в пустой звук... Нет больше ничего и никого, кроме него.

Никто не прикасался к ее обнаженной душе, сливаясь с ней. Это и пугало, и

завораживало одновременно. Ноги подкосились, и Надя едва не упала, если бы не он, вовремя подхвативший ее на руки. Его тоже была дрожь и дыхание до сих не могло восстановиться.

Пытаясь успокоиться, Егор прислонил свой лоб к ее лбу и закрыл глаза, пытаясь найти себя.

Они просидели так довольно долго, рука об руку, находясь в полной прострации. А потом снова принялись целоваться, с жаром, присущим их натуре.

Да, потом его сожрет совесть, а быть может и не сожрет...

Надя первой встала и вышла из кабинета. Щеки ее пылали, пока она шла по коридору в туалет.

«Хороша же я», – подумала она, увидев себя в зеркале. Растрепанные волосы, губная помада размазана по всему лицу, щеки пылают, а глаза... В глазах пылает огонь.

Девушка абсолютно не знала, как себя вести. Стыдно стало. За себя, за проявления своих чувств, за замужество свое. Пусть и неудачное. Пусть...

Она вернулась в кабинет, скрестив руки на груди, и немедленно заключена в объятия.

– Я думал, ты закатаешь истерику или просто не придешь, – прошептал Егор ей на ухо.

– Я же пришла. Мы собираемся доделывать отчет? Уже достаточно поздно. Домой пора.

– Поехали, я тебя доведу, – предложил Егор, отчаянно краснея.

Надя, заметив это, покраснела сама.

– Ты знаешь, я к этому пока не готова.

– Я просто провожу тебя домой. Без всяких подоплеков. Ладно?

Надя согласилась. Егор, действительно довез ее до дома без единого намека.

Правда, потом прислал ей сообщение:

«Я думаю о тебе».

Она не стала ничего отвечать и проигнорировала.

Наутро в офисе, взяв эмоции под контроль, девушка сделала тоже самое. Впрочем, игнорировать до конца ей его не удалось.

Егор встретил Надю с нежной улыбкой.

– Доброе утро, как спалось?

– Хорошо. А тебе?

– Нормально. Я еле дожил до утра, так хотелось тебя увидеть.

– Мы не в детском саду, Егор. Мне надо работать. Тебе, между прочим тоже.

Егор сощурился и попробовал притянуть девушку к себе.

Надя не поддалась, ударила его по рукам.

– Что?!

– Ничего. Иди работать.

Егор обиженно вышел, хлопнув дверью.

Надя прикусила губу, чтоб не рассмеяться. Ей о многом нужно подумать. И не о служебном романе.

Хотя это было сложно. В голову настойчиво лезли воспоминания об их вчерашнем поцелуе. Стоило на секунду замечтаться, и Надя уже не могла сосредоточиться.

ТЬфу.

Девушка отправилась пить чай в столовую, место нашлось только возле Егора. Надя сделала вид, мол, так и надо.

Она молча пила чай. Вокруг коллеги бурно обсуждали что— то, а Надя никак не могла

понять, о чем, потому что рука Егора вдруг оказалась на ее бедре.

Скинуть? Бежать?

Девушка опустила свою руку, намереваясь спихнуть осторожно наглеца. Не удалось. Наглец схватил ее за руку и их пальцы переплелись между собой.

Надя снова густо покраснела и уткнулась в кружку.

Едва стоило Егору вернуть ее руку на место, она рванула со своего места. Ополоснула кружку и быстрее в свой спасательный кабинет.

«Не надо убегать от меня, пожалуйста. Если тебе неприятно, только скажи».

«Я не знаю. Зачем это нам?»

«Я хочу поговорить с тобой. Можно?»

«Можно. Заходи».

Егор пришел минут через десять с документами подмышкой.

– И о чем ты хотел поговорить?

Егор прикрыл дверь и сел на стул:

– Я не хочу, чтобы ты боялась.

– Чего?

– Много чего. Я поцеловал тебя, потому что хотел этого с 17 лет. Согласись, это довольно долгий срок для ожидания.

– Мы не должны. Это неправильно, Егор! Я замужем, ты женат!

– Неправильно ждать было столько лет. И вообще...

– Что вообще?

Парень вскочил и подошел к ней ближе:

– И вообще. Ничего в этом такого стыдного нет.

– У вас дети. Это мне терять нечего. А тебе есть что.

– У них есть мать. И отец всегда будет. Мои чувства к тебе остались прежними.

Неужели ты никогда этого не видела?

Девушка отвернулась. Егор осторожно обхватил ее лицо руками и сказал:

– Мне все равно на то, что скажут остальные. Ты— вот что имеет значение.

– Зачем я тебе? Нам уже давно не 17.

– Потому что я люблю тебя.

И он вновь поцеловал ее. И спрятаться, убежать, вырваться он не позволил. И она знала, что потом память изобьет ее до потери сознания...

Она будет вспоминать эти слегка обветренные губы, эти ласковые руки, его дыхание на своей шее и волосах... Знала, расплата за содеянное ждет. И все же не убежала, не вырвалась. Сдалась...

Егор проводил ее домой в очередной раз, поцеловал на прощание и ушел, проследив, чтобы она закрыла дверь.

Вика бросилась ему на шею, стоило войти в квартиру. Она давно ждала его с работы и сердце ее испуганно екало.

– Дети спят, пойдем со мной, – прошептала она ему на ухо, слегка его прикусывая.

– Вика, я так устал на работе, честно. Вот поел бы и лег спать. Так что ты ложись без меня.

Холодный какой. И в глаза не смотрит. Чужой.

Вика пожала плечами и подождав, пока Егор пойдет в душ, залезла в его телефон. Она раньше никогда этого не делала.

Залезла и ничего не нашла. Пусто. Пара смсок от банка, от коллег. Ничего серьезного. Тогда почему ей так тяжело на сердце? Почему оно упрямо твердит, что тут нечисто?

Весь остаток вечера она наблюдала сидящего мужа в телефоне. Не обращающего никакого внимания на нее.

– Что там важного? А?

– Да парни приглашают на встречу выпускников. В пятницу. Поедем?

– Поедем, конечно, – с улыбкой ответила Вика.

Вот оно что. Встреча выпускников. Глупости приходят ей в голову. Он самый верный.

И никуда Вика не поехала. Младший затемпературил. Но она не против отпустить его одного. Поэтому плюнув на все, пошел.

И она пошла. В платье. Коротком платье. И ему окончательно снесло крышу, раз приглашал всех на танец, кроме нее.

Наконец устав от танцев, он сел к ней поближе.

– Чего такая грустная?

– Просто. Ты же знаешь, я не люблю подобные мероприятия.

– Ни фига подобного. Уж я то знаю, ты танцуешь. Сам тебя учил вальсу в общежитии. Тряхнем стариной?

– Я замужем, – привычно отшутилась она.

– Я в курсе. Я тоже между прочим женат. Однако я думаю, ты не хочешь идти танцевать, поскольку ничего не изменилось: ноги у тебя по прежнему две левые.

– Берешь меня на слабо?

– Я хочу просто увидеть тебя прежнюю. Заглянуть за забор.

– Не понимаю о чем ты.

– Понимаешь. Я знал тебя когда— то лучше тебя самой. Знаю о чем говорю.

– Ничего ты не знаешь. Ничего.

Ее глаза вмиг погрустнели.

– Пошли танцевать. Я буду терпеливым. И даже смеяться не стану. И жаловаться, когда ты отдавишь мне ноги. Идем?

Она с сомнением посмотрела на него.

– Я не кусаюсь. Один танец и отстану. Честное слово.

– Ладно.

И они пошли танцевать. Как назло заиграла медленная музыка, и он понадеялся, что все уже достаточно пьяные, чтобы не заметить их.

– Ну что. Ноги у тебя по— прежнему левые, – шепнул он ей и усмехнулся.

Она заулыбалась в ответ той самой улыбкой. От чего он, совершенно не контролируя себя больше, потянулся к ней, стремясь поцеловать.

Повезло, что в этот момент музыка стихла и на пару секунд погас свет в зале.

В полной темноте, он прижал ее к себе совершенно по— свойски, словно имел на это право. Он слышал биение ее сердца... и ошалел от близости ее тела. И ничего. Ничего не случилось.

Мгновение он вот держал ее в своих руках, и вот она резко отпрянула от него словно от прокажённого.

Невыносимо красивая и печальная, его Сокровище. Сколько раз он грезил о ней? Сколько мечтал прикоснуться хоть на мгновение к ее нежной коже... И тот поцелуй. Зачем он поцеловал ее? Вероятно, лишь для того, чтобы окончательно сойти с ума. Ведь теперь ее

ничем не прогнать из памяти. Не вырвать, словно сорняк, вместе с корнями, да черт с ним! Вместе с сердцем не вырвать ее. Никогда.

Надя засобиралась домой. Хватит испытывать судьбу. Ни к чему хорошему эта связь не приведет.

Она несвободна и у него есть его Жена, которая не заслужила ничем такого отношения. Такой поступок, по крайней мере гадкий. И Надя уже достаточно подло себя повела. Будь они оба свободны, тогда кто знает...

– Девушка, Вас подвезти? – незнакомый мужчина заговорил с ней. Надя не успела ничего ответить, как за нее сказал Егор:

– Девушка занята.

Незнакомец пожал плечами и отошел.

– Ковалев, ты, что себе позволяешь?

– О, ты, вероятно, хотела попасть в руки маньяка?

– Ты забыл, я с ним живу, – устало ответила Надя. Егор сразу же остыл.

– Давай я отвезу тебя домой.

– Не хочу в этот кошмар. Пойдем, прогуляемся немного.

Егор не стал возражать. Тем более домой ему тоже не хотелось. Там Вика, там любимые дети. И разбитое сердце.

Надя медленно пошла по улице, скрестив руки на груди. Егор молча подал ей пиджак, и девушка завернулась в него.

– Давай на сегодня, на сейчас забудем обо всем. Ты – Надя, я – Егор. Все по— старому.

– Плохое уравнение. Для нас всех. Я не хочу так.

– А как хочешь? Хочешь я уйду, хочешь заново все начнем?

– Нет, Егор, не хочу. На одну чашу весов детей не ставят. Мне нечем жертвовать. И я не хочу такой жертвы. Ты сам знаешь, я не пойду на подобное.

– Я хочу быть с тобой. Разве это сложно?

– Это все иллюзия. Ты устал от семьи, от работы, вот и нашел отдушину. Пора закрывать эту форточку. Ничего не выйдет. Ты же знаешь.

– Я тебя люблю, Надя. Разве этого мало? Надь, ты меня любишь?

– Егор, давай оставим эту тему. Ты будешь настаивать, я уйду с работы. Не хочешь портить отношения, оставим все как есть. А теперь пора домой.

Он молча отвез ее домой, сдержанно попрощался и никуда не поехал. Остановил машину под ее окнами и заночевал. Возвращаться домой ему отчаянно не хотелось. Ведь надо объясниться с Викторией, наконец. Надя разводится с мужем, он разведется с Викторией. И все станет хорошо.

Вика не спала ночь. Температура спала. Егор прислал сообщение, что переночует у знакомого. И она отчего— то не поверила. Сердце, это пресловутая интуиция почти кричали о нависшей опасности. Фундамент ее брака, ее любви дал трещину. Стены рушились и она боялась...

Глава 9. Хочу остаться с тобой.

Руслан

Мне снился странный сон. Я все куда— то бежал, сам не зная зачем. И от кого?

Вдруг сквозь сон услышал, как в дверь кто— то настойчиво звонит. Машинально взглянул на часы, всего полчетвертого.

Недоумевая, я вышел в коридор и посмотрел в глазок.

Спустя мгновение прижимал к себе бледную, растрепанную, в нижнем белье и в одном носке Леру. Она судорожно стонала, пряча от меня свое лицо.

— Что? Что? Что?— повторял я, пытаюсь заглянуть ей в лицо.

Женька с сонным лицом выглянул в коридор и тут же весь сон с него слетел, как только он увидел нас: меня, сидевшего на полу, рядом скорчившись, сидела Лера, спрятав лицо в коленях.

— Эй, вы чего?

— Я не знаю!— с отчаянием произнес я.

Женя исчез и моментально вернулся с пледом в руках. Он молча подал его девушке и Лера в него завернулась.

Я протянул к ней руки. Она вздрогнула и подняла на меня глаза. То, что я увидел, подвернуло меня в шок. Сзади Женя ойкнул. Личико моего маленького чуда представляло из себя один сплошной синяк, ссадины на лице, распухший курносый носик, разбитая губа... Боже мой...

Лера застонала и заплакала. Я не дал ей снова скрыть лицо, взяв ее на руки очень бережно, отнес ее на свою кровать, втайне радуясь тому, что она осчастливит ее своим присутствием.

— Расскажи мне, маленькое чудо, расскажи мне, пожалуйста, что случилось?

Лера испуганно посмотрела на меня странным и жалобным взглядом. Сердце мое больно кольнуло.

— Можно тебя на минутку?— спросил Женька, и я вышел в коридор.

— Она сказала, что с ней?

— Нет.

— Дай я поговорю.

Я удивленно посмотрел на него. Что это с ним?

— Ты думаешь, тебе она скажет?

— Да, тебе говорить ей слишком тяжело, а мне в самый раз.

Я встал в дверях. После вчерашнего не собирался видеть их вместе в опасной близости.

— Пусти. Дай мне пару минут.

— Почему?

— Дай мне поговорить с ней.

И я отступил. Мне, действительно она бы ничего не сказала. Один ее взгляд, брошенный на меня, умолял не задавать вопросов. Я отступил, и это стоило мне невероятных усилий.

Женька понимающе посмотрел на меня и зашел в комнату, плотно закрыв дверь за собой. Я поплелся на кухню.

Прошло минут 10. За это время я успел привести себя в порядок, выпить три чашки кофе и выкурить, да— да выкурить сигарету. Забыл, каков привкус сигареты на губах. Курить

бросил еще пять лет назад. Это был мой маленький рекорд. Дался мне тяжело, и сейчас с наслаждением затягиваясь, чувствовал себя клятвопреступником.

Странно, но это еще больше усиливало наслаждение от выкуренной сигареты. Так что угрызения совести меня пока не беспокоили. Возможно, они появятся потом. Впрочем, до них успею выкурить еще сигареты три.

Меня не покидало чувство тревоги. О чем они так долго говорят? Как мой ангел себя чувствует, и кто посмел сделать с ней такое? Как вообще могла подняться рука у кого-то на нее? Разве люди не видели свет в ее глазах, ее доброту?

Я не завидую тому, кто посмел обидеть ее. Узнаю, кто это сделал и приму меры. Пусть даже потом и отвечу за это, но никто более не обидит мое маленькое чудо.

Я выпил еще кофе.

Похоже, сегодня я нарушил все ограничения, и что— то мне подсказывает одними угрызениями совести это весьма не ограничится.

Скрипнула дверь и на кухню пришел Женя. Я впился в него взглядом. Он спокойно налил себе кофе и сел напротив меня.

— Она уснула,— сказал он.

— Что произошло? Она тебе рассказала?

— Да. Это ее отец. Напился и распустил руки. Она была дома одна, только успела лечь спать, когда он пришел. Она выбежала и пришла сюда. Потому что ей некуда было идти. Теперь она спит. Что будем делать?

Отец? Я шокирован.

— Едем к нему. Я его в порошок сотру,— ответил я. Ярость разлилась по мне, и не представлял себе смогу ли держать себя под контролем.

— Надо подумать. Она просила не...,— Женя сконфуженно замолчал.

— Просила что?

— Не трогать его.

Я непонимающе уставился на него.

— Я не буду его трогать. Я его просто убью.

— Спокойно. Я понимаю твои эмоции, но нужно подумать и прекратить пить кофе. Тебе вредно. Иди пока к ней, пригляди за ней. Ты еще и куришь? Совсем того? Иди к ней. Я пока подумаю. Ты сейчас ей нужнее. Да, скорую я на всякий случай вызвал тоже. Мало ли чего он ей там ушиб.

Последняя фраза заставила меня прийти в себя. Я с трудом встал, все во мне бушевало. Мое подсознательное «я» требовало мести за каждую ее слезу. Мне стоило огромного труда отвлечься и пойти к моему ангелу.

— Иди, иди, позову, — уговаривал меня Женя. Пришлось последовать его совету.

Лера спала тревожно. Она всхлипывала во сне, металась.

Я передел ей носки, заботливо подтолкнул одеяло. Сердце мое сжалось от нежности, глядя на нее. Какой маленькой, хрупкой и беззащитной она выглядела...

Минут через 20 приехала наконец-то скорая и мы отправились в больницу. Обследование выявило пару ушибов, незначительных синяков, ссадин. От госпитализации она отказалась, соврав врачам, мол, упала с лестницы...

Выпитое кофе не дало мне уснуть, и я остаток утра любовался моей принцессой. Мне страшно за нее. Не представляю, что она пережила, когда собственный отец бил ее.

Я понимаю, почему она рассказала Жене, и почему он вызвался выслушать ее.

У него была похожа ситуация. Еще мальчишками помню, мы бегали от его отца, у которого вовремя белой горячки слетала крыша, и он бегал за нами с заряженным ружьем. Нам было дико весело, и я лично не воспринимал его всерьез, пока однажды он не застрелил соседа дядю Мишу, пытавшего защитить нас. Женькиного отца посадили на 15 лет, мама Жени развелась с ним и вышла повторно замуж и вот тогда для семьи Смирновых наступила другая жизнь. Насколько я помню, никто из них никогда не упоминал настоящего отца. Женя считал отчима своим отцом, а о настоящем вспоминать не любил.

Меня же отец пальцем не тронул ни разу. Он уважал мое «я», но не позволял переходить установленные границы. У нас хорошие отношения в семье.

Отец всегда находит для нас время и для меня он лучший советник по любому вопросу.

Поэтому для меня сейчас произошедшее было шоком. И я понимаю, отчего Лера не сказала мне. Она боялась, я не пойму. Глупенькая моя.

Я ее не пойму? Мне кажется, я и она – две половинки одного целого. И не понять ее я не могу. Она это я.

Девушка вновь заметалась, с ее губ слетел стон. Если бы мог, то с удовольствием принял бы ее боль на себя. Я хочу помочь ей и сделаю все, что в моих силах.

Ровно в девять Женя зашел в комнату и знаком позвал за собой. Я поспешно и аккуратно встал с кровати и услышал, как девушка прошептала: «Не уходи». Я тревожно замер. Она застонала и передвинулась на то место, где лежал минуту назад я.

Я поцеловал ее руку и вышел.

– Ну что?– спросил я встревожено у Жени. Он в это время завязывал шнурки на кроссовках.

– Едем. Я Красному позвонил.

Я вздохнул. Красный или Димка Краснов был еще с нашей старой компании. В деле, в котором мы все собирались участвовать он мог помочь.

– И он согласился?

– Услышал твое имя и сразу согласился. Он помнит, что должен тебе,– пояснил Женя.

– Ты уверен?

– На все сто.

– Тебе не обязательно идти.

– Брось. Твои проблемы, мои проблемы. Так что пошли. Леха тоже с нами.

– Оксана нас убьет.

– Если узнает, – возразил мой лучший друг и улыбнулся мне знакомой улыбкой.

Мы молча вышли. Возле подъезда нас уже ждали парни. Надеюсь, мой ангел простит меня за то, что я собирался делать. Риск ехать утром на такое дело, но я боялся не быть замеченными, а того, что мой ангел проснется раньше времени.

Мы подъехали к дому. Еще достаточно темно. Меня пробрала мелкая дрожь. Давненько мы не занимались ничем подобным. Красный тем временем ловко открыл замок и уже втроем мы зашли внутрь. Красный остался снаружи. Он мог уже уйти по желанию, но остался. Не люблю пользоваться тем, что люди мне чем— то обязаны.

Отец Валерии громко храпел. Женька тихо захихикал, когда увидел его.

– Собери ее вещи, – попросил я его, и Женька отчаянно сдерживая смех, отправился искать комнату.

– Помоги, – шепнул я Лешке.

Вдвоем мы погрузили спящего отца в машину. Он тяжелый.

Женька тем временем собрал вещи и присоединился к нам. Красный ушел домой, мы поехали на дальнее озеро. Я знаю, трогать ее отца нельзя, но проучить стоило.

Мы отвезли его и, связав, оставили в лодочном домике.

– Мы вернемся чуть позже, детка, – пообещал ему Женька. Тот ответил ему могучим храпом.

Женька засмеялся. Мы с Лешкой не смогли сдержать улыбки. Но надо возвращаться. Позже мы займемся им более тщательно.

Я поехал домой, оставив парней на месте. Они остались ждать пробуждения.

Она еще спала, когда я пришел проверить ее. Быть может свежий и холодный ветер, который я принес с собой, заставил ее проснуться.

Девушка открыла глаза, и нежная улыбка озарила ее лицо. И тут она поморщилась. Разбитая губа. Мы совсем забыли про нее.

– Лежи, – попросил я и бросился за аптечкой. Лера мужественно вытерпела все процедуры с лицом. Я не позволил ей встать, она позавтракала и только после этого заговорила своим тихим и мягким голосом.

– Спасибо. Руслан, можно я побуду еще у тебя? Немного?

Оставайся навсегда! – чуть не выпалил я.

– Конечно, пока не поправишься, никуда не пойдешь, – ответил я вслух. Слабая улыбка заиграла на ее губах.

– Тогда я проведу весь день, лежа, все тело болит, – пожаловалась она.

Я взволнованно посмотрел на нее.

– Где именно болит?

– Спина.

– Давай посмотрим, – предложил я и залился краской. Девушка была в нижнем белье, и мое предложение показалось явно нескромным. Но Лера, нисколько не смущаясь, перевернулась на спину, приподняв майку. Ругая себя за замешательство, я бережно потрогал ее спину. Синяки...

Девушка перевернулась назад, и я увидел румянец на ее щеках. Это озадачило меня.

– Может, чаю? – предложил я, пытаюсь скрыть волнение.

Позже мы сидели на кухне, осторожно попивая горячий чай. Я не знал, что сказать. Меня переполняли разные эмоции. И еще я не знал, как объяснить наличие вещей девушки у меня дома.

– Вечно от меня одни проблемы, – нарушила молчание Лера, – Свалилась тебе на голову.

– Ничего ты не свалилась, мы ведь друзья, а друзья должны помогать друг другу, разве нет? – возразил я.

– Со мной лучше не дружить, одни проблемы только.

– Не говори глупости. Для меня в радость помочь тебе.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Я не лукавил, не считал, что от нее одни проблемы. Мне хотелось помочь ей и я ей помогал, хотела она того или нет.

– Ты не злишься на меня?

– Нет! – слишком горячо возразил я.

Как же она не видела насколько она дорога мне... Мне кажется, мое сердце кричало об

этом, а она не хотела слышать. Как же так? Я не знаю... Сейчас мы сидели друг напротив друга, так близко насколько это возможно, и мое сердце пело от любви к ней.

Девушка ничего не замечала. Нити от моего сердца протягивались к ее сердцу легкими серебристыми нитями, они прочнее всего на свете, они звенели вокруг.

– Это хорошо. Чем займемся сегодня? Может тебе чем—нибудь помочь?—спросила Лера.

Я задумался. Мне нужно было придумать что—то, чтобы отвлечь моего ангела. Но что? От ответа меня спас телефонный звонок. Машинально подняв трубку, я ответил:

– Внимательно.

– Наш малыш проснулся. Приезжай,—весело произнес Женя.

– Есть одно но.

– Не с кем оставить? Я уже подумал об этом, Рыжик должна подъехать к тебе с минуты на минуту. Так что давай. Утюг не забудь, — рассмеялся на последней фразе Женя и положил трубку.

Теперь уже в дверь настойчиво позвонили. Лера вопросительно посмотрела на меня. Я извиняюще улыбнулся и пошел открывать дверь. Оксана в явно плохом и недружелюбном настроении.

Представляя, что нас потом всех ожидает, я горестно вздохнул и пропустил ее в квартиру.

– Привет!—поздоровалась мягко Оксана. Видимо Женя уже предупредил ее на счет вида моего ангела, потому что реакции не было. Спасибо им обоим за это. Я заметил, как Валерия принялась завешивать лицо волосами, очевидно вспомнив про синяки.

– Ладно, девчонки, мне нужно отъехать, я ненадолго, ведите себя хорошо,—сказал я и отступил назад.

– Моему мужу привет, — холодно протянула Оксана. Я внутренне сжался. Бедные мы потом будем.

– Хорошо, я ушел.

– Возвращайся скорее, — ответила Лера и смущено улыбнулась. Сердце мое запело, и я поспешно вышел.

На улице холодно. Я поежился и быстренько сел в машину. Печка заработала, и стало теплее.

Пока ехал к озеру, в голове теснились разные мысли. Отчего—то мне стало страшно. Страшно из—за того, что я мог потерять свое маленькое чудо. Страшно даже подумать об этом. Чтобы тогда было бы со мной?! Желание защитить ее, оградить от всех и всего, стало настолько сильным, что я вцепился в руль. Хотелось быстрее покончить со всем этим и вернуться вновь под очарование ее глаз. Большого счастья мне не нужно.

Я подъехал к домику, Женя встретил меня возле крыльца, он курил. Увидев меня, его лицо довольно усмехнулось.

– Мы уж заждались тебя. И не удержались. Дали ему пару затрещин. Хорошо же, что начинаются у тебя отношения с тестем, — хихикнул Женя.

Я растеряно улыбнулся. Пахло сыростью и затхлостью, промозглым сентябрем.

Мы прошли в дом. Отец Валерии сидел на стуле, плотно привязанный. Рядом сидел Лешка и поигрывал ножиком. Я подавил улыбку. Парни здорово постарались, пытаюсь напугать его, вон как глаза вылупил. Если дело всплывет, нас ждут проблемы.

– Что дядя добегался?—спросил Женя у него. «Дядя» со страхом уставился на него.

– Еще раз ты позволишь себе дотронуться до любой особы женского пола, можешь поминки себе заказывать. Место мы тебе уже подготовили, – произнес я.

Я стоял напротив него. И мне очень захотелось наподдать ему хорошенько. Но она просила... это меня и сдерживало.

– Я ничего не делал, парни вы чего?– жалобно проскулил он.

– Ты уже все испортил, когда родился, – заметил Женя.

Тот вновь уставился на него со страхом. Интересно, что они тут делали с ним, раз он больше боится Женьку?

– Ладно, заканчивайте с ним, – проговорил Лешка, – Я есть хочу, этот урод лишил меня и завтрака и обеда, ужин я ему точно не прощу.

– Да что я сделал?!– закричал виновник.

Я максимально близко приблизил свое лицо к его и четко по слогам проговорил:

– Еще раз ты хоть посмотришь в сторону своей дочери, я тебя убью. Понятно? Одно неверное движение в ее сторону и ты будешь до конца дней есть через трубочку, если сможешь, я понятно объясняю?

Он судорожно кивнул. Как же он мне противен.

– Надеюсь, наш разговор останется нашим маленьким секретом,– добавил я, – развяжи его, пусть катится, – сказал я уже Леше.

Леша с явной неохотой разрезал веревки. Втроем мы проводили его нехорошими взглядами. Потом поехали домой, по пути обдав последнего водой из лужи. Он был таким жалким в этот момент.

– Твоя фраза про кладбище была такой крутой, – протянул Женька и ткнул локтем меня под бок.

– А мне понравилось больше про трубочку, где ты нахватался такой пошлости?– смеясь, спросил Лешка.

Я улыбнулся друзьям. Какие же они у меня замечательные. Когда показался город, я сбавил скорость и попросил Женю сесть за руль.

Мне нездоровилось. Перед глазами замелькали красные точки. Парням я ничего не сказал, не хотел их пугать. Просто расслабился и закрыл глаза.

– Около цветочного притормози, – попросил я.

На свежем воздухе мне полегчало. Немного. Мы зашли в магазин.

– Что мы тут делаем?– спросил Женя, с интересом поглядывая на молоденькую продавщицу.

– Пытаемся оградить себя от рыжей бестии,– ответил с улыбкой. Тут же перед глазами появились предательские точки.

– Мне, пожалуйста, два букета, вот этот и тот в красном, – обратился я к продавщице, усиленно строящей глазки моему другу. Девушка охотно и вежливо улыбнулась мне и подошла к цветам. Мой выбор пал на лилии, одни бледно— розовые, а другие нежно персикового цвета. Первый для Оксаны, второй для моего ангела.

Лешка очухался и проверил содержимое кошелька.

– Ты не одолжишь мне пару сотен? Если я заявлюсь без букета, Рыжик меня съест, – попросил Лешка.

Я с улыбкой протянул ему кошелек.

– Мне два букета роз, пожалуйста. Одинаковые. По семь штук,– протянул Лешка.

– Тогда и мне. Три. Давайте, милая девушка орхидеи. Гулять так гулять, – заявил Женя.

Мы с Лешкой переглянулись. Наш Женя как всегда ведет себя непредсказуемо.

Девушки встретили нас радостно. Они были изумлены таким количеством цветов от нас. И поэтому буря пока откладывалась. И при виде моего ангела Боль отступила. А еще говорят, ангелов не бывает.

– Мальчики идите за стол!– позвала из кухни довольная Оксана.

– О, нас еще и накормят. Клево, – обрадовался Лешка и побежал мыть руки.

Я бы на его месте не радовался, опыт прошлых ошибок говорил о том, что инквизиция в лице Оксаны свое получит.

Лера стояла немного растерянная с охапкой цветов.

– Что— то не так?

Она улыбнулась и посмотрела на меня.

– Мне никогда не дарили столько цветов. Мне вообще их никогда не дарили. Смешно, правда?

– Я буду дарить тебе их каждый день, если тебе это нравится.

– А тебе понравится дарить мне их каждый день?

– Да, – коротко ответил я и подошел к девушке ближе. Я хотел взять у нее цветы и поставить в вазу, как наши руки случайно соприкоснулись. Снова этот электрический разряд между нами. Я начинаю привыкать к нему.

– Ну, Руслан, Лера! Марш за стол!

Я смущенно забрал цветы и поставил их наконец— то в вазу. Вдвоем мы присоединились к остальной компании, и вечер прошел незаметно. Женя остался ночевать у меня, хотя порывался уйти, но остался. С загадочной ухмылкой, он продефилировал в комнату для гостей.

Мы с Лерой переглянулись.

– Он всегда такой?

– В большинстве случаев. Не обращай особого внимания.

– Где я буду спать?

Она так неожиданно спросила, что я в первую секунду не смог произнести ни слова.

– Там где и сегодня. А что? Тебе не нравится?

– Нравится. Спасибо. Просто я подумала, что неудобно, я заняла твою кровать.

– Брось, это мелочи. Мне будет удобно и на диване.

Девушка пожала плечами. И вольготно раскинулась на кровати. Она так мило выглядела, что у меня захватило дух.

– Кстати, откуда взялись у тебя дома мои вещи с дома?

Вопрос вновь застал меня врасплох. Я не придумал ответа заранее и теперь лихорадочно пытался сообразить ответ.

– Э, я заехал к тебе и собрал их.

Глупее ничего не слышал.

– И мой дом был открыт?

Какой у нее нехороший тон голоса. Я набрал побольше воздуха.

– Ну да. Я сам был удивлен этому.

– А где был мой отец?

– Спал. Я прошел совсем тихо и его не трогал, как ты просила.

– Хорошо. Спасибо, – Девушка расслабилась. Я потянулся на диване.

– Выключай свет, пора спать, – произнес я. Лера мне нежно улыбнулась и потянулась к ночнику. Свет погас.

– Спокойной ночи!– прокричал в соседней комнате Женька, и мы хором прокричали ему в ответ:

– Спи сладко!

Честно на диване было жутко неудобно. Какой— то он не мягкий.

– Ты спишь?– спросила шепотом девушка.

– Нет. А что?– шепнул я.

–Перебирайся сюда, тут места хватит. Тебе же там неудобно.

Какой сладкий у нее шепот... Слышно, как в тишине бьется мое сердце. Громко, стремясь покинуть грудную клетку. Я не смогу!

– Я пинаюсь во сне, – протянул я.

– Я тоже, – смеясь, ответила Лера, – Иди, только одеяло захвати.

Я с поспешностью встал с дивана и на ощупь пробрался к девушке. Как все— таки приятно спать на своей кровати, тем более в такой приятной компании.

– Теперь тебе лучше?– шепнула совсем рядом Лера. Я счастлив. Мне совсем хорошо, так хорошо мне только с ней. После прошедшей ночи я и не мог представить, что этот момент вновь повториться. Так не бывает. Не бывает. Я лежал, отчаянно пытаюсь справиться с волнением. Что меня волновало? Присутствие самой необыкновенной девушки для меня, собственные мысли, чувства...

– Вполне. А тебе?– я старался скрыть дрожь в голосе, но это плохо мне удавалось. Голос все равно дрожал. И если это не любовь, то, что же?

– Тоже. Спокойной ночи, Руслан.

– Я не позволю никому обидеть тебя. Спокойной ночи, Валерия.

Я почувствовал ее легкое прикосновение к своей руке. В ответ я нашел ее руку и тихонько сжал. Мой ангел погрузился в страну снов. Надеюсь, мы встретимся там...

Утро наступило для меня вместе со звонком будильника. Я проснулся и сначала не понял происходящее. Мы лежали, крепко обняв друг друга. Ее голова покоилась на моей груди, а мои руки прижимали ее ко мне. Я ошарашено пытался собрать мысли в кучу, но плохо получалось.

Я мягко освободился от объятий, чего мне совершенно не хотелось. Но работа есть работа. Понедельник. Похоже, если я буду просыпаться так каждый понедельник, я их полюблю. Честное слово.

Женька еще спал. Я весьма грубо стащил с него одеяло. Он заворчал:

– Лер, я уже проснулся.

– Вставай, – пропел я. Женька тут же открыл глаза.

– Дурак, напугал, встаю я, встаю, – пролепетал Женька и вновь закрыл глаза.

Пришлось пойти на крайние меры. Я вернулся на кухню и взял с холодильника ломтики льда. И очень осторожно стянув с друга одеяло, аккуратно положил лед ему на голую грудь.

– А, – закричал Женька, яростно подпрыгивая. Я захохотал, глядя на него.

– Беги, – предупредил друг, и я поспешно ретировался. Вслед мне что— то полетело, но я подпер плечом дверь, разгневанный и требующий мести Женька пытался открыть дверь. Но не тут— то было. Мы хоть с ним и были примерно одинакового телосложения. Сражение было недолгим. В итоге мы оба вымокли до нитки...

На работе мы продолжили дурачиться, чем несказанно удивили Оленьку. Она давно не

видела, по крайней мере, меня в таком взбудораженном состоянии.

На обеде я позвонил Лере. Она, судя по всему, прибывала в хорошем расположении духа. Мы мило поболтали полчаса и, пообещав скоро приехать, я вернулся к работе. День выдался трудным, правда, я практически не замечал этого. Для меня время тянулось. И не имело ровно никакого значения. Я мечтал оказаться вновь рядом с единственной на свете.

Странно, живешь себе 25 лет, с кем— то засыпаешь, думаешь, влюблен. Пока однажды по— настоящему влюбляешься. И вся жизнь наполняется смыслом. Понятным смыслом. Видишь жизнь по— другому, когда любимый человек спит на твоём плече и ваше дыхание, равно как и сердцебиение становятся синхронными. Разве это не прекрасно?

— Эй, Ромео, трубкуними.

Женька. Я и не заметил, как он оказался рядом.

— У тебя такое глупое выражение лица. Ты мне ничего не хочешь рассказать? Мой друг загадочно улыбнулся.

— Ты о чем?— не понимая его намеков, переспросил я.— Прекрати лыбиться и объясни.

— Я про ночь, — Женька подмигнул.

— Какую ночь? Совсем того?

— Мне ты можешь рассказать. Я никому ничего не скажу.

— Я не понимаю о чем ты.

— Ладно, для туго соображающих объясню, между вами сегодня что—нибудь было?

До меня медленно дошел смысл его слов. Какая глупость.

— Если ты еще раз спросишь меня о чем— то подобном, будешь ночевать дома.

— Значит, нет. Так бы и сказал.

— Тебе— то что?

— Просто интересно, как мой лучший друг становится добровольным мучеником.

Неужели она так нравится тебе?

— Я ее люблю. И хватит действовать мне на мозги.

— Я так и знал. Боюсь, тебя ждут проблемы. Мне снились такие сны, что закачаешься.

— Со своими проблемами я как—нибудь разберусь, и я подозреваю, что это за сны, — грубо ответил я. Улыбка медленно сползла с лица Жени.

— Я не буду отвечать тебе грубостью на грубость. Буду умней и просто уйду. Но знай, тебя я предупредил, — ответил с грустью друг и громко хлопнул дверью. Я огорченно вздохнул. Он простит. Я не хотел обижать его, но порой он слишком беспардонен.

Девушка радостно встретила меня. Я принес ей букет цветов и пирожные. Я скучал целый день по ней и вот мой ангел стоит передо мной. Может, вот оно счастье?

Я не знаю ее чувств, но в любом случае уверен мои чувства еще, ни к кому не были столь искреннее и полны. Это не просто интерес, нет. Я полюбил в ней все. Изгиб губ, нежность голоса, забавное выражение лица, когда она сердится, когда улыбается, когда задумывается... все. Я бы хотел знать, о чем она мечтает, что чувствует... Я, хочу, чтобы она почувствовала мою любовь.

Я хочу быть с ней. И она со мной. Каждый день...

*Но я смиряюсь, я не смею
Ни в чем нарушить твой покой.
В твоих очах – душа живая,
Страшусь, надеюсь и молчу;
Что ж я свою любовь скрываю?
Я слез любимой не хочу!
Я не скажу тебе ни слова,
Ты знаешь – я огнем объят;
Твердить ли мне о страсти снова,
Чтоб рай твой превратился в ад?*

К.С.М.Г

Руслан

Недавно мы вернулись с ежедневной прогулки и сейчас отогревались. Синяки и ссадины на лице Леры почти прошли, поэтому я и вытащил ее на прогулку спустя неделю.

Эта неделя необычно проходила для нас обоих, и я с каждым днем понимал, что не смогу жить как раньше жил до появления моего ангела.

Кажется, мы с ней с рождения были вместе, с начала времен наши частицы плавали тогда еще в воде и мы вместе выходили на берег, вместе эволюционировали, жили в эпоху динозавров, были первыми людьми на земле.

Я могу поклясться, что это нас создал Бог, вернее меня, а она спустилась ко мне с небес не в качестве падшего ангела, а потому что полюбила меня.

Глупо сопротивляться своим чувствам, тем более я их не высказывал и не навязывал.

Лера еще не ходила на работу, и мы целые дни проводили вместе, забыв про все.

Женя обижался, постоянно умудрялся задеть девушку.

Я пытался поговорить с ним и мои разговоры и просьбы привели только к одному, теперь он старался задеть ее без моего присутствия.

– О чем ты думаешь? – спросила девушка, держа кружку возле губ.

– Так просто задумался о жизни.

– У тебя странный вид. Может, не стоит пить тебе кофе?

Я усмехнулся.

– Думаешь, это кофе влияет на меня?

– Полагаю, что да.

– Ошибаешься. Кофе тут не причем.

– Тогда что?

Лера задала вопрос с нажимом. Я не мог ей ответить правду.

– Не обращай внимания.

Я счастлив. Как это объяснить? Увы, не знаю. Странное чувство. Будто шарик воздушный. Никогда не подозревал, что так бывает. Хотя если бы знал, может, не был так счастлив. Кто сможет ответить на этот вопрос? Не я точно.

Мне 25 лет. Меня зовут Руслан Королев, и я влюблен. Кому скажешь, не поверят.

В жизни конечно у меня были романы, были девушки, которых любил я, которые любили меня.

Но, ни одна из них не сравнится с той, что сидит напротив, с оставшейся пенкой от кофе на нежных губах... С той, которой я бы хотел прожить вечность... С той, которая, не моя...

Я бы хотел однажды прочитать в ее серо— голубых глазах что— то похожее на любовь, что— то другое, а не признательность и благодарность.

Она думает, что обязана мне, а все наоборот я ей обязан. По крайней мере, тем, что хочу жить. Ради нее.

Если бы я мог открыть ей свою душу, когда сердце мое принадлежит ей.

Если бы я посмел нарушить покой ее сердца робким поцелуем своей души.

Если бы мне хватило смелости остаться с ней искренним до конца и больше не врать.

Сейчас ей нужен друг, понимающий и надежный, любовные дела ей сейчас не нужны.

Ее сердце ранено, я уверен, мог бы залечить его не дружбой, а любовью, настолько поглощающей и сильной, ограждающей от всего.

Я хочу показать ей мир, открыв ей глаза истинным своим чувством, в котором не сомневаюсь. Можно бесконечно спорить об искренности, но в любви к ней я уверен на все сто. В этом даже нет сомнений.

— Я пошла в ванную. Выйду, будешь учить меня танцевать,— заявила Лера и, вытерев салфеткой губы, побежала в ванную.

Я хихикнул. Три дня назад я ляпнул, что умею танцевать вальс. Девушка сразу же зажглась и теперь за мой ляп страдали мои ноги. Мне нравилось учить ее, но ноги не совсем поддерживали меня.

Прошло полчаса, я успел вымыть посуду, когда вернулась она с распущенными волосами. Следующие полчаса мы их дружно расчесывали и сушили. Подавив в себе острое желание, уткнувшись в них лицом, я заплел ей вполне приличную косу.

Ноги в этот раз мои не сильно пострадали. Девушка делала успехи.

— Ты гордишься мной?

— Конечно. Ты умничка, — похвалил я ее. Девушка зарделась.

— Спасибо, у меня хороший учитель.

— Не льсти.

— И не думаю.

Девушка серьезно взглянула на меня, и я чуть не обнял ее. Надо держать себя в руках. Уже в который раз напоминаю это себе. И с каждым днем мне меньше всего это удается.

Когда меня видели последний раз дома? Месяц назад? Родители звонили несколько раз, звали приехать домой.

Я жил отдельно от них лет пять где— то, стремился к отдельной жизни и пока был всем доволен.

Старался навещать их почаще, иногда жил по три дня, дабы сделать приятное маме.

Я для нее самый трудный ребенок по причинам, о которых лучше умолчать.

Купив квартиру, я занялся переустройством. От природы, а быть может от родителей я обладаю вкусом, Женька обзывает меня занудой. Я аккуратен, надеюсь, хорошо воспитан, и поэтому иногда мои привычки действительно несколько занудны.

В отличие от Жени мало уделяющему внимание дому, а больше своему внешнему виду, я стремлюсь во всем поддерживать порядок. Но рубашки я глажу сам, а Жене мама. Но это

не является причиной, от чего он постоянно околачивается у меня.

Правда, у меня возникли некоторые идеи по поводу переустройства комнаты для гостей. Я хотел переделать ее для своего маленького чуда. Не можем мы ведь ночевать все время вместе. Я не выдержу. Осталось только спросить мнение самой девушки.

– Может, чаю и пойдём спать?— предложила она. Я держал ее руку, какая она хрупкая и нежная...

Я с радостью согласился. Пока чай грелся, я пошел в ванную, быстренько сполоснулся, чтобы не заставлять девушку ждать.

– Ты на черта похож с такой прической, – хихикнула Лера.

Я озадаченно посмотрел на себя в зеркало. Да... Видок еще тот...

– Но я ведь весьма симпатичный черт, да?

– Да. Тебе идет, – согласилась девушка и зарделась. Мне стало интересно, что ее смутило. И ответа не нашел.

Завтра нам было обоим на работу, больничный заканчивался. Поэтому мы допили чай и отправились спать.

Я всю ночь не сомкнул глаз, любуясь ей. Лера абсолютно доверчиво расположилась рядом со мной, и я позволял себе робко касаться ее лица, длинных волос. Сердце мое пело. Я никогда еще не ощущал себя уязвимым перед ней и сильным перед миром. Мне хотелось оградить ее от этого мира, я, увы, знал этот мир с не лучшей его стороны, и, по моему глубокому убеждению, я не достоин ее. Девушка слишком хороша для меня... и все же я хотел быть с ней. Я не надеялся, что мои чувства взаимны, мы дружили и пусть будет так, лишь бы видеть ее рядом. Большого мне не надо. Я вполне счастлив тем, что она считает меня своим другом, своим лучшим другом, она доверяет мне как никому другому... сейчас я не хочу начала дня. Придется ее будить, а она так мила и ее сон крепок. Ее рука обняла меня, и хотелось надеяться, это не случайно.

В окно медленно влезал рассвет, портя мне настроение. Не хочу делить мою милую с миром. Скоро она проснется, потянется, улыбка озарит ее личико и она, после того как я накормлю ее завтраком, уйдет на работу.

Целый день она будет жутко занята, прибежит на обед и только вечером она вновь будет со мной. И так вот уже две недели...

Я забираю теперь ее с работы каждый день, отвожу ко мне. Ну вот... Проснулась. Признаюсь, рад видеть ее смущение, взглянув на то, как близко мы лежали.

– Доброе утро, – промурлыкала она. Похоже, она не замечает, как меня бросает в дрожь при тембре ее голоса.

– Доброе утро. Ты ужасно храпишь.

Краска залила ее лицо, и я еле удержался от того, чтобы не поцеловать ее.

– Я не храплю. Сам ты храпишь.

Вроде обиделась. Глупенькая моя девочка, прости меня.

– Еще как! Запишу как—нибудь. Ладно, вставай, я пока сварганю завтрак. Что будешь?

– Твой язык, – обиженно произнесла она.

Я на секунду представил себе ее поцелуй и еле отогнал это ощущение. Хорошо, она не подозревает о моих мыслях. Краска предательски залила лицо. Лера же, как впрочем, и всегда неправильно поняла выражение моего лица.

– Стыдно стало? То—то же,— она потянулась, обнажив полоску идеального плоского животика.

Я взлохматил ей волосы и быстро покинул комнату. Подальше от соблазна. Женька издевательски называл меня святым мучеником. Он бы точно не стал вести себя как я.

Чем же накормить мою единственную? Женька еще смеется надо мной, называя меня нянькой. Ну и что с того? Мне нравится заботиться о ней. Я хочу, чтобы она была счастливой.

Я варил кашу, когда Лера показалась на кухне.

– Садитесь, Ваше Величество.

Она улыбнулась и робко села на стул.

– Ты знаешь, это неправильно, что ты постоянно кормишь меня.

– Почему?

– Ну, я же женщина, это моя обязанность кормить тебя как мужчину, а у нас все наоборот.

Эта фраза вызвала у меня улыбку. Я не забыл еще, как однажды она накормила меня, три дня болел живот. С тех пор к готовке я ее не подпускал, хотя не скажу, что она не умела готовить, просто не хотела особо. Напротив я любил процесс готовки, тем более мог же хоть чем отблагодарить ее за то, что проводила время со мной?!

– Не думаю, что стоит рисковать так моим желудком,— сказал я вслух. Она зарделась, по — видимому, вспомнив мои мучения.

– Подумаешь, — добавила Лера, — Что будем делать сегодня вечером?

– Пойдем в кино, если хочешь, — предложил я. Через три дня мне нужно было уехать и меня предстоящая разлука пугала.

– Пойдем. Только фильм выбираю я.

Наверняка выберет что — нибудь этакое слезливое.

– Хорошо, — мне ничего другого не оставалось, как согласиться, тем более ей всегда удавалось уговорить меня.

– Ешь давай. Я пойду переоденусь.

Я вышел. Когда вернулся, она пила кофе.

– Спасибо, было очень вкусно.

– Я рад, что тебе понравилось. Обещаю в следующий раз, готовишь ты,— сказал я и пожалел об этом. Но если готовка для меня доставит ей радость, потерплю.

Радостная улыбка как луч солнца озарила ее лицо, и мое сердце защемило от внезапно нахлынувшей нежности к ней.

– Ты готова? Пора на работу.

Через десять минут мы были уже в машине.

– Смотри, береги себя. Освободишься, позвони, я приеду, заберу тебя,— сказал я, подъехав к стоянке. Вышел и открыл ей дверь. Девушку поначалу пугали мои, как она говорила аристократические привычки, теперь она привыкла. Она еще не успела уйти, а мне уже стало одиноко.

– Не скучай! — лукаво ответила она и на прощание чмокнула меня в щеку. Я едва не пропустил этот волшебный первый раз ее прикосновения ко мне. И стою не в силах пошевелиться. Интересно, есть ли на свете еще такие идиоты как я?

День прошел на удивление быстро, вопреки моему сомнению. И вот я сидел в машине и ждал. Женька уговаривал меня сегодня посмотреть футбол.

Наконец Лера вышла, весело болтая с каким — то парнем. Внутри зашевелилось какое — то странное существо, и я сдержался, чтобы не выскочить из машины. Они мило

попрощались. И о чем интересно можно было с ним говорить? По— моему он сильно смахивает на тугодума и выражение лица у него довольно глупое. Она еще на прощанье помахала ему рукой.

Существо рвалось наружу. Может из— за него я довольно грубо поздоровался с ней.

Ревность – глупое чувство, тем более я для нее друг. Ужасное слово— друг. Меня в данный момент оно не устраивало.

Правда, девушка заметила мое недовольство, когда я резко нажал на газ. Мне стало стыдно. И чего я завелся?

Она не моя девушка и какое я имею право решать с кем общаться? Хотя признаюсь, мне бы этого хотелось. До встречи с ней я не был так резок в отношениях с девушками. Никого я не ревновал с такой силой, кроме нее. Ни к кому я не испытывал таких взрывоопасных чувств и никогда еще не чувствовал себя глупо.

Я остановился возле кинотеатра. Лера выглядела растерянной, она не понимала моего поведения.

Я, молча, вышел, ругая себя. Она, не дождавшись моей помощи, вышла из машины сама, я протянул ей руку и в этот момент понял, меня простили.

Фильм был глупым как я и ожидал. Ничего интересного. Почти все время я провел между желанием угодить ей и закрыть глаза и вздремнуть. Смысла и тем более названия не запомнил.

В темноте соблазн прикоснуться к ней был гораздо сильнее. Надеюсь, она не заметила моего волнения. Вместо того, чтобы попытаться понять фильм, я смотрел на нее. Ее глаза странно блестели, только потом понял, она плакала. А я так и не понял всей трагедии.

Сказать об этом постеснялся. Она бы не обиделась, знаю. Но обозвала бы меня бесчувственным, кем я не являлся. Я тоже плачу над фильмами, над книгами, если они мне западают в душу. Но тут западать особо было не чему. Женя все это время слал мне смски насмешливого содержания. Я с ней рядом, это важнее.

После выхода из кинотеатра, предложил ей немного пройтись и пожалел об этом. Лера хотела обсудить фильм. Черт. Как он хотя бы назывался?!

– Я бы тоже поступила как главная героиня.

Интересно, что же сделала эта дурочка?

– Угу.

– А что бы ты сделал?

Не задавал бы вопросов и посмотрел все— таки фильм сначала.

– Примерно тоже самое.

– А если бы не было бы другого варианта, ты бы смог как главный герой?

Там были еще герои? Вот это номер.

– Я бы придумал свой.

Отмазался.

– Он поступил не совсем как надо. Я бы так не поступила. Это жестоко.

Что же он интересно натворил?

– Я бы тоже.

– Правда?

– Конечно. Поехали домой, я тебя чаем напою.

– Я останусь?– спросила Лера как бы невзначай.

Да! Да! Да!

– Твоя мама скоро убьет меня. Я тебя отвезу домой.

После того происшествия с ее отцом, Лера через две недели вернулась домой. Отец вел себя подчеркнуто вежливо и старался как можно реже быть дома. Теперь она— то жила у меня, то там.

Я старался избежать лишних сплетен, поэтому частенько отвозил ее домой. Мне наплевать на то, что говорят обо мне, но про нее я не хотел слышать ничего плохого.

Она расстроилась. Может, для нее это тоже что—нибудь значит? Могу я надеяться?

Все может быть.

Я отвез девушку домой. Мое чудо посмотрело на меня из—за полуопущенных ресниц, и сердце замерло от восторга.

– Приезжай скорее. Я уже скучаю, – она сказала эту фразу быстро и пулей вылетела из машины.

– Я тоже. Люблю тебя, – прошептал ей вслед и отправился домой.

Прошло три дня, и я сильно соскучился, и торопился домой, к ней. Важно было для меня только одно – увидеть ее, поговорить с ней, заглянуть в ее мягкие и кроткие глаза и окунуться в них с головой.

Мы не общались три дня, и они мне показались вечностью.

Я не мог говорить с ней, иначе сорвался и поехал бы к ней. Приходилось держаться.

Я попросил присмотреть за Лерой Женьку. Он фыркнул на мою просьбу. Но все—таки выполнил ее. С ней все в порядке.

Это добавило мне сил и позволило держаться от телефона и соблазна позвонить ей.

Перед тем, как уехать, я послал ей сообщение: «Береги себя».

Она ответила: «Ты тоже. Я уже скучаю».

Эти две фразы заставили мое сердце биться еще учащеннее. Она уже скучает! Может все—таки я больше для нее, чем просто друг?

Подъезжая к дому, увидел свет в своей квартире. Женька, наверно решил дожидаться меня, хорошо, когда тебя ждут.

Я не спеша поднялся на пятый этаж, открыл дверь, в коридоре было тепло, и на двери висел листок бумаги: «Слава Богу, ты пришел!!!».

Лера, кто еще мог ждать меня? Кому я бы еще нужен?

Пройдя осторожно, я увидел ее, спящую на диване. Она так хрупка, такая маленькая... Я улыбнулся, самый счастливый человек на свете. У меня есть она. Я готов на все ради нее...

Затаив дыхание смотрел на нее, когда Лера вдруг открыла свои глаза. Нежная улыбка озарила ее лицо.

– Ты вернулся? Я рада!

Она потянулась ко мне и обняла. Сердце мое сделало сальто. Я раскрыл свои объятия для нее и с силой прижал к себе. Данное действие я произвел не как друг, а как любящий человек. Когда мне можно будет не скрывать свои чувства, открыть ей их, не боясь ее ответа?

– Я скучала, – прошептала сладким голосом Лера.

– Я тоже.

– Ты не сердись, что я дома у тебя? Я воспользовалась твоими ключами.

Я рад. Кстати, набор ключей от моей квартиры я дал ей еще давно, наконец, она и воспользовалась ими.

– С ума сошла? Молодец. Я тебе подарок привез.

Девушка подняла на меня свои прекрасные глаза.

– А что? – пролепетала она.

– Там в коридоре, в сумке посмотри.

Я не успел договорить, как девушка с готовностью и резвостью отстранилась от меня и побежала в коридор.

И тут до меня дошло. В сумке лежал не только подарок, а еще вещи, которые знать моему ангелу не обязательно. Я поспешил за ней и успел как раз вовремя.

Девушка сосредоточенно перебирала яркие коробочки, пытаясь прочесть название, увидев меня, она смущенно опустила глаза.

– Это не твой подарок. Вот он.

Я нагнулся и проворно вытащил из сумки пакет.

– Спасибо, – прошептала она и заглянула внутрь.

– Ух ты, – прошептала девушка и взглянула на меня с восхищением, меня порадовали ее эмоции.

Очаровательный белый заяц стоил их.

– Мне никогда не дарили подарков, – пролетала девушка.

– Теперь будут дарить. Если ты не против.

Лера загадочно улыбнулась. Я отчаянно скучал по ней и подойдя к ней, обнял. Девушка доверчиво обвила мне шею руками и глубоко вздохнула. Чем был обусловлен ее вздох? Хотелось бы знать это, как и то, что она всегда будет со мной и никогда не исчезнет. Испытывала ли девушка хоть каплю того сумасбродного чувства, бурлящего во мне? Есть ли надежда?

Глава 11. Странный парень

Лера

Впервые я увидела Руслана еще весной. Я как раз устроилась на работу, на должность секретаря в местной администрации.

Он каждое утро бегал по парку, я шла на работу.

Каждый день он довольно равнодушно пробежал мимо.

Мне Руслан понравился сразу. Есть в нем что— то такое притягательное, таинственное...

Потом я узнала, как его зовут, и мои мечты сразу лопнули как мыльный пузырь.

Богатенький мальчик из хорошей семьи.

За ним девчонки начали бегать еще до его рождения. И к вниманию женского пола он явно привык. Не думаю, что я заслуживала его внимания. Кто я?

За ним такие королевы бегают, а я совсем обычная.

Поэтому я и нацепила это зеленое платье, надеюсь, он заметит. И угораздило же меня грохнуться прямо у него на глазах, еще на колени! А он подошел и помог. Я и не ожидала. Он подошел. С ума сойти.

Руслан оказался совсем другим, не таким, каким мне его нарисовали знакомые девчонки по работе.

Мы с ним подружились и понимали друг друга без слов. Такого понимающего друга как Руслан у меня не было.

Это довольно необычно. Почему?

Все удивлялись нашей дружбе, подозревая что- то другое.

Увы...

Иногда у меня возникали странные желания на счет Руслана, особенно когда он находился слишком близко.

Он всегда рядом, чтобы не случилось. Мои отношения с семьей испортились, и я всегда знала, что могу рассчитывать на его помощь.

Мне стыдно признаться ему, но я уверена, он бы понял.

Мне действительно тяжело жилось дома, если его так можно назвать. Отец выпивал и распускал руки на меня и на маму. Я единственный ребенок в их странном и вынужденном браке.

Стало легче, когда уехала на учебу, познакомилась с парнем Кириллом, которого потом застучала со своей лучшей подругой.

Пять лет пролетели незаметно, и мне пришлось возвращаться. В родной и милый дом, где меня не ждали.

Снова эти бесконечные скандалы, не скажу, что по ним скучала. Снова эта пугающая пустота внутри.

И вокруг никого.

Это сложно объяснить, то состояние беспомощности, какой-то утраты, злые слезы, которые душат в прямом смысле этого слова.

Плач в подушку по ночам, мамины потухшие любимые глаза... Попытки поговорить с ней, снова ссоры, уговоры и снова все по кругу.

У меня нет здесь друзей, и когда я познакомилась с Русланом, то стала абсолютно

счастлива.

Мне некуда идти, кроме него и я нисколько не жалею, что пришла к нему в тот злополучный вечер, как продолжаю приходить к нему каждый день.

Руслан для меня важен. И я настолько привыкла к нему, что не представляю свою жизнь без него.

Вот сейчас я пришла к нему домой вечером и наблюдала сквозь полуопущенные ресницы, как он готовит ужин. У него здорово выходило. Он вообще во всем был аккуратист.

– Ну, то ты мне сегодня расскажешь?

– Ай, – я отмахнулась.

– Есть хочешь?

– Еще бы! Руслан, у меня есть к тебе просьба.

– Выкладывай.

Он деловито и очень аккуратно резал хлеб.

– Можно я у тебя сегодня останусь? – робко спросила я. Руслан с тревогой посмотрел на меня. Мои глаза непроизвольно наполнились слезами.

– Все так плохо?

Я кивнула. Конечно, после того вечера, как я впервые оказалась у Руслана стало намного легче. Но возвращаться домой противно. Тем более я знаю, Руслан согласится на все, если попрошу. Откуда? Знаю и все.

– Без вопросов.

– Спасибо. Мне некуда больше пойти.

– Когда-нибудь я разобью твоему отцу голову, и пусть меня посадят, я все— таки скоро решу. Мой руки.

Довольная побежала в ванную. Пахло изумительно. У меня как всегда побежали слюнки. У Руслана определено талант и среди всех его талантов этот нравился мне больше всего.

– Открой дверь, счас Женька придет, пожалуйста, у меня руки заняты, – крикнул с кухни Руслан.

Я нахмурилась. Лучшего друга Руслана я не переваривала, впрочем, он платил мне тем же, не смотря на то, что ему я доверила свою тайну. Прозвенел звонок. Я пошла открывать дверь.

На пороге стоял Женя.

Странный парень. Про него ходило много чего интересного и неприличного.

Эти противные глаза вечно смотрят с издевкой, губы в кривой ухмылке, понимаю, красивый парень может себя так вести, но не постоянно же.

Увидев меня, его лицо вновь скривилось. Я тоже не рада его появлению. Но, по крайней мере, я поздоровалась, а он просто прошел мимо, словно меня не было и в помине. К сожаленью, я догадывалась о причине его поведения. Он считал меня недостойной, не только Руслана, но и жизни вообще. Он откровенно меня презирал, и скрывал это только при Руслане. Павлин.

Я поспешно сполоснула руки и пошла на кухню. Мне нравилось дома у Руслана, везде порядок и гармония. И как только у него хватало на все это времени? Мне лень.

В квартире три комнаты: спальня, зал и комната для гостей, в которой обитала я.

Руслан даже специально делал там ремонт.

Я ему пыталась помочь, но от меня мало току, пару раз я приклеила к обоям свои

волосы, потом случайно поскользнулась на разлитом мною собственноручно клею и заработала шишку, после этого Руслан решительно отстранил меня от процесса работы.

А зря. Я же старалась помочь от чистого сердца, а он справился без меня и сделал все очень красиво, все как я хотела. Обои нежного цвета, абсолютно белая мебель: кровать, с белым балахоном, комод, небольшая тумбочка, шкаф- купе с большим зеркалом, по потолку маленькие лампочки в виде звездочек.

Когда я впервые увидела эту комнату и поняла, что это все только для меня, я была в шоке. Руслан лукаво улыбнулся и шепотом спросил:

– Нравится?

– Это мечта...

Я не могла оторвать глаз и порывисто обняла его за шею. Бедный парень и не ожидал от меня такой прыти. Он нервно хихикнул и мягко освободился от моих объятий.

Я перевезла к нему почти все свои вещи и обожала свою новую комнату. И мне все равно, что про нас уже говорили по городу.

– Лера, садись, давай,– вырвал меня из воспоминаний Руслан. Женя сидел напротив меня, с явно недовольный миной.

– Я останусь? Пиво попьем, – протянул он, поглядывая на меня.

Руслан заулыбался.

– Оставайся, только без пива, Лера пиво не пьет.

– Она что остается опять? Пора уже честь знать.

Я замерла над тарелкой.

– Мы сами разберемся.

Эта фраза мне понравилась. Лучше, чем совсем ничего. Что со мной в последнее время? О чем я только думаю?

Посуду Руслан не дал помыть, щелкнув по носу, он отправил меня смотреть телевизор вместе с Женей.

Последний смотрел какой-то сентиментальный фильм. Надо же. Признаться честно, Женя мне нравился, но его поведение и отношение ко мне нет.

Правда, ничего поделаться я с этим не могу. У каждого же должно быть свое мнение.

–Пойдем хоть покатаемся, а то живем как в монастыре, – предложил Женя, стоило Руслану показаться в комнате.

Руслан пожал плечами.

–Ладно, черт с тобой! Поехали.

Артисты. Женя радостно соскочил со своего места.

– Фу, что ты смотришь?

– Это Лерка включила!

– Лера одевайся, пошли, развеемся, – обратился ко мне Руслан.

Я побежала одеваться, скинула футболку, джинсы, достала из шкафа более удобную и подходящую кофточку. Дверь я не прикрыла и когда почувствовала чей— то взгляд, поздноватно спохватилась.

Женя.

Кто ж еще? Я заметила его в зеркале, что— то в его глазах смутило меня.

Он все время вел себя так, словно у нас все уже было.

Мне не нравилось это. Парень криво улыбнулся. Я развернулась к нему, стоя в одном нижнем белье.

– Ничего особого, – произнес он, скрестив руки на груди.

– А ты что ожидал?

– По крайней мере, размер 4, знаешь, такие прыщики надо зеленкой прижигать.

– Себе язык прижги.

– Хорошо, что сосков у тебя не шесть. Значит, ты всего лишь обычная, я надеялся хотя бы на мутанта.

– Тебе и это не достанется.

– Таким меня не привлечешь. Вот если бы чулки, бордовое белье...

Я в замешательстве стояла и смотрела, как он приближается очень осторожно, как лев перед прыжком. Как блестящая змея перед бедной зачарованной лягушкой. Если сейчас я дернусь, он одержит победу.

Приблизившись, парень провел рукой по моим волосам.

– Видишь, так лучше, – шепнул Женя, его дыхание заструилось по моей шее.

Мое сердце билось как сумасшедшее.

Наши взгляды встретились. Его рука обвила мою талию, и повернуло к себе.

Другая рука схватила за подбородок и приблизила к своему. Я чувствовала его запах, смесь туалетной воды, нотки шампуня. Пальцы ловко бежали вдоль моего позвоночника, от шеи до ямки на пояснице, заставляя покрываться мурашками. Его глаза казалось, горели и я в них тонула. Женя прижался ко мне бедрами и томно произнес:

– Ты можешь попросить, если хочешь.

От его дыхания мои губы приоткрылись ему навстречу.

Женя коварно улыбнулся.

– Я так и знал. Девственница. Как жаль, – произнес он и резко меня отпустил.

Мои ноги слегка подкосились, я с трудом удержалась на них, в этот момент доверять себе не имело смысла.

– Придурок, – вырвалось из меня.

– Знаю, – ответил Женя и закусив идеальную губу, поспешно вышел, закрыв за собой дверь.

– Руслан, ты готов? Я пошел вниз.

Услышала я его голос и бухнулась на кровать.

Еле дыша, я натянула кофту, джинсы, быстренько сполоснув лицо и пригладив волосы, выглянула в коридор. Руслан уже одевал ветровку. Красивый какой...

В последнее время он совсем бледный, но ему эта белизна идет. Мне вообще кажется Руслан это тот человек, который всегда будет выглядеть хорошо при любой ситуации. Словно портрет со средневекового рыцаря. Я, скорее всего, была бы крестьянкой или служанкой у господ, а Руслан принцем. Он бы каждый день равнодушно проезжал мимо на черном коне... Я бы провожала его глазами, не боясь гнева госпожи.

– Ты чего задумалась? Где была?

– В средневековье.

– Меня— то видела там?

– Ты проехал мимо.

– Враки. Я бы не проехал, – твердо возразил парень.

– Ну не знаю. В средневековье ты проехал. Я обиделась.

– Зря, – ответил Руслан и резко схватил меня на руки.

- С ума сошел? – от испуга вскрикнула я.
- Я заглаживаю свою вину.
- Если ты себе сорвешь спину, я тут буду не причем.
- Не сорву.

Несмотря на мои попытки, парень все же донес меня до машины Жени.

Этот момент стоило запечатлеть.

Лицо у Жени вытянулось, глядя на нас. Он что— то невнятно пробормотал, не уверена в его положительном отзыве. Скорее всего, наоборот. Поэтому я решила ничего не говорить Руслану, эти провокации его лучшего друга меня начинали бесить.

Мы немного покатались по ночному городу. Десятки людей сейчас готовились ко сну. А мы проезжаем равнодушно мимо их окон. Интересно, о чем сейчас думает Руслан? Думает ли он вообще обо мне хотя бы секунду в день? Что я значу для него?

– Приезжайте завтра в гости, – пригласил нас Женька. Руслан мельком посмотрел на меня и согласно кивнул. Я закусила губу, промолчав.

Жаль, но пришлось возвращаться домой. Хотя я бы еще покаталась. Женька нас довез до дома и пожелал спокойной ночи. Руслан взял меня за руку. До чего же крепко...

– Мне что— то не очень хочется ехать к Жене завтра, – с опаской протянула я.

– Я знаю. Хочешь, так не поедем.

Ага, как же. Потом обвинит еще, что Руслан не поехал из— за меня.

– Поедем. Если он вести себя прилично будет, – буркнула я в ответ.

– Будет, – произнес парень и улыбнулся.

– Что?

– Ничего. Вы так странно относитесь друг другу. Он хороший парень, ему нужно привыкнуть к тебе.

– Кто же ему мешает.

Странный парень, который лапает меня, пока тебя нет рядом? О, да он странный...

Глава 12. Мурашки

Лера

Мы приехали к Женьке к вечеру. Он встретил нас в приподнятом настроении. Я до этого никогда не была у него дома, и мне интересно посмотреть, как он живет.

А живет он в небольшом деревянном доме. И он, как это странно не звучит, понравился мне.

– Чувствуйте себя, как дома, – хмыкнул Женя. Он, вероятно, думает, я ничего в жизни не видела хорошего. Руслан вел себя непринужденно. Еще бы он тут не впервые, и его тут любят, в отличие от меня.

Руслан и Женя пошли во двор, последнему не терпелось показать свою новую очередную машину. Меня же они представили невысокой среднего телосложения девушке. Ее зовут Варя.

Мы остались в ней вдвоем и от нечего делать смотрели в окно на то, как парни ковыряются в машине. Мне нравилось наблюдать за Русланом, когда он чем—нибудь занят.

У него такое сосредоточенное выражение лица, и он забавно морщился.

– Господи, когда эти парни, наконец, вырастут, – вздохнула Варя.

Я растерянно вздохнула. Честно, у меня не было ни малейшего представления кем она приходится Жене. Поэтому я решила сама у нее выяснить мучавший вопрос.

– Вы давно вместе?

Варя криво усмехнулась.

– Давненько.

– Прости, что спрашиваю, просто интересно.

– Да меня все спрашивают, как мы с ним живем.

Ах, вот оно что. Я, конечно, ошибаюсь, может быть, но они совсем не подходят друг другу. Варя мне понравилась сразу и я не верила, что она нашла что—то хорошее в Жене. Любовь зла.

– Ну и как вы с ним живете?

– По—разному. Хоть бы кто прибрал это чудовище к себе.

– А тебе все равно?

– Абсолютно.

– И ты так легко отпустишь его?

Я удивлена. Зачем же тогда она встречается с ним? Я внимательно посмотрела в окно на Женьку.

Он красивый парень, хоть и сволочь, конечно. Они с Русланом смотрелись вместе словно день и ночь. Женька светленький, Руслан темненький. Женька излучал оптимизм, а Руслан всегда отбрасывал тень мрачности. До меня до сих пор загадка их безупречная и бескорыстная дружба, которая тянулась с детства.

– Хоть бы кто взял бы уже себе его. Отдам кому угодно,— ответила Варя с явным желанием.

– А я вот свою любовь никому бы не отдала.

– Я тоже.

– А что ты сейчас делаешь и говоришь?

– Ты это о чем?

– Ведь ты его любишь! Зачем расставаться? Я не понимаю.

Варя удивлено посмотрела на меня и громко расхохоталась. В этот момент в дом вернулись парни.

– Ты чего это Варя? – спросил Руслан.

Я смутилась, ведь не имела права рассказывать им о нашем с ней разговоре. Может для Жени это было бы шоком, разбило бы ему сердце? Я хоть и относилась к нему не тепло, но не хотела причинить ему боль.

– Поздравляю братишка, мы оказываемся с тобой живем в инцесте, – ответила на вопрос Руслана улыбающаяся Варя.

– В чем, прости, мы живем? – удивленно переспросил Женька.

– Вы что брат и сестра? Я думала, Вы пара.

Ответом мне прозвучал смех. Троица весело заржала, они просто покатывались со смеху.

– Я виноват, надо было сразу сказать тебе, но не подумал, – извиняющим тоном пояснил Руслан. Он первым перестал смеяться, увидев мое смущенное лицо.

– Не обижайся, это действительно наша вина, не твоя, – добавила Варя.

Я чувствовала себя неловко, надо же было так опростоволоситься!

К ужину все уже забыли про мой промах. Мы решили остаться ночевать здесь.

Женя предложил посмотреть какой-то новый ужастик.

Мы сели с Русланом на маленький диванчик, тесно соприкоснувшись.

Варя забралась в кресло с пакетом чипсов, а Женя разлегся на полу.

Выключили свет, и я обрадовалась этому. Теперь никто не мог видеть, как пылает мое лицо. Руслан с интересом казалось, смотрел кино и растерянно чертил узоры на моей ладони.

Я не могла сосредоточиться из— за этого и думала только о его прикосновениях, таких легких и нежных. Знаю, что не должна думать и воспринимать его иначе, ведь он мой лучший друг.

Мне с каждым разом тяжело помнить это табу. Хотелось бесконечно прикасаться к нему и раствориться без остатка в его объятиях... Интересно, что чувствует он? К чему он нежен со мной, заботлив? Почему он проводит со мной все свободное время?

Ведь я не первая красавица и вокруг него полно по— настоящему красивых и достойных его девушек. А я совсем обычная. Что во мне? Да ничего... и все— таки эти прикосновения сводят с ума.

Я затаила дыхание и попробовала провести пальчиком по его раскрытой ладони, при этом наблюдая за ним.

Руслан закусил губу, но руку не убрал, а наоборот подвинул ее ближе. Теперь я выводила любовные руны, вырезанные на моем израненном сердце на его ладони. Я словно сочиняла песню, и если бы можно было ее услышать...

Я не обращала никакого внимания на происходящее вокруг, слушая свое полуживое сердце.

Мои погубленные мечты, лежавшие мертвыми и сухими цветами, вдруг издав вдох облегчения, медленно и уверенно поднимались.

Я чувствовала, как мой мир оживает, как берега наполняются неведомым доселе чувством, как кровь бежит по моим жилам, заставляя сердце мое учащенно биться. Лед

треснул, я вновь жива.

Как необычно чувствовать, как внутри тебя рвется наружу всепоглощающее и необъятное чувство, как оно наполняет тебя до краев, грозя перелиться через край...

Я не хочу больше быть его другом.

Этого слишком мало для меня такой отныне сильной и жаждущей взорваться от нахлынувшей платины чувств.

Прошла моя зима. Моя плотина рухнула, и я не знаю, что поможет мне. Но он должен почувствовать меня.

Должен почувствовать то, что сейчас чувствую я.

Миллионы искорок бегут по моему телу, проскальзывая между нами. Я опьянена новыми чувствами.

– Лера, ты пить не хочешь? – прошептал мне на ухо Руслан. Его дыхание, голос обжигали мое сознание.

Я кивнула. Руслан с явной неохотой и как мне показалось, обреченностью встал с дивана и пошел на кухню, оставив меня в легком потрясении. Я не понимала, почему он ушел, и последовала за ним.

Руслан стоял возле окна.

– Жарко? – спросила я, подходя ближе.

Незнакомое выражение мелькнуло на его лице, смесь страдания и отчаянного страха. Там было что еще, предназначавшееся мне, но пока мною не полученное.

– Ага, – ответил Руслан, избегая встречаться со мной взглядом.

– Что-то не так? – спросила я. Голос мой задрожал.

Руслан глубоко вздохнул и ответил:

– Что ты маленькое чудо, все хорошо.

Я смущенно улыбнулась. Да, лучше еще помолчать о своих чувствах.

У меня будет время рассказать ему. Много времени.

Я подошла к нему ближе, он нахмурился. Я подошла ближе. Он напрягся. Чего он так боится?

Что с ним? Минуту назад мы сидели рядом, и казалось, были вместе, а теперь он смотрит на меня словно на незнакомку.

Я повернулась, собираясь уйти, как сильные руки обняли меня и прижали к себе. Опять этот удар током. Руслан развернул меня к себе и посмотрел в мои глаза с глубокой нежностью, я моментально растворилась в нем.

Ничего больше в мире не существовало, кроме нас в этот момент. Я потянулась к нему, к его губам. Руслан сжал мое лицо в ладонях и, обжигая взглядом, прикоснулся губами к моей макушке.

– Я слишком мала для тебя? – пролепетала я.

Руслан усмехнулся.

– Может это я стар для тебя?

– Эй, Ромео с Джульеттой, пришла няня, хватит миловаться на моей кухне. Вы уже полфильма пропустили, марш в зал, – заявил появившийся неожиданно Женька.

– Ты как всегда вовремя, – ответил Руслан, еще крепче прижимая меня к своей груди. Я слышала биение его сердца. На его друга не хотелось смотреть.

– Ну должен же кто-то испортить момент, – самоуверенно ответил Женя – Вы черти, пропустили самое интересное. Ты ее сейчас задушишь, а места для нового тупа нет. Весь

подвал забит по твоей милости. Пошли, досмотрим кино, потом нанежитесь.

Руслан нехотя выпустил меня и, взяв за руку, повел за собой зал. Он сел со мною рядом.

Вдвоем с Женей они смеялись над фильмом. Стоило отлететь какой—нибудь части у героя, как они покатывались от смеха. В то время как мы с Варей дрожали от страха. Под конец, я совсем закрыла глаза, лишь бы не видеть этого кошмара.

— Кино закончилось, можешь открывать глазки, — прошептал Руслан. Я открыла глаза. На экране шли титры.

— Не знал, что ты такая впечатлительная. В следующий раз будем смотреть смешариков, — сказал Женька. Я вспыхнула, а он сделал невинное лицо.

— Про меня ты вообще не подумал братец, да?

— Ну, про тебя всем уже все известно.

— Ладно, хватит вам. Спать будем или как? Лера, ты устала? — обратился уже ко мне Руслан.

Я хотела отдохнуть и собраться с мыслями. Но если Руслан будет рядом, мне навряд ли это удастся. Поэтому согласно кивнула.

— Я провожу тебя, пойдем, — предложила Варя.

— Я приду. Скоро, — пообещал Руслан.

Может, казался странным тот факт, что мы почти всегда ночевали вместе. Но так уж повелось с самого начала. Я привыкла засыпать, чувствуя его рядом, привыкла просыпаться рядом с ним. Он не знал того, что мне нравилось наблюдать за ним, спящим. Он такой красивый как картинка. Я люблю смотреть на движение его ресниц, они чуть вздрагивали, если он спал тревожно. Часто я гадала о его снах. Что он видит? Кто ему снится и о чем его сны? Есть ли там я? Его—то я частенько видела в своих снах...и это были хорошие сны.

Я шла за Варей. Мы поднялись на второй этаж. Она открыла дверь и пропустила меня вперед. Вспыхнул свет. Я невольно зажмурилась.

— Это комната Руслана. Располагайся.

Я осмотрелась. Здесь довольно мило и видна рука Руслана при обустройстве комнаты.

— Прикольно, — ответила я.

— Прости, что спрашиваю, мне просто интересно. Ты любишь его? — смущено спросила Варя.

— Да, — не задумываясь, ответила я.

— Я рада за вас обоих. Он говорил тебе что—нибудь?

— На счет чего?

— Ну, что вы встречаетесь?

Я отрицательно покачала головой

— Значит, скоро скажет. Вы подходите друг другу, как половинки одного целого.

— А у тебя кто-то есть?

Варя усмехнулась.

— Есть. Потом познакомлю. Ладно, располагайся. Ванна вон за той дверью. Найдешь, там что одеть. Я тебе свою пижаму положила. Спокойной ночи.

— Спасибо.

— Не за что.

Варя оставила меня одну. Я мгновение поглазела на комнату и прошлепала в ванную. Вымыв голову, я пришла к выводу, что мне нужно поговорить с Русланом.

Полная решимости и прокручивая в голове все возможные варианты, я устроилась

поудобнее на кровати и незаметно для себя уснула.

Мне снился странный сон. Я стояла вся в черном. Вокруг меня ходили люди. Они толкали меня, а я стояла неподвижно. Вдруг среди толпы я увидела Руслана и побежала к нему. Я звала его, просила остановиться, подождать меня.

Но он все дальше удалялся от меня. Слезы отчаяния покатались по моим щекам, и в этот момент меня кто— то укачивал, гладил по голове и знакомым родным голосом говорил:

– Это всего лишь сон. Я рядом и поверь, никуда не уйду.

Я поняла, что не сплю. Глаза привыкли к темноте. Рядом Руслан.

– Плохой сон?

– Ага.

– Ты меня звала... Напугала меня, честно, – прошептал он.

– Я сама напугалась не меньше, не хочу тебя терять, – добавила я смело.

– И не потеряешь. Я рядом. И никуда не уйду.

Его шепот обжег меня, и я еще сильнее ухватилась за него.

– Если ты, когда-нибудь не захочешь со мной общаться, просто скажи. Хорошо?

– Хорошо, спи, мой ангел, ты устала.

Я закрыла глаза и положила голову ему на грудь, обвив его рукой.

– Спокойной ночи. До встречи.

– Спокойной ночи. Я буду ждать.

Я блаженно вздохнула и почувствовала себя абсолютно счастливой, хотя и знала, что моменты счастья коротки и в случае чего я буду отчаянно скучать по ним.

– Знаешь... – начала я сонно.

– Что?

Он ждал, когда я заговорю.

– Не знаю, как тебе, а фильм был ужасный.

Руслан тихо засмеялся. Я чувствовала, как мои волосы струятся между его пальцев.

– Мне тоже было жутко. Но ты же сидела рядом, мне нечего было бояться.

– Не паясничай.

– Я на полном серьезе.

– Чем займемся завтра?

– Не знаю, может, погуляем. Я успею тебе надоесть еще.

– Я тебе тоже. Ладно, завтра будет завтра.

– Ага. А чем ты думаешь?

– О тебе. А ты?

– О тебе.

– И что?

– Ты болтлива сегодня.

– Сам такой. Так быстро бьется твое сердце. Почему?

– Оно счастливо.

– Почему?

– Подумай.

Руслан вздохнул.

– Спи, давай, солнце мое, спи.

Я покорно закрыла глаза...

– Спокойной ночи еще раз.

– Спи моя радость, усни.

Я вновь заснула совсем неожиданно быстро для себя. Но в этот раз снился сон хороший.

Глава 13. Бегство.

«Мне надо удалиться, чтобы жить, или остаться и проститься с жизнью»

В. Шекспир. «Ромео и Джульетта».

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.*

Анна Ахматова

Лера

Утро выдалось холодным, я вышла во двор, пока все спали, накинув чей— то платок на плечи. На улице тихо. Собака Машка лениво посмотрела на меня и зевнула. Видимо, я ей не интересна, а может, приняла за свою. Мне нравится воздух здесь. Дышалось хорошо. И ничего не мешало мне думать.

Странные мысли вились в моей голове. Желание быть с Русланом, мои новые осознанные мною чувства к нему, его отношение ко мне и многое другое. Рядом с ним я не могла в полной мере осознать свои чувства, потому что рядом с ним я думала только о нем.

Я не понимаю себя. Что творю в конце концов? Зачем? Это плохо.

Сердце мое разбито, так зачем причинять ему еще боль, зачем пытаться восстановить то, чего уже нет?

Зачем делать себе еще больнее, еще невыносимее? Зачем портить жизнь, к которой я так привыкла?

Вдруг ничего не получится?

Смогу ли я выдержать этот удар? Мое сердце? Ему так тяжело поверить кому— то, а тут вдруг оно поверит, забьется?

Оживет? Позволит себе вновь мечты, а еще хуже надежду, а не уверенность?

Что тогда будет с ним?

Смею ли я причинить ему еще большую боль?

Мне необходимо время, чтобы тщательно все обдумать и решить для себя некоторые нюансы.

– Эй, ты замерзнешь скоро, иди домой,— появилась из окна Варя.

Я горестно вздохнула и пошла в дом. Меня встретил аромат чего— то очень вкусного.

– Ммм, пахнет как, – сказала я принюхиваясь.

– На вкус еще лучше, тебе понравится, – лукаво улыбнулась Варя.

Я прошла на кухню. И когда лакомилась домашними пончиками, на кухню спустились парни. Руслан улыбнулся мне и поцеловал в макушку. Женя при этом усмехнулся. Варя налила им кофе, и парни набросились на еду.

– Вау, сегодня Вар ты предзаша своего учителя, – проговорил Женя, откусывая большой кусочек пончика. При этом варенье потекло по его подбородку.

– Поросенок, – укорила его Варя.

– Вкусно! – возразил с набитым ртом Женька.

Я отвернулась к окну. Никто казалось, и не заметил моего настроения.

За спиной раздался смех. Окно кухни запотело, и я выводила на нем узоры.

Как же объяснить ему, что творится у меня внутри? Поймет ли он?

Примет ли мое новое чувство к нему или воспримет мое откровение как предательство?

Смогу ли я тогда без страха посмотреть в дорогие изумрудные глаза и понять, что я для него только друг?

Согласна у нас отношения довольно странные, их сложно назвать стопроцентно дружескими, потому что между нами всегда существовала некая неопределенность, недосказанность. А чтобы внести ясность, нужна пресловутая смелость. Ее у меня нет.

Я подумала о Кирилле, моем бывшем парне. Мы встречались полгода и с моей стороны это были долгие отношения. Но только не с него. Между нами довольно быстро завязались отношения и когда-то я думала, вот он единственный и неповторимый.

Все было хорошо, пока мне подруга не открыла глаза на моего возлюбленного. Я не замечала его грубости ко мне, пренебрежения порой. Зато рогами задевала облака...

– Ты чего радость, задумалась? – прошептал мне на ухо Руслан. Ноги тут же подогнулись при звуке его сладкого голоса.

– Ничего, – шепнула я, не оглядываясь.

Парень слегка приобнял меня. Вот скажите зачем? Я таяла рядом словно свечка.

– Мне кажется, ты чем— то огорчена. Что не так?

– Все.

– К примеру?

– Я кое— что вспомнила и мне стало грустно.

Руслан резко отстранился от меня.

– Вот как? А может кого— то?

Я непонимающе оглянулась на него и выпалила.

– Да. Мне грустно, как только вспомню.

В его глазах что— то промелькнуло. И мрачная ухмылка появилась на его губах..

– Ты сможешь когда-нибудь забыть это?

Забывать? Что? Не понимаю. Тебя я точно не забуду.

– Нет. Мне с этим жить. Всегда.

Зачем это я сказала? Сама не знаю.

Руслан сунул руки в карманы. Мне его выражение лица не понравилось.

– Тогда зачем ты здесь? Если не надо? – бросил мне он и поспешно покинул кухню, оставив меня в легком недоумении.

– Чего это вы? Поссорились? – с участием спросила меня Варя, заметив слезы на моих глазах.

– Он только что прогнал меня.

– Да ну тебе показалось, – не веря мне, ответила Варя. Я уткнулась ей в плечо.

Следующие два часа мы с Варей готовили обед. Руслан на кухню не заходил. Они с Женькой смотрели футбол. Пару раз Женя забежал проверить нас. Я косилась на него, но ничего не спрашивала.

Обед прошел молча. Я ловила на себе взгляды Вари и Жени, Руслан даже не поворачивал голову в мою сторону. Поэтому я уткнулась в тарелку.

Я не успела доесть, как Руслан произнес чужим голосом.

– Я домой. Ты едешь?

– Да, – мой голос звучал испуганно. А что если он бросит меня? Оставит одну?

Надеюсь, что, хотя бы в машине мы сможем поговорить. Ребята, притихшие проводили нас до машины. Варя порывисто обняла меня, пригласив приезжать, когда захочу. Женя внимательно и проникновенно посмотрел в мои глаза. Пришлось отвести взгляд, не давая волю слезам.

Машина мягко тронулась. Мы хранили молчание. Моих взглядов Руслан избегал. Я пробовала смотреть на дорогу, считать деревья, знаки, но это не помогло. Ни чуточки.

– Что происходит? Ты чего обиделся? – судорожно произнесла я.

– Ничего, все нормально, – опять холодно произнес он.

– Нет, ты на что— то обиделся и не говоришь на что, – возразила я, борясь со слезами.

– Я не обижался. С чего ты взяла? Я просто соблюдаю границы.

О чем это он? Какие границы? Еще и между нами?

– Не отгораживайся от меня, пожалуйста.

– Я и не собираюсь, – уже мягче ответил он. Взгляд изумрудных глаз ласково согрел.

Лед треснул.

– Ты что плачешь?

Нежность в его голосе заставила меня разрыдаться.

– Эй, ангел мой, ты что?!

Руслан заглянул мне в лицо, резко остановив машину.

– Прости, меня, я вел себя грубо. Не знаю, что на меня нашло, правда.

Вот стоило только заплакать, и он чувствует себя виноватым. Девушки побольше плачьте. Мужчины не выдерживают женских слез.

– Прости, мое маленькое чудо. Пожалуйста. Я не хотел твоих слез.

Руслан улыбнулся. Сердце мое выбивало в бешеном ритме: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. А губы растянулись в улыбке...

Прошла неделя, я страдала. Делать вид, что все замечательно я могла, хотя в душе и бушевали противоречивые чувства. То состояние, в котором я пребывала последние несколько дней пугало меня.

Я перестала чего-то бояться, кроме того, что наступит завтра и увижу ли я его? Изменится ли что-нибудь в его поведении, как он встретит меня, какую улыбку подарит, каковы будут его слова в первое мгновение или он не произнесет ни слова, а просто посмотрит мне в глаза и я все пойму? А вдруг он не обрадуется мне и за ночь так изменится, что я не узнаю его? Вдруг? Может я себе все придумала? И пусть...

Пусть все ложь и обман, но я счастлива в этом обмане. Мне хорошо. Гадать, переживать и при этом знать наверняка, что я все равно увижу его завтра, даже если в ответ на мою любящую улыбку я получу только равнодушный или презрительный взгляд. Все равно. Важен лишь этот день, а завтра... Завтра наступит, но пока есть только сегодня.

Вот, к примеру, проснувшись сегодня раньше Руслана, я боролась с искушением обнять его, прикоснуться... Меня останавливала только его неизвестная реакция. И еще стыд за свои мысли. Поэтому я не стала дожидаться его пробуждения и поднялась раньше.

Руслан тут же перевернулся на мою сторону и зачмокал во сне, чем вызвал на моем лице улыбку.

Мне нравилось смотреть на него спящего. Словно мраморное изваяние он почти не двигался во сне, в каком положении заснет, в таком и проснется. Изредка он тревожно спал, и тревожность проявлялась в том, что он стонал во сне и бессвязно что— то шептал.

Пока я приводила себя в порядок, Руслан успел проснуться. Я освободила ему ванную и приготовила чай.

– Можно задать тебе вопрос? – не успел зайти на кухню парень, как я пошла в атаку.

– Давай.

– Почему ты ни с кем не встречаешься?

Его, похоже, удивил мой вопрос.

– Ты задаешь такие вопросы странные, – протянул Руслан.

– Это нормальный вопрос. Так почему? – не сдавалась я.

– Не хочу. Устроит?

– Нет.

Парень закатил глаза.

– Что с тобой в последнее время?

– В смысле? – с удивлением спросила я.

– Ты словно ищешь повод для ссоры. Что не так?

– Я ничего не ищу. Просто мне интересно.

– Я на твой вопрос ответил. Не устраивает ответ, то придумай свое объяснение, – с нажимом произнес Руслан, – Ты по— моему сегодня не выспалась.

– А ты?

– Я выспался. Мне снился сон про конец света.

– Да? – переспросила я и, сложив руки, пристально уставилась на Руслана.

– Представь себе. Было страшно. Вот знаешь, я его не боюсь, даже если этот мир погибнет, есть и другие.

– А для нас там будет место?

– Конечно, будем бабочками с тобой. Согласна?

– Неа, не хочу быть бабочкой. Вот окажемся после конца света в аду, будешь знать.

– Ну, это ты загнула. Куда тебе в ад— то?

– Считаешь, ты более грешен?

– Ангелам не место в аду.

– А с чего ты взял, что я ангел?

Руслан серьезно взглянул на меня, и от его проникновенного взгляда мне стало не по себе.

– Ангелы— то рядом, а вот любить ты будешь человека, а не ангела, – выпалила я и выбежала прочь в коридор.

От дальнейшей разборки меня спас Женя. Он, кстати появился в тот момент, когда Руслан пытался поговорить со мной. Первый раз я ему рада.

– Вы чего? Вас нельзя оставить ни на минуту, – укорил нас Женя, удивленно переводя взгляд то на меня, то на Руслана.

Весь день я напряженно думала о ситуации, в которую попала. Я ощущала себя словно в болоте. Вязко и полная паника...

Я влюбилась и не могу больше себе позволить общаться с ним дальше как раньше. Признаться я ему не могу, значит остается только один выход... Я должна покинуть его, уйти навсегда. Не мешать ему жить. А я как—нибудь научусь жить без него, хотя уверена

мне будет очень сложно это сделать. Одна мысль об этом причиняла боль, что же тогда будет потом, когда я осуществлю задуманное? Я просто умру...

И все же я написала заявление на отпуск, позвонила на вокзал и заказала билеты. Начальница легко отпустила меня, у нас хорошие довольно отношения.

Я решила съездить к подруге, она жила далеко и я ее давно не видела. Ехать решила завтра, поэтому мне пришлось сидеть за обедом с Русланом и мило ему улыбаться, хотя мое сердце при этом умывалось кровавыми слезами. А он, кажется, ничего не замечал, даже моего немного отстраненного поведения.

Может, потому что с нами Женя, который всегда требовал к себе повышенного внимания. Я избегала смотреть прямо на Руслана и украдкой лишь всматривалась в него, стремясь запомнить его до мелочей.

Парни проводили меня до работы, куда мне уже не нужно. Подождав, пока они скроются, я собрала вещи, отвезла их к себе домой и остальное время прорыдала в комнате Руслана. Мне предстоял тяжелый разговор, и я готова.

Пока я ехала в вагоне, то о многом думала. Преимущественно мои мысли были о нем. Я не знала, где он и что делает. И это меня пугало. Я привыкла к нему за это время. Научилась понимать его. Научилась жить с ним. Вернее он научил меня, как радоваться пустякам.

Научил меня дышать, когда мне было так тяжело и плохо. Он словно ангел возник перед мною. Защитил меня такую уязвимую своими сильными крыльями. Простит ли он меня? О, я не знаю!

Мне так стыдно перед ним. Я посмела соврать человеку, которого, увы, люблю. Увы?

Да, увы, потому что знаю, что поняла это слишком поздно, и теперь боюсь у меня не хватит смелости вернуться... и посмотреть в его красивые изумрудные глаза. Скорее всего теперь он ненавидит меня. Я предала его. Куда же я еду?! Что меня ждет?!

Я дурная. Если бы я только могла все изменить и не сказать этих жутких слов ему в лицо... Если это не любовь, что так ранит и дарит надежду, то что же другое?

Я ждала его после работы, твердо уверенная в себе и знающая, что делать.

Парень моей мечты вошел в квартиру с пакетами, не спеша и аккуратно поставил их на пол, и прошел на кухню.

– Привет, – Руслан радостно потянулся ко мне и я впервые не пошла к нему. Он нахмурился и что— то мрачное промелькнуло в его глазах. Руслан недоверчиво посмотрел на меня. Я не смогла выдержать его пытливый взгляд и отвернулась.

– Что? Что случилось? – несмело спросил он. Мы вероятно нелепо выглядели в этот момент: Руслан, непонимающе уставившись на меня и я, скрестив руки на груди.

Боже я сейчас заплачу!

– Что с тобой? – он вновь повторил почти умоляя.

Я стряхнула с себя наваждение и проговорила, ненавидя себя:

– Все. Руслан. Все. Нам не стоит больше видеться. Я ухожу. Прости. Ты мне не нужен.

Я резко собиралась шагнуть в неизвестное для меня, но не успела.

Руслан догнал меня в три прыжка и обнял. Я задрожала и расплакалась.

– Это правда весь этот бред, что ты несла? – прошептал он, обжигая своим дыханием. Я пугливо посмотрела на его лицо искаженное лицо.

– Да. Так будет лучше.

– Для кого?

– Для тебя, для меня, для всех.

– Почему? Это из— за него?

Последняя фраза больно меня ударила. Как же он неправильно понял!

Мне хватило смелости качнуть утвердительно головой. Руслан тут же отстранился, а потом вновь привлек к себе. Он никогда не позволял себе так меня обнимать, тесно прижавшись ко мне телом.

– Скажи, что пошутила, ради Бога, – умоляюще произнес он мне на ухо.

– Это правда. Я хочу уйти. Отпусти меня, – я решительно освободилась от его объятий.

– И куда, можно узнать?– спросил Руслан, сжигая меня своим взглядом.

– Подальше от тебя. Между нами все кончено. Не ищи меня, – выпалила я и бросилась вон из квартиры. Он не пошел за мной...

Я самая несчастная на свете. Теперь еду уже четвертый час непонятно куда, я ведь совсем забыла предупредить Свету, что приеду. Надеюсь, она не сильно удивится моему приезду.

Руслан звонил мне всю ночь. Я ни разу не взяла трубку, хотя и хотела это сделать.

Перед глазами мелькали обрывки воспоминаний. Вот наша первая встреча, он подымает меня и несет на руках, мне больно и легко одновременно.

Вот мы в парке гуляем, Руслан насобиравал мне охапку листьев. Нашу первую ночь, где я заснула в слезах у него на руках.

Наши дни, сны, которые мы наперебой рассказывали друг другу, наши прогулки, поездки.

Запах его туалетной воды, ласковая улыбка, непослушные немного колючие волосы, торчащие в разные стороны после сна.

Изумрудные глаза похожие на таинственный пруд, в котором плавают золотые рыбки.

Крепкие объятия, биение его сердца, голос мягкий с бархатными нотками, который подчинял меня себе и казавшийся мне райской музыкой. Как много мы говорили! И о всякой ерунде. Мое прозвище «маленькое чудо»...

Я откинулась на спинку кресла и беззвучно заплакала. Я скучала.

Он не простит меня. Я не смогу вернуться. И зачем все разрушила? Почему нельзя было просто любить его и быть рядом?

Мне бы хватило этого, лишь бы знать, он в порядке и счастлив, пусть и с другой. Хотя какая теперь разница? Мне не вернуться. Я предала нашу дружбу и ворота рая, боюсь, закрыты для меня...

Пока была с ним, то не понимала своего счастья. А теперь что дальше? Я не знаю... Не знаю. Ужасное состояние пустоты и отчаяния. Я жалею о своем поступке, не что с того? Это сожаление ничего не меняет. Абсолютно.

Света удивилась, увидев меня на пороге своего дома, заплаканную и дрожащую.

Но приняла.

Мы вспомнили студенческие годы, посмеялись. Я ей рассказала про себя, про Руслана. Лучшая подруга выслушала меня и напоила чаем. Есть не хотелось.

Уже под вечер я не хотела идти спать. Сколько раз засыпать под его ровное дыхание, в его объятиях и теперь ложиться в холодную постель мне не хотелось.

Поэтому я всю ночь просидела в кресле, так и не заснув, смотрела на звездное небо и думала о нем. Что он делает? Наверное, спит. Теперь ему я не буду мешать строить нормальную жизнь. Сделав свой выбор, проживу как—нибудь...

Днем мы пошли гулять. Я не была в этом городе полгода, где проучилась пять лет, и немного тут изменилось, но, ни одного знакомого лица. Пару раз мне чудилась красная машина Руслана. Я с трудом напомнила себе, что это бред. Его здесь нет.

Я провела у Светы две недели, сердце мое возмущено роптало. Я его не слушала. Терпела. Руслан больше не звонил и не писал.

– Господи, только не он!– взмолилась Света. Я рефлекторно оглянулась на нее и увидела того, из— за которого однажды сбежала. Кирилл. Собственной персоной стоял возле витрины магазина и удивленно смотрел на нас.

– Блин, идет к нам, – рассерженно проговорила моя подруга. Я зажмурилась. Но Кирилл не исчез. Наоборот он шел к нам, приветливо улыбаясь. Он не изменился.

И как же меня угораздило встречаться с ним? Я, наверное, была слепа. Абсолютно.

– Уйдем? – предложила Света.

Я отрицательно кивнула головой. Мне стало интересно. К чему эти бесконечные побеги?

Кирилл подошел к нам развязной походкой плохого мальчика. Про себя я улыбнулась. Он не повзрослел, так и остался клоуном.

Странная вещь— время. Оно справедливое и безжалостное.

Еще недавно я думала жить без него не смогу, а теперь смотрю на него спустя время и в голове только одна мысль, какой же дурой я была!

Серьезно. Согласна, он симпатичный парень, неглупый, но без цели в жизни.

Ему все равно, что будет завтра, ему важен только сегодняшний день. Меня в нем удивляло нежелание унывать, с ним всегда весело и он надежный друг.

Мы с самого начала сидели с ним за одной партой в универе. И уже через месяц стали встречаться, хотя я не воспринимала его ухаживания всерьез. Между нами никогда не было искренности и абсолютного доверия. Свои тайны мы свято хранили.

Он не открывал мне свой мир, я делала тоже самое. Я до сих пор многое о нем не знаю. И жалею об этом. Быть может, если между нами существовало доверие, мы были бы вместе.

Тем более время, которое мы провели вместе, мне запомнилось. Хорошее было время. Жаль, что так все закончилось. Глупо.

Я задумалась, и очнулась, только тогда Кирилл оказался вплотную ко мне. Веснушек на его лице убавилось. Я часто называла его Солнечным мальчиком. А вот Руслана можно было назвать Лунным мальчиком.

Воспоминание больно кольнуло меня и глаза защипало. Нужно срочно отвлечься.

– Привет, Лерик, Светик, – радостно поздоровался с нами Кирилл. Света скорчила мину, я приветливо улыбнулась.

– Как дела? Давно не видел тебя, Лерик.

– Отлично, Кирик. Как ты?

Кирик и Лерик – под этими именами нас знали все в универе. Отчего— то мне показалось, не было никакой между нами ссоры.

Словно все встало на свои места. Я простила его и освободилась от своих терзаний. Свободна. Благодаря Лунному мальчику с изумрудными глазами...

– Я тоже хорошо. Ты надолго приехала?

– На пару дней. Соскучилась по Светке.

– Так может, соберемся все вместе и отметим твой приезд?

– Было бы неплохо, – согласилась неожиданно Света и улыбнулась.

– Значит, на том же месте, в тот же час, я всех обзвоню, – радостно пролепетал Кирик и мигом улетучился прочь. Я с возмущением уставилась на подругу, которая с невинным видом смотрела по сторонам.

– Это что такое было, а?

– Брось, Лерик, мы все скучали по тебе, – отмахнулась от меня Света и потащила за собой по магазинам.

Я, конечно, скучала по своим друзьям, тем более перед своим бегством даже ни с кем не попрощалась и сейчас не ожидала их прихода. Но они пришли ровно в семь.

Мои милые друзья... Иванов Костя с Дашкой, Катя Незабудова, Ира Ларионова, Мишка Христич, Пашка и Петр Катаевы... не пришла только моя бывшая подруга Ольга Орехова, с которой, кстати, мне и Кирик и изменил, правда, сейчас это неважно. Я бы хотела ее увидеть.

Друзья повели себя по—разному: Мишка закружил в объятиях, Петр пожал сдержанно руку, Пашка лишь кивнул, Костя и Даша обняли меня и по очереди чмокнули в щеку, Катя и Ира завизжали от восторга и тоже облобызали меня.

Друзья совсем не изменились, и я поняла, мне их не хватало все это время. В этот вечер кафе, где мы сидели, гремело от нашего хохота. Нам есть что вспомнить.

Пока Мишка с Кириком травили анекдоты, я почувствовала вибрацию мобильного. Машинально взглянув на дисплей, я удивилась. Оксана.

– Я сейчас, – сказала я Свете и быстро пошла в туалет. Дрожа, отчего— то я ответила:

– Алло.

– Лера, Лера, привет! Лер, ты где? Что произошло?

Голос у Оксаны был такой взволнованный.

– Про что ты?

– Лера, что между вами произошло? Ответь, пожалуйста!

– Дай мне трубку, я ей голову оторву! – услышала я голос Жени. А ему— то что?

– Что— то с Русланом, за что мне голову— то отрывать? – спросила я.

Молчание, а потом возня.

– Лера, ответь нам. Он молчит, ты пропала, что случилось? – взмолилась Оксана.

– Оксана, я вернусь и потом все расскажу. Так было нужно, пойми меня.

– Где ты хоть? С тобой все в порядке?

– Да. Я тебе перезвоню, – ответила я и отсоединилась.

Воздуха не хватало. Стыдно. Я не хотела, чтобы Оксана беспокоилась за меня. Она мне нравилась. И поступать так с ней мне не следовало.

Я вернулась к друзьям, настроение пропало. Правда, мне удалось скрыть его от друзей. Они смеялись, поэтому я вымучила из себя улыбку, так и просидела остаток вечера с приклеенной улыбкой. Парни предложили довезти нас, я отказалась, Света поехала с ними.

Мне хотелось пройтись. Кирилл увязался за мной.

Я немного озябла, холодный ветер пронизывал меня до костей. Я скучала, и мое сердце отчаянно рвалось к Руслану...

Кирилл пытался завести разговор, от которого не было никакого толку. Я отвечала однозначно и ему вскоре это наскучило. Поэтому он просто проводил меня до Светкиного дома и ушел, коротко попрощавшись. Я, было задумалась над этим, тут же забыв о его существовании.

Дома я проверила свою почту. Новые письма? От кого? Удивленная я открыла первое:

«Дорогая Лера!

Хочу тебе в кое в чем признаться. Два часа назад ты ушла, забрав мое сердце с собой. Вместо него теперь что— то пугающее и искореженное. В связи с этим у меня к тебе моя маленькая просьба, пока оно с тобой, пока оно нужно тебе береги себя. Иначе оно разобьется на мелкие крошащие кусочки, которые будут издавать жалобные звуки. Мне их не собрать, как и не забрать сердце у тебя мое. Ведь оно твое. И навсегда им останется. Только твоим. Знаешь, я чувствую, как оно бьется рядом с тобой, в унисон с твоим, ты слышишь?! Оно маленькое, но сильное, ты не смотри на внешний вид.

Внутри оно гораздо лучше. Оно полно самого прекрасного чувства на земле— любви. Да, не удивляйся. Это правда. Представляю твое выражение лица, как закусываешь нежную нижнюю губу, морщишь лоб... твои серые, словно море глаза напряженно всматриваются в строчки... бред.

Ты ведь не ждешь, что я напишу тебе. Может поэтому я и выбрал электронку, зная ты ее не проверяешь.

Спросишь, тогда зачем вообще пишу тебе? Потому что мне это необходимо. Необходимо выплеснуть все наружу, чтобы не сойти с ума.

Без тебя так пусто, а написание письма помогает забыться. Кажется, вот сейчас оглянусь, а ты близко— близко...

Женька вернулся злой. Ладно, маленькое чудо, я не прощаюсь. Ни за что на свете! Возвращайся любимая моя девочка, хотя бы во сне не будь так жестока...

Я люблю тебя.

Жду. Всегда.

Твой Руслан.

Я всегда рядом с тобой. Оглянись».

Всего писем 20, и каждая строчка в них наполнена любовью, тоской, поглощающей и всеобъемлющей. Ни одного слова упрека, только бесконечное – Вернись. Боже, что я же наделала?

Я оглянулась. Света удивленно смотрела на меня.

– Ты чего? Плачешь?

Я растеряно посмотрела на нее и смахнула слезы. Вместо ответа, указав Свете на монитор, я закрыла руками лицо.

– И ты от него сбежала?

– И что теперь делать?

– Я звоню на вокзал, едь домой.

– Как я поеду? Я не могу!!!

– Можешь. Он ждет. Давай.

Глядя на нее, уверенную в своей правоте, я бросилась собирать вещи, пока Света звонила в кассу и заказывала такси.

Что меня ждало? Я не знала, но мне было необходимо поговорить с ним и все объяснить.

Я еду Домой.

Глава 15. Пропала Мальвина

*Свершилось все – слова напрасны,
И нет напрасней слов моих;
Но в чувствах сердца мы не властны,
И нет преград стремленью их.
Прости ж, прости! Тебя лишенный,
Всего, в чем думал счастье зреть,
Истлевший сердцем, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?*

«Кольридж. Крестобел»

Руслан

Когда она вдруг внезапно произнесла эти жуткие слова и исчезла, я чуть с ума не сошел в буквальном смысле этого слова.

В ушах все еще звучал ее голос. Чувство вселенского одиночества завладело мной.

Мне плохо до тошноты. Она не могла быть такой жестокой ко мне! Но она ушла...

Ее комната зияла пустотой как теперь и моя жизнь...

Мне не продержаться долго.

Она для меня стала всем. Да, я никогда не говорил ей о своей любви, но мне всегда казалось это лишним.

Значит, пока она улыбалась мне, думала все время о другом? Нет, я не верю! Она не может, не должна...

Почему? Все ее порывы ко мне были всего лишь игрой? Как? Не верю! Только не Это.

Я готов умолять ее вернуться. Все что угодно, но только не покидай меня, когда я тебя нашел!

Я ведь так долго ждал тебя!

Ангелы не жестоки.

Разве ты жестока?

Разве я недостоин тебя?

Зачем ты ушла?

Ты самое дорогое, что есть у меня! Ради тебя бьется мое сердце!

Только ради того, чтобы видеть тебя, слышать твой голос, сводящий меня с ума, твои волосы при солнечном свете...

Неужели я ошибся? Неужели ты была неискренна со мной? Я не верю! Ты самое светлое в этом мире, ты мой ангел, ты, меня спасла, а теперь боюсь, что убила...

За что? Что я сделал не так? Где ты сейчас, счастлива ли ты? Думаешь обо мне? Я не знаю! Все напрасно. Ты не вернешься, мне тебя не найти. Я потерял тебя. Ты не вернешься...

Мне бы только знать, что ты в порядке, жива, здорова, счастлива, пусть даже с другим! Плевать! Ну, объявись же! Не покидай меня в этой темноте!

Так ведь не бывает! Не бывает, чтобы ты так сильно привязался к человеку, чтобы не представлять как будешь дальше жить без него!

Почему ты не берешь трубку? Что с тобой?

Что случилось вдруг? Меня разрывало на части. Я не знал, что мне делать! Бежать за ней или подождать? Что делать— то? Я люблю ее больше жизни.

Она моя жизнь.

И вдруг так холодно, так пусто, так ненужно.

Мир взорвался. От моего сердца казалось, остались только осколки. Больно. Каждая частичка моего тела жаждало ее присутствия, рвалось к ней, кричало от боли!

Мое сердце и душа звали тебя...

— Ты долго будешь скакать по квартире? Не понимаю, чего ты так дергаешься?

Я совсем забыл, что не один. Женька с любопытством смотрел на меня.

— Первый раз вижу тебя таким. Выглядишь как псих. Серьезно.

Я остановился и огляделся. Вокруг разгром. Надо же я даже не замечал, как громил свою квартиру.

— Успокоился? Сядь. Подумаем вместе, — предложил Женька. Я покорно сел.

— Я тебя предупреждал. Ты меня не слушал. Что думаешь делать?

— Не знаю...

— Я знаю. Ничего ты делать и не будешь.

— Почему? — удивленно спросил я.

—хлопот меньше, тебе не придется больше врать ей. Можешь спокойно жить дальше. А она пусть радуется. Ты ведь хотел, чтобы она была счастлива? Так теперь она счастлива. Ты можешь быть рад этому.

— Я хочу, чтобы она была со мной, когда...

— А вот это ты брось.

— Почему?

— Рус, прекрати драму ломать.

— Я хочу вернуть ее. Мне она нужна.

— Вернется она, куда денется, — уверенно поговорил Женя.

Его предсказание не сбылось. Прошло две недели, а от Леры не было никаких новостей. Я старался держаться подальше от ее дома, но все равно каждый вечер ездил у нему, испытывая острую необходимость увидеть хотя бы ее силуэт. Я хочу знать, что с ней все в порядке.

Я заехал к ней на работу и узнал, она взяла отпуск и уехала. Это новость неприятно поразила. Не узнав ничего на работе, набрался решимости и поехал к ней домой.

Дверь мне открыла ее мама.

— Здравствуйте, а Валерию можно? Она дома?

— Нет, ее нет. Она уехала к подруге.

— Куда?

— А Вы кто, собственно?

Я, не ответив, быстро ушел, оставив женщину в недоумении.

Теперь я не знал, что дальше делать. Отчаяние становилось моим спутником, я забил на работу и ждал неизвестно чего, каждый день писал своему жестокому ангелу на электронный адрес нежные письма.

Друзья навещали меня часто, но надолго не оставались, не выдерживал моей хандры даже Женя. Он осуждающе поглядывал на меня, не говоря ни слова. Я понимал, что нужно взять себя в руки и не мог.

Ночуя в ее комнате, где каждый сантиметр напоминал о моей любимой, я тосковал...

Женька вчера придумал мне новое прозвище – «Пьеро» и пел мне песню «Пропала Мальвина, невеста моя». Жутко хотелось дать ему затрещину. Он словно напрашивался. Я пока держал себя в руках.

Сегодня он потащил меня в бар. И я напился.

В баре, к моему несчастью присутствовало слишком много знакомых.

Среди них и Кристина, моя бывшая девушка. Она тепло поздоровалась со мной и присела рядом.

– Как поживаешь?

Можно было задать и другой вопрос. Ты до сих пор живешь? К примеру.

– Замечательно. А ты?

Мы оба тактично и вежливо вели себя. Хотя мне, в сущности, плевать, как она поживает.

– Хорошо. Отлично выглядишь.

Грубая лесть. Как можно хорошо выглядеть в таком состоянии? Получай в ответ.

– Ты тоже, сияешь.

Глупая.

– А что за праздник у тебя? Что празднуешь?

Она видимо мою лесть приняла за чистую монету. Глупая. На самом деле Кристина красива, стройна, но глупа как пробка, честное слово.

– Есть повод. Ты со мной? Что я мелю?

Кристина обрадовалась. Зря я так. Я подозвал официантку и попросил принести еще выпить.

– Вот скажи мне, Крис, почему вы женщины такие непредсказуемые, а?

Девушка выпила и ответила.

– Это вы мужики глупые.

Я задумался. Довольно было сложно это сделать. Хмель мешал.

– Вот..., – я не успел договорить, как мой воспаленный разум узрел моего жестокого ангела. Я моргнул. Видение исчезло. Так мне хватит пить.

– Я домой. Мне хватит.

– Проводить?

Только не это.

– Я сам.

– Да ладно, я же могу.

Противно.

– Мы сами как— нибудь, – произнес непонятно как возникший Женька и потащил меня к выходу.

– Спасибо, друг.

Как же хорошо, когда есть на кого положиться в трудной ситуации.

Если Вы хоть раз перебирали, то поймете, чем я себя почувствовал утром, проснувшись.

Голова безжалостно болела. Жутко хотелось пить.

– Проснулся? Иди кофе пить, – позвал меня Женья. Я несколько раз встряхнул головой. Фу. Такое ощущение, что моей головой играли всю ночь в футбол. С трудом встав, я поплелся на кухню. Увидев меня, Женька заржал.

– Что ржешь?

– Видел бы себя. Одуванчик.

– Пошел ты.

Я опустился на стул и с удовольствием отхлебнул горячего кофе.

– В следующий раз я тебя с собой не беру.

Я усмехнулся.

– Это я тебя с собой не возьму.

– Рус, так нельзя.

– Нельзя то, нельзя это. Определись.

– Это ты определись.

– Я не видел ее уже третью неделю. А ты определись. С чем?

– Не пей так много вот и все. В руках себя держи.

– Я держу.

Посидев еще полчаса, Женя умчался по делам. А я сел за комп и написал Лере письмо:

«Мой нежный ангел!

Я вновь пишу тебе. Не уверен, читаешь ли ты мои письма. Но на всякий случай повторяю. Знаешь, только потеряв, можно понять как человек тебе дорог... и как бы хотелось все вернуть...

Ты можешь не верить мне. Но я всегда говорил тебе правду, как бы там не было.

В твоей комнате до сих пор пахнет тобою. Я чувствую тебя рядом, будто ты и не уходила. Слышу твое дыхание по ночам и тепло твоего тела... я не сошел с ума, хотя подозреваю, что такое возможно. Я погружаюсь в безумие, не зная где ты, и что с тобой и упрекать не буду. Ты не подумай. Просто мой жестокий ангел, мне было бы достаточно знать, что ты в порядке и счастлива.

Разве это обременительно?

Знаешь, вчера видел тебя там, где ты могла не быть. Мираж. Лера, я не хочу, чтобы ты стала моим видением. Я помню время, проведенное с тобой. И это не мираж. Я в это не верю. Может, это действительно был только сон? Если это так, то пусть он будет вечным, я не против. Лишь бы быть с тобой вместе. Не веришь? Зря. Зря моя маленькая, зря. Мне невыносимо без тебя, правда. Почему я такой дурак и не сказал тебе всего этого раньше? Я не знаю... так приходится признаваться в любви монитору, вместо твоих красивых глаз... Сердце мое, я люблю тебя.

Жалею, что не сказал тебе ничего раньше, быть может, все тогда было по— другому, и ты бы засыпала на моем плече?

Молчишь,... прости меня, я совершил огромную ошибку, отпустив тебя. Отпустил вместе со своим сердцем...

Я скучаю по тебе. Мучительно скучаю. Веришь?

Возвращайся, прошу тебя. Хотя и знаю, не вернешься, но все равно прошу. Ведь вдруг ты позвонишь в мою дверь однажды?

Я жду. Люблю. Скучаю.

Твой Руслан».

Глава 16. Пожалуйста, пусть она ничего не узнает

*Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..*

Ф.Тютчев

Я отправил письмо, как в дверь позвонили. Кого еще черт принес? Сейчас как дам кому —нибудь больно.

Открыв дверь, я замер. Вы верите в чудо? Верите? Я определенно да. Иначе быть не может, хотя я считаю себя скептиком.

Я ожидал увидеть кого угодно, но и мечтать не смел, что это будет мое маленькое чудо. Лера, зардевшись, стояла, переминаясь с ноги на ногу. Она что— то прошептала.

— Что? — переспросил я хрипло, не веря своим глазам.

— Я привезла тебе свое сердце. Возьми его и больше никогда не отпускай.

Вместо ответа я прижал ее к себе. Господи, я знал, ты есть. Спасибо.

В этот момент я ощутил безмерное счастье. Держать свою любимую в объятиях, чувствуя удары ее сердца, что может быть лучше этого?

— Я люблю тебя дурак.

На небесах, вероятно, какой— то праздник.

Я тихонько засмеялся.

— Взаимно.

— Ты простишь меня когда—нибудь?

— За что?

— Я сделала тебе больно.

— Какое это имеет значение теперь, когда ты здесь? Никакого.

Это действительно не имело ровно никого значения. Я счастлив, что еще мне нужно?

Женька пришел вечером, и меня удивила его реакция. Он улыбнулся при виде смущенной Леры, сидящей рядом.

— Наконец— то вы пара, чокнутые вы оба.

Мы расхохотались.

— Что ржете? Заставили меня нервничать и радуетесь! Управы на вас нет.

Женька радостно уставился на нас обоих.

Вечером он ушел загадочно и лукаво подмигнул мне. Я сделал вид, что не понял его намеков.

Мне просто хорошо. Моя любимая со мной и больше мне ничего не нужно.

Проводив Женю мы, взглянув друг на друга, расхохотались. Лера смущенно опустила голову.

— Значит мы теперь пара? — спросила она, опустив глаза.

— Аллилуйя, — ответил я, крепко держа ее за руку. Руки у девушки всегда холодные, с узкими хрупкими пальчиками. Мы лежали на диване, крепко прижавшись.

На лице девушки, не смотря на усталость сияли глаза. А я вовсе забыл про бессонные ночи.

Она потянулась ко мне и облегченно вздохнула, склонив белокурую голову мне на плечо.

— Я счастлива.

— Я чувствую.

Я заключил ее в объятия и чмокнул в макушку. Я тоже счастлив. Абсолютно. Скажите мне разве такое возможно? Я отвечаю сам — Да.

С этого дня все воспринималось по— другому. Осталась неловкость и робость, и страстное желание прикоснуться к ней полноправно. Но я боялся спугнуть ее. Ведь она поражала своей ранимостью. Поэтому я держался на расстоянии, позволяя себе держать как и прежде ее руку, целовать ее в щеку и прижимать к себе.

О чем— то большем не хотелось думать. Хотя желание поцеловать ее, ощутить вкус ее губ с каждым днем приходилось сдерживать.

Вот, к примеру, сегодня пока мы завтракали, мило улыбаясь друг другу, я сам не зная, как оказался рядом с ней, поправил ей выбившуюся прядь волос и чуть не поцеловал ее. До лица моего маленького чуда оставались какие— то миллиметры, и чувствовался запах ее кожи, который буквально сводил с ума. С трудом переводя взгляд от ее манящих к себе глаз к окну, я отошел к нему.

Наступал ноябрь, и я слышал тик моих внутренних часов, отмеряющих мое время. Давно я не слышал его. Не скучал. И вот он опять. Только не сегодня, когда я так счастлив...

Продержавшись полчаса, я отвез мою любимую к ней домой. Она хотела к маме и обещала вскоре вернуться. Я ни за что не отпустил бы ее, если бы не слышал тика этих противных часов. Домой я успел как раз вовремя, чтобы боль успела накрыть меня с головой. Скорчившись на полу, грозя потерять сознание каждую секунду, я видел дивные цветы, что росли вокруг меня. Я ощутил их волшебный запах, уводящий меня туда, откуда не возвращаются...

Последнее, что я запомнил тик— так, раздражающе громко звучащее надо мной.

Очнулся я уже на кровати от мобильного, который буквально разрывался.

Я отключил его и в изнеможении откинулся на подушку. Нет сил поднять голову. Но это необходимо сделать, скоро вернется мой маленький ангел и нельзя ей видеть меня в таком состоянии.

С трудом поднявшись, я привел себя в порядок и стоя перед зеркалом, заметил круги под глазами и бледный вид, да что там бледный, мертвенно— белый цвет своего лица. Скоро рак сожрет меня. Сожрал прежний загар. Нужно будет забрать результаты анализов в больнице. Не хочу знать. Я похож на призрака. И ощущал себя похожим на него. Красавец, чего тут скажешь. Потрясающе.

Попылившись еще на себя пару минут, решил, прежнего от меня мало.

Раздраженно ударил зеркало и пошел на улицу к своему ангелу.

За окном хлопьями летел снег. Наверное, это моя последняя зима.

Я заехал за Лерой, предварительно перед этим наглотавшись таблеток, в весьма скверном настроении. Она заметила это, поэтому промолчала. Некоторое время мы молчали, я украдкой смотрел на нее.

– Может, заедем к Оксане и Леше? – робко предложила она.

– Давай заедем. Как дома? – согласился я, морщась от привкуса таблеток во рту.

– Мама обрадовалась мне, спросила, когда я познакомлю ее с тобой.

Я усмехнулся, вспомнив наше знакомство.

– Что? – переспросила Лера, видя мою усмешку.

– Ничего, все в порядке. Когда она будет готова, я с удовольствием познакомлюсь с ней, идет?

– Идет, – ответила девушка и протянула ко мне руку. Я тихонько сжал ее. Она наблюдательна. От нее сложно что-то скрыть. Я не хотел, чтобы она видела отчаяние в моих глазах, только не сегодня.

Друзья обрадовались нам. Маленький Никита, не похожий ни на одного из родителей, радостно улыбнулся нам своим беззубым ртом и что-то залепетал. Я взял его на руки и сел с ним вместе на диван, пока Оксана суетливо собирала на стол, хотя мы и отказались от всего сразу.

Лера отправилась помочь Оксане на кухню, и мы остались втроем в гордой мужской компании.

– Отвратительно выглядишь, – смущенно произнес Лешка.

– И чувствую себя так же. Ксане только не говори.

– Ей ты сказал?

Ненавижу этот вопрос. Сколько мне его уже задавали? Раз двести?

– И не собираюсь, вы уже меня достали все с этим вопросом. Не надоело спрашивать одно и то же?

– Зря ты так. Она имеет право знать.

– Я жалею о том, что знаете вы, мне вас хватает сполна, – грубо оборвал я его.

Никитос занервничал и зашелся в плаче. Отец тут же взял его на руки и принялся укачивать.

Я почти умер и эти приступы только вестники.

Когда-нибудь один из таких приступов заберет меня с собой, и я останусь вечно среди тех странно-прекрасных цветов, что убаюкивали меня.

Только казалось, Валерия – мой ангел держит меня здесь, ради нее я возвращаюсь вновь и вновь. Надеюсь, чувства к ней будут впредь держать меня в этом мире, как надежный якорь. Больше всего на свете мне не хочется видеть в ее глазах отчаяние и безысходность, которые я вижу так часто в глазах близких мне людей. Она ничего не узнает. Прости меня, моя любовь...

Девочка моя вернулась с миской салата и, поставив ее на стол, прильнула ко мне. Я растерянно перебирал ее распущенные волосы и понемногу приходил в себя.

Оксана, увидев нас, расплылась в улыбке, очевидно, она счастлива за нас. Оксана давно начала пилить меня за то, что мы все еще не встречаемся официально. И вот мечты сбываются. Самый прекрасный ангел на земле рядом со мной и любит меня. «Я люблю тебя» – в ее устах звучит как райская музыка.

– Садитесь за стол, – скомандовала Оксана.

– Эй, про меня что забыли? – возмущенно завопил в коридоре Женя, едва войдя в дверь.

– Главный обжора пришел, – улыбаясь, произнес Леша.

Через минуту обжора сидел вместе с нами за столом и рассказывал захватывающую историю о том, как он сегодня провел день, застряв в лифте с какой— то бабулей. Мы умирали со смеху над его рассказом.

– Клянусь, бабуля Капитолина Георгиевна имела на тебя какие— то виды, – сказала Оксана, икая от смеха. Я побежал на кухню за стаканом воды.

– Она просила мой номер телефона, честное слово, – серьезно произнес Женя. Ответом ему был новый взрыв хохота.

– Смотри, вдруг у нее уже есть дед какой— нибудь, на дуэль вызовет, – предположил Лешка.

– Вечно вы все опошлите, ничего вам рассказать нельзя, – нарочно обиженным тоном произнес Женя.

Я смеялся вместе со всеми, совершенно забыв про сегодняшнее происшествие, правда, настроение улучшилось, только аппетита совершенно не было. Этого и следовало ожидать, главное, чтобы никто этого не заметил. Впрочем, Женя завладел общим вниманием и про меня все благополучно забыли, слава Богу.

Под полночь мы отправились домой вместе с Женей. Его мы отправили спать в мою комнату, а сами пошли ночевать в спальню Леры, я соскучился по ее ровному дыханию. Нового приступа я не боялся, потому что действия таблеток должно было хватить до утра.

Слышно, как бьется беспокойно ее сердечко.

В темноте сложно разглядеть ее лицо, но я услышал ее голос.

– Спасибо. Я счастлива по- настоящему.

– Это тебе спасибо, я люблю тебя. Спокойной ночи, спи, я рядом.

Мне ничего больше ничего не нужно. Боже, если ты так милосерден, будь милосерден к ней, пусть она никогда ничего не узнает.

А мне, если останется время пошли терпения, чтобы смог пройти свой путь до конца...
Пожалуйста.

– Я тоже люблю тебя, спокойной ночи. Будем всегда рядом.

Услышь мои молитвы хоть раз.

Я закрыл глаза и под ровный тон ее дыхания уснул.

Глава 17. Хьюстон, у нас проблемы.

Лера

Не знаю, как вас, но меня пугает внезапная перемена в отношении ко мне человека, который до недавнего времени буквально дышал ненавистью ко мне. Это я про Женю.

Мы не понравились сразу же друг другу.

Помню его брезгливое смуглое лицо, когда он впервые меня увидел.

Потом я привыкла к его отношению, но сегодня с утра я серьезно за него беспокоилась, вернее за его психическое состояние. Возможно, я чего не понимаю, но Женя серьезно пугает меня своим резко переменившимся настроением.

Вот сегодня, с утра он поздоровался со мной и спросил: «Как мои дела»? Честно, я чуть не упала. От удивления не смогла ответить ему, а лишь кивнула.

– Чего-то Лерик грустная сегодня.

Точно я сплю. Или сегодня день открытых дверей в психушке? Все мои эмоции на моем лице, потому что Руслан оторвался от чистки апельсина и с любопытством смотрел на нас обоих, вскинув идеальную левую бровь.

– Чего молчишь? Рус, ты чего с ней сделал? – обратился Женя уже к нему.

– Ничего. Может она дала обет не разговаривать сегодня? На это ей ума хватит, – добавил Руслан, и хитро посматривая на меня, съел первую дольку.

Женька пожал плечами.

– Да вроде ничем не заслужил такого молчания. Я вел себя хорошо. А ты?

Эти двое просто издеваются надо мной! Я попробовала пронести слово, но поперхнулась.

– Чего это она? Подавилась чем— то?

– Думаю, она готовит нам супер ответ и откашливается, – пояснил со знающим видом Руслан, все еще улыбаясь.

– О, да, наверное. Не терпится послушать.

Женя поудобнее устроился на стуле и выжидательно уставился на меня.

Я разозлилась. За кого они меня принимают?

– Ну, вы вообще! – выпалила я.

– Я разочарован, – вздохнул Женя.

– Погоди это еще не все. Сейчас будет интереснее.

– Думаешь?

– Конечно. Все ее только впереди... – не успел, договорить Руслан, когда я раздраженно кинула в него полотенце.

Оно плавно задело сахарницу, стоящую на краю стола и упало вместе с ней. Жаль, не попала.

– Потрясающее. Жду продолжения, – улыбаясь, заявил Женя.

– Терпение мой друг, только терпение.

– Дураки! – крикнула я и побежала в ванную.

– Это все? – спросил разочаровано Женя. Что ответил Руслан, я не услышала, раздался взрыв хохота.

Значит, у вас мальчики хорошее настроение? Мне вы его уже испортили.

Я вернулась на кухню спустя минуту и демонстративно делала вид, что кроме меня на

кухне никого нет.

– Кажется, на нас обиделись. Я этого не переживу, – серьезно произнес Женька. Он подошел ко мне и левой рукой взлохматил мне волосы.

– Не обижайся Лерик, это гормоны все виноваты, – сказал парень и, оставив меня с изумленным видом, ушел в зал.

Я устала на Руслана, ожидая от него объяснений. Он развел руки, едва сдерживая рвущийся наружу смех.

– Гормоны, значит, – констатировала сей факт я. Руслан заикал. Я подошла к нему поближе. И уже больше не сдерживаясь, мы засмеялись оба.

На этом сюрпризы в этот день не закончились. Женька весь день баловал нас своим хорошим настроением и разговорами. Под вечер я про себя подумала, что наконец— то уяснила, за что его так все любят.

Его невозможно не любить, как друга имею в виду. С ним хорошо, тепло душевно, он умел поднять настроение.

Что с ним было раньше, что изменилось?

Не знаю, но сегодня я абсолютно рада тому, что он такой дружелюбный ко мне, как никогда.

И мне это понравилось. Надеюсь, теперь мы станем большими друзьями.

– Пойдемте хоть по городу прошвырнемся. Мороженого хочу, кто со мной?– нетерпеливо спросил Женька после ужина. Я знаю, чем вызвано его предложение. Не хочет мыть посуду.

– Сходите с Лерой, – ответил Руслан, лукаво улыбаясь. Я в какой уже раз за этот день устала на него с изумлением.

– Лерик, давай одевайся, – скомандовал мне Женя.

Я не стала вслух задавать вопросы и покорно оделась. Руслан на прощание чмокнул меня в щеку.

Мы вышли на улицу, Женя галантно придержал для меня входную дверь. Холодно, и мой нос сразу покраснел.

Идя по улице рядом, мы не разговаривали, парень курил, а я мечтала поскорее вернуться к Руслану. Поскорей бы вернуться под очарование его коварных глаз.

– Ты прости, Валерия, если что было не так, – произнес неожиданно Женька, напугав меня.

– Ты о чем?

– Я иногда веду себя странно. Просто я долго привыкаю к новым людям в нашей компании. Про соски я тогда зря.

– Ничего страшного. Все нормально.

– Я знал, ты поймешь.

И больше не слова. Молча мы зашли в магазин и так же вернулись домой.

Мой парень с любопытством встретил нас с мокрой головой.

– Ты что топился? – спросил у него Женя.

– Вот собирался, да вы вернулись.

Я наскоро сбросила куртку и сапоги, порывисто прижалась к Руслану. От него сладко пахло смесью туалетной воды и шампуня с нотками лимона. Парень слегка прибалдел от моего напора.

– Хочу тоже в душ. Есть желающие потереть мне спинку? – с напряжением едва

уловимым, спросил Женя. Он мимолетно одарил меня улыбочкой и продефилировал в ванную.

– Он всегда такой?

– Постоянно. Когда у него хорошее настроение, он ведет себя еще хуже.

– У него есть девушка?

Руслан ухмыкнулся.

– Легче пересчитать тех, с кем он еще не был, чем тех, кто уже попался.

– Так много?

– Вероятно, вся женская половина города и района, кроме тебя, солнышко. Он и с сестрой моей был, так что когда познакомишься с ней, не упоминай его имени и, тем более, что вы дружите. Иначе запишешься в смертельные враги.

– Почему?

– Он бросил ее раньше, чем она успела заявить свои права на него. По его правилам, если девушка провела с ним ночь, то на следующее утро он просто уходит. Слишком легкая добыча не интересуется. Я сотни раз говорил ей, не спи с ним, пока ты держишься на расстоянии, он приложит все усилия, чтобы быть с тобой, а чуть ослабишь хватку, все прощай. Неинтересно.

– Ты его хорошо знаешь.

– Иногда чересчур, – произнес Руслан с горечью. Я посмотрела на его лицо. Тенью на нем лежала грусть.

– Вы никогда не ссорились из— за девушки?

– Пока нет. Мы всегда выбираем разных.

– Если бы так случилось, что выбрали одну и ту же? Что было бы?

– Выбор был за ней. Я хорошо его знаю, он бы не уступил.

– Что сделал бы ты?

– Я знаю, что хочу сделать сейчас, – тембр его изменился, кадык судорожно дернулся.

Парень нежно обхватил мое лицо и приблизил свое. Я могла видеть искорки в его глазах, трепещущие длинные ресницы. Закрыв глаза, я ждала поцелуя.

Раздался голос Жени:

– Земля вызывает Хьюстон! Мне нужно полотенце, иначе подтерусь Леркиным.

Руслан тихонько выругался и отпустил меня.

– Если ему не дать желаемое, он точно вытрется твоим, – прошептал он и отправился за полотенцем. Черт бы побрал этого Женю! Пускай вытирается.

Я прошла в свою комнату, нужно было переодеться во что— то более домашнее. Распахнув шкаф, я задумчиво стала перебирать вешалки. Одеть зеленое или голубое? Футболку или топик? Штаны или юбку?

Поколебавшись пару минут для приличия, я же должна соответствовать женской половине этого мира, выбрала футболку и лосины черного цвета и вышла из комнаты.

В этот момент Женя тоже выбрался из душа, громко распевая матерные частушки, не заметив его, со всего маху я врезалась в него, сбив с ног.

Запах его кожи окружил меня с головы до ног, это была смесь запаха геля знакомого мне, но в его четкую паутину вплелись нотки чего— то нового, манящего, дразнящего.

Растерянно я провела рукой по его груди. Да и не видела я никогда Женю полуодетого. Он в одном полотенце, пронеслось у меня в голове. Только сейчас я сообразила, что сижу на нем.

Приоткрыв рот, чувствуя, как краска заливает мое лицо, я подняла взгляд на молчащего парня. Меня опалило огнем, что бушевал в его глазах.

Он потянулся ко мне, самое странное, мое тело ответило. Оно жаждало прикосновения сильных мускулистых рук, воображение тут же активировалось, рисуя картины, где этот сильный и упрямый рот прижимается к моему, я физически ощутила его вкус...

– Связь и управление установлено, – горячо прошептал Женя возле моего лица и это отрезвило.

Резко вскочив, я в страхе не знала куда деваться. Низ живота превратился в камень, пусть он на меня не смотрит.

Женя лениво поднялся, щелкнул меня по носу. Полотенце грозило соскочить с его бедер.

– Смотреть надо под ноги, куда идешь, – произнес он громко.

– Что там? – донесся голос Руслана из кухни.

– Лера меня сбила. Мы в порядке, – нарочно громко ответил он, – Руслан, мы есть будем? Я ужасно голоден, – подмигнув мне, сказал Женя и отправился в комнату.

На пороге он тихонько поманил меня пальцем.

Увидев мое негодующее лицо, он зловеще расхохотался и закрыл дверь.

Мне хватило несколько минут, чтобы прийти в себя. Переведя дух, я пошла на кухню.

– Ударилась? – заботливо спросил Руслан. Я избегала его взгляда. Похоже, серьезно вляпалась. Ненавижу этих парней.

– Нет, все в порядке.

– Тогда хорошо, не поставишь чайник, я пока нашему чудовищу разогрею ужин. Спасибо.

Я покорно схватила чайник, наполнила и поставила на плиту. Электрического чайника у Руслана нет. Ему такие не нравились.

Пришел Женя, он оделся, и по всему прекрасно себя чувствовал. Лицо его было невинней младенца. Зато я покраснелась как помидор. Расскажет или нет? Этот вопрос мучил меня весь оставшийся вечер.

После ужина Жени и нашего чаепития с Русланом, мы втроем принялись за поедание мороженого.

Руслан кормил меня с ложечки и измазал мне лицо, подозреваю что специально. Тогда мне пришлось отобрать у него ложку и есть самой. Доев, я отправилась спать, мальчики еще остались доиграть партию в шахматы.

С удовольствием растянувшись на постели, я в темноте наблюдала, как бегут по потолку полоски света от проезжающих машин. Поскорее бы пришел мой любимый, тогда бы я спокойно уснула под биение его сердца. Пока я мечтала, в дверь поскребся кот Руслана, он вчера забрал его у родителей. Кота звали Бонифаций. Он жутко пушистый и важный, весит, наверное, килограмм 8.

Его довольная морда еле протиснулась в мою комнату и вот он уже весь забрался на кровать. Руслан его обожает, вон как откормил. Боня замурлыкал, потерял об мою руку головой и приготовился ко сну.

– Боня, ты как всегда, – укорил кота Руслан, пришедший через пару минут.

Парень сразу же заворковал над котом, примостившись рядышком.

Довольный кот мечтательно закрыл глаза. Мы по очереди гладили его, пока наши руки не соприкоснулись, я почувствовала электрический удар током, который заставил меня

затрепетать. Я сглотнула судорожно, ощущая на себе внимательный и пронизывающий взгляд моего парня.

Руслан очень медленно скользил рукой по моей руке, поднимаясь все выше и выше, еле касаясь моей кожи, заставляя покрываться ее мурашками. Мне хотелось убежать, иначе в противном случае сердце грозило разорваться на мелкие частицы.

Пока тело отказывалось меня слушаться и просто застыло, Руслан оказался совсем рядом, и я чувствовала его обжигающее дыхание на своей шее.

– Ты знаешь, что сводишь меня с ума? – хрипло прошептал он мне на ухо.

– Нет, – ответила я, в моей голове отсутствовали все мысли, кроме одной – я отчаянно желала прикосновений его губ к моей коже. Что мы делаем?!

– Теперь знаешь, – вновь прошептал Руслан и резко отодвинулся от меня.

Разочарование накрыло меня с головой. Я сама потянулась к нему, но Руслан уже перевернулся на другой бок. Мне ничего не оставалось, как сделать тоже самое. Между нами счастливо расположился Боня.

Глава 18. Первый поцелуй.

Лера

Утром я проснулась в полном одиночестве. Руслан, заглянув в комнату, ласково мне улыбнулся.

– Сегодня какой— то особенный день? – спросила я.

– Ага, вставай, а то пропустишь самое интересное, – загадочно произнес Руслан и исчез.

Я, тихонько застонав, выползла из— под одеяла, и наскоро умывшись и поправив волосы, поспешила на кухню. Передо мною тут же возникла тарелка с овсянкой.

– Приятного аппетита, – пожелал мне Руслан, усевшись, напротив, с чашкой кофе.

Сердце мое подпрыгнуло, когда он посмотрел из полуопущенных ресниц. Такой красивый сидит напротив меня, слово принц из сказки, из мечты...

– Ты чего так смотришь на меня?

Я поперхнулась и ответила:

– Больно надо.

Парень закатил глаза.

– Колочка, нет бы сказала, я люблю тебя и все.

– Я люблю тебя, доволен?

Ответом мне послужила нежная и чарующая улыбка.

– Ты мне доверяешь?

– Я никому не доверяю.

– Смешная ты.

Руслан тихо засмеялся.

– Что ты задумал?

– Ничего. Просто.

Он снова заулыбался и чего я сказала смешного? Не понимаю.

– А ты мне?

– Как себе.

Он продолжал улыбаться.

– Что, правда?

– Конечно. Разве я когда-нибудь врал тебе?

– О, так сразу и не вспомнишь.

Руслан фыркнул и подскочил ко мне. Я вся сжалась.

– Ну, ты и дикая.

– Я осмотрительная.

– Ну, обнять— то я тебя могу?

Он выжидательно и вопросительно посмотрел на меня. Я сдалась и потянулась навстречу к нему. А он отстранился, лукаво улыбаясь:

– Я пошутил.

Я надула капризно губы:

– Отвези меня тогда домой.

– Ишь чего удумала, ни за что. Сегодня мой день, вечером отвезу, обещаю.

Я застенчиво улыбнулась. Мой день – собственник нашелся. Посмотрим, кто кого. И чей день сегодня. Быстренько доев кашу, я с любопытством уставилась на Руслана.

- Чем займемся? – поинтересовалась я.
- Есть пара идей. Поможешь мне в кое чем?
- Смотря в чем.

Два часа мы занимались тем, что украшали фотографиями стену в его комнате. Это у него увлечение такое. Стена длиной трех метров вся увешана разными фотками. Вот Руслан маленький, в первом классе, выпускной, где Руслан жутко серьезный в костюме среди смеющихся одноклассников, рядом Женька с безумной прической, пара фоток с рыбалки, где Руслан в кадре упал в воду, а Женька хохочет, вот свадьба Леша и Оксаны, Оксана с пузом, затем с Никитой на руках, чье— то день рождение: Руслан с лицом, перемазанным в креме, Женя танцующий на столе, фотки с Франции, Англии, Бразилии, Египта, США, Италии, с каких— то озер, с аттракционов.

- Неужели ты там был?
- Где меня только не носило, – улыбаясь, ответил он.

Наших с ним совместных фоток немного, некоторые из них совершенно мне незнакомы, и когда Руслан успел сфоткать меня, не знаю. Он фотогеничен, не то, что я. По сравнению с ним я жуткая страшилка. Фу.

Провозившись, я успела измазаться в клее, пришлось идти переодеваться. Я вернулась, Руслан стоял возле окна, сунув руки в карманы, и смотрел на потемневшее небо. Подойдя к нему, робко прислонилась к его плечу.

– О чем думаешь? – спросила тихо. У него сильное и теплое плечо, я тихонько потерлась об него щекой.

Нежная улыбка заиграла на его губах.

– Просто. Скоро новый год.

Я сморщилась. Ненавижу этот праздник.

– Что? – спросил Руслан, заметив мою реакцию.

– Не люблю этот праздник.

– Почему?

Он, кажется, удивился моему ответу.

– Не знаю, глупый праздник, – я пожалала плечами. Не хотелось вспоминать как обычно в моей «семье» праздновали новый год.

– Я приглашаю тебя к себе на этот праздник. Возражения не принимаются.

– К себе? Это куда?

– Ко мне домой, к родителям. Они каждый год устраивают типа вечеринки. Будет весело, вот увидишь, тебе понравится. Родители и наши друзья переодеваются в костюмы, словно на детском утреннике. В прошлом году мама была русалкой, папа десантником.

– А ты?

– Смеяться не будешь?

– Нет.

– Мы с Женькой и Лешкой хотели быть мушкетерами, но Женька наколол нас как обычно, не захотел парик искать. В итоге он был Красной шапочкой, а я Снежинкой. Лешке пришлось тупо натянуть простынь и вырезать дырочки для глаз. Больше костюмов не нашлось. Жуть как смешно было.

– В этом кто кем будет?

– О, мама хочет быть Шехерезадой, папа подозреваю, будет тогда султаном. Оксана пятачком, а Лешка Винни— Пухом.

– Обязательно быть в костюме?

– Ага, мы тебя оденем Алисой в стране чудес. Повяжем синюю ленту и все.

– Ты кем будешь? Много вообще народу?

– Человек 50 где— то. Женька собрался быть бомжом. Но в это мало верится.

Я улыбнулась, представив утонченного Евгения в виде бомжа.

Руслан порывисто прижал меня к себе.

– Ты уверен, что стоит меня брать с собой?

– Не говори глупостей, конечно стоит. Ладно, пойдем, покормлю тебя.

Мы поужинали. В голове крутились сотни мыслей. Скорее всего, он меня у себя не оставит, жаль. Впрочем, и домой мне, нужно изредка хотя бы показываться. Ради спокойствия мамы.

– Я домой сегодня? – решила на всякий случай уточнить я.

– Я тебя сам провожу. Одевайся. Эта мерзкая улыбочка с утра все еще не сходила с его лица. Кем он себя возомнил? Я раздражено вскочила.

– Чай? – предложил Руслан.

Я выпила чай и пошла собираться. Мне сегодня позарез нужно быть дома.

– Ты такая милая, когда сердишься.

Я не ответила, возмущено борясь с молнией на куртке. Я девственница и гордилась этим, но эти игры порядком надоели. Я хочу его, он медлит. Почему?

Руслан цокнул и, качая головой, застегнул мне молнию до самого подбородка. Его лицо было в пару каких— то сантиметров от моего. Боже, хоть бы он меня поцеловал! В последнее время только это желание мучило меня.

Втайне я представляла, каково это и уже таяла от восторга.

Парень глубоко вздохнул и медленно отдалился от меня.

– Спасибо, – пискнула я.

– Не за что. Пошли.

Мы вышли на темную улицу, довольно прохладно, и я уже пожалела, что мы пошли пешком. Руслан, молча взял меня за руку. Я к этому уже давно привыкла. Приятно было чувствовать его руку, крепко держащую мою.

Фонари по всей улице и не думали гореть.

Мы шли не спеша. Я ждала, пока Руслан заговорит. Наконец он произнес:

– Лера, можно я кое, о чем тебя попрошу?

– О чем?

– Ты сначала скажи да или нет.

Я почувствовала, как он сжал мне руку.

– Да.

– Обещай мне больше никогда никуда не исчезать. Для меня это важно. Ты для меня важна.

– В качестве кого? – спросила с улыбкой.

– Среди всех твоих привычек. Эта – отвечать вопросом на вопрос меня умиляет. Ты можешь просто пообещать и все?

– Могу. Раз так, то обещаю.

– Теперь я отвечу на твой вопрос. Ты мне важна в любом качестве. Ты просто есть. Ты – это ты.

– О, ясно, – протянула я.

– Еще один вопрос. Если я тебя сейчас поцелую, ты не убежишь от меня?

Руслан

Когда я спросил у нее разрешения, она радостно на меня посмотрела. Улыбка озарила ее нежное лицо, и она сказала прелестным голосом:

– Тебе разве нужно мое разрешение?

Сердце мое готово взорваться. Я не ожидал такой реакции на мой вопрос с ее стороны. Не веря в происходящее, я приблизился к ней. Она совсем близко, и я мог разглядеть кончики ее ресниц.

Я коснулся ее губ своим дыханием и боялся прикоснуться к ним. Дыхание участилось. Придвинулся ближе и закрыл глаза, робко прикоснувшись к ее губам.

Мир исчез. Она с жаром ответила на мой поцелуй, что немного удивило. Словно она тоже ждала этого первого поцелуя.

Но на сегодня достаточно, я рискую потерять последние остатки разума, нежно отстранившись, открыл глаза. Она улыбалась. Это хорошая улыбка. Счастливая.

– Следующий раз не спрашивай разрешения. Оно тебе не нужно, – прошептала девушка.

Какое-то мрачное предчувствие накатило на меня. Я отогнал все грустные мысли. Когда-нибудь она узнает правду, и надеюсь, простит меня. Я еще не знал, что когда-нибудь будет скоро.

Я проводил ее до дома, на прощанье несколько раз поцеловав. Через семь часов она снова будет со мной.

Глава 19. К чему приводит битье посуды.

Лера

Руслан проводил меня до двери. Нежно попрощался и уехал. Я шагнула в дверь, щелкнул свет и в коридоре стоял Женя.

– Женя? Ты чего тут делаешь? – только и смогла выдавить я из себя.

– Лера, не ругайся, я хотел извиниться.

– За что?

– За свое поведение. Я часто веду себя неправильно. И вчера я... – парень смущенно замолчал.

– Чаю хочешь? – спросила я. Сама себе удивилась.

Я предложила ему чаю.

– Хочу, – выпалил парень и резко

покраснел. Первый раз созерцаю это явление.

– Иди за мной.

Я сунула ноги в тапочки, встряхнулась и повела Женю на кухню. Настроения, благодаря Руслану, ругаться нет совсем. Может, мы наконец — то сможем найти общий язык? Хотя смутно в это верится.

Мягкий свет озарил маленькую кухоньку в доме.

Я кивнула парню на стул. Женя немедленно сел и скрестил руки.

– Давно ты тут?

Я жила два дня дома одна. Родители уехали к моей тете, проведать. Ключ только у меня.

Женя заерзал.

– У вас такой замок, что его скрепкой откроешь.

– Часто ты такое проделываешь?

– Бывало. Я не об этом хочу поговорить.

– О чем?

– О вчерашнем.

– Говори тогда.

Я щелкнула чайником и потянулась за чашками с сушилки, от волнения чересчур сильно оперлась на хлипкий столик. Он не выдержал и надломился. В этот момент я рукой схватила саму сушилку и, падая, дернула ее на себя.

Ни одна не успела пасть на мою грешную голову, я упала прямо на руки Жени, вовремя оказавшегося рядом.

Вокруг нас падала посуда, и я целовалась с лучшим другом моего парня.

Его руки осторожно забирались под одежду, оставляя, казалось, пропалены в моей коже. Мои руки обвивали его шею, левая рука ощущала мягкость его волос в том месте, где они соприкасались с шеей.

Этот раздражающий меня рот своими гадкими словами сейчас был безумным, неудержимым, легко скользил по моим губам, внутрь их, спускался к шее, дразнил своим присутствием. Парень приподнял меня, усадил на обеденный стол, задрал мне юбку до пояса, я обхватила его бедра ногами и притянула поближе к себе...

Женя резко отодвинулся от меня, почти отлетел к противоположной стенке, и теперь тяжело дыша, не отрываясь, смотрел на меня.

Сама я, дрожа, смотрела на все вокруг.

Разбитая посуда.

Сломанный столик, на себя я даже боялась смотреть.

Взгляд упал на задранную юбку...

Я стыдливо прикрылась руками и спрыгнула со стола, чувствуя на себе его прожигающий и нетерпеливый взгляд, прошла в ванну.

Наскоро ополоснув руки и лицо, я переоделась, после этого вернулась на кухню. Женя собирал осколки.

Мы избегали взглядов друг друга и держались на расстоянии.

Первой нарушила молчание я.

– Извини меня.

– Ты меня тоже. Не знаю, что нашло на меня. Ты простишь меня за это?

Я уставилась на него. Он извиняется передо мной?

Тут глаза мои наполнились слезами, и я предательски захлюпала носом.

– Не плачь, пожалуйста. Я во всем виноват. Не держу себя в руках, со мной вечно такая беда, – прошептал мне Женя. Я заревела во весь голос.

– Я себя ненавижу и тебя ненавижу! Как я расскажу все Руслану, что я ему скажу? Я чуть не отдалась твоему лучшему другу? На столе? Зачем ты пришел, придурочный? Зачем полез ко мне со своими поцелуями? Лапал меня?

– Вообще-то мы лапали друг друга вместе, – с напором ответил Женя, – Еще скажи тебе не понравилось.

– Не может понравиться, когда тебя насильно целуют и лезут!

– Даже так?

– Да так. Ты разрушил мою жизнь, уходи отсюда!

– Извинился, называется, – парень перевел дух, – Лера, извини меня, что полез к тебе, что целовал так, что ты стонала и шептала мое имя. За то, что захотела меня, тоже извини.

Я не выдержала и влепила ему пощечину. По левой щеке Жени предательски заалел отпечаток моей ладони.

– Еще раз так сделаешь, я не остановлюсь, – прошипел он раздраженно.

– Тронешь меня еще раз и не то еще получишь, – пообещала я.

– Попробуй, – шепнул он и вмиг оказался в сантиметрах от меня.

– Это уже не смешно.

– Кто тут говорит, что нам должно быть смешно? Не дергайся.

Женя медленно протянул руку и заправил локон мне за ухо.

– Видишь, я могу быть другим, – произнес нежно Женя.

Я недоверчиво посмотрела на него. Доверия он не внушал.

Целый час мы убили на уборку кухни, Женя починил столик, поставил на место сушилку, я вымыла полы.

– Сделаем вид, что ничего не было, идет? – предложил парень, когда мы все закончили и я провожала его.

– Я все равно расскажу Руслану.

– Зачем? Это я виноват, сам расскажу. Не воспринимай меня близко к сердцу. Я ветреный, успею еще снять кого-нибудь и насладиться прелестями жизни. Так что не грузись. Я больше не подойду к тебе и уж тем более не собираюсь лапать.

В последних словах присутствовала едва заметная горечь.

– Мир?

Я просто кивнула и протянула ему руку. Какой к черту мир? Объявлена война и не знаю, к чему она приведет.

Не доверять себе, худшая участь. Женя слегка сжал мои холодные пальцы и уехал.

Ночь предстояла беспокойная. Я ворочалась с бока на бок, измученная муками совести. Губы: помнящие, саднящие, обожжённые не давали покоя. Поэтому утром я проснулась в весьма скверном расположении духа и намерением все рассказать Руслану.

Глава 20. Я ее поцеловал

Руслан

На следующий день Женька явился весь какой-то взбудораженный, нервный. На мои вопросы не отвечал. Не обращая внимания, лучший друг уселся в кресло и не поменял своего положения до прихода Леры. Стоило ей войти, как лицо его просветлело. А ее наоборот помрачнело.

Я с любопытством переводил взгляд с одного на другого.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

– Ничего, – хором ответили оба и покраснели. Детский сад.

– Кстати, Лер, не хочешь прокатиться до моих? Ничего серьезного, мне надо кое-что забрать из дома.

– А это удобно?

– Она боится. И я ее понимаю, – с улыбкой произнес Женя.

– Не пугай ее. Мы просто заедем, я возьму документы и уедем.

Лера в нерешительности смотрела на меня.

– Может, не сегодня?

– Сегодня, не переживай.

Девушка прильнула ко мне. Я слышал, как бьется лихорадочно ее сердечко.

Знакомство с моей семьей не самое плохое событие.

– Варю захватите домой. Она у Максима оставалась.

– Они встречаются? – спросила Лера.

Женя пожал плечами:

– Они дружат с детства. Не думаю, там что-то серьезное.

– И ты не против? – удивился в свою очередь я.

– А причем тут я? Сама пусть решает. Тем более Макс хороший парень. Короче, заберите ее домой, не думаю, что остальные обитатели твоего дома ей рады. Скажи Максиму, пусть лучше они ночуют у нас дома.

– Ладно, мы поехали.

Не знаю, зачем я согласилась.

Впервые попав в дом Руслана, мне сразу стало понятно. Здесь меня никогда не примут. Здесь не мое место, даже не смотря на его точку зрения. Слишком чуждо, вычурно. Его дом похож на музей, а не на семейный очаг.

Мы вошли в гостиную и меня словно окатили ледяной водой. Его мама.

Самая красивая женщина на свете и такая холодная. Смерив меня с головы до ног, она презрительно сосредоточилась на моей скромной одежде. Мне захотелось спрятаться, убежать от ее колючего и неприятного взгляда. Отец же наоборот довольно тепло поздоровался.

– Сынок, что же ты не предупредил заранее? Мы бы подготовились.

– Здравствуй, мама, не думал, что мне приглашение требуется.

Его мама смутилась, но продолжила щебетать.

– Мама, папа, это моя Валерия.

Руслан меня представил, и мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Как мило и приятно познакомиться, Валерия. Я Вероника, это Дмитрий Иванович.

Вероника задавала мне кучу вопросов, активно интересуясь местом работы родителей, моей работой.

– Ой, а сейчас какие салоны работают? Вы не знаете, Валерия?

Я понятия не имею о чем она.

– Я не знаю.

– Да? А где тогда Вы познакомились с моим сыном? Наверняка на какой—нибудь вечеринке? Никогда не понимала, почему руководитель так игнорирует тщательный подбор персонала. Надо проверять их на вшивость.

Я решительно не понимала, о чем она. Зато лицо Руслана красноречивее всего.

– Знаешь, тут Кристина заходила. Милая девушка. Высшее образование, прекрасные манеры. А какая она красавица! Загляденье. После такой красоты тянет иногда на нечто дешевое.

– Мам, как там твой фитнес—тренер? Спину не надорвал?

Вероника захохотала:

– Так вот вы где познакомились? А я гадаю.

– Мы познакомились случайно, мам. И нам, кажется пора. Всем пока!

Руслан встал и буквально потащил меня за собой. В машине он молчал. А я не решалась заговорить. Да и что я могла сказать? Виновата.

Руслан довез меня до дома:

– Мне надо на работу. Заеду вечером, ладно?

– Ладно. Я буду ждать.

Он попрощался и уехал.

Руслан

Я заехал на работу, убрал документы в сейф. Смирнов явно снова не в настроении. Курит, зараза без остановки.

Мы вернулись домой вдвоем, почти не разговаривая. Я стал мыть посуду.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Женя вопросительно уставился на меня.

– Вы оба ведете себя странно. Я хочу знать причину.

Женька поджал губы и отошел от меня подальше.

– Ты лучше освободи руки от лишней посуды. Я знаю, как тебе нравится этот набор.

– Ладно.

Я отложил тарелку. И развел руки.

– Я ее поцеловал.

– Что?

– Я ее поцеловал!

– Что ты сделал?!

– Поцеловал! Я что должен проорать это в громкоговоритель? Я ЕЕ ПОЦЕЛОВАЛ!

Эту посуду Мила привезла мне в подарок на очередной день рождения. Приятно, когда родственники знают твои предпочтения и вкусы. Тем более родная сестра. И мне почти его не жалко. Почти. Потому что любимые черные тарелки сейчас летели в голову лучшего друга.

Я ни разу не попал. Хотя он стоял совершенно ровно и не дергался.

Просто меткость совсем не мой конек.

– Успокоился, истеричка? Я виноват, признаю.

– Ты совсем охренел? Она моя девушка, моя!

– Я в курсе. Это получилось случайно. Она мне дала пощечину. Так что виноват только я один. Извини.

– Извини? Извини??? Ты извиняешься?

– Ну хочешь, дай мне по морде. Может, полегчает.

– Какого хера вообще?

– Не знаю. Ты собираешься сказать ей правду?

– При чем тут это?

– Ты собираешься сказать ей правду?

– Я с тобой не собираюсь разговаривать.

– Я же извинился.

– И что? Это уже перебор. Сначала моя сестра, теперь моя девушка. Ты не охренел?

– Ну что мне еще сказать? Виноват. Это ничего не значит.

– Я слишком хорошо тебя знаю. В этом вся проблема.

Женя не ответил, смотря в стену.

– Пойду за веником.

Я собрался с духом и выпалил:

– Я не хочу ей говорить. Не хочу, чтобы она знала. Если она передумает быть со мной, я только за.

– Я думал, что все серьезно. Она имеет право знать правду.

– Какую? Не такой жизни она заслуживает. Мне вполне достаточно всех вас, чтобы добавить туда еще и ее. Я этого не хочу.

– Она быть может и не заслуживает такой жизни. Но каждый из нас вправе выбирать. Тебе не кажется, что делать выбор за нее, неправильно?

– Неправильно. Но другого выбора у нее не будет. Я хочу, чтобы она была счастлива. Если ты ее выбор, пусть. Заставишь ее передумать, я не против.

– Да пошел ты.

– Сам пошел. Иногда ты ведешь себя как последняя сволочь.

– А было лучше тебе не сказать? Справедливее?

– Было лучше не трогать мою девушку. Вообще.

– Я уже извинился. Мне что еще сделать?

– Не быть таким самодовольным. Все равно я поцеловал ее первым.

– У нас что соревнование?

– Я те дам соревнование.

– Твой комплекс вечно второго. Не мой.

– Ой, заткнись уже.

Женя развернулся и пошел за веником.

Как маленький. Я наблюдал за ним с каким-то удовольствием, как он бесится. Как он влюбляется в нее: погружаясь все глубже и глубже. Он увяз по уши и не собирался даже признаваться в этом. Даже самому себе.

Помогать ему я не стал. За свои поступки надо расплачиваться. Признаться честно, мне стало страшно. Что у меня есть, кроме болезни? Можно ли это считать козырем в отношениях? А если она останется со мной, не потому что любит, а из— за жалости? Жалость. Вот чего я боюсь.

Можно подраться, можно. А смысл? Пусть мучается осознанием вины. А я лишь подброшу масла в огонь.

Лера

Вечером мы играли в карты, Женя предлагал на раздевание, но мы хором с Русланом отказались. Слава Богу, повторения той ситуации мне не хотелось. Лишь лукавый огонек в глазах Жени напомнил, что было накануне. Это знание бесило. Общих тайн с ним не хотелось. Я не решилась на признание.

Руслан подряд три раза выигрывал и в качестве приза требовал мой поцелуй. С каждым разом его поцелуи и прикосновения крепчали.

– Так нечестно. Мы что на Леркины поцелуи играем? Если выиграю я, мне же не положен ее поцелуй? – возмутился Женя. В этот момент он на меня посмотрел, словно говоря: «Ты только попроси, и я поцелую тебя как тогда».

Руслан только отмахнулся от него.

– Я тебя поцелую, если хочешь.

– Спасибо, я не из таких, сладенький, – ответил Женя и широко улыбнулся.

– Давайте сыграем на желания, – предложила я.

– Я своих желаний боюсь, – парировал Женя. Руслан уставился на него в недоумении, через минуту это выражение сменилось злостью. К счастью, Женя это заметил и сразу же сменил тон.

– Я хочу спать. Скучно с вами. Поеду до своих, удивлю, – наскоро попрощался Женя и ушел, бросив карты на пол.

Руслан перевел дух. Мы остались вдвоем. Я стала собирать колоду, как Руслан ловко выхватил у меня из рук.

– К черту, – прошептал он мне на ухо и прижал меня к себе. Напора я не выдержала и увлекла его за собой на мягкий ковер. Руслан навис надо мной, держась на руках, но я чувствовала вес его стройного тела.

Не спеша он приблизил лицо к моему и коснулся губ. Мягкие и податливые, теплые губы обжигали, скользя по моим губам, становясь требовательней. Я закрыла глаза, мои пальцы легонько побежали по его телу, под футболку, тщательно изучая каждый кусочек. Мышцы тут же напряглись, Руслан что-то невнятно прошептал и сильнее прижался ко мне, даря еще более крепкий поцелуй, затем его губы перенеслись сначала к подбородку, вниз по шее, найдя ложбинку на груди.

Я затрепетала, каждая частичка тела отчаянно хотела большего.

– Все нормально? – спросил он, заметив мою скованность, – Я люблю тебя, что ты молчишь? Что не так? – голос звучал тревожно.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Его глаза потемнели от желания, стали темно-зеленого цвета, в них бушевал огонь.

– Не хочу останавливаться. Просто боюсь.

Я ослабила хватку и опустила ноги.

– Чего? – удивился Руслан. Он перекатился на спину. Нам обоим тяжело дышать.

– Я, я не знаю, как это сказать, – прошептала я и зарделась.

Руслан приподнялся на локте и вопросительно уставился на меня, левую руку он оставил на моем животе. Сквозь ткань чувствовался жар от его ладони.

– Мне ты рассказать можешь все. Что не так?

Почему так сложно подобрать слова? Мои щеки пылали.

– У тебя никого еще не было? – помолчав немного, спросил парень.

– Почему ты думаешь, Кирилл мне изменил? Я не была готова, – пролепетала я.

– Со мной также?

– Тебя я люблю, просто боюсь, – я смущенно улыбнулась.

– Прости меня, я об этом забыл спросить, – извинился Руслан.

Стыдно. Мне стыдно.

– Все нормально. Ты меня тоже извини, наверное, нужно было сказать тебе раньше. Ты злишься?

– С ума сошла? Это я баран, увлекся и пропустил важный момент. Мне не с чего злиться. Я должен спросить раньше того, чтоб приставать к тебе со всякими непристойностями.

Я перевернулась на бок и посмотрела на него.

– Значит, ничего страшного? Ты не злишься?

Слабая улыбка промелькнула по его губам, дышал он уже ровно.

– Все хорошо, я люблю тебя.

– У тебя было много девушек?

Вопрос застал его врасплох.

– Ммм. Я не связывался с кем— то надолго.

– А такие как я были?

– Если в том смысле, что я понял, то нет. Слушай, ты не хочешь чаю? Может, стоит поболтать за чашкой чая? Твоя бретелька совсем скатилась, я борюсь с желанием поправить ее назад, – проникновенно прошептал Руслан.

Я смущено зарделась и тут же привела себя в порядок.

– Да, пойдём выпьем чаю. Полностью за.

Руслан помог мне подняться. Весь оставшийся вечер мы провели за чашкой чая, болтая о всякой ерунде.

Руслан быстро уснул. Я размышляла. Эти парни надоели. Отчего с одним я лишилась рассудка, со вторым зарделась и остановилась? Что со мной не так? С Женей все понятно, он придурок, а с Русланом? Почему я прервала его? Почему ответила на поцелуй Жени? И ничего не сказала Руслану...

Я совершенно запуталась в себе. Утро вечера мудренее.

Глава 21. Перед грозой

Лера

Я проснулась среди ночи. Что-то не так. Руслан не лежал рядом. Где он мог быть? Я поспешно встала и вышла из комнаты.

Парень полулежал на диване и сжимал голову руками. Не замечая меня, он тихонько застонал. Меня это напугало.

– Что с тобой?

Как он дернулся при звуке моего голоса! Поморщился и попытался принять привычный вид.

– Со мной все хорошо, – возразил он зло.

Как же ему хорошо? Будто я не видела, он бледен, милое лицо искажено по непонятной причине, губы закусаны до крови, капельки пота стекают по его щекам и он смеет утверждать, что все хорошо?

– Объясни, что тобой?

Он не успел ничего ответить и помчался в ванну, раздались булькающие звуки.

Я рванула за ним, но наткнулась на закрытую дверь. Постучала. Тишина. Постучала сильнее. Пнула. Еще раз. Заорала.

– Дверь открой!

Пнула. Ударила кулаком. Еще. Еще. Еще.

Неожиданно дверь открылась. Руслан сидел в углу своей безупречной комнаты, пряча голову в коленях. Его всего трясло.

– Что случилось? Скажи мне!

– Уходи.

– Скажи мне, – я присела рядом.

– Позвони Женке, – произнес он незнакомым голосом и потерял сознание.

Совершенно испугавшись, я набрала Женю и рассказала ему просьбу Руслана. Он даже не дослушал и, ответив короткое: «Жди», бросил трубку. Я пыталась привести в чувство Руслана, но он, то приходил в себя, то вновь закрывал глаза.

Парень нес какой— то бред про цветы, которые зовут его за собой. Пару раз я слышала свое имя, он шептал его с необъяснимой нежностью и просил не покидать его и заглушить пение цветов.

Я ополоснула его лицо холодной водой и стала ждать.

Минут через десять примчался Женя в наспех накинутой толстовке, когда я уже укачивала Руслана на своих коленях, плача.

Он привычно и ловко достал какие-то таблетки, насильно пихнул их в рот парню и заставил проглотить. Затем Женя оттащил дрожащего Руслана в комнату. Я, было бросилась за ним, но Женя решительно закрыл дверь, оставив меня в полной панике.

Я, молча села возле двери и обняла себя за плечи. Что произошло? Руслан заболел? Но еще вчера все было хорошо.

Правда, он такой бледный и нервный в последнее время, все время грустный, хоть и старается выглядеть счастливым. Вдруг он действительно заболел? И серьезно? Чем он болен? Я могу помочь и хочу, поставлю его на ноги, лишь бы с ним все было хорошо...

Чего там Женя заперся? Что за секреты? Ненавижу секреты и ложь. Я заставлю его

сказать мне правду.

Дверь открылась. Вышел Женя. Я резко поднялась на ноги и тут же едва не упала, если бы вдруг парень не поддержал меня.

– Ты как? – с незнакомой заботой спросил он меня. Такая забота, искренне звучащая в его голосе, удивила меня.

– Что с Русланом? – требовательно спросила я, мягко освобождаясь от его рук.

– Приболел немного. Ты не обращай внимания, все уже нормально. Я за ним присмотрю. Тебе лучше вернуться домой.

– Ты в своем уме? Ему плохо, а я уйду?

– Он сам попросил. Позвонит ближе к вечеру. Я тебя отвезу.

– Не желаю я никого слушать! Мое место возле него! – заорала я, яростно махая руками, и пытаюсь пробиться сквозь мощный, и казалось непробиваемый заслон из Женьки.

Руслан

Я слышал гневные возгласы своего маленького ангела как сквозь пелену. Сил нет открыть глаза, а уж тем более и сказать что— то. На этот раз мое проклятие оказалось сильнее и почти выиграло.

Нет.

Она не должна видеть меня в таком состоянии.

Я вновь пропал. А когда очнулся, то вновь услышал перебранку Жени и Леры.

Чувствую, меня ждет серьезный разговор с Женей, а потом еще и с Лерой.

Где тут найти можно силы? Как рассказать ей и при этом остаться для нее прежним?

Разве я могу сказать ей, что со мной не будет «жили они долго и счастливо» при всем желании?

Как я могу разрушить ее мечты?

Кто я такой, чтобы заставить ее страдать, ее глаза плакать, истерзать душу? Я знаю, она любит меня. И знаю, она с готовностью подставит плечи под мой груз и понесет его, лишь бы облегчить мои страдания... Лера, девочка моя... Что же мне делать?

Страх сжирает меня изнутри, противными липкими лапами трогает мое сердце.

Я пообещал, что никогда не причиню тебе боль, Лера. А рассказав тебе все, я не могу предугадать степень боли, которую тебе причиню...

Как все началось? Сначала начала часто болеть голова. Головная боль вскоре стала моим постоянным спутником по жизни. Я не обращал особого внимания на данный факт, думал, что как обычно много работы, куча проблем, вот и мозг не выдерживает. Дальше стало еще интереснее. Боль не стихала до утра, возникала внезапно, и я буквально чувствовал ее в голове. Голова не раскалывалась, она взрывалась. Все бы ничего, но к ней еще присоединилась тошнота и рвота, меня совсем не обрадовал.

Из-за постоянной боли я часто не воспринимал происходящее. Была только боль и я.

Мира не было.

Я начал путать день, ночь, время, имена и даже тогда не пошел к врачу, пока Женька не потащил меня. Меня пугала не так боль, как галлюцинации. Вот что страшно, когда я не понимал смысла происходящего и не верил своим глазам, особенно эти непонятные звуки и цветы, которых боялся больше всего.

Мне прописали обезболивающее и списали все на давление. Я исправно пил таблетки, но они мало помогали. Я не мог есть, меня выворачивало наизнанку.

Через неделю я вместе с Женькой поехал в Питер, в частную клинику.

Я был очень слаб, и дорога далась мне нелегко.

Меня обследовал невропатолог – женщина с очень добрыми глазами. Меня отправили на сканирование головного мозга, компьютерную томографию, магнитно— резонансное изображение, кучу всяких тестов на состояние психики и прочей всякой ерунды.

Лидия Ивановна, так звали моего врача, серьезно посмотрела на меня и выдала:

– У тебя опухоль головного мозга.

– Рак, что ли? – спросил я спокойно.

– Да, но надеюсь опухоль доброкачественная.

Я еще не знал, что женщина, годившаяся мне в матери с такими добрыми глазами может бессовестно врать. Мне даже не нужна операция. Она бы просто не помогла.

Мне выписали стероиды, и стало намного лучше, следом пошла радиотерапия, волосы я на время потерял, потом химиотерапия...

Наверно, Бога не интересовала моя дальнейшая судьба.

Тяжелее всего, признаться. Отец выслушал меня молча, а потом закурил, чего никогда не делал. Все не верили мне до конца бесконечных проверок, визитов врачей, разнообразного лечения у лекарей, бабушек, у святых икон. Безрезультатно.

Вы не излечимы.

Гениальная фраза. Вот уже полгода все как я и живут в ожидании, чем же это все закончится.

И как все это преподнести ей? Как? Я не знаю...

Женька вернулся через полчаса. Злой. Сел напротив.

– Ты должен ей сказать.

Я отвернулся. Сейчас мне уже лучше.

– Ты должен ей сказать. Она имеет право знать, – повторил Женя. Я знал, что он пристально смотрит на меня, но не мог повернуть голову и посмотреть на него в ответ.

– Что молчишь? Она сможет выдержать это. Скажи ей.

– Нет, – ответил я с дрожью в голосе.

– Не заставляй меня делать это за тебя. Мне жаль, но она имеет право знать. Нельзя бесконечно скрывать. Это нечестно. Скажи ей.

– Нет. Она ничего не узнает. Никогда.

Я услышал, как Женька раздражено цокнул языком и вышел из комнаты. Признаюсь, он прав. Но не хотел я заставлять серо— голубые глаза плакать. Должен быть другой выход. Через пару часов, возможно, приду в себя и решу этот вопрос.

Глава 22. Неплохо для девчонки

Лера

После происшествия того утреннего, отношения между нами «замерзли». Они изменились. Руслан мне так ничего и не объяснил. Поэтому на время мне пришлось смириться.

Я шла в толпе людей, совершенно этого не замечая. Руслан крепко держал меня за руку и тащил за собой. Я еле поспевала на своих шпильках, проклиная их. Честно их нацепила, потому что знала, Руслан оценит мой героический поступок. Только он меня не предупредил, что мы будем бегать по всему городу. Я рассчитывала на комфортную машину, а ему втемяшилось походить пешком. Интересно, куда он меня ведет? Сказал что это сюрприз. Не люблю сюрпризы при таких обстоятельствах. Кто— то меня толкнул больно плечом, я ойкнула. Руслан даже не глянулся. Вот какой.

С тех пор как мы начали встречаться Руслан вел себя очень странно.

Настороженно. Особенно по отношению ко мне. Я чувствовала тогда недосказанность в его словах, некую скрытность. Раньше такого не было. Пока мы просто дружили, между нами не было особо недомолвок.

Он не пропадал надолго как сейчас и не был таким злым.

Сейчас у него редко бывало хорошее настроение. Все чаще я видела его напряженным, молчаливым и сидящим дома в полном одиночестве. Может это все из-за того вечера?

Мне сказано довольно жестко, что теперь я ночевать у него больше не буду. На мои робкие попытки выяснить, что произошло, ни к чему не привели. Мой любимый отдалялся от меня, и я ничего не понимала.

Мы редко бывали вместе, так что сегодняшний день некий подарок свыше, поэтому я и вырядилась, стараясь ему угодить.

Кажется, это все напрасно...

Иногда, правда, периоды отчуждения сменялись периодами, которые пугали меня больше. Вдруг он неожиданно обнимал меня, целовал, так что кружилась голова, и я еле успевала перевести дыхание, сжимал руки в своих до боли и пристально всматривался мне в лицо, не говоря при этом ни слова. Я видела, что его что— то гложет, но как уже говорила, он не посвящал меня в свои проблемы.

Однажды в один из таких странных для нас обоих моментов, я попробовала пойти дальше.

Я грешно думала, что проблема вся в этом.

У нас не было близости до сих пор. Видели б вы его лицо, когда я встала перед ним и начала раздеваться.

– Ты чего это задумала? – Руслан отвернулся от меня. Я в смущении застыла.

– То, что должна была сделать еще раньше. Это ведь тебя мучает? Я же вижу.

Дальнейшее напоминало дурной сон. Руслан резко вскочил на ноги в бешенстве.

– Ты видишь?! Что ты видишь?! Как ты могла даже подумать такое?! Мне плохо от того, что у нас ничего не было?! Ты в своем уме?! Господи, как такое могло прийти тебе в голову?!

Он бесновался, а я стояла и смотрела на него испуганно. Зажмурилась и только слышала глухие удары об стену.

Странно, но чем дальше от меня отдалялся Руслан, воздвигая между нами стену, тем ближе ко мне становился Женя. Мы не вспоминали тот вечер, может поэтому не испытывая к нему любви, мне легче с ним общаться?

Руслан уехал на неделю в командировку, оставив нас вдвоем.

Вчера мы с Женей ходили вместе в кино. Я решила, момент подходящий и спросила прямо в лоб:

– Что с Русланом?

– Что с ним? По-моему все прекрасно. Разве нет? – Смирнов выразительно посмотрел на меня.

– Он отдаляется, не понимаю почему.

– Дела, не может быть все время романтично: цветы, конфеты, шарики, чашки, – протяжно ответил Женя.

– Чашки? Какие чашки?

– Чай, кофе, чашки, забей, молю всякую ерунду, – засмеялся Женя.

– Тебе никто не говорил, что ты ненормальный?

– Чтоб соответствовать твоему представлению обо мне, я специально репетирую перед зеркалом каждое утро.

– Я подозревала.

Мы шли под ручку по улицам. На улицах снега катастрофически мало. На дворе ноябрь, дует маленький ветер. Да, сейчас кажется уже обыденным, что мы с Женей нашли общий язык.

– Завалимся в бар? Выпьем по бокалу пива, в караоке споем?

– С ума сошел? Мне завтра на работу, между прочим.

– Мне тоже, но мало это волнует. Может, потанцуем? У тебя нет никого хорошего представления обо мне. Надо это срочно исправлять.

– Предложи мне что— то более экстремальное, чем танцы.

– Я бы предложил, но боюсь, ты откажешься.

Я прикусила губу и с вызовом посмотрела на него:

– И что это?

– У меня мало вариантов для твоего развлечения. Кино, танцы, бар, что еще? Могу предложить еще тир, бильярд, коньки, бассейн, ролики?

Если бы Руслан узнал об этом, он придушил бы нас обоих.

Каждый вечер мы занимались тем, что стреляли по мишеням. Варя отнеслась весьма скептически к нашим занятиям. Она— то попадала с первого раза. Женя понемногу учил меня, сначала было сложно, потом начало получаться, по крайней мере, Женя не обзывался больше слепой коровой.

– И откуда вы умеете стрелять?

– Отчим— охотник, – смеясь ответила Варя, – У братца еще и армия.

– Ты служил в армии?

– Откуда такой тон? Было дело. А что не похоже?

– Нет, – со смехом ответила я, – Ты похож на актера, на модель. А не на солдата.

– Зря. Я хорош в военной форме. Да и стреляю я так себе.

– И кем ты служил?

– Какая разница.

– А Руслан?

– Вот спроси у него, – Женька щелкнул меня шутливо по носу.

– Я вообще— то девушка.

– Серьезно? А я не замечал.

– Могу и врезать.

– Ой, не смеши. Давай проверим. На спор.

– И на что спорим?

– У меня все желания низменные. Могу предложить, да ты струсешь.

– Я не трусиха.

– Ой ли. Давай выиграешь ты, я исполняю твое любое желание. Выиграю я...

– То что?

– Я придумаю, – ответил парень с раздражающей улыбочкой.

– Можно я тоже поучаствую? Давно хотела посмотреть, как тебе врежут по самодовольной мордашке, – заявила Варя.

– Двое на одного?

Зря я согласилась. Мы летали на пол, только держись, казалось, парень издевался над нами.

– Ты будешь драться или нет? Или будешь размахивать ручками как макака, у которой отобрали орехи?

– Бананы, придурок, бананы, – зло крикнула я.

– Это мне уже нравится. Злись, детка, злись. Давай, хватит быть размазней!

– Женечка, – ласково позвала я его. Парень встрепенулся и подошел ко мне.

– Что случилось?

– В глаз что— то попало, не посмотришь?

Парень ничего, не подозревая, приблизился и заботливо смотрел на меня. В этот момент я обхватила его шею руками и сильно приложила об коленку, он упал на колени, тогда на спину я обрушила удар локтем.

– Ну и кто теперь из нас размазня?

Женька только прохрипел:

– Неплохо для девчонки.

– Аллилуйя! – засмеялась я и подскочила к нему.

– Больно?

Вместо ответа парень резко подскочил и бросил меня на лопатки.

– Сдаюсь, – прошептала я.

– То-то же, – прошептал Женя, – Между прочим, ты мне едва нос не разбила, кляча бесхвостая.

Он навис надо мной, прижимая крепким телом к матам. Светлые волосы слегка влажные торчали упрямыми прядками. Курносый нос немного опух. Парень убрал с моего лба локон волос и перекатился на спину, глубоко дыша.

Больше драться мы не решались. Слава Богу, нос опух совсем немножко, но при каждом случае Женя старался напомнить, как жестоко я с ним обошлась. Я выиграла, но не знала, что загадать. Поэтому желание осталось бонусом.

Через два дня и эта забава нам приелась, мы решительно не знали чем себя занять, поэтому Женя и развлекал меня как мог.

Мы сидели в кафе и за обе щеки уплетали категорически запрещенную Русланом шаверму, это Женя приручил меня к ней, он вечно жевал что— то подобное и вредное, при

этом имея потрясающую фигуру.

– Поделись своим секретом стройности, ты ешь жирное, вредное и не толстеешь. В чем секрет? – подлизываясь, спросила я.

Парень, великолепно выглядевший в синем пуловере, выгодно подчеркивающим светлые волосы и смуглую кожу, задумался, застыв изваянием.

Незнакомые девчонки бросали на меня завистливые и злые взгляды, тщетно пытались обратить его внимание на себя.

– Обещай, что никому не расскажешь, – вдруг посерьезнел Женя.

– Вот те крест, – улыбнулась я.

– Не скажу, я не могу тебе полностью доверять, – ломался парень, корча гримасы.

– Скажи, я никому не расскажу, честное слово.

Женя оценивающее посмотрел на меня, запустив пальцы в волосы, взлохматив их.

– Ладно, – с неохотой произнес он, оглянувшись по сторонам – Все дело в глистах.

Поэтому я такой.

– Чего? – недоуменно переспросила я.

В ответ мне раздался хохот.

– Ха— ха— ха. Ну, у тебя и лицо было, умора, – сквозь смех произнес Женя и начал икать.

– Какой же ты, – против воли я тоже улыбалась в ответ.

– Прелесть? Это мое второе имя.

Мы вышли из кафе на улицу. Прохладно и темно, мы неторопливо шли по улице.

– Не замерзла? Дашь руку? – Женя повеселел, – Куда тебя проводить?

– К Руслану, не хочу домой, тем более Боню надо кормить. Посмотрим какой-нибудь старый фильм, ты же останешься с нами?

– Останусь, на мне большая ответственность охранять тебя.

– Пошли рыцарь, иначе окоченею.

– Могу и согреть, ммм? – провокационно протянул Женя.

– Еще слово и пойдешь домой один, – я улыбнулась.

– Мое дело предложить.

– Если мне понадобится тепло, я дам тебе знать, человек— грелка.

– Ты меня не ценишь, тебе выпал шанс, о котором мечтают многие. Человек— грелка спасет тебя. Вперед! – прокричал Женя и схватив меня крепче за руку, побежал.

Смеясь и запыхавшись, мы влетели в квартиру Руслана, в мой настоящий дом. Нас встретил довольный и требовательный Боня. Я взяла его на руки и отнесла на кухню, где открыла ему пакетик с кормом.

– Что будем смотреть? Гордость и предубеждение? Южный парк? Анаконду?

– Поставь что-нибудь, мне все равно.

– Лады, не задерживайся.

Я переоделась, приняла душ, прошла в зал. Женя смотрел «Симпсонов» и во весь голос смеялся.

Видя на экране Гомера в трусах, я не смогла сдержать улыбки.

– Я пошла спать. Уже поздно, пора спать.

– Жаль, спокойной ночи.

– Не засиживайся. Тебе тоже завтра на работу.

– Плевать. Я бунтую. Рассказать тебе на ночь сказку?

Я решила использовать все свое женское очарование и присела рядом с ним:

– Я хочу кое-что спросить у тебя.

– Мм?

– Кто такая Кристина? Это бывшая девушка Руслана?

Женя пожал плечами и встал с дивана, протянул мне руку:

– Пошли, покажу.

Заинтриговано я схватила его за руку и он повел меня к стене с фотографиями.

– Вот и Кристина.

На меня смотрела красивая блондинка в нежно розовом платье. Большие голубые глаза, полные губы.

– И почему они расстались?

Женя оперся спиной на стенку и скрестил руки:

– Спроси у него сама.

– Ну, ты же его лучший друг. Мне ты можешь сказать, я умею хранить секреты.

– Я тоже. Серьезно, спроси у него сама.

– И как давно они расстались?

– Почти полгода назад.

– А давно встречались?

– Около трех лет, наверное. Не считал.

– Она тебе не нравилась?

– Я— то тут причем? – Женя удивился.

– Ну может, они расстались по какой— то причине, связанной с тобой?

– Эй, полегче. Я тут точно не причем.

– Она красивая. Не замечала раньше ее фотографий.

– Наверно. Не в моем вкусе.

– Он очень ее любил?

– Очень. Он всегда очень любит.

– Что это значит?

– Ничего. Иди, давай спать.

– Ты знаешь, мне кажется, что между нами какая— то стена. Я не могу пробиться через нее к нему. Он не доверяет мне. Может, он устал от меня?

– Не говори глупостей. Он дорожит тобой и безусловно любит. Просто сейчас у нас у всех не лучший период в жизни.

– Поговорим о несчастных романах?

– Он у тебя всего один. Очень скучный.

– Откуда ты знаешь?

– Не один я трепло. Знаю и все.

– А сколько было у тебя романов?

– Всего один. И это было еще в школьные годы.

– И что с ней стало?

– Умерла.

Женя отошел от меня.

– Прости меня. Я не хотела, правда.

– Да, забей. Прошло уже до фига времени.

– Расскажи. Тебе станет легче.

– Не время, да и не место.

– Спокойной ночи.

Я зевнула и побрела в свою комнату. Без Руслана она казалась пустой. Страшно засыпать одной.

– Женя, – негромко позвала я.

Парень тут же откликнулся.

– Что— то случилось?

– Я посижу с тобой, хорошо?

– Без проблем.

Я вернулась в гостиную, села рядом с Женей и моментально уснула.

Он проводил со мной все больше свободного времени, в то время как мой любимый почти не виделся со мной. Все время какие— то дела, какие— то проблемы, люди, имен которых я не знаю. Я как прежде чувствовала его любовь, но мне не хватало прежнего времени, не хватало рядом его. И Женька старался изо всех сил, пытаясь вызвать мою улыбку. Мама однажды спросила меня:

– Ты с кем хоть встречаешься?

– Ма, с Русланом.

– Тогда объясни, почему я Женечку вижу гораздо чаще с тобой, чем Руслана?

Я недоуменно пожала плечами.

– Руслан очень занят.

– Настолько что готов прошляпить тебя или он, дочь относиться к вашим отношениям несерьезно. Так не поступают, если девушка дорога.

– Мама, он любит меня. Но у него много работы. Он хочет, но не может проводить со мной целый день.

– Почему тогда Женя может?

Я не нашлась, что ответить. Мы с Женей стали друзьями, и я не видела ничего плохого в нашем общении. Я к нему привыкла.

Наши отношения портились с Русланом, как и его с ним. До того как Руслан уехал, я слышала обрывок их разговора, которого нельзя назвать при всем желании дружеским.

– Может, ты уже и мечтаешь об этом?— едко спросил Руслан. Мне стал неприятен его тон. Откуда для меня в родном голосе такой ядовитый оттенок?

– Ты в своем уме? – заорал в ответ Женька.

– Да, ладно ты же утетишь ее, друг, – едко произнес Руслан. Я не видела его лицо, слава Богу.

В ответ я слышала, как что-то полетело в стену и разбилось.

– Да пошел ты! – выкрикнул Женя и вылетел из комнаты, в коридоре натолкнулся на меня, и в его глазах мелькнуло такое отчаяние, что сердце сжалось в маленький комочек. Кстати, об этом отрывке никто из нас не упомянул впоследствии. Я порывалась поговорить с Русланом, но...

Вот и сейчас идя за ним, он был так далек от меня, когда вернулся. Мы сидели в кинотеатре, он держал меня за руку, судорожно сжимая ее и молчал. Ни разу он за весь фильм не повернулся ко мне и ничего не сказал. Я вообще смутно понимаю, для чего мы приехали сюда. Мне кажется, его что— то гложет, но доверить мне это он не может. И никакого сюрприза, естественно.

Кино закончилось. Мы вышли на улицу, жутко болели ноги.

– Поедем домой или зайдём в кафе? Есть хочешь?

Ничего не хотелось. Неожиданно мне пришла в голову одна мысль.

– Поиграем в 10 вопросов?

– В три.

Какой странный у него взгляд. Подскажи мне, пожалуйста, я помогу тебе!

– Ладно. Тебя что— то мучает?

– Да – он ответил слишком торопливо, словно ждал этого вопроса.

– Но ты не можешь мне рассказать?

– Нет.

Руслан напряжено всматривался в мое лицо. Только сейчас я заметила темные круги под его глазами. Что с ним?

– Ты любишь меня?— спросила совсем не то, что собиралась.

Руслан горько улыбнулся.

– Как ты можешь сомневаться?

– С тебя штрафной. Ты ответил вопросом на вопрос и нарушил правило. Выполняй мое желание.

– И что ты хочешь получить? – шепнул Руслан. От его пронизывающего взгляда мне стало не по себе.

– Поцелуй.

Руслан приблизился ко мне и мягко притянул к себе. Его зеленые глаза так близко ко мне, что я могла бы разглядеть в них свое отражение. И когда, почувствовав его требовательные губы на своих, мир вновь растворился. Я запустила руки в его волосы и потянула их на себя. Теперь и его дыхание сбилось и сердце, я слышала его бешеный ритм забилось в такт с моим.

Я вплотную прижалась к нему, ощущая его руки на талии, прижимавшие меня все крепче к себе. И тут же все волшебство закончилось. Руслан решительно отстранился от меня и на шаг отступил, убрав руки. Я еле отдышалась.

– Домой?

Я кивнула, немного пошатываясь. Интересно долго это будет продолжаться? Надеюсь вечно.

Мы сели в машину и поехали домой. Я немного задремала, парень накрыл меня своей ветровкой.

Всю дорогу мы молчали, играло радио, а мы молчали. Дорога, дома, деревья выплывали в свете фар, мы продолжали молчать. Я скорчилась на сиденье и смотрела в окно. Пару раз Руслан все же притянул меня к себе, и снова превращался в чужого мне человека, поэтому стараясь не заплакать, закрыла глаза.

– Ты останешься? – спросил меня Руслан.

Я вздрогнула. Честно не ожидала.

– Если можно, то да, – ответила я неуверенно. Лицо любимого озарила слабая улыбка, сердце мое начало таять.

Мы подъехали к дому, вышли из машины и поднялись наверх. Вздохнув полной грудью знакомый запах, я вошла в квартиру. Все так же. Все на местах. Я скучала по мягкому свету, льющемуся из светильника в прихожей, пуфику, да по всему, что окружало меня сейчас.

Руслан прошел мимо меня, на ходу сняв куртку, повесил ее на вешалку. Пока я стягивала неудобные туфли, он включил чайник.

– Помочь? – спросил Руслан и, не дожидаясь моего ответа, опустил на одно колено и ловко снял злополучные туфли с моих ног.

Смотря мне в глаза, Руслан приблизился к моему лицу и поцеловал меня. Не обычным «чмок» и все, а как возле кинотеатра.

Третий раз он словно пил с моих губ только ему известную сладость и его лихорадило. Я чувствовала жар, исходящий от его губ, от рук, от тела. Парень вплотную прижал меня к стенке, бережно поддерживая. Он приподнял меня, и я забросила ноги ему на бедра, руки мои бесстыже нырнули под его свитер, под ремень джинс, вытаскивая рубашку.

Вот оно долгожданное прикосновение его пальцев к моей шее, груди, обнаженному животу. Руслан еще крепче прижал рукой мои бедра к себе. Дыхание мое совсем сбилось и воздуха катастрофически не хватало. Внизу живота запорхали бабочки, и разлилась приятная тяжесть.

Пальцы еще боролись с застежкой, когда он мягко сжал мои пальцы и решительно убрал их со своей ширинки. Объятия разжались, и он меня отпустил, тяжело дыша. В полумраке его глаза горели как сотни солнц.

– Я люблю тебя, Руслан, не отдаляйся от меня, пожалуйста.

Только сказала и тут же пожалела о своих словах. Руслан отстранился.

– Ты ничего не понимаешь, Лера. Ты так далека от меня, а я не могу преодолеть твое непонимание и объяснить тебе все. Ты много не знаешь обо мне. И это вовсе не значит, что ты не знаешь меня или то, что я тебя обманывал когда-либо. Нет. Свои чувства я никогда не скрывал от тебя. Я люблю тебя всей душой и сердцем, в полную силу. Это правда, и ты знаешь это. Я не о любви сейчас.

– Ты не доверяешь мне, а я хочу помочь. Но ты сам закрылся от меня, – пролепетала я, ощущая до сих пор его поцелуи на своих губах. Они не жгли, горели от его прикосновений.

Руслан сжал мое лицо в ладонях и пристально посмотрел в мои глаза. Что же с тобой, мой милый мальчик?

– Ну, вот ты опять не поняла меня.

– Мне сложно это сделать, когда ты постоянно отталкиваешь меня. Дай мне шанс понять.

– Не могу. Не могу объяснить тебе все.

Он легонько коснулся моих губ своими.

– Ты чего— то боишься?

– Нет.

Я притянула его к себе.

– Тогда почему не подпускаешь меня к себе?

– Я боюсь сделать больно тебе, – произнес он хрипло.

– Почему? Не у всех это проходит болезненно.

– Ты опять меня не понимаешь. Я не о сексе тебе говорю.

– Тогда подскажи. Дело во мне?

– Нет. Ты тут не причем совершенно.

– Тогда в тебе?

– Да.

– Я не нравлюсь тебе, или нравлюсь недостаточно?

– Ты задаешь неправильные вопросы.

– Тогда ответь прямо. Я попробую понять.

- Я не могу.
- Не можешь что?
- Потерять тебя.
- Тогда не теряй.
- Ты сама уйдешь, когда узнаешь. Так будет лучше для тебя, пока ничего не знать.

Пойми. Я забочусь только о тебе.

– Ты врешь мне. Я готова ко всему, и ты никогда меня не потеряешь. Я обещаю. Ты же знаешь.

- Знаю, но все равно не могу.
- Ты не доверяешь мне?
- Доверяю. Но не хочу, чтобы ты страдала. Лучше я один.
- Зря ты так.
- Нет. Я думаю о тебе.
- Ты эгоист.

Вялый смех, потом глубокий вдох.

– Хорошо, завтра ты все узнаешь. Пора с этим заканчивать. Надоело. Пошли спать.

Я поправила волосы и пошла в ванную. Просидев в ней полчаса, я вышла и нашла спящего Руслана на моей кровати. На лбу легкая морщинка. Сон тревожен. Я осторожно легла рядом и долго любовалась им. Что— то должно случиться. У меня плохое предчувствие. Не можем мы друг друга мучить бесконечно. С ним тяжело, но мне невыносимо предоставить жизнь без него.

Глава 23. Получай гранату.

Надя с утра в хорошем настроении. Артур придет не скоро, у нее впереди еще три дня, три божественных дня.

Только одно омрачало.

Егор.

Ей пришлось обидеть его, хотя изо всех сил ей больше всего на свете хотелось поверить ему. Хотелось поверить в Чудо, в Любовь... И не прятаться больше. Прильнуть к его надежному плечу щекой, мечтательно закрыть глаза и забыть навсегда обо всем на свете...

Мечты. Надя раньше любила мечтать. О большой дружной семье, о детях, о светлом доме для всех них...

Девушка слегка завидовала Вике. Она знала, что Егор— опора семьи. Он обожает детей, отличный отец. И чего его так переклинило?

Нет. Не думать о нем. Мало ли у нее своих проблем? К чему эти ненужные порывы? Неужели, ты серьезно глупенькая, мечтаешь о Любви? Той, что причинила тебе столько горя? Ни за что. Никакой Любви. Не надо.

Правда, Егора ничуть не смутило ее подавленное настроение. Он как Солнце пытался оживить свой нежный Цветочек...

Ей не спалось уже какую ночь.

Вика смотрела на спящего мужа. Когда они успели стать чужими? Ведь так сразу не бывает! Нельзя сразу взять и разлюбить! Конечно, если изначально любить...

Как дальше себя вести она не представляла. Снова залезла в его телефон и нашла его смски, оставленные без ответа:

«Я хочу к тебе, почему ты молчишь?»

«Ответь мне хоть что—нибудь. Пожалуйста».

«Если я тебе не нужен, ты скажи».

«Я умираю, не видя тебя. Не чувствуя тебя рядом. Скучаю».

Вика отбросила телефон подальше, как ядовитую и опасную змею. Что ей делать?!

Господи, двое детей, и она считала, что счастлива в браке! Что у нее все хорошо! Что муж любит ее. А он... Мечтает о другой...

Утро не принесло облегчения. Тем более Егор не замечал ее. Совсем. Даже не смотрел в ее сторону. Молча поел, забрал детей и уехал.

А она долго пялилась на стену. И с чего ей вздумалось? Надо немедленно прижать мужа к стенке. Пусть объяснит. Нет мочи больше терпеть.

Егор готовился к долгожданному поцелую. И тут дверь широко распахнулась.

— И что это значит?

От удивления он даже сначала не понял, откуда Вика вдруг взялась.

— Надя, выйди.

Девушка вышла, не оглядываясь.

— И что ты тут делаешь?

— Это ты мне ответь! Ты клялся, клялся, что будешь любить меня, что никто и никогда не нарушит наше счастье! За что ты так со мной?

– Вика, я давно хотел тебе сказать...

– Что ты, ничтожество, хотело сказать?

– Вика...

– Ты трус! Водишь тут шашни и считаешь меня идиоткой?

– Вика, послушай.

– Нет, это ты милый послушай. Давай спокойно все обсудим. Я не хочу ругаться.

Вика неожиданно сменила тон и подошла к нему поближе.

И тут же притянула мужа за шею и со всего маха ударила его коленом в причинное место.

Егор ахнул и упал на колени.

Вика довольная нагнулась к нему:

– Я не хочу ругаться, я хочу тебя уничтожить. Заодно и крысу твою. Не смей подходить к моим детям, их ты больше не увидишь, козлина. Вещи свои ищи на помойке. Удачи.

Вика выскочила из кабинета, не став закрывать за собой дверь. Никто не смеет обидеть ее.

И только выйдя из здания офиса, сев на обочину она заплакала. Никогда не думала, что подобное может приключиться с ней, с ее семьей. Родители воспитали ее в твердой уверенности в браке, как в фундаменте жизни. Брачные узы незыблемы. Как она сможет объяснить своим родителям? Как сможет принять этот факт?

У нее нет ответов на вопросы. Она в полной растерянности, не знает что делать. Собрать его вещи? Сжечь их? Подождать, может их брак еще можно спасти?

Вика ничего не знает об изменах. В ее семье такого не было и нет. Или она никогда об этом не слышала? Может, изменяют все? Жизнь казалась разрушенной. Все его слова о любви, обещания... Все лопнуло подобно мыльному пузырю.

Глава 24. Дай мне тебя спасти

Лера

У Руслана, судя по всему отвратительное настроение. Утром он вел себя холодно. Я вопросительно взглянула на него. Он не удостоил меня взглядом, не поздоровался.

В последнее время он постоянно чем— то не доволен. Это пугало меня. Я не знала, чего ждать от него.

— Нам надо серьезно поговорить, — услышала я, наконец хоть что— то от него. Интересно, о чем?

— Надо так надо, — ответила я, судорожно глотая. В голову пронеслась пулей только одна мысль: «Не бросай меня». С мольбой взглянув в его глаза, напоминавшие глубокие и замершие озера, я подумала, что именно это он и собирается сделать. О чем думает осужденный перед смертной казнью?

— Я заеду после работы, — сказал он мне уже в машине. Руслан потянулся ко мне и на мгновение нежного поцелуя я забыла о своих обидах. Как же я люблю его...

Сегодняшний поцелуй какой— то необычный, более насыщенный и требовательный. Его губы нежно и необузданно прильнули к моим. Мой любимый вплотную прижал меня к себе, насколько это ему позволили ремни безопасности. Вдруг все закончилось. Руслан решительно, но мягко отстранился от меня, и я опьяненная вышла из машины. Он быстро уехал.

Я весь день нервничала.

Со своей подругой Светой поделилась опасениями по телефону, и она серьезно сказала, что вероятнее всего мой парень решил меня бросить. Я ей не поверила.

Во— первых; он любит меня и во— вторых; с чего это ему меня бросать? Звучит как бред. У нас есть проблемы, но мы их решим. Не расстаются же люди просто так. И все— таки я переживала и с трудом дождалась конца рабочего дня. С моим маленьким опытом отношений, чего еще стоило ждать?

Руслан уже ждал меня. Я с опасением посмотрела на него.

Он отвел глаза, в первый раз я не увидела улыбку в свой адрес и теплого взгляда тоже нет.

Мне стало страшно. Липкий и душастый страх наполнил меня.

Я села в машину, борясь со слезами. Руслан довез меня до дома и только тогда заговорил.

— Лера, мы больше не можем быть вместе. Все кончено. Прости. Так будет лучше.

Я непонимающе смотрела на него. Какой у него странный голос...

— Что это значит?

— Ты должна забыть меня. Так лучше для нас обоих. Я...

Голос его сорвался, и он вцепился в руль так, что пальцы побелели. О чем это он? В своем уме? Что это значит?

— Ты не любишь меня? Скажи мне это в глаза, — прошептала я.

Руслан вздохнул и когда посмотрел на меня, я увидела его мрачную решительность.

— Я тебя не люблю. Прости.

Я не стала дослушивать его и выскочила из машины, не закрыв за собой дверь, и побежала домой. Ветер пытался сбить меня с ног, я еле добралась до двери, оглянувшись,

увидела, он уже уехал.

Слезы хлынули с моих глаз. Я села на пол и заплакала навзрыд. Зазвонил телефон, с надеждой я взглянула на дисплей. Кто же еще. Женя.

– Да.

– Слышь, Лерик, я прошел на второй уровень, – затараторил было парень и тут же осекся, – Что у тебя с голосом? Ревешь?

– Он бросил меня, Женя. Бросил.

– Не реви, это какая— то ошибка. Я сейчас же перезвоню, нет, найду его и за шиворот притащу к тебе, хорошо?

– Женя, не надо. Все, так как должно быть. Он не любит меня. Ты, прости меня за все, хорошо? Мне не жить, я не буду без него. Прости меня.

– Ты чего удумала? Лера, не смей бросать трубку, я приеду, Лера!

Я бросила телефон об пол. Почему? Что случилось с ним?

Откуда в его глазах столько безразличия, столько незнакомого?

Конечно, я не пара ему и он понял это, наконец.

Он первый красавец в городе, а я, кто я? Забитая дурочка...

Пришла боль. Открылись все затянувшиеся было раны. Я же чувствовала еще вчера его странное поведение. Оказалось, не напрасно переживала. Зачем он так? Почему? Темнота накрыла меня с головой.

Руслан

Если бы кто знал мое состояние в эту минуту...

Насколько паршиво я себя чувствовал, говоря своей любимой, той которую ищешь всю жизнь, ту что находишь на острие ножа, ту которую любишь больше жизни и я Ей сказал эти гадкие слова... разбив все.

Достаточно было посмотреть в ее чистые, серые глаза, окруженные густыми ресницами, смотрящими на меня с непередаваемой теплотой и любовью, и я соврал. Соврал человеку, самому дорогому для меня...

Соврал. Ее лицо вмиг изменилось, сменилось неверием, отчаянием, безнадежностью. О чем я только думал?

Чувствую себя такой сволочью, что я пожелал умереть в этот же момент.

Жить не имело смысла теперь, когда Леры со мной нет.

Единственное мое оправдание лишь в одном. Я все сделал для ее же блага. Лучше она потеряет меня сейчас, чем потом и навсегда. Я люблю ее и желаю только счастья. Мне лучше страдать одному, пусть у нее все будет хорошо... Мне осталось недолго. Вот и все.

Лера

Никогда не думала, что могу испытывать такую боль. Она раздирала всю меня на части, и каждая часть страдала.

Каждая по— своему. Каждая частичка моего тела, души взывала к Руслану, не веря в происходящее ни на мгновение.

Мне хотелось умереть. Что значит теперь моя жизнь без него? Что теперь? Не имеет значения. Ничего не имеет значения. Поверила ли я ему? Может разумом моим да, а вот сердцем нет.

Могла ли предугадать это событие? Нет, людям этого не дано. Боль. Темнота. Я вползла

в ванную на коленях. Слезы беспощадно душили меня. Память билась по раненому сердцу.

– Я люблю тебя.

– Я никогда не сделаю тебе больно.

– Я всегда буду рядом.

Они отдавались во мне горьким эхом. Воспоминания. Они награда и проклятие.

Помнить нельзя, а забывать страшно.

Нельзя помнить его глаза, слова, руки, смех, губы, запах, улыбку... нельзя, а помнишь. И это причиняет боль. Боль настолько сильную, что она разрывает тебя на части, и от этого еще страшнее.

Чем дальше погружаешься в память, где еще помнишь нотки голоса сладко звучащего, еще вдыхаешь теплый чарующий запах его кожи, чувствуешь жаркий поцелуй, горящий на твоих губах...

Помнишь и не веришь. Не веришь, что все было и только. Что больше ничего не будет. Больше вы не проснетесь вместе, не увидишь его улыбку по утрам, не заснешь рядом.

Оказывается, ты совсем не знала своего любимого и что он смог причинить тебе боль. Смог разбить тебе сердце, кровавыми осколками, теперь лежащими на твоих руках.

Вместо сердца у тебя теперь огромная рана. И кто знает, придет ли когда-нибудь такое время, когда сможешь просто улыбнуться ему на улице, встретившись случайно.

Я включила теплую воду и залезла в ванную, в чем была.

Мне нечего терять.

Что я имею?

Ничего.

Мои мечты лежат вокруг меня.

Мне нечего терять. Мама, конечно расстроится. Но что с того? Какая мне разница?! Его не будет со мной.

Он обманул меня. Я ему не нужна. Черное, чернее черного отчаяние захлестнуло меня, в сердце словно вбили огромный гвоздь, хотелось убежать, только бежать— то куда?

Взяв в руки лезвие, я полоснула сначала по одной руке, потом, немедля по другой. Боли я не ощутила, она ничего не значила, душе тяжелее.

– Я люблю тебя, Руслан, – прошептала я и закрыла глаза. Вода шумно бежала из крана, тепло разливалось по телу и мне хорошо...

– Господи, Лера! – услышала я чей— то голос смутно знакомый сквозь сознание. Кто— то торопливо вытаскивал меня из ванны. С трудом мне удалось разлепить глаза. Женя. Кто же еще.

– Дай мне умереть. Пожалуйста, – прошептала я, заранее зная ответ.

– Еще чего. С ума сошла?

– Он не любит меня. Я никому не нужна.

– Я тебя люблю. Ты мне нужна. Сейчас тетя— доктор нам сделает укол, перевяжем ручки, слава Богу, это всего лишь царапины. Глупая, как хорошо, что ты не знаешь, как правильно это делать.

– А ты?

Он не успел мне ответить, мама влетела в ванную.

Я плохо помню происходящее потом.

Помню, меня бережно прижимали к себе, куда— то несли.

Помню маму, переодевающую меня в сухое. Помню скорую помощь и врача, вколывшего

мне успокоительное.
Мне все равно.

Глава 25. Выходи за меня замуж.

Руслан

Я лежал на полу в ванной, когда услышал Женькин голос.

Сколько я здесь лежал? Не знаю. Да мне все равно. Хоть вечность.

– Чего забыл? – спросил я, увидев, что Женька стоит рядом.

– Что вы делаете со мной?

Я мигом открыл глаза и вскочил на ноги. Женька весь мокрый, что ли?

– В каком смысле?

– Вы оба убьете меня быстрее.

– Что случилось, что с Лерой?

– Я надеюсь, что смогу простить тебе это. Она уже в порядке, под присмотром. Едь к ней и исправь все. Прощу. Не мучай больше ее, себя и меня. Я устал заставлять вас жить. Едь.

– Что она сделала?

– Порезы небольшие, быстро заживут. Едь и иди к черту.

Женя, пошатываясь, вышел. Я пошел следом.

– Я не могу показаться ей на глаза.

– Сможешь. Давай.

Я собрался быстро. В дверях обернувшись, сказал:

– Спасибо.

И не дождавшись ответа, бросился прочь.

Лера

Мне снился сон до того волшебный, что не хотелось просыпаться.

Дверь неожиданно скрипнула. Кто— то заботливо гладил меня по волосам, и я вдруг я услышала до боли знакомый голос.

– Прости меня. Я все готов рассказать.

Я не ответила, просто слушала. Звуки его голоса казались мне пением ангелов в раю. Если я уже там? Хотя где- то я слышала, самоубийц туда не принимают.

– Солнышко мое, я прошу тебя, выслушай меня. Мне тяжело говорить это, хотя со временем сам поневоле перестаешь обращать на это внимание. Я не знаю, что ты скажешь мне. Не знаю. Но я хочу попробовать рассказать тебе. Только не перебивай. И заранее прошу у тебя прощения за то, что не смог сделать этого раньше. Прости. Я болен. Ни счастливого случая, ни шанса нет и не будет. Пойми меня правильно. Больше всего на свете я не хочу сделать тебе больно. Не хочу, чтобы ты приняла все это. Я не хочу, чтобы страдала ты.

Достаточно уже.

Ты самое дорогое, что есть у меня. И подвергнуть тебя своей доли не хочу.

Не хочу считать дни, что остались нам с тобой. Думал, расставшись, тебе потом будет легче понять меня. Но сейчас понял одно, без тебя не могу.

Мне тяжелее быть без тебя.

Ты пойми правильно. Мне не страшно. Умирать все рано придется. Рано или поздно.

Так суждено.

Я готов к этому, не готов оставить тебя.

Я уйду, что будет с тобой? Я за тебя боюсь. Ведь ты такая беззащитная, такая хрупкая, как я могу подвергать тебя своей боли? Как я могу представить, как по твоим щекам бегут слезы? Как ты стоишь возле меня, считая последние удары моего сердца? Как я могу обречь тебя на такое? Я хочу остаться для тебя таким, каков есть сейчас, здоровым... я знаю, ты любишь меня, и только Бог знает, как я люблю тебя и как бы хотел все изменить,... но ... что суждено, пусть будет. Ничего менять я не буду, останусь с тобой пока могу. Прости меня. Как только я увидел твой потерянный взгляд, понял, каким идиотом был. Ты меня нашла, ты дала мне время. И поверь мне, это время, проведенное с тобой – лучшее время. Ты останешься со мной? Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Руслан замолчал. Мои чувства в смятении. Я не знала, как теперь посмотреть в его глаза. Он ждал ответа. Что ответить? Я думала, подбирала слова, которые были уверена бессмысленными... чувство опустошенности заполнило меня. Не веря в его слова, слезы предательски потекли по моим щекам. Я несмело взглянула в его любимые глаза. Сколько в них боли! Бескрайний океан.

Он молчал, пытливо смотря. Рывдания душили меня. Тогда он стал ласково стирать их с моего лица. Его лицо светилось такой нежностью и любовью, что мне стало стыдно. Он не ждал моих слов. Все знал и так. Слова тут не нужны. Просто смирился. Движимая порывом, я обняла его за шею. С его губ сорвался стон, и тут впервые почувствовала его слезы...

Мы нужны друг другу, мы связаны не нитями, а цепями. Они прочно скрепляли наши сердца.

Теперь никаких тайн, недомолвок.

Мы все делим пополам. Я знала ответы на все свои вопросы.

И я рада тому, что он наконец— то открылся мне, пусть даже такой ценой. Пусть даже поздно.

Но мы навсегда вместе.

Мне не важен этот мир без него, и он это знает. Я не злилась на него, ему и так тяжело. Еще и мое неудавшееся самоубийство...

Я злилась на этот мир, на это небо. Я ненавидела всех в эту минуту за его боль.

Я чувствовала ее физически.

Его попытки жить нормальной жизнью, его смирение, пока не появилась я и его горячее желание жить.

Эти слезы, струящиеся по его милому и дорогому лицу, я никогда не прощу этому миру. Никто и ничто никогда у меня его не заберет!

Он начал что—то шептать мне, осыпая мое заплаканное лицо быстрыми поцелуями. Наши слезы перемешались, как и наши судьбы. Я чувствовала вкус его слез на своих губах, слышала биение наших сердец и отчего— то счастлива.

Он пришел. Он со мной. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Все будет хорошо, пока мы вместе. Неважно сколько времени нам осталось. В любом случае вечность всегда пред нами... Мы все равно будем вместе, рядом.

– Я люблю тебя, – прошептала я.

– Я знаю, знаю, – ответил он, страстно меня целуя.

– И почему нельзя было раньше встретиться? – он простонал, не переставая меня целовать. Я опьянена его близостью, его поцелуи таили в себе такой взрыв чувств, что боялась окончательно свихнуться. Он неожиданно зажал мое лицо в своих ладонях и сказал:

– Прости меня, мое маленькое чудо.

Его лицо лихорадочно пылало.

– За что? – прошептала я.

– За то, что я вел себя как идиот. Я не хочу, чтобы ты страдала.

– Ты с ума сошел? Я счастлива!

– Прости, прости, – шептал он, зарываясь с головой в мои волосы.

– Мне не за что прощать тебя. Я люблю тебя.

– Выходи за меня. Я серьезно, – Руслан приподнялся на локте и пристально смотрел на меня. Я от такого признания немного растерялась.

– Ты точно чокнулся, я и так принадлежу тебе.

– Знаю, но ты не ответила.

– Ты знаешь и ответ. Но я должна тебе кое— что сказать.

– Что?

Я замялась. Никаких тайн.

– Я целовалась с Женей.

Руслан усмехнулся.

– Я знаю.

– Откуда?

– Это неважно. Правда, не имеет никакого значения. Было и было. Так что? Ты выйдешь за меня?

– Да.

Он одарил меня своей самой лучшей улыбкой.

– Я счастлив.

– Я тоже.

– Больше никогда так не делай, – произнес Руслан, осторожно касаясь моих рук.

Я зарделась.

– Не буду. Обещаю.

Мы просидели до утра, время от времени прикасаясь к друг дружке. Впервые я почувствовала его нежность, любовь ко мне. Я купалась в ней, не желая больше ничего.

Теперь я могла подумать, и хорошенько все осмыслить. Я не задала ему главный вопрос. У меня на это не хватило смелости. Никто не знал, сколько нам отмеряно. Месяц, год, может счет уже пошел на недели, и на дни, часы, минуты?

Мне стало страшно, он не выглядел как безнадежно больной, хотя он и сказал, что это все еще будет. Я не знаю, как буду жить дальше, когда он... Но знаю одно. Я не заставлю его долго ждать... Он – жизнь моя. Без него я никто. Без него мир мне не нужен. Хорошо, что он не догадывается о моих мыслях. Это его бы огорчило. Наверняка он заставил бы меня пообещать, что я буду жить. Что ж я его нарушу в любом случае.

Там в другом мире не будет упреков от него.

Там мы вновь будем счастливы. Я не боюсь смерти и тем более этого шага. Мне все равно. Мир перестанет существовать, когда он уйдет... Я никогда не оставлю его.

Он крепко прижал меня к себе.

– Ничего не скажут твои, увидев меня здесь?

– Может, и скажут, мне— то все равно, – ответила я и приблизилась к нему.

– До свадьбы нельзя делать что угодно.

– Кто это еще сказал?

– Я и это не обсуждается.

- Жмот.
 - Я забочусь о ее чести, и я еще и жмот?
 - Ага. Теперь, когда ты так близко ко мне. Ты опять диктуешь свои дурацкие правила.
 - Глупенькая, так надо. Мы оба ненормальные, наверное, поэтому до сих пор вместе.
 - А когда мы поженимся?
 - Через месяц. Устраивает?
- Все, что угодно, лишь быть с тобой рядом. Рядом всегда.

Глава 26. Эти зеленые глаза.

Молодой человек прилетел в аэропорт Парижа. Работенка предстояла сложная. Разве можно уговорить взрослую и замужнюю девушку изменить свое решение? Петр не сомневался, что ему удастся. Его волновали последствия. Волновало, что он танцует под дудочку Вероники.

Осталось найти квартиру Милы и можно будет расслабиться.

Мила спокойно пила кофе, Оливье с утра уехал на фотосессию, оставив супругу дома.

Вчерашний разговор с отцом не давал ей покоя.

Над семьей нависло неизбежное горе утраты, и отец устал. Устал от всего: от работы, от притворства и лжи. Она знала, он никогда и никому не доверял кроме нее.

Она его маленькая девочка, его принцесса. И только ей мог доверить то, что лежало на сердце...

Мать жаловалась на новую девушку Руслана. Мол нищая, мол страшная, зачем она ему?

А отец наоборот очень рад. С этой девушкой сын расцвел. Словно никогда не болел.

Мила еще не видела ее, хотя мать уже все уши прожужжала про нее. Просила ее вернуться домой. А Мила тянула... При всей ее любви к брату, она хотела запомнить его прежним. Ей казалось, это важно. И она знала, как Руслан ненавидел причитания.

Нужно развлечься. Куда-нибудь сходить.

Мила быстренько собралась и вышла из дома.

Свежий ветер забрался под летнее платье, взлохматил локоны светлых волос. И в этот момент девушка поскользнулась и едва не упала, вдруг подхваченная сильными руками.

– Напугалась?

От удивления Мила смогла только промычать, не веря своим глазам.

На нее смотрели знакомые зеленые глаза.

– Привет! – мягко улыбнулся Петр.

Мила дважды зажмурилась.

– Это ты?

– Я, – пожал плечами Петр.

– Но как, откуда???

– Если скажу, что выслеживал тебя долгое время, раз ты так разбила мне сердце, согласишься?

– Ни за что, – ответила Мила. Она не верила в совпадения. И ему не верила.

И все же оставалась в его руках, не пыталась вырваться, освободиться. И никогда бы себе не призналась в этом.

Петр сам поставил девушку на ноги и убрал руки от нее подальше.

– Может, согласишься выпить со мной чашечку кофе? Давно не виделись.

Девушка согласилась.

Они вдвоем посидели в небольшом уютном кафе, мило болтая обо всяких пустяках.

– Не собираешься возвращаться домой?

– Если честно, хотела. Но пока не знаю.

– У твоего же отца скоро юбилей? Неужели не поедешь?

– Да. Надо ехать. А когда ты возвращаешься?

– Я здесь буквально пару дней. Сообщи, если соберешься. Возьму с собой за компанию.

Хочешь?

– Мне надо спросить у Оливье. У него сейчас планируется выставка его работ, он все время говорит об этом.

Петр нахмурился. Воспоминания о муже его не обрадовали. Или он уже хватку теряет?

– Тем более. Ты ему только мешаешь. Отдохнете друг от друга пару дней.

– Я позвоню тебе вечером, – пообещала Мила.

И позвонила. Захлебываясь слезами и поведала, что сегодня ей подбросили фото ее любимого в постели с девушкой, его коллегой.

Петр не удержался от улыбки. До чего же она непохожа на мать. Импульсивна как ребенок. О, Вероника совсем не такая. Изошрённая, умная женщина. С ней приятно иметь дело, если ты на ее стороне.

Петр ждал Милу в кафе, неподалеку от ее дома.

Он давно заметил красивую и очевидно одинокую девушку. Подумал было подойти к ней, но не успел.

К нему поспешила Мила, черт бы ее побрал.

Пока он с ней разговаривал, прекрасная незнакомка ушла, оставив свой коктейль.

Домой они летели вместе.

– Я не хочу домой. Это сложно находится между братом и матерью.

– Расскажи мне, тебе станет легче.

Мила глубоко вздохнула:

– Это сложно. С виду мы обычная семья. Папа, мама, дети. Семейная идиллия. А внутри...

Петр догадывался, что внутри этой большой семьи есть одна большая змея.

– Весь бизнес, все принадлежит Руслану. Отец как— то давно переписал все на него. А теперь брат не хочет передавать все назад. Еще эта новая девушка. Что если он женится на ней? Мать потеряет все. Иногда мне кажется, они оба ненавидят друг друга. Он не может простить ее за бесконечные измены отцу.

– Мила, ты нужна своей семье. Нельзя оставаться в стороне. Вот я совершенно один. У меня никого нет.

– Ты не понимаешь. Я знаю маму. Знаю брата. Никто из них не уступит другому. Руслан в этом как никто похож на нее. Всегда идти к своей цели, чего бы ему не стоило.

– Не думаю, что все так серьезно. Они же все— таки семья.

– Серьезно. Больше всего моя мать боится нищеты.

– Ну что— то все же принадлежит ей?

– Нет. Все на нем. Машины, счета, дома, квартиры.

– Почему?

– Мне кажется, что отец, таким образом, обезопасил себя, чтобы мать никогда не ушла от него. Отец переписал, а потом Руслан заболел.

– Я уверен, все наладится. Не переживай понапрасну. Войну не объявляют собственному ребенку.

– Ты плохо знаешь мою маму. Ради денег она готова на все.

Дом встретил ее очередной вечеринкой. Полно народу, мама навеселе, опять что-то праздновала.

Отца Мила нашла в кабинете. Как он постарел. Она протянула к нему руки и упала в отцовские объятия.

– Ты вернулась.

Мила спрятала лицо на груди у отца, вдыхая знакомую смесь запахов: туалетной воды и сигар. Папа опять начал курить. Дурной знак.

– Где Максим?

– У себя. Устала? Отдохнешь с дороги?

– В таком шуме разве отдохнешь? Что на этот раз?

– Наверное, празднует свою очередную маленькую победу. Неважно. Надолго ты приехала?

– Наверное, навсегда, папа. Потом поговорим об этом. Сейчас я слишком устала. Пойду к себе.

– Лучше через западную сторону. Там никого нет.

Мила поплелась в свою комнату. Ей до отчаяния хотелось оказаться, где угодно, только не здесь. Но она нужна отцу. Нужна матери, нужна братьям. А свое сердце, свои печали, все это подождет.

Она прошла в комнату и закрыла за собой дверь. Завтра. Все завтра.

Глава 27. Обещание

Лера

Прошло две недели. Руслан жил у меня дома, следуя за мной тенью.

Вроде все встало на свои места. Но существовало одно но, что тревожило меня в настоящее время. Женя пропал. Не отвечал на мои звонки, на сообщения.

Когда я поделилась своими переживаниями с Русланом, он пожал плечами.

– Он вернется. Дай ему время.

Я понимала, но скучала по нему. Мне его не хватало. Честное слово. Особенно сейчас, я чувствовала свою вину за тот случай в ванне, хотелось попросить прощения и вновь стать друзьями. Он мне нужен, несмотря на то, что произошло, я все-таки его друг и Женя мне дорог. Тем более наша жизнь изменилась, хотя я и старалась не думать об этом. О правде. Жить во лжи нет ничего хорошего, но, правда ужасна. Говорю, я старалась не думать об этом и упорно делала вид, что все хорошо.

Руслан готовил у нас на кухне, я сидела и наблюдала за ним. Почему я раньше не замечала, какой он излишне бледный, его кожа казалась прозрачной и светилась каким— то светом. Мой лунный мальчик... Он не выглядит как умирающий, как те люди, чьи фотографии я нашла в сети. Нет.

– Ты чего так смотришь на меня? – спросил Руслан. Он забавно выглядел в мамином фартуке. Чистюля.

– Я люблю тебя просто, вот и смотрю, – ответила я.

– Я- то думал. А она просто любит, – улыбнулся он. Я не смогла не улыбнуться в ответ. Хорошо, что он рядом. И будет теперь всегда.

– Доставай вилки, – скомандовал Руслан.

Кстати, мой лунный мальчик быстро обжился на кухне и постоянно готовил. Вчера мы обсуждали предстоящий юбилей его отца. Я прекрасно понимаю, что не понравилась его маме и провести целый вечер под ее присмотром не хотелось.

После великолепного ужина – запеченной утки с черносливом, Руслан поехал домой, ему позвонила мама и попросила приехать, раз сестра Мила вернулась. Хотя Руслан и предложил мне поехать с ним на пару часиков, я отказалась из— за забинтованных запястий. Скажут еще, что я ненормальная.

Стоило ему уехать, как силы покинули меня. Я легла на кровать, вдыхая запах его свитера, что он оставил. Я притянула его к себе и крепко обняла. Когда же он вернется? Поскорее бы. Расстояние имеет значение и причиняет боль. Стоит мне остаться одной, без него, как тут же в голову начинают лезть различные мысли.

Судьба. Что она такое? Неужели нам предназначено вот такая судьба? Жить на одном дыхании все время, боясь потерять друг друга? Ведь я боюсь потерять его больше всего на свете. Я только начинаю понимать всю тяжесть нашего положения, всю боль. Одновременно я понимаю, что только любовь могла заставить его так поступить со мной. Он предпочел потерять меня, оставаясь до самого конца со мной рядом, стать моей тенью...

Мы так крепко связаны, что чувствуем друг друга даже на расстоянии. И я сейчас чувствую, он спешит ко мне. Надо забросить все мысли прочь. Не хочу не о чем думать, кроме него.

Я угадала. Руслан вернулся через два часа. Он мягко опустился на колени около меня.

– Я тебя раскусил. Не притворяйся, – шепнул мне он на ухо.

Я улыбнулась и открыла глаза.

– Где ты их взял? – спросила с восторгом смотря на огромную охапку роз, источающую волшебный аромат.

– Не скажу, – ответил Руслан и легко поцеловал меня в уголок рта.

– Я останусь?

– Конечно, сколько можно спрашивать? Как дома?

– Все как обычно. Ничего нового.

– Руслан, можно я спрошу?

– Валяй.

– Почему ты расстался с Кристиной?

Руслан усмехнулся.

– Что ты можешь сказать о Жене?

– Что он ветреный.

– Представь, я раньше был хуже его. Он ангел по сравнению со мной.

– Ни за что не поверю.

– Это было раньше. Скромное оправдание, конечно.

– А что там с Кристиной?

– Мы встречались. А потом расстались.

– Почему?

– Дело прошлое. Я был той еще сволочью.

– Она узнала, что ты болееешь?

– Нет, мы расстались до этого.

– Не хочешь рассказывать, ладно.

Я надулась и отвернулась.

– Эй, не дуйся. Это не имеет никакого значения. Правда. Есть я и ты. Больше никого.

– Ладно. Я тут придумала одну шутку.

– Какую?

Вместо ответа я поцеловала его со всем жаром, на какой способна. Моя атака внезапна, застала его врасплох, поэтому он сначала растерялся. Уже через минуту он лежал на мне сверху и страстно целовал. Пальчиками я осторожно освобождала его заправленной рубашки, этот чертов ремень никак не желал сдаваться. Другую руку я запустила в его волосы и притянула ближе к себе.

– Лера, ты с ума сошла? – простонал Руслан, – Мы, между прочим, у тебя дома.

– Плевать, поцелуй меня, – ответила я, борясь с ремнем.

– Лера, любимая, не время сейчас, честно. Перестань теребить мой ремень.

Отвечать мне не хотелось. Хотелось взять все сейчас, к черту свадьбу, к черту все, я хочу его сейчас.

Ремень сдался, ловко расстегнув ширинку, моя рука соскользнула вниз.

– Лера, прекрати, ты меня слышишь?

– Ты не хочешь? – удивленно спросила я.

– Ты еще и спрашиваешь, когда результат уже налицо.

Руслан хрипло засмеялся и соскользнул с меня, тяжело дыша.

– Уймись бешенная.

– Лежи спокойно и не дергайся, – прошептала я и села осторожно сверху.

– Лера, это конечно классно и все такое, но не здесь, пожалуйста, – Руслан пытался образумить меня. Мне все равно. Я хочу получить свое.

Поэтому стала целовать его еще сильнее, нежно покусывая его нижнюю губу. Его запах опьянял меня. Кажется, парень устал сопротивляться моему напору, поскольку я вновь оказалась снизу. Теперь уже губы Руслана требовательно шли в наступление от губ, к шее, к груди и вниз по животу, рисуя на моей коже невиданные узоры, моя кофточка безжалостно сорвана, штаны постигла та же участь. Я осталась в одном белье, интересно для соблазнения надо было одеть что-то более сексуальное? Хотя Руслана это нисколько не волнует, он, скорее всего, был бы рад видеть меня совсем голой.

Он снова целовал меня в губы, все мое тело горело под его руками, он наклонился к моему уху и шепнул:

– Ты можешь остановить меня, если хочешь. Пока не поздно. Пока я еще могу.

– Я скажу тебе, если передумаю, – шепотом ответила я и прикусила мочку его уха. Ответом мне был стон, сорвавшийся с его губ.

– Я люблю тебя, Лера.

– Докажем это друг другу?

Руслан приподнял меня и посадил к себе на колени.

Я тут же стянула с него рубашку, целуя шею, глядя его вдоль позвоночника, бюстгальтер был почти незаметно снят с меня, нашей коже ничего не мешало соединиться. До чего же приятное ощущение прикосновения его кожи, рук ко мне...

– Лера, если тебе вдруг станет больно, ты скажи мне, хорошо, – прошептал он, глядя на меня. Этого взгляда мне было достаточно, чтобы сойти с ума.

– Обещаю.

От нетерпения я прикусила его губу. Руслан ойкнул.

– Лера, тебя к телефону, – прозвучал голос мамы возле самой двери. Я испуганно вздрогнула. Волшебство лопнуло как мыльный пузырь.

– Кто?

– Не представились. Подойдешь?

– О, да, сейчас, минутку, – крикнула я маме и посмотрела на Руслана.

– Иди ответь, все хорошо.

Я поспешно слезла с него, накинула халат и вышла в коридор.

– Алло, – взяв трубку, ответила я, прекрасно понимая кто на том конце провода.

– Алло. Это я.

– Женька, – выдохнула я.

– Привет. У тебя все нормально?

– Да, почему ты звонишь по стационару?

– Потерял телефон. Руслан у тебя?

– Да.

– Значит, все хорошо у вас?

– Да. Когда ты вернешься?

– Скоро, пока.

И повесил трубку.

Из комнаты выглянул взлохмаченный Руслан.

– Лера, мне нужен душ, причем ледяной.

– По коридору налево.

Парень на ходу одел футболку и пошел в душ. Я рассеяно смотрела ему вслед. Что опять творится около меня? Вернувшись в комнату, я прилегла на кровать и моментально уснула, не дождавшись Руслана.

Руслан

Смотря на нее, я абсолютно счастлив. Она со мной. Невредима. Хотелось осторожно поцеловать ее запястья, облегчить их заживание. Я люблю тебя и буду любить всегда. В этой жизни и в другой.

Не знаю смогу ли когда-нибудь простить себе ее порезы, ее боль. Теперь чувство страха не покидает меня. Мое сердце навсегда с ней.

Сейчас смотря на нее спящую, я легонько касаюсь кончиком пальцев ее руки, волос, кожи...не представляю свою жизнь без нее. Если бы не Женька... Где он сейчас? Я обманывал ее, говоря, что он скоро вернется. Не скоро. Он мне не простит. Впервые в жизни не простит и не забудет. Никогда. Я тоже скучал по нему, но рядом с ней забывал об этом. Когда он вернется, я все ему объясню. Хотя бы попытаюсь.

Спи моя маленькая, у нас все будет хорошо.

Наступил и юбилей отца. Как быстро пролетели две недели.

У меня появилась привычка. Я слышала, как убегает время. Неосознанно я отмечала каждый день, который прошел. Я не жила будущим. Оно меня пугало.

Слово «завтра» вселяло в меня тревогу. Я начала бояться каждого нового дня.

Прошло две недели, а Женя так и не появился.

Вечером мы поехали к дому Руслана. Двухэтажный особняк я видела не впервые, но сегодня он меня поразил обилием огоньков, гирлянд, количеством машин и людей.

– Мы не будем, как я вижу особенно выделяться, да? – спросила я робко.

– Не переживай, все хорошо.

Ага, как же не переживай. Да у меня язык к горлу присох. Я слова сказать не смогу.

Руслан с улыбкой посмотрел на меня, ничего не сказав. Я нахмурилась, до чего же мне неловко.

Стоило нам вылезти из машины, как Руслан решительно потащил меня к дому. Я даже очухаться не успела.

Впрочем, я зря волновалась, на нас особо и внимания никто не обратил.

– Позволь украсть твою даму на танец, – услышали мы оба знакомый голос.

– Женька! – хором воскликнули мы и одновременно развернулись. Женька, немного осунувшийся, но в целом выглядевшим привычным и родным.

– Ну да это я, – как всегда ёрничал Женя. Он протянул руку Руслану. Рукопожатие крепкое, даже чересчур. Руслан широко и радостно улыбнулся.

– Тогда танцуйте, я пойду Люду найду.

Он отошел от нас и скрылся в толпе. Я уставилась на Женю. Он смело положил руку мне на талию и притянул к себе.

– Неужели ты думала, я забуду про танец?

Я улыбнулась.

– Помню. Спасибо, что пришел. Ты...

– Тсс. Потанцуй со мной, – шепнул Женька, – Жаль, твое платье слишком короткое.

– В следующий раз одену подлинней. Где ты был?

– Неважно.

– Я хочу извиниться...

– Тсс, все позади.

– Ты прости меня. Пожалуйста. Я такая глупая, – не смотря на его просьбу, выпалила я.

– Я запомню.

Он словно светился и выглядел счастливым.

Мне вспомнился тот момент в ванной, когда Женя произнес довольно странные слова. Я с сомнением посмотрела на него. Парень мне лишь загадочно улыбнулся. Желание узнать ответ на вопрос, который мучил меня, теперь стало сильнее.

– Женя, я хочу спросить тебя. Можно?

– Все что угодно, – прошептал мне он на ухо.

– Мне кажется, я недостойна счастья.

– Я жалею лишь о том, что танец не будет длиться вечно. И мне придется тебя отпустить.

– В каком смысле?

– Вы ведь женитесь. Я знаю, – ответил он с горечью. Я заглянула в родные глаза.

– И что ты думаешь об этом?

– Я думаю о разбитой посуде у тебя дома. И о твоём коротком платье. Вы женитесь и это прекрасно. Я желаю вам обоим счастья.

– Я не понимаю.

– Я больше не перейду границ. Если бы только могла знать, чего мне это стоит. И сегодня я, пожалуй, напьюсь.

Я молчала, медленно кружась. Слова Жени камнем упали мне на сердце. Я ведь чувствовала, все не так просто.

– Почему ты молчишь? – с несвойственной нежностью спросил он.

Я подняла глаза. В его глазах светилось бесконечное море любви, откровенной, пугающей, манящей к себе. На миг меня заполнило желание броситься в этот омут с головой, сказать ему, что я чувствую смятение, но его любовь безграничная и молчаливая сделает меня счастливой, в этом мире не будет боли, не будет слез, не будет смерти, он рядом живой, пышущий здоровьем.

Искушение столь велико, что счастливые картины нашего совместного будущего пронесли в голове. Много детей, похожих на него, большой дом. Я видела, как наши дети идут в садик, следом в школу, они растут, и мы счастливы. Мы держимся за руки, целуемся, проводим вместе много лет счастливой жизни, видела нас стариками, все так же держащимися за руки в окружении детей и внуков. Слезы брызнули у меня из глаз.

Я знала, что меня ждет. Нет никаких иллюзий.

– Ты сам все знаешь. Я не оставлю его.

Женя ласково стер мои слезы кончиками пальцев.

– Все будет хорошо, мы потом поговорим с тобой. Музыка заканчивается. Пожалуйста, не надо плакать, все наладится.

Слезы текли ручьем, оставляя за собой следы туши.

Руслан

Женька – мой лучший друг. Он изменился. Увидев его, я понял, наша дружба теперь станет другой. Не такой как раньше. Почему? Потому что он перешел ее грани, может и произвольно. Но прежней дружбы не бывает. И дело не в Лере.

Судьба, наверное.

Между нами никогда не вставали наши чувства. Мы всегда влюблялись в других девушек, наши вкусы никогда не совпадали.

Но Лера...

Она другая. Не такая как все. В ней каждый из нас нашел свое. Что с этим делать?

Похоже, мы оба не знаем.

Интересно, насколько долго он скрывал свои чувства к ней, которые настоящие?

Впервые за столько лет я вижу его другим, переполненным любовью. Любовью настолько сильной, что он готов принести в жертву ей и свою гордыню, и нашу дружбу. Честно это пугало, и я много об этом думал, пока Женька отсутствовал. И я надеялся, что ошибался. Но, увы, увидев его, понял, что передо мной как и жутко это не звучало не друг, а соперник...

Они медленно танцевали, мой ангел улыбалась, они о чем – то говорили. Они вместе хорошо смотрелись. Как— то едино. Может дело в свете, что существовал у них внутри? Не знаю. Но мне, почему это не понравилось. Ревность – жуткое чувство. Лезвие без ручки, больше ранишь самого себя. Пойти их разъединить? Стоит попробовать.

– Женька тебя на минуту можно? – произнес Руслан и с нежностью одарил меня взглядом. Если его и озадачили следы недавних слез, то виду он не подал.

Женька с неохотой отпустил мою руку, и они вместе скрылись в толпе. Я пошла к столам, тыльной стороной ладони вытирая остатки слез. Сколько же тут людей! И я никого практически не знаю. С тоской оглянулась и присела на краешек дивана. Это короткое платьице едва прикрывает мне попу, стоило сесть, как оно поползло вверх. Куда интересно они ушли? Может пойти поискать? Услышав громкий смех, я оглянулась и увидела девушку, похожую на моего Руслана, это наверняка Людмила. Красивая такая. О, она идет ко мне.

– Привет, ты ведь Валерия? Я Мила, сестра Руслана.

Я улыбнулась и пожала плечами.

– Да.

– Рада познакомиться с тобой. Брат болтает о тебе целыми днями. Интересно было посмотреть, правду ли он говорил.

– О чем?

– Что ты действительно похожа на ангела. И добро пожаловать в семью.

– Спасибо.

– Так вы решили пожениться? Здорово. Хоть на свадьбе погуляем.

Мила улыбнулась мне улыбкой, которую я знала наизусть.

– Вы похожи, – заметила я.

– Только внешне. Я серьезно рада, что вы вместе. Тяжело видеть его другим. Но с тобой он выглядит лучше. Видела, ты танцевала со Смирновым. Держись подальше от него.

Я удивилась. Тема болезни Руслана не поднималась в нашем окружении. Все вели себя довольно тактично. Похоже Мила не из их числа.

– Вижу, вы уже познакомились? – произнес Руслан, подкравшись сзади.

– Она чудо, – пролепетала Мила и, чмокнув брата в щеку, отошла к гостям. Руслан коротко усмехнулся и протянул ко мне руку. Я коснулась в ответ его и тут же оказалась в крепких объятиях.

– Один танец?

– Я плохо танцую.

Руслан лукаво улыбнулся.

– Надо проверить. Мы же не знаем наверняка.

– Тебе все всегда надо знать наверняка. Какой ты несносный, – заметила я с напускной сердитостью.

– И ты любишь меня.

– Любовь зла.

– Неужели?

Вместо ответа я прижалась к нему и поцеловала.

– Ммм, ты целуешь меня на глазах у всех?

– Ага. Я же твоя невеста.

– Пожалуй мне стоит передумать на счет женитьбы, раз ты не умеешь танцевать. Хотя твои поцелуи с легкостью компенсируют этот недостаток.

– Тогда пошли отсюда и я тебя зацелую.

– Ты скоро станешь моей женой, и тогда тебе придется меня зацеловать, пока пошли танцевать.

Я с легким вздохом подчинилась. Руслан, заметив его, тихонько хихикнул. Мне хотелось раствориться в нем до конца. Все мои прошлые отношения никогда не переходили рамок близости. А тут... Руслан сразу же объяснил мне, что до свадьбы ни— ни. Меня это хоть немного и обидело, но все, же иногда я испытывала странную мстительную радость, видя как порой ему тяжело сдержаться.

Мы медленно кружились в танце, тесно прижавшись к друг другу. Руслан шептал мне на ухо слова любви, и я счастливо улыбалась. Вдруг музыка стихла.

– Прощу минуту внимания! – произнес звучный голос. Мы замерли и повернулись на звук.

– Папа, – с улыбкой произнес Руслан.

– Мы собрались здесь все по поводу моего юбилея, но, – мужчина сделал паузу, – У нас назревает еще одно событие в нашей семье. Наш обожаемый и любимый, любящий сын Руслан женится! Руслан и Валерия, подойдите к папе!

Я смущенно оглянулась на Руслана.

Он ободряюще улыбнулся и повел меня к отцу на середину зала.

Столько пар глаз уставились на нас. Среди них я увидела радостные и удивленные.

Грустные только одни. Женька.

Я вопросительно посмотрела на родное лицо. Парень подмигнул мне и опрокинул рюмку, не поморщившись.

Теперь мы предстали перед отцом и матерью Руслана. Сердце мое готово вырваться из груди и если бы не рука Руслана, крепко сжимающая мою, я бы давно убежала, куда глаза глядят.

– Добро пожаловать в семью, дитя наше! – произнес отец Руслана. Его сын подвел меня к нему, и родители по очереди обняли меня и поцеловали в щеку.

– Ура! – крикнул кто— то. Раздались аплодисменты и тут же нас окружили с поздравлениями. Руслан вел себя вполне непринужденно, а вот мне хотелось провалиться сквозь землю. Лоб покрылся испариной, и горло мучила жажда.

– Когда свадьба? Не забудьте пригласить! – потребовала от меня какая— то блондинка.

– Непременно. Свадьба через месяц, – ответил за меня Руслан.

– Наверное, залетела пташка, вот и женятся, – услышала я ядовитый шепот ослепительной красивой девушки в черном платье. Ее глаза пронизывали меня своей

ненавистью. Кристина. Я ее узнала.

– Заткнись, Крис, не суди всех по себе, – парировал внезапно появившийся Женя с бокалом сока в руке.

– Держи, – обратился он ко мне, протягивая бокал. Я с благодарностью взяла его и поспешно отпила.

Руслан опять потянул его за собой. Я отправилась за ними, но меня перехватил отец Руслана, пожелавший потанцевать со мной.

– Танцуй, я скоро, – сказал мой жених и вдвоем они куда-то ушли.

Прошло уже больше часа, но Руслан не спустился. Скоро салют и я решила пойти поискать его. Макс (младший брат) кратко пояснил мне путь и вот я забираюсь по лестнице. На втором этаже очень тихо. Еле слышен гул снизу. Длинный коридор освещается маленькими лампочками. Нужная мне дверь третья слева. Судя по звукам это она.

Я подошла и широко распахнула ее.

Руслан

Когда внезапно появился мой маленький и нежный ангел, я оторопел, думая, что она могла услышать и что могла понять. Разговор, который вели мы, не предназначался для ее ушей. А вдруг она что— то слышала?

– Вы чего тут застряли? Я жду, жду..., – Лера капризно надула губы и с любопытством уставилась на нас. Женька кашлянул. «Подыграй мне!» – взмолился я ему и весьма выразительно посмотрел на него.

– О, Лерик, мы просто говорили. Ты скучала без нас? – спросил Женя с дурацкой улыбкой.

Перестань, иначе она догадается.

– Вы чего задумали?

Догадалась. Черт.

– Ты это о чем? – спросил я.

– У вас такой вид, словно я вас застучала за разговором. Чего задумали?

У меня гора с плеч свалилась. Не догадалась. Слава Богу.

– Пожмите тогда друг другу руки и идемте вниз. Все уже ждут.

Женька испуганно взглянул на меня, но Лера ничего не заметила. Она сама не зная того, согласилась с нашим решением. Я притащил его сюда, чтобы поговорить...

– В чем дело? – спросил я, недоумевая.

– Я тебя не простил.

– Зачем вернулся тогда?

– А ты как думаешь?

Наша братская дружба затрещала по швам, когда я понял, почему он вернулся.

– И что из этого?

– Так ты знаешь?

– Догадался. И что? Она с тобой не пойдет.

– Знаю. Если ты не прогонишь ее как в тот раз.

– Ты всю жизнь мне будешь напоминать об этом?

– Я сказал, что не простил тебя. А не то, что стану твоим укором.

– Тогда что? Ты же сам хотел, чтобы она все знала.

– Я жалею о своих словах. Ей не нужно было все знать. Теперь она страдает.

– От этого никуда не деться. Я не могу ничего изменить. Думаешь, я не жалею об этом?

Думаешь, себе я простил это?

– Нет. Не простил. И от меня этого не жди.

– Чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы она была счастлива.

– Она счастлива. Как и я.

– Брось. Как можно быть счастливым, зная, сколько боли нас ждет?

– Ты хочешь напомнить, что мне скоро на тот свет? Спасибо.

– Нет. Ты не понимаешь. Никто не понимает.

– Объясни. Мне сложно сейчас понять. Но я готов попробовать.

Женя криво улыбнулся и посмотрел на меня. В его глазах плескалось громадное количество боли и отчаянья.

– Ты мой же друг, да что там друг, брат. И черт как же мне отвратительно на душе. Я не знаю, почему произошло именно так? За что тебе это? За что ей это? За что мне?

– Ты любишь ее? – прервал я его. Женя тяжело вздохнул и качнул утвердительно.

– Я сам хотел поговорить с тобой. Давно уже заметил. Только не думал, что все настолько серьезно.

– Так заметно?

– Кто не знает тебя так же хорошо, как я, не увидит этого. Она тоже не видит. Может оно и к лучшему.

Женька обхватил голову руками и застонал. Я продолжил:

– Ладно, послушай меня. Ты все знаешь. Так давай договоримся.

– О чем?

– Ты не оставишь ее, когда меня не станет.

– Да пошел ты! Ты соображаешь, что говоришь?

– Жень, ты единственный человек на свете, которому я доверяю безгранично. Мне будет тяжелее уходить, зная, что оставляю ее совсем одну. Ты мой лучший друг. Помоги мне.

– Я не могу обещать тебе этого. Неужели ты не понимаешь, насколько это подло?

– Понимаю. Но по-другому никак. Помоги мне. Пожалуйста. Ради нее пообещай.

– Я не могу.

– Пообещай. Ты ведь любишь ее и все равно будешь рядом. Ты не посмеешь бросить ее. Я бы сделал это для тебя.

– Не говори так. Ты не знаешь, каково это.

– Ты прав. Но я бы все равно помог тебе. Ты нам нужен обоим. Так помоги. Пообещай.

– Что я должен пообещать?

– Что не оставишь ее одну, когда меня не станет. Заставишь ее жить. Подаришь ей кучу детей. И проживешь с ней долгую и счастливую жизнь, раз я этого не смог. Она сможет полюбить тебя, у нее доброе сердце. Взамен мне нечего тебе предложить кроме благодарности.

– Звучит так, словно мы делим ее.

– Так оно и есть. Пообещай.

– Прости меня.

– И ты меня. Пообещай, – вновь повторил я, со слезами на глазах.

– Знаешь, это неравноценный обмен. Тебе все равно достается больше. А я, так запасной вариант.

– Это стоит этого. У вас впереди целая жизнь, а мне всего немного.

Некоторое время мы оба молчали. Не знаю, о чем думал Женька, а я думал о Лере.

Она единственная, о ком я думал.

Я не мог защитить ее от боли и страданий и не мог облегчить их. Но мне было важно знать, что она не останется со своим горем одна. Я хотел, чтобы она жила. А я мог и подождать ее. У нас все равно впереди вечность. И не стоит туда торопиться.

Даже если бы Женя не любил ее, я намеревался попросить его об этом же. Но так как он любил ее не меньше моей любви, то я решил сыграть на этом. Он должен мне пообещать.

– Хорошо. Я обещаю.

– Спасибо, брат.

Мы собирались пожать друг другу руки, как тут вошла наша Валерия.

Теперь нам ничего не оставалось, как пожать руки. Что мы и сделали с некоторым напряжением.

– Идемте же вниз! – позвала девушка и повернулась к нам спиной.

– Сегодня я напьюсь к черту, – негромко произнес Женя.

– Возьмешь меня с собой? – спросил я.

– Без проблем.

Мы спустились вместе. Стали бить часы. Втроем мы взяли по бокалу шампанского.

Один. Все громко считали.

Два. Я ненавижу праздники.

Три. Женя украдкой посмотрел на Леру.

Четыре. Она посмотрела на меня.

Пять. Я собственнически обвил ее рукой за талию.

Шесть. Женя положил мне на плечо руку.

Семь. Лера беззаботно улыбалась. Восемь. Женя улыбался, скептически смотря на свой бокал вина.

Девять. Я посмотрел на дно своего бокала.

Десять. Мы чокнулись.

Одиннадцать. «Загадай желание», – шепнул я своему ангелу.

Двенадцать! Храни нас Боже.

Прогремел салют.

Глава 28. Центр Твоей Вселенной.

Ей до смерти не хотелось идти на юбилей шефа. Тем более с Егором они почти не разговаривали после того случая. Насколько она слышала, дома он не жил.

Ее разрывало от желания поговорить с ним. Как раньше. До их неожиданного помешательства друг на друге. И если честно, Надя не думала увидеть его здесь. А он пришел.

Егор пришел, потому что поздравить шефа необходимо. И в свою очередь не думал, что Надя придет. Еще и такая красивая. Словно русалка.

– Привет, – осторожно произнес он, присаживаясь на диван. Надя держала в руках бокал и явно рада его видеть.

– Привет.

– Отлично выглядишь. На русалку похожа.

– Спасибо, как ты сам?

– Нормально. А ты?

– И я.

Глаза ее говорили совсем другое. И он боялся, что его глаза тоже. С того поцелуя прошла целая вечность.

Да, сейчас он жил не дома, снимал квартиру. Хотя Вика и звала его обратно. Одумалась. Хорошо, что сегодня она не здесь, пусть и Мила, дочь шефа, ее подруга.

Впрочем, будь она здесь, ни за что бы не позвала его назад.

Достаточно только посмотреть на них обоих и все станет ясно.

– Идем танцевать?

– Идем, – с улыбкой ответила Надя.

Егор привлек девушку к себе, как величайшую драгоценность. Пусть все смотрят, пусть. Этот танец только их.

Зачем слова, да и к чему они? Тот же огонь внутри него, внутри нее. Тоже пламя бушует, рвется наружу. Сжигает все, что было, ради того, что еще будет.

Прошлое и Настоящее смешиваются, исчезают для возрождения Будущего.

Им суждено быть вместе. А против Судьбы шансов нет.

Соппротивление? А для чего? Для чего жилы тянуть из раненого сердца, когда Она— центр твоей Вселенной?

– Ты сегодня такая красивая, – прошептал он ей на ухо.

– Я счастливая. Оттого и красивая, – парировала она.

– Я хочу, чтобы ты ничего больше не боялась.

– А с чего ты решил, будто я боюсь?

Надя улыбнулась только ему знакомой улыбкой. И сама прильнула к его плечу.

– Я с тобой становлюсь все той же, помнишь с косою?

– Помню. Я все помню. И ты знаешь, пора нам уже наполнить себя новыми воспоминаниями. Ты как за?

– Не воспоминаниями. А Настоящим.

– Тогда я тебя похищаю. И никуда не отпущу.

– Думаешь, я хочу убежать?

– Всякое может быть. Один раз ты уже сбежала.

– Сбежим еще раз?

– Я только за.

Они ушли с праздника, крепко держась за руки.

В перерывах между поцелуями он пытался найти ключи в кармане пиджака, а когда наконец— то нашел, в квартиру они ввалились, хохоча.

Она запуталась в своем русалочьем платье, и падая потянула его за собой. Он почти свалился на нее, такую хрупкую. Прислонил свой лоб к ее и тихонько прошептал:

– Я тебя люблю, Надя.

– Тсс, – прошептала она в ответ и притянула его за шею.

– Ты знаешь, что счастье любит тишину?

– Знаю.

– Вот и помолчи, – прошептала она, касаясь его губ.

На этом мы их пока и оставим))))))

Ведь Счастье любит Тишину.

Мила весь вечер провела с дежурной улыбкой. Лера ей понравилась, вопреки заверениям матери.

Кого она не хотела видеть, так Женю.

Поэтому удивилась, когда он плюхнулся с ней рядом после очередного танца, и заговорил:

– Наша Милка от тоски проглотила три доски?

– Господи, Смирнов, ты так и остался на уровне детсада?

– А ты смотрю сильно выросла.

– Уж повзрослее тебя.

– Да не уж то? Чего без мужа? Где твой Винегрет?

– Оливье.

– Ну да. Однофигственно.

– А ты чего один? Или уже никому не нужен?

– Скучно мне. Вот тебя увидел и сразу полегчало. Пошли потанцуем?

– Вот еще, дурак.

– А говорила, что выросла, – вздохнул Женя и отошел от Милы.

Петя наблюдал за девушкой, близко не подходя. Он совсем не хотел сюда приходить, но после телефонного разговора с Вероникой, ему втемяшилось прийти. Может, убедится, что с Милой все в порядке? Оградить от дурного и тленного влияния матери? Но кого она послушает? И какое ему дело до избалованной девчонки, которая не знает слова «нет»? Хотя, как видно, кто— то однажды сказал ей нет, раз она так болезненно реагирует на него. Это видно по ее глазам, губам, которые дрожат. Не для того, она вышла замуж, лишь бы доказать, что ее могут любить? Впрочем, пустое.

Она просто не получила желаемое, вот и злится до сих пор. Как раз в духе своей полусумасшедшей мамы.

Наконец народ стал расходиться, Петр выловил момент и присел рядом с девушкой.

– И что ты тут делаешь?

– Пришел в гости. Нельзя?

– Странно. Позвонить не судьба?

– Я хотел сам увидеть, что ты в порядке.

– Увидел?

– Да. Но теперь думаю, что сам не очень рад.

– Ты приперся сюда, чтобы мне это сказать?

Петр замолчал. Действительно, чего он приперся? Не хватало еще нарваться на Руслана, который его не переваривал, а хуже всего на самую Веронику.

– Я хотел сказать одно, уезжай отсюда. Не твоя это война. Я подумал над тем, что ты сказала и согласен с тобой. Хочешь, уедем отсюда вместе?

– И куда мы поедем?

– Знаешь, где край света?

– На меня твои методы не действуют.

– Я серьезно. Уедем отсюда. Подальше от всех, – прошептал он, наклоняясь ближе к ней: к своевольной ледяной принцессе. Растопить можно и камень...

Она ответила на его поцелуй. Не сразу. Сначала оторопела, потому что лишь во сне бывает такое.

Мила не любила слишком открываться, даже близкие не знали, какие демоны резвятся в ее душе, на самой глубине. Оливье— хороший парень, но она никогда его не любила. Его выбрала мама, как обычно делала за нее выбор: будь то платье или с кем дружить.

У нее никогда не существовало собственного мнения, в отличие от старшего брата. Марионетка в руках любого, кто захотел поиграть.

Абсолютно безвольная кукла. И сейчас во время этого поцелуя девушка почувствовала себя свободной. С волей. Нитки перерезаны. Она вольна делать, что хочет!

Поэтому ответила на поцелуй. Лед таял, превращаясь не в талую воду, потому что никогда не был водой, а в пламя.

И неизвестно, чем бы закончилась ее трансформация, потому что раздался вскрик. Пламя снова стало льдом. Мила поспешно и трусливо сбежала под взглядом матери.

Петр приготовился обороняться.

– Я не поняла, ты чего пришел? Мы же договаривались!

Вероника присела на диван.

– Это не по плану. Ты мне все испортишь!

– Например? – произнес Руслан. Он вернулся в дом, забыв телефон. И совершенно не ожидал столкнуться с сестрой в дверях, а потом еще застучать мать и ее очередную игрушку.

Вероника испуганно закрыла рот руками. На сына страшно смотреть.

– Я кажется, объяснил тебе мама, сюда никого не водить. Ты вероятно совсем меня не слушаешь?

– Я вообще не к ней пришел, – Петя не стал стоять в стороне. Руслан не удостоил его взгляда.

– Вон отсюда.

– И что ты сделаешь? За шкурку выкинешь? Силенок то хватит?

Руслан не успел ничего ответить, между ними встал Женька:

– Эй, парни, спокойно. Все расходимся. Все нормально.

Петр смерил взглядом их обоих и ушел.

– Пошли, – Женя потянул друга за собой, но тот упрямо и зло смотрел на мать. Потом развернулся и молча вышел.

Вероника нашла дочь в комнате. Та встретила мать, смело, смотря ей в глаза.

- И что это было?
- Что, где было?
- Что у тебя с Петром?
- Ничего.
- Зачем тогда ты целовалась с ним?
- Это спьяну, мама. У нас ничего нет.
- Он тебе нравится?
- Кому какая разница? Чего ты так интересуешься?
- Я беспокоюсь о тебе, Людмила.

Вероника с безразличием смотрела на дочь.

Бестолковая.

Слабая.

Безвольная.

Как у нее могла родиться такая дочь? Наверняка, пошла в отца.

- Я чтоб больше не видела тебя с ним. Увижу, пожалеешь. Понятно?
- Предельно. Спасибо за заботу, мама.

Вероника поспешно вышла из ее комнаты. А дочь только вздохнула и мечтательно закрыла глаза.

Глава 30. Козырь в рукаве.

Лера

Сегодня день не задался с самого начала. Во-первых, из-за сильного ветра где-то оборвались провода. Света не обещали до следующего утра, что меня разозлило, и за завтраком я нагрубил маме и ушла к Руслану.

Судя по всему, у него отличное настроение, он мыл посуду, мурлыча себе что— то под нос.

Я раздраженно наблюдала за ним, сидя в кресле и грызя яблоко. Причем я ела не на кухне, а в зале (что было запрещено чистюлей Русланом). Мне хотелось его разозлить. Впрочем, Руслан занимался своими делами, и казалось, не замечал моего плохого настроения. Яблоко я доела и принялась за принесенные мной с дома семечки, намеренно оставляла шелуху на лакированном столике.

Ноль реакции. Руслан продолжал не замечать меня. Он включил проигрыватель на телефоне и отправился на кухню. Я за ним, уселась напротив и смотрела, как он моет посуду.

– Кофе будешь? – нарушил молчание и спросил он у меня, улыбаясь.

Меня наконец— то заметили. Аллилуйя.

– Нет.

– Чего тогда ты такая?

– Настроение плохое. Что нельзя?

– Можно, только стол тут мой причем? Будь хорошей девочкой, иди, убери за собой.

Слабая улыбка озарила мое лицо. Он все-таки заметил.

– Напакостила и рада, да?

Он улыбался одной из моих любимых улыбок. Она означала, что он совсем не сердится и его забавляет мое поведение.

– Детский сад, когда ты наконец— то станешь взрослой?

– Не дождешься.

– Я тоже так думаю.

Он присел рядом. И положил руку мне на плечо.

– Света нет, поехали к Женьке, а? Все равно света нет, а у него генератор стоит, хоть поедим.

Делать нечего, я не хотела ехать, но пришлось.

После юбилея отношения между нами троими как— то не ладилась. Тогда парни напились, и я до сих пор на них в обиде, хотя прошло всего два дня. Тем более их мы проводили отдельно друг от друга. Женька не рассказывал мне, где был, что делал, мы в основном общались посредством смс-ок.

Руслан закончил с посудой и наведением порядков, я все-таки не убрала за собой семечки в отместку. Пока Руслан выбирал, что ему надеть, я умудрилась выпить чашку горького кофе.

– Я готов. В машину, – скомандовал Руслан мне. И я в который раз полюбовалась им. Как всегда, он выглядел безупречно, не то, что я в свих линялых джинсах. Я дурнушка. И что он во мне нашел?

– Я люблю тебя.

– Едино.

– Это что еще за ерунда?

– Я ей говорю, что люблю, а она называет, это ерундой.

– Я не говорю, что твое люблю ерунда, просто, что значит едино?

Вместо ответа Руслан поцеловал меня, и я забыла обо всем на свете. Похоже, ему очень нравится такое влияние на меня.

– Вот что значит едино.

Руслан

Женька обрадовался нам, увидев нас на пороге. На нем простая серая рубашка и черные боксеры. Из распахнутой двери звучала музыка.

– Похоже, потепления пока в этом году не будет, опять вы приперлись, – поприветствовал нас Женька.

– Иди штаны одень, – укорил его Руслан.

– Мой дом, хочу, хожу в трусах, хочу без них, – парировал Женька. Он старательно избегал встречаться со мной взглядом.

Руслан хмыкнул и прошел мимо него.

– Привет, – прошептала я и улыбнулась. Женька прикусил нижнюю губу, но поздоровался и посторонился, давая мне пройти.

Реакция Жени меня продолжала удивлять, даже после того как я узнал о его чувствах. Да и реакция Леры была непредсказуемой до этого для меня. Между ним и ней зародилась крепкая дружба. Слово и не было никаких раньше размолвок, ссор, неприязни. Нет, все забыто, теперь они как два закадычных друга говорили, смеялись, гуляли и очевидно чувствовали себя комфортно в обществе друг друга.

Признаюсь, честно, сначала я радовался, а потом заревновал. Знаю, это глупо, прекрасно понимаю, но продолжаю тайно ревновать свою девушку к своему лучшему другу. Почему? Сложно объяснить. Лера выглядела счастливой с ним. Он не заставлял ее страдать как я. С ним она забывала о том, что может меня потерять и могла облегчить весь тот груз, что я возложил на ее хрупкие плечи. По его вине она никогда не заплачет и ее сердце не станет разрываться при виде его.

Во всех бедах ее, страданиях виноват только я. Женька помогал ей расслабиться хотя бы на мгновение, хотя я знаю, она не забывала обо мне ни на секунду, просто отвлекалась. Если бы я мог изменить все. Быть может, тогда в парке бы прошел мимо нее. Если бы это помогло мне уберечь мою любимую от самого себя.

Вот сейчас она смеялась над шутками Жени и когда повернулась, ища меня глазами, ее лицо изменилось, и глаза поделились легкой дымкой грусти. Я заставил себя улыбнуться, пытаюсь успокоить ее. Она улыбнулась мне в ответ и отвернулась.

Смог бы я отпустить ее? Знать, что она будет с другим... Счастлива. Я бы смог. Только мой маленький ангел не уйдет. И это я знаю совершенно точно.

Знаю, она будет со мной до конца и меня это пугает. Смогу ли я оставить ее? Знаю, все произойдет против моей воли, но как бы там не было, я останусь с ней навсегда.

Я буду свежим и ласковым, теплым ветром. Что иногда будет согревать зимой и дарить прохладу в зной. Я стану звездой на небе, которую она всегда будет искать.

Я всегда буду рядом. Это аксиома и ничего ее не изменит. Никогда. Нет такой силы на свете настолько сильной, чтобы разрушить нашу связь с ней.

Нет ни одной минуты, когда я не думал бы о ней. Я всегда думаю о ней, о том, что она делает, что за мысли вертятся у нее в голове, чем занята.

Я заметил стремление Валерии проводить со мной как можно больше времени, понимаю, зачем она это делает, пусть неосознанно. Моя милая пытается обмануть время, чтобы накопить больше воспоминаний, впитать как можно больше от меня, моей любви...

Гонка. Время все равно нам отмеряно одно и то же, и ничто его не изменит. Женька пытается помочь, стремится не пропустить тот момент, когда нам нужна будет помощь. Возможно не сколько нам, как уже ей.

Мне понятно его стремление оградить ее от боли, моей в том числе. И я рад. Когда все закончится он будет рядом и ему я доверил бы себя. Он мой лучший друг и как бы там не было, пусть. Он мне обещал, а такие обещания на грани между смертью и жизнью значат очень многое.

Есть ли смысл моей жизни? Значима ли она для меня без нее? Без человека, который продлил мне ее, подарив лучшие моменты, которые навсегда останутся со мной.

Кто сказал, что смерть – это конец? Мне суждено встретить ее именно сейчас, когда мне нужна помощь и любовь, настолько поглощающая и всеильная, что смерть отступила перед ней, став милосерднее.

Жалею я о чем— то? Да. Жалею, что мне не суждено прожить с ней долгую и счастливую жизнь, встретить старость. Еще я жалею о том, что не смог уберечь мое золото от страданий и боли, что взвалил на ее хрупкие плечи непосильный груз.

Вчера я в который раз зачем— то старался убедить свою любимую в том, что жизнь со мной тяжела. Не понимаю зачем, но отчего эти слова помимо моей воли вырвались из меня.

– Когда-нибудь тебе захочется нормальной жизни: семьи, детей, дома... А что я могу тебе дать? Ты лишь страдаешь со мной. Это не делает тебя счастливой, а я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты достойна лучшего, любимая моя... Я не могу сделать тебя счастливой. Боюсь причинить тебе еще большую боль. Не хочу такой участи для тебя. Ты не должна посвящать себя моей жизни...

– Я никуда от тебя не уйду. Мы будем вместе. Шаг за шагом. Твоя боль – моя боль. Ты счастлив – я тоже. Тебя не станет – меня тоже. И обсуждать я больше не буду эту тему.

– Какая ты дурочка... – прошептал я.

– Сам такой.

– Ты же понимаешь, я боюсь потерять тебя.

– Ты никогда меня не потеряешь.

В итоге мы немного повздорили. Знаю, она не смирится. Не такой человек. Тем больнее.

Я потянулся, и моментально возле меня очутилась Лера. Добрая и нежная улыбка озарила ее милое личико.

Раздался звонок в дверь. Женя поднялся с пола и вышел одновременно с Варей, спускавшейся с лестницы. Варя сегодня явно не в настроении. И все из— за ее парня, категорически который не нравился Жене. Я его понимал. Дима старше Вари на 10 лет. Ей всего 17 в этом году. А ему 27. Тем более между нашими компаниями, скажем так существовали негласные разногласия. Мы постоянно сталкивались, но открыто «войны» никто не начинал, так пакостничали исподтишка. Зачем Дима идет на конфликт, не знаю. Ведь Женя ему ясно сказал на счет их отношений с Варей. Видимо тот не понял или просто наплевал на пока дружеский тон. Зная своего друга, осмелюсь предположить, дело пойдет

дальше.

В коридоре, по— видимому, шла борьба. До нас донеслись гневные крики Жени и вопли Вари. Звуки похожие на удары. Пора вмешаться.

— Не выходи, — попросил я испуганную Леру и поспешил в коридор. Картина меня удивила. В дверях стоял Дима, держась за левый глаз. Тяжело дышащий Женька стоял неподалеку, пытающийся удержать сестру.

— Вы чего?

— О, Королев здорово, как всегда явился прикрывать дружка? — насмешливо произнес Дима.

— Тебе лучше уйти, — холодно попросил я.

— Я уйду. Учти, Варя все равно будет со мной, хочешь ты этого или нет.

— Только через мой труп, ясно? — выпалил со злостью Женья.

— Нет ничего проще. Я не прощаюсь, — с мрачной улыбкой заявил Дима и вышел, громко хлопнув дверью.

— Ты очумел? — накинулся я на Женьку.

— Не лезь. Марш в комнату! — гаркнул он на сестру и когда она, всхлипнув, убежала, перевел взгляд на меня.

— Может, пусть Варя сама решит?

— Не лезь, — повторил Женья.

Я вернулся к Лере, она выглядела напуганной. Мне тоже не понравились слова Димки, тем более его я хорошо знал.

Этот парень способен на все что угодно, лишь бы добиться своего.

Отчего у меня зародились плохие предчувствия. Мое маленькое чудо, видя наше подавленное состояние, пыталась нас развеселить. У нее получилось, вскоре на губах Жени заиграла слабая улыбка.

Варя не спустилась к ужину. Мы решили остаться ночевать у них дома. Похоже, это входит в привычку. Лера отнесла Варю поесть, и просидела у последней часа два.

За это время мы отправились по комнатам. Вскоре мой ангел мышкой прошмыгнул под одеяло. Подавив в себе желание, уткнуться ей в волосы, разметавшиеся по подушке, я нашел в темноте ее ручонку и крепко сжал. Ответом мне послужило легкое прикосновение к моим губам. Я медленно погрузился в сон.

Лера

Мне не спалось, поэтому я вышла в коридор и спустилась вниз, выпить воды. На кухне увидела Женью, он курил в форточку.

— Не спится?

Женья, вздрогнув, услышав мой голос.

— Ага, а ты чего не спишь?

— Не знаю. Может виновато новое место?

Парень усмехнулся.

— Хочешь кольца покажу?

Я кивнула. Парень, сделав затяжку, выпустил дым кольцами.

— Классно, научишь?

— С ума сошла? Руслан меня потом убьет.

— Я пошутила. Налью себе воды.

Я подошла к мойке, достала чистый стакан, налила из графина воды. Повернулась, чтобы пройти к столу, но не успела. Позади меня стоял Женя.

– По— моему, мы обещали соблюдать дистанцию, разве нет?

– Я никогда не сдерживаю свои обещания.

– Зачем тогда обещать?

– Запрети мне, – охрипшим голосом попросил Женя. Его лицо было в паре сантиметров от моего.

Наши взгляды скрестились как шпаги, я судорожно сглотнула. Красивые томные глаза вглядывались в мои, желание пылало в них огромным пламенем, грозя спалить все окружающее до пепла. Мы, молча, мерились с ним взглядами, иногда я вспоминала тот поцелуй, его прикосновения на моей коже, движения тела синхронно с моими, вспоминала и гнала от себя прочь. В его глазах я видела отблески своих воспоминаний. Сводило ли его с ума?

Ответ да.

Он горел, а меня тревожило лишь то, что с этим огнем не мне бороться, я проиграю, обращусь в пепел, и он безжалостно стряхнет его со своих ладоней. Я боялась его любви, боялась выходить из своей тихой гавани, боялась признаться, что во мне есть какие— то чувства к этому человеку, иначе разве позволяла бы ему все это? Все эти взгляды, пробирающие дрожью до кончиков пальцев, поцелуй, переплетение пальцев рук, случайные фразы...

Разве позволяла бы смотреть на себя, словно я уже принадлежала ему?

От его близости меня бросило в жар, я задрожала как осиновый лист.

– Прекрати. Ты переходишь все границы.

Женя судорожно сглотнул.

– Если я захочу перейти границу, меня ничто, и никто не остановит, – жестко произнес он.

– Прекрати. Мы же друзья с тобой.

– Какие к черту друзья? – выпалил с жаром парень.

– Иди сам к черту,пусти меня, – я попыталась вырваться и подумывала об обманной капитуляции.

Шандарахнуть его по голове?

– Расскажешь мне чем занимался?

– А что?

– Ты со мной практически не разговариваешь.

– Ааа. Прямо невыносимо, да?

– Нет.

– Давай поговорим. О чем? О, я знаю. О вашей свадьбе. Да?

– Зачем ты так?

– Зачем ты так, – передразнил Женя, – Давай поговорим. О твоём платье, о гостях, которых вы пригласите, о музыке, о танцах. О чем еще? О, еще брачная ночь, как я мог забыть?

– Идиот.

– А где там я? В твоей жизни, где я?

– Ты мой друг.

– Ты, Лера, дура. Я тебе кто угодно, но только не друг. Вот ведь ирония, да?

– Я вообще отказываюсь говорить с тобой.

– Отлично. Можешь не разговаривать.

У него зазвонил телефон, и он жестом попросил меня остаться, указав на стул. Я села в ожидании. Судя по всему, разговор не из легких.

Он достал сигарету и попросил меня чиркнуть зажигалкой, не выпуская телефон из рук. К слову сказать, я боюсь зажигалок. У меня никогда не получалось зажечь ее с первого раза.

Чирк, чирк. И по нулям. Женька удивленно вздернул идеальную бровь и отобрал у меня зажигалку. И включил телефон на громкую связь:

– Понимаешь? Она ушла утром и все. Ни звонка, ни смски, вообще ничего.

– Ты думаешь, что что— то случилось?

– Конечно. Я хотел помочь ей собрать вещи, но Вика позвонила, мелкого надо было отвезти на анализы и вообще, я отвез ее к дому только. И уехал. И теперь она не отвечает.

– А домой ты ездил?

– Да. Там машина.

– Оу. Его машина?

– Да. А если он вернулся, когда она собирала вещи? Что если он...

– Спокойно. Давай съездим и проверим.

– Ты думаешь, он откроет нам дверь?

– Нам нет. Но есть у меня один козырь, – ответил Женя, смотря на меня.

Глава 31. Когда ледяной душ не помогает

Лера

Естественно, он нам не разрешил. Даже когда Женя изложил ему свой план, он категорически не согласился на него. Руслан недоверчиво смотрел на нас троих: Егора, Женю и меня и отрицательно качал головой.

– Она точно никуда не пойдет. Даже не обсуждается. А тебя, – обратился он к Егору, – Я предупреждал.

– Мы не можем бросить ее одну. Он маньяк, кто знает, что он сейчас делает с ней? – горячо возразил Женя.

– Я все сказал. Леру я не пушу. Поехали втроем.

– И чего? Выбьем дверь? Он вызовет полицию и будет прав.

– Я свое мнение выразил. Ее там не будет. Напомнить тебе про его брата?

– Подумаешь. Пару зубов не досчитается, – Женя упрямо гнул свое. А на Егора страшно смотреть. Мне его жалко.

– Вот всегда с тобой подобная хрень и происходит, Смирнов. Потому что сначала подумать надо, потом делать. А у тебя все наоборот.

– Кто бы говорил, – буркнул Женя.

– Короче, вы мне не поможете? – безнадежно спросил Егор.

– Поможем, но без участия Леры.

Парни собрались и уехали, оставив меня в квартире Руслана. От нечего делать, я занялась уборкой, поболтала со Светой, пригласив ее на свадьбу.

Мальчишки вернулись ни с чем и без Егора. Мрачный Руслан засобирался к родителям на пару часов, я не поехала с ним.

Женя вернулся, судя по всему настроение у него хорошее, насвистывает какую-то мелодию.

Он влетел на кухню, обдав меня холодным воздухом, и протянул розу.

– Это к чему?

– Надеюсь, выменять на поцелуй, – ответил Женя.

– Ты ничего не забыл? Я девушка твоего друга.

– Я всегда это говорил, у меня отвратительная память. Могу я помочь тебе с посудой?

Женя закатал рукава, и я оказалась в крепком круге его объятий.

Его длинные пальца в пене заскользили по моим рукам, нежно лаская их. От его прикосновений дыхание затруднилось, и все закончилось, руки Жени обняли меня за талию, и он развернул резко меня к себе.

– Ты можешь кое— что сделать для меня?

– Например?

Женька доверчиво наклонился ко мне:

– Надо позвонить в одну дверь.

– Нам вроде бы запретили это делать.

– Вот именно.

– Ладно, – я пожала плечами.

Подумаешь, позвонить в дверь.

Руслан уехал к родителям, поэтому нам ничего не помешало слинять из дома. Поэтому

наскоро переодевшись, мы отправились в путь.

Женя притормозил возле многоэтажки. Возле подъезда нас уже ждал Егор. Озадачено я посмотрела на Женю, но он ничего не сказал, лишь крепче ухватил меня за руку.

– Только позвонить?

– Звонишь, говоришь, что привезла Наде документы с работы, пусть она их подпишет. И когда дверь откроется, отходишь в сторону, бежишь вниз, к машине. Все. Справишься, золотко?

Я дернула плечом. Егор с сомнением взглянул на меня, потом на Женю.

Мы поднялись на четвертый этаж. Парни встали по разные стороны. А я позвонила в дверь и сделала как велели.

Пока я ждала в машине, звонил Руслан, он вернулся и хотел узнать, где я. Сначала я не знала, что ему сказать и ответила правду, не уточнив детали. Он сказал, что будет ждать нас дома.

Правда, я не уверена, что это быстро получится, судя по тому, что Егор нес на руках девушку к машине.

В больнице мы проторчали в приемном покое больше часа. Наконец нам сообщили, что у Нади сломано запястье, пара синяков и сотрясение мозга. Егор остался в больнице, а мы отправились сначала домой к Жене. Ему следовало привести себя в порядок.

Он попытался отобрать у меня аптечку, но ему не удалось. Я загнала его в ванную комнату и пыталась снять с него верх.

– О, мы, наконец, перешли к раздеваниям? – Женя хитро посмотрел на меня, закусив нижнюю губу.

– Очень смешно. У тебя губа разбита.

Мне никак не удавалось подойти к нему поудобнее. Он сидел и молча смотрел на мои мучения. Пришлось присесть на корточки, чтобы как— то подобраться к нему.

Я осторожно обработала ранку на нижней губе. Женя не сводил с меня глаз.

– Расскажешь, что там произошло?

– Может и расскажу. Смотря, что мне за это будет.

– Я подую.

– Не очень заманчиво. Говорят, что поцелуями лечат.

– Я сейчас позвоню Руслану, послушаем, что он скажет. Где еще? Снимай давай, – кивнула я ему.

– А включить музыку? – не унимался парень, – Ты тоже что—нибудь снимешь?

– Не дождешься.

– Я терпеливый.

Он разделся и уставился на меня недовольным взглядом.

– И чего?

Женя показал на левый бок, где наливался синяк. Я опять стала к нему подбираться, ему видимо это надоело, и он усадил меня к себе на колени.

– Теперь я дождусь помощи?

– С тобой невозможно разговаривать.

– А мы разве разговариваем? Не заметил.

– А на что это похоже?

– На черти что. Не на разговор.

– Хочешь поговорить?

- Не хочу. Мне надо выпустить пар.
- Найди другой способ.
- Боюсь, тогда Руслан точно будет против.

Я покраснела, а он улыбнулся.

- Можно мне другого доктора?

Я хотела вскочить и убежать, но он меня удержал на месте Тогда я швырнула ему вату вместе с пузырьком перекиси.

- Можешь сам, раз так не нравится.
- Могу, но хочу, чтобы это сделала ты. Ты же не бросишь раненого?
- Ты не раненый, а дурной.
- Я обещаю быть лапочкой.
- Слабо верится.
- Зря. Я могу быть хорошим.
- Тогда заткнись.

Руки мои дрожат, а его происходящее, судя по всему ужасно забавляет.

- Краснеешь.
- Отпусти меня.
- Разве я тебя держу?

Я судорожно сглотнула, когда он вновь меня поцеловал.

Вам знакомо чувство, когда падаешь с огромной высоты и точно знаешь, разобьешься?

Всмятку.

Я знаю. Воздуха, сил не хватает оттолкнуть его от себя. Нет никакого контроля. Ничего нет. Кроме него.

У меня небольшой опыт по части поцелуев. С Кириллом это напоминало посудомоечную машину, слишком мокро. У меня было такое чувство, словно он меня ест. Серьезно. Все эти слюни на моем лице. Брр. Это вызывало всегда неловкий смешок, типа хи — хи.

С Русланом поцелуй всегда что— то большее, чем просто поцелуй. Сдержан, последователен, аккуратен, мягок.

А здесь... Ты просто летишь куда— то, сбитая не течением реки, а громадным цунами. Ты забываешь, что умеешь дышать. Забываешь свое имя в этом водовороте и позволяешь ему делать все. Все, что ему захочется. Потому что в этот момент, когда он тебя целует, ты уже больше не принадлежишь себе. Никакого благоразумия, ничего подобного...

И все же благородство взяло верх, не надо мной. Над ним.

Не знаю, каким образом он заставил себя оторваться от меня и не спалить дотла.

Я пришла в себя от ледяного душа. Вдвоем мы стояли под потоками воды.

И как мы тут оказались? Я совершенно пропустила этот момент.

– Вот, тепленькая пошла, – улыбаясь и превысив голос, произнес Женя.

Он слегка морщился под каплями воды.

А я не удержалась от смеха.

– И что это? Как это понимать?

– Помогает. Правда, ты уже зубами стучишь.

Он повернул кран в другую сторону. Полилась горячая вода.

Я уже не знаю, как выглядела в это время. Вода стекала по моим волосам, одежде, а я

стояла под ее напором, пытаюсь понять, кто я теперь.

В мои 21 -это самый неловкий момент в жизни.

Ты стоишь и пялишься на мокрого красивого парня под потоком воды, струи воды стекают с его волос, на грудь, вниз по плоскому рельефному животу, вниз по черным джинсам, почти слезшим с его бедер.

И он смотрит на тебя: в насквозь промокшем легком платье, ткань прилипла к коже, оголив ее, уже ничего не скрывая.

– Не помогает, черт возьми! – громко крикнув, парень включил на всю мощность холодную воду.

Тогда уже не выдержала я, и коротко взвизгнув, вылетела из ванны, больно приложившись коленкой.

Я вылетела из ванны и наткнулась на незнакомку.

– Здравствуйте, – поздоровалась со мной невысокая женщина средних лет.

Я почти не смотрела на нее. Меня приковал взгляд моего Руслана.

– Привет, милая, – приветствовал меня он.

Присутствующие в гостиной с интересом уставились на меня. А следом на полуголового Евгения, появившегося вслед за мной с полотенцем.

– О, мама, папа, Варя, Руслан, как я рад вас всех видеть! А у нас тут трубу прорвало, жуткий затор. Пойду я воду перекрою.

– Я помогу, – ответил Руслан и, бросив на меня следующий укорительный взгляд, пошел за ним.

Глава 32. Есть способность находить приключения

Вика уже все уши прожужжала своим мужем, браком, детьми.

Мила не знала, чем помочь подруге. С одной стороны, ее безусловно жаль, а с другой, сама напросилась. Ходит как оборванка. Впрочем, видимо и сама Мила недалеко ушла от нее, раз Оливье так поступил с ней.

– Как мне его вернуть? Сегодня он забрал детей к себе, на меня даже не посмотрел.

– А что ему на тебя смотреть? Что он не видел?

– В каком плане?

– Привычные джинсы, которые тебя полнят, простая футболка. Скромно и глухо как в танке. Ты его подружку видела?

– Надю эту?

– Да. Я ее видела на юбилее. Красивая, ухоженная. А ты, когда последний раз платье— то носила? Ты же вечно в штанах.

– Как будто семейное счастье зависит от штанов, – буркнула Вика.

– Мужчины любят глазами. Некоторым приятно смотреть на женщину, которая себя любит.

– У меня дети, когда мне наряжаться? Младшему всего два года! Старший в школу пошел. Я-то в садик, то в школу бегаю. Мне на каблуках не особо удобно.

– Конечно, кроссовки нацепила и погнала. Когда ты красилась в последний раз?

– Некогда мне.

– Вот когда ты расслабилась, она его и сцапала.

– А новая девушка твоего брата? Тоже после Кристины то.

– Кристина дура. Иногда после дорогого тянет на дешевое. А у тебя наоборот.

– И что делать?

– Не знаю. Пошли сегодня в клуб, потанцуем, развеемся.

– Мне не в чем идти.

– Я тебе свое дам. И туфли.

Вика скептически отнеслась к этой идее. Она рассматривала туфли как нечто омерзительное. Мила покатывалась со смеху, смотря на ее попытки прямо стоять.

– Я ноги сломаю!

– Не сломаешь. Раньше же ходила и ничего.

– Хватит ржать! Не пойду никуда.

Мила не смогла удержаться от смеха. Вика замахнулась на нее туфлей и тоже заулыбалась собственной неопытности.

Наконец девушки попали в клуб. Вика всю дорогу проклинала короткое платье, туфли, каблуки, Егора, Милу и себя, что согласилась на подобное.

Дурдом какой— то. Мила сразу отправилась танцевать, а Вика пыталась найти точку опоры после выпитого бокала. Она тоже танцевала вроде бы, что— то изображала возле стола. Танцевать она, когда— то любила.

Вдруг она услышала, как кто— то кашлянул.

Вика испуганно вздрогнула и обернулась.

– Толи я мешаю Вам, толи я так понравился. Вы постоянно меня толкаете прелестной частью тела.

Вика покраснела. Вот возле чего она танцевала. Позор то какой!

– Не то, чтобы я против, мне нравится, – с улыбкой заявил незнакомец.

– Извините, – буркнула Вика и не смогла не улыбнуться в ответ.

– Никогда в этом городе меня не встречали таким образом.

– Извините, я почему-то думала сзади меня никого нет. Очень неудобно получилось.

– Очень, – согласился незнакомец и снова улыбнулся.

Вика совсем покраснелась.

– Выпить хотите?

Она кивнула.

– А Вы не здешний.

– Нет, к счастью.

– Вам не нравится город?

– Не люблю провинцию. У меня на нее аллергия.

– Значит, проездом? Надолго?

– Надеюсь, что нет.

– Знаете, Ваше лицо мне знакомо. Мы нигде раньше не встречались?

– Я бы запомнил.

Незнакомец взглянул на часы.

– Извините, прелестная незнакомка, мне пора, к сожалению. Очень приятно с Вами познакомиться, – попрощался незнакомец и покинул ее.

Куда же делась Мила? Девушки нигде не видно. А вот она танцует!

Мила

Жутко болела голова. Девушка потянулась в кровати.

А я где? Вдруг вздумалось ей.

Последнее, что она помнила, как искала свой телефон. Помнила Вику, танцы. А что было потом?

Несмотря на головную боль, Мила резко поднялась. Это не ее квартира. Красное белье. Кожаная обивка.

И на ней ничего нет! Абсолютно голая.

– Проснулась, принцесса? – Петр вошел в комнату в одном полотенце.

Господи, только не он!

Мила закричала:

– Ах ты маньяк! Ты чего тут делаешь?

– Живу, – судя по всему данная ситуация его забавляла. По крайней мере абсолютно гадкая улыбочка не сходила с его лица.

– А я?

– Ты вчера назюкалась, радость моя. Звонила, просила тебя забрать. Я и забрал.

– А голая я почему?

– Может тебе стало жарко? Откуда мне знать? Засыпала ты одетой.

– Так кто меня раздел? Ты?

– Больно надо. Удовольствие спать с мертвецки пьяной, не для меня.

– Отвернись немедленно! Где моя одежда?

– Там, где ты оставила. И чего я там не видел?

– Может и не видел. Тогда где ты спал?

– После того, как ты зафонтанировала мою машину, потом и меня, я спал на неудобном и узком диване.

– Со мной была моя подруга?

– Была. Вы весело фонтанировали сзади. Ее пришлось отвезти домой. Ты домой не пожелала. Не на улице же тебя было бросать. Ты же все— таки принцесса.

– А ты кто? Принц?

– Свинопас.

– Где тут ванная?

– По коридору налево. Хочешь, оставайся. Я не кусаюсь.

Девушка внимательно на него посмотрела, прищурившись. Лыбится. Довольный.

Мила тщательнее завернувшись в одеяло, поплелась в ванную.

Платье ее висело на вешалке, чистое и слегка влажное. Девушка поспешно переоделась и дала деру домой.

Хватит с нее приключений.

Петр услышал, как хлопнула входная дверь. Забавно. Девушки от него еще не убежали. Может, все бывает в первый раз? Тем более с Милой. Она красивая и такая холодная, что даже при воспоминании ее становится прохладно.

Ладно, эту проблему не ему решать. Он намеревался провести прошлую ночь по— другому...

Вечером к нему пришла Ника, они слегка повздорили на счет его отношений с Милой. Хотя какие тут отношения? Они учились вместе, потом этот несчастный поцелуй, теперь вот она звонит и просит ее забрать, ночует у него, потом сбегает без слов благодарности! А он между прочим сторожил ее сон, слушал ее сбивчивое дыхание в соседней комнате, на неудобном диване. Опасался за ее состояние. Даже платье ей постирал! А это у него впервые... Это подвиг. А она...

Вот и доверяй после этого женщинам.

Ника, полулежа с ним в ванной вчера, ни с того, ни с сего, вдруг стала спрашивать про Милу. Да, она видела поцелуй, но неужели он так задел ее?

– Держись подальше от моей дочери.

– А то что? – ему не хотелось злить ее, но нравоучений достаточно.

– Она не для тебя, мой милый. Ты мой. И только мой.

– Ты же вроде не против делиться.

– Я передумала. Делиться это не мое.

И тут посыпались звонки от той самой Милы. И он ничего не сказал Нике, кроме того, что ему срочно нужно уехать. Она, естественно надулась и ушла.

Может, она права? И ему следует держаться подальше?

Глава 34. Мы облажались

Лера

Мама Жени порывисто обняла меня, прижав к себе:

– Приятно познакомиться, Лера, с тобой. Я Ольга Ивановна, это Федор Михайлович, а

Варю ты знаешь. Варя, проводи девочку переодеться.

Я поплелась за Варей, гадая, что теперь меня ждет.

Варя, улыбаясь, подала мне футболку и штаны.

– Расскажешь?

– О чем?

– О том, почему вы оба мокрые. Хотя удивительно, что одетые. Обычно на этом нудисте одежда не задерживается.

– А вы давно приехали?

– Нет. Как раз застали Руслана, мерящего комнату. От стены к стене. Мне показалось, он собирался с силами, чтобы схватить ружье и пристрелить вас обоих.

– И есть за что.

– Да? – Варя оживилась.

– Ничего серьезного. Поцелуй это же несерьезно?

– Серьезно? Только поцелуй?

– Да.

– А почему вы мокрые? Ты пыталась его утопить за это?

– Нет, – ответила я, переодеваясь.

– Я бы сейчас посмотрела на того, как ему наконец отстрелят нижний мозг. Твое счастье, Лера, что ты сама невинность.

– Ты откуда знаешь? Что это на лбу написано?

– Потому что иначе ты уже никогда не посмотрела на моего братца. После Руслана- то.

– С чего бы это?

– Ты бы видела, что они творили тут с Кристиной. Не знаю, что их заводило и почему именно в нашем доме, но отцу пришлось даже купить беруши. А Женька никогда не ночевал дома. Мы долго думали, что он у нас не такой.

– Почему?

– Самой противно признавать это, но он красивый. Девки висели на них обоих как грозди винограда. Но мой братец не таскал девок домой. Ты вообще первая с кем наша семья его видит. Мама по— моему вообще в шоке. Она уже была готова смириться.

Варя залилась смехом. И я вторила ей, вероятно уже от нервов.

Руслан

Я готов его прибить. Богу только известны мои мучения возле проклятой двери ванной, где ничего не было слышно.

А потом вернулись родители Женьки и я успокоился.

Сейчас готов врезать по этой самодовольной морде.

– Ты, ходячий тестостерон! Уйми гормоны в конце концов!

Ему хватило наглости пожать плечами.

– Не было ничего такого, о чем стоило бы переживать. Почему вы до сих пор не

переспали?

Вопрос застал меня врасплох.

Я даже остановился и взглянул на него.

– Ну? – поторопил он.

Я боялся признаться в этом самому себе, поэтому выпалил, не давая себе шанса передумать:

– Я боюсь облажаться.

Женька расхохотался и с меня слетел весь гнев. Как злиться на этого клоуна?

– У тебя было до черта лысого девушек! В чем проблема?

Краска прилила к моему лицу:

– И ни одной, такой как она! Ни одной!

При моем опыте это правда. Не сталкивался я никогда с таким. Привыкаешь к тому, что девушка знает и умеет. А тут... Я не знаю, как прикоснуться к ней, чтобы потом она не убежала от меня за 39 земель.

– Ну, ты лошара, – не унимался Женька, он уже начал икать от смеха.

– Боже, заткнись! У тебя— то было такое?

– С твоей сестрой. Помню, как сейчас наши лица и хохот. Я ей еще говорю, мне не очень понравилось, а тебе? Может, поэтому она меня до сих пор ненавидит?

– Вы чего были друг друга первыми?

– Ну да. Я не стал рассказывать тебе такие шокирующие подробности в 16 лет. Это, кстати, чтоб ты знал, совсем не смешно, – сказал Женька и вновь заржал.

– Хватит ржать, придурок. И завязывай лезть к моей девушке. Я серьезно.

– Боишься, что она тебя бросит?

– Да.

Женька перестал смеяться в миг.

– Я тебе говорил, что зря мы все это затеяли. Делить ее— это проигрыш в любом случае.

Я не успел его остановить.

– Что значит делить?

О, этот тон. Лера стояла позади нас и все слышала.

Женька и тот вздрогнул. Тем более он все еще не совсем одет и высох.

– Это не то, что ты думаешь, совсем не то, – поспешно возразил я.

– Да не уж то? Вы тут мило беседовали на счет того, кто с кем и что там дальше? Про то, что вы меня поделили?! – ее глаза метали молнии.

– Мы не делили, – попробовал возразить Женька.

– Да разве? Слушайте, вы! Ты, – обращаясь непосредственно к Жене, – Ты, еще раз посмеешь прикоснуться ко мне, я тебе оторву все, что движется!

– А могу я уточнить, что конкретно? Можно жертвовать разными частями? Не самыми необходимыми? – решил уточнить Женька.

– Заткнись, – оборвала его Лера и обратилась ко мне, – А вот ты...

Настала моя очередь. Я внутренне сжался.

– А вот ты. Посмеешь еще раз подложить меня под лучшего друга, так я лягу тебе назло.

Вам все понятно? Предельно?

– Да, – хором ответили мы оба.

– Отлично! Я с вами не разговариваю. С обоими! Уроды!

И Лера развернулась и бросилась в дом.

– Доигрался? – спросил я, смотря ей вслед.

Лера

Провалиться мне под землю, если я еще раз позволю хоть еще один выпад в мою сторону!

Пусть подавится своими поцелуями!

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Как они смеют оба играть моими чувствами, словно я кукла безвольная? Один целует, когда ему вздумается, другой так вот ему это позволяет, без упреков! Что они о себе возомнили?

Я не разговаривала с ними почти неделю, не обращая внимания на извинительные сообщения, букеты цветов, звонки.

Руслан караулил меня возле работы, пытаюсь поговорить со мной. Никто не знал, чего мне стояло не обращать на него внимания. Женя не появлялся в поле зрения, и лишь регулярно роза появлялась на моем рабочем столе каждое утро. Белая. И мне не мешало отправить еще раз за разом в мусорное ведро, как и букеты возле дома.

Я злилась. На себя, на них. И что делать с этим безумием?

Они не имели никакого права так поступать со мной. И я не имела права поступать так ни с одним из них.

Не сомневаюсь в своей любви к Руслану. Ни на грамм. Но происходящее между нами с Женей не дает покоя. И посоветоваться мне не с кем...

Спустя пять дней моего молчания Руслан решительно пересек мне дорогу, когда я шла домой.

– Поговори со мной.

У него ужасный вид. Излишне бледный, круги под глазами, лицо совсем осунулось...

Бедный мой...

Я вздернула подбородок и попыталась пройти мимо. Он не дал мне ни единого шанса.

– Я был не прав. Ужасно не прав.

– Что еще?

– Я не должен был решать за тебя.

– И?

– Мне стыдно. Прости меня.

Он раскрыл мне объятия, и я окунулась в них с головой. Вдыхая знакомый запах его туалетной воды, кожи, я внезапно поняла, что ужасно соскучилась по нему. По нему: такому моему.

Я уничтожила нашу неделю вместе и теперь хотела восполнить этот пробел.

Про Женю я не стала спрашивать, Руслан сам начал этот разговор:

– Он простыл после того душа. Теперь вот валяется с ангиной.

– И ты его не навещаешь?

– С ума сошла? Он терпеть не может болеть. И никого к себе не подпускает. Так что мы его не увидим еще долго.

И он оказался прав. Евгений старательно избегал встреч, правда, на смс он отвечал односложно: Да. Нет. Привет. Спокойной ночи.

Банкой меда, которую передала ему, я его окончательно взбесила. Откуда мне знать, что на мед у него аллергия?

Теперь мы зависали у меня дома, поскольку к Руслану приехал дядя, который совсем не подходил на эту роль. Мне он сразу понравился.

Сходство его с матерью Руслана лишь в темных как воронье крыло волосах. А улыбался он совсем необыкновенно.

И он не вел себя «по— Королевски», чем понравился мне еще больше.

Нам не хотелось его смущать лишний раз своим присутствием. Поэтому изо дня в день Руслан со мной.

Женя наконец— то объявился, еще не до конца выздоровев.

— А почему, бабушка у тебя такие большие уши?

Фраза в его исполнении ужасна. Хриплый и скрипучий голос.

— Ты поправился?

— Кашель меня замучил.

— Отличный способ бросить курить, — предложил ему Руслан. Женя бросил на него предупредительный взгляд.

— Чем займемся сегодня? Какие у вас планы?

— Я вообще— то на работу собирался.

— Ок, я тогда с тобой. Чаю мне тут нальют? Только без этой отравы, что ты мне пыталась скормить.

Он вновь стал грубым, язвительным. Стал тем, с кем я могла нормально разговаривать.

И это устраивало нас троих.

Остался всего месяц, и я выйду замуж, заявление мы написали только вчера, поэтому отчет пошел с сегодня. Мы закрепили данное событие вчера бокалами шампанского, Руслан оставался ночевать у меня в первый раз и отчаянно смущался, хотя родители снова куда-то умотали. Может он смущался от того, что было одето на мне?

Накануне Варя ответственно подошла к смене моего гардероба, в частности нижнего белья, мы целый день провели в кружевных трусиках и лифчиках, пеньюарах во всех магазинах женского белья нашего города.

Варя много болтала о своем парне, несмотря на то, что произошло между ним и ее братом, она его защищала. Я по-дружески поддерживала ее, она давно не видела его, брат ревностно следил за ее передвижениями, постоянно названивал ей, вот и сейчас он настойчиво ей звонил, не выдержав, я выхватила у нее трубку и заявила:

— Прекрати, она со мной.

— Лера? — удивился парень, — Что делаешь?

— Занимаюсь типичным женским делом, копаюсь в шмотках, — ответила я.

— Понятно. Можно мне с вами?

— Собираешься контролировать Варю?

— Нет, — выпалил Женя, — Я просто соскучился и хочу побыть рядом с тобой.

— Скажи ему, что мы заняты. Пусть потом приедет за нами, — сказала Варя, сосредоточенно рассматривая бирки на трусиках.

— Понял, приеду, позвони мне как освободишься.

— Хорошо, — согласилась я и нажала «завершить звонок». Повертев телефон в руках, убрала его в карман.

— Ты выходишь замуж, а носишь бабушкины панталоны, — контактировала факт Варя, укоризненно смотря на меня.

Я зарделась.

– Разве вот этот клочок можно назвать трусами? – ответила я, указывая на нежно-голубые стринги.

– Деревня, – махнула на меня рукой Варя и принялась примерять на мне бесконечные бюстгальтеры и трусики всех возможных цветов и форм.

Из магазина мы вышли с полными пакетами.

В машине Женя набросился на нас расспросами, узнав о том, что мы покупали, он удивился.

– Почему вы девчонки думаете, что парней интересует, что и какого цвета на вас одето?

– Разве не так? – спросила я.

– Меня лично интересует, что у девушки под бельем, порой так заинтересован, что некогда рассматривать, – хмыкнул Женя.

– Твои извращения никого не интересуют, – ядовито заметила Варя и со злостью стрельнула в брата глазами.

– Смотря, что ими считать. Я должен это увидеть.

– Что увидеть?

Парень судорожно сглотнул и смутился.

– Зачем ты все время надеваешь эти короткие юбки? – спросил он треснувшим голосом.

– Тебе-то что? Отвези меня домой, – требовательно заявила Варя.

– Мне не идет? Варя говорит, так модно, – ответила я, поправляя юбку.

– Не стоит слушать весь бред, что она несет. Тебя тоже домой?

– Да, закиньте меня первой.

– Я думал, ты побудешь со мной, – обиженно произнес Женя.

– Я обещала Руслану, давай завтра днем, хорошо?

Женя сухо кивнул, молча, подъехал к моему дому, отнес пакеты. Я прошла за ним, скинув высокие ботфорты. Без них ногам было намного удобнее. Но не успела дойти до комнаты, когда Женя порывисто обнял, прижавшись ко мне, зарывшись лицом в мои волосы, еще покрытые инеем от мороза.

– Я скучаю по тебе, – шепнул он на ухо, прижимая меня к себе все ближе и ближе.

– Жень,пусти меня, ладно? Я тоже скучаю, – прошептала я, взволновано дыша. Мне никогда не привыкнуть к его порывам.

Парень с явной неохотой отпустил меня и сейчас встревожено смотрел в глаза.

– Могу я кое-что попросить у тебя?

– Можно. Чего ты хочешь?

Он смутился, запрокинул руку на затылок, взъерошив волосы.

– Не делай этого сегодня, пожалуйста, – прошептал он, отводя глаза.

До меня не сразу дошел смысл его слов.

– Господи, это мое личное дело, – возмущено заявила я.

– Я знаю, просто прошу не сегодня.

– Женя, успокойся, эй мне больно!

Парень с силой сжал мне пальцы и тут же при моем вскрике отпустил.

– Вообще-то я собиралась сегодня просто посмотреть кино и все. Хочешь, посмотри с нами. Поужинаем и все, – предложила я.

– Может, посмотрим кино вместе? Только ты и я?

– Если захватишь попкорн, то посмотрим, но втроем.

– Тогда я не останусь. Не хочу корчиться от ревности и от желания убить вас обоих, – прошептал Женя, чмокнул меня в лоб и ушел. Я посмотрела на закрытую дверь и пошла разбирать пакеты.

Руслан

Как и следовало ожидать, нас предупредили. Мелкие неприятности. Я говорил, меня никто не слушал.

Ко мне они пришли на следующий день после нашей ссоры. И тут впервые я обрадовался болезни Смирнова, иначе драка началась бы уже здесь. Оля с опаской взглянула на троицу, вошедшую в офис, я выразительно посмотрел на нее, качая отрицательно головой.

Разговор получился интересным. Женя мне мало тогда рассказал, учитывая в каком состоянии находились мы оба.

Жаль, что я пустил все на самотек. Теперь брат Артура хотел компенсации и, естественно возвращения Надежды. Последнего я гарантировать ему никак не мог, да и не хотел. Поэтому пришлось браво́й команде просто уйти.

Надо срочно позвонить Жене, по телефону с ним невозможно разговаривать, один хрип.

Он встретил меня дома, как всегда с перевязанным горлом.

– Как дела?

– У меня срывается концерт в опере, как ты думаешь, я себя чувствую?

– Сейчас тебе станет еще хуже, – ответил я и рассказал ему все.

– И чего делать будем?

– Понятия не имею.

– И он серьезно думает, что я любовник Нади?

– Ага. Ты набил его брату морду, она бросилась к тебе, поэтому, по их мнению, это логично.

– И чего они хотят?

– Хотят встретиться.

– Хотят, так пусть, – Женя пожал плечами и зашелся в кашле.

Я скептически отношусь к выяснениям отношений, особенно посредством драки, которую нам, увы, не избежать.

– Я, кстати тут виделся с твоей сестрой, – выпалил Женя, ожидая моей реакции.

– И? Что она хотела?

– Детей, – улыбнулся Смирнов, заходясь снова в кашле.

– Серьезно.

– Хотела спросить, на кого оформлена наша фирма.

– И ты ей сказал?

– Конечно, сразу все и выпалил. Не переживай, я воспользовался своим обаянием и наговорил ей всякой чепухи.

– Вот это меня и пугает. Какого черта ей надо?

Женька пожал плечами:

– Не эта проблема должна нас беспокоить. Важнее разобраться с текущей. Ты Егору не звонил?

– Нет, Надю мы спрячем, так что ее мама родная не найдет.

– Звони ему. С нами пойдет.

Лера

Я вышла из дома в приподнятом настроении, всего час назад мы целовались с Русланом у меня дома, тепло и нежность его губ еще не покинули мое воображение.

Улыбка сама по себе возникала и исчезала на моем лице. Сегодня Руслан попросил меня прийти к Оксане, посидеть с маленьким Никиткой. Я люблю детей, жаль, что у меня нет братьев и сестер, всегда мечтала не быть одной в семье, которую сложно назвать этим словом.

Поэтому я шла погруженная в свои мечты, не замечая вокруг происходящего...

Руслан

Через полчаса, выпив еще по чашке кофе, мы с Женькой уехали, ничего не сказав Лере. Она должна была уйти к Оксане и Никите, не подозревая о наших планах. Удивительно, как мой друг, то еще трепло ничего ей не рассказал.

– Я прошу тебя, давай только без глупостей, хорошо?

– Без глупостей каких?

– Сам знаешь. Ни оружия, ни ножей, ничего подобного. Мне дела не нужно.

– Не парься, я буду лапочкой.

– Вот это меня и пугает, – ответил я и застегнул куртку.

– Почему нельзя сделать так, как я предлагаю?

– Потому что ты это предложил. Мы просто поговорим и все.

– Ага, я так и думал.

Женя криво улыбнулся. Ненавижу эту улыбку. Она всегда сулит нам неприятности.

Егор удивился моему звонку, он не отходил от Нади, которую, кстати, выписали из больницы. Мы договорились встретиться на старом месте, недалеко от города.

– Готовы? Они подъехали, – Лешка с интересом рассматривал парней.

– Десять на четверых. Неплохо. Бывало и похуже. Справимся, – услышал я голос Женьки за спиной.

Семеро браво надвигались на нас, трое сели назад в машину и уехали.

Мне это не понравилось, сердце кольнуло непонятной тревогой. Что-то странное за тонированными стеклами машины.

– Как в старые времена, не правда ли? – небрежно заметил Женя.

– Я буду рад, если ты удержишь свой юмор, или как называется у тебя это поганое чувство при себе. Заткнись и постарайся не сильно пострадать.

– Успокойся папочка, не такое видели.

– И почему когда случается такое дерьмо, я всегда рядом с вами? – с напряжением произнес Леша.

– Это судьба, чувак, судьба, – ответил Женя и широко улыбнулся, в этот момент парни оказались в непосредственной близости от нас.

Мне достался крепкий шкафообразный детина с маленькими поросычьими глазами и с битой в руке, поэтому ничего другого не оставалось, как увертываться от его ударов, чертов джедай вертел свою битку как меч, чем чрезвычайно раздражал.

По двое досталось Жене и Лешке, те довольно ловко дрались, у Женьки горела скула, рукав кожаной куртки остался у одного парня, второй заходил сзади. Егор беспорядочно махал руками, что было вполне логично, поскольку навыками он владел другими, боевые стратегии не для него.

Мой наступал, я еле успевал укорачиваться, пытаюсь маневрировать. Достать его ударом невозможно. Краем глаза я следил за моими ребятами, один уже валялся на земле, второго по всю молотил Женя, придавив его к земле.

Лешка со своим ростом и бесстрашием скрутил оставшихся двух, столкнув их лбами. Парни упали на землю и больше не двигались. Я пропустил момент увертывания от биты моего нового друга и едва не получил со всей дури по спине.

Леша что— то закричал и бросился ко мне, детина не ожидал удара со стороны, и Леша легко сбил его с ног.

– Живой? – задыхаясь, спросил он.

Я поморщился.

– Пошел ты.

Женька хохотнул. Его костяшки на кистях сбиты в кровь, куртка разодрана, на скуле поселился синяк.

Раздался крик. Мы одновременно обернулись на Егора. Он стоял, держа в руке шокер, изумленно смотрел на тела поверженных врагов.

– Егорка, ну ты и отморозок, хуже, чем я, – крикнул ему Женька и расхохотался.

Я присоединился к нему, через секунду и мы ржали во весь голос.

– Предлагаю это отметить, наливаю я, – предложил Женя.

– Я только за, – согласился Егор, – Закурить бы еще.

Без слов Женя протянул ему пачку сигарет.

Уже стемнело, когда мы всей толпой отправились в бар, переодевшись и приняв душ у Женьки, избавившись от запаха пота и крови. Его родни дома нет, поэтому нас никто и не видел. Давненько мы не проводили время вместе.

Ввалившись в бар, громко хохоча и подталкивая друг друга локтями, заняли свой прежний столик, Женя высматривал кого— то в толпе.

– Кого высматриваешь? – поинтересовался у него Леша.

– Ищу, кого подцепить на ночь, я слишком возбужден.

– Отсяду я подальше, – напускным тоном ответил Егор.

Женя подарил ему свою лучшую улыбку.

– Ты не в моем вкусе.

Мы сделали общий заказ у официантки, пиво и водку нам довольно быстро принесли.

– Интересно, почему самих Артура и Димы не было? – спросил я, попивая пиво.

– Хрен с ними, – отмахнулся Женя, – За что пьем?

Он поднял стопку.

– За Егора. Он герой сегодняшнего дня, – предложил Леша.

Мы чокнулись и выпили. Приятное тепло разлилось по телу.

– Парни, я скоро, – заявил Женька, выбираясь из стола.

– Терпеть не могу, когда он думает своим нижним мозгом, – заметил Леша, – Кобель.

– Тебя надолго отпустили? – поинтересовался я у него.

– Рыжик сказала, могу гулять, она позовет, как понадоблюсь.

– Не писала ничего? Лера почему— то не отвечает.

– Неа, может, заняты Никиткой.

– Посмотри на этого кобеля, – вдруг произнес Леша. Я проследил за его взглядом. Женька вовсю обжимался с какой— то блондинкой возле стойки бара, симпатичной, одетой в голубые джинсы и топик, руки Жени уже под ним.

– Ничего удивительного, – заметил я, – Цвет волос просто похож.

– Ты это про что? – недоумевая, спросил Леша.

– Так, ни о чем. Пойду, позвоню Лере, ладно? – прокричал я на ухо Леше. Тот согласно кивнул головой.

Еле пробираясь через толпу, я наконец— то вышел из бара на свежий воздух. На улице морозно.

Холод пробирал до костей сквозь легкий пуловер. Из рта вырывались клубочки пара. Я достал телефон и набрал номер, прочно засевший в голове.

На той стороне не торопились брать трубку. Тогда я набрал Оксану, она ответила сразу после третьего гудка.

– Привет. Мой напился?

– Привет. Почти, я это наверстаю. Лера спит?

– Лера? Откуда я знаю. Жду ее целый день, трубку не берет.

– В каком смысле ждешь? – внутри у меня все похолодело.

– В том, что она не пришла. Я звонила ей, трубку она не берет, на сообщения не отвечает.

– Я перезвоню.

– Что— то случилось?

– Все нормально, если она перезвонит, дай знать, – попросил я и отключил вызов. Не страх охватил меня, а настоящий ужас. Внезапно дошло, что мне не понравилось в той машине.

В бар я влетел, расталкивая людей, кто— то возмущено завопил, некогда останавливаться. За нашим столиком уже сидел Женя с новой знакомой на коленках. Я мельком взглянул на нее. Женя выглядел довольным, держа руки на ее талии.

– Тебе Лера писала, звонила?

Женя удивленно покачал головой.

– Что— то случилось?

– Ее нет у Оксаны, трубку не берет, на смски не отвечает.

– Может она дома? – предложил Леша.

– Она бы написала, – возразили мы хором с Женей и оба уставились друг друга.

– Нет, – покачал он головой, – Скажи, что ты не думаешь о том же.

– Именно об этом и думаю, – с горечью ответил я.

Глава 35. Приезд родственника

Мила чрезвычайно рада дяде, которого можно назвать так с большой натяжкой.

Мать, вот кто скривился, не в силах совладать с разочарованием.

Вика, вот кто тоже не смог совладать с эмоциями, тут же показавшие настоящее положение вещей. Он ей понравился еще тогда в клубе, во время ее нелепых танцев.

И он узнал ее, подошел сам, игнорируя сестру.

– О, вот кого не ожидал здесь увидеть. Я не представился. Александр.

– Здравствуйте, – пролепетала она под удивленными взглядами.

Ника поспешно схватила брата под руку и увела за собой. А Мила загадочно улыбалась, смотря на смущенную подругу.

– И где, а главное, когда ты успела познакомиться с Алексом?

– Он вроде Александр, – уточнила Вика.

– Он ненавидит произвольные от своего имени. Алекс звучит для него терпимее всего.

Мы привыкли так его звать. Он не возражает.

Вика все ей рассказала, упустив некоторые подробности. Она хотела сразу же удрать, но Алекс настоял, чтобы она осталась на обед.

Вика чувствовала себя неуютно под этим взглядом синих глаз. На нее давно никто не смотрел как мужчина, словно она представляла собой ребус.

Они с Егором познакомились и моментально стали жить вместе. На последнем курсе Вика забеременела, и они поспешно поженились. Она всегда считала, что нежности, романтика, чувства, все это не для нее. Все это чуждо ей. Егор дарил ей цветы, она упрекала его за траты. Дарил подарки, никогда не угадывал с ее желаниями.

А тут она ерзала под взглядом совершенно чужого мужчины. И эти глаза цвета чистейшего льда не собирались отводить взгляд. Наоборот. Они проникали в ее душу, вызывая там панику и переполох. Нервные клетки окончательно взбесились.

Конечно, Мила мало успела рассказать про своего родственника, что не помешало ему проводить ее до дома. Из вежливости, разумеется.

Алекс смотрел на Вику. Ему никогда не нравились подобные девушки.

Дело, конечно не в цвете ее волос. А в том, что она сильная духом. Ей не требовалась помощь рыцаря или защита от дракона. Она реалистка. Без розовых очков. Прямолинейна. Категорична.

Вот сейчас она споткнулась, едва не растянулась и не проехала носом по асфальту, но с таким негодованием отвергла его руку!

Вот же характер!

Алекс спрятал улыбку:

– И чем же Вы занимаетесь, Вика?

– Я бухгалтер. Работаю на дому, мне так удобно.

– Из— за мужа и детей? – кольцо она не носила, но в глазах плескалось что— то такое.

И он даже не удивился, что угадал. У таких как она либо 40 кошек, либо полная горница ответственности.

– Да, у меня двое детей. Мальчики. А у Вас есть дети?

– Нет.

Вика проигнорировала вопрос про мужа, значит все— таки чего— то он о ней не знает.

– А Вы женаты?

– Был. Это ужасная история. Сам по себе брак ужасен, не находите?

– Нет. Брак не ужасен, пока Вас не предадут ради прелестной задницы.

– Серьезно? Ваша нашла конкурентку?

– Да, – со смехом ответила Вика.

– Значит, и не стоило оно того. Я не про Вашу прелесть, а про Вашего мужа, оказавшегося задницей.

– Знаете, я не соглашусь. Я же сама превратилась во то, что превратилась.

– Женщина похожа на сад. При хорошем садовнике.

– Что же тогда? Ваш сад сбежал?

– Я вдовец.

– Извините меня. Я не хотела так бестактно.

– Ничего. Не берите в голову. Итак, Вика мы закончили на обсуждении профессии.

– Да, а Вы чем занимаетесь?

– Я строю дома.

– Занятно. А что сюда Вас привело?

– Семейное дело. У племянника свадьба, не могу ее пропустить.

Появление дорогого брата всегда сулило для Вероники неприятности. Они уже давно не виделись и толком не общались после похорон его жены. Между ними никогда не было теплых и равных отношений, как следует между братом и сестрой. Александр или Алекс, приходится ей сводным братом по отцу. Поэтому сложно рассчитывать на родственные чувства.

Алекс получил блестящее образование, сделал головокружительную карьеру и стал совершенно независим, в отличии от сестренки (еще один минус в сторону тех самых родственных уз). Кстати, говоря, дети обожали своего дядю, и души в нем не чаяли. А Нике всегда приходилось изображать дикую радость и восторг, что вошло у нее в привычку не только в общении с братом.

Алекс приехал и остановился у Руслана, потому что делить кров с сестрой он не рискнул.

И сейчас проводя время с Викой, он мысленно похвалил себя за это.

– Вика как насчет ужина в пятницу? Что Вы делаете в пятницу?

– Ничего. Но у меня дети, я не могу их оставить просто так.

– Я бы хотел пригласить Вас на ужин.

– А возражения принимаются?

– А они имеются?

– Я подумаю, – уклончиво ответила она.

Егор хороший отец, это правда. Дети тяжело переживали отсутствие отца дома, постоянно спрашивали о нем, ждали. Вике разрывало сердце, смотря как дети, тащат свои стульчики к окну и таращатся в окно, ожидая увидеть папину машину... Теперь они так же смотрели из окна, ожидая маму.

– Там мои на третьем этаже, – тепло произнесла Вика, указывая на окно с торчащими там детскими лицами. Алекс задрал голову:

– Молодцы ребята. А кто с ними сидит сейчас? Я видел в окне мужской силуэт.

– Это мой брат, – улыбаясь, ответила Вика.

Алекс помахал ребятам и повернулся к девушке:

– Мне пора, Вика. Спокойной ночи Вам. Махнете мне из окна?

Она с легкостью выполнила его просьбу, хотя старший брат Леша подозрительно смотрел на нее.

Алекс дождался. И вот уже она и дети махали ему на прощанье из окна.

Он шел домой, погруженный в свои мысли. В голову лезли мысли о прошлом: о его желании иметь детей, хотя и Натали, его жена как модель, категорически была против. Мол ребенок испортит фигуру, изменит их быт. Тогда он с ней согласился, понимая, что против воли дети не появляются. Иногда он завидовал Нике с ее большой семьей. Его дома никто не ждал. За годы одиночества он смирился с утратой. И сейчас думал о том, что надо было настоять на желании о ребенке...

Он вернулся домой и застал там Руслана с ужасными новостями...

Глава 36. Спаси мою жизнь

Лера

Я переходила дорогу, когда напротив остановилась девятка вишневого цвета. Дверь со стороны пассажира открылась, из нее вышел высокий парень, широко улыбаясь, он смотрел на меня.

– Девушка не подскажите, как проехать к ближайшему банкомату?

Я остановилась и подошла ближе.

– Сейчас едете прямо, примерно через минут 5 увидите развилку, никуда не сворачивая, едете в город, извините я плохо объясняю, географический кретинизм, – растерянная улыбка появилась предательски на губах.

– Может, покажите нам? Мы вас довезем куда угодно, – парень доверчиво и заискивающе смотрел мне в глаза.

Чего мне бояться? Меня никто не посмеет тронуть, да и тут везде люди. Что плохого, если покажу дорогу?

– Если вам не трудно, – согласилась я и села в машину. И тут же провалилась в темноту.

Очнулась я в незнакомом помещении на грубом полу из досок, голова нещадно раскалывалась. Интересно который час? Сколько я здесь валялась, пока не пришла в себя, собственно, что тут делаю? Меня похитили? Для чего? Денег у меня нет, связей тоже. Зачем я здесь?

Я попробовала приподняться, но голова слишком гудела. Надеюсь, парни скоро спохватятся и начнут меня искать.

Я снова отключилась, когда очнулась, меня так же окружала темнота, но рядом стояла кружка с водой. И кто— то стонал в углу. Я, подтягиваясь на локтях, поползла до неизвестного.

– Эй, есть кто живой? Ты как?

– Лера?

Голос знакомый и глаза карие. Варя! Но, боже мой, что у нее с лицом? На нем живого места нет!

– Что с тобой такое?

– Тебе лучше не знать, поверь мне, Лера. Он убьет нас просто так.

– Кто убьет?

– Артур. Мой брат чересчур разозлил его, а я бросила его брата, когда он стал домогаться меня. Только свое он все равно получил. У меня все тело болит, Лера. Не бросай меня тут одну умирать, пожалуйста!

– Никто никого не убьет, я обещаю, – прошептала я в ответ, пытаюсь приподнять голову Варе и напоить ее водой.

Раздался звук отворяемой двери, свет ослепил и тут же на меня обрушился удар. Я вскрикнула от боли в ребрах.

– В свой угол, тварь, отодвинулась быстро.

– Никуда я не отодвинусь, урод.

В ответ я снова получила удар в бок, потом неизвестный схватил меня за волосы и резко дернул на себя. От боли слезы хлынули против моей воли.

– Еще что— то провякаешь, узнаешь, что такое настоящая боль.

– Пошел ты, – огрызнулась я в ответ.

– Дерзкая? Я таких люблю.

Парень повернул меня к себе лицом к лицу. Это тот самый, что спросил у меня дорогу.

Минуту он внимательно изучал мое лицо.

– Отвести ее в другую комнату. Стеречь, я скоро ее навещу, – приказал он двум парням и те увели меня. Я пыталась вырваться, но парни железной хваткой держали меня. Дверь захлопнулась, и я услышала крик Вари.

Парни ничего мне не сделали, один неизменно сидел напротив в широком кресле, второй стоял возле двери. Оба молчали, внимательно следя за мной. Я сидела на маленьком диванчике, пожав под себя ноги. От меня пахло потом и кровью, от волос несло плесенью от подушки, на которой спала. Рука болела в том месте, где веревки впивались в кожу.

Мои охранники, я их называла Лелик и Болик, сопели себе под нос. Два раза в день один приносил поднос с едой и стаканом воды, мы так же молча втроем ели. В туалет меня тоже провожали, если задерживалась, требовательно стучали, один раз выломали дверь и вытащили оттуда за волосы. Теперь по нужде я ходила с открытой дверью, благо Лелик и Болик отворачивались.

У Болика зазвонил телефон. Грубым голосом, он промычал:

– Понятно, – и встал с кресла. Я вжималась в диван по мере того, как он приближался ко мне, по-бычьему наклонив голову, в руке у него сверкнул нож. Я не узнала собственный голос:

– Пожалуйста, не надо.

Он не ответил, занося нож надо мной, я зажмурилась и приготовилась к неизбежному.

Вся жизнь пронеслась перед глазами, мама, Женя, Руслан, обнимающий меня на кухне. При воспоминании его объятий сердце забило в тревожном ритме. Я приготовилась к удару, но его не последовало, вместо него меня потянули за волосы и Болик отрезал прядь волос.

– Зачем? – прошептала я.

Ответа и не ожидала, но он прозвучал:

– Для того, чтобы поднять ставку.

– Тогда в следующий раз отрежете мне пальцы?

– Смотря на твое поведение.

Болик кивнул Лелику и вышел, неплотно прикрыв дверь, и я услышала крики. Крики Вари, умоляющую не трогать ее. Раздался пьяный смех.

– Что они делают с ней?

Лелик покачал головой.

– Не спрашивай, если не уверена, что захочешь услышать. Молись, чтоб они не вспомнили о тебе.

– Отпусти меня, пожалуйста.

– Об этом даже не проси. Сиди тихо.

Я закрыла ладонями уши.

Руслан

Это мука сидеть и ждать. Ожидание и неизвестность сводили с ума. Я мерил комнату шагами, бросаясь то к окну, то в дверь. О Лере и Варе нет вестей уже три дня. Женька,

оставив меня дома, рыскал по местности, он все проверил, с ребятами прочистил все уголки района, но девушек нигде нет.

Соседка Леры видела, как та садилась в машину, к незнакомым парням, на дороге осталась ее сумка, поэтому она и позвонила мне. Мой отец и отчим Жени подключили все связи, но результата нет.

Надя надежно спрятана от посторонних глаз, и никто не собирался ее отдавать, хотя чаша весов, явно не в нашу пользу. Артур требовал отдать ему жену, взамен на Леру и Варю. А мы тупо тянули время.

Отчаяние – мой верный спутник. На Женьку страшно смотреть, он осунулся, практически не спал и не ел, проводя все время в поисках, глаза ввалились, взгляд пустой.

– У меня есть план, – заявил он мне, – Но он тебе не понравится.

– Если ты собираешься его убить, я за лопатой.

– Серьезно? Ты мне разрешаешь?

– Полный полет для твоего творчества, – язвительно разрешил я.

– Если меня посадят, если я просчитаюсь, обещаю навестить, – попросил Женя.

Странный блеск его глаз насторожил меня.

– Если нас поймают. Найди их.

– Если— хорошее слово.

– И я о том же.

Женя вышел из комнаты, о чем— то говоря по телефону, я устало закрыл глаза. Невыносима мысль о том, что ей могут причинить боль. Причинить боль ее рукам, губам, телу, сделать с моим ангелом что-то вопиющее и жестокое.

От этих мыслей голова грозила взорваться. Два часа назад мы с Женей получили конверт с локоном Леры, и теперь я настроен решительно.

– К тебе гости, – произнес Женя, сторонясь и пропуская вперед Петра, к нашему общему изумлению.

– Тебе чего?

– Я хочу помочь. И могу.

Я, сложив руки на груди, уставился на него.

– С чего бы это?

– Я могу помочь. Seriously. Вам помощь любая нужна.

– Он прав, Руслан. Я за.

Я возмущенно уставился на друга. Петр уставился на нас обоих.

– Ладно, спасибо, – выдавил я из себя. Петр даже вздохнул с облегчением.

Вслед за ним пришел и дядя. Мне не с руки называть его так, разница в возрасте у нас всего 5 лет и смешно называть так того, кто годится тебе в братья. Мы давно с ним на ты и поэтому его появление неудивительно.

– Собрались парни без меня? – улыбаясь, произнес Алекс.

Спустя час мы готовы. Наш план прост и сейчас мы с Женей лежали на холодной земле, прижимаясь к ней словно к любимой и ждали Диму, брата Артура.

– Готов? – прошептал Женька, его глаза горели в сумерках, отливая жидким золотом.

Я сухо кивнул. Мне уже все равно.

Димку мы выловили. Пару затрецин, и он рассказал, где находятся девушки:

– Только вам не по зубам это. Мы подготовились. И, кстати я не уверен, что, Варя

захочет уйти.

– Что ты с ней сделал? Что? – Женя вышел из себя и Диме это понравилось. Он словно ждал этого.

– Ей знаешь, понравилось наше мужское внимание.

Если бы не Алекс, вовремя перехвативший окаменевшего Смирнова, дело приняло еще худший поворот.

Димка заулыбался и тут же улыбка сползла с его лица, ощутив удар по ребрам уже от Леша.

– Он в лесном домике, снял его на тех выходных. И он там не один.

– Сколько с ним народу?

– Человек 10, может больше.

Мы отошли в сторонку.

– Ты знаешь, где это? – я спросил у Жени. Он отрицательно покачал головой.

– Я знаю, – подал голос Петя.

– Откуда?

– Знаю и все. Покажу, где это, если не ошибаюсь.

– Тогда поехали.

Мы, переглянувшись, разошлись по машинам, свернули на лесную дорогу. Женя, молча, протянул мне пачку сигарет и мы закурили.

Дым приятно обволакивал легкие, вытесняя воздух.

– Ты доверяешь ему? – спросил я, затягиваясь.

Женя кивнул головой.

– Знаю, ты пацифист, но оружие я тоже взял с собой, предупреждаю.

– После всего произошедшего, сам не знаю кто я.

Ничего не ответив, друг нажал на газ, выбросив недокуренную сигарету в окно.

Через час мы приехали на месте, вышли из машин и задумчиво смотрели на залив озера, внизу на скалке стоял лесной домик, старый, крепкий двухэтажный дом. Из трубы белел дымок, возле домика сновали люди. Мы стояли плечом к плечу все: Егор, Леша, я, Алекс, Женя, Петя.

– Сколько насчитал? – осведомился Женя у Алекса, смотрящего в бинокль.

– Пятеро во дворе, двое возле лодки, трое на втором этаже, – отозвался тот.

– Тогда мы с Русланом пойдем первыми, Лешка и Алекс, на вас те, что во дворе, идет? – скомандовал Женя, – Айда разбирать вооружение.

Он открыл багажник, и я присвистнул.

– Интересно, где ты это взял за такое короткое время?

– Кто сказал, что за короткое? Я два дня готовился к этому.

– То есть ты все равно знал, что я пойду на поводу?

– Слушайте голубки, выяснять отношения будете потом наедине, – оборвал нашу перепалку Леша.

Я, молча, отошел, не взяв ничего. Парни разобрали остальное.

Женя хлопнул багажник.

– Готовы? – и обвел нас всех взглядом. Мы молча кивнули.

– Тогда подкачу прямо к дому, – Женя сел за руль своего нового джипа.

Я сел на пассажирское. Не могу оставить его одного.

Лера

Я услышала крики и, не обращая внимания на Лелика и Болика, подбежала к окну. На удивление они не стали удерживать меня и сами подскочили за мной. Нашим глазам развернулась картина боя.

Среди отчаянно дерущихся я сразу узнала светлые волосы Жени, его окружили сразу трое и двое сейчас держали его под руки, пока третий бил в живот. Женька, опершись на руки тех двоих, поддался назад, и резко оттолкнув ноги от земли пнул ими третьего, тот отлетел от него и упал на землю.

Руслана не видно, Лелик и Болик поспешно покинули комнату, забыв запереть дверь. Я оглянулась и решительно подошла к ней.

Руслан

В толпе мелькала голова Егора, он громко ругался, раздавая удары руками и ногами, неподалеку Лешка увертывался от парня с ножом. И нас было мало: пятеро против десяти.

Алекс боролся с двумя, его повалили на землю, спины чужих накрыли его с головой, я бы не успел ему помочь, напротив меня стоял прежний детина.

– Опять ты, – с разочарованием произнес я.

И на этот раз, если бы не Петя, виртуозно снося вокруг всех и все, навряд ли я смог добежать до дома. Мы на секунду все замерли, когда он пронесся ураганом. Леша даже прицокнул языком, увидев эту картину. Потом Петя пропал из нашего вида.

Лера

Я вышла из комнаты на цыпочках и заглянула за угол, никого не видно. Только хотела продолжить путь, как услышала торопливые шаги. Кто— то с кошачьей грацией взлетал по ступенькам.

– Вернулись за мной, козлы, – промелькнуло в голове. Я поспешно вернулась в комнату и встала за дверью, сжимая ножку стула.

Дверь отворилась, и я замахнулась.

– Лера, ты здесь? – услышала я знакомый до боли голос. Руслан. Я бросилась ему на шею, парень не ожидал такой прыти от меня и покачнулся, принимая мой вес на себя.

– Живая, слава тебе Господи, – прошептал Руслан, зарываясь лицом в мои волосы.

– Ты один?

– Женька снаружи был. Надо потихоньку выйти отсюда. Идти сможешь?

– Я смогу все что угодно рядом с тобой, – утвердительно произнесла я.

Мы осторожно вышли в коридор, держась за руки. Никого нет. Внизу раздавались крики и отборный мат. Руслан напрягся. Не доходя до лестницы, он остановился, выпустил мою руку.

– Побудь здесь, я посмотрю, – попросил он и с кошачьей грацией спустился. Я не удержалась и медленно последовала за ним. Неужели он думал, я буду стоять в стороне?

Руслан

Я спустился вниз, в большой комнате увидел Женьку, закрывающего полуголую сестру собой и Артура. За его спиной стояло еще двое шкафчиков. Где он таких только берет?

Меня присутствующие не ожидали увидеть.

– Ого, Королев, мило, что заглянул, не успел я позабавиться с твоей дамой, к

сожалению, – ядовито произнес Артур. Он тяжело дышал, рубашка порвана в нескольких местах. Стоящий напротив Женя даже не повернул голову в мою сторону.

Он, не отрываясь коброй, смотрел на Артура. Варя напряжено всхлипывала.

– Ну, давай же, – попросил Артур. Женя не заставил себя ждать, кинулся на улыбающегося парня. Шкафчики двинулись по сигналу в мою сторону.

Выживу, убью Смирнова самой лютой казнью.

Я проморгал тот момент, когда в руках у Артура показался нож, он мастерски им махал, так что у Женки не нет шансов успеть отклониться в сторону. Он и не успел, подкошенный навалился прямо на нож.

Варя закричала, один из парней схватил ее за волосы и потянул на себя, второй стоял прямо передо мной. Краем зрения я видел лицо Жени, судорожно хватающего воздух.

Среди этого хауса раздался выстрел. Пуля пробила колено моему противнику, он испуганно вскрикнул и упал на колени передо мной.

– Стоять, – произнесла твердо Лера, державшая двумя руками пистолет.

Откуда он у нее?

Золотистые волосы струились по бледным плечам девушки, широко раскрытые глаза, не мигая, смотрели на нас.

– Кто дал ребенку оружие? – насмешливо произнес Артур.

Не колеблясь ни секунды, Лера выстрелила в парня, держащего Варю, в кисть.

– Великолепный выстрел, – прохрипел Женя, – Пусть он уходит.

– Ты очумел? Нельзя его выпускать, – возразил я.

– Пусть уходит, – настойчиво произнес сквозь зубы Женя.

– Пока вы тут спорите, он уже ушел, – яростно воскликнула Лера. Я, было кинулся за ним, но остановился.

Лера подлетела к Жене.

– Это что кровь? – прошептала она в испуге.

– Всего лишь царапина, – отмахнулся Женя, но девушка, не обращая на его слабое сопротивление, задрала футболку.

– Всего лишь царапина? У тебя рана в боку!

Женя в ответ выругался и подошел к неподвижно лежащей Варе. Он бережно взял ее на руки, прикрывая ее тело своей курткой.

Едва мы вышли на крыльцо, раздался взрыв. Новенький джип Жени взлетел на воздух, озарив сумерки яркой вспышкой. Ветер донес до нас смесь горелого запаха резины, горелого металла и чего-то явно неприятного.

Я замерла и изумлено смотрела на огонь. Обернувшись, я увидела взгляд потрясения, которым Руслан одарил Женю. Последний напустил на себя невозмутимый вид.

– Это что за хрень? – Руслан выпустил меня из рук и подлетел к другу, – Ты совсем чокнулся? Что за хрень в твоей голове?

– Я не понимаю, о чем ты.

– Прекрасно понимаешь. Ты в тюрьму захотел? Придурок! Женька!

– Иди, знаешь сам куда, – зло гаркнул на него Женя и обняв крепче сестру, понес ее к машине, сделав пару шагов, он упал. Егор, тяжело дыша, едва успел подхватить Варю.

Недалеко раздалась звуки сирены...

Глава 37. И эта нежность между нами.

Руслан

Женька наконец— то пришел в себя. Я два дня дежурил возле него.

Большая кровопотеря, его ангина, заставили меня понервничать. Как только его разрешили навестить, я бросился со всех ног в палату.

– Херово выглядишь.

– Это моя фраза, – забавно морщась, прошептал Женя.

Я улыбнулся. Некоторые вещи остаются неизменными и радуется, что его юмор ничуть не пострадал.

– Не ищи зеркала. Потом принесу, – произнес я, заметив его рассеянный взгляд и попытку найти свое отражение.

Выглядит он на самом деле неплохо: смуглая кожа побелела, под глазами круги, а в целом вид такой же придураченный. Лоску нет, одна сплошная естественность.

– Сколько меня не было?

– Всего то два дня. Фигня.

– А как Варя? Лера? Все в порядке?

– В порядке. Все живы. Ты главное, поправляйся. Нам без тебя никак.

Женька поморщился:

– Как дети малые. Нельзя оставить и на минуту.

Он улыбнулся той мальчишеской улыбкой.

А я подумал, что долг перед ним увеличивается в геометрических масштабах. И мне его точно никогда не вернуть. Он всегда делает для меня больше, чем я заслуживаю.

К вечеру его перевели уже в обычную палату и ее тут же наполнила толпа: родители, я, Лера, Леша, Оксана, Мила, Алекс, Оля. Не знаю для чего пришла моя сестра, уточнять не стал. Надо видеть его довольную моську. Столько внимания.

Медсестра быстро всех выгнала. Мы с Лерой тоже не стали надоедать, ушли, оставив друга с родителями.

У моего ангела несколько синяков, но ее врачи оставили под наблюдением. Поэтому мне приходилось оставлять ее в больнице каждую ночь. Хорошо, что Алекс все же остановился у меня, с ним не так тоскливо по вечерам.

Лера

Меня поселили в одну палату с Варей. На девушку больно смотреть. Лицо в синяках, ссадинах, тело побито и представляло собой один сплошной синяк, вдобавок у нее сломлены левые ключица и кисть.

Не знаю, что хуже смотреть на нее: глубоко погруженную в себя или на ее брата, опутанного трубочками и без сознания. Руслан настоятельно просил меня оставаться с Варей и присмотреть за ней. Он же дежурил возле Жени, убедившись, что со мной все в порядке.

В больнице я провела десять дней, пока не синяки не приобрели желтоватый цвет.

Женька сидел у окна, положив светлую голову на руки и задумчиво смотрел в окно. Ему разрешили вставать, и он околачивался в нашей с Варей палате.

Пару раз приходил следователь и дотошно всех допрашивал, кроме Вари. Она не

разговаривала. Молчала, глядя в потолок. По ночам кричала, поэтому Женя теперь ночевал с ней. Укачивал сестру как маленькую на руках, ласково прикасался к волосам, пел колыбельные, под его голос я тоже засыпала. Мне неловко смотреть на проявление его братских чувств, потому что я чувствовала себя лишней.

Я видела, он страдает, но помочь не могла. Мы почти не разговаривали и не оставались наедине. Иногда сидя рядом, он просто брал меня за руку, наши пальцы переплетались между собой и все.

Мне кажется, слова тут лишние. Он нуждался во мне, чтобы справиться с грузом ответственности, со всем произошедшим. Правда в том, что то, что он просил, я дать ему не могла. Не потому что не хотела, а потому что не думала об этом.

Для меня он стал чем— то большим, несомненным оплотом для всех. Ведь, несмотря на репутацию балагура, я поняла, кто нес на себе вес. И ни разу никогда я не слышала от него ни единой жалобы, ни сейчас, ни потом. Высоко подняв непослушную голову, он гордо несет на себе любую повинность, не только за себя, но и за других. Смешно признаваться в этом, но я стала понимать его.

Мне нестерпимо сидеть в больнице, вдали от любимого. Поэтому сегодня я отпросилась на ночь домой.

– Вы приедете вечером? – поинтересовался Женя, – Если пойдете, захватите мне пожрать и шмоток чистых, ладно?

– Хорошо, мы вечером приедем, – пообещал Руслан.

Мы вышли из больницы под проливной дождь. Капли холодного дождя забирались под одежду, покрывая кожу мурашками.

Руслан крепко держал меня за руку, переводя через лужи. Дождь бил по нам, одежда прилипла к телу, но произвольная улыбка сверкала на наших губах. Не взирая на капли безжалостного дождя, мы целовались у каждой лужи, перед тем как перейти ее. Почти бегом мы добежали до квартиры Руслана, вбежали в подъезд, полные воды. Вода хлюпала в подошве туфель, трикотажное платье, плащ насквозь мокрые.

– Надо переодеваться, – прошептал любимый в перерывах между поцелуями. Его дыхание сбилось, и кожа покрылась мурашками. Мокрые волосы висели отдельными темными прядками, забавно свисая над глазами.

Мы вошли в квартиру, тесно прижавшись к друг другу, не отрываясь губами.

В коридоре Руслан прислонил меня к стенке и продолжал целовать. Сквозь мокрую одежду его прикосновения обжигали холодную кожу, словно одежды и нет.

– Я люблю тебя, Лера больше жизни, – прошептал парень.

– Я тоже люблю тебя, может, переоденемся? Холодно, – предложила я, дрожа.

– Да, конечно, извини, я забылся, – пробормотал Руслан и отстранился от меня, стягивая мокрую куртку, затем футболку, мышцы бугрились сквозь прозрачную кожу.

– Ты совсем бледный стал, – заметила я, с удивлением рассматривая бледный торс с кубиками пресса.

Руслан криво усмехнулся.

– Извини, не успел сходить в солярий и автозагар закончился.

– Зачем так грубо?

Сарказм в его голове поубавился.

– Извини, вырвалось. Что тебе дать, чтоб переодеться?

– Горячий душ меня вполне устроит для начала. Ты со мной?

Руслан вскинул бровь.

– Ты серьезно?

– Нет, шучу, – ответила я нарочно сердитым голосом, – Конечно, да, пошли.

Я решительно двинулась в сторону ванной комнаты, мокрое платье противно прилипло в коже, в голове стая мыслей жужжали роем. Интересно, придет или нет?

Освободившись от липкой одежды, я помедлила и залезла под душ.

Горячие струи распарили и без того воспаленное сознание. Мечтательно закрыв глаза, я подставила тело под них. Руслан так и не пришел.

Проболтавшись в душе добрых полчаса, вымывшись, как следует, я покинула столь прекрасное место, обернувшись полотенцем.

Руслан сидел на кухне, на меня и не взглянул.

– Чью выдержку ты проверяешь? – обратилась к парню я. Он вздрогнул.

– Ничью.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем, не время еще нам принимать душ вместе.

– Для этого существует расписание?

– Возможно, – согласился парень.

– К черту все твои расписания, в этот раз все будет по моему, иди ко мне, поцелуй меня, – потребовала я и мягче добавила, – Пожалуйста.

Руслан вздохнул и привлек меня к себе.

– Ты боишься? – прошептал он.

– Я хочу быть с тобой и ничего не боюсь, – возразила я и наклонила его голову к себе. Наши глаза встретились, и я увидела свое отражение в них.

Обхватив его лицо ладонями, я приблизила свое лицо к нему и поцеловала. Наши губы встретились, с жаром приветствуя друг друга, впиваясь, прикусывая, изголодавшись.

Полотенце соскользнула с моего тела от прикосновения рук Руслана. По обнаженной спине пробегали пальцы парня, ласково поглаживая.

Я не осталась в долгу, запустив одну руку в волосы парня и притянула к себе за шею.

– Может, мы примем более удобное положение? – хриплым от желания голосом поинтересовался Руслан, одержимо сжимая меня в объятиях.

– Ты отнесешь меня?

Вместо ответа парень рывком поднялся со стула, подхватив меня на руки.

Ни один парень до этого не видел меня голой, но смущения нет и в помине.

Парень бережно опустил меня на кровать, на которой мы делили наши сны, а теперь собирались разделить что— то большее.

Я отползла к самому изголовью резной спинки кровати и замерла смущенная его взорами. Парень легонько прилег на меня, приподнявшись на локтях.

Его красивое лицо дышало страстью, не произнося ни слова он начал целовать меня, от лба, пройдя от него к вискам, спустился к губам, раскрытым и ждущим его прикосновения, затем к шее, неторопливо и размерено спустился к ложбинке груди, не пропуская ни миллиметра разгоряченной кожи.

Дразня и лаская его рот, спустился ниже вдоль живота. Все мое сознание трепетало, волнами прилиwała кровь. Ник живота окаменел, бабочки кружились в нем, крыльями затрагивая душу.

– Руслан? – нежно позвала я.

– Да, любимая? – севшим голосом откликнулся он, приподняв голову. Выражение его глаз пронзило меня огнем.

– Я бы предпочла, чтоб ты был понаглей, – произнесла томно я, смотря на его реакцию сквозь полуопущенные ресницы.

– Понаглее? По— моему я уже и так обнаглел достаточно, – с сомнением произнес парень.

– А я хочу, чтобы обнаглел окончательно, я тебя хочу, а ты меня?

Парень резко выдохнул.

– Она еще и спрашивает, конечно, я хочу! – с жаром возразил Руслан, приподнявшись.

– Тогда в чем дело? – ответила я, приподнявшись на локтях, тяжело дыша. Я притянула несопротивляющегося парня к себе, и он лег на меня сверху, переместив вес на руки.

– Я люблю тебя, Лера. Если ты так хочешь, все будет, как скажешь.

– Да, я так хочу, – ответила я, прижимаясь к нему всем телом, каждой трепещущей частичкой себя, взмывая птицей к небу, тая от восторга в крепких и нежных объятиях.

Пусть у нас нет времени для постоянной жизни рядом. Зато у нас есть мгновения счастья и это лучше, чем вся жизнь.

Глава 38. Тебе нравится причинять мне боль

Лера

За окном наступил вечер, комната погрузилась в мрак. Я проснулась, все еще погруженная ощущениями в наш сладкий день.

Руслана рядом не обнаружила.

Услышав звуки льющейся воды, я встала, накинув брошенную им рубашку на голое тело.

– Руслан? – позвала я, подойдя к ванной. Ни звука, кроме шума воды. Моих ног коснулось что— то холодное. Удивлённая я посмотрела под ноги, их касалась лужа воды, быстро прибывающая.

– Руслан? – вновь позвала я. Нет ответа.

Я толкнула дверь и тут же увидела прислонившегося парня к стенке душевой кабины, ледяная вода стекала по нему.

– Милый? – вновь позвала я, веки Руслана затрепетали, и с губ сорвался стон.

Помня, что нужно делать в этой ситуации, я бросилась за таблетками на кухню, скользя по мокрому полу.

Я перевернула всю аптечку, пока пальцы ухватили заветную коробочку.

Кинулась назад, заставила проглотить таблетки.

Спустя пару минут, из лица Руслана ушло напряжение, он слабо улыбнулся при виде меня, сидящей рядом.

– Плохой конец для нас с тобой?

– У нас было отличное начало, на остальное плевать, – возразила я.

– Я люблю тебя.

– Когда я думаю, что могу потерять тебя в любую минуту, все становится неважным.

– Ты никогда не потеряешь меня, я всегда буду с тобой.

– Знаю, ты собираешься выбираться из этой лужи?

Руслан поморщился, но встал с пола, протянув мне руку.

– Ты приляг в комнате, а я уберу здесь, – предложила я. Руслан согласился и прошел в комнату. Я быстренько затерла все следы.

– Мы к Жене и Варе пойдем? Как ты себя чувствуешь? – спросила я у Руслана, закончив уборку.

– Я нормально, можно и сходить, тем более мы обещали. Правда, не приготовили ничего, но можно купить ему в кафе что—нибудь. Что скажешь?

– Пойду одеваться, – ответила я.

Накинув футболку и джинсы, я через пять минут готова.

Руслан одевался в своей комнате, одновременно заправляя кровать. При ее виде я улыбнулась. Парень заметил мою улыбку и ответил тем же.

– Знаешь, я не против повторить, – заметила я. Парень вскинул бровь.

– Наши желания схожи. Но после.

Я подошла к нему и поцеловала, чувствуя горький привкус таблеток.

Руслан с жаром ответил на поцелуй, привлек меня к себе и тут же отпустил.

– Я люблю тебя, Лера, ты готова?

– Я всегда готова, – ответила я. Уловив тайный смысл в моих словах, парень покраснел.

За полчаса мы дошли до больницы, нагруженные сумками с продуктами.

Женя встретил нас на лестнице, снова нарушая больничный режим, он курил. Руслан оставил нас одних, спеша донести пакеты до палаты.

– Как ты? – поинтересовался Женя.

– Все хорошо, как Варя? – ответила я, стараясь унять волнение.

– Нормально, если так, можно сказать. Чем занимались дома?

– Ничем особо, у Руслана вновь был приступ.

На счет последнего мне не пришлось врать.

– Да уж, – сочувственно произнес Женя и докурив сигарету, выбросил ее в открытую форточку, – Обнять тебя можно?

Вместо ответа я сама прижалась к нему, обхватив руками. Парень на секунду замешкался, но потом видимо взял себя в руки и сильнее прижал к себе. Вдыхая знакомый запах с нотками мяты и лимона, слезы покатались по моим щекам.

– Не плачь, моя хорошая, не надо. Он расстроится.

Я отстранилась. Женя внимательно смотрел на меня. Он вздохнул.

– Сильно болит? – спросила я, указывая на его перевязку.

– На мне все заживает быстро, – пожал плечами парень, пропуская меня вперед:

– На счет Вари, она беременна от этого уroda. Может ты попробуешь поговорить с ней? – остановил меня возле двери Женя.

Я пожала плечами и робко вошла в палату и села напротив койки Вари. Она выглядела лучше, синяки и ссадины стали заживать.

– Привет, – поздоровалась я. Ноль реакции. Девушка не повернула голову. Я собиралась уйти, когда она заговорила.

– Привет, я рада, что ты пришла.

Голос сухой, безжизненный. Бедная девочка, сколько ей придется еще пережить?

– От брата мало толку. Он говорит со мной о тебе, тогда я думаю, что тоже испытываю чувства к тебе. Ты знаешь об этом?

– Да, знаю.

– Ты мучаешь его, он страдает. Что будешь делать с этим?

– Я замуж выхожу вообще— то.

– Поэтому делаешь ему больно?

– Я бы и рада не причинять ему боль, но что я могу сделать? Он сам все решил, ты же его знаешь. Как ты себя чувствуешь?

Варя усмехнулась.

– Как сама думаешь? Меня насильовали, били и вдобавок я оказывается беременная. Я клево себя чувствую.

– Ты жива и это главное.

– Кому нужна такая жизнь, скажи мне, кому? Зачем ты появилась здесь, Лера? В нашей жизни? Зачем все испортила? Ты думаешь, что знаешь все об этой жизни, но это не так. Тебя не ломали как тростинку, не изгадили душу. Эти двое любят тебя и оберегают от всего. Только когда твой любимый умрет, скажи что будешь чувствовать? И к кому ты придешь, утешить свое сердце? И он примет тебя, хоть и будет страдать. Не говори, что знаешь. Лучше бы я умерла в тот день, чем сделала убийцей собственного брата, – проговорила Варя и отвернулась к стенке, – Уходи, Лера, уходи.

Я приросла к стулу и с трудом встала. Самое страшное, она права во всем. Я не могла понять и принять ее страдания.

– Разговора не вышло? – спросил меня ожидавший в коридоре Руслан, – Я говорил Жене, пока бесполезны разговоры. Ты бледна, может, сядешь?

Парень заботливо приобнял меня.

– Как прошло?

– Неудачно, – ответил за меня Руслан, усадив на стул. Женя с тревогой посмотрел на меня.

– Я за врачом, она сейчас отключится, – воскликнул Женя и бросился вон.

«С чего он решил, что мне плохо?» – хотела возмутиться я, но не успела и упала вниз в темноту.

Глаза не хотели раскрываться, хотелось спать. Свет резал, причиняя боль.

– Как ты думаешь, долго она будет в отключке?

– Откуда мне знать? Что интересно сказала ей твоя сестра, что она упала в обморок?

– Она тут не причем. Просто у Леры хлипкие нервы.

– Ага, я заметил, особенно когда она прострелила колено и кисть тем придуркам. Самообладание точно не ее конек, – ядовито произнес Руслан, – Я так и не спросил, кто ее научил обращаться с оружием, хотя начал догадываться. Не так ли?

– Не понимаю, о чем ты, – голос Жени звучал устало.

– Конечно, чуть что мы в непонятки. Конечно, не ты.

– Ну ладно, я научил и что тут такого? Зато мы не сдохли в тот день.

Молчание.

– Как ты узнал, что он сядет именно в эту машину?

– Я и не знал. Это случайность. Он просто выбрал ту, что ближе, всего – то.

– Ты психопат, и тебе я собираюсь ее доверить.

– Значит, ты недалеко ушел от меня.

– Прекратите ругаться, – прошептала я и открыла глаза, тут же две головы возникли в поле зрения. Две пары глаз уставились на меня с одинаковой тревогой.

– Как ты себя чувствуешь? – хором воскликнули парни.

– Нормально, видимо нервы.

– Врач спрашивал, не беременна ли ты, – выпалил Женя с болью, плескающейся в глазах.

– Да, мне прям скоро рожать семерых ежиков, ничего я не беременная.

Женя вздохнул с облегчением.

– Долго меня не было?

– Минут 10, напугала ты нас, – ответил Руслан. Женя отошел от койки к окну, напряженно всматриваясь в темноту.

– Домой мы пойдем? – спросила я, приподнимаясь. Голова слегка кружилась.

– На твоём месте я бы остался, – произнес Женя, не смотря в нашу сторону.

Я перевела взгляд на Руслана. Он вскинул бровь.

– Оставайся, пусть врачи присмотрят за тобой, может еще и с Варей поговоришь. А я съезжу к своим, давно не был. Хорошо? – осведомился у меня Руслан.

Я кивнула головой. Парень наклонился и губами легко прикоснулся к моим. Мне этого показалось мало, поэтому я решительно протянула его к себе и впиалась в податливые губы.

Парень оторопел от неожиданности, но ответил с тем же жаром, что и днем. Мы забыли о существовании Жени, который, впрочем, не собирался хранить молчание.

– Э, между прочим, я здесь, – возмущено вскрикнул он. Руслан нехотя оторвался от меня

и прошептал:

– Я уже тоскую. До завтра, люблю тебя.

– Едино, спокойной ночи.

Жар в его взгляде проник в мою душу, заставив сердце затрепетать. Он окинул взглядом палату и вышел, улыбнувшись на прощанье.

– Мило, – боль в голосе Жени заставила вздрогнуть. Чувство вины немедленно напомнило о себе.

Я испугано посмотрела на Женю. Он скрестил руки на груди и ответил взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Он дернулся было ко мне, но тут же остановился.

– А знаешь, мне все равно, делайте что хотите, – с этими словами он вышел из палаты.

Я бросилась за ним, крича его имя.

Парень ни разу не оглянувшись, сбегал вниз по лестнице. Я запыхалась, сердце бешено колотилось в груди, ноги заплетались. Неудачно перелетев через две ступеньки, с грохотом упала, звонко ойкнув.

Больно ударилась от бетонную стену спиной, я заплакала не от физической боли, а от душевной.

Закрыв лицо израненными ладонями плакала, чувствуя, как соленые слезы обжигают ссадины.

– И почему я не могу послать тебя куда подальше и оставить в покое? – прошептал хрипло Женька. Он опустился рядом со мной и порывисто обнял.

– Не уходи от меня больше так, пожалуйста, – сквозь слезы прошептала я и обвила его шею в ответ.

– Походу мне никогда от тебя не уйти, – ответил Женя, – Я рядом с тобой и мне не хватает воздуха. Не хватает смелости убежать от твоих глаз куда подальше. Мне кажется, у меня не хватит любви, чтобы ты осталась со мной. Я бы мог привязать тебя к себе цепями, но ты вырвешь их с моим сердцем.

– Я не хочу делать тебе больно, правда.

– Я ради тебя готов на все, готов выпустить всю кровь к твоим ногам. Но не готов делить тебя с кем— то еще. Потому что ты мне нужна вся, без остатка, вся как есть. Я не могу делить тебя, рвать на части, получать твою любовь из жалости. Я хочу, чтобы ты сама пришла ко мне, не потому что жалеешь, а потому что кроме меня тебе никто не нужен.

– Мне стоило умереть в тот день, – прошептала я.

Женя с силой разжал мои ладони и прямо посмотрел в глаза, полные слез.

– Никогда, слышишь, никогда не говори так.

Его лицо находилось в непосредственной близости от моего, в глазах загорались и не гасли искорки золотистого цвета. Помедлив наши губы, встретились и раскрылись навстречу друг другу. Он целовал меня со всей тоской, что бережно накапливалась по частицам в его сердце, и безжалостно срывая все преграды, грозила вырваться на волю огромной стихией.

– Я опять все испортил, – произнес парень, прервавший наш поцелуй.

Цепляясь дрожащими руками за его одежду, я поднялась с колен.

Женя проводил меня до палаты, крепко держа за руку.

Думать о чем— то не хотелось.

Время, проведенное с Русланом наедине, казалось, чем— то нереальным, чужим воспоминанием. Знаю, что люблю его всем сердцем, но и одновременно не могу простить себе ни одного поцелуя его друга.

Женя сидел на широком подоконнике, поджав ноги под себя, слушая музыку через планшет. Свет от фонаря падал на его профиль, очерчивая упрямый лоб, длинные и густые ресницы высокие и острые скулы, плавные изгибы полных губ. Он заметил мой взгляд и улыбнулся.

Я улыбнулась в ответ и положила голову на подушку. Разумеется, нас не селили в одну палату, но Руслан договорился, чтобы нас оставили троих в одном месте.

Варя спала, я собиралась последовать ее примеру, но не смогла. Сон не шел ко мне.

– Не спится? – Женя мягко соскочил с подоконника и подошел к кровати.

– Не могу уснуть, – пожаловалась я, – Мне холодно.

Парень заботливо подоткнул мне одеяло.

– Человек— грелка может прийти на помощь, – предложил он.

– Хорошо, – согласилась я и подвинулась. С кошачьей грацией парень лег рядом со мной, вытянув ноги.

Я уснула под его мирное биение сердца. Оно родное билось, ни на миг не замедлив свой бег. Кошмары в эту ночь уступили.

Глава 39. Внутри бьется сердце с лаской

Календарь переворачивался день за днем.

И Алекс напомнил Вике про обещанный ужин.

Отказываться неудобно и Вика, одолжив у Милы платье, отправилась в гости.

За ужином Вика три раза опрокидывала бокал с вином, так дрожали ее руки.

Хотя, чего ей бояться? Зачем она вообще согласилась сюда прийти? Брат не хотел, чтобы она шла. Упрямый и справедливый он не понимал, как можно идти куда— то замужней даме?

Даже если ее муж ей изменял и фактически их отношения оставались лишь на бумаге. Сам он женился на Оксане и слыл самым верным мужем. Он категорически не понимал самого факта измены, порывался несколько раз помирить друга и сестру, но его попытки не увенчались успехом. Он переживал за сестру, а больше всего за детей. Им то не объяснить, отчего папа и мама больше не живут вместе... И все же Леша согласился посидеть с племянниками, пока их мама собиралась на ужин в гости.

И вот она, с минуты на минуту ожидая Огненного столба или толпу с камнями за пазухой, сидела уже на диване после великолепного застолья и не знала куда себя деть. И он, сидит напротив и опять смотрит на нее, как на редкость. Может, что— то не так с ее макияжем? Или прической? Или с платьем?

Чего, черт возьми, он смотрит?

Вика снова махнула рукой и в этот раз залила себя вином. Пятно предательски растекалось по платью, и девушка едва не расплакалась.

— Где тут ванная? — сквозь комок в горле прошептала она.

Алекс проводил ее в ванную, тактично оставаясь ждать.

После смерти Натали, он ни с кем так и не сошелся. Случайные связи не в счет. Одиночество никогда не становилось помехой для него. А тут... Эта девушка его с ума сводит! Ужин как ужин, а он чувствует себя неловким юнцом: отчаянно краснеет, лопочет всякую ерунду... Что с ним творится? Руслан изначально против его отношений с Викой, даже когда он просто назвал ее имя, племян категорически не хотел ничего слышать. Егор— его друг и поведение иное не укладывалось в голове.

Алекс удивлен такому яростному отпору его чувств и поддержке Егора. Тот ушел из семьи, бросив жену, детей и они все его защищают! Да если бы его так ждали домой...

Вика, наконец вышла из ванны, слегка успокоившись. Чего она в самом деле испугалась? Она все еще замужем и принадлежит другому человеку, которому, кстати совершенно на нее плевать.

Пару раз она пыталась поговорить с Егором, но его волновала только Надежда. Вика посчитала ниже своего достоинства настаивать на встрече, не с ней, разумеется, а с детьми. К сожалению, Егора мало волновали собственные дети. Как и развод.

Вика стояла, переминаясь с ноги на ногу, когда Алекс к ней подошел.

— Все нормально?

— Нормально. Я загубила чужое платье. Мила меня убьет.

— Не убьет. Мы купим ей новое. К тому же, я уверен, что этих платьев у нее вагон и тележка.

— Мне пора, наверное. Уже поздно.

– Да, – согласился он, не сводя с нее глаз.

И, несмотря на это, они никуда не двигались. Никто никуда не спешил.

Пара тянувшихся минут, и Вика первой отвела взгляд.

– Мне пора. Поздно уже, – начала она старую песню, как он прервал ее.

– Я никогда не встречал похожих на тебя.

– Брось. Я уверена, что у тебя более богатый опыт чем у меня.

– С чего ты взяла?

– Что во мне такого? Я обычная.

Алекс не стал дослушивать ее и пускай, возможно его ждет пощёчина, плевать! И поцеловал ее, смело прикоснувшись к ее своевольным губам.

А, губы, о, эти губы! Своевольные, дерзкие, самодостаточные ответили со всем жаром противоречия, свойственные их натуре. Потом он подумает, что поцелуй произошел не по его воле или судьбоносно, а на самом деле потому что она этого захотела сама.

А такому противоречию невозможно сопротивляться. Либо ты плависься, принимая любую форму, либо сгораешь дотла.

Он предпочел первое, отдавшись ей без остатка. Она ничего не просила взамен, просто взяла его сердце и сжала в мучительной судороге.

Восстанавливая дыхание, а заодно память, потому что до дивана, а равно как до кровати они просто не успели дойти, Алекс заботливо укрыл Вику покрывалом. Она доверчиво прижалась к нему.

Давненько он не испытывал ничего подобного. Натали не позволяла себе таких проявлений чувств. Он иногда думал, что женился на роботе, настолько она была холодна.

– Я хочу пить, – смущенно прошептала Вика.

Алекс спохватился и поспешил исполнить ее просьбу. Наблюдая за девушкой, лихорадочно потребляющей воду большими глотками, он усмехнулся.

– Сегодня удивительно чистое небо. Хочешь посмотреть?

Вика пожала плечами.

– Зачем?

– Как это зачем? Ты когда в последний раз смотрела на небо? Просто вот так?

– Наверное в детстве.

– Иди, я покажу тебе небо, – Алекс потянул ее за собой, к окну.

Словно зачарованная она смотрела за его пальцами, указывающими на созвездия.

– Откуда ты знаешь там много?

– Одиночество и бессонница, лучшие учителя.

И это правда. Он ведь даже не жил в доме их с Натали. Не мог переступить порог и потерпеть поражение. Это означало бы смирение. А он никогда не обладал этим чувством.

Дом. Милый дом. Он вывез все свои вещи и больше не переступил его порог. Натали с такой любовью все обустроивала: дом больше похож на выставочный, чем на тот, в котором живут. Безликий и подходящий для модели. Безупречный и стильный. В таком доме нет места для небрежности, поэтому Алекс и ненавидел его.

Здесь рядом с Той, способной перевернуть его жизнь, он подумал, что мир все— же не так жесток.

Вика думала о том, что она никогда не стояла вот так, полуобнаженной около окна и не смотрела на звезды. В том есть что— то первобытное. Алекс хоть и накинул ей на плечи покрывало, девушку знобило. Она никогда не изменяла мужу и в мыслях не допускала

подобного.

Жизнь разделилась на до и после. Ей очень хотелось остаться тут, не возвращаться домой.

Жаль, что счастье не может длиться вечно.

Глава 40. Все по—прежнему

Руслан

Ненавижу без нужды встречаться с родителями. После всего произошедшего я не видел еще Алекса и Петра, но знаю, что вдвоем они закатили знатную пирушку. И я больше не злился на Петра.

– Дорогой, наконец ты приехал, а почему один? Мы ждали вас с Лерой, – мама мне встретилась первой.

– Она еще в больнице, мама.

– Ммм, будь хорошим мальчиком переоденься к ужину и спустись к нам, – попросила мама и порывисто меня обняла. Я обнял ее в ответ, вдыхая с детства знакомый запах. Мама тут же всплакнула, поспешно вытерла слезу и подтолкнула меня к лестнице на второй этаж.

Я нехотя поднялся по широкой лестнице. В детстве зимой мы спускались с нее на санках. Теперь мы выросли и не позволяли себе подобных шалостей. А сколько тогда крику было. Я улыбнулся счастливым дням из прошлого.

В моей комнате царил полумрак, пришлось включить Свет, чтобы прогнать его.

Вещи лежали на своих местах без единой пылинки. В чехле, повешенном на шкаф висел мой свадебный костюм черного классического покроя.

– Здорово, братишка, не думал, что ты появишься, – сунул голову в дверной проем Макс.

– Для меня это тоже новость, – ответил я улыбаясь.

– Кстати, Кристина тоже здесь, – поделился Макс. Я замер.

– Зачем?

– Откуда мне знать? Она с отцом приехала, спрашивала про тебя. Когда мне можно к Варе?

– Я спрошу у Женьки, он никого не подпускает к ней.

– Ладно, спасибо.

Брат скрылся. Я посмотрел на себя в зеркало и решил, какая разница в чем я буду?

Мне не хватало Леры. Не хватало улыбки, запаха волос, блеска глаз, воспоминание произошедшего между нами днем все еще свежо в памяти. Стон, сорвавшийся с ее мягких и нежных губ будоражил сознание, отзываясь истомой в теле.

– Bonjour, братец, – пролепетала откуда— то не возмись Люда.

– Bonjour.

– Как там наши? Я хотела заехать. Мы с мамой целый вагон платьев свадебных заказали, Леру твою порадовать. Когда она придет?

– На выходных, наверное. Я у нее спрошу.

– Да, кстати на счет вашей свадьбы. Мама решила устроить очередной вечер. Так что завтра мы вас ждем. Смирнова возьми с собой. А то будет скучно.

Люда ласково похлопала меня по плечу и отошла.

– Не знаешь с чего начать? – произнесла Кристина, рукой касаясь моего локтя. Я и не заметил, как она подошла. Интересно, какого черта она тут делает?

– Наверное, просто задумался. Как ты?

– Я прекрасно, увидела тебя и мне сразу стало лучше.

– Я до сих пор имею на тебя влияние?

– Ты всегда в моем сердце, – с дрожью в голосе ответила Кристина.

Я дёрнул плечом. Признаться честно, мне до сих пор ужасно стыдно перед ней. Мы расстались некрасиво и по моей инициативе. Знаю, девушка не испытывала жгучей ненависти ко мне. Наверное. Хотя я в этом не уверен.

– Ты жесток ко мне. Несправедливо.

– В чем же несправедливость?

– Ты достаешься ей. Ей, которая ничем тебя не заслужила. Маленькой и глупой. Еще по сути ребенку.

Видимо тень прошлого все же промелькнула и на моем лице, потому что Кристина резко замолчала.

– Откуда тебе знать какая она?

– Неоткуда. Я знаю тебя. Знаю твои предпочтения. Ей никогда не понять тебя настоящего. Она из другого теста. Не такая как мы с тобой.

Я не стал ее дослушивать. Пускай она и тысячу раз права. Это не важно. Я изменился. А Кристина осталась прежней. Не удостоив ее ответа, я просто отошел от нее подальше.

Далеко за полночь я отправился наконец— то спать. Мама перебрала с вином, и отец пытался, судя по звукам, доносящимся из спальни уложить ее спать. К себе домой я не поехал по одной причине. Не хотел мешать Алексу и его гостье, хотя и не поддерживал его в этом вопросе. Дело не только в том, что Егор мой друг.

Практика показала, что друзьями я обычно разбрасываюсь.

Дело в самой Вике. Она преданная. И если почувствует, что Егору нужна будет поддержка, она забудет про себя и вернется к нему, пусть и против его воли.

Мне жалко своего дядю, который мало разбирался в женщинах. Несомненно, мы были бы рады за него, потому что ждали очень долго, пока он сможет начать все сначала.

Но в нашей проклятой семейке в любви все несчастны.

Мы выбираем одних, спим с другими и создаем сами себе проблемы...

Я прошел мимо спальни родителей с улыбкой. Помочь все равно ничем не смог бы.

Закрыв за собой дверь в комнату, последние силы покинули меня. Забыл, когда в последний раз ночевал здесь в родительском доме. Я не жил с ними уже лет 5, может больше.

Родня явно заслуживала большего внимания к себе, чем я его оказывал. Такова природа человека, мы редко заботимся о своих близких.

Мысли не давали спокойно уснуть. Всю ночь я проворочался и лишь под утро уснул.

Лера

Утро встретило меня запахом бодрящего кофе. Удивленная я открыла глаза и увидела на тумбочке стаканчик с кофе и пакетик с чем— то вкусным, дразнящим нос.

– Не знал, что взять тебе на завтрак, поэтому положился на свой вкус, – извиняющее произнес Женя. Он сидел на своем обычном месте, на любимом подоконнике, болтая ногами и попивая большими глотками кофе.

– Спасибо, – поблагодарила я его и взяла стакан в руки, – А где Варя?

– Вышла, сказала, мы ее достали, скоро должна прийти, – судя по голосу Жени, его все устраивало в это утро.

У меня же утро не столь радужное, я поспешно встала с кровати, спина болела с непривычки от больничного матраса и отправилась к умывальнику. Холодная вода расставила все на свои места.

– Как тебе спалось? – невинно спросил Женя.

– Нормально.

– Видишь, могу быть паинькой, если меня хорошенько попросить, – заметил довольный Женя.

– Вижу, – согласно буркнула я, вытираясь после утренних процедур. Снова между нами появились лишние секреты.

– Руслан не звонил?

– Звонил, обещал скоро прийти, – ответил Женя. Он спрыгнул с подоконника и в два шага оказался возле двери.

– Пойду поищу сестру, я быстро, – попросил парень и змеей выскочил в коридор.

Я принялась за кофе, оказавшись весьма недурным и за свежие булочки.

В палату вошла Варя с заплаканным лицом, следом зашел и Женя. Оба находились в мрачном состоянии духа, не хотелось задавать лишних и вообще никаких вопросов.

Зазвонил мой телефон, я с благодарностью к куску пластмассы ответила на звонок.

– Доброе утро, любимая! Как спалось?

Руслан, мой любимый и родной. Губы тот час расплылись в улыбке.

– Доброе утро, когда ты приедешь?

– Позавтракаю со своими и приеду за тобой, можем фильм посмотреть какой—нибудь, если хочешь.

– Хочу, жду тебя с нетерпением. Смирновы не в духе сегодня, так что приезжай быстрее.

– К черту завтрак, я хочу к тебе, уже еду, до встречи, – произнес Руслан и положил трубку.

– Куда—то собрались? – поинтересовался голосом, не предвещавшим ничего хорошего Женя.

– Конечно, собралась, с тобой поигралась, теперь пора приниматься за другого, – ядовито выплюнула слова Варя, с ненавистью смотря на меня.

Кусок булки встал у меня в горле.

– Ты зачем так?

– Скажи, еще не правда? Какого лешего ты ночуешь с моим братом, когда скоро выходишь замуж?

– Мне было холодно.

– Купи себе обогреватель и грейся на здоровье. Мой брат живой человек, а не робот, исполняющий твой любой каприз. Хочешь тепла? Облейся бензином и подожги себя.

– Варь, не надо, зачем ты, в самом деле? – пытался утихомирить сестру Женя.

– Она права, лучше пойду, – всхлипнула я и поспешно выбежала из палаты. Женя что—то крикнул мне вдогонку и принялся ругать сестру.

Я не держала зла на бедного ребенка. Она не в себе, но ее слова жгли меня словно каленым железом.

– Не обращай внимания на нее, – запыхавшись, произнес Женя, догнав меня в коридоре, – Она просто не в лучшей форме.

– Все нормально, она права. Я не могу любить вас обоих, это неправильно. Я должна сказать тебе прощай, но не могу.

– Я и не прошу большего. Большого мне не нужно.

– Я не хочу причинять никому боль, я устала от всего этого.

– Давай сделаем так, словно все по— прежнему. Я, ты, а все остальное неважно. Все по— прежнему?

– Да, – сглотнув, подтвердила я, – Все по— прежнему.

Я высунулась в окно. Сердце готово вырваться из груди, едва заметив фигуру Руслана в окне. Женя сразу отпрянул от подоконника, помрачнев.

– Пойду встречу, – пропищала я и побежала по длинному коридору.

Коридор, палаты, люди в больничной одежде, кто с капельницей, кого на носилках.

Ноги несли меня вперед, втайне радуясь, что надела кроссовки вчера, а не туфли, я вмиг долетела до первого этажа и со всего размаху врезалась в любимого, пахнущего туалетной водой. Он оторопел, ласково произнес:

– Видимо, ты ужасно соскучилась.

– Отвратительно время без тебя, – прошептала я, уткнувшись парню в грудь. Его руки обвили мою талию и сильнее прижали к себе.

– Чем занимался?

– Общался с родными, кстати, нас пригласили сегодня на ужин. Ты как? Не против?

– Нет, – ответила я, щекой прижимаясь к кожаной куртке.

– Тогда пошли одеваться и поедем ко мне, – сказал Руслан и нежно отстранившись, взял мою руку, наши пальцы тесно переплелись, словно побеги плюща.

Вдвоем мы поднялись на третий этаж, Руслан поприветствовал хмурых Смирновых, на скулах Жени виднелись два ярко красных пятна, он потирал рукой бок, Варя же сидела с невозмутимым видом, игнорируя происходящее.

– Чья сторона победила? – спросил Руслан, сдерживая рвущийся на волю смех.

Женя что-то невнятно пробормотал.

– Понятно, – подвел итог Руслан, – Вас выписывать собираются?

– Лично я уже сам себя выписал.

– Ладно, потом переговорим, дуй к врачу, выписывай Варю, мы поехали домой ко мне, потом к родителям, ты заедешь за нами?

– А у меня есть выбор? – ответил Женя, сорвавшись с места, хлопнув дверью.

Мы попрощались с Варей, хранившей молчание. Если Руслан и хотел что-то сказать, то тактично промолчал.

Глава 41. Разбить души твоей окна

Егора тоже положили в больницу. Ничего серьезного, так ничего особого.

Он не видел друзей, поскольку сам не хотел. Ему хотелось видеть только одного человека.

Его не покидало чувство тревоги. Надя не приходила. И он понимал почему.

С ее обостренным чувством справедливости нелегко бороться. И он не винил ее за это. И даже не ждал.

Утром Вика с пакетами пришла навестить его, чем вызвала еще большее чувство вины.

– И что ты тут делаешь? – спросил он.

– Привет. Принесла тебе поесть, да переодеться, – жена сделала вид, будто вопрос ее совсем не касался и нотки горечи в голосе мужа ее не затронули. Девушка долго думала, стоит ли ей навещать супруга и в конце концов решила.

– Зачем? – с горечью произнес он, избегая смотреть в ее глаза.

Вика фыркнула, не отвечая. Какого ответа он дожидается? Они все-таки еще семья.

Пусть один из них и остутился, выбрал другой путь. Они все равно семья. И она не могла по-другому. Не смотря на боль, которую он ей причинил.

В счастье, и в горести она обещала быть рядом.

Вика начала деловито раскладывать содержимое пакетов и вышла помыть фрукты в коридор.

Егор смотрел в окно. И тут дверь снова скрипнула.

– Лучше бы детям отнесла, – проговорил он устало.

– Привет.

Он обернулся, не веря счастью. Надя. Его Надя.

И он бросился к ней, обнял. А она резко отстранилась.

– Что случилось?

Встретившись с ней взглядом он все понял. Это сильнее ее. Егор тщетно пытался найти в любимых чертах хоть каплю любви. Глаза пусты, губы сжаты.

– Мы переживем. Надь, слышишь, переживем.

Она качнула головой.

– Не переживем. Я просила тебя. Я умоляла не лезть. Что же ты наделал?

– В чем я виноват? В чем?

– Ты виноват! Из-за нас едва не погибло столько народу! Егор!

– Он умер один. Ты о нем тоскуешь что ли?

– Он был моим мужем. И не заслуживал всего этого. Никто не заслуживает такой ужасной смерти. Как ты не понимаешь этого?

– Он был сволочью! И ты его оправдываешь?

– Я не оправдываю. Но такой любви, когда гибнут люди, я не хочу! Мне такой не надо!

Ты понимаешь, что это неправильно устраивать самосуд?

– А правильно бить и издеваться над тобой, над Варей?

– Неправильно. Но этого бы ничего не случилось, если не мы. Мы виноваты оба в том, что случилось.

– Надь, ты серьезно, что ли? Я же, мы все это ради тебя!

– А я не просила! Я не просила.

– И что теперь? Чего ты пришла?

– Попрошаться. Я уезжаю.

– Я с тобой.

– Нет, – она почти шептала, – Я не хочу тебя видеть, не слышать, не знать.

– Надя...

Она посмотрела на него. Без того света, что привлекал его. Смотрела как на пустое место. Неужели она когда-то думала, что любит его? Какой бред.

– Надя, – прошептал он снова.

Девушка качнула головой:

– Нет. Все кончено. Поправляйся.

Надя стремительно покинула палату и уже сворачивая по коридору к лестнице, ее кто-то догнал и тронул за плечо.

– Я же тебе сказала, – начала Надя и осеклась. Перед ней стояла Вика.

– Вы поступаете неправильно.

– А Вам какое дело?

– Вы не должны его бросать. Это неправильно.

– Вернитесь к мужу. Вы ему сейчас нужнее.

Надя отвернулась и готовилась почти сделать шаг, как Вика произнесла:

– Когда он смотрит на Вас, время замирает. Вы остаетесь наедине в толпе. Вы поступаете неправильно, отворачиваясь от него сейчас. Никто и ничто не заменит ему Вас. Я не знала, что можно так любить. Не отворачивайтесь, пожалуйста от него.

– Почему?

– Потому что без Вас он и дышать, и жить перестанет. И Вы без него.

– А как же Вы?

– Я сильная, переживу, – Вика пожала плечами. Надя отвернулась от нее и побежала вниз. Бежать, бежать, бежать. Куда глаза глядят, подальше от него.

Вика задумчиво смотрела ей вслед. Дожила. Просила разлучницу не бросать ее мужа. Фиаско.

И как теперь вернуться к нему в палату? И посмотреть в глаза, полные тоски и боли? Выдержит ли она еще одно испытание? Он нуждается в поддержке. А она нуждается? Если да, то в ком?

Вчера Алекс ей звонил весь день. Она ни разу не ответила: ни на звонок, ни на сообщения и букет его цветов отправила назад отправителю. Позорно сбежала от его синих глаз. Казалось, вот дверь открыта, войди без страхов прошлого и крепко закрой за собой дверь прошлого. А она не может.

Ведь по ту сторону ее Егор, дети. Она должна хотя бы ради них спасти семью. А обладатель синих глаз... Что ж... Найдет себе другую.

К счастью, Вика не подозревала о буре в глубине обладателя синих глаз. Стоило посмотреть на нее и все станет понятно.

Алекс встретил ее в больнице и понятно к кому она пришла, нагруженная пакетами. Он не стал догонять ее. Вика хотела тонуть в рутине, подбирать обломки кораблекрушения с гордым названием «Брак». И он не мог винить ее в этом. Весь его брак с Натали он тоже боролся: за нее, с ней. Даже после ее измен делал вид, что все замечательно. Удивительно,

как низко может упасть человек ради благих целей.

Теперь Вика совершала ту же ошибку, и он не мог ей помочь.

Только наткнувшись на собственные грабли, можно сделать выводы. Он то хорош... За столько лет позволил себе влюбиться и... Что и? Что произошедшее давало ему? Ничего. Видимо и для нее ничего не значило. Шанс отомстить мужу? Откуда он сейчас узнает? Вика бежит от него, как от чумы.

Девушка вернулась в палату, где Егор продолжал смотреть в пустоту. Она несмело подошла к мужу и тронула его за плечо.

Без слов муж уткнулся ей в живот, стискивая ее в объятиях. Он нуждался в ней, отчаянно, мучительно. Вика понимала, что одной болью тут дело не поправишь. Он будет мучить и ее, и себя. Ее за крушение ожиданий, за то, что несмотря на происходящее она рядом, и опять же за то, что Она рядом, а не Надя. Он будет ее отравой. Ее наказанием за синие глаза.

Глава 42. Самообман и полумрак

*Ее сиянье факелы затмило.
Она, подобно яркому бериллу
В ушах арапки, чересчур светла
Для мира безобразия и зла.
Как голубя среди вороньей стаи,
Ее в толпе я сразу отличаю.
Я к ней пробьюсь и посмотрю в упор.
Любил ли я хоть раз до этих пор?
О нет, то были ложные богини.
Я истинной красы не знал доныне.*

«Ромео и Джульетта» У.Шекспир

Лера

–И какой дресс-код на сегодняшний вечер? – задала я вопрос в машине, подъезжающей к дому Руслана.

Парень усмехнулся.

– Я готов пересмотреть весь твой гардероб, можем устроить день моды или «Проект Подиум».

–Очень смешно, я серьезно ведь.

–Я тоже. Начнем с нижнего белья, пожалуй. В прошлый раз я не успел его, как следует рассмотреть, видимо от того, что его не было, – произнес сдавленно Руслан и посмотрел на меня.

Волна желания прошла от кончиков пальцев ног до макушки, заставив невольно меня покраснеть.

Парень спрятал улыбку.

Он галантно раскрыл дверцу своей спортивной машины, предложил руку. Я, поеживаясь и смущаясь, вышла из машины, вступив ногой в лужу.

Мы оба прыснули от смеха. Радует, что у нас общее чувство юмора на двоих.

Все еще смеясь и поддразнивая друг друга, мы поднялись в квартиру.

Нас встретил злой Боня, яростно махая хвостом, он пару раз выразил свое негодование протяжным мяу.

–Эх, мое животное, совсем хозяин про тебя забыл, – заворковал над ним Руслан. Довольный и нетерпеливый кот выгнул спину и продефилировал на кухню.

На город опустился вечер. Времени до начала ужина оставалось мало, а мы все никак не могли оторваться друг от друга. Когда остался до начала час, мы поспешно стали собираться, вырывая из рук одежду, громко хохоча.

Мы дурачились до прихода Жени, он нетерпеливо звонил в дверь.

Открыв ее, мы предстали в самом невыгодном свете, Руслан в боксерах чёрного цвета, с галстуком на руке, я в футболке и белых кружевных шортах.

Одного взгляда, брошенного точно снарядом на нас, мне хватило, чтобы мгновенно раскаяться.

– Смотрю, вам весело, – чужим и отстранённым голосом произнес Женя, уголки его губ болезненно скривились, на лице застыла маска равнодушия, только глаза выдавали бурю эмоций, бушующих в нём в этот момент.

– Мы скоро, Лера марш одеваться, – скомандовал Руслан.

Женя скрестил руки на груди и присел на пуфик в коридоре, вытянув ноги.

– Мог бы обувь снять для приличия, – укорил его Руслан.

– И это я слышу от человека со стояком, – парировал Женя.

Руслан покраснел и удалился в комнату.

Я тоже поспешно отправилась за ним. Не смотря друг на друга, мы принялись одеваться. Я выбрала красную блузку с короткими рукавами-фонариками и простую джинсовую юбку до колен, колготки телесного цвета и волосы собрала в длинный хвост.

– Я готова.

Руслан в брюках и белоснежной рубашке критически на меня посмотрел:

– Мама тебя переоденет.

– Я плохо одета?

– Нет, просто не для этого ужина, ладно решим походу. Я готов, идем.

– Я не понимаю, для чего мы там?

– Мама тщеславна. Ей нравится хвастаться. Не воспринимай этот маскарад серьезно.

Она думает, что делает благое дело, а мы просто ей подыгрываем.

Руслан захлопнул дверь шкафа, представая передо мной высоким, статным красавцем.

Я восхищено цокнула языком и вышла за ним в коридор. Женя уже стоял возле двери, взявшись за ручку. Ему тоже шел черный смокинг, выгодно подчеркивая светлый тон кожи, светлые волосы непослушно лежали в беспорядке, торча отдельными прядками.

– Готовы? – спросил нас Руслан и, увидев наши уверенные кивки, закрыл дверь.

– По ходу народу-то собралось немало, – констатировал сей факт Женя, подъезжая к дому родителей. Мы отправились в дом родителей Руслана на его машине.

Я испуганно вжалась в сидение, Руслан ободряюще сжал мою руку.

Мы смело вошли в дом, полному незнакомых людей. Мама Руслана встретила нас у порога, критически оглядев меня с ног до головы.

– Нет, милая, это никуда не годится, это ж кошмар! Милая, – обращаясь уже к проходящей мимо девушки в чёрном, – Пойди, пожалуйста, переодень Леру во что-то более подходящее.

Девушка улыбаясь, кивнула.

– Иди детка, – эта фраза уже мне.

Я, проклиная все на свете, поплелась за незнакомкой, мы поднялись на второй этаж.

– Какой у тебя размер?

– 42.

– Тогда надень это, парни оценят, – усмехнулась девушка, – Меня, кстати, Аня зовут.

– Лера, – машинально ответила я, с изумлением смотря на себя в зеркало. Платье спереди было совершенно обычным, воротник кружевом, а сзади... Спина полностью открыта, вырез кончался у копчика.

– Это что? Платье?

– Суперское, причем. Сама бы одела, но нет такой потрясающей фигуры, сейчас еще волосы тебе нужно прибрать и накрасить по-другому.

После манипуляций с косметикой и расческой я не узнала себя. Куда делась моя обычная серая внешность? Губы стали полнее, сочнее, ярче, глаза шире, длинные ресницы чуть не касались лба, волосы Аня мне завила крупными локонами и красиво уложила их вокруг моей головы.

– На сегодня ты мое лучшее произведение. Маску не забудь и иди вниз.

Я схватила со стола, заваленного всевозможными баночками с косметикой небольшую маску, и пошла вниз.

Аня вновь улыбнулась приветливо, поправила свои волосы и выставила меня в коридор.

Учитывая, что мое пребывание в этом доме до данного случая весьма ограничено, я совсем не знаю дороги. В трех соснах заблужусь. Указатели на стенах или план здорово бы облегчили жизнь. Делать нечего, надо каким-то образом найти дорогу назад.

Я остановилась на небольшой площадке возле лестницы, пытаюсь увидеть хоть какого-то знакомого в толпе. Внизу совсем темно. Они экономят на электричестве?

Бесполезно, в полумраке мне это не удавалось, медленно спустилась, придерживая подол платья, еле вышагивая на высочайших шпильках.

Я медленно спустилась, придерживая подол платья, еле вышагивая на высочайших шпильках. Кто-то ухватил меня за руку и приветливо сжал пальцы. В шуме я не смогла распознать голос незнакомца, но почему-то сразу его узнала. Руслан – пропело мое сердце. Воспользовавшись тем, что в танцующей толпе нас никто не увидит, я смело обвила его шею руками и протянула его к себе и поцеловала, соскучившись за все это время.

Поцелуй вышел долгим, головокружительным, прогоняющим тоску и поднимающим над землей. Пальцы моего любимого ласково и нежно касались моей обнаженной спины, сильнее прижимая к себе. Мы не успели насладиться друг другом за целый день, и сейчас захотелось восполнить эту потерю.

Я потянула парня за собой сквозь толпу людей.

Соскользнув в коридор, толкнула дверь в первую попавшуюся комнату. Руслан принялся целовать меня неистово, с жаром, словно это наш последний поцелуй на белом свете, пальцы с остервенением забирались под платье, вызывая дрожь во всем теле.

Мы упали на диван, отчаянно быстро освобождаясь от одежды, мои пальцы яростно стягивали с него брюки, в то время когда на мне из одежды остались лишь трусики и капронки. Парень запрокинул шею, мои губы целовали каждый сантиметр его кожи, пока не наткнулись на что-то металлическое и холодное на шее.

– Что это у тебя на шее, Руслан?

– Цепочка, – ответил машинально Руслан не своим голосом, – Что? Какого хрена?

Парень дернулся от меня словно ошпаренный и мигом зажег свет. Предо мной стоял не мой любимый, а его и мой лучший друг Женя.

– Что ты здесь делаешь? – в ужасе воскликнула я.

– Как это что? Ты сама меня привела сюда!

– Я вела сюда Руслана, а не тебя!

– Кто же из нас врет самому себе? – тихо произнес Женя, и не произнося больше ни звука, схватил свою одежду и поспешно вышел, хлопнув дверью.

Я осталась одна, ничего не понимающая и полностью уверенная, что здесь находилась с Русланом. Глотая слезы, подобрала платье и покинула комнату.

Свет уже включили, кто-то рассказывал о проблемах с проводами. Руслана я заметила в толпе и сразу же к нему подошла.

– Лера, ты, где была? Я обыскался тебя, – с тревогой спросил Руслан, заметив мое подавленное состояние, – Кто это на тебя нацепил?

– Тебе не нравится? – робко спросила я.

– Нравится, просто необычно, тебе такой стиль не идет, – произнес Руслан. Он коснулся моих волос, поправив выбившийся локон назад.

– Хочешь потанцевать?

– Я должна тебе кое-что рассказать. Что-то важное.

– Чего стоите? – спросил откуда-то появившийся Женя, внимательно окинув нас взглядом. От его взгляда мне стало не по себе.

Он осуждающий, словно я одна во всем виновата. Я перепутала, со всяким бывает.

Ему не стоило отвечать на мои поцелуи, и сразу указал бы на мою оплошность. Так нет, целовал...

– Лера хотела мне что-то рассказать, пока ты не явился.

– Правда? Могу я поприсутствовать? Интересная, небось, тема для разговора.

Руслан пристально посмотрел на него, уловив напряженность в его голосе.

– Вы чего опять поругались?

«Скажи ему, если осмелишься», – прочитала я в глазах Жени.

– Я безумно рада, что мы женимся, и у нас все будет хорошо, я люблю тебя и кроме тебя мне никто не нужен, – выпалила я.

Руслан растекся в улыбке, чмокнув меня в макушку.

На Женю я боялась смотреть.

– Тоже мне секрет, скучно с вами, пойду поклеюсь к какой-нибудь симпатичной девчонке, – произнес нарочно парень веселым тоном, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Он поспешно отошел от нас и скрылся в толпе.

– Потанцуем? – вновь спросил Руслан, и я не смогла ему отказать.

После пары танцев и высоких шпилек у меня заболели ноги, Руслан галантно проводил меня до кресла, на которое я упала с блаженством, вытянув ноги.

– Тебе принести попить? – спросил парень и, получив утвердительный ответ, отправился в поиске бара в толпу.

Полумрак меня скрыл от глаз посторонних, поэтому я позволила себе снять туфли и поджать ноги к себе. Чувствуя спадающее напряжение, тело расслабилось. Но недолго длилось мое одиночество, какая-то озабоченная парочка пыталась устроиться на кресле, стоящем спиной к моему. Парень с девушкой страстно целовались, судя по вздохам и чмокам.

– Черт, – воскликнул знакомый голос и раздался грохот. Видимо парочка промахнулась мимо кресла.

– Ты живая?

– Ударилась, но живая. Продолжим? – игриво спросил женский голос.

Вместо ответа опять раздалась чмоки.

Нашли же место, возмутилась я и решительно встала с кресла, повернувшись к парочке лицом.

– Эй, вы тут не одни, – успели произнести мои губы, как замерли. Парочкой оказались Аня и Женя, застывшие в интересном положении.

– Ты что здесь делаешь? – выдавил из себя Смирнов.

– Отдыхаю. Шли бы себе в другое место, – грубо ответила я.

– Легче уйти тебе и дать людям закончить начатое, – парировал в той же тональности Женя.

– И не подумаю, я раньше пришла.

– Смойся с глаз долой уже, – встряла в наш разговор недовольно Аня. Ее рука, решительно, схватив парня за шею потянула его в себе. Тот немедленно освободился, встал с кресла, поправляясь.

– Не груби.

– Понятно. Учти, второй раз я буду недоступна.

Парень коротко хмыкнул.

– Ой, ли. Этот раз который, напомни мне?

– Козел, следующий раз будет, когда я этого захочу, – ответила обиженно девушка и удалилась, виляя бедрами.

Женя развернулся ко мне, прищурившись.

– Светикова, объясни мне, почему ты всегда мне все портишь?

– Места надо выбирать, Смирнов.

– Ааа, кто бы говорил. Ты достала меня сегодня.

– Аналогично, иди, догоняй свою принцессу.

– Не хочу, – тихо произнес Женя, – Есть хочешь? Пойдем хоть подкрепимся, раз секса все равно нет.

– Если я тебя попрошу быть хорошим, ты согласишься?

– Куда же мне деваться. К твоим услугам.

Мы прошли к столам, заваленным едой и бокалами с различным содержимым.

Я выбрала маленький бутерброд с красной рыбкой и ломтиком лимона. Женя критически оглядел мое угощение и взял самую большую тарелку, тарелка быстро заполнилась двумя ломтями пиццы, бутербродами с рыбой, икрой, колбасой, сыром, огурцом, ветчиной, кусочками яблока, груши, пирожками, гроздью винограда, в другую руку парень взял два бокала и бутылку шампанского.

– Зачем так много?

– Я есть хочу, пойдем, найдем место, где поесть можно, – уклончиво ответил Женя, и ловко маневрируя меж танцующих пар, провел меня назад к креслам.

Вдвоем усевшись, мы принялись за методичное уничтожение пищи, запивая все вином, от которого мое лицо покраснелось. Мы кормили друг друга с рук, громко хихикая.

Его рука соскользнула мимо моего рта и пицца, сочащаяся жиром прошла по моей моське. Парень ойкнул и принялся искать салфетку. Я не удержалась и рассмеялась. Мне стало жутко весело после третьего бокала. Парень не смог не ответить на смех и тоже вторил мне.

– Детка, ты наклюкалась, – ласково произнес Женя, аккуратно вытирая салфеткой мою щеку.

– Веселенькое дело. Напоил мою невесту, – сказал подошедший Руслан.

– Прости, я не специально, – сквозь смех извинился Женя. Руслан лишь улыбнулся.

– Может потанцуем? Ммм? – предложила я.

– Танцовщица из тебя как из меня балерина, – хмыкнул Женя.

Я рассердилась, сейчас им покажу. Решительно встала с кресла, поправила платье и неприлично виляя бедрами, пошла вразнос.

Оба парня во все глаза смотрели на меня, танцующую медленно и плавно.

Руслан

Я никогда не видел свою девочку такой, сводящей с ума. В длинном чёрном платье, длинные волосы распущены и струятся вдоль полуобнаженной спины.

Женя, не отрываясь, смотрел на нее, следя за каждым движением стройного тела.

– Хватит пялиться на мою девушку.

– А? – откликнулся друг. Я решительно подошел к Лере и грубо одернул ее за руку.

– Ты пьяна, – проговорил я и увел ее к креслам.

Праздник пора заканчивать. Бедняжку не хило развезло, поэтому пришлось почти тащить ее на себе. Запыхавшись, Женя догнал нас уже возле машины.

– Не злись на нее. Я не хотел ее напоить. Давай отвезу вас домой.

– Я в отличие от вас обоих не пил, так что если у тебя нет других планов, залезай, подброшу тебя до дома.

Женя сунул руки в карманы:

– Не хочу. Пойду найду себе развлечение.

Я пожал плечами и сел в машину, больше не оглянувшись.

Глава 43. Я хочу остаться с тобой

Женя вернулся в дом, где оставалось еще полно народу. Мила увидела его и подошла сама.

– Решилась потряхнуть стариной?

Он провоцировал ее, и она это поняла, но девушка подумала, что не предоставит ему такой возможности.

– Чур я сверху, – ответила она, допивая вино.

Женя криво улыбнулся, вздохнув:

– Хочешь взять реванш? Я сегодня, увы не в настроении. Поэтому предлагаю играть в кто кого перепьет?

Она приняла вызов.

Бармен с легкостью приготовил двадцать рюмок текилы.

Алекс оторвался от разговора с отцом семейства и подошел поближе. Лично он ставил на Женьку, но подозревал, племяшка их всех удивит.

Первую она выпила слегка поморщившись.

Женька приканчивал третью, пока она пыталась не выплюнуть первую назад. Слишком крепко для нее.

– Какая ты сволочь, – прошептала девушка, выпивая вторую.

Сволочь отсалютовал ей седьмой стопкой и неизменной сигаретой в руках.

После восьмой и почти выкуренной сигареты, они пошли танцевать.

– Все, Королева, я как обычно выиграл, что могу получить в качестве приза? – прошептал он ей на ухо.

– Я же сказала, я сверху.

– Куда подевались старые и привычные нравы? Где благочестие у девиц, а?

– Куда— то тебя, Женя понесло совсем.

– Плевать. Пошли спать, я чур у стенки. Это единственное на что способен в таком состоянии. Идем?

Он протянул девушке руку. Мила сощурилась и смело переплела пальцы. Она знала, что в очередной раз ничего не получится, но почему же ей так спокойно рядом? Может, потому что они до смешного похожи между собой?

Она понимает его, видит насквозь: сквозь эту напускную чепуху, этот шик и блеск? Видит насколько ему больно...

Не один Руслан знал своего друга как облупленного, Мила входила в то немногочисленное число, знающих Женьку настоящего.

Поэтому она позвала Алекса и вдвоем они отвезли Смирнова домой.

Мила посмотрела в окно комнаты Вари, именно она открыла им дверь. Бедный ребенок. Она все еще неразговорчива. Мила ухаживала за ней, еще в больнице. Ей никогда не понять, как такое можно пережить и не чокнуться.

Варя пыталась покончить с собой, девушка вытащила ее из самодельной петли и не сказала никому об этом.

Тогда Мила видела, как может рыдать человек: протяжно и безнадежно.

Брат Максим лучший друг Вари, они были ни разлей вода до определенного времени, он пытался прорваться к ней, но его никто не пускал.

Мила не могла объяснить братишке, что сейчас совсем неподходящее время. И навряд ли оно когда-нибудь настанет.

– Какие у тебя планы на остаток вечера? – поинтересовался Алекс уже в машине.

– Отвези меня к нему.

– Уверена? Не пойми меня неправильно, я не мораль тебе читаю. Он мне нравится, хороший парень.

– Сейчас ты именно этим и занимаешься. Мне хватит сомневаться.

Алекс с сомнением посмотрел на племянницу. И не смог рассказать ей про мать и ее обожаемого Петра. Иногда в жизни полезно получить самому урок и сделать выводы. И пускай это будет самый горький.

Вика не звонила ему больше, как поспешно ушла. И он подумал, что тоже получил своеобразный урок... Простая история...

Петр совсем не ожидал увидеть Милу на пороге своей квартиры. Не стал задавать лишних вопросов и молча посторонился в сторону, давая девушке пройти.

Кинув ключи на тумбочку, он уставился на девушку.

И чего ей надо?

Стоит, молчит. Как неживая.

Мила глубоко вздохнула и посмотрела на него своими изумрудными глазами.

После всех событий отношения между ним и ее братом наладились. Они не стали дружественными, нет.

Они стали теплее, человечнее. И сам Петр этому рад. Чего не скажешь о его отношениях с Никой. Тут полный разлад. Чему он тоже рад.

Всего позавчера он удивился звонку Алекса, а тем более его приглашению. И согласился.

У него совсем нет друзей. Толи потому что он сам по себе одиночка, а может потому что на самом деле ему такой дружбы не встретилось.

Разумеется, в детстве у него были друзья, а потом...

Он никогда не признался бы, что в какой— то степени завидует Руслану и Женьке. Между ними не дружба, а родство, они братья, пусть и не по крови.

Алекс встретил его на квартире Королева. Петя никогда разумеется здесь не был.

Они распили бутылку вина и как следствие завели важный разговор:

– Что между тобой и Милой?

– Что между мной и Милой? – переспросил Петя, делая вид, что рассматривает свой стакан.

– Я и спрашиваю.

– А я плохо поддаюсь психотерапии. Вернее, совсем не поддаюсь.

– Ты не подумай ничего. Я просто беспокоюсь за нее.

– Зря. Между нами ничего нет. А вот она два дня дежурила в больнице.

– Это детская привязанность. Ничего другого. Он падает, она поднимает, случается и наоборот. Поверь, и я, и Руслан были бы безумно счастливы, будь их чувства правдой. Но между ними ничего нет. Поверь, я знаю, о чем говорю. Женя – замена ее брату, которого мы все теряем. Может, поэтому мы все так к нему относимся. Взамен одного, получаем другого.

– Это невыносимо.

– Это позволяет выжить. Ей в том числе. Мы всегда воспринимали Смирнова как

родственника. Вот почему она дежурила. Я между прочим тоже.

– Я не знаю, что испытываю к ней. И не уверен, что хочу знать.

– Завязывай с моей сестрой.

Петр покраснел.

– Об этом я тоже не хочу говорить.

– А мне нечего тебе сказать, кроме как заканчивай. Ни к чему тебе эта связь.

– Я ее не предаю, – он с вызовом уставился на оторопевшего Алекса, – Мне не нравится во многом ее поведение, отношение, но я не сделаю ничего, что причинит ей хотя бы малейший вред.

И это правда. Он не мог объяснить почему. Может потому что долгое время, кроме Ники о нем никто не заботился. И сейчас он подумал, что она заменила ему семью. Какое—то подобие. Она не стала бы ставить ему условий и выбора. И точно не стала бы обсуждать с игрушкой свои планы.

Петру невыносимо больно от того, что эти богачи вели себя с ним как на равных, а видели в нем лишь игрушку в чужих руках. Делай то, делай это. Никакой свободы.

И вот самая красивая Принцесса перед ним. Сказать ей да, сделать с ней тоже самое, что с десятками до нее? Но разве на этот раз все не по— другому?

Сказать ей нет и закрыть дверь для того, чтобы она встретила свою настоящую любовь?

Ведь он не изменится. Пусть и попытается. Но не изменится. И стоит ли одна ночь потом ее страхов и ожиданий? А он? Будет сходиться с ума от жрущей его ревности? Видя, как она вновь выходит замуж за кого-нибудь другого? И мысль о том, что он испортил ей жизнь, будет преследовать его?

Он не посмеет коснуться эту прекрасную Розу, единственную Розу в его саду Цветов...

Мила думала примерно о том же. Почему он медлит?

– Пойдешь со мной на свадьбу к брату?

– А как же твой Оливье?

Мила поджала губы:

– Никак. Он согласен на развод.

– Мила, я должен поговорить с тобой. Я не уверен, что нам стоит начинать что— то.

– Почему?

– Я не подхожу к тебе. Ни с какой стороны. Ты принцесса, я... Не смогу изменить свою жизнь. Не потому что не хочу, потому что уже не могу. Я привык жить один, у меня нет постоянной работы, я не смогу обеспечить тебе счастливую и беззаботную жизнь. Понимаешь?

Мила облокотилась на стену, вздернула подбородок вверх, лишь бы не дать волю слезам.

– С чего вы все решаете, что мне делать?

– Я не решаю.

– Я сама хочу выбирать с кем остаться. Сама, понимаешь? Я сама пришла к тебе.

Одинокая слеза грозилась скатиться по ее щеке. Он закусив губу, сдался. К черту!

Она его Роза, нежная, хрупкая, с невесомыми лепестками... Кто если не он сможет сохранить ее Чистоту и Благородство?

Парень ласково и нежно привлек девушку к себе. В ее изумрудных глазах он увидел лишь любовь и решимость. Пусть будет так, как она хочет.

Искры слетали с обнаженной разгоряченной кожи, капельками пота стекали по изгибам

тел, ставшими единым целым. И с каждым стоном, слетающим в унисон с губ, мир исчезал.

Никогда еще утро он не встречал вместе с кем— то. Едва забрежил рассвет, он подмял девушку под себя, боясь, что она растает как сон, окажется воспоминанием.

Мила счастливо улыбнулась, тая под его торопливыми поцелуями.

— Подожди, мне надо в туалет.

— Зачем?

— Представь, принцессы тоже ходят на горшок, — пояснила девушка, смеясь.

— Ага, как же. Ты ускользнешь от меня.

— Я вернусь, ты не успеешь соскучишься.

— Поверю на слово.

Мила хихикнув, выбралась из— под одеяла. Петр мечтательно закрыл глаза. Он никогда не испытывал ничего подобного. Словно воздушный шарик внутри. И рой бабочек.

Девушка вернулась быстро и немедленно сбэгрена в охапку.

— Ты пойдешь на мальчишник?

— Пойду.

— А на свадьбу?

— Не думаю. Я не очень люблю свадьбы.

— Почему?

— Не знаю. Для меня это очень личное.

— Ладно, не переживай. Я замуж не хочу.

Она вроде пошутила, а вроде и кинула камень в его огород.

Парень вздохнул и прижал девушку еще ближе к себе:

— Чем займемся?

— Лера должна прийти и примерить платье. Мама просила помочь.

— И когда я снова тебя увижу?

— В любое время дня и ночи.

— Остайся со мной. Оставь все на потом.

Он чувствовал нависшую над ними тревогу. И не хотел отпускать Милу от себя, стремясь ее защитить, оградить. Ведь стоит ей хоть на секунду покинуть его, все может измениться....

Глава 44. Разве меня спрашивали.

Лера

У моей подруги Светы день рождения. И в честь этого она планировала закатить грандиозный праздник. Она буквально поставила мне ультиматум: либо я приезжаю на ее день рождения, и она приезжает на мою свадьбу, либо никто никуда не едет. Вдобавок, ее нужно забрать и привести к нам.

Я, конечно, очень хотела поехать, поэтому надо срочно переговорить с любимым.

Руслан с Женей ковырялись в гараже. Оба перемазанные с головы до ног, занимались любимым делом всех особей мужского пола.

– Руслан, нас пригласили в гости, – пролепетала я, приблизившись к сосредоточенным парням.

– Да? И кто же?

– У Светы день рождения, вот она нас и позвала.

– Когда?

– Завтра.

– Блин, Лер, я бы с удовольствием, но у меня дела, обещал помочь отцу, съезди с Женькой.

От изумления парень выронил отвертку.

– Со мной? – переспросил он.

– Почему с ним? Нас с тобой приглашают, – возмутилась я.

– Считаю его моим заместителем, одну я тебя не пущу, за 300 км, поедешь либо с ним, либо не поедешь совсем, – отрезал любимый, продолжая ковыряться в машине.

– Э, а меня вообще спросить не надо? – выпалил Женя.

– Что это за условия такие? Я поеду одна.

– Никуда одна ты не поедешь, только с ним.

– Меня что вообще спрашивать не надо? – вновь переспросил парень.

– Можно подумать, ты не хочешь, – ответил наконец – то ему Руслан, – Вам пора отдохнуть, вот и съездите. Вопрос закрыт.

Я психанула и ушла в дом. В гостиной сидела и делала вид, что смотрит телевизор Варя.

– Извини, не хотела мешать тебе, – пробормотала я и хотела ретироваться, но Варя неожиданно ответила.

– Ничего, можешь посидеть со мной.

Делать нечего, я присела на краешек дивана. Варя выглядела хорошо.

– Что поругались? – с участием спросила она, не отрывая взгляд от пустого экрана телевизора.

– Ага, командует еще. Нас пригласили на день рождения, он не может поехать, отправляет твоего брата нянчиться со мной, – обиженным тоном поделилась я.

– Твоим друзьям он понравится, не переживай. Женя уверенно себя держит в любой компании.

– Я хотела познакомить их с моим женихом, а не другом.

– Ааа, значит, вот какая у вас дружба, я – то думала, чего вы целуетесь, а вы вот, оказывается, дружите, – ядовито заметила Варя, чем вызвала краску на моем лице.

Это случай произошел три дня назад, после того самого приёма. Я на следующее утро

зашла к Жене за телефоном, который он в тот вечер забрал с собой совершенно случайно, а мне взамен оставил свой. Подмену я обнаружила с утра, мучаясь головной болью.

Он встретил меня в отличном настроении, слушая на весь дом музыку, разгуливая в серой облегающей футболке и спортивных штанах.

Я, молча, протянула ему телефон. В итоге мы крепко повздорили, обвиняя друг друга во всех смертных грехах, потом Женя едва снова меня не поцеловал, и в этот момент вошла Варя.

– Я лично ему только друг.

Девушка криво усмехнулась.

– Тогда я балерина.

– Кто балерина? – осведомился Женя собственной персоной, – Когда едем? Надо шмотки собрать.

– Ты сначала их разбери, валяется целая куча в комнате, не понять где чистое или грязное, – ответила ему сестра.

– Я не делю одежду на чистую и грязную, у меня несколько промежуточных вариантов, – отразил удар Женя, хитро улыбаясь.

Руслан вел себя отчужденно, лежал на диване и слушал музыку в наушниках.

Я села рядом, намереваясь поговорить. Любимый не обращал на меня никакого внимания.

Пришлось действовать решительно. Я осторожно потянула за провода. Руслан вынул один наушник и вопросительно взглянул на меня.

– Ты долго будешь еще меня наказывать?

– Я тебя не наказываю.

– А как же объяснить твоё поведение?

– Какое?

– Тебя словно нет со мной рядом. Еще и эта нелепая поездка. Почему ты отправляешь меня со Смирновым? Я никуда не поеду.

– Лера, мое настроение никоим образом не относится к тебе. И ты поедешь.

– Неужели все из— за того платья и вечера? Ты все еще злишься?

Руслан закусил нижнюю губу:

– Так себя не ведут. Ты вела себя отвратно. За платье я уже все высказал матери. Лера, ты знаешь почему я с тобой?

– Потому что любишь.

– А еще потому что ты не похожа ни на одну девушку из моего окружения. А на том вечере ты вела себя так же как любая из них.

– И это стоит нашей ссоры?

– Я не ссорюсь с тобой. Констатирую лишь факты. Ты спрашивала, почему я расстался с Кристиной. Теперь отвечу, потому что она такая же как большинство. Это в ее духе напиваться, куралесить, расхаживать в подобных нарядах и так далее. Ты едва не стриптиз танцевала на виду у всех. Скромность— твоё главное отличительное качество.

– И ты расстался с человеком из— за такой ерунды? Платья?

– Я расстался с ней, потому что она мне надоела. Не делай подобной ошибки и все будет в порядке.

Я во все глаза уставилась на него. А он невозмутимо продолжил слушать музыку и закрыл глаза. Мне необходимо поговорить с этой Кристиной, и я знаю, кто мне поможет.

Мила не отказалась мне помочь, хотя и выразила сомнение, что Кристина захочет со мной встретиться.

Как бы там не было, номер она мне дала, и я написала девушке сообщение.

Ровно в семь она пришла в наше любимое кафе.

– И что ты хотела?

– Поговорить.

– О чем нам с тобой разговаривать?

– Я хочу спросить про ваши отношения с Русланом.

– И ты думаешь, я стану разговаривать о личном с тобой?

Кристина встала со стула и намеревалась уйти, когда я вновь спросила:

– Ты же знаешь, что он болен. Поэтому вы расстались?

Девушка прикусила губу и молча ушла. Я растерянно смотрела ей вслед. Больше мне точно никто ничего не расскажет.

Руслан

Я давно не видел его взбешенным. Обычно это мое состояние. А тут Смирнов дубасил грушу, как сумасшедший.

– Не хочешь сказать, чего бесишься?

– Хочу! О, я много чего хочу сказать!

– Например?

– Какого хрена ты посылаешь ее со мной? Что это за испытание?

Я скрестил руки на груди.

– Не хочу, чтобы она ехала одна. В чем проблема?

Еще удар по груше и боюсь, она не выдержит.

– А в том, что я не железный! Я не могу больше! Вот, честно, Руслан. Это сильнее меня.

Я на грани.

– Я не хочу ехать. Не хочешь ты и она не поедет. Подуется и перестанет.

Женя остановился и внимательно на меня посмотрел.

– Мы опять за старое, да?

Я качнул головой и пожал плечами.

– Я тогда поеду. Но учти, вся ответственность на тебе.

– Вернетесь завтра. Дай мне всего день. Мне это нужно.

– Я думал, она— все, что тебе нужно.

– Я тоже так думал.

Ровно в пять утра мы уже готовы. Руслан проводил нас до машины, чмокнув меня в макушку.

– Аккуратнее там, – попросил он. Я поцеловала его в ответ в щеку и села в машину, на прощание, помавав любимому.

На улице еле горели фонари, мы проезжали по сонным улицам города, мимо домов, в которых не горел свет.

Всю дорогу парень молчал, слушая громко радио, иногда тихонько подпевая. Я в свою очередь дремала.

Один раз мы останавливались в кафе, пили кофе с булочками. Дорога заняла у нас четыре часа, причем особо Женя не разгонял машину. Наконец— то показался город. Нас уже встречали, ошалевшие ребята принялись обнимать меня и целовать, едва я открыла

дверцу.

Праздновать день рождения Света собралась в коттедже на берегу озера.

Мой сопровождающий без капли стеснения вышел из машины и со всеми поздоровался, обменявшись крепким рукопожатием. Света уставилась на него во все глаза.

– Женья, – представился он.

Ребята переглянулись между собой. Я поспешила прояснить ситуацию.

– Это Женья, родственник по папашинной линии, мы троюродные брат и сестра, мама навязала. Руслан не смог приехать, дела какие— то важные с отцом.

При слове «брат» у Жени изогнулась бровь, и хитрая усмешка появилась на губах.

– Значит, можно спокойно селить вас вместе, ваша комната на втором этаже, – произнесла Света.

Лучше бы она этого не говорила. Потому что в этот же момент Женья поинтересовался:

– А кровать там одна?

– Одна, к сожалению.

– Жаль, а то Лерка ужасно храпит, – он лукаво улыбнулся, кривя идеальные губы. Я с возмущением фыркнула, и он мне подмигнул. От шока я не нашлась с ответом.

Мы болтали с девчонками до вечера, суется на кухне. Я помогала крошить салаты,

– Твой брат с кем— то встречается? – с интересом спросила Света. У нее вечные проблемы с парнями. Она постоянно выбирала недоступную жертву.

– Лучше посчитать тех, с кем он не встречается, жуткий бабник, – ответила я с непонятной злобой.

– Зато красивый, – Света подперла ладонями лицо и мечтательно смотрела на Смирнова.

Я фыркнула ей в ответ.

После бурного и изобильного обеда мы сидели у костра, хохоча во все горло, вспоминая студенческие годы.

Женья сидел со мной рядом, перебирая мои волосы пальцами.

– Я же обещал быть хорошим, вот и держу свое слово. Я хороший, твои друзья в восторге, даже на рыбалку летом пригласили.

– Тебя?

– Ну да, я согласился, между прочим. Мне твои друзья тоже понравились. Надеюсь, ты не против?

– Нет, с чего мне быть против? – пожала я плечами, – Ты хороший человек.

– Да? Но не лучший, да?

– При чем тут это?

– Я хороший, но недостаточно хорош для тебя, так?

– Ты опять переворачиваешь все с ног на голову. Мы же договаривались с тобой.

– Я помню. Но это ничего не меняет по отношению к тебе. Я могу сколько угодно говорить, что ты мой друг, но суть останется той же.

– Прекрати, я не хочу ссориться.

– Ладно, будь тоже хорошей и съешь яблочко. Пойду, подкину еще дровишек в костер. Хочешь пойти со мной?

Я, молча, кивнула и поднялась на ноги. Люблю быть на природе. Пахнет свежестью, прохладой, лесом. На улице октябрь.

Мы медленно прогуливались по лесу, собирая упавшие ветки. Я мягко наступала на

влажный мох, кроссовки не оставляли на нем следов.

Женя насвистывал мотив неизвестной мне песенки. Парень уверенно шагал меж деревьев, с легкостью перелезая через упавшие. Он набрал целую охапку.

– Возвращаемся? – спросил парень.

Мы вернулись к коттеджу. Ребята мирно сидели за столом. При виде нас они заулыбались и заметно оживились.

Я теперь сидела возле девчонок, подпевающих Жене. Он пел проникновенным голосом, изящные пальцы бегали по струнам гитары. Свежий воздух разморил меня, не было сил держаться на плаву и не заснуть.

Наскоро попрощавшись со всеми и отказавшись от сауны, я, поеживаясь, двинулась в сторону домика.

– Замёрзла? – с теплотой в голосе заметил Женя. Он накинул мне на плечи свой свитер, пахнувший им самим и костром.

– Идешь спать? – будто невзначай поинтересовался он.

– На природе клонит в сон.

– Ты меняпустишь к себе или мне сразу ночевать на улице?

– Приходи, – пожалала я безразлично плечами, – Только потихоньку.

Я развернулась и, придерживая свитер, ускорила шаг. Забравшись на второй этаж, вошла в спальню, отведенную нам. Ребята, думая, что приедем мы с Русланом постарались украсить номер шариками.

До самого Руслана невозможно дозвониться, связь отсутствовала. Почти сожалея о поездке, я приняла душ, и, накинув шорты и топик с широкими лямками, с головой накрылась одеялом.

На улице компания и не думала расходиться, судя по взрывам хохота и песням, которые хором пели все.

Сон не шел. Полчаса я ворочалась на непривычном месте. Подушка плоская, одеяло слишком легкое, сам матрас скрипучий. Ворчу себе под нос как старая бабушка.

Ребята пошли в сауну, девчонки, судя по голосам, пошли спать, а парни просидели часа два в сауне, хохоча. Особенно выделялся хохот Жени и Кириллы. Похоже, эти двое нашли друг друга.

Наконец— то устав ковыряться в телефоне, я стала засыпать. Сквозь полудрему увидела фигуру Жени. Он мягко опустился на кровать, которая предательски заскрипела.

Сон совсем сморил меня.

Глава 45. Почему ты пытаешься меня переубедить.

Лера

Наступило утро. Я проснулась в чьих— то крепких объятиях, сначала не поняв в чьих, чувство блаженности захватило меня, потом резко напугало.

С чего он меня обнимает? По какому праву? Но так хорошо, легко мне, согретая его теплом, спокойным дыханием, мое сердце радостно встрепенулось.

– С добрым утром, – прошептал на ухо Женя. От звука его голоса меня бросило в дрожь и, повернувшись к нему, я увидела его посвежевшего, с мокрыми волосами, с безмятежной улыбкой на лице.

– Почему ты всегда идеален с утра? – вырвалось у меня.

– Я таким родился. Не моя вина.

– Вот уж дудки, – возразила я и приподнялась на локте, взлохматив волосы. Парень покраснел и кашлянул. Я с удивлением посмотрела на него.

– Чего не так?

– У тебя лялочка спала с плеча, – сдержано пояснил парень, не отводя от меня горящего взгляда. Я поспешно вернула ее на место и встала с кровати.

– Завтракать будешь? Кофе нет, поэтому только чай с печеньем.

– Я умоюсь и приду, – пообещала я и бегом отправилась в ванную.

Проторчав там минут 10 и придя в себя, я застала парня, купающегося в солнечных лучах. Он был без футболки, в джинсах, еле державшихся на узких стройных бедрах, от пупка вниз шла полоска светлых волос через упругий и абсолютно плоский живот. Я остановилась в нерешительности.

– Ты чего так смотришь на меня?

– Ты красивый, – выпалила я, не думая и вспыхнула до корней волос. Парень приоткрыл идеальный рот и взлохматил волосы.

– Спасибо, – ухмыкнулся он и подошел ко мне. От его проникновенного взгляда в горле пересохло. Сил сопротивляться нет, я зачарованной лягушкой смотрела на коварную красивую змею.

Парень подошел ко мне вплотную, смотря сквозь пушистые ресницы.

Его глаза гипнотизировали. За него не нужно бояться, он не умрет в любой момент, когда меня нет рядом. Он здесь живой, пылающий отменным здоровьем, без страха и сомнения смотрящий перед собой. Может в другой жизни мы могли быть счастливы, хорошей парой, пока он не разобьет мне сердце.

Он живой и шикарный, но ненадежный. Один из тех парней, что разбивают девичьи сердца и потом попирают любовь, пройдясь сапогами по разбитому сердцу как по крошащемуся стеклу...

Не в силах сдержаться, я прильнула к нему. Парень оторопел и тут же раскрыл свои объятия.

Его губы нежно и едва касаясь моего лица порхали от лба до губ. Руки забрались под топик и требовательно привлекли меня еще сильнее. Жар между нашими телами усиливался, разгораясь все сильнее и сильнее. Дыхания не хватало, в кратких перерывах я судорожно хватала воздух. В тех местах, где моя обнаженная кожа соприкасалась с его, она начинала пылать неуправляемым огнем. Мы слишком близко друг к другу.

– Ни хрена себе, – послышался вскрик Кирилла. Мы испуганно вздрогнули и обернулись на пребывающего в шоке Кирилла.

– Вы же это родня.

– Считай, у нас так принято, – раздражено заявил Женя. Руку с моей талии он не вздумал убирать, другая рука тем временем спокойно лежала на моем бедре.

Зато я довольно решительно убрала руки с его тела и мягко освободилась от его. Стало стыдно, интересно мы видимо выглядели со стороны, шок Кирилла, считавшего нас братом и сестрой предсказуем.

– Пипец, ребята, – только и произносил он, стоя в дверях.

– Подожди меня здесь, – бросил мне Женя, накидывая толстовку на голое тело и уже Кириллу, – Пойдем выйдем.

Парни вышли, я растеряно села на кровать. Мысли спутались, и сама себе не доверяла.

В дверь постучали. В проёме показалась Света.

– Ты уже завтракала? Если нет, пойдем со мной, торт есть.

– Я сейчас спущусь, – ответила я машинально и продолжала сидеть, безучастно смотря вокруг.

Света ушла, грузно ступая по деревянному полу. Вернулся Женя, обдав меня дымом.

– Все нормально, я с ним поговорил.

– Что ты ему сказал?

– Правду. Мы, не родня с тобой, но я тебя люблю.

– Зачем? Надо было соврать, – не обращая внимания на последние слова, возразила я.

– Думаешь, ему легче было принять кровосмешение, чем мою любовь? Он хороший парень и сказал, что никому ничего не расскажет. Это останется между нами, как всегда.

– Что значит как всегда? – взвинулась я, чувствуя вину за все происходящее.

– Ты же ни о чем не рассказываешь своему жениху?

– Он не только мой жених, но и твой друг, что ты сам ему не признаешься?

– В чем? В том, что его девушка постоянно провоцирует меня?

– Я тебя провоцирую?!

– А кто целовал меня на вечеринке и почти занялся со мной сексом? Кто? Кто постоянно носит короткие платья, едва прикрывающие бедра? Кто в здравом уме ложится спать в полупрозрачном белье? Кто?

– Уж кто бы говорил! Ты сам постоянно ходишь полуодетым нараспашку, аж трусы видны, кто накинулся на меня тогда в кухне?

– Если бы ничего не хотела, ничего бы не было.

– Прекрасное оправдание, надо записать себе.

– Признайся, тебя тоже тянет ко мне и станет легче.

– Ничего подобного я не собираюсь признавать. Ничего меня не тянет, а если и тянет, то точно не к тебе!

– Докажи мне обратное, – прошипел парень со страстью в голосе. Он налетел на меня как ураган, сместив к стене.

– Докажи мне, что не хочешь меня, ничего не чувствуешь, когда мы вместе и я клянусь, никогда больше пальцем не дотронусь до тебя.

Я испуганно взирала в его пылающие возбуждением глаза.

– Пусти меня, – попросила я кротко. Парень не ослабил хватку.

– Я хочу это услышать и отстать от тебя навсегда. Скажи мне это четко, что я тебе не

нужен, наступи на мою гордость, и я уйду, забыв про твое существование, которое отправляет мою никчемную жизнь. Я не могу видеть вас вместе, каждый раз, когда ты в его объятиях, мое сердце разрывается от ревности, мне не хватает воздуха, лишь всего в сантиметрах от тебя я дышу полной грудью. Неужели ты не видишь, как я сгораю возле тебя?

– Ты не имеешь права так говорить со мной, ты ничего не знаешь обо мне.

– Я знаю о тебе достаточно, чтобы любить. В школе ты сидела за первой партой, прилежная ученица, с косой, училась на одни пятерки, закончила школу с золотой медалью, единственная не только в своей параллели, но и первая за 10 лет, идеальная ученица, в школе ты носила вязанные смешные платя, любимое место— окно угловое на втором этаже. Про универ ничего не могу сказать, тогда я упустил тебя из виду. Что я еще не знаю о тебе?

– Не впечатлили эти.

– Ты любишь кофе с молоком в пропорции 1:4, терпеть не можешь корицу и когда я целую тебя в шею, твое тело начинает сотрясать мелкая дрожь.

– Откуда ты так много знаешь про школу? Наводил справки?

– Зачем оно мне? – удивился парень, – я закончил школу на три года раньше тебя, конечно на отрицательных мальчиков ты не обращала внимания. Меня постоянно выгоняли со школы, потом назад принимали. Поэтому ты меня не помнишь, Руслана – то ты конечно помнишь?

– Помню.

– Кто бы сомневался.

– Я тебе не верю.

– Разве я прошу о вере? Я прошу любви, прошу открыть глаза, снять пелену с них, наконец— то прозреть и увидеть меня настоящего. Я могу поцеловать против твоей воли, но не хочу.

– Оставь, потому что я люблю другого.

– Я ведь могу и по— другому, – его глаза потемнели и сузились.

– Возьмешь меня силой? Животное.

Слова прозвучали как пощечина, звонко в ждущей тишине.

Парень наклонился ко мне, от него пышущего жаром стало не по себе. Не промедлив ни секунды, он схватил меня за руки и поднял их над головой.

– Я хочу домой, отвези меня домой. Хватит с меня праздников, – попросила я шепотом, не владея своим голосом. Он в миг остыл и отпустил меня.

– Хорошо, поедem домой. Нужно вещи собрать и сказать ребятам, пойду скажу.

С этими словами Женя вышел, плотно закрыв дверь за собой.

Я сползла по стенке.

Домой мы поехали нескоро. Женя словно нарочно тянул время. Я звонила Руслану, он велел мне ночевать дома, он сам остался у родителей. Света с нами не поехала.

В итоге мы остались до вечера и, попрощавшись с ней, сели в машину и отправились в обратный путь, в дороге не обмолвились и словом.

Поэтому три часа я проспала, пока Женя бешено гнал машину.

У моего дома он остановился. Я от внезапной остановки проснулась.

– Приехали?

– Да, – буркнул парень.

– Тогда я пошла, пока, – хотела попрощаться я.

– Подожди немного, могу я пройти с тобой?

– Зачем?

– Увидишь. Так можно или нет?

Коротко кивнув, я пошла к дому, не оглядываясь. Парень проследовал за мной, позвякивая ключами. Мои родители в последнее время не жили дома, мама гостила у тётки, папаша же скрылся в неизвестном направлении.

В доме пахло цветами, щелкнув выключателем в коридоре, я замерла. Весь пол начиная от двери уставлен букетами белых роз.

– Руслан, – прошептала я и бросилась в комнату, совсем забыв про хранящего молчание Смирнова.

Комната пуста, лишь цветы находились в ней.

– Откуда столько? Зачем он тратился? – задала я вопрос.

– При чем тут он? – возмущено спросил Женя, – Вообще— то это мои цветы.

– Твои? – переспросила я, удивленно смотря на оскорблённого моим вопросом парня.

– Да моими. Думаешь, только Королев может дарить тебе цветы?

– Но зачем? Я же не просила, – тихо произнесла я, уставившись на него.

– Мне не нужен повод, чтобы подарить тебе что— то.

– Спасибо, – произнесла я и наклонившись, поцеловала его в щеку. Он сразу же выпрямился и взял меня за руку.

– Ты будешь спать?

– Можешь остаться, но веди себя прилично.

– Я само совершенство, – ответил Женя и порывисто обнял меня. Подержав пару минут в своих объятиях, отпустил.

– Посмотрим кино?

– Как хочешь, я спать. Устала на сегодня.

С этими словами я пошла в душ, затем вернувшись, легла на кровать. Женя к тому времени лежал на моем старом диване, закинув руки под голову. Футболка задралась, полоской обнажая живот.

– Почему с тобой мне всегда комфортно? – спросила я.

– Возможно от того, что мы с тобой половинки одного целого, – задумчиво ответил парень.

Послышался звук падающих капель воды. У нас ветхий и старый дом, поэтому слышимость в нем идеальная. Дождь припустил, затарабанив теперь в полную силу.

– Люблю дождь, – произнесла я.

Женя не меняя положения, ответил:

– Я тоже. Варя, кстати сделала аборт вчера. От этого я чувствую себя еще большим убийцей.

Мы не поднимали ранее этой темы. Я приподнялась на одном локте.

– Для чего все это? Ты же знаешь, я его не брошу. Зачем ты так настойчиво стараешься меня переубедить?

– Не знаю. Я с самого начала был против. Не против тебя, естественно, а против любой девушки в общем. Когда Руслан мне рассказал, что познакомился с девушкой по имени Лера, я и предположить не мог, что это ты, та девочка в вязаном сером платье с двумя косами, что я знал со школы.

– Я думала, ты ненавидишь меня.

– Глупости, я никого не ненавижу, тем более тебя. Мне жаль, что я не могу оградить тебя от всего этого.

– Когда ты рядом, кошмары меня не мучают.

– Значит, я твой личный отпугиватель кошмаров. Я просто чертовски привлекательный и о них ты не думаешь рядом со мной.

– Откуда у тебя такая уверенность в собственной привлекательности?

– Я таким родился. Мистером совершенство, – усмехнулся парень.

– Привык, что девчонки от тебя без ума, да?

– Глупости, это не привычка, а животный магнетизм. Есть что— то во мне, не отрицай.

– И не буду, ты хороший, когда не прикидываешься безразличным, – произнесла я сонно.

– Спеть тебе колыбельную? Правда, вою я как волк. Уши заложишь, услышав мое пение.

– Тебе хотя бы иногда бывает стыдно?

– Хм, – задумался парень, – Возможно, иногда, но не так часто как хотелось. За что мне должно быть стыдно?

– Дурак. Ты вроде собирался петь?

– Для начала я должен хорошенько разозлиться, чтоб побороть смущение.

– Тебе это чувство незнакомо.

– Ты просто завидуешь.

– Мне принести тазик, на тот случай если меня стошнит?

– Тащи два, не исключено, вытошнит нас обоих.

Я улыбнулась против своей воли.

– Ты улыбаешься, хороший признак, я почти прощён?

– Пой, шут гороховый.

Женя запел песню бременских музыкантов «Луч солнца золотого».

– Серьезно? Эту песню ты мне хотел спеть?

– Нет, у нас даже группа своя была, знаешь, как называлась?

– Неа. Как?

– Грязные отбросы. Не спрашивай почему. Нам так хотелось. Я играл на гитаре и был солистом, Руслан на пианино, Леха на ударных, Оксана – на бас гитаре. Оксана разломала его барабанную установку, когда носила Никитку. Злая была как черт, – парень улыбнулся, погруженный в воспоминания.

– Почему у тебя нет детей? Почему не женился до сих пор?

Вопрос застал его врасплох.

– Не задумывался об этом, прецедентов не возникало.

– Неужели никогда не хотелось жениться, завести детей?

– Хотелось, – прошептал Женя, смотря на меня, – но она занята, замуж скоро выходит.

Представь себе иронию.

– Мне надо выбрать себе платье завтра, пойдешь со мной? Люда и мама Руслана заказали больше 20 платьев, я боюсь, – предложила я. Мне действительно боязно идти в большой дом одной.

– Не хочешь взять с собой Руслана? Или пусть Люда тебе поможет.

– Я задушу ее, она меня раздражает. А жениху видеть платье до свадьбы нельзя.

– Знакомое чувство. Зачем вам весь этот блеск? Я бы обошелся без него. Женился бы в

простых джинсах, в футболке с бабочкой и увез бы жену на мотоцикле.

– Ну и фантазии, мне казалось, тебе нравится все такое пафосное, с шиком.

– Ты плохо меня знаешь, шик и блеск не для меня.

– Странно, я думала, ты именно такой.

– Просто при тебе я стараюсь быть лучше, чем есть на самом деле. Ладно, схожу с тобой, раз ты такая приставучая.

Я запустила в него подушкой. Парень прыснул от смеха.

Глава 46. Кривое зеркало

Мила пришла домой в очередной раз под утро. Они с Петей проводили все время вместе. Девушка почти не появлялась дома.

И вот сегодня пришла за вещами, чтобы окончательно переехать в квартиру Петра. И дома ее ждала мама. Если бы взглядом можно убивать...

– Понравилось тебе?

– Ты о чем, мама?

– Понравилось тебе? Я спрашиваю!

– Мам, ты как себя чувствуешь?

– Ты думаешь, ты ему нужна? Ты? Замарашка, неудачница? Да у него таких полно! Ты думаешь, что в чем — то можешь превзойти меня?

Мила недоуменно уставилась на теряющую благородную маску, мать.

Ника подскочила к ней словно дикая кошка и намеревалась надавать пощёчин.

– Как ты смела?! Он мой, понятно тебе, *ука?! Это мое! Я не люблю, когда трогают мои вещи!

Ника занесла руку для удара, когда ее руку перехватил муж.

– Не смей трогать мою дочь!

Руслан

Я стоял в дверях, лениво наблюдая за происходящим. Удивляться совершенно нечему, кроме реакции отца. Да и лицо матери тоже стояло запечатлеть. Милая семейка монстров.

Мила вскочила с места:

– Ты объяснишься наконец? Что с тобой, мама?

Мама, казалось, впала в ступор. Раньше она все делала безнаказанно, теперь же надеюсь, отец примет мою сторону. Увидеть истинное лицо своей дражайшей половины?

Он к такому не готов.

Кроме меня, здесь все жили иллюзиями.

Мы все играли в счастливую пародию настоящей семьи. Кривое зеркало. Даже оно не показало всей нашей порочности.

Сестра оглянулась и заметила меня.

– Руслан! Что происходит?

Мне не хотелось говорить ей правду.

Хотелось увидеть, как это скажет Вероника. Последняя явно не готова к этому. Признаться после стольких лет? Это тяжело даже для нее.

– Да, я тоже хочу послушать, – ответил я, глубоко вздохнув. Она никогда не простит мне этого. Хотя мне в принципе уже все равно. За себя я уже отомстил.

– Ника? – не своим голосом позвал отец.

Мать дернулась как от удара. Я же ждал в предвкушении.

– Она ведет себя как потаскуха. Замужем, а шляется черти где, – выдавила из себя Ника.

Отца данное объяснение не устроило. Ведь он слышал намного больше, чем надо.

– Я за ней этого не замечал. Она взрослая уже и имеет право на личную жизнь. Я жалею, что промолчал, когда ты придумала этот нелепый брак с лягушатником! Тебе же

хотелось породистого зятя! А у них не сложилось!

– Сказать почему? – мама пошла в атаку.

– Почему? – спросила Мила.

– Потому что твой любимый Петя подстроил его измену! Потому что я ему заплатила за это!

– Я не понимаю.

– Чего тут понимать? Спал он с тобой за мои же деньги! Это тебе понятно?

Я видел лицо отца. Все кончено. Можно считать, он сделает все как я хочу.

Сейчас я думаю о том, что как бы не ненавидел себя за то, что и во мне течет кровь моей матери, сейчас она могла бы мной гордиться. Вырастить подобное себе не каждому дано. Не все ее надежды сбываются. Она ставила не на того ребенка.

Сестра растерянно посмотрела на меня, ища защиты. Жаль, что так все вышло с ней.

Отец почти выбежал из гостиной. А Мила упала на диван, закрыв лицо руками.

– Ты доволен? Доволен? – крикнула мне Ника, выбежав за отцом.

Успокоить мне сестру нечем. Разбитое сердце вновь не склеить.

– Ты знал?

Я пожал плечами.

– Не наделяй глупостей. Я уверен, что он раскаивается.

– Замолчи. Ни слова больше.

Я обнял сестру, она закрыла руками лицо и беззвучно плакала.

Веселенькая у меня намечается свадьба...

Я вздохнул. Хорошо, что Лера не застала этой отвратной сцены.

Разумеется, Дмитрий знал о ее похождениях. Он мог сделать так, что ни одного бы ее любовника никогда не нашли на всем белом свете. Но она бы огорчилась.

А больше всего этот сильный мужчина боялся ее расстроить. Их разница в возрасте, трое детей и ее неувядающая пока красота не позволяли ему обрушить небо.

Он часто думал о этом. И порой едва сдерживался. И все— таки ничего не делал, получая укор в глазах старшего сына. Руслан всегда был его совестью.

И в этот трудный период для всех опора его жизни рушилась. Он ничем не мог помочь своему первенцу, и осознание собственного бессилия заставляло его забыть обо всем.

И все же стоило что— то предпринять, пока все еще не настолько запутано.

Дмитрий думал о разводе, когда все кончится. У него готовы документы на переезд в другую страну, вместе с дочерью и младшим сыном. Он знал о замысле Руслана и поддерживал его.

Не все ли равно, что будет потом? А быть может эта маленькая девочка нуждается в этих проклятых деньгах больше, чем он сам?

Что он имеет, находясь на 65 году жизни? Трое прекрасных детей. Его гордость. Его опора. И все рушится. Все.

И он ничего не может. Ничего.

Любовь женщины оказалась кошмаром. Любовь детей Божим даром. Жаль. Все работал, жил без оглядки и вот.

Осиротевший. И постаревший на сотню лет глубокий старик...

И если сын просит его об одолжении, почему он не может ему помочь? И тем более очень хотелось посмотреть на реакцию Ники.

Глава 47. Ладонь на ладони

- ... – Я буду плакать о тебе, – вздохнул Лис.
– Ты сам виноват, – сказал Маленький принц, – я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...
– Да, конечно, – сказал Лис.
– Но ты будешь плакать!
– Да, конечно.
– Значит тебе от этого плохо.
– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо...

Лера

Я физически ощутила его боль. Он не мог подойти, и обнять меня и это было невыносимо для него. Я снова сделала ему больно. До каких пор пытка любящего сердца будет продолжаться? Сколько еще пройдет времени, прежде чем его сердце перестанет пылать любовью и страстью ко мне? Что-то подсказывало, еще не скоро оно остынет.

Женя позвал посидеть в кафе. Сначала я не хотела идти, Руслан как раз собирался к родителям, меня с собой не брал. Поэтому мне в принципе было нечего делать. Мы раньше чаще гуляли, но в связи с прошлыми событиями я старалась сидеть дома, во-первых, из-за тех же событий, а во-вторых; хотелось быть ближе к Руслану, и без сомнения, в-третьих; такое вынужденное поведение держало Женю на расстоянии.

Я сидела на скамейке в новом лиловом пальто с вышитыми лилиями по подолу, Руслан подарил его взамен того безнадежно погубленного. Женя стоял неподалеку, держа руки в карманах. Он снова стал пижоном с этим ярким желтым платком на шее и в черной кожаной куртке, на голове шляпа с короткими полями.

В воздухе пахло весной, пахло едва пробуждающейся природой, зелеными почками сирени, маленькими травинками. Ярко светило солнышко, согревая все вокруг.

Я мельком взглянула на хранившего молчание парня. Он задумчиво смотрел себе под ноги, прислонившись к фонарному столбу, едва замечая происходящее вокруг. Скулы еще больше заострились, карие глаза окружали тени, пухлый и волевой рот сурово сжат. Мне бы сейчас проникнуть в его мысли, протянуть руку к нему, утешить его страдающее сердце, прижаться к теплой коже, пахнувшей нотками мяты и лимона... Я бы могла прогнать грусть с его лица, унять боль в сердце, возродить его одним единственным словом, просящимся на губы...

Светило солнце, а между нами царило царство тьмы и льда. Легко перейти грань между дружбой и любовью, но путь назад извилист и труден. Мне проще считать его другом, чем признаться в своих чувствах. Легче причинять боль, чем дарить любовь.

– Я закурю, ладно? – спросил разрешения Женя и достав пачку сигарет с наслаждением затянулся. Видя, как его губы слегка прикусывают фильтр сигареты, лениво выпуская дым, на ум пришло воспоминание о наших поцелуях, я поспешно отвернулась.

Для чего мы тут сидим? Договаривались ведь просто посидеть в кафе, так нет, Жене понадобилось в который раз поговорить со мной. Ему требовалось разобраться в себе или мне в себе? Зачем эти встречи, когда мы оставались вдвоем, выясняли долго и упорно наши

отношения, которых не было, ссорились, орали друг на друга, затем, едва не срывая одежду с тел, отчаянно целовались, словно в последний раз видимся, словно мир рушится вокруг и только касание наших тел и губ может спасти мир от разрушения?

– О чем ты думаешь? – спросил Женя, напряжение из его голоса ушло. Я повернулась к нему:

– А ты? Для чего мы здесь?

– Я скучал, – пожал плечами Женя, он сделал обиженный вид на то, что, по его мнению, это было очевидно и нормально в нашем положении.

– Сказать об этом дома ты не мог или по телефону?

– Я постоянно об этом тебе говорю, дома мы не бываем вдвоем, дома ты невеста моего лучшего друга, а здесь наедине со мной, мы оба принадлежим друг другу. Мы равны перед этим небом.

– Женя, ты опять за старое, мы же обо всем договорились с тобой, – я вздохнула и прямо посмотрела на него с укоризной. Карие глаза, не мигая, смотрели, прося ничего не говорить.

– Я помню, ты просила. Но у меня есть оправдание.

– Какое на этот раз?

– Я скучаю. Скучаю, не успев попрощаться с тобой. Скучаю, здороваясь и видя тебя каждый день. Я мучительно скучаю по тебе. Неужели ты не видишь, как я умираю возле тебя?

Я вдохнула поглубже, ему опять нужно все объяснять.

– Женя, я выхожу замуж.

– Но пока-то ты не замужем, и можешь побыть немного моей, хотя бы чуть-чуть.

– Наш разговор бессмысленно продолжать, пошли, выпьем кофе, и потом ты проводишь меня домой, хорошо?

– Хорошо, за руку мне тоже нельзя брать тебя?

– Можно, – разрешила я и сама протянула ему руку. Парень легко прикоснулся к ней и тут же крепко сжал. Мы не спеша пошли в наше любимое кафе, синхронно шагая по дороге, мимо машин, мимо деревьев, мимо спешащих куда-то людей, только мы.

Едва мы заняли свой прежний столик, к нам подошла официантка:

– Привет, Женя, что будете заказывать?

– Кофе и пирожное неважно с чем, – ответил он ей. Девушка улыбнулась и отошла. Женя помог снять мне пальто и галантно предложил стул. Я села, расправив складки на платье. Сегодня я надела мое любимое красное платье в клетку из трикотажа, волосы заплела в обыкновенную косу.

Села, подперев голову ладонями. Женя через стол протянул руку, я сделала вид, что не заметила ее, и он медленно убрал ее.

– Ты потрясающее выглядишь сегодня, – заметил он. Подошла девушка с подносом с двумя чашками кофе со сливками и тарелкой с корзиночками.

Я взяла чашку и отхлебнула кофе, только в этом кафе подавали приличный напиток. Женя тоже сделал большой глоток и от удовольствия зажмурился.

– Будем молчать или мне разрешено болтать?

– Разрешено, только не о нас с тобой, о чем-то отвлеченном, пожалуйста.

– Значит, о своих чувствах мне молчать, о свадьбе вашей тоже?

– О свадьбе можем поговорить. Руслан тебя, кстати, просил уточнить на счет музыки, ты диск обещал.

– Ааа, я и думать забыл. Вылетело из головы, – пожал плечами Женя и принялся за корзиночку, аккуратно отщипывая кусочки и отправлял их себе в рот. Он выглядел рассеянным, мыслями где-то далеко витал. Я медленно пила ставшим теплым кофе.

Со стороны мы выглядели странной парой, я заметила несколько косых взглядов в нашу сторону. На красивого Женьку всегда обращали внимания и на любую девушку, с которой его видели. А в последнее время только меня видели с ним.

– О чем задумалась? – вырвал меня из раздумий голос Жени, – ты зубами скрипишь о чашку. Заказать еще?

– Нет, спасибо, может, пойдём? – неуверенно предложила я.

– Давай еще побудем, мне хочется побыть с тобой еще немного, хочешь мороженого? Может, есть хочешь?

– Нет, в горло ничего не лезет, просто посижу с тобой.

– Одолжение мне делаешь? Не хочешь быть со мной, просто скажи.

– Я хочу, есть не хочу ничего.

– Я не только про кафе, хочешь, уходи, хочешь, оставайся. Тебе решать, – ответил Женя и внимательно взглянул на меня, сквозь полуопущенные ресницы.

Я замаялась с ответом. Опять хороший день превратился в день разборок. Сейчас он разозлится, пошлет меня куда подальше, в слезах побегу от него, а он в три прыжка догонит, прижмёт к себе, начнет целовать, шептать любовную чушь, не отпуская из чересчур крепких объятий. Знаем, проходили. Спросите, откуда косые взгляды? Все наши встречи заканчиваются всегда одинаково и практически всегда на глазах посторонних. Бороться с этим невозможно. Будет хуже, если сопротивляться. Иногда, кажется, он специально затевает такие ссоры, чтобы дать себе еще один шанс.

– Я не хочу продолжать разговор в таком духе. Давай спокойней поговорим.

– Давай. Какие темы у нас есть для разговора? Твоя свадьба, твоё платье, твоё счастье, твой жених, твои гости, что я забыл? Где здесь я? – злобно ответил парень.

– В моей жизни есть для тебя место, – уклончиво возразила в ответ.

– Интересно, какое? Роль клоуна или мальчика для битья?

– Что ты хочешь, чтоб я сказала? Что ты дорог мне? Ты это знаешь. Что ты наш друг – Ты знаешь, – прошептал Женя, протянув руку. Я убрала свои руки за спину как маленькая. Женя криво улыбнулся.

– Прячешь руки? Плохой мальчик обидел тебя?

Надо уходить, я достаточно разбесила его. Теперь надо делать ноги.

– Пойдем домой, Жень, я устала, у меня еще куча дел сегодня, пожалуйста.

Поспешно встав, нацепила пальто, не дожидаясь помощи. Пока Женя расплачивался и одевался, вышла на улицу.

Теплый ветер раскрыл полы пальто, забираясь под него. Легкая дрожь пробежала по телу.

Раздался стук двери, подошел Женя, встал в непосредственной близости от меня. Не произнося ни слова, не взглянув на него, я перешла дорогу.

– Не злись, я больше не стану мучить тебя, – быстро догоняя, проговорил Женя.

– Я не злюсь, просто хочу домой.

– Замёрзла? – с участием поинтересовался парень, мы перешли дорогу и теперь двигались по парку.

– Нет, устала, хочу отдохнуть. Можешь не провожать меня, я сама дойду.

– Ну конечно. Сейчас шнурки поглажу и обязательно пойду прочь. Злишься так и скажи.

– Да, я злюсь! Доволен? Мне чертовски надоело все это.

– Что тебе надоело?

Я резко развернулась назад, готовая послать его, куда подальше со своим психоанализом и чувствами, но не успела. Едва повернулась, то оказалась в крепком круге его объятий. Снова, пронеслось в голове. Немедля ни секунды, он впился в мои губы настойчивым поцелуем. И снова, он дождался ответа. Все крепче, неистовее, страстней он целовал меня, заставляя сердце биться быстрее и быстрее, задыхаясь от ощущения близости, неутомимого желания, от касания мягких губ с терпким запахом кофе. Тело сотрясала мелкая дрожь, по нему бежал ток, покалывая от пальчиков пальцев до самих губ. Меня никто и никогда так не целовал в жизни, так отчаянно, до конца отдавая последнее, всю боль одиночества, невозможности быть с любимой, боль от потери того, что дорого, презрение к самому себе, его душа открылась нараспашку, зовя к себе...

Мы прислонились к какому-то дереву, одним рывком он приподнял меня, одну ногу закинув себе на бедро.

Длинные пальцы скользнули мне под платье, яростно сжимая бедра, разрывая капроновые колготки в клочья. Ветер приятно ласкал разгоряченную пылающую кожу. В перерывах между поцелуями он шептал мое имя.

И лишь когда пальцы уверенно скользнули под резинку моих кружевных трусиков, с губ сорвался стон.

– Черт, – выругался Женя и резко отпустил меня, – Прости меня, любимая, прости, пожалуйста. Я не хотел сделать тебе больно.

Он тяжело и трудно дышал. По лицу размазан мой розовый блеск для губ. Я сползла вниз по стволу дерева и заплакала.

Он тут же оказался рядом, приобняв, поднял мое лицо в слезах на своих ладонях.

– Прости меня, я не хотел, но это получается против воли. Я каждый раз запрещаю себе прикасаться к тебе, думать о тебе, вспоминать тебя. Но все усилия идут прахом, стоит тебе оказаться в непосредственной близости от меня. Я должен отпустить тебя, должен, но не могу. Не могу представить, во что обратиться мое существование тогда. Не могу представить, что ты гонишь меня, отворачиваешься, злишься. Мое сердце навсегда принадлежит тебе, ты моя жизнь. Поверь мне, я хочу уйти, проститься с тобой, я сам себе противен. Я предаю и Руслана и себя, подставляю тебя. Но ничего сделать не могу. Я пробовал, но какой смысл в чужих лицах, когда я в каждой вижу тебя? Я схожу с ума по тебе. Скажи что-нибудь.

Я молчала, не смахивая слезы. Чувствовала себя совершенно разбитой, опустошенной, сидела на холодной земле и не собиралась никуда идти. Сил не было сделать хотя бы одно движение, пусть я умру здесь, чтобы никогда и никому не делать больно. Пусть я умру.

Ничтожная, несчастная, пустая. Пару минут мое сердце громко пело, тело дрожало как струна, душа как птица стремилась вверх.

А сейчас я сижу на холодной земле, реву во весь голос, реву, чтобы боль моя вылилась из меня, вскрылась рана и очистилась от находящейся в ней тоски.

– Проводи меня до дома, мне нужно переодеться. Не могу прийти в таком виде, – захлебываясь слезами, попросила я. Парень помог мне встать, отряхнул и поправил мне одежду, только потом он стряхнул землю и со своих колен.

Всю дорогу в машине я проплакала, вжавшись в пассажирское кресло, Женя молчал, тревожно поглядывая на меня.

Когда мы подъехали, я, молча выбралась.

– Мне подождать тебя? – спросил Женя.

Я отрицательно покачала головой.

Руслан

Женька приехал взбудораженный, уселся в кресло.

– Ты чего белены объелся? – любопытствовал я, в это время, сверяя списки гостей.

– Ищи себе другого свидетеля. Меня на свадьбе не будет.

– Что за новости? Что случилось? Что у тебя со штанами?

– Ничего, – буркнул Женька, смущенно отряхивая штанины от земли.

Шляпу он отбросил, как только зашел вместе с желтым платком, куртку в своём обычае повесил на спинку кресла.

– Что тогда с тобой? Можешь по-человечески объяснить?

Лучший друг помялся, и выпалил:

– Я не могу. Пойми меня, не могу!

– Не можешь что? – переспросил я.

– Ты тупой? Или нравится издеваться?

– Если ты нормально объяснишь, я пойму. Почему ты не хочешь быть свидетелем на свадьбе?

– Я больше не могу притворяться. Мне не выдержать больше. Я украду ее перед свадьбой, но не дам вам пожениться. Это сводит меня с ума. Я нарушу наш уговор.

– Я и так позволяю тебе многое, не правда ли? Ты целуешься с ней, зажимаешь, лапаешь, спишь в одной постели, ходишь с ней по улицам, держа за руку и думаешь, я ни о чем не знаю? Я может и болен, но не идиот.

Судя по выражению лица Жени, мой монолог застал его врасплох.

– Ты знал?

– Боже мой, естественно. Или ты думаешь, в нашем городе нет ушей и глаз? Ты не думай, я не против особо, но приличия надо соблюдать. Хотя это довольно забавно.

– Что забавного?

– Все беспокоятся о моем душевном спокойствии, что закладывают вас на ура.

Женя усмехнулся.

– Если бы не разрешил, этого не было бы. Я бы не осмелился.

– Знаю.

– Чего говорят? – поинтересовался Женя.

– Я рогатый. Кстати, про парк я знаю, позвонила Люда минут 15 назад и описала все в ярких красках. Колготки ты ей порвал зря, хотя зрители были в восторге.

Видя, как краска заливает лицо друга, я испытал мрачное удовлетворение. В следующий раз будет думать головой.

– Я не думал, что нас кто-то видит.

– Ты никогда об этом не думаешь. Про все твои похождения ходят легенды. На это мне плевать, Леру жалко. Сказали, что она отдалась тебе в парке, под тенью дуба. Ужасно романтично. Я аж расплакался.

– Извини, – буркнул друг, вконец засмутившись.

– Со стороны казалось, ты пытаешься ее изнасиловать. Поэтому Люда и позвонила, хотела, чтобы я тебе морду набил. Вот ирония судьбы, да? – я не собирался его жалеть, не маленький должен понимать.

– Пошел ты.

– Никогда не задумывался, но ты со всеми девушками так себя ведешь? Отвратительно с моей точки зрения.

– Никто не жаловался, даже твоя сестра.

– Ммм, может, поэтому она взбесилась? Не загоняйся. О Лере лучше подумай. Что она тебе сказала?

– Сказала, хочет побыть одна, что не может прийти к тебе в таком виде. Я предложил подождать, она ответила, что сама доберется.

– Понятно. Тебе лучше поговорить с ней, извинится, успокоить. Я сделаю вид, что не знаю ничего. Тогда она успокоится. Съезди к ней.

– Ты думаешь, она пустит меня?

– Уверен. Только держи, пожалуйста, себя в руках, я очень тебя прошу. Если конечно, она сама не попросит. Я надеюсь, что не попросит.

– Я каждый раз надеюсь на это, – повторил Женя. Он схватил куртку со спинки стула и вышел, громко хлопнув дверью.

– Я тоже, я тоже, – ответил в тишине, и устало опустил голову на руки. Думать и что-то делать охоты нет. Мне осталось так немного времени. Оно беспощадно убегало сквозь пальцы, смеясь в лицо.

Многие не поймут меня, но мне хотелось, чтобы она была счастлива, я хотел, чтобы в ее сердце проснулось сомнение, в какой – то степени даже хотелось, чтобы она ушла от меня, бросила, не выходила замуж. Я не хочу, чтобы она хоронила меня. С другой стороны, я люблю ее и хочу быть с ней до самого конца. Дилемма.

Ради ее счастья я готов на все, даже терпеть эти публичные поцелуи, пускай меня считают рогатым идиотом, мне безразлично. Чувства друга удивляли меня, я никогда не видел его таким. Не влюбленным, а любящим. Я намерено сталкивал их, в глубине души надеясь, произойдет чудо, они смогут остаться вместе.

Лера

Я пришла домой и забралась в ванну. Колготки, безнадежно испорченные выкинула в мусорный бак. Сняв одежду критически себя оглядела: бледное лицо, тени под глазами, в остальном тело было таким же как утром, кроме бедер. С внешних сторон виднелись красноватые следы от чужих пальцев.

Я набрала ванну, добавила пены и легла в нее. Вода ласково облекла тело, успокаивая разгоряченное сознание. Я яростно терла тело мочалкой, стараясь прогнать запах мужчины, чужого мне мужчины.

Запах смеси кофе, мяты и лимона. Ненавижу его. Какое вообще он имел право не только прикоснуться ко мне, но и подумать об этом?

Ужас в том, что я это позволила. Какая-то часть меня возмущено вопила о несправедливости, другая предлагала утопиться в ванной от стыда и позора, третьей... Третьей все нравилось, нравились поцелуи, объятия...

Полная злости я выскочила из ванны, наскоро обтерлась полотенцем, одела халатик и

вышла. Телефон разрывался. Удивленная поворотом событий я пролистнула журнал. Смски, звонки Жени, последняя от Руслана. Отчего Женя не оставит меня в покое?

Опять звонок, машинально я ответила.

– Алло.

– Я торчу под твоей дверью почти час. Я замерз. Имеешь полное право не открыть дверь, но подумай перед этим. Я не уйду, пока мы не поговорим.

Вместо ответа я подошла к двери и распахнула ее. Женя с телефоном в руке улыбнулся.

– Думал, ты не откроешь.

– Я не собиралась, – съехидничала я.

– Если я скажу, сожалею, прости меня и так далее?

– Не смешно.

– Почти.

Я посторонилась, пропуская Женю в дом. Парень прошел мимо меня, закусив губу.

– Чем займемся? Давай посмотрим что-нибудь?

– У меня нет настроения, нет желания. Я хочу лечь спать, – пробурчала я недовольным тоном.

– Почему ты меня гонишь? – с жаром спросил Женя.

– На часы смотрел? Мне завтра рано вставать, между прочим.

– Можно мне остаться? Тогда ты точно не проспичь, – ответил Женя.

Я прищурилась. Издевается?

– Я могу даже разрешение у Руслана спросить, если хочешь.

– С чего ты взял, что я разрешу? Самоуверенность так и перла из него.

– Кто-то должен следить за тобой после всего произошедшего. Тебя кошмары не мучают?

– Меня? – переспросила я. Кошмары меня мучили, но ему знать об этом необязательно.

– Не сегодня, я устала. Хочу отдохнуть.

– Может тогда поедем к Руслану? Наверяд ли он спит.

– Хорошо, пойду, захвачу вещи с собой, жди меня на улице.

Я быстро засунула в рюкзак зубную щётку и сменное белье, пригладив волосы перед зеркалом, поспешно вышла, захватив куртку.

Женя ждал в машине, выбирая станцию радио, забралась на пассажирское сидение, сунув рюкзак себе на ноги.

Дорога прошла в молчании. Женя о чем-то думал, судя потому как насупился.

Мы подъехали к дому Руслана. Свет горел в его квартире.

– Мне нужно с тобой поговорить, – выпалил Женя, не смотря даже в мою сторону.

– О чем? – с любопытством спросила я.

– -Серьезно поговорить просто.

– Говори, – разрешила я шутливо.

– Только, чур, не обижаться, ладно?

– -Ладно, – ответила я и пожалала плечами. Интересно, что это за разговор такой? Да еще и серьезный?

– Лера, я все понимаю, вы любите друг друга и тому подобное. Женитесь вот... – Женька сделал паузу, и я внезапно поняла, к чему он клонит. Нет, неужели он решил все-таки мне рассказать? Ну почему сейчас?

– Жень, может не надо? – перебила я его. Мне не хотелось слышать его слова, которые

навсегда разрушат наш мирок. Стоило сейчас же выйти из машины и бежать, куда глаза глядят...

– Надо. Если не скажу сейчас, не скажу никогда. Ты смогла бы когда-нибудь и мне ответить да? Смогла бы полюбить меня, если все не было таким как сейчас? Будь все по-другому?

– К чему ты это спрашиваешь?

– Ты знаешь почему. Так что ты мне ответишь? Смогла ли ты мне ответить на мою любовь своей? Пусть не такой как к нему.

Впервые я не находила ответа. Он ждал его и крепко взял меня за руку. Что ответить? Как помочь ему, при этом, не обидев и остаться для него только другом? Я не хотела своим ответом разрушать дружбу или давать ему ложную надежду.

И за что мне все это? Почему именно их обоих угораздило влюбиться в меня? Почему именно я стала камнем преклонения между их, казалось идеальной дружбой? Что я должна ответить? Нет? Сделать гордый вид и навсегда оттолкнуть лучшего друга от себя? Сделать ему больно? Разве я имею на это право?

Да? И что я тогда скажу Руслану? Врать ему? Не смогу. Я и так уже достаточно лгу. Что же мне делать тогда? Я посмотрела на молчаливого Женю. Красивый парень с обворожительной улыбкой, загорелое лицо, светлые пряди вперемежку с темными, сильные и надежные руки... что же он нашел во мне? Что они оба нашли во мне? Я совсем обычная, ничем не выделяюсь, а тут абсолютно разные, но потрясающие парни хотят владеть моим сердцем...

И самое странное в этом то, что я люблю их обоих, но разной любовью. Один – моя судьба, моя единственная любовь, поглощающая и всемогущая, вечная... Второй – словно мое я.

И что же мне ответить? Голова разрывается. И зачем он завел этот разговор? Через три дня я стану женой Руслана, навсегда буду только его. И тут Женя со своими нелепыми вопросами. К чему?

– Я... Женя, я не знаю. Я выхожу замуж.

– Я в курсе. И все же?

– Ты мой друг. Лучший. Он – моя любовь, моя судьба. Я не могу сравнивать вас. Вы оба дороги мне, но по-своему. Я люблю вас так же по-разному. Не могу сравнивать и менять вас местами. Пойми меня.

– Это значит, нет?

– Это ничего не значит.

– Могу я поцеловать тогда тебя? Пока ты не вышла замуж? Пожалуйста?

Я взглянула на него. Одновременно я испугалась и страстно желала его прикосновения. Что со мной?

– Ладно, проехали. Прости, – нарушил молчание Женя, с неохотой отпуская мою руку. Мне стал обиден его тон. словно я предала его, а не он простил мое предательство.

– Я выхожу замуж, – напомнила я.

– Я в курсе, – повторил свой ответ Женя чужим голосом.

– Ты обиделся?

– Нет, я не обиделся. Я просто сошел с ума. Прости меня, ладно? Не должен был я спрашивать это. Вы любите друг друга, у вас все будет хорошо. Вам дела нет до меня. Кто я? Всего лишь друг...

Боже, его слова тяжелыми камнями упали на мое сердце. Я глубоко вздохнула. Прости меня, мой Руслан...

– Хорошо. Один поцелуй. И все.

Парень внимательно посмотрел в мои глаза.

– Мне жертв не нужно. Я люблю тебя.

– Это не жертва.

Вместо ответа Женя приблизился ко мне вплотную. Я не отступила, лишь зачарованно смотрела в его карие глаза, не в силах противиться их блеску. Закрыла глаза и когда почувствовала его поцелуй, отчего-то с необычным жаром ответила ему. Мои руки плотно обвили его шею, и я прильнула к нему, забыв обо всем на свете. Я позволила рукам подняться выше и погрузиться в его волосы, сильнее прижимая парня к себе. Я таяла под его ласками.

И лишь когда с его губ сорвался стон, в перерывах между нашими поцелуями, я остановилась, и резко отодвинулась, с трудом освобождаясь от Жениных рук, еле переводя дыхание. Вид у нас обоих был безумный. Один поцелуй? Взлохмаченные волосы Жени, расстегнутая рубашка и все это я? Стыд какой! Женька откинулся на кресло и улыбнулся.

– Почему ты улыбаешься?

– Я счастлив. Хоть и потом буду мучиться, вспоминая этот момент...

– Эй, всего один поцелуй! И все.

– И все. Спасибо, моя милая Саша. Поправь волосы. Я бы поправил бы сам, но боюсь не смогу сдержаться.

Слезы невольно потекли по моим щекам.

– Ты плачешь? Почему? – нежно и тепло спросил Женя.

– Я приношу только горе. Я не хочу, чтобы ты страдал, чтобы он страдал, чтобы вы ссорились из-за меня. Вы мне дороги. Я вас люблю обоих, но по-разному. Я скоро выхожу замуж и не знаю надолго ли. Сколько нам отмеряно с ним? Я не знаю, что нас ждет!!! И ты, этот поцелуй, словно все так и надо, словно нет смерти в этом мире, нет боли с тобой, нет страха, я не боюсь так смертельно потерять тебя как его. И никто не знает, чего мне это все стоит! Смотреть на него каждый день и непроизвольно думать о том, что я могу потерять его не через года, а быть может завтра, быть может, сегодня, уже через час? Я не знаю, когда он уйдет, когда рак окажется сильнее, сильнее меня! Никто не знает насколько мне страшно!!! Как я боюсь однажды проснуться без него, проснуться и понять, что его нет больше со мной, что все потеряно! Пойми, Женя мне так страшно!!! И я не могу сказать все это ему, зная он расстроится, потому что думает о том же. Он знает, что мне страшно, мне больно, и я знаю ему так же страшно, ему так же больно. И самое страшное, то, что мы любим друг друга и обманываем всех, делая вид, что все замечательно. Мы же женимся! Смотрите, какие мы счастливые! Будто я не слышу его стонов по ночам, не вижу таблеток, которые он глотает в больших количествах, как будто я не нахожу его среди ночи в ванной под струей холодной воды, будто мы нормально живем. Будто все хорошо. Будто мы не ценим каждое мгновение, проведенное вместе и не боимся разлуки. Боже, мы оба этого боимся. И разлуки, и неизбежности ее. Я знаю, я его потеряю. Знаю. И видит Бог я не ропщу на него. Я смирилась. Не потому что устала. Ради него делаю вид, что все хорошо, ради него закусываю в кровь губы, лишь бы он не видел мох слез, моего отчаяния. Только ты видишь мои слезы, мои истерики, мою боль... только ты заставляешь меня верить, что жизнь прекрасна, и я должна жить ради него. Ты многое сделал для нас. Многое для того чтобы мы жили, а мы платим

тебе такой ужасной болью.

– Я счастлив. И тоже смирился с этим. Меня все устраивает. Вы самое дорогое, что есть у меня, не считая моей семьи. Хотя я не покривлю душой, если скажу, что моя семья это вы. И я никому из вас не позволю сдаться. Никогда. Не плачь, пожалуйста. Мне больно видеть твои слезы, за каждую из которых я бы умер. Не плачь.

Парень ласково и нежно коснулся моей щеки, стирая слезы. Я с отчаянием посмотрела на него, сквозь них. В его глазах было столько света, столько любви, что мне стало спокойно.

– Все будет хорошо. Я буду рядом всегда, как бы там не было. Ты права, неизвестность пугает, но пока мы рядом, пока мы вместе, ничего, все обойдется. Я знаю, что такое потери, будет еще много боли, важнее этого не позволить опуститься ни себе, ни другим на дно отчаянья. Почему так с тобой получилось, я не знаю. Но пока ты улыбаешься, все будет хорошо. Поверь, если бы я мог, то умер бы за вас обоих. Жизнь такова. Нам нужно пройти этот путь, как бы больно нам не было. Нет другого пути. Ни для тебя, ни для него, ни меня. Нам придется. Но мы не станем плакать, ведь так? Через три дня ты выйдешь замуж, в красивом белом платье и будешь самой счастливой на свете, как и Руслан. А я буду счастлив за вас обоих, и пожалуйста, не переживай за мою боль. Думай о своей, это важнее. Тебе нужно домой. Руслан ждет тебя, едем?

Я согласно кивнула.

– Ты к нам?

– Не думаю. Я домой поеду. Не переживай, солнышко и ложись спать. Завтра поговорим.

– Позвони, как будешь дома. Хорошо?

– Хорошо, иди сюда.

Парень порывисто прижал меня правой рукой и чмокнул в макушку.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Я позвоню Русу, чтобы он вышел. Беги домой. До завтра.

– До завтра, – шепнула я и выбралась с машины. Холодный ветер забрался под куртку, и я поспешно побежал к подъезду. Женя мигнул мне фарами и дождался Руслана. Мой любимый встретил меня, не успела я и зайти в подъезд. Он приветливо помахал рукой Жене и тот уехал. Я оказалась в крепких объятиях Руслана, по которым успела соскучиться.

Мне так хотелось сказать ему, что я люблю его больше всего на свете, что он моя жизнь и я счастлива. Он ведь со мной рядом. Я чувствую его тепло, его любовь, биение его сердца, которое принадлежит мне... я не хочу думать о будущем. Зачем мне оно? Разве он этого не понимает? Он уже дал мне больше чем мог. Я любима. Я счастлива. Я нашла свое личное солнце, свою тихую гавань. Он мое море – я его рыбка. Мне без него не жить. Рыбы не живут без воды. "И рыбу очень просто убить, лишить того без чего она не может". Нет никого для меня дороже.

Он все, что есть у меня. Моя радость, мое горе, моя любовь, моя боль... я это он. Он это я. По-другому нельзя. Я продам душу за него, но никому и ничему никогда не позволю встать между нами.

Если он оступится, я успею подхватить. Если упадет, я упаду вместе с ним. Сейчас я, вспоминая слова Жени, подумала, мне все равно, что будет потому даже если у нас есть только завтра. Но оно наше.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Руслану ничего не рассказала. Он мирно спал, обняв меня левой рукой. Странно, мы перешли с Женей грань между нашей дружбой и любовью. И быть может это совсем не важно? Наверяд ли мы теперь сможем беззаботно резвиться, смеяться, зная о чувствах друг друга. Думаю, что мы старательно будем изображать дружбу перед всеми, мы теперь стали намного ближе. Скрывать больше нечего. Может оно и к лучшему. Кто знает?

Глава 48. Накануне

Максим тщетно пытался прорваться к Варе.

Часами просиживал ее под окнами, закидывал сообщениями, пока девушка не сменила номер. Она не желала говорить с ним.

Женя, встречая парня на улице, лишь пожимал плечами. Он ничем не мог помочь. Варя закрылась ото всех.

Кошмары все еще мучили ее. И девушка планировала переезд отсюда. Еще бы набраться смелости и закончить школу.

Город маленький, слухи разносятся быстро.

Естественно, старший брат старался минимизировать потери, но вчера, когда Варя отказалась в очередной раз идти в школу и он не выдержал:

– Они будут говорить о тебе. Тыкать пальцем. Смеяться. Издеваться. Если ты им позволишь. Не оставят попыток унижить и оскорбить. Все, чтобы ты заплакала. Разве ты позволишь? И чтобы ты не сомневалась, мы все пойдем с тобой.

– Кто все?

– Все мы. Пусть кто—нибудь посмеет причинить тебе боль.

Средняя школа еще не наблюдала такого зрелища.

Варю провожали на урок целой толпой: Женя, Руслан, Лера, Леша, Оксана, Алекс.

На самом уроке каждый сидел с ней вместе за партой.

Никто не возражал против.

Девчонки—одноклассницы зачаровано наблюдали за парнями, одноклассники во все глаза смотрели на Леру, Оксану.

Сложней всего приходилось Максиму. Пусть она не разговаривала с ним, ничего. Он подождет. Пусть только не чувствует свое одиночество. Он рядом. Ничего не имело значения, кроме нее. Его сердце разрывалось от жалости к ней.

Если бы она хотя бы слово ему сказала! Он жадно ловит каждый ее взгляд, каждый вдох и выдох ее дыхания, каждый трепетный взмах ресниц.

Несмотря на то, что город судачил о ней, одноклассники ее жалели. И никто не думал ее задирать, тем более перед такой толпой защитников.

Впрочем, несмотря на внушительную защиту, Варя чувствовала себя «грязной». Она шла по школе, стараясь слиться со стенами. Лишь слова брата заставляли ее не опускать низко глаза. Никто не увидит ее слез. Смирновы не плачут на виду у всех. Они из другого теста.

Варя знала, что ее братец никогда и ничем не выскажет, если ему плохо. Он не в коем случае не железный, просто вот такой.

Ему делают больно, он лишь улыбается в ответ. И так всегда.

Да, в школе он слыл хулиганом, и учителя приятно удивлены, увидев его повзрослевшим, трепетно защищающим свою сестру.

Максим выловил Варю перед алгеброй.

– Варя!

Девушка испуганно вздрогнула:

– А, Макс, привет.

– Можно я сяду рядом с тобой? На алгебре?

– На алгебре? – переспросила Варя.

– Ну да. На алгебре.

– Садись.

И девушка улыбнулась. Как лучик солнышка сквозь темные тучи, полные дождя.

Лера

Три дня прошли молниеносно. Казалось еще вчера мы познакомились с Русланом и вот через несколько дней я стану его женой. С ума сойти! Я своим поведением сильно смахивала на подростка. И не только я. Руслан тоже сильно нервничал и своими переживаниями, и постоянным занудством сводил с ума.

Особенно сводили с ума эти приготовления, хорошо, что все на себя взяла моя будущая свекровь и Оксана. Я, конечно, пыталась им помочь, но мне больше нравится проводить время с Русланом, чем выбирать узоры в салфетках или составлять списки гостей.

Единственное, что мне доверили, это подписывать приглашения. Я их подписала за один день ужасным подчерком, потому что спешила.

Руслан, когда увидел их, то расхохотался. Они, действительно кроме смеха, ничего путного не вызывали.

Может, меня стоит упрекнуть в небрежности к важному событию не только в своей жизни, а уже и в нашей с человеком, которого я люблю. Но это всего лишь приглашения. Можно было обойтись без них. Вот без платья нельзя.

Сегодня мы с Женей мужественно пересекли порог дома родителей Руслана. Из комнаты битком набитой платьями, Женя выгнал всех, кроме девушки консультанта.

Я перемерила уже 10 платьев и ни одно Жене не понравилось. Зачем он вообще поехал со мной?

Сидит, насупившись, хамит мне с утра, чем— то раздражен, недоволен и морщится при виде меня.

– Чем тебе это не угодило? Вполне миленькое платьице.

– Миленькое для селянки где-нибудь с тайги. А я хочу Вау сказать, а не подать милостыню. Шевелись давай.

Я со вздохом зашла за ширму. Платье выглядело довольно мило на мой взгляд, простого покроя.

– Долго ждать, колхозница?

Я фыркнула и сняла платье.

Консультант стояла уже наготове держа платье красного цвета. Она смотрела на меня с жалостью.

– Жених у Вас нервный.

– Я ей не жених, – произнес за ширмой Женя, – Можно побыстрее конечностями двигать? Это что платье или Вы собрались быка заманивать? Нормальных цветов нет?

– Женя, веди себя прилично, пожалуйста.

– Ты безнадежна. Я сдаюсь!

– Можно было и повежливей.

– Можно было бы не искать платье за три дня до свадьбы, а спокойно подготовиться к столь важному событию за полгода.

– Будто ты не знаешь, что этих полгода у нас нет.

– Вот ты и подумай, отчего так, – отчеканил Женя. Я отвернулась к окну. Хам.

– Ладно, тебе не злись, – добавил он помягче, – Все эти ваши приготовления выводят меня из себя.

– Тебя, похоже, все выводит из себя, – ответила я, – Будто мир должен вертеться вокруг тебя одного.

Он не ответил, начал что— то бормотать себе под нос в свойственной себе манере.

Я хотела выйти из— за ширмы, но запуталась ногами и растянулась на полу.

– Вечно все с тобой не слава Богу, – утвердительно сказал подошедший Женя, – Встать сможешь или будешь хромоножкой?

Я сделала вид, что не заметила его руки, попыталась встать сама, но претерпела неудачу. Тогда сильные руки подняли меня на ноги.

– Я что тебе нянька? – тихо спросил он, уставившись на меня. В его карих глаза, окруженных длинными ресницами, таилась грусть, лицо осунулось, скулы еще больше стали выделяться, он выглядел так, словно это он, а не Руслан смертельно болен.

– Не нянька, ты это ты. Мой друг, – несмело прошептала я.

Женя отпустил меня на землю.

– Я тебе никогда не был другом. В этом вся и разница между нами. Ты живешь своими иллюзиями и не видишь происходящего.

– Можно подумать ты живешь иначе. Предаешь друзей и считаешь себя правым.

– Кого это я предаю? – ответил он грубо, – На себя посмотри безгрешная. Целуешься с другим парнем, зная, что выходишь замуж. Интересно, ему— то ты рассказала об этом?

Я покраснела, я все хотела, но так и не решилась рассказать Руслану, мне стыдно.

– Этот разговор бессмысленный.

– Ты найдешь в нем смысл, когда признаешься себе, что любишь меня так же как и я тебя. Ты с ума сходишь от ощущения близости со мной, ты хочешь быть со мной, поэтому постоянно причиняешь мне боль.

– Не лъсти себе понапрасну.

– Ну, вот опять отрицаешь, – грустно произнес Женя, – Давай позвони ему и расскажи все, расскажи. Расскажи вместо того, чтобы делать больно мне.

Он заметил испуг на моем лице.

– Правильно, ты боишься. Боишься причинить боль ему, а на меня тебе плевать. Плевать ты хотела на все, на все эти поцелуи, прикосновения, биение сердца, тебе все равно. Тебе нравится мучить меня, нравится издеваться, потому что знаешь, я не уступлю. Прекрати испытывать меня. Я до конца буду бороться, но и моему терпению может прийти конец. Все на свете заканчивается. Даже любовь.

– Я не понимаю тебя. Чего ты никак не уговонишься? Почему не оставишь в покое?

– Ты... К чему мои эти высокопарные речи, когда ты не желаешь слышать меня? Сколько мне раз повторить, что я тебя люблю, сколько еще раз? Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.

– Женя, мы с тобой говорили об этом. Я не знаю, что ты нашел забавного в своих признаниях и до какой степени моего унижения ты дойдешь, но я приехала сюда выбирать платье с тобой, а не выслушать твое воспаленное сознание.

Я замолчала, испугавшись своих слов. Они не те, что я испытывала на данный момент, но они верными для того, что между нами не осталось недомолвок.

– Хочешь, чтобы я отстал от тебя? Переспи со мной, сделай это, чтобы окончательно убедится, какое я чудовище. Докажи всем, лучший друг моего парня надругался надо мной

до нашей свадьбы. Какой же он гадкий и все в этом же духе. Мне чертовски это надоело.

– Успокойся и давай выбирать мне платье, пожалуйста.

– Ага, веселенькое занятие. Спасибо. Вместо того, чтобы вести тебя под венец самому, мне уготовано лишь созерцать. Спасибо, благодарю. Удружила.

– Я не понимаю, зачем вообще с тобой разговариваю. Ты несносен.

– Поэтому ты поехала со мной?

– Прекрати. Seriously. Сейчас не место и не время.

– Когда же будет для этого время? Мне снова ждать?

– Делай что хочешь. Я пошла выбирать платье.

– Лера, хочешь, чтобы я отстал от тебя?

– Хочу, – сурово ответила я, – Что тебе не дает покоя?

– Мне не дает покоя все, что связано с тобой. Я закрываю глаза и вижу как вы целуетесь, как он целует тебя в губы, гладит по щеке, трогает твои волосы. Я все это вижу и хочу, чтобы все закончилось побыстрее.

– Ты мне мешаешь, иди займись чем-нибудь. Я сама выберу.

Женя укоризненно посмотрел на меня и вышел из комнаты, закусив губу.

В подготовке время прошло очень быстро и вот сегодня девичник, мальчишник и завтра я выйду замуж.

Света, кстати приехала, бедному Жене пришлось ее встречать.

– Так, мне столько надо успеть обсудить! У нас запланирован девичник и мальчишник на завтра. Где моя комната?

Разумеется, размесить всех в квартире Руслана нереально. Руслан хотел снять пару номеров, но Женя настоял на выборе своего дома. Комнат много, места всем хватит. Гости понемногу пребывали. Дом Королевых тоже уже забит под завязку. Мы с Русланом временно остались у Смирновых.

Довольная как танк Света потянула Женю за собой. Руслан ему подмигнул и хихикнул в ответ на его озадаченный вид. Я пожалала плечами.

Вечером, устав от приготовлений, Света оставила Женю в покое. Он пришел к нам в гостиную и сел, вытянув ноги:

– Она надолго приехала?

– На четыре дня.

– На четыре? Она меня уже достала! Терпеть еще четыре? Где у нее выключатель? Она неугомонная. Даже перекуры мне отменила!

Мы лишь улыбнулись.

Девичник точно обещает быть незабываемым.

Глава 48. Нет на земле моего Короля

Лера

Я проснулась в пять утра.

От волнения плохо спалось, меня мучили кошмары, в одном из которых я иду в белом платье по длинному коридору, дрожа в предвкушении, темный коридор в котором единственное светлое пятно это я, подхожу к ручке двери, чувствую ее холод, открываю и захожу в банкетный зал. Посреди него стоит гроб, я подхожу к нему несмело, все во мне кричит: Не надо! Но я подхожу и вижу лежащего в нем Руслана. Бледного, в чёрном костюме, в петличке копия моего свадебного букета. Тут он встает и протягивает мне руку.

Я смотрю на свое хорошенькое платьице и вижу, как по нему скользят тени.

Мгновение и оно становится грязным, с пятнами плесени, ткань расползается на глазах, превращаясь в лохмотья.

Я в ужасе смотрю на любимого и вижу вместо родного лица голый череп с пустыми глазницами. И тут я начинаю кричать и от собственных криков просыпаюсь.

Второй мой кошмар снится не так часто.

В нем я просыпаюсь в тесном пространстве, слышу, как по крышке стучат комья земли, и начинаю кричать от страха.

Вот и сейчас проснувшись от своих криков, я радуюсь, что рядом никого нет.

Невеста. Я – невеста. Невеста, у которой кошмары накануне свадьбы. Может, нервы виноваты? Я слишком волнуюсь, но это естественно.

Надеюсь. Никому об этом не скажу, тем более Руслану. Не хочу расстраивать перед свадьбой.

И вот сегодня тот самый день.

Не спеша я прошла в ванную, хорошенько вымылась, два раз прополоскала длинные волосы, в восемь должны прийти и уложить волосы, навести марафет, маникюр сделан еще вчера вечером.

Пока шло время, я в халате дефилировала дома, грызя яблоко, пока все мирно спали.

Руслан прислал мне смску: «Любимая, ты спишь? Я не могу уснуть, волнуюсь. Люблю тебя и не могу дождаться начала дня».

Я ответила: «Доброе утро, любовь всей моей жизни. Я тоже волнуюсь, люблю тебя и так медленно течет время».

Ровно в восемь пришли парикмахер и визажист и немедленно занялись мной.

Мама к тому времени уже встала и приводила в порядок себя.

В 10 за мной должна приехать машина. Мы решили обойтись без выкупа, я убедительно просила его отменить. И вот я полностью готова.

Руслан

Лера шла ко мне очень медленно и плавно. Она ослепительно прекрасна в свадебном платье и фате, окутавшей ее фигуру легкой дымкой.

Неужели теперь она навсегда и всецело моя?

Я замер, не в силах пошевелиться от захватившей дух красоты. Прекрасней невесты никто и никогда не видел, уверен в этом.

– Ну, иди же, – подтолкнул меня в спину отец, улыбаясь.

К ней я? Боже мой. Я робко подошел к моей невесте, когда девушка подняла взгляд на меня, сердце помчалось вперед в бешеном ритме.

– Здравствуй, – прошептала она.

– Здравствуй, – ответил я и робко взял ее за руку. Она дрожала.

Вокруг нас стояло много народу в ЗАГСе, но я не видел никого кроме своей невесты.

– Согласен ли ты Руслан Королев взять в жены Валерию Светлякову и быть с ней и в радости, и в горе, в здравии, болезни?

– Да! – выпалил я. Раздались аплодисменты.

– Согласна ли ты Валерия Светлякова в мужья Руслана Королева и быть с ним и в радости, и в горе, в здравии, болезни?

– Да, – сказала Лера и нежно улыбнулась.

– Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Мой Ангел при этих словах вспыхнула, чем вызвала мою улыбку.

– Не бойся, я с тобой, – шепнул я и трепетно прикоснулся к ее губам.

Девушка задрожала и потянулась ко мне. Опять аплодисменты и смех.

Мы одновременно открыли глаза и перевели взгляды на окружающих. Начались объятия, поздравления, все это время я не отпускал руку ее ни на мгновение.

– Какой ты у меня взрослый стал, – отец похлопал меня по плечу. Нежности не его конек. Вот мама оросила нас с Лерой слезами. Оксана обняла нас по очереди и расцеловала, Женька последовал ее примеру и ради прикола чмокнул нас в щеки. Лешка, отчаянно смущаясь, пожал Лере руку, а меня приобнял.

Следом мы поехали к нам в дом. Там и началось все веселье. Да, мама и Оксана постарались на славу. Даже у меня от такого великолепия расширились глаза.

Весь дом украшен лентами, огоньками, гирляндами с вплетенными цветами. Подъездная дорожка была уставлена букетами роз и свечами.

– Ты хочешь моей смерти? – прошептала мне Лера, смеясь, пока я нес ее на руках в дом.

– Они еще и фейверк обещали.

– Ужас какой.

Я не успел внести ее в дом, как тут же ее увели танцевать. Сначала мой отец, потом Алекс, следом перехватил эстафету Женья. Я танцевал с мамой, поглядывая на свою жену и ловя ее нежные улыбки.

– Мама, прости, но я пойду, выкраду свою жену.

Я пробился сквозь толпу танцующих и Женья мне передал руку моей любимой.

– Ты скучала по мне?

– Немного. А ты?

– Бесконечно. Ты счастлива?

– Да. Я люблю тебя.

– Едино.

Девушка улыбнулась и сильнее прижалась ко мне.

– Ты теперь стал королем.

– Я король только со своей Королевой.

– Я вас разобью, – пролепетала Оксана и унесла меня подальше от Леры, мое место тут же занял Макс.

Лера

– Я хочу танцевать! – вскрикнул Женька. Ему замечательно шел серебристого цвета костюм и белоснежная рубашка, на шее вместо галстука красовалась серебристая цепочка с небольшими звеньями, отросшая челка была зачесана на один бок и дыбилась вверх. Он вышел на середину зала с Варей под ручку, в изумительном изумрудном платье, с прической в греческом стиле.

Моя мама выглядела испуганной, забитой, такое великолепие для нее в диковинку. Одета в серый костюм она казалась старше своих 45 лет.

Мне хотелось подойти к ней, чтобы она почувствовала себя уверенней в толпе незнакомых людей. Я сама мало кого знала, из моих друзей здесь были друзья из универа, да мама, все остальные со стороны жениха.

Огромные вазы с розами украшали каждый стол, десятки шариков висели над потолком. Играла музыка, люди пили, ели, смеялись, участвовали во всевозможных конкурсах. Женя один из первых, его постоянно вызывала тамада, и он охотно участвовал, флиртовал со Светой, свидетельницей на свадьбе.

Руслан

– Надеюсь, ты помнишь, о чем мы с тобой договаривались.

Я подошел к Жене, облокотившемуся на перила балкона с бокалом шампанского в руке. Судя по выражению его лица, меня он точно не ожидал здесь увидеть.

– О чем мы с тобой только не договаривались. Что случилось?

Голос усталый, с нотками бессонных ночей и тревог.

– Ничего, просто уточняю, помнишь ли или нет.

– Я хотел бы забыть, – буркнул он в ответ и залпом допил шампанское.

– Сколько уже выпил? – поинтересовался я.

– Неправильный вопрос, нужно спросить; давно ли я пью. Ответ: весь вечер. Чувствую ли я себя пьяным? Ответ: нет, поэтому буду пить дальше. Еще что— то интересуется?

– Может не стоит?

– Посмотри на нее, – не отвечая на мой вопрос, сказал Женя, – Разве я могу забыть?

Я проследил за кивком его головы.

Лера.

Моя жена стояла возле стола рядом с Максом, они о чем— то говорили, смеясь.

– Почему ты здесь?

Женя, с трудом отведя взгляд, ответил:

– Боюсь спускаться. Больно приставучая Света после двух бокалов.

Я сочувственно похлопал его плечу.

– Может, выпьем? – с надеждой произнес Женя.

– Если только не на брудершафт.

Мы, посмеиваясь, спустились вниз. Вечер подходил к концу, большинство гостей находились навеселе, остальные отдыхали, кто танцевал, кто шатался от стола к столу, кто болтал, кто собирался домой. Оксана с Никиткой на руках танцевала с Лешей.

Женька подошел к бару, заказал нам текилы.

– Не сильно ли будет? – смеясь, спросил я.

– Нормально. Надо повышать градус, а то меня шампанское не берет, – ответил Женя уверенным тоном и протянул рюмку. Я с сомнением покосился на нее и резким залпом

выпил, закусив ломтиком лимона.

Странная штука эта жизнь. Мне всего 25 лет и я не хочу умирать. Будь сделки с дьяволом правдой, я бы заключил подобную сделку. Почему? Потому что хочу жить. В 25 лет не думаешь о смерти, она есть, бесспорно, люди умирают каждый день, но всегда верится, что этот день не твой последний, не прощальный. Не знать, что можешь умереть в любой момент и точно знать, что умрешь – это разные вещи. На этот счет мне не повезло...

Помню, в детстве когда умерла моя бабушка, я не чувствовал ничего, кроме непонимания. В свои 11 лет я не понимал, каково это жить, жить и умереть в один прекрасный момент. И все. Был ты и тебя нет.

Самое страшное, ничего не измениться. Не перестанет светить солнце, не замедлят свое движение планеты, не поменяются местами зима и лето, все останется по прежнему, но без тебя. Будто тебя и не было вовсе.

Взгляд мой упал на кольцо. Когда выбирали кольца, мое хоть и свободно снималось и одевалось, но не болталось. Сегодня же оно еле бедное держалось на исхудавших пальцах. Ради эксперимента я потряс рукой, и оно тут же упало на пол. Веселенькое дело. Так и потерять можно. Пусть полежит в сохранности в кармане брюк.

Лера

Я не могу представить свою жизнь без него. Это противоестественно. Ибо небеса закрепили наш союз слиянием душ. Мы всегда будем вместе, наши сердца будут биться, даже если какое— то из них остановиться вдруг, другое будет биться за двоих. Ибо мы единое целое, мы половинки друг друга. Одно целое.

Я смотрю сейчас на него и любовь моя льется через край, наполняя меня невесомостью.

Эти глаза изумрудного цвета как загадочный пруд зовут за собой в неведомые дали, где сбываются мечты. Мне ничего не жалко ради них. За них можно и умереть. Мне ничего не жалко и отдать за них жизнь – будет самым малым, чем я могу отблагодарить их за все, что они сделали для меня.

Эти руки, что сейчас пальцами выбивают дробь на столе, вскоре будут перебирать мои волосы, касаться моих губ, моих рук.

Губы, что сейчас очарованно и лукаво изогнулись, позже будут обжигать мое сознание горячим дыханием и голос его с бархатными нотками будет полон сладости.

Скоро я почувствую пьянящую близость и тяжесть его мускулистого тела на себе... Осталось всего два часа и я, наконец, буду принадлежать ему навсегда и полностью.

Я, вероятно скверная невеста, раз в голову мне лезут такие мысли. Но желание быть его побеждает стыд, и я вновь смотрю на него. Какой же он красивый, словно настоящий Принц. И я его принцесса, его жена отныне и навсегда и ничто этого не изменит. Никогда.

Мой муж посмотрел на меня и послал мне улыбку сквозь толпу. Я улыбнулась в ответ. Я счастлива. Он счастлив. Я знала это. В ЗАГСе он так сильно сжал мне руку, что я ойкнула, когда мы бежали под горстями лепестков роз и риса...

Руслан

Сестра подошла ко мне, легонько тронув за плечо.

– Руслан, вы уже решили на счет путешествия? Руслан?! – голос Милы затихает.

Темнота вдруг заслала мои глаза.

Я явно почувствовал тот дивный аромат своих волшебных цветов. На этот раз я точно не

смогу противиться их очарованию.

Прости меня, моя Лера. Я сделал все, что мог.

Прости меня.

Лера

Секунда.

Я вижу его улыбку такую чарующую и любимую, я дарю ему свою в ответ.

Секунда.

Его глаза внезапно темнеют, и я в этот момент вижу как он, все еще улыбаясь, все еще смотря на меня, начинает медленно падать.

Лицо резко бледнеет, и я понимаю все.

В его руке все еще бокал, который летит вниз и разбивается.

Секунда и я уже не вижу Руслана.

Секунда.

Ступор проходит, и я бегу к нему, отчаянно проталкиваясь сквозь толпу.

Боже, если ты есть, не медли, заведи меня к нему!

Пара минут возле него и в этот момент темнота настигает и меня...

Легко. Ни боли. Ни слез.

Легко. Пусто и темно.

Я очнулась, незнакомое мне помещение.

Где я? На рай или ад непохоже.

Где Руслан?

Воспоминания пришли вместе с болью. Я должна быть рядом.

Комок в горле не давал дышать. Мне не хватало воздуха. Перед глазами стоял он. Его изумрудные полные любви глаза, его последняя улыбка...

Я не верю! Почему так? Почему так мало? Почему я не успела? Не стон, а животный крик вырвался из меня.

– Тихо, маленькая, тихо.

Я не знаю этот голос! Кто это?

– Где Руслан? Где он? – я срываюсь на крик, пытаюсь вырваться, взлететь как птица, ломая крылья, отчаянно бьюсь в чужих руках, когда мне делают укол и я вновь лечу в темноту...

Вернись... Пожалуйста. Вернись...

Я с силой вонзила ногти в ладонь. Боль ощутима, но почти незаметна и несоразмерна с болью в душе.

Она рвет меня на части. Слезы душат меня, пока мы ждали.\

Казалось еще совсем недавно мы сидели с ним, крепко держась за руки, сидели рядом, смотря в глаза друг другу.

Знаю, я должна быть сильной, я ему нужна в этот час. И знаю, он не уйдет, не попрощавшись...

Можете считать меня провидицей, но я чувствовала, он не сможет в этот раз вернуться, как всегда.

Я чувствовала его Боль и его мольбу отпустить его.

Видела его перед собой и вспоминала его слова перед свадьбой. Он тогда такой красивый и счастливый прошептал мне: «Я буду любить тебя вечно, вечность перед мной.

Только ты не держи меня, когда мне нужно будет уйти. Мое сердце останется с тобой»...

Теперь я сидела на иголках, ожидая новостей. Взглядом буравила дверь, где пытались спасти моего милого.

Рядом сидел Женька, он тоже судорожно сжимал руки.

Ну почему все так долго?

Время порой безжалостно.

Я хочу быть сейчас с ним, заставляя его жить, дышать, сердце биться... а вынуждена сидеть здесь, пока врачи пытались спасти его.

Я ведь сильнее их. Я могу помочь.

Я спасла его однажды, смогу и в этот раз оградить его от всего, даже от смерти.

В который раз встала и принялась шагами мерить коридор. Ровно двадцать.

Всего двадцать шагов, я так далеко от него! Слишком. Он может не услышать меня.

– Лера, сядь на место, пожалуйста, – нарушил молчание Женя усталым голосом.

Мы не спали с ним ночь, дежуря в больнице, отказываясь покидать Руслана. Родня и друзья тоже дежурили с нами, только сейчас мы остались вдвоем.

Кома. Плохое слово. Она продолжалась всего два дня, а на третий у Руслана вдруг остановилось его такое сильное и смелое сердце... Я представляю, что он испытал за это время, но не готова отпустить его, зная, что в этот момент для него будет все кончено.

Знаю, мой любимый, я обещала тебе и всегда знала, мне придется остаться без тебя когда-нибудь, но я не знала, что это будет так скоро...

– Тебе принести чего-нибудь? Может воды? – спросил Женя, уже вставая с кресла и подходя ко мне.

– Почему нас не пускают? – жалобно спросила я.

Он лишь поджал губы.

– Я схожу вниз за кофе, ладно? Справишься тут одна?

Я кивнула. Женя ушел, а я посмотрела в окно. На улицах нет ни души.

Город спит в пять утра. Где— то только просыпались рядом с любимым человеком, им снились сны... сны.

Сколько раз мне снился этот кошмар, мое бессилие что— либо изменить...

Руслан мне никогда не рассказывал свои сны. Таблетки и боль мешали запомнить их, но уверена, что сейчас он видит самый лучший свой сон. Уверена, там есть я.

Глаза неприятно покалывало, слез уже нет.

Вдруг я почувствовала его присутствие рядом, его дыхание у меня за спиной и знала, что если обернусь, то никого не увижу... но он рядом. Запах туалетной воды, тепло рук, вдох— выдох, биение сердца.

Тук— тук— тук.

Внезапно окно распахнулось и меня обдало теплым ветром.

Он ушел, попрощавшись...

Я стояла у раскрытого окна, пока не пришел Женя, держа в руках два стаканчика в руках.

– Ты чего? – подошел он ближе к мне, протягивая кофе.

– Все. Он ушел. Ушел.

– С чего ты взяла? – он резко развернул меня к себе и заглянул в лицо.

Я подняла на него глаза:

– Он попрощался.

Тут та долгожданная дверь открылась, и из нее вышел врач.

– Вы родственники?

Мы кивнули.

– Ничего. Соболезную.

Женя закрыл лицо руками.

Я посмотрела в окно. Пошел снег большими хлопьями. Они так красиво кружились в свете желтых фонарей...

– Я тоже люблю тебя. Жди меня. Спи мой любимый, спи, все позади, ты не успеешь соскучиться, как мы будем вместе, – шепнула я в темноту и захлопнула окно.

Глава 49. Мир рухнул, но она все еще со мной.

*Жизнь легче, чем кажется:
нужно всего лишь принять невозможное,
обходиться без необходимого,
и выносить невыносимое.*

Жюль Ренар

Женя

Тянулся первый месяц.

Второй длился.

Пролетел третий.

Прошли мимо осень и дожди.

Затем наступила зима.

Долгие дни, бесконечные ночи. Чуть— чуть горе ослабило свою хватку.

Проживая день, я готовился вновь сражаться за ее жизнь.

Поверьте, это сложно.

Сложно заставить кого-то жить, когда он не хочет и ищет все возможные пути помочь себе. Для этого я всегда рядом с ней, пришлось, правда принять меры: убрать режущие, колющие предметы; в квартире нет таблеток, нет моющих средств, дверных ручек, замков, шнуров, поясов, проводов, стекла и прочего опасного.

Знаю, как по проблеску в глазах, случайному движению ресниц, усмотреть один неверный с ее стороны шаг. Слежка велась круглосуточно.

Часто ощущение паранойи сменялось тревогой уже за собственное здравомыслие. Казалось, схожу с ума вместе с ней, если не за нее.

Внешне ничем моя борьба не выражалась, зато внутри меня раздирали на части злоба, агрессия вперемешку с болью, любовью.

Убийственный коктейль. Ваше здоровье.

На самом деле привычное утешение в алкоголе недоступно. Иначе не уследить за ней.

В борьбе за ее сердце, ее любовь я получил не то что хотел.

Ожидание не превзошло себя. Вместо счастья достались его осколки, ранящие нас обоих...

Вместо любви я ощущал себя ненавистным, мешающим, но на удивление во мне нуждались, хоть и не замечали присутствия.

Днем Лера лежала и смотрела в потолок, а ночью дежуря возле двери, я слышал обрывки ее молитв.

Слышал шепот, всхлипывания, и сердце разрывалось на части.

Не раздумывая, я бы отдал свою жизнь в обмен на жизнь лучшего друга, лишь не знать о ее муках.

Забыв про свой сон, я сторожил ее хрупкий сон, сквозь который она не переставала звать Его. Просыпаясь и видя мое лицо, она со стоном отворачивалась. Я не тот, кого она ожидала увидеть возле себя. С каждым разом все не тот и не тот. Планка собственного достоинства падала все ниже и ниже.

Ни о такой истории любви мечталось. И все же, все же мне хорошо с ней, не смотря ни на что. Я почти счастлив.

Жизнь напоминала пороховую бочку, зная о зажженном фитиле, но, не зная о том, когда рванет, вот что напоминала наша жизнь, это томительное ожидание, когда все придет в норму.

На днях, пока я собирал раскиданное белье (уборка никогда не была моим коньком) Лера заговорила, не поворачивая головы, сухим надломленным голосом:

– Как ты считаешь, его душа уже успокоилась?

Я пожал плечами. И это за месяц молчания. Больше со мной она не говорила, как и ни с кем. Лежала, уставившись сапфирными глазами в потолок день за днем.

Оксана пыталась вывести ее из этого состояния, но ничего не вышло, осталось ждать.

Я ждал, не сводя глаз и в полной боевой готовности, выучил все ее уловки, малейшее изменение во взгляде и уже готов вновь вытащить ее из бездны.

Сколько я вытаскивал ее из веревки?

Полузадушенную, побледневшую, на удивление спокойную и примирившуюся? Всех случаев не упомнишь.

Таблетки?

О, это ее любимый способ.

Берешь, стаскиваешь ее с кровати, тащишь в ванную, затаскиваешь в белоснежную ванну на себя и суешь пальцы в рот любимому человеку, и смотришь, как его выворачивает наизнанку, не успевая стирать рвотную массу попеременно с неуспевшими раствориться таблетками, ни с ее лица, ни со своих рук.

Вода из душа льется на нас обоих, но из— за неприятных звуков и моих криков, ледяной душ практически не ощущается.

Мокрый, замерзший, осипший и злой снова поднимаешь слабую, безвольную девушку из ванны, относишь в комнату, кладешь на кровать и раздеваешь до белья, не обращая внимания на прозрачность и бледность кожи, уж тем более на само белье, снимаешь мокрую одежду и заботливо сначала одеваешь ледяные ступни в носки, потом накрываешь двумя одеялами.

Теперь в личном распоряжении минут 10 на приведение себя в относительный порядок.

Затем в ответ на ругань, просьбы и мольбы остается молчание и немой укор во взгляде.

А лезвие? Столовые ножи? Канцелярские ножи?

Все что угодно, что может причинить боль.

Стоит ослабить хватку и понеслось. Порезы на руках, ногах, теле.

Вначале по неопытности мне приходилось перевязывать ее порезы по три раза. Потом приоровился.

На прошлой неделе ей пришла в голову замечательная идея, пока я курил на балконе, девушка разбила в ванной зеркало и намеревалась особо большим осколком перерезать себе шею. Слава Богу, или кому там еще, мне пришло в голову оглянуться и заметить ее отсутствие на привычном месте.

Я успел, ценой пары ушибленных пальцев на левой ноге, отобрать у Леры опасный предмет. Признаться, честно, я не сильно встряхнул ее за плечи, стремясь вызвать хоть какое — то чувство в ее глазах. Бесполезно.

Порой осознание собственного бессилия убивало во мне все человеческое. Наблюдая за двумя влюбленными, поневоле чувствуешь себя третьим лишним, особенно учесть тот факт,

что любишь ее если не так же равносильно, то почти равное его чувству.

Думаешь, что и ты достоин счастья, что, быть может, она не была бы несчастной с тобой. Только ей ты не нужен. Не нужен и на замену не сойдешь, даже как запасной вариант...

Все же дружба с ней не тяготила меня.

Это было лучше, чем совсем ничего. Дружба позволяла некрепкие объятия, поцелуи в щечку, держаться за ручку и давала знание всех секретов. Тут не как в любви, идешь по минному полю без соответствующего снаряжения, нет, дружба это снаряжение и предоставляла. Казалось, эти границы нерушимы. И меня все устраивало до определенного момента.

Границы разрушились, когда они объявили вдруг о своем намерении пожениться. Что за бред? Жениться в таком случае? Зачем? Я в бешенстве так и заявил лучшему другу. На что он виновато улыбнулся. Я стерпел и ничего никому не рассказал. Может я мазохист? Пошел на свадьбу, весело провел время, через три дня хоронил лучшего друга, заодно со своей гребанной любовью.

После похорон и поминок Лера поселилась в квартире Руслана, откуда практически не выходила. Я сделал тоже самое, так мы и жили в собственных воспоминаниях, упиваясь горем. В голову другого варианта мне не пришло, обещая, не мог оставить ее одну, прекрасно отдавая себе отчет в том, что даром нам обоим это не пройдет.

На похоронах накаченная сверх меры успокоительным, она держала меня за руку, не замечая бросаемых на нас взглядов друзей и родственников Руслана. Мысль о том, что нам это припомнят и не так поймут, промелькнула в голове, но изменять ничего не хотелось.

После похорон на поминки мы не поехали, я посадил ничего не соображающую девушку в машину и увез домой, не обращая внимания ни на кого. Оксана пыталась меня остановить и что— то говорила, но я никого не хотел ни слышать, ни видеть.

Со временем я осознал последствия своего необдуманного поступка, впрочем, изменить ничего нельзя. Родственники Руслана больше не звонили и не встречались с нами. Никто не переступал порога нашего убежища. Только потом понял почему.

Лере было все равно. Думаю, она настолько погрузилась в себя, что не замечала смены времени, меня рядом. Мне приходилось ухаживать за ней как за маленьким ребенком.

Часто она забывала про естественные свои желания на счет еды, питья и прочего, не испытывала каких— то неудобств, правда она мылась с моим руководством, после того как пыталась перерезать себе вены. Иногда слабая полуулыбка доставалась мне в вознаграждение.

Любил ли я ее?

Еще больше, сильнее, чем раньше. В те мгновения, когда она орошала меня слезами, прижимаясь ко мне, я чувствовал себя почти счастливым, почти живым, почти любимым.

Вот сейчас Лера медленно повернула голову ко мне. Она изменилась с того дня, сильно похудела и словно почернела изнутри, ни блеска в глазах, ни намека на улыбку, ведь эти губы любили смеяться, сухой, безжизненный голос.

Та искорка в ее глазах, бездонных и таинственных, погасла во мраке ее сердца.

Между нами воздвигнута стена, за которую я тщетно пытаюсь пробиться. Повернула голову, внимательно посмотрела на меня и отвернулась. Так целый день. И кто кого пересидит?! Конечно, у меня больше опыта, у Руслана была похожая ситуация, надеюсь, что одержу победу все— таки я.

– Женя, – слабо прошептала девушка. Она опять плакала.

– Да?

Нет ответа.

Глава 50. Две полоски

Сегодня утром Вика с нетерпением ждала ухода мужа на работу.

Прошло два месяца после всех событий, от Нади нет вестей, она исчезла, испарилась, Егор продолжал жить в семье: работал, гулял с детьми и слова плохого не произносил в адрес жены. Покорно и безропотно исполнял свою роль счастливого отца семейства.

Наконец он ушел, по привычке чмокнув Вику в макушку. Она еле дождалась, пока он сядет в машину и рванула в туалет.

Месячных нет уже второй месяц и Вика надеялась на их появление. Просто сбой в организме. Ведь она только недавно перестала кормить младшего грудью. Слова, которые она повторяла как мантру. Девушка зажмурилась, взмолилась и открыла глаза, ожидая результата.

А на тесте две полоски.

Две.

Полоски.

Вика молча сползла по стенке.

Да, Егор продолжал жить.

Изо дня в день искал в толпе любимое лицо.

Закроет глаза и перед ним его Надежда. Любимая, чей облик он бережно хранит в сердце как драгоценную реликвию.

Он ничем не мог помочь Смирнову, который похоже тронулся умом. Хотя далеко ли он сам ушел от него? Безумие, как и любовь заразно. Не знаешь, когда вляпаешься и увязнешь по самые уши.

Его безумие началось, когда он нанял частного детектива. Ему необходимо знать, что она жива и с ней все в относительном порядке. Поэтому значительная часть его зарплаты шла на оплату его услуг. Парень оказался способным и через пару недель у Егора есть и новый телефон, и адрес его Нади. Теперь она работала все тем же бухгалтером в сетевом магазине.

Смотря на фотографии, предоставленные детективом, Егор улыбался. Все также ослепительно красивая, притягательная и чужая.

– Здравствуйте, Егор Владимирович! – в кабинет заглянула робко секретарь Ольга, – Я документы привезла от Евгения Юрьевича.

Егор, молча ей кивнул. Сейчас он временно исполнял обязанности генерального, раз теперь все принадлежало Лере.

Ольга аккуратно положила папки на стол и с любопытством уставилась на Егора:

– Я Вам еще нужна?

– Нет, Ольга, можете идти. Если что я позвоню.

Девушка ушла. А он снова любовался снимками Нади. Где бы взять смелости и уехать к ней? А может ли он? Ведь его безупречная Вика приняла его обратно, простила и ничем не напоминала о его измене. А он... продолжает думать о другой. Сам не ценит того, что имеет...

Безупречная Вика прорыдала в ванной полдня. Каждый тест показывал одно и то же.

Она беременная. И знает от кого. Проклятые синие глаза!

Она не видела его после похорон. Слышала, он уехал почти сразу же. Смирнов заперся в квартире с Лерой, Вероника указала братцу на дверь и Алексу ничего другого не оставалось. Он не выполнил последней просьбы племянника. Поскольку Максим наотрез отказался уезжать без Вари, Дима стал вновь плясать под дудку жены вместе с Милой. Алекс ничего не смог сделать.

Стоило Руслану умереть, и коалиция развалилась. Ника снова стала полноправной хозяйкой. А он уехал. Правда, недалеко и всегда готов вернуться назад.

Вика задумчиво вертела телефон в руках. Написать или нет? Может лучше позвонить? И что она ему скажет?

– Эй, привет! Помнишь, мы переспали и вот я оказывается залетела от тебя!

Весёленький разговор. Пошлет ее куда подальше и будет прав. Беременность сама не пройдет. Обманывать мужа Вика не будет. Все исправит и слова никому не скажет. Хотя стоит рассказать лучшей подруге?

Мила не рада ее звонку. Слушала сбивчивые объяснения подруги и хотела только одного, чтобы та заткнулась. Чего они все пристали к ней? Сначала спят с кем хотят, потом думают.

Девушка еще жила дома. Не смогла бросить отца и брата, который, между прочим из дома ушел. К своей Варе. Теперь просто жил у Смирновых. Мила тоже бы ушла туда, если позвали.

Но не звали. Последний разговор с Женей надолго запомнится, он послал ее к черту, когда она пыталась помочь. Придурок. Будто бы она могла сделать что— то плохое Лере. Ей хотелось выть и бежать без оглядки. Только куда? Куда бежать? И главное к кому...

Видеть Петра она категорически не желала. Он не оставлял попыток, не сдавался.

Обманщик. Лгун. Предатель.

И пускай он тысячу раз извинился, пускай забрасывал ее сообщениями, цветами, она не собиралась прощать его.

Ни за что.

Настроение отвратное. Поэтому едва дослушав подругу, она тут же позвонила Алексу:

– Привет.

– Привет. Что— то случилось?

– Случилось. У тебя будет ребенок. Вика звонила.

И хорошо дядя не видел сейчас ее лицо, озаренное мрачной и довольной усмешкой. Пусть пострадает. Не всем быть хорошими и Ангелами. Кого— то можно и пустить в расход.

Глава 51. У меня иллюзий нет

Женя

Прошла зима. Близился конец марта. Ничего не изменилось, кроме того, что я начал ходить на работу и мог оставить ее одну дома.

Почему? Ну, должен был я чем— то заняться, бесконечно мой отчим не мог заниматься не своими делами.

Дела в принципе на фирме шли хорошо и без моего непосредственного участия. Можно было, и раздавать указания из дома, но для подписания важных бумаг Оле пришлось бы приходить к нам домой, а этого мне не хотелось.

Посторонние глаза ни к чему. Тем более Лера начала приходить в себя потихоньку. Конечно, это началось не сразу, но прогресс на лицо. Запрещенные предметы до сих пор заперты в надежном месте, а ключ я носил с собой, но все— таки ей можно было доверять.

Девушка стала интересоваться происходящим в мире, стирала, гладила наши вещи, убиралась в комнате, чем значительно облегчила мне жизнь, поскольку, не смотря на мои ухищрения, в бардаке мы все же погрязли.

Теперь на работу я ходил в идеально отглаженных рубашках, дома меня ждал вкусный обед и ужин. И, похоже, жизнь стала налаживаться. Конечно, это была своего рода иллюзия, которой мы прикрывались оба, но пока нас обоих это устраивало.

Я делал вид, что не замечаю, три тарелки и три прибора на столе и отглаженные рубашки Руслана, она делала вид, что все нормально. И пока это устраивало.

Ольга не задавала вопросов на работе обо мне или о Лере, но смотрела заботливо и кротко.

Кабинет наш с Русланом я переделал под самого себя, оставив общие фото на стенке. Прочие вещи попросил секретаршу убрать, не потому что они мне мешали, а для порядка. Кабинет выглядел теперь пустым.

Первый рабочий день начался как обычно: пара звонков, куча неразобранной почты, пара кружек неизменного заварного кофе.

– Женя, может сходить за булочками? Перекусишь? – робко спросила Ольга.

Я нехотя оторвался от бумаг и взглянул на нее. Под моим взглядом девушка смутилась и опустила глаза с длинными и пушистыми ресницами.

Хороша, нечего сказать. Выдавив из себя вздох, утвердительно качнул головой. Похоже, кого— то ждет увольнение. Девушка довольная скрылась, а я написал сообщение Лере.

«Доброе утро! Ты уже проснулась? Чем занимаешься?»

Она ответила тут же:

«Доброе утро, еще валяюсь. Как твой рабочий день? Напряженный?»

«Молодец. Все путем. Если хочешь, на обед не приду, пообедаю на работе».

Пару минут я держал в руках телефон, ожидая ее ответа.

«Что ты в самом деле... Приходи. У меня есть разговор».

Разговор? И о чем?

«О чем? Что— то случилось?»

«Нет, я хотела попросить тебя купить мне карандаши цветные и бумагу, пожалуйста».

«Ок».

Я не спрашивал зачем. Все равно узнаю. Отложив телефон в сторону, принялся за

разгребание бумаг, коих накопилось. Через час пришел отчим и озарился при виде меня.

– Привет, Женя. Рад тебя видеть. Как ваши дела?

– Привет. Да все нормально. Вот пришел на работу. Введешь в курс дела?

Если отец и хотел что— то сказать, то держал это при себе. Мы занимались делами до обеда, перекусив кофе и свежими булочками, которые принесла Оля.

– Приезжайте к нам, когда захотите, а то сидите взаперти. Как Лера, кстати?

– Нормально, пап. Мы подумаем над этим и я позвоню, лады?

– Мы беспокоимся о вас, пойми. Лучше вам приехать и погостить у нас.

Я вскинул бровь.

– Есть что— то, о чем я не знаю?

– Есть всегда что— то, о чем ты и не можешь знать, – парировал отец, пристально смотря мне в глаза.

– Она не готова и не хочет никого видеть, папа. Что я могу сделать?

Отец отвел глаза и постучал пальцами по столу, словно раздумывая, стоит сказать сейчас или нет.

– Приходила сюда недавно Люда, интересовалась делами, – нехотя выдавил из себя отец.

– Люда? Какого ей здесь надо? Мне Ольга ничего не говорила.

– Я просил не говорить. Мне не нравится эта семейка и никогда не нравилась, ты знаешь. Единственным нормальным человеком там был Руслан, Царство ему Небесное. Ты не знаешь самого интересного. Люда не просто приходила, она собиралась заниматься делами. Притащила кучу своих вещей, разложила и заявила, раз ее брат умер, она станет вести его бизнес.

– Весело, – только и протянул я, – И что ты же сделал?

– Выставил ее вон. Отдал ваши документы юристам, там все чисто. Не знаю, на что она надеется. Фирма изначально была только твоей, хоть все думали и иначе. Например, для меня с матерью это стало откровением.

– Я для вас всегда откровение, – ехидно заметил я, – Просто пап, мы решили подстраховаться еще тогда, зная его родню. Может, это было предчувствие. Не суть. Что еще нового?

– Не думаю, что с твоей стороны было логично, хоть и правильно забрать Леру к себе. Теперь, правда, уже поздно. Но пока Люда тут орала, я узнал много нового от нее о тебе и ней. Не подумай, не лезем мы в твои дела, но позволь дать совет. Съезжайте оттуда, пока не стало поздно.

– Надеюсь, ты хоть не веришь этим сплетням?

Отец замялся, поднял голову и прямо посмотрел мне в глаза.

– Нет, я знаю своего сына и видел глаза этой бедной девочки. Прошу будь осмотрителен. И все— таки лучше вам переехать.

– По документам квартира тоже моя, пусть и покупал ее Руслан. Так что обломаются.

– Может да, может нет. Вообще, подумай хорошенько.

Больше к этому разговору мы не возвращались, Лере я тоже ничего не рассказал. Зачем ей лишние переживания...

Прошла неделя. Лера увлеклась рисованием, безостановочно рисуя пейзажи за окном, Руслана, иногда мое лицо в толпе. Я поддерживал ее начинания, принося домой пачками

краски, бумагу и карандаши, заказал ей в подарок мольберт. У нее изумительно получалось, Руслан выходил на ее рисунках живым. Он был разным, то улыбался, то сердился. Казалось, память подбрасывает ей воспоминания, которые затем оживают на бумаге. Мой малыш понемногу приходил в себя, пускай и жил в своем придуманном мире, но жил, пусть и так. Мы редко говорили о Руслане, я старался меньше касаться этой темы. Мы вспоминали все, да, кроме его смерти. Эта тема стала запретной.

Больше всего на свете я боялся, что она сойдет с ума. Боялся, что посмотрю ей однажды в глаза, и она не узнает меня, погрузится полностью в свое отчаяние. Пока этого не произошло.

Все бывает когда— то в первый раз.

Забавно, мы ночевали вместе. Это случилось через неделю после того разговора с отцом.

Я лежал в гостиной, когда увидел Леру, бледную, с растрепанными волосами, она, молча, подошла и забралась под одеяло. Я приобняв ее, лег на спину, и всю ночь она проплакала на моем плече.

С тех пор она проделывала это каждую ночь и всегда без единого звука. Не стану описывать свои эмоции по этому поводу.

Не потому что боюсь спугнуть.

А потому что знаю, отчего она это делает.

Одиночество. Чувство всепоглощающее. За неимением Лучшего она довольствуется тем, что есть.

Иллюзия. Великая вещь для тех, кто не желает мириться с Настоящим.

У меня иллюзий нет.

Глава 52. Муки совести

Петра мучила совесть. И дело тут не в обещании самому себе или Нике. Он не мог найти слов и причин, чтобы выпалить все как на духу. Это не трусость, он всего лишь не хотел навредить.

Изо дня в день он задавался одним и тем же вопросом. Что будет, если он расскажет, что знает? Ведь пока все относительно тихо.

Женька не занимается фирмой, ему не до этого. Ника получает исправно деньги, скорее всего она одумалась и смирилась.

Стоит ли сейчас кидать камень в спокойную гладь? А не сказать, тоже плохо. Он как никто знает, на что способна Вероника. Она думает, что ни одна душа на свете не в курсе ее выходки.

Да и он сам... Идиот.

Воспоминания мучили его. Алкоголь помогал лишь на время. А память... Она была наотмашь...

Он тщетно пытался дозвониться до Милы. Телефон выключен или находится вне зоны сети.

И так несколько дней подряд. Поэтому он и на свадьбу не пошел. Кто же знал, что там произойдет.

Он наблюдал за ее домом, когда начался весь переполох. Не докурив, бросился в дом, пробился сквозь толпу. Именно ему Женя взмолился:

– Уведи отсюда Леру, пожалуйста!

Сам Смирнов стоял на коленях перед другом, разрывая жилет ему руками. Руслан полулежал на полу без сознания.

Петя подхватил безвольное тело невесты и отнес ее в ближайшую открытую комнату. Девушка то приходила в себя, то вновь теряла сознание и так до приезда скорой. Врачи экстренно погрузили Руслана на носилки, сделали укол его жене и оставили Леру на попечение растерянного Петра.

Дверь беззвучно открылась и в комнату вошла Ника. Бледная и растрепанная, но отчего — то полная решимости.

– Замечательно. Теперь помоги мне.

– В чем? Ника?

Она требовательно топнула ногой:

– Несчастная. Не смогла жить после смерти любимого. Помоги мне избавиться и от нее.

– Что?! – Петр уставился во все глаза на Нику.

– Что слышал. Ты думаешь, я позволю какой— то девчонке забрать у меня все?! Помоги мне, говорю! Она, бедняжка лишилась рассудка, наглоталась таблеток и умерла.

Ника бросила ему пару блистеров. Петр их растерянно поймал. Перевел взгляд с таблеток в руке на Леру.

– Чего ждешь? – зашипела Ника.

– Иди ты на хер, Вероника! Чего я жду? Какого хера вообще? Ты совсем сбрендила?

Он бросил ей блистеры назад:

– Если ты так хочешь, жри их сама! Чокнутая дура!

Ника прищурившись вновь зашипела, как разъярённая кошка:

– Ты что место свое забыл?

– Я то помню, ты так часто о нем напоминаешь! А ты свое помнишь? Ты мать, должна быть возле сына!

– Я буду возле него лишь для того, чтобы перекрыть гаденышу кислород!

Петр никогда не бил женщин. Драться ему приходилось и не всегда он выходил победителем, но сейчас он почувствовал, что готов перейти ту черту благородства, что еще пока в нем оставалась. И не успел. Потому что пощечину залепил сестре Алекс.

– Заткнись уже, – коротко бросил он ей и обратился к Пете, – Остайся с Лерой, пожалуйста. Придет в себя, привези ее в больницу. Я туда вместе с Милой.

И вышел, не смотря на сестру. Ника коснулась своей щеки, на которой предательски горел след от ладони брата.

– Значит, ты у нас теперь хороший? – налетела она на Петра.

Он отвернулся от нее, хмурясь:

– Я никогда не был хорошим. Но такой выбор не для меня. Извини, Ника.

– Я заберу все, что принадлежит мне. Будешь стоять на дороге, не пожалею. Учти на будущее, – процедила она сквозь зубы и кинув взгляд, полный ненависти на Леру, вышла.

Петр устало опустился на пол. Чего ждать от Вероники он знал. Она ударит тогда, когда он будет слишком слаб.

Вероника прошла в гостиную, опустевшую на тот момент. Гости разошлись. Муж вместе со всеми уехал в больницу.

Женщина подошла к осколкам бокала, из которого пил ее сын и достав перчатку осторожно собрала осколки. Нельзя их тут оставлять. Яда им не обнаружить, но ведь случайности нельзя исключать. Лучше все убрать и подождать до лучших времен. А в том, что они настанут, она не сомневалась.

Она всегда получает то, что хочет. Любой ценой.

Только Ника не заметила внимательно наблюдающего за ней Петра. И он понимал, она не просто так здесь совершенно одна. И не просто убирает острые предметы, об которые можно пораниться. Да, Ника в жизни пыль не вытерла, а тут проявить такую заботу? С чего бы?

Он видел, дело нечисто. И промолчал. А теперь совесть ела его огромной ложкой...

Глава 53. Нас станет четверо

Женя

Наступил апрель, за ним пришла весна.

Вслед за ней расцвела и Лера. Сначала появился зверский аппетит.

Признаться, честно повар из меня, как балерина.

Поэтому блюдом номер один стали пельмени, которые чередовались с блюдом номер два яичницей. Леру все устраивало, уплетала за обе щеки и стремительно набирала вес. Впрочем, полнота ей шла. По крайней мере, настроение еда ей здорово поднимала, о большем я и не просил.

Мы частенько выходили на улицу, гуляли в вечернее время, держась за руки, но на глаза людям старались не попадаться.

Для нее проблемой стало выходить куда— то без меня, даже в магазине она испуганно озиралась по сторонам, крепко вцепившись в мою руку, словно я мог внезапно исчезнуть.

Успокаивалась она только дома, только дома я и мог оставить ее ненадолго, чтобы успеть сходить на работу и взять ее с собой.

Делами фирмы вновь занимался мало, практически не занимался вообще. Пришлось снова передать управление делами на время отчиму, и он прекрасно с этим справлялся. Моим родителям можно было поставить памятник еще при жизни, без слов, без истерик взяли на себя все заботы, часто приходили, звали нас к себе, постоянно приобретали Лере подарочки, приятные безделушки, мелочи, заботились о ней как о собственной дочери.

Думаю, мама надеялась когда-нибудьполучить Леру в невестки, правда открыто она об этом не заявляла, но я— то знаю свою маму.

Варя наконец— то стала встречаться с нормальным парнем из другого города, он часто приезжал к ней и они вместе гуляли с нами. Я благодарен сестре за ее заботу и внимание к ней.

Знаю, мало интересовался делами своей семьи, полностью поглощенный Лерой, претензий они, слава Богу, не предъявляли.

С семьей Руслана я не сталкивался и порой забывал о ее существовании. Они не напоминали о себе. Надеюсь, это к лучшему. Хотя...

Сегодня на улице пела весна, звонко капали сосульки с крыши. Квартира озарилась солнечным светом, захотелось открыть настежь окна, двери, пустить весну в дом и не выпускать.

Лера с утра торчала на кухне, я наоборот проснулся поздно, когда солнечные лучи достигли лица. Безбожно проспав на работу, поднялся, прошлепал в ванну. Ночевал я всегда в гостиной как и прежде, поэтому до ванной тут два шага.

– Женя, чай, кофе будешь? – видимо девушка услышала мои шаги. Стянув серую футболку, включил воду, приготавливаясь засунуть голову под душ.

– Наливай, – ответил из ванны. Нужно было побриться, иначе смахивал на бородатого ученого, не хватало только очков и палатки.

Вдруг раздался звон бьющейся посуды.

Я тут же отбросил полотенце в сторону и бросился на звук. Влетев на кухню, увидел испуганную Леру, держащуюся за живот.

– Что, что случилось? – не своим голосом заорал я.

– Женечка, меня в живот толкнули, – прошептала девушка, растерянно держась на стол.

– Как? Кто? – не понимая прокричал я.

Вместо ответа девушка подошла ближе и, взяв мою руку, приложила ее к своему небольшому животу. И тут мою руку приветливо пихнули.

Миллиарды солнц в этот момент взорвались во мне.

Всего один маленький толчок в подставленную ладонь и жизнь перевернута.

Смятение, растерянность сменило чувство всепоглощающего счастья. Новая жизнь, маленький человечек поздоровался, заявил о себе. Сказал: «Привет!»

Я и не заметил слез, которые капали из глаз.

– Женя, надо, наверное, мне к врачу, да? – прошептала Лера.

– Да, надо, ты собирайся потихоньку и поедем.

Надо ли говорить, что к врачу мы летели как на крыльях?

В больнице на нас посмотрели, как на сумасшедших. Четвертый месяц беременности проходил без нашего внимания. Непонятного возраста тетя – гинеколог укоризненно отчитала меня:

– Папаша, куда же ты раньше смотрел? Вы только очнулись! Куда вы смотрели? Спали что ли?

Лера прыснула от смеха. Если это можно было назвать сном, то да, мы спали все эти четыре месяца в прошлой жизни.

Лере сделали УЗИ, провели кучу обследований, взяли анализы и обрадовали нас двойней женского пола. Лицо моей любимой озарила такая нежность к маленьким крохам, что на пару минут я увидел ту девушку, которую однажды встретил. Она вернулась и не собиралась больше исчезать.

Знал ли я, что за этим последует? Возможно.

Лера позвонила всем, всем тем, с которыми мы не общались порядочное количество времени. Она, к своему удивлению узнала в этот день гораздо больше о себе и обо мне, все слухи вылились на ее как ушат ледяной воды. Вот с этим поделаться ничего нельзя.

Потерявший всякий человеческий облик отец Руслана орал на нее по телефону, не стесняясь в выражениях, суть которых была в том, что она не смела больше свою распущенность и моих ублютков, причислять к их семье и марать добрую и светлую память их сына.

Я не стал дожидаться еще более оскорбительных слов и вырвал трубку из ее побледневших пальчиков, послав его куда подальше.

– Почему ты ничего мне не сказал? Ты все знал? – спросила Лера, обиженно надув хорошенькие губки. Я прикусил нижнюю губу, внимательно смотря на девушку.

– Что я должен был тебе сказать?

– Как что? Он, они, – голос задрожал, и Лера заплакала.

Я порывисто прижал ее к себе, и моя футболка впитала в себя ее слезы. Почему я ничего ей не сказал?

Что должен был ей сказать?

Извини, милая, тут про тебя говорят и меня, что мы с тобой живем вместе и бла— бла— бла? Чтобы она сбежала от меня? И где ее потом искать? Она бы на пушечный выстрел меня не допустила к себе.

Как бы мы выжили тогда?

Глава 54. Я не умею хранить чужие тайны

Женя

Вечером у меня состоялся неприятный разговор с Оксаной. Она мне сама позвонила и попросила приехать. Пришлось оставить Леру одну и поехать в гости. Лешки дома не было. Никитка уже значительно подрос с того времени, как я видел его в последний раз.

– Привет, – поздоровался я и тут же осекся под суровым и надменным взглядом подруги.

– Проходи, – ответила Оксана и прошла на кухню, недоумевая я проследовал за ней. Сесть мне не предложили.

– Что случилось— то? – спросил я, скрестив руки на груди.

– Ты знаешь, Женя, я всегда не понимала некоторых твоих поступков, но этот выходит из всех рамок. Как тебе могло прийти в голову такое? Объясни мне, чтобы я могла назвать тебя своим другом.

– Ты о чем? Прости, но я тебя не совсем понимаю.

– Все ты понимаешь. Лера беременна и это прекрасно, я согласна. Но у тебя же полно денег, зачем тебе так его позорить? Ну живете вы вместе, живите. Но для чего объявлять своих детей чужими? Чего ты добиваешься? Большого наследства? Ты и так все получил. Деньги, квартиру, бизнес, жену лучшего друга. Чего ты хочешь еще?

До меня не сразу дошел смысл сказанных ею слов, но когда дошел, волосы на голове встали дыбом.

От человека, выросшего со мной, с Русланом чуть ни в одних ползунках, в одной песочнице, перенесших на плечах тяготы жизни, услышать такое! Тут у любого случился бы шок.

Почему? Оказывается, мы с Лерой подлые и низкие люди, за спиной у доверчивого Руслана давно уже спелись, она носит моих детей, живем мы вместе, наплевав на приличия.

– Ты чокнулась что ли? Это дети Руслана, а не мои.

– Так я и поверила. Тебе же признайся, всегда хотелось этой сладенькой девочки, тем более невесты лучшего друга? Это пикантно, разделить ее между вами двумя, да?

– Ха, не настолько пикантно как изменить мужу прямо на собственной свадьбе, да и еще родить ему прелестного малыша. Видимо ты меришь всех по себе, да сладенькая? – ласково, почти нежно ответил я, наклоняясь к девушке. Оксана стала белой в одно мгновение, к моему удовольствию.

– Как давно ты знаешь? – прошептала Оксана, хватаясь рукой за стену.

– Достаточно давно. Никитка растет на наших глазах, трепетное отношение Руслана не трудно было заметить. Не знаю, помнишь ли ты свои роды, но помнишь, кто оплатил тебе отдельную палату, бригаду врачей? Кто бегал за тобой, носил витамины, фрукты, потом когда ребенок родился, шмотки, памперсы? У меня, между прочим, кроме члена глаза есть.

– Я думала, он тебе рассказал.

– Я про глаза тебе говорил? – безжалостно напомнил я, – Видел вас с Русланом на твоей свадьбе с Лешей, занимающихся веселеньким дельцем, видел, как вы смотрели друг на друга. Мы же всегда были вместе, я с Сашей, ты с Русланом, позже появился Леша. У меня в мыслях не было, что вы не закончили свои отношения.

– Мы закончили, но на свадьбе все изменилось. Я не хотела, чтобы кто— то знал. Мы

старательно скрывали все. Я не хотела, чтобы одна вспышка чувств испортила всю жизнь.

– Он хотел признать ребенка официально, но ты отказалась, а настаивать он не стал, кто из нас ниже пал? Ты меня знаешь, твое дело верить или нет, но я пальцем не тронул Леру. И если бы она родила мне детей, неужели ты думаешь, меня бы что— то сдержало? Я бы отказался от своих собственных детей? Если так считаешь, то извини, ты ни хрена меня не знаешь. Вот и все.

Развернувшись, чтобы уйти, я не оборачиваясь, добавил:

– И еще кое— что. Денежный поток может ослабнуть. Он держится лишь на моем обещании. А если я такая сволочь, которой нужны все деньги мира, неужели ты думаешь, я его не перекрою? Что мне стоит намекнуть Леше, может ему пора в шапочке сделать дырочки? Подумай об этом, – и пулей вылетел из ее дома, не закрывая за собой дверь. Ярость буквально меня душила. Как она могла верить в этот бред? И тем более нести его дальше?

Вернувшись, домой в крайне взвинченном состоянии, застал Леру, лежавшей на диване. Она видимо меня ждала, нежная, чуткая, заботливая, держа руки на животике.

– Привет. Где ты был? – девушка соскочила с дивана и приблизилась ко мне.

– Неважно, – ответил я и подошел ближе, чмокнув ее в макушку. Девушка покрепче прижалась ко мне, обхватив тонкими ручками. Чувствуя волнами исходившее от нее тепло, я неуверенно обнял ее в ответ. Ох, не стоило этого делать. Все дремавшие эмоции во мне проснулись. Кажется, в прошлой жизни я целовал ее, прикасался. Мое внутреннее «Я» отчаянно тянулось к ней, требовало немедленно разорвать оковы. Странно, мне думалось, я забыл вкус ее губ: сладковатый, чувственно— притягательный.

С трудом дыша, мое тело все же держало себя в рамках дозволенного. Все еще оно терпело, ждало.

– Они ненавидят нас четверых, – прошептала Лера, уткнувшись мне в грудь, сквозь тонкую ткань футболки, обдавая горячим дыханием. Сердце затрепетало и громко стучало в тишине.

– Тебе не все равно? Знаю я, ты знаешь, чьи они дети. Наплевать на всех. Родим и тест сделаешь генетический, всего делов – то, – хрипло ответил я, судорожно сглатывая.

– Тебе всегда на все плевать.

– Тебе ли этого не знать, – ответил я.

– Прости меня. Они сказали выметаться из квартиры. Что будем делать?

– Поедем жить ко мне. Все будет хорошо. Мы же сильные, мы выдержим.

– Почему ты со мной?

– Ты не меняешься, одни и те же вопросы, ответы на которые ты и так знаешь. Ужинаем?

Лера качнула головой, поспешила на кухню, оставив меня в смятении.

– Я съезжу еще по делам, хорошо? Я скоро, ужинай без меня, – крикнул девушке и быстро вышел, поехал сначала к родителям Руслана.

Разговор у меня с ними не получился, полгода они не пускали меня на порог и сейчас не удосужились. Доступ в этот дом мне был закрыт уже давно, еще тогда, когда до них дошло, где и кем проживает в квартире жена их сына.

Впрочем, маленький нюанс, квартира, как и бизнес, принадлежали мне по документам, мы так договорились с Русланом, поскольку он все знал наверняка. Разумеется, его родственники об этом не знали.

Я подъехал, посигналил, вышел охранник Олег и вежливо попросил меня уехать, спорить с ним я не стал, поэтому несолоно хлебавши, отправился домой к родителям. Те сидели в гостиной как приличная семья и выжидательно смотрели на меня.

– Всем привет! Есть новости? – я уставился на родителей. Те переглянулись, и отец встал и подал мне руку:

– Приезжали эти. Орали. Так что переезжайте сюда.

– Хата— то моя, чего им еще надо? – возразил я.

– От греха подальше. Лере еще родить надо. Пусть в спокойствии поживет, – вмешалась мама, – Да и эти в суд пойдут.

– Пусть катятся, все равно ни хера не получают.

– Переезжайте, хуже не будет.

Разговор, в общем, предстоял долгий.

После него, мы во всем вместе разобрались, Варя тут же засобиралась со мной, помочь собираться.

Мама не задавала лишних вопросов, за что ей отдельное спасибо. Со мной всегда были проблемы, но как бы тяжело не было, никто меня никогда не бросал в тяжелой ситуации. На то они и моя семья. Смирновы стоят друг за друга стеной.

Переезд затянулся на три дня. Лера в нем не участвовала, мы с Варей справились вместе, чуть позже к нам пришел Леша. Это удивило, на мой немой вопрос он мне сказал: «Я за любую движуху, буду партизаном».

Представляю, что ему за это светит от Оксаны.

Вечером он мне рассказал, как обстоят дела.

Родители Руслана собираются подавать в суд, будут оспаривать договор купли—продажи и завещание, да и брак в сущности тоже, хотят признать его недееспособным на тот период жизни. Совсем у них крыша поехала. Про Оксану Леша молчал, может она, наконец — то прикрыла свой ротик, не знаю.

Глава 55. Я просто хотела тебя поддержать

Женя

Мы переехали на следующее утро, последнюю ночь ночевали в квартире, ставшую для нас особенным местом. Она стала домом не только для меня, но и для Леры.

С родителями она не общалась, не смотря на их желание.

Даже не соизволила сообщить матери о беременности. О причинах не спрашивал, в конце концов любопытство не являлось моей отличительной чертой. Цинизм, сарказм – мое, без сомнения, а вот любопытством не страдал.

Последнюю ночь мы лежали на полу, каждый на своем матрасе и смотрели на потолок, по которому проплывал свет от проезжавших машин.

Я вспоминал, как мы долго выбирали с Русланом эту квартиру, как он переживал, сумеет ли из нее что-то свое, сможет ли в ней создать дом, где будут действовать только его правила, а не эгоистичной семейки.

Порой меня удивляло, каким образом в их прогнившей семейке мог появиться такой парень? Мало что появился, так и сломался не под богатством, ни властью. Он никогда не брал у них ни копейки, предпочитая лучше сдохнуть от голода, чем попросить помощи. Старший сын, подававший большие надежды, наследник, ни к черту не ставил их интересы прежде своих. Они мечтали, что он возглавит фирму, женится на Кристине, заведет кучу детишек, в общем, продолжит их дело. А он ушел из дома в 18 лет, сходил сам в армию, несмотря на то, что его пытались отмазать бесчисленное количество раз.

Я вышел покурить на балкон, а когда вернулся, Лера уже спала, свернувшись клубком на моем месте.

Утром, допив кофе, вымыв кружки и упаковав остатки вещей, окинув взглядом опустившую квартиру, я запер дверь и сбежал вниз по ступенькам. Лера уже ждала в машине, смотря на пустые окна.

– Мы вернемся, обещаю, – сказал я Лере, и она с благодарностью в глазах, улыбнулась.

Дома нас ждали. На крыльце девушка неуверенно остановилась, но я взял ее ладошку в свою и приветливо толкнул дверь плечом.

Знаю, Лера не в восторге от своего нового жилья.

Родители в своем репертуаре, я конечно, ожидал нечто подобное, но устроить групповые обнимашки... О чем они думают в конце концов?

Кажется, Лера этому рада, по крайней мере прильнула к матери, словно к родной.

Вырвав девушку из чересчур крепких объятий, я проводил оробевшую девушку в теперь уже ее комнату и будущих детей и собирался выйти, когда она спросила:

– А где ночевать будешь ты?

Я оторопел и ответил, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Тут неподалеку от тебя, не переживай. Позовешь, если что.

Она кивнула, внимательно оглядывая комнату. Я вышел, прикрыв дверь за собой.

Мы проводили вместе почти все свободное время. На работу я забил снова. Лера с ее кругленьким животиком радовала своим настроением. Она вся буквально излучала оптимизм. Я согревался рядом с ней.

На днях она была в чудесном настроении, что когда малышки толкнули ее еще раз, она расцеловала меня.

В тот миг, когда ее теплые и нежные губы коснулись моих, я поддался порыву и привлек ее к себе, не намереваясь прерывать поцелуй. Мне отчаянно мало легкого и случайного прикосновения, ведь с того нашего поцелуя прошло черт сколько времени. Это было в прошлой жизни. Так давно и забыто.

Я практически впился в ее губы неистово и с жаром обнял, совершенно не отдавая себе отчет в своих действиях.

Рядом она, она такая светлая, нежная, красивая, я откинул к чертям свой самоконтроль, даже если она сейчас вырвется и ударит меня, мне все равно.

Моя любовь к ней, моя боль, злость, вечная боязнь за нее, одиночество, ответственность, все перемешалось в одно пестрое пятно.

Все, что я копил в себе, грозило выплеснуться на нее, такую незащищенную, хрупкую, ранимую.

Неожиданно думаю, для нас обоих ее губы дрогнули, раскрылись, и со стоном она ответила на мой поцелуй...

Если бы меня спросили, сколько времени прошло, я бы ответил: «Вечность».

Невозможно в такие минуты ощутить бег времени. Все сконцентрировано лишь на ощущениях тела, пьянит тепло, запах, прикосновения. По телу пробегают сотни разрядов, и нет в мире никого, кроме нас. К своему стыду я не заметил, как мои вначале вполне невинные движения по ее спине, плавно перенесли на ее грудь перестав быть невинными. Хотелось тепла, ласки, целиком погрузиться в ее «Я», почувствовать дрожь, вкус ее тела.

И когда я почувствовал, что если не сейчас, то уже никогда не остановлюсь и буду жалеть об этом, с трудом отстранился от нее, еле переводя дыхание, резко встал и вышел вон.

Болтался в машине по городу около часа, пытаюсь прийти в себя. От нее получил уже три звонка. Знаю, она беспокоилась обо мне, но я не мог просто так посмотреть ей в глаза. Жгло чувство вины, не смог сдержаться, нарушил слово, приставал к беременной девушке. Стыд и позор.

Вернулся домой с большущим букетом роз. Лера сидела на кухне в гордом одиночестве, пила чай.

– Привет, – робко поздоровался я, избегая ее взора.

– Привет! Где ты был?

– Так гулял. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, чай будешь?

– Лер, я не хотел...

– Ничего, у всех бывает, – перебила меня девушка, не давая мне закончить.

– Мне ужасно стыдно, я чувствую себя виноватым...

– Все хорошо!

– Нет. Прости меня, пожалуйста. Я не стану больше...

– Все хорошо, забудь.

Опять перебила и тут меня прорвало:

– Ты дашь мне сказать? Я чувствую себя виноватым, я не должен был этого делать, но это не значит, что я этого не хотел. И не хочу я ничего забывать! Мы поцеловались и что ж в этом такого? Мне было хорошо и если бы я, если бы ты, короче я бы считал за счастье целовать тебя каждую секунду в этой жизни. Я люблю тебя и буду любить всегда, чтобы не случилось. Поэтому нет, мне не стыдно ни за этот поцелуй, ни за тот. И не будет стыдно,

потому что ты мне ответила.

– Жень, я ответила тебе, чтобы поддержать. Тебе пора найти девушку уже. Иначе ты на всех будешь кидаться.

Это жестоко сказано. Я, не отрываясь, смотрел на нее. Лера перевела дух и выпалила почти шепотом:

– У меня уже есть любимый. Я его люблю. Если ты не прекратишь, то никогда больше меня не увидишь. Разговор закончен. Для меня всегда, ты понял, он будет на первом месте. Ты мой лучший друг, я тебя люблю только как друга. Не тешь себя надеждой, в моем сердце всегда только он.

Мне нечего на это сказать. Сам дурак, все испортил. Захотелось сдохнуть в одночасье, правда, по мне некому будет страдать.

Глава 56. Пусть все идет своим чередом

Женя

Животик у Леры рос, судя по размерам. Через два месяца ей предстояло рожать, мама взяла на себя все заботы, окружила ее лаской, она расцветала на глазах.

Но я старался не видеться с ней лишней раз, уходил, пока она спала, приходил в тоже время или не приходил вовсе домой ночевать, так что мы практически не виделись.

Вчера возвращаясь, я приехал довольно поздно. Стараясь не шуметь, тихонько пробрался в дом, как вдруг зажегся свет. Меня ждала Лера. Я слегка оторопел от этого.

– Привет, чего не спишь? – поинтересовался я.

– Не спится, я хотела поговорить с тобой.

– Да? О чем?

– Перестань дуться, мы же друзья с тобой, я хочу, чтобы было как раньше. Ты и я.

– А у нас разве не так?

– Не издевайся, прекрасно знаешь, что нет. Прости меня, давай все забудем. Обними меня, – попросила Лера и приблизилась ко мне.

Я, сделав над собой усилие, и обнял ее. Наша хрупкая дружба была сохранена невероятными усилиями. И с каждым днем мне становилось все хуже.

Лера

Ноги сами несли меня к знакомому порогу. Я сейчас как никогда хотела домой.

Зашла в квартиру, где стены еще хранили воспоминания.

Застыв в коридоре, я боролась с собой.

Не смотря, что в прошлый раз мы убрались, забрали свои вещи, все равно квартира не приобрела нежилой вид.

Я внезапно почувствовала Его.

Тонкие нотки туалетной воды парили в воздухе.

Все мое существо дернулось и забилося в безумном предположении.

Я ринулась из комнаты, в комнату, открывала настежь двери, крича звала его.

Нет.

Никого нет.

Вернулась на кухню и замерла:

На кухне стояла его чашка с едва теплым кофе: черный с неизменным ломтиком лайма...

Серый легкий свитер на спинке стула, аккуратно сложенный.

И везде, везде, в каждой частичке нотка его любимой туалетной воды. Я подошла к столу и увидела рассыпанный сахар и выведенные аккуратно буквы, складывающиеся в слова: Скучаю.

Упав от бессилия на пол, я задыхалась от увиденного.

Воздуха не хватало, я судорожно пыталась сделать хотя бы вдох.

Бесполезно.

Забилась в угол и тут же ощутила резкую боль в животе.

Дети. Наши дети.

Я должна справиться.

Это мираж.

Мне это видится. Это не по— настоящему. Мираж.

Дыши. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Еще один вдох. Медленный выдох.

Он никогда не причинил бы мне вреда. Не играл с моим разумом. Нет. Никогда.

Тогда почему так пахнет им? Так настойчиво память хочет, чтобы произошло чудо?

Хотя бы одно маленькое чудо?

Кого я обманываю? Чудо уже произошло. Два маленьких чуда. Они наши и значит Руслан со мной. Всегда.

Я добралась до телефона и набрала номер, который знала уже наизусть.

– Да?

– Мне плохо. Я дома.

Женя не дослушал и знаю, что самое страшное уже позади.

Он придет и прогонит все это безумие.

Пока он летел ко мне, я легла на пол, схватив свитер со стула, прижав к себе знакомую вещь. Он не причинит вреда. Не причинит.

Меня положили в больницу на сохранение.

Слава Богу, с девочками все хорошо. Но врачи настоятельно рекомендовали мне покой. Хотя, откуда же ему взяться?

Женя отдалялся от меня, я чувствовала себя одиноко. Он не мог проводить со мной много времени, занимался делами, семьей.

Да, стоило только намекнуть, и мое любое желание исполнялось по взмаху волшебной палочки.

Хочешь гранат в час ночи, пожалуйста.

Хочешь свежую клубнику с утра? Пожалуйста.

Мне растирали ноги, массировали каждый пальчик, взбивали подушки, чуть ли не устилали путь лепестками роз, стоило только захотеть.

Мама Оля окружила меня максимальным комфортом и заботой.

Больше одну меня никуда не отпускали, постоянно присматривали.

Единственному человеку, которому я не нравилась, была Варя. Она категорически отказывалась даже разговаривать со мной, хотя внешне ничем не проявляла агрессии.

Оксана тоже рядом, помогала выбирать коляску, детские вещи.

С ней весело проводить время, она уже пережила ожидание ребенка, и ее советы меня поддерживали и утешали.

Женя

Пришла пора родов.

Дети появились точно в срок.

Я присутствовал на родах и держал два маленьких и хрупких комочка на руках.

После родов Леру и малышей выписали домой, родня устроила грандиозный праздник. Она выглядела счастливой. Я тоже счастлив. Детей мы на общем собрании семьи назвали Дашей и Машей.

Дни потянулись в заботах о наших детях. Родня Руслана не появлялась, хотя я догадывался, Лера их приглашала и извещала о здоровье детей.

На эту тему мы не разговаривали. Между нами тоже ничего не менялось, она цвела как роза, а я просто рядом.

Мама частенько поднимала эту тему разговора, ей хотелось, чтобы наши отношения стали другими, ведь детей она принимала за своих внучек.

Я ничего менять не хотел. Понимаю, такое положение ее совсем не устраивало, и песня про двух друзей ей подавно надоела. Правда сделать она ничего не могла.

Лера иногда заводила подобные разговоры, о том, кто мне нравится, почему я не привожу девушку домой знакомиться.

В такие моменты мне становилось смешно, и я просто уходил из комнаты без ответа.

Оля— хорошая девушка и мне не хотелось ничего менять.

Отношения на работе редко заканчиваются благополучно.

Я мог ей доверять, когда все валилось из рук.

Семья Руслана молчала, Максим уехал с отцом. Куда мне неизвестно. Деньги переводились, все довольны.

— Почему ты не пускаешь меня ближе, чем на метр?

— Я обычно порчу то, к чему прикасаюсь.

— Это из— за нее?

— Да. Я не стану врать.

— Я не предлагаю тебе серьезных отношений. Всего лишь хочу помочь тебе расслабиться.

Я усмехнулся. Помочь расслабиться?

Это так теперь называется?

— Иди работай, Оль. Пожалуйста.

После обеда звонил Егор, они с Викой наконец— то все решили. Представляю, как счастлив Алекс. Я был бы счастлив, если моя любимая осталась со мной. Егор хотел уехать к Наде, и ему нужна моя машина.

Естественно, я с радостью отдал ему ключи.

Пусть они, наконец будут вместе.

Глава 57. Выбери любое место, и мы уедем

Алекс напоминал зверя в клетке. Бродил от стены к стене в съемной квартире. Шаги туда, шаги сюда. Проклятые обои.

Ребенок. Маленькое и крохотное создание. Его ребенок. По истечению стольких лет ребенок. Почему она не перезванивает?

Он поймал ее возле магазина. Нагруженная как обычно пакетами и детьми, Вика не успела убежать.

Алекс перегородил ей дорогу.

– Когда ты собиралась мне сказать?

– Привет. Не знаю, о чем ты. Извини, мне сейчас некогда.

Она попыталась пройти, он ухватил ее за руку:

– Вика, поговори со мной. Пожалуйста.

– Ты пугаешь детей! Прекрати! Я позвоню сама.

Алекс отпустил ее, смотря ей вслед. Ни разу не обернулась.

И позвонила через два дня, когда он собирался лезть на стену.

И даже согласилась прийти.

Алекс прождал ее час, когда она наконец— то соизволила прийти. Он не дал ей возможности держать себя на расстоянии.

Подлетел к ней в два шага и прижал к себе.

Эти месяцы невыносимы для него. Он совершенно потерян. И давно бы уехал, если не она.

Они долго разговаривали. Вика плакала по большей части. Алекс предлагал ей уехать, а она не могла решиться на такое. Она оставила ребенка и сказала о нем Егору.

Вновь все испортила. Но скрывать дальше правду? Незачем.

А теперь Алекс вновь появился в ее жизни... Кто рассказал ему о ребенке, она не хотела знать. К чему? Дело сделано.

– Ты такая стала. Светишься.

– Спасибо. Ты пойми меня правильно. Я оставила ребенка, потому что он мой. Все дети мои. Я не могу убить свою частичку.

– Я понимаю. И не прошу ничего. Ты главное, не нервничай. Береги себя.

– Берегу. Алекс, я не хочу причинять боль. Понимаешь?

– Да. Понимаю. Но я хочу сказать. А ты послушай.

Алекс посмотрел на молчавшую девушку, ее тонкие запястья, бледную кожу, голубые глаза, полные красивые губы, словно высеченные из благородного камня, локоны волос, отливающие в солнечном свете красным золотом. И она носит его ребенка.

– Я знаю, ты тверда в своем решении. И быть может это правильно. Но послушай меня. Мы можем уехать отсюда. Ты, я и дети. Уехать куда захочешь. Мы вчетвером. Уедем. Где ты не была?

– Я нигде не была, кроме этого города.

– А можешь поехать куда угодно. Европа, Америка, Азия. Хочешь мы купим дом, большой дом? Где угодно. Образование для мальчиков, путешествия, возможности. Все, что захочешь.

Вика подняла на него глаза:

– Почему?

– Как почему? Разве не очевидно? Я тебя люблю.

– Ты меня совсем не знаешь.

– С чего ты взяла? Я знаю тебя. Знаю. И хочу быть с тобой. Прожить с тобой и детьми всю жизнь.

– Я не могу слушать тебя. Не могу.

– Чего ты боишься? Что я брошу тебя и детей? Не брошу. Мы уедем все вместе. Ты же знаешь, он тебя не любит. У него есть Надя. У тебя я. Давай начнем все сначала.

– Что сначала? Что?

– Все. Ты и я. Сначала.

– Я должна подумать.

– Думай. И потом назови любое место, и мы уедем.

Алекс поцеловал ее, держа руку на выпуклом животике. Она хотела ему сказать, насколько ценит его отношение к ней, поразительно отличающееся от поведения мужа.

Егор никогда не ходил с ней на обследования, на узи, не сдавал анализы, не покупал витамины. Алекс сопровождал ее везде, где только мог.

И она не могла отказать ему в этом. Его забота радовала ее.

Ведь сегодня Егор уехал. Попросил у Женьки машину и уехал. Быть может их ждет другая жизнь? И она любима... Наконец по— настоящему.

Раздался звонок, Вика подняла трубку:

– Алло?

Алекс тактично отвернулся. Раздался легкий вскрик. Трубка упала из рук девушки и Вика ойкнула еще раз, теряя сознание.

Женя

Утро встретило нас в больнице. Алекс позвонил мне и сообщил, Вике стало плохо, он отвез ее в больницу.

Сильное кровотечение. И вновь мы все вместе в сборе. Снова больница. Снова в ожидании худшего.

Снова сцепившись пальцами друг в друга: я, Леша, Алекс, и даже Петр, нет только Оксаны, которая осталась с детьми. И нет, да и не будет с нами Егора...

Сначала позвонили моей маме. Слава Богу, я находился дома и поэтому, когда она услышала о гибели своего сына в ДТП, мама уставилась на меня и облегченно вздохнула. Я узнал намного раньше, чем Вика. И не успел ничего предпринять, кто же знал, что так все обернется?

Еще один мой друг умер...

А теперь Вика... Мне страшно смотреть на Алекса, когда нам сообщили. Я знаю, что это такое. Знаю, что сейчас плещется в его глазах. Знаю и не допущу.

Лешу я оставил на Петю, а сам бросился перехватить Алекса.

– У тебя дочь. Дочь, – прошептал я ему, стараясь заглянуть в глаза, – Замечательная малышка. Она уже потеряла маму, не лишай ее отца.

Глава 58. Я не стану одной из

Ему снился отличный сон. Мила, море, жаркий песок. Крик чаек, шум волн... И бах. Нечто холодное капнуло ему на нос.

Бам— бам.

Сон слетел молниеносно. Он вскочил с кровати и ужаснулся. Сверху лилась вода. Прямо по его свежему ремонту. Вода!

Петя отчаянно чертыхаясь, вылетел из квартиры и поднявшись на этаж выше, забарабанил в дверь.

Дверь открыли не сразу. Осторожно приоткрыли и в щелочку посмотрели обладатели красивых глаз.

– Чего хулиганите?

– Вы меня, барышня, заливаете!

– Я заливаю?

– Вы! Чего бы я тут стоял?

– У меня сухо.

– А у меня мокро! Что там у Вас?

– Ничего, – жалобно ответила девушка, когда вода стала выливаться уже в подъезд. Петя не стал больше ждать, хмыкнул и вошел в квартиру.

«Хорошо вода не горячая», – подумалось парню, пока он пробирался в ванную комнату.

Через час полы уже сохли, равно как и Петя и соседка.

– Спасибо большое. Сама бы я не справилась.

– Обращайся.

– Сколько я буду должна за ремонт?

– Забей. Ничего не надо. Вентиль я тебе завтра поменяю.

– Спасибо. Может, тебя покормить? Все равно время завтракать.

– Корми, – разрешил Петя, прищурившись.

И завтрак удался. Да пусть она хоть еще раз его зальет! После котлеток и зраз, омлета, салата, он уже готов на все.

– Кофе будешь?

– Ты так, кстати, и не сказала, как тебя зовут.

– А имеет значение?

– Да. Без имени неинтересно.

– Катя. А тебя?

– А имеет значение? – парировал он, улыбаясь.

Катя пожала плечами, ставя перед ним чашку.

Петр с интересом смотрел на незнакомку. И почему ему всегда нравились блондинки? Катя совсем не такая фифа, как те, которых он знал. Не ледяная принцесса, а вполне обычная девушка.

Любовь умирает. Не в один момент, разумеется.

Она, словно как хрустальная ваза бесконечно падает на пол, не разбиваясь. Так и стоит, держится лишь на одном обещании. А потом просто рассыпается на мелкие и пыльные осколки. Их не склеить, не собрать.

Настоящая любовь не умирает. Ей зашивают рот, чтобы больше не напоминала о себе. Ни случайно, ни отчаянно. Никак. Забивают в самый дальний и пыльный угол. Может, сама пройдет как редкое заболевание. А может, нет.

Он бесконечно долго курил на балконе. Снова пропущенный, на который Мила не ответит.

Странно чувствовать себя ненужным и одиноким.

Затушив последнюю сигарету, Петр решительно закрыл окно.

Идти на улицу нет желания, и если бы не сигареты и алкоголь вряд ли он туда отправился.

Он быстро оделся и, не взглянув на себя в зеркало, поплелся в ближайший магазин.

Распахнул дверь подъезда ногой, разумеется, он предположить не мог, что сойдет Катю с ног. Девушка испуганно ойкнула и огрела его пакетом.

– Эй! – возмущенно воскликнул Петя.

– Ты что следишь за мной?

– Да, специально караулил весь день, ожидая. Представь себе иронию.

– Ужасно выглядишь.

– Спасибо. Хочешь также? Пошли за вином.

Катя скептически оглядела его с головы до ног.

– По— моему тебе уже хватит.

– А по— моему я только вхожу во вкус.

Она пошла с ним и пускай, скорее всего пожалеет об этом.

– Расскажешь мне о ней?

– О ком?

– О той самой. Ты же пьешь из— за нее.

– Я может просто пью?

– Наверяд ли. Так расскажешь?

– Нет. Я не поддаюсь психоанализу. От слова совсем. Ко мне в душу лезть бесполезно. Поговорим о тебе? Как давно ты сюда переехала?

– Месяц назад.

– И как город? Нравится?

– Город да, соседи нет.

Петя сделал еще глоток из бутылки. Определенно он жалок в этот момент. Изливать душу соседке? Может ли быть что— то хуже?

Катя погружалась во взгляд этих красивых и пьяных глаз. А ведь давала себе зарок: больше никаких отношений. И почему же сейчас она готова рискнуть?

Петя перехватил ее взгляд и потянулся к ней, намереваясь поцеловать.

Первое правило: не целоваться с красивыми парнями, тем более в пьяном виде.

– Со мной не будет как с другими. Я тебя сразу предупреждаю, – Катя осадил его.

Он улыбнулся краешком волевых губ.

– И что с того? Мне нельзя приближаться к тебе?

– Можно. Но я не стану одной из. Поэтому если ты хочешь пользоваться мной и бросить, тебе это с рук не сойдет. Я не такая девушка.

– Это напоминает некий торг. Ты набиваешь себе цену?

– Нет. Я лишь хочу, чтобы ты понял. Со мной твои методы не сработают.

– И что же мне делать? Я по— другому не умею.

– Тогда лучше ничего, чем так.

– То есть сейчас передо мной ты и предлагаешь мне просто смотреть?

– Можешь и так. Смотреть, пожалуйста, трогать нельзя.

Ему пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Потом он судорожно сглотнул, поскольку смотреть есть на что... Излишне худенькая, но ей идет.

Впрочем, сейчас он больше напоминал разбалованного ребенка, лишенного показанной и не отданной игрушки. Шикарной игрушки.

– Мы как в детском саду, – ответил он.

– Либо играем по моим правилам, либо не играем совсем. Решай.

– Ок. Я в игре.

Катя подмигнула ему. Она не собиралась сдаваться. Дашь слабинку и он сделает с ней тоже самое, что с другими: разобьет сердце и выкинет на помойку, как ненужную вещь. Как надоевшую игрушку. А игрушкой девушка не хотела быть. Даже ради его мордашки.

– И что ты так просто уйдешь? – он, шутя, возмутился и развел руки.

– Ага, мне завтра на работу с утра. Я в отличие, от некоторых работаю.

Петр фыркнул и отвернулся, подождал, пока девушки и след остынет.

Наутро он проводил ее на работу, критически окинув взглядом короткую юбку и рубашку.

– Тебе не кажется, что в своей игре, ты малость играешь нечестно?

– Нет, не кажется. А что тебя смущает? – Катя приподняла юбку на пару см вверх, обнажив полоску незагорелой кожи бедра.

Он едва не свернул на обочину:

– Эй, у тебя мозги есть?!

Девушка лишь захихикала, вернув юбку на место.

– Мне кажется, что в нашей игре пора запретить обманные действия.

– Да ты что так намного веселей.

Он довез до офиса, подождав пока девушка зайдет в здание.

А через полчаса опрокинул на себя горячий кофе, получив от нее сообщение: фото коленок.

– И что мне ответить на это?

– Пришли и ты мне что-нибудь.

– Я бы прислал, но...

– Давай я тебе запястье, ты мне свое. И так до самого верха?

– На фиг работу! Это невыносимо!!!

Хватит провоцировать меня, серьезно.

– Что ты. Я только начала.

– Я сделаю с тобой все, что захочу. И прямо сейчас.

– Ха, напугал. Здесь три этажа и полно народу. Ты не посмеешь.

– Хочешь проверить, ммм?

– Я закричу.

– Да ради Бога. Можем покричать вместе, я за. Так что мне приехать?

– Нет. Ты все испортишь.

– Я и так налажал в своей жизни, думаешь бывает и хуже?

– Бывает. Но ведь бывает и лучше. Не проверишь, не узнаешь.

Он в принципе согласен. Эта девушка с ума его сведет.

Привычные ухаживания не действовали. Выкидывая очередной его букет при нем, она проворчала:

– Придумал чего— то более оригинальное.

– Чем тебе не угодили цветы? – возмутился Петр.

– Мусор. Я тебе уже объясняла. Со мной такое не прокатит.

Он в бешенстве хлопнул дверью. А она быстро нагнулась и с наслаждением вдохнула свежий аромат цветов.

Придурок рыжий. Тратит деньги на безумно дорогие цветы.

Сегодня он демонстративно привел в свою квартиру очередную девицу. Катя проводила их обоих взглядом и достала из холодильника мороженое. Пусть развлекается.

Рыжая сволочь.

Звонок в дверь. Катя кутаясь в плед, открывает дверь. На пороге он.

– Могу я войти?

– А как же твоя подружка?

– Никак. Хочу посидеть с тобой. Посмотрим кино?

– Пошел вон, – со злостью захлопывает перед ним дверь и горько плачет. Придурок.

Опять не угодил. Почему он такой debil?

На следующее утро ее ждал сюрприз. Петр пытался перехватить девушку возле работы.

– Постой, поговори со мной.

– О чем? Ты по— моему уже все решил.

– Кать, я не могу по— другому. Не потому что не хочу, а потому что не умею. Я понятия не имею, как обращаться с тобой, так чтобы не потерять. Боюсь, что все в очередной раз только испорчу.

– Не попробуешь, не узнаешь.

–И что это значит?

– Это значит пригласи меня куда—нибудь. На ужин. Только на ужин.

Петр усмехнулся:

– Ты же сказала, с тобой такое не прокатит.

– Ужин. Я голодная. Человеку нужна еда. Это естественная потребность.

– Я знаю про потребности.

– Когда человек становится для тебя воздухом, возникает другая потребность. А не иначе.

– Ты самая удивительная девушка из всех, кого я знаю.

– Допустим.

– Так что жду тебя на ужин?

– Да.

Глава 59. Иди ко мне

Лера

Небо плачет дождем, а я плачу о нем. Схожу с ума день за днем, в моей душе один лишь он...

Мы все когда-то потеряем своих близких. Рано или поздно, но это произойдет.

Подготовиться к этому невозможно, да и мысль сама по себе неприятна. Я знала, что потеряю его, готовилась к неизбежному, но как любой человек верила до самого конца, что этого не произойдет...

Я жила у Жени уже больше года, приняв общее решение, мы переехали к его родителям. Мне и малышам выделили бывшую комнату Руслана, предварительно сделав ремонт.

Я вошла в знакомую комнату, пускай и переделанную, не дала волю слезам.

Лишь ночью, прижав к себе одеяло, я заплакала. Воспоминания о самом дорогом человеке накрыли меня с головой. Его запах, его глаза, голос, весь облик стоит перед глазами...

Мое сердце отчаянно скучало по тому времени, что мы проводили вместе, я все помню, словно это было вчера. Словно еще вчера мы познакомились в парке, он нес меня на руках, нежно и заботливо прижимая к себе...

Словно вчера мы только поженились, еще были вместе... Вдвоем. О, мой милый, как же я люблю тебя, как же скучаю по тебе! Вернись, прошу тебя! Вернись!

Я не заметила, как рядом возник Женя, сел на кровать и принялся укачивать меня. А я все шептала в иступлении: «Вернись».

Разве можно забыть того, кто был тебе всем? Воздухом, светом, миром? Его нет, а ты смотришь на ваших детей, ваших малышей, о которых он никогда не узнает... Он умирал, не зная о них.

Не зная, что может быть по— другому, не зная как и с чем оставит меня, как я буду жить... Что я скажу нашим детям? Что у них был папа? А сейчас кто с ними рядом? Еще один папа?

Утром никто из домашних не наполнил мне о ночной истерике.

Первое время я боялась их осуждения, но они оказались лучше, чем я думала.

Мама Оли души не чаяла во мне и детях, для нее они были столь долгожданным внуками, она целый день возилась с ними, гуляла, купала, освобождала меня от многих забот.

Женя основную часть своего времени пропадал, приезжал домой поздно вечером, мы не виделись целыми днями, впрочем, у меня появилось стойкое ощущение его незримого присутствия.

Порой это дико раздражало. Он не пытался контролировать каждый мой шаг, нет, он просто рядом.

Став сама матерью, я больше стала понимать маму. Она всю жизнь работала, кормила, одевала меня, махнув на себя рукой.

Еще вполне молодая и красивая женщина превратила себя в изможденную старуху. Я была ее единственной дочерью, ее отрадой, ее маленькой принцессой и так оплатила ей за все тепло, доброту, любовь, что она дарила мне.

Прошло два года со дня смерти Руслана, в следующем году ему стукнуло бы 29 лет, а

через год мы бы праздновали бы его 30-летие. В прошлом году я потеряла родителей. Они разбились на машине, как всегда мой папаша был пьяным и убил мою маму.

В последнее время наши отношения не смягчились, мама не могла понять, почему я не ей сообщила о беременности, почему проживала в квартире Руслана, а не дома, что у меня за отношения с Женей, почему я живу с ним. Она не понимала меня, да и не хотела. Снова стала жить с этим алкоголиком, и в итоге он ее убил, пусть и не сам. Но именно он не справился с управлением.

Могла жить с ней, забрать от этого чудовища и не смогла помочь. Или не захотела? Не знаю. Мама не успела довязать свитера внучкам, оставшиеся нитки и спицы я забрала с собой, равно как и фотоальбомы, отдельную папку, в которой мама хранила мои детские рисунки, подделки из садика, школы, немного личных вещей мамы. Из вещей отца я не взяла ничего.

Аккуратно собрав его вещи, по моей просьбе Женя отнес их на чердак. Дом я решила не продавать, у меня есть дети, которым он может понадобится. Тем более этот дом был и моей крепостью тоже. Мы заперли дом и уехали.

Время быстроходно. У нас могла быть семья... Мы были бы счастливы. Хоть и из Жени получился хороший, нет отличный отец, но он все равно детям не родной.

В последнее время мне стало казаться, он избегает моего общения, хотя для общения с малышками время всегда находил.

Варя высказала предположение, что ее брат с кем-то встречается, я даже обрадовалась.

Мне стало бы по-настоящему легко, если бы все так было на самом деле. Потом понаблюдав за ним, я поняла, никого у него нет.

Он все еще бредил своей любовью ко мне, иначе, зачем стал бы жить со мной и воспитывать не своих детей?

Для пущей убедительности я решила поговорить с ним, правда разговор не состоялся.

– Жень, можно вопрос? – я уличила минутку, пока он собирался на работу.

– Валяй, – бросил свое разрешение парень, поспешно глотая кофе.

– Я хочу переехать.

Парень чуть не поперхнулся.

– Чего? Переехать? Ты хочешь отдельный дом? Я думал, здесь нам лучше.

– Я хочу переехать вместе с детьми.

– А как же иначе, боюсь только мама расстроится, она любит малышей.

– Переехать без тебя, – робко объяснила я.

Видели бы его лицо.

– Это что еще за номер? – произнес Женя голосом, не предвещающим ничего хорошего.

– Я мешаю твоей личной жизни.

– Понятно, вечером приеду, поговорим. Без меня никуда из дома.

Сказал и поспешно убежал, громко хлопнув дверью, оставив в полном смятении. Что теперь делать?

День прошел как всегда, дети легли спать, после купания. Я сама готовилась лечь спать, как грянул гром. В мою комнату постучался Женя.

– Иди сюда, – шепотом произнес он, – мама приглядит за детьми.

В комнату тут же тенью шмыгнула Ольга Ивановна.

Я запахнулась поглубже в халат и спустилась вниз в гостиную.

Женя полусидел на диване, не смотря на меня. Осторожно присела накончик дивана возле него и принялась ждать.

– Значит, ты великодушно разрешила мне заняться личной жизнью?

Голос не обещал ничего хорошего, чувствовалась в нем скрытая ярость. Только на кого?

– А что такого?

– Ничего говоришь? Издеваешься, да?

– Жень, ты чего? Кто издевается? Я от всего сердца желаю тебе счастья.

– Это так называется?

– Ты что пьян?

Вот откуда его агрессия. Может, поссорился со своей половинкой? И чего тогда на меня орет?

– И вообще не ори на меня! Я тебе никто! Пора уже устраивать свою жизнь! – заявила я.

– После того, как ты мне ее испортила? – тихо ответил Женя. Он по—прежнему не смотрел на меня.

– Я? Чем это интересно? Нечего было со мной возиться! Если мы тебе в тягость так и надо было сказать! А не устраивать тут комедию!

– Ты по—настоящему ничего не понимаешь?

Тут я увидела его глаза. Они полны боли, до краев.

Впервые за долгое время мы так близко, видели отражение в глазах друг друга.

Я увидела другого Женю, родного, но незнакомого. Видел ли кто его таким? Перед нашей свадьбой с Русланом он не был таким.

Сейчас я видела его настоящим человеком, а не подобием, неким манекеном без чувств и эмоций.

В его глазах нет злости на меня, в них плескалась и грозила выплескаться любовь.

Он продолжал любить меня все это время. Любил, не смотря ни на что. Как я могла так жестоко ошибаться? Принимать его любовь за дружбу, ничего не давая взамен? Жестокая...

– Прости меня, Лерка, я что—то сорвался. Иди спать.

– Жень, прости меня. Я и подумать не могла, что обижу тебя. Прости, я виновата бесконечно перед тобой. Мне так жаль, – прошептала я и решительно прильнула к нему.

Мне хотелось утешить его страдающее сердце, и поэтому я прижалась к нему, совершенно не думая о его реакции.

Парень порывисто прижал меня к себе, начал целовать мои руки, лицо, зарывался лицом в мои волосы.

Знаете, я не стала отбиваться. Это давно должно было случиться, и лучше сейчас, чем никогда. Пора было расставить все точки над «і».

Я еще сильнее и сильнее прижималась к нему, одновременно стаскивая с парня одежду. Видимо, ответ был весьма красноречив, раз его длинные пальцы легко справились с поясом моего халата.

Неожиданно Женя простонал: «Черт, только не здесь».

– В смысле? – еще не очухавшись, переспросила я.

– Ну не в гостиной же, – пояснил парень.

– Иди к себе, я сейчас схожу, проверю малышей, маму отпущу и приду к тебе.

– Ты точно придешь?

– Да, – ответила я и, стараясь не смотреть на него, поспешно запахнулась и бросилась по лестнице вверх.

Забежав в спальню, я первым делом растолкала Ольгу Ивановну и отправила ее спать.

Потом пошла в ванную. В зеркале отразилось бледное лицо, с кругами под глазами, но глаза блестели.

Что я делаю?

Главное зачем?

Кому это нужно?

Хотя с другой стороны может, случись между нами близость, мой лучший друг перестанет относиться ко мне как к хрустальной вазе?

Отпустит, наконец, получив желаемое? Себе хуже я не сделаю, все равно хуже некуда, а тут может у Женьки жизнь наладится?

С этими мыслями я быстренько залезла под душ, тщательно вымылась, надушилась и завернулась в халат. Белье одевать не стала.

Дверь не заперта, я тихонько прошмыгнула в нее и решительно направилась к кровати. Женья стоял у окна, так что в комнате довольно свежо.

Дрожа от холода, я залезла под одеяло и позвала парня.

Тот даже не двинулся:

– Иди спать. Я устал, мне лечь нужно.

– Ты зачем так со мной? Я к тебе пришла.

– Не нужно ни мне, ни тебе. Спасибо за жалость, но иди спать.

– Я не из— за жалости пришла.

– Тогда зачем? Скажешь, что любишь?

– Я хочу, чтобы ты любил меня, иди ко мне.

Я видела его недоверие, но не собиралась отступить.

– Иди сюда и покажи мне, как люди любят друг друга. Пожалуйста. Я тебя прошу.

После секундного колебания, парень со вздохом встал и медленно подошел к кровати, я покорно обвила его шею и поцеловала, мягко увлекла за собой...

Раньше я не обращала внимания на это загорелое, мускулистое тело, крепкие, сильные руки, мягкие податливые губы. Он казался таким уверенным, что я отбросила все сомнения прочь.

Мне хорошо, я таяла под его нежными руками. Его губы плавил мое тело, раскрывая новые грани смешанных чувств. Я не подозревала о том, что такие эмоции возможны до этого момента. С Русланом мы плыли по безмятежному озеру, а здесь с Женей все напоминало действующий вулкан...

После секундного колебания, парень со вздохом встал и медленно подошел к кровати, я покорно обвила его шею и поцеловала, мягко увлекла за собой... Раньше я не обращала внимания на ее загорелое, мускулистое тело, крепкие, сильные руки, мягкие податливые губы. Он казался таким уверенным, мужественным, что я отбросила все сомнения прочь.

Мне было хорошо, я таяла под его нежными руками. Его губы плавил мое тело, раскрывая новые грани смешанных чувств. Мои руки все еще боролись с застежкой его джинс, когда он сам их снял, продолжая бесконечно целовать и ласкать меня. Я не подозревала о том, что такие эмоции возможны до этого момента. С Русланом мы плыли по безмятежному озеру, а здесь с Женей все напоминало действующий вулкан. Необузданная стихия, вот что это напоминало. И все же между поцелуями Женья успевал переспросить: «Ты уверена? Я тебя люблю, я так сильно тебя люблю!»

Все мое естество радостно и восторженно парило над всем, мыслей не было, лишь

непреодолимое желание владело мной. С губ Жени сорвался стон, когда он вошел в меня, а я совсем потеряла голову, впилась руками в его тело, заставляя двигаться сильнее..

Все мое естество радостно и восторженно парило над всем, мыслей нет, лишь непреодолимое желание владело мной...

Я на мгновение замерла, жадно хватая воздух, и упала в изнеможении. Он тоже тяжело дышал.

– Лера, я люблю тебя, хочу, чтобы ты это знала и помнила. Никто, ничто и никогда этого не изменит.

Вместо ответа я поцеловала его и свернулась калачиком.

Не хотелось думать о завтрашнем дне. Спокойствие и безмятежность приняли в свои объятия.

Спустя время, Женя заснул, а я малодушно и осторожно выбралась из его крепких объятий и отправилась к себе.

Надеюсь, о произошедшем сегодня ночью я не пожалею...

Глава 60. Тебя я укрою.

Женя

Прошедшее накануне здорово меня подкосило.

Дочь Вики и Алекса оставалась еще в роддоме, нужно уладить было организационные моменты, и мы все надеялись, что скоро заберем ее домой.

У нас все равно двое детей, третий не станет помехой.

Алекс переехал к нам после похорон. По большей части он молчал, а по ночам мерил шагами комнату.

Я старался проводить дома как можно больше времени. Обстоятельства не позволяли.

Ника все же полезла в суд, намереваясь признать сына недееспособным.

Забавно бы у нее вышло, если не его подстраховка. Он провел в отношении себя три экспертизы, которые признали его абсолютно вменяемым. Так что своеобразный козырь у нас все же есть. Хочу посмотреть на ее лицо в этот момент, когда она узнает.

Большой дом ей теперь ни к чему, я намеревался его продать и купить ей комнату в общежитии. Сейчас как раз и размещал объявление.

Дверь в кабинет распахнулась. На пороге Алексей и мне осталось лишь вздохнуть и вовремя прикрыть свой болтливый рот.

Проведя с человеком более 10 лет вместе, поневоле понимаешь, что простить можно многое. Если не все. И есть ли вообще ограничения в этой области? О, несомненно. Леша мог простить все, кроме лжи.

Леша

А она лгала, как оказалось. Ложь росла как снежный ком год за годом. Моралист до мозга костей. Ему невыносимо больно от осознания правды. Любимая лгала. И не собиралась признаваться. До этого момента.

Это означало одно, ложь продолжала бы отравлять их жизнь, ставя под удар смысл.

Ударить Оксану не мог, поэтому сейчас в данный момент пытался поколотить лучшего друга.

Смирнов мужественно терпел удары, практически их не отражая. Он понимал, спустить пар другу необходимо.

Тем более отчасти он все же несет ответственность за происходящее. Стремясь защитить Валерию и детей, он переходит границы без угрызений совести.

Леша понимал, облегчения это не принесет.

Лишь когда Женька сплюнул кровь с разбитой губы, он отступил, бессильно опустив руки.

– Угомонился, гамадрил?

– Угомонился. Бить тебя одно удовольствие.

– Чрезвычайно рад угодить.

– Что ты собираешься делать теперь?

– Умыться. Для начала.

– Я хочу, чтобы ты знал. Я не могу предъявить претензии Руслану. Но предъявляю их тебе. Дружбе конец. Видеть тебя, слышать, знать не хочу. Максимально понятно?

– Максимально. Могу я только задать один вопрос?

– Валяй.

– Кто тебе сказал?

Леша криво усмехнулся.

– Какая разница теперь? Ты не сделал этого. Хотя мог. Тысячу раз мог! И я хочу спросить: какого хрена ты не сказал мне?

Смирнов пожал плечами:

– Потому что это не мое дело. Вот и все.

– А ты знаешь, когда началась эта заварушка с двойней, я сразу сказал, что это не ты. Сразу же. И чем ты оплатил за доверие?

– Можешь злиться на меня. Но скажи, кто тебе сказал?

– А вот хрен тебе за воротник. Не скажу.

– Тогда защитить твоего сына я не смогу.

– Он не мой.

– Ты считал его своим на протяжении почти двух лет и вдруг он стал не твоим?

– Да. Он не мой сын! Это ты у нас альтруист, готов воспитывать чужих детей. Я не такой! Будь ты моим другом, я бы тебе сказал кое-то важное. А так иди к черту вместе с Королевым.

Женя

Леша ушел, едва не вышиб дверь.

А мне другого ничего не оставалось, как умыться.

Разбитая губа саднила, но я отделался еще легко. Он мог с легкостью сломать мне пару ребер и тут оказался бы прав. Я заслужил.

Нос и губа заживут, а наша дружба... Видимо, сегодня я потерял, если не всех друзей, то большую половину или почти всех.

Сначала Руслан, потом Егор, Вика, теперь еще и Леша... Отношения с Лерой... Я расписываюсь в своем бессилии. За что не возьмусь, ничего не выходит...

Прибежала Ольга после ухода Леша, принесла перекиль и попыталась за мной поухаживать. Пытался отмахнуться от нее как от назойливой мухи и не вышло. Иногда эта девчонка упряма.

Безумие заразно. Я схожу с ума. Пытка продолжается изо дня в день. Днем она равнодушна ко мне как стены вокруг. А ночью...

Боже, то, что происходит между нами ночью... Определенно не любовь.

Любовью это не назовешь, как ни старайся притянуть. После первой такой ночи, когда она утром равнодушно сделала вид, что ничего не произошло, я подловил ее на кухне и в упор спросил:

– Ты не хочешь ничего обсудить?

– Например? – невинно хлопая глазками, ответила Лера.

– То, что произошло ночью.

– Нет, – прошептала девушка и улыбнулась, чем подвергла меня в ее большее изумление.

Знаю, ночь пройдет, наступит утро, и она снова уйдет, оставит меня одного на мокрых простынях, я стремился не дать ей этого шанса, пускай это и убивало нас обоих.

Мне хотелось хотя бы однажды проснуться с ней рядом, крепко прижимая к себе. Увы, я лишен и этого.

Вот она сидит рядом со мной, растерянно наматывая локон волос на пальчик, я сижу и делаю вид, будто слушаю родителей.

А сам бросаю красноречивые взгляды на Леру.

Разумеется, наши, э, ночные (встречи, посиделки?) увлечения не прошли мимо ушей и глаз остальных живущих в доме.

Это ожидалось, правда, они малость удивлены таким развитием событий.

Стоило мне ночью попытаться открыть рот для разговора, его тут же затыкали поцелуями. А потом я терял нить того, что хотел сказать.

Варя служит отражением моих эмоций по этому поводу. Она смотрит на меня с нескрываемым презрением.

– Ты в курсе, насколько это само по себе низко?

– Например?

– То, что вы вместе. Ваш своеобразный досуг. Это противно.

– Отчего же? Это естественно.

– Естественно, если она тебя любила. А так справляет свои потребности. Чего не скажешь о тебе.

– Хм. Даже интересно почему.

– Потому что ты влюбленный придурок.

– И что в этом плохого?

– Плохо, что она тебя не любит. Ты совсем меня не слышишь. Нравится, когда тебя втаптывают в грязь, пожалуйста. Только потом не пей до потери сознания. Потому что я буду напоминать тебе об этом постоянно.

– Спасибо, сестра. Умеешь ты поддержать.

– Всегда пожалуйста, братец.

Она права. И я не мог бороться.

Я мог лишь созерцать ее днем. Молча. Что ж. Я отыграюсь ночью.

У меня возникла одна идея на ночь, поэтому я тщательно обдумывал ее.

Делай вид, что равнодушна.

Издавайся надо мной.

Твое право сохраняется только при солнечном свете.

Едва уgomонились дети, заснули родители и Варя, дверь моей комнаты отворилась.

И как до этого на девушке почти ничего нет, кроме комплекта нижнего белья, нижнюю часть которого я безжалостно рвал каждый раз.

Впрочем, судя по всему запасы кружевных «ничего не прикрывающих, а лишь дразнящих», у Леры в неограниченных количествах. Ничего не имею против.

Я терпелив. Хотя раньше терпение не являлось моей отличительной чертой.

Если Лера и удивилась, как ловко я привязал ее запястья к прутьям кровати, то сначала она не проявила беспокойства. Самодовольство так и перло из меня.

– И мне долго ждать? – прошептала она в полутьме.

Я улыбался как дурак. Давно не чувствовал себя таким счастливым

– Долго, милая. Долго. Я собираюсь спать сегодня. Чего и тебе желаю. Спокойной ночи, сладкая.

Девушка задергала руками и ногами, что следовало ожидать.

– Я сейчас заору!

– Разбудишь детей. И мама будет очень недовольна. Угомонить такую кучу народа! Разбудишь и я с легкостью обеспечу нам еще одного.

Лера замолчала, я лег спокойно возле нее, но она пиналась всю ночь, поэтому не

выдержав, я ушел на пол.

План с позором провалился. Ладно, я всегда могу рассчитывать на еще одну попытку.

Лера ушла от меня явно в дурном расположении духа, а у меня наоборот настроение на высоте. Сделал гадость, сердцу радость. И сейчас на работе, я продолжал думать о ней. И о том, как мало меня самого осталось.

Оля заботливо обработала мое лицо перекисью. Слегка подула на губу. Забавная она. И пусть такой остается. Хватит с меня разрушений.

Я дернулся к телефону. Мама.

– Привет, сын. Лера не заходила к тебе?

– Привет. Нет. Она вроде никуда сегодня не собиралась.

Мама деликатно кашлянула:

– Ты помнишь, какой сегодня день?

– День рождения Руслана. Я совсем забыл. Давай я съезжу на кладбище и домой к ней, а ты на квартиру?

Мама согласилась, решив взять с собой еще и Варю. Оставив Олю за главную, я помчался на поиски.

Глава 61. Он знает, где я.

Впереди ужин с Петром, и она знала, он ее не разочарует.

Катя готовилась выйти из квартиры, когда ей позвонили. Номер незнакомый. Недоумеваемая, она взяла трубку:

– Алло?

– Здравствуйте. Мы с Вами незнакомы, но нам нужно встретиться и поговорить.

– И о чем?

– О нашем общем знакомом.

– И что?

– Я должна предупредить. Ваше дело верить мне или нет. Встретимся сегодня, в кафе, в семь. Я буду ждать.

Трубку повесили. Катя судорожно сглотнула и взяв сумку, закрыла дверь. Разговора с незнакомкой не хотелось.

До ужина еще оставалось время.

Катя подошла заранее и уселась на свободный столик.

– Вы Катя?

Красивая блондинка подошла к ней. Смутно знакомая.

– Я. Вы мне звонили?

Блондинка села на стул, закинув изящные ноги друг на друга.

– Звонила. У меня есть информация касаясь Вашего парня.

– У меня нет парня.

– Есть. Такой рыжий. Наглый. Зеленоглазый.

– И что с ним не так?

– Мы встречались. Одновременно спал со мной и моей матерью.

– И это все? Вся шокирующая информация? Зря тратите время.

– А Ваш отец знает, где Вы находитесь?

– При чем тут он?

– А при том, что навряд ли ему понравится та новость о его дочурке и ее новом парне, альфонсе, который оказывает услуги интимного характера. Как Вы думаете, Ваш отец, бывший военный, человек строгих правил, обрадуется такому выбору? Он будет безумно рад, ведь он так давно Вас ищет. Сколько Вы скрываетесь от отца?

– Что Вам нужно?

– Я даю шанс уехать. Сейчас.

– А что если я не уеду?

– Тогда отец Вас заберет. Выбирайте.

– Вы его любите?

– Я не имею к нему отношения. Уже не имею. Он любовник моей матери.

– И значит это по ее просьбе?

– Да.

– Спасибо за честность

– Так Вы уедете?

– Я ценю Вашу честность. Но вот извините, не поступаю по чьей— то указке. Я не кукла.

Если бы Вы знали моего отца, по— настоящему бы знали, Вы никогда не набрали его номер. Поверьте мне. Сделаете это и Ваша жизнь станет адом. До свидания.

Мила посмотрела ей вслед. Гордая и безумно влюбленная. Жалко девочку. Но против матери Мила не дернется. Ей вполне достаточно.

За все это время вокруг пришло в норму, кроме нее...

А она живет со спятившей мамашей, которая погружается в безумие с каждым днем.

Со дня смерти Руслана прошло чуть больше года. Года ада. И Мила чувствовала, ее нервы на пределе. Она больше не выдержит ни насмешек, ни ударов, ни голодовку. В прошлый раз мать продержала ее в подвале неделю на одной воде.

Мила завидовала Максусу. Отец его увез. Где они теперь, Мила не знала. Может, это к лучшему... Одного брата она уже потеряла, не хотелось терять отца и младшего брата. Здесь в городе остался Алекс и тот плевать хотел на племяшку. А она никому не нужна. Осталось еще два дела: позвонить и оставить подсказку тому, кто может пострадать в результате ее действий.

Петя напрасно ждал Катю.

Она не пришла. Он подождал ее час и рванул домой, забарабанил в дверь. Девушка ее открыла с заплаканными глазами.

– И что это значит? – налетел на нее Петя

– Ничего.

– Я могу войти?

– Нет, – слабо запротестовала Катя, но с ним бесполезно бороться.

Петя вошел в квартиру, отодвинув девушку в сторону. И остановился, заметив беспорядок и почти собранные чемоданы.

– И?

Катя скрестила руки на груди:

– Я не обязана ничего объяснять.

– Да что ты. Куда собралась?

– Мне нужно уехать. Срочно. Времени у меня в обрез.

Петя смотрел на нее, прищурив свои зеленые глаза. А ей так отчаянно хотелось сказать ему правду. Но тогда ей не защитить его.

– Ты можешь мне доверять.

– Не могу. Я никому не могу доверять. Мне, правда нужно уехать. Как можно дальше отсюда.

– Почему? Объясни мне.

Петя подошел к ней поближе и наклонился, заметив бегущие по ее щекам слезы. Он никогда не видел, чтобы человек беззвучно плакал. Слезы текли из ее глаз, а девушка не произносила ни звука.

Ласково он притянул ее к себе, аккуратно прижимая к себе. Она дернулась от него, хватку он не ослабил. Тогда девушка обмякла и затихла.

– Расскажи мне. Расскажи все.

Катя подняла на него заплаканные глаза и прошептала:

– Я не хочу тебя потерять.

– Я буду рядом.

Крепко обнявшись и прижимаясь к друг другу, они простояли так, пока Катя рассказывала про своего отца.

– Мой отец бывший военный. Сейчас у него довольно высокий пост. И я кое— то украла у него.

– Что?

– Маленькую флешку. За которую меня и всех, кто будет рядом со мной, убьют. Я прячусь от него.

– И что там на этой флешке?

– Тебе не надо знать. Достаточно того, что ты знаешь о ее существовании.

– И ты думаешь, он знает, где ты?

– Знает. Он звонил мне час назад. У меня совсем мало времени.

– Ты никуда не поедешь. Мы тебя спрячем.

– Он сравнивает этот город с землей.

– Не сравнивает. Мы его обманем. Собирайся. Навестим кое-кого. Он нам поможет.

Глава 62. Поезд безумия прибыл, и я его единственный пассажир

Лера

Хотелось выйти на улицу и прогуляться. В моей жизни творится полный бардак.

А сегодня у лунного мальчика день рождения.

Я все еще помню, как вчера. Казалось, еще совсем недавно он держал меня за руку, переводя через дорогу, длинные пальцы переплелись с моими и, чувствуя одновременно крепость и нежность в одном прикосновении, я иду вслед за ним.

Мимо снуют машины, бегут люди, а он крепко сжимает мою руку. Губы, что часто отдают горечью при поцелуе ласково растягиваются в улыбке, а изумрудные глаза полны любви...

Я поглубже запахнулась в куртку, прогулялась до цветочного ларька, купила любимые белые розы и отправилась к нему.

Накрапывал мелкий дождик. Дома ждали, а я не торопилась.

Все, что мне нужно сейчас, лежит под гранитной плитой.

Несправедливо. Я должна была умереть, а не жить. Должна лежать тут же, в холодной земле. Ничего не изменилось.

Вчера пока двойняшки спали, я залезла на чердак, не помню зачем. В правом углу я заметила множество огромных коробок, мебель в чехлах и лишь спустя минуты поняла, что вижу перед собой. Свою прежнюю жизнь, разительно не похожую на теперешнюю. Вот наш большой платяной шкаф, вот любимое кресло Руслана...

Коробкой за коробкой, разрывая зубами и ногтями скотч, я вытаскивала вещи Руслана, рубашки, брюки, свитера, сжимала их до боли и рыдала навзрыд. Запах родной и до боли знакомый заполнил все вокруг. Фотоальбомы с фотографиями посыпались из пластиковых коробок. Вот наш свадебный альбом, в нем нет ни одной фотографии, ни одного нашего супружеского дня... Я все еще ношу его кольцо на безымянной пальце. В одном из чехлов обнаружилось мое свадебное платье.

Мое хорошенькое свадебное платье, фата, перчатки, туфельки заботливо упакованы кем-то.

Костюм Руслана, приятный на ощупь, нежно кремового цвета лежал рядом. Его свитер...

Кто из нас знает, что его ждет?

Разве мы знали, что конец так близок? Что смерть неумолимо и безвозвратно заберет его у меня? Что он оставит меня? Оставит одну в этом мраке... Оставит мне лишь воспоминания и могилу, где можно безостановочно изливать свое горе?

А теперь что есть у меня? Зубная щетка, полотенца, одежда, обувь и мелочи, фото? Моя жизнь разрушена: нет любимого, нет мамы.

Женя. Что Женя? Я порчу ему жизнь, отравляю ему ее. Ему бы меня забыть и начать сначала, а я вешу камнем на его шею.

Предаю постоянно тех, кто любит меня, верит мне. Ради чего...

На грани между безумием и разумом... Я балансирую. Сейчас...

Сейчас чувство глубины захватило меня и зовет к себе и быть может в безумии не будет

ничего.

Я не буду помнить, не буду знать. Забуду, возможно, и его, возможно, не буду помнить, что потеряла его, что его больше нет. Мы будем вместе, не смотря ни на что.

Я забуду, что теперь я одинока и мое сердце разорвано на части. Так легко сойти с ума, и каков соблазн быть безумной лишь бы снова знать, что он рядом...

Видеть его рядом со мной, чувствовать, он рядом и не было никогда ни его болезни и его смерти.

Очень хочется окунуться в безумие... И остаться там навсегда в его крепких объятиях и не знать, что его больше нет.

Правда ужасна. Нет ничего хуже ее.

Я поставила цветы в вазу возле его креста. Памятник мы еще так и не поставили.

Мне кажется, когда приходят к этому решению, назад пути нет. Памятник— последняя черта. А я не готова ее провести.

Мобильник запиликал. Наверное, Женя меня потерял.

Я полезла в карман и достала телефон.

Сообщение от абонента, чей номер рука не поднималась стереть.

Регулярно пополняя счет, я иногда отправляла ему сообщения.

«Приходи домой. Я вернулся. Жду».

Поезд «Она наконец-то чокнулась» прибыл на свой перрон. Не слушая голос разума, которому доподлинно известно, что телефон Руслана лежал на своем месте. В моей комнате. В тумбочке.

Но поезд с его вагонами сомнения, радости, восторга не собирался ждать своего единственного пассажира. Билет давно уже куплен и поезд дает первый прощальный гудок.

Я успела в последний вагон.

Женя

Она все же сошла с ума. Я выслушивал врача, пытаюсь понять почему меня снова не было с ней рядом. Я думал, у нас все серьезно. И вот она слетела.

Мама позвонила мне, когда Лера не вернулась с прогулки домой.

К сожалению, мне известен ее путь...

И до психушки мы еще никогда не доходили.

– Я могу ее навестить? – меня интересовало только это.

– Да, конечно.

Меня проводили в ее палату. Лера лежала на койке, широко смотря перед собой.

– Это состояние, скоро пройдет?

– Мы все делаем для ее стабилизации. Но когда это произойдет, неизвестно.

– Понятно, – я коснулся ее холодной руки. Изящные пальчики судорожно сжаты.

Попытка их разжать ни к чему не привела.

Где она сейчас? В каких мечтах? В каком месте своего личного Рая?

Широко раскрытые сапфировые глаза не дают ответа. На этот раз моя любимая безумно далеко. И я не уверен, что верну ее назад.

– Мне нужно место рядом с ней. Отдельная палата, как угодно.

– Вообще у нас не положено.

– Мне плевать. Деньги не имеют значения. Мне нужно здесь место.

– Есть вариант оформить Вас как нашего пациента.

– Ок, – усмехнулся я в ответ, – Хотя полосатое мне не идет. Где оформляться?

Через два часа я сидел рядом с Лерой. Вопреки ожиданиям пижамку мне не дали. Я остался в своем.

– Позволь мне забрать тебя домой, – прошептал я ей на ухо, осторожно целуя в шею, отодвигая волосы, прядь за прядью со своего пути.

Нежная кожа со свежими царапинами и следами от веревки. Я готов расцеловать эти следы, лишь бы заглушить ее отчаяние и боль.

Аккуратно, поливая ее кулачки теплой водой, мне удалось их разжать, и находка обескуражила. В левой руке его кольцо. Кольцо обручальное. С которым мы его похоронили.

Я слонялся по больнице, пока с ней занимались медсестры. Кольцо в ее руке смущало меня. И пока разумных объяснений у меня нет. Кольцо. Я сам видел его на руке Руслана. Ошибки быть не может. Гравировку на кольцах придумал и нарисовал он сам.

Варя и мама нашли Леру в квартире Руслана. Мне они с неохотой об этом рассказали. Надо съездить туда самому, но сейчас оставить ее нельзя.

Ладно, это дело наживное. Подождет. Главное, вернуть назад мою любимую.

День за днем я снова боролся за нее. Правда, на этот раз противник намного серьезнее. Сама Лера. Она упорно не желала возвращаться, не взирая и сводя на нет мои усилия.

Я курил на крыше, когда заметил на козырьке девчонку. Ничего странного, кроме нашего местонахождения на крыше психушки.

– Это ты, тот, кто прикидывается психом?

– Нет, не я.

Она протянула руку за сигаретой.

– А тебе можно?

– Можно. Я тоже притворяюсь.

– Да? И как успехи?

– Скоро меня выпустят. А твои?

– Не очень.

– Сразу не получится. Это ее не с работы забрать. Там у нее свой собственный пэрэдайз.

– И знаешь способ?

– Знаю. Но не проще оставить все как есть? Пусть она живет в своих фантазиях?

– Нет.

– Да мы эгоисты, кажется.

– Есть такое. Я дал обещание, что не оставлю ее, пока не умру сам. Поэтому другого плана попросту нет.

– Удачи.

Девушка докурила и бросила окурочек вниз. Красная точка разбилась на мелкие частички. Я пожал плечами и запахнулся в куртку. Вечер перестал быть томным.

Я вернулся в палату. Лера лежала в той же позе. Таблетки не помогли. Я скучал по дому, по девочкам, еще совсем крошкам.

Бережно уложил мое Сокровище спать рядом с собой, завернув ее в одеяло.

– Рассказать тебе сказку? Жила— была на свете маленькая девочка с волосами цвета золота. И был у нее подарок маленькое колечко.

Осторожно отделив указательный пальчик девушки, надел на него колечко, одновременно разминая каждый пальчик от кисти до самых кончиков.

– Я видела его, – еле различимый шепот с ее потресканных губ.

– Что?

– Я его видела, – повторила она и стиснула мою руку, девушка вонзила ногти мне в ладонь.

Она стала биться, размахивать руками, пытаясь расцарапать себе лицо, вырвать волосы. Боязнь за нее пересилила растерянность, не до этого сейчас.

Мне удалось скрутить несчастную девушку в одеяло и продержать ее до прихода медсестры, вколотившей Лере успокоительное.

Приехали. Смотря на нее беззащитную и потерянную, не смог отвести взгляд. Кажется, у меня новый персональный кошмар. И что я мог сделать в этом случае?

Девушка вскоре затихла на моей груди, едва различимо сердцебиение.

Мне нужна эта ночь, чтобы подумать.

Я не верю в совпадения. Не верю в чудо. Не потому что не допускаю и возможности, нет.

Потому что это невозможно. Я всегда был рядом, не мог пропустить ничего важного. Тогда откуда кольцо? То самое кольцо?

Задумчиво вертя его в пальцах, мне внезапно пришла в голову одна мысль. Либо его кто — то снял до, либо сделал копию. Теперь главный вопрос: зачем? Для чего прилагать такие усилия? Через год после всего. Свести Леру с ума? И для чего? Что даст ее невменяемость?

И тут до меня дошло. И подождет до утра. Не хочу нарушать наше хрупкое перемирие. Завтра трудный день. Копание в грязном белье не входит в список моих страстей.

Интриги, расследование... не мое.

Мое вот лежит рядышком, я чувствую ее дыхание, слышу сердцебиение маленького запуганного сердечка и почти счастлив.

И пускай в данный момент она безумно далека от меня, где— то за чертогами привычной Вселенной, надеюсь, она тоже счастлива и отыскала покой.

Глава 63. Прячься, я иду искать

Женя

Утро разбудило меня звяканьем ключей. Почему белый потолок и стены? Что внушает этот маркий цвет? Отвратно.

Лера мирно спала, подложив ладошки под голову. Не хотелось нарушать ее сон. Поэтому я осторожно соскользнул с койки и поплелся искать туалет.

По пути мне попалось несколько пациентов отделения. Бледные, нечесанные, помятые, чего они делали в коридоре?

– Извините, Вы не подскажете где здесь туалет? – обратился я к более менее нормальному парню.

– Ммм? – промычал он, вращая белками глаз.

– Туалет, спрашиваю где?

– По коридору налево, – вполне нормально отвечает парень. Придурок.

Я отошел от него, в кармане завибрировал сотовый.

– Что?

– Привет. Мне нужна твоя помощь.

Петя. Черт бы его побрал.

– Я не могу. Лера в плохом состоянии.

Моя слабая попытка попробовать не ринуться на помощь.

– Не поможешь, тогда в плохом состоянии будем мы все. Пожалуйста.

– Я в психушке.

– Не буду говорить насколько это ожидаемо. Мне приехать за тобой?

– Приезжай. Через час буду ждать внизу.

Мне надо найти Лере няньку и поживее.

Пришлось просить Варю, которая хоть и ругалась как сапожник, но не отказала.

– Теперь я нянька психопатки?

– Мне не с кем ее оставить. Я никому не могу доверять.

– Ладно, у тебя время до вечера.

– Она не психопатка.

– Видел бы ты, что она устроила. Тогда не возмущался.

Я обнял одно из своих сокровищ. Хрупкое и чрезвычайно сильное.

– Ладно, до вечера, сестренка.

Варя вошла в больничную дверь и тут же подъехал Петя.

Лера

Я сошла с ума. И впервые счастлива этому. Нет ничего прекраснее, чем погружаться омут памяти и больше не сопротивляться. Просто утонуть.

Погружаясь все глубже, туда, где нет света, нет тьмы.

Нет ничего причиняющего боль, разрывающую на части. Нет ничего. Ни страданий, ни памяти. Разве человек не заслуживает забвения? Обычного забвения? Нет лекарства от памяти, кроме безумия. Чем слаще пилюля, тем безумнее отдача.

Соскальзывать всегда непривычно в первый раз.

Проблема в том, что если сделать это впервые, то в следующий раз выйдет намного

проще.

И разум пойдет по этой скользкой дорожке, не осознавая, насколько это страшно.

Боялась ли я? Нет. Я очень хотела увидеть Его.

Поэтому разум и сыграл со мной шутку, позволив первый раз фантазии выйти за грани.

Позволив лишь на мгновение, на секунду усомниться в реальности.

Всего секунду на скользкой поверхности бытия и вот я уже качусь вниз.

Никто не заметил, насколько быстро это произошло.

Мгновение раз, мгновение два и на поезде, везущем меня подальше от реальности.

И здесь... Хорошо. Здесь Он. Живой. Рядом со мной. Улыбается краешком столь любимых мною губ, изумрудные глаза вновь смотрят на меня...

Я вдыхаю знакомый запах его кожи, трюсь щекой о его плечо и уповаю на милость небес.

Варя посмотрела на Леру, лежавшую на боку с широко раскрытыми глазами. Не мигая, уставившись в одну точку.

Сумасшедшая. Тянущая ее любимого брата вниз.

– Теперь ты, наверное, больше понимаешь меня. И я тебя. Знаешь, Лера, ты хорошая, правда, хорошая. Но мне бы хотелось, чтобы ты не возвращалась. Оставайся там.

Женя

Я внимательно слушал сбивчивый рассказ Петра и Кати. И пока не знал, что им ответить.

– Ок. Мы ее спрячем. Что дальше?

– Ты у нас мозг. Подумай.

– Приятно твое мнение обо мне. А что если он ее найдет?

– Не найдет. Мы отсидимся пару дней, потом исчезнем.

– Ок. Но нужно подумать. Дай мне часа два.

– Он, скорее всего уже послал за ней. Дело времени.

– Мне надо два часа. Поговорить с Милой. Выяснить кое— что.

– Хорошо. Нам что делать?

– Изобразить ссору. Кате сесть в автобус, Алекс заберет ее на полпути и отвезет на дачу.

Надо убедить его, что она уехала отсюда. А уж потом прятаться. Это навскидку. Я поехал к Миле, вы собраться. Устройте ссору, так чтобы вас было слышно на улице.

– Я не поеду с ней?

– Нет. Исчезнешь через пару дней. Когда все станет тихо. Все, давайте.

Я выпроводил парочку их офиса и набрал Люду. Возьми трубку, ну же.

Петя и Катя подъехали к дому.

– Готова?

Девушка посмотрела на него, нервно улыбаясь. И потянулась к нему, притянув за воротник.

– У тебя что-то на воротнике, – прошептала Катя, не ответив на вопрос и потянувшись к нему, ухватила парня за воротник и потянула к себе.

– Я не совсем понял, что, – не успел Петя и переспросить, как губы девушки неловко прикоснулись к его. Тут он ничего уже не мог возразить и с жаром ответил на ее поцелуй,

привлекая девушку к себе.

Сколько прошло времени, пока были заняты поцелуями, они не представляли. Им никак не удавалось разомкнуть губы, уже саднящие и ноющие от переизбытка чувств.

– Теперь готова. Не бери в голову, все что услышишь от меня в ближайшие минуты, – улыбаясь и снова целуя, попросила Катя.

Она орала на него последними словами, и он не отставал от нее, не стесняясь в выражениях.

Катя схватила сумки и поволокла их вниз. Пока все шло по плану.

Женя

Мила выглядела странно. Глаза бегали, и она не смотрела на меня.

– Что ты хочешь?

– Просто хотел увидеть.

– Да что ты? Спустия полгода? Это смешно.

– Я хочу помочь.

– Мне не нужна твоя и любая другая помощь. У меня все супер! Иди к своей любимой #уже! Оставь меня в покое!

Мила вцепилась в меня, махала руками, пытаясь вцепиться в лицо. Я перехватил ее руки и прижал к себе.

– Перестань. Расскажи мне, расскажи мне все. Прощу тебя. Какое отношение ты имеешь к Кате? Что Ника просит тебя делать?

– Ничего. Мне пора.

Девушка вырвалась из моих рук и убежала вон.

Ночь прошла беспокойно. Я не вернулся ни в больницу, ни домой. Колесил по городу, пытаюсь понять, что делать дальше. Кольцо, больница, Петя, Катя, Мила, все смешалось в крайне непереваримое блюдо. Сигареты закончились, как назло не вовремя.

Возвратиться назад в больницу, не разобравшись, я не мог. Мне надо подумать. Немного времени.

Поэтому я поехал домой уже под утро, Варя в больнице, значит Лера под присмотром.

Выпив две чашки любимого кофе, я не ждал полицейскую машину за окном. Недоумевая, я их сам встретил.

– Смирнов Евгений? – я с удивлением окинул сотрудников полиции.

– Да, а что?

Договорить мне не дали, как и объяснений.

– Пройдемте с нами.

Мама успела выскочить на крыльцо, успела увидеть, как я сажусь в машину. Меньше всего на свете мне хотелось ее расстраивать.

Глава 64. Мне так жаль

Все прошло хорошо.

Алекс забрал Катю и отвез ее на дачу. Девушка с тоской оглядела маленький, но уютный деревянный домик. Рядом небольшое лесное озеро.

Катя попрощалась с Алексом и встала у большого окна, завернувшись в плед.

Девушка устала. Устала от вечной погони, бесконечных переездов, прятков. Тяжело играть в прятки с собственным отцом.

Единственное, чего она хотела сейчас, стать более незаметной. Отец знает, где она, узнает и с кем она, а значит и Петру угрожает опасность.

Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать.

Женя

Следователь сидел передо мной. Деловой и излишне самоуверенный. Мы уже встречались, впрочем, не все ли равно?

– Что Вы делали вчера вечером?

– Могу я узнать к чему такое любопытство? Мы вроде в свободной стране. Или зовете на свидание?

Да, вовремя заткнуться я не умею. Как и выбирать время и место, да и объект для шуток.

– Вчера ночью был обнаружен труп Людмилы Королевой. Поэтому спрошу еще раз, где Вы были вчера вечером?

Молчание затянулось. Дар речи, как и чувство отвратного юмора, пропали одновременно.

Следователь бросил мне через стол фотографии. Черно— белые. Я взял один снимок и взглянул. Сначала до меня не сразу дошло.

Бесформенная белая масса. Пара секунд и я разглядел руку с изящными пальчиками и знакомое лицо... Зеленые широко распахнутые глаза.

– За что Вы ее убили?

Я осторожно положил снимок обратно. Таким дешевым способом меня не вывести из себя.

Приняв беззаботный вид, насколько это было в моих силах, я откинулся на спинку стула.

– Понятия не имею о чем Вы. Я ее не убивал.

– Откуда тогда на теле погибшей следы Ваших рук?

– Мы поругались накануне. Я пытался ее утихомирить.

– И поэтому под ее ногтями обнаружены частички Вашей кожи. У Вас с ней были интимные отношения?

Странно, ее смерть никак не вязалась с моими воспоминаниями.

Мила в детстве была пышкой и часто смеялась. Мы с Русланом были не разлей вода, и присутствие его сестры никогда не отражалось на нашей дружбе. Наоборот я сам воспринимал ее как сестру.

В 16 лет мы оба совершили с ней ошибку и вот я не уберег ее от очередной.

Сожаление. Все, что осталось мне. Все, что теперь мне принадлежит. Одно сожаление. К чему теперь его пришить...

Алекс после смерти Вики совсем съехал с катушек. Неудивительно. Я бы тоже оказался там, если с Лерой...

Воспоминания больно кольнули. Как она там и дети?

— Нет.

— В эту ночь или вообще?

— Это было, когда нам было по 16 лет.

— У Вас были раньше проблемы с законом?

— Да.

— Приводы в милицию, мелкие кражи еще ребенком, принудительные меры воспитательного воздействия, направление в спецучреждение. Три года назад подозрение на совершение убийства, Вы были подозреваемым?

— Да.

— Большой послужной список, не находите?

— Нет. Я разносторонняя личность. Хобби.

— Убийство вряд ли относится к хобби. Чем Вы занимались вчера?

Я пожал плечами.

— Катался по городу.

— Кто-нибудь может подтвердить Ваши слова?

— Нет, я был один.

— Что Вы делали возле дома погибшей?

— Я же сказал, катался.

— Возле дома обнаружены следы колес от Вашей машины, окурки. Ничего не хотите пояснить?

Я наклонился вперед:

— Я знаю, к чему Вы клоните. Все складно. Но мотива у меня нет. Никакого.

— Ну почему же? Ваша девушка в психиатрическом отделении, потому что погибшая довела ее до этого состояния. Разве нет? Есть свидетели Вашей вчерашней ссоры.

— Мила? Она мухи не обидит. Тем более с проблемами своей девушки я разберусь сам.

— Как с Милой? За что Вы убили ее?

И тут меня понесло. И, наверное, повезло в частности, что конвойные меня быстро скрутили. Иначе...

Теперь у меня наконец— то есть время подумать. Еще эти фото навязчиво лезли в голову. Мила. Мила, что же ты наделала?

Орудие убийства пока не нашли, но дело за малым. Если Ника желает усадить меня за решетку, кто ее остановит? Скоростной поезд? Я знаю, кто меня подставил. Только не знаю, как выпутаться из этой паутины.

Мила. Бедная. Ее смерть не вяжется в голове. Никак. Я обещал сохранить жизнь дорогим ему людям и не справляюсь с задачей.

Лера в психушке, Мила мертва, Алекс на грани, Макс за границей. Никита... Ведь Ника знает о нем. Знает Леша, знает и она. В этом сомнений нет.

Она знает. Значит, теперь нашим детям угрожает опасность от их бабули. И защитить их... Моя обязанность.

Черт, как хочется курить! Похлопав по карманам, я вытащил небольшой листок бумаги.

«Не знаю, как скоро ты найдешь мое письмо. И если все же нашел, значит, мое время истекло. Жизнь сложная штука и я прожила ее не так как хотела. И умру не так.

Когда ты ребенок и совершаешь плохой поступок, совесть можно заглушить сладкой конфетой. Взрослеешь и пробуешь что— то другое... Я хочу облегчить свою совесть. Хотя бы сейчас стать честной. Стать собой.

Я спрятала видеозапись. Ценную видеозапись. Благодаря этой записи, я смогла прожить так долго. И бесполезно.

Прости меня. Я должна была признаться раньше. И не сумела. И это письмо оставляю тебе, облегчение своей участи. Я предала всех, кого любила. И заслужила...

У меня совсем мало времени, а мне так много хочется тебе сказать! И мои последние слова будут обращены к тебе с ненавистью и злостью и не выражать чувств, которые я до сих пор испытываю к тебе.

Останови время хотя бы на мгновение. Жаль, мне никогда не будет снова 16.

Мне так жаль! Прости меня за все.

Видеозапись в доме, там, где однажды все случилось. Ты найдешь. Мила».

Комок в горле не давал сделать вдох. Мила... Имя отозвалось во мне болью и отчаянием. Она просила помощи, а я ее не захотел услышать...

Глава 65. У меня уже есть отец

Ольга Ивановна считала гудки. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь и:

– Алло?

– Привет. Это я.

– Что случилось?

– Ты знаешь, я бы не звонила просто так. Помоги, Андрей. Помоги, пожалуйста. Богом прошу, помоги.

– Успокойся, родная. Я вылетаю первым рейсом. Жди.

Снова гудки. Ольга Ивановна устало опустилась в кресло. Ради детей она дважды спустилась в ад. Придется, видимо и в третий...

Но сначала надо вытащить сына, пусть и посредством его настоящего отца.

Ольга не любила вспоминать об этой части своей жизни.

С Андреем она познакомилась, когда ей стукнуло 17. Головокружительный роман закончился ее беременностью и первой походкой Андрея.

Ребенка Ольга, разумеется, оставила, ровно как и свои чувства к его отцу.

Повторно выйдя замуж, едва сыну стукнуло 2 года, она вычеркнула Андрея из своей жизни. Он же наоборот не оставлял попыток вернуть ее. Это были болезненные отношения, причиняющие только страдания, тянущие их обоих вниз. Подобное сейчас и происходило с их сыном. Ольга не желала повторения своей судьбы ни сыну, ни дочери.

Позвонив Андрею в очередной раз и попросив помощи, она знала, платить ей нечем. Юра мог или понять ее и принять, или же не мог. Другого третьего варианта здесь не будет.

– Когда ты собиралась мне рассказать обо всем? – спросил жену Юра.

За годы брака ему и в голову не приходило, что у жены могут быть секреты, о которых он ничего не знал. В прошлый раз, когда дело коснулось Вари, Оля сразу же бросилась звонить Андрею.

И он понимал, другого выхода у них не было.

Андрей решил их проблему, едва не подставив Женьку.

Юра промолчал. А теперь она снова.

Снова бежит к мужчине, который, по ее мнению, сможет защитить ее детей.

Дважды своим поведением Оля лишь подчеркивает его непричастность к ее жизни и детям, которые стали для него родными. И снова молчать?

Хорошо, она считает, он не способен на мужской поступок? А интересно, знает ли она, какова будет расплата? Наверяд ли.

В стремлении бешеной лисицы, загнанной в нору, она не понимает, из норы нет выхода.

– Ты не хочешь ничего мне объяснить?

Ольга скрестила руки. Эту боль ей придется пережить ради своих детей. Он поймет со временем.

– Ты знаешь, я не могла поступить иначе.

– Могла. Ты могла рассказать мне. Я могу защитить детей. Но ты как обычно решила все за меня, словно я не твой муж, словно не мы прожили больше 15 лет вместе. Словно меня в твоей жизни нет! Что ты творишь, Оля?

– Я защищаю детей.

– От кого? Их надо защитить от их папаши.

– Юра, я тебя прошу, не надо сейчас. Пожалуйста.

Юра замолчал. Сказать тут нечего. Когда она осознает, будет уже поздно.

Женю выпустили уже на следующий день.

И Оля решила поговорить с сыном, раз обещала.

Тем более его свобода зависела от встречи с отцом.

Учитывая отвратный характер сына, Оля понимала, борьба будет нелегкой.

Сын вернулся домой и что— то в нем существенно изменилось. Что— то плескалось в его глазах. Едва уловимое. И такое пугающее. Пустота. В этих красивых как океан глазах плескалась Пустота

– Мне надо поговорить с тобой, Женя.

– Мам, давай не сейчас. Ладно? Как Лера и дети?

– Все хорошо с детьми. С Лерой без изменений. Мне, правда, очень нужно.

– О чем мама? Об отце?

– Откуда ты знаешь?

– Мам, знаю и давно. Ты хотя бы письма его не хранила и фото. Я видел его в отделении вместе с адвокатом. Не сильно изменился.

– Он просит, чтобы ты встретился с ним.

– Мне ради интереса скажи, на кой хер, мама?

– Он твой отец. Прояви уважение.

– А где ты его прятала, мама? Под юбкой? Какой на хер отец? Он у меня есть. А кто этот чувак, я не знаю и знать не хочу.

– Во— первых, перестань материться. Во— вторых, так было необходимо. В— третьих, ты встретишься с ним. И твое мнение нас не интересует. Не веди себя как маленький ребенок.

– А не стану? То что?

– Он вытащил тебя. Не в наших интересах сейчас строить из себя обиженных и оскорбленных. Отец нашел тебе адвоката. Он сделал для тебя все. Прояви уважение.

– Может, он проявит уважение и свалит в закат? Я вытащил себя сам.

Так что плевать я хотел на него и на все остальное.

Женя

Я вышел из гостиной. Не собираюсь видеться с этим уродом. Его не существовало в моей жизни раньше, зачем теперь? Знаю, мама продолжил давить на меня, пока не соглашусь. Долго ли продержусь? Руслан бы встретился с отцом, будь в подобной ситуации. Но он не я. Ради даже собственной выгоды не пойду. Не хочу смотреть на того, в кого однажды превращусь.

У каждого из нас свой предел прочности. Мой стерся. И чтобы вспомнить за что мне стоит бороться, отправился я тут же к ней. К той, что сейчас пребывала в собственном мире, куда мне хода нет.

Все та же поза, все те же широко распахнутые глаза. Порезы, синяки стали заживать, пропадать с нежной кожи. Возложи на алтарь свое сердце, добровольно принеси себя в жертву и быть может... Добровольная жертва. Не нужная.

Варя притянула меня к себе.

– Слышала последние новости?

– Про папашу— то?

- Угу. Мама хочет, чтобы я с ним увиделся.
 - А ты?
 - У меня уже есть отец. Мое мнение на этот счет не поменялось.
 - Значит, и мое тоже.
- Я обнял сестру в ответ. Все— таки не такие мы с ней и разные.

Глава 66. Ты мне должен

Петр не мог найти себе места, вдалеке от Кати. Эта необыкновенная девушка занимала все его мысли. Разумеется, до него уже долетели новости о Миле...

Сердце отозвалось лопнувшей струной и тоской по девушке, которую знал и возможно любил. Его Ледяной Принцессе...

Женя позвонил ему и он сразу же направился к нему.

Смирнов выглядел плохо. Черные круги под глазами.

– Есть новости?

Вместо ответа Женя протянул ему листок бумаги. Копию письма Милы. Он внимательно прочитал его и вернул назад.

– И как мы найдем эту видеозапись? Меня и тебя на порог не пустят. Да и в ней ли дело? Не проще сосредоточиться на Кате?

– Не проще. Я хочу, чтобы она заплатила.

– Ты же не думаешь, что Егор погиб случайно? Твоя машина, испорченные тормоза. Валерия в психушке. Все слишком очевидно. Твой арест туда же. Она знает, что придется платить, поэтому взвинчивает цену до небес. Сможешь ли ты так же?

– А у меня есть выбор?

– Не знаю. Я бы выбрал бегство. И как можно дальше.

– Я не стану убегать. Так можно пробегать всю жизнь. Мне нужна эта видеозапись.

– Могу помочь, – с улыбкой произнесла Оля, появляясь в поле зрения парней.

– И как ты тут оказалась? – воскликнул Женя.

– Увидела из окна офиса. И остаток вашей беседы услышала. Я могу помочь. Никого из вас она не впустил в дом. А я смогу.

Петя внимательно посмотрел на девушку, под ее взглядом она зарделась легким румянцем.

– Я не могу просить тебя. Это слишком опасно, – возразил Смирнов.

– Брось, что там опасного? Зайду и выйду. Делов— то. Ничего она мне не сделает.

– Ты не знаешь, где искать.

– Так поясни мне. Я найду.

– Уверена?

– Уверена.

– Я пойду с тобой. Петь, дуй к Кате, я приеду. Там потом и обдумаем, что делать дальше.

Петя пожал плечами и ушел, окрыленный. Всего через час он увидит Катю.

Женя

Я подъехал к дому Королевых. Оля заметно нервничала. Заглушив двигатель, я произнес:

– Давай я один. Ты только отвлеки ее.

– А охранник?

– Я его уволил. Она дома одна.

– Нет, не надо тебе светиться. Она мне доверяет. Не переживай.

– Если ты не вернешься через 20 минут, я иду за тобой.

– Хорошо, – улыбнулась девушка и поспешила выбраться из машины.

Время пошло. Надеюсь, что я точно объяснил где и что лежит. И надеюсь, что никто ее не нашел раньше нас.

Ника не ждала гостей так поздно. А еще эта дурочка с ее папкой.

– Здравствуйте, я вот документы принесла. Мои соболезнования.

– Здравствуйте, Ольга. Спасибо. Проходите.

Оля прошла в огромный и вычурный холл под напряженным взглядом хозяйки. Поежилась от холода.

– Располагайся. Чувствуй себя как дома. Вина хочешь?

– Хочу, – согласилась Оля и бросила взгляд на часы. Осталось 17 минут.

Ника провела ее к дивану и столику, на котором уже стояла бутылка вина и пара бокалов.

– Я не вовремя? Вы кого— то ждете?

– Нет, что ты, деточка. Просто одиночество, большой дом, потеря детей. Вот и напиваюсь в одиночестве. Давай я подпишу, что ты там хочешь.

Оля протянула ей папку. На миг их пальцы соприкоснулись и девушка вновь вздрогнула от странного и неприятного чувства.

Пока Ника одновременно попивая вино, подписывала изящным подчерком документы, Оля расслабилась и вот Ника уронила голову на грудь и пьяно захрапела.

Девушка не поверила своей удаче. Подошла к похрапывающей хозяйке и похлопала ее по плечу. Бесполезно, крепко спит.

Оля, не оглядываясь, поспешила на второй этаж, в комнату Люды.

И тут же, стоило ее проворным ножкам скрыться, Ника выпрямилась, откинув волосы назад. Интересно, что понадобилось секретарю в ее доме и так поздно?

Пойдем и узнаем куда залетела маленькая птичка.

Оля перерывала комнату: шкафы, тумбочки, кровать. Ничего. Обычные безделушки, мелочи, пара женских романов, ничего.

– Ты потеряла что— то?

Испуганно Оля оглянулась.

– Ой, Вероника, извините меня, я думала..., – залепетала девушка.

– Что ты думала? Хотела попрощаться с моей дочерью?

– Да, да. Думала, Вы не будете возражать.

– Иди домой, пташка моя. Такая юная и красивая. Ни один мужчина не стоит того, чтобы из— за него рисковать жизнью. Она ведь так скоротечна.

Оля согласно кивнула и поспешила убраться вон.

Хозяйка проводила ее до двери, после чего крепко ее закрыла. А потом набрала номер:

– За что я тебе плачу? За любопытных гостей? Убери девчонку. Чтобы я больше ее не видела. А мне все, равно как и где. До связи.

Женя

Девушка, стуча каблучками едва не пролетела мимо меня, я схватил ее за пальто и прижал к себе.

– Напугал, – прошептала Оля.

– Ты меня сильнее. Почему так долго?

– Я думала, что она уснула. А она как выпрыгнет. Не нашла я того, что ты просил. Нет там ничего. Отвезешь меня домой?

– Может, поедешь со мной?

Непонятное чувство тревоги охватило меня. Мне не хотелось оставлять девушку одну. Пусть она лучше будет со мной рядом. Для безопасности.

– Я устала. Хочешь, пойдём ко мне?

Какая— то часть меня хотела. Но малая моя прежняя часть.

– Отвезу тебя домой, – согласился я.

Быстро домчались до дома Оли. В машине она робко поцеловала меня в щеку.

– Значит, ты должен мне, да?

– Да, – улыбаясь ответил я, – Должен.

– Тогда я буду ждать. Спокойной ночи, – девушка нежно посмотрела на меня и вышла из машины.

Я не знал, что вижу эту хрупкую девушку в последний раз.

Глава 67. Я не хочу умереть под елкой

Катя выскочила из дома, едва Петя подъехал к домику. Бросилась ему навстречу и повисла на шее. Петр сначала оторопел, а потом прижал девушку к себе.

Позже, после ярких поцелуев, они обсудили сложившуюся ситуацию. Отец Кати еще не дал о себе знать, никто девушку из соседей не спрашивал, никого подозрительных возле дома не ошивалось.

– Это вовсе ничего не значит. Мне надо уехать отсюда.

– Ты мне расскажешь про отца? Подробнее?

– Нет. Я надеюсь, что встречи с ним нам удастся избежать.

– А кто еще остался у тебя? Мама, сестры, братья?

– Нет, никого, кроме отца. У тебя, как я понимаю тоже.

– Да. Значит, знакомство с родителями не наш вариант.

Катя лукаво улыбнулась и потянулась к Петру.

Весь мир подождет. Сейчас есть только он и она.

Прошло два дня. Женя еще не появлялся, его ожидание затянулось. Впрочем, им двоим было чем заняться...

В полудреме он услышал звук подъезжающей машины. Катя в его объятиях вздрогнула.

– Не бойся, это Смирнов.

– А почему так поздно? – прошептала Катя в ответ.

Петя нахмурился и встав с кровати, подошел осторожно к окну. Мрак. Ничего не видно.

– Катя, одевайся. Походу, это не он.

– С чего ты взял? – прошептала Катя, как окно с грохотом разлетелось.

Петя успел пригнуться перед вторым залпом и схватил испуганную девушку за руку, потащил за собой.

Он наспех натянул футболку и джинсы, бросил что— то из одежды Кате. Стрельба закончилась. Теперь пора делать ноги.

Осторожно пригнувшись, он потащил Катю за собой, к запасному выходу.

Они выбежали из дома и бросились к спасительному лесу, к его тьме.

Прозвучал взрыв. Петя остановился, оглянувшись через плечо.

Дом полыхал.

Катя ахнула рядом и в этот момент его в бок что— то ужалило.

Значит, бежать. Пока может, пока есть силы.

Петр

– Куда нам теперь? – спросила Катя, тяжело дыша, мы отсиживались возле какого— то бурелома.

– Пока не знаю. Черт. Ни местности, ни леса этого я не знаю. Я не ориентируюсь в лесу. А ты?

– Немного. Здесь темно и холодно. В этом сомневаться не стоит. И я умею определять север, – Катя подавила истерический смешок.

Кто— то бежал к нам через лес.

Я не охотник, просто умею слушать. У преследователя есть фонарик. Он двигался тихо, осторожно. А у нас нет ничего: ни оружия, ни даже фонарика.

– Катюша, милая, у меня к тебе просьба, ты посиди тут, я попробую увести его подальше в лес.

– Я не стану! Не стану оставаться здесь! – зашипела Катя, хватая меня за руку.

– Так надо! Я побегу в другую сторону, уведу его подальше, сделаю круг и вернусь, вернусь обязательно! А ты посиди тут и возвращайся к дому, садись в машину и жди меня. Хорошо?

– Не хорошо. Не хорошо, слышишь?

– Так будет лучше. Мало времени для другого плана, мало. Я тебя люблю, Катя, – я прижал ее к себе, насколько возможно и бросился в лес, воспроизводя как можно больше шума.

Ключ же, ключ!

Моя проблема в том, что я всегда знал, к чему это приведет. Поэтому, когда бежал со всех ног от преследователя, старался контролировать дыхание.

Форму мне не с чего терять, но против профессиональной убийцы навыки бега не очень пригодятся.

Он стрелял, пули летели мимо меня. Если бы не рана в боку, которая к слову сочилась кровью, я бы бежал быстрее.

Проклиная на все лады себя с дебильным планом, мне хотелось лишь одного: увести убийцу от Кати.

Я увалился возле раскидистой елки. Не могу больше бежать. Черт, футболка вся мокрая от крови. Умереть в лесу, под старой ёлкой, что быть может хуже?

– Ты дышишь на весь лес, как медведь после спячки!

Женька опустился возле меня на колени. Тяжело дыша, он сам выглядел не лучше.

– Я еле тебя догнал. Там все в огне. Давай посмотрим, что там у тебя, – кивнул он на мой бок.

– Давай лучше доберемся до машины. Катя где?

– Надеюсь, что далеко отсюда. Все— таки я вовремя. Что происходит?

– Откуда мне знать? В нас стреляли, в меня попали, как видишь. Ты откуда здесь?

– Оттуда. Я же говорил, что приеду. Надо выбираться отсюда.

– Я тоже не хочу, знаешь умереть под елкой.

Смирнов хотел помочь мне подняться, когда ему в затылок уткнулось дуло пистолета.

– Добегались? Без глупостей и аккуратно поворачиваемся.

Теперь мы точно добегались. Потому что вокруг нас двоих уже семеро.

Глава 68. Я люблю бейсбол

Петр

Сопротивляться бесполезно. Их больше нас, а мы, к сожалению, не ниндзя и не супергерои.

Нас привели к какому— то сарайчику и толкнув в спину, загнали внутрь.

Рана моя кровоточила, хорошо, хоть кишки наружу еще не просились.

Руки нам обоим связали, хорошо, что мне хотя бы спереди, поэтому зажимать рану проще.

Женька дернулся назад, но куда ему против здоровенного детины. Тот как пушинку подхватил Смирнова и бросил на земляной пол.

В который раз я поражаюсь его упрямству. Ну шваркнули тебя раз, успокойся.

Нет, Вы поглядите, полез второй раз.

Бесполезно. На четвертый раз повторяющиеся полеты Женьки надоели уже и мне.

Я полусидел у дальней стены, медленно теряя связь с реальностью.

На пятый раз Смирнов упал на спину и не успел перекатиться, когда детина со всей дури наступил своей отнюдь не ногой Золушки ему на правую ногу. Раздался противный звук, и Смирнов едва не потерял сознание от боли.

– Чтоб не бегал так быстро, – детина наклонился к скорчившемуся Смирнову.

Смирнов что— то прошептал, резко блея на глазах.

– Не расслышал, чего ты там промяукал?

– Я тебе ноги лично отгрызу, руки только развяжи, – повторил Женька, зажмурившись.

– Я тебе тогда счас и челюсть вырву. Хочешь?

– Безмерно, сделай одолжение.

Я дотянулся и пнул Смирнова в бок. Он дернулся и затих.

– Девку куда? К этим же клоунам?

Я дернулся и тут же получил в другой бок. Изверги. Один из парней тащил на себе мою Катю. Он весьма грубо бросил ее на землю.

– Ну что беглецы? Будем разговаривать или желаете еще получить увечий?

– Отчего же нет, золотко? Ты такой ласковый, – похоже у Смирнова истерика, иначе к чему эта окровавленная ухмылка на его роже?

– Заткнись ради всего святого! – прошипел я, стремясь достать до хохочущего Смирнова ногами.

– Повезло тебе, что Андрей Николаевич великодушно разрешил тебе жить.

– О, эта нежная забота отца о своем сыне, я счас расплачусь от умиления, – парировал Смирнов.

Мне его точно не заткнуть. Я приготовился врезать ему еще разок, как наконец— то узрел, чем тот занят.

Он почти освободил руки от веревки.

Катя застонала и открыла глаза.

– О, спящая красавица проснулась!

Мне оставалось лишь смотреть, как она озирается по сторонам.

– Как спалось? Не надо было, сладкая бегать. А теперь бо— бо будет.

– Ладно, не пугай детей, – в комнату зашел мужчина и двое пар глаз уставились на него

с изумлением.

– Ты? – хором произнесли Смирнов и Катя, первый с удивлением, вторая с обреченностью.

Мы уставились друг на друга и смех застрял в горле. Я зашелся в кашле, согнувшись.

Андрей подошел ближе и поднял Катю с земли.

– Здравствуй, дочь. Рад тебя наконец лицезреть.

– Не могу сказать тоже самое о тебе, – ответила Катя.

Теперь понятно, откуда у нас у всех поганое чувство юмора и отсутствие инстинкта самосохранения. Семейное дело.

– Ладно, тебе же хуже. В машину ее.

– А с этими что?

– Сына туда же, второго в расход, – кивнул Андрей.

– Тронешь его хоть пальцем, флешку тебе не видать никогда. Я сдохну, но не скажу!

– Да и больно надо. Не в ней уже дело, девочка моя. Ты ее спрятала, замечательно.

Значит, ее никто и не найдет.

– Может и найдет, – я решил, какое семейное сборище может обойтись без милых разборок? Правильно, никакого. Надо вливаться в семью.

Андрей посмотрел на меня.

Ну клюнь же, я тебя прошу. Давай.

– Ты в курсе, как погляжу?

Аллилуйя!?

– И что с того? Она в надежном месте. Если я не появлюсь завтра, ее передадут куда следует.

– И что ты хочешь?

– Отпусти Катю. Она принесет. Такой уговор.

Катя возмущенно вдохнула. Если она на самом деле моя сестра, она сейчас все испортит.

Женя

Хорошо, что его головорезы вышли из сарая, а я наконец нащупал черенок толи лопаты, толи граблей.

Не все ли равно чем я егоогрею?

Мне лишь бы встать. Обещаю, что буду пиратом, видимо без одной ноги, потому что, приподнявшись приготовился.

Мне кажется, Катя сделала правильный выбор в плане выбора спутника жизни. Потому что Петр понял, что я задумал и резко рассмеялся.

– И что смешного?

– Да, все. Я смотрю на Ваши рожи и меня смех пробивает. До чего же уморительно!

Он противно захихикал. И Андрей подошел к нему ближе, доставая пистолет.

Я никогда не играл в бейсбол.

Во— первых, эта игра у нас не практикуется, а во— вторых, чисто с точки зрения мне не интересна.

Но сейчас я, замахнувшись черенком хрен пойми чего, представим, что битой, глубоко вздохнув, опустил нечто на спину родителя. От души приложился и даже ощутил шквал аплодисментов в этот момент.

Бейсбол— стоящая игра. Выберусь отсюда и стану играть.

Мне кажется, это прям по мне.

Вот живешь и не знаешь предпочтения в спортивных играх. А тут как озарение. Или попробовать гольф? Тоже похоже.

– Мяч? – воскликнул я в ответ на их вытянутые лица.

Катя уставилась на меня широко распахнутыми глазами. Я устало опустил палку и произнес:

– Беги.

– А вы?

Сестры у меня красивые.

Интересно мнение Вари на этот счёт. Не успели отойти от обретения папаши, а тут еще сестра нарисовалась. Впрочем, я думаю, Варе она понравится.

– Не переживай, я о нем позабочусь. Беги!

Девушка чмокнула Петю в губы и прошептала:

– Я вернусь. Люблю тебя.

Она исчезла в полумраке. Тогда я сполз назад по стенке.

– Я надеюсь, что чокнутый знаешь, что делаешь.

– Импровизация наше все. Да, папа?

Носком кроссовка я ткнул родителя в бок. Он застонал.

Головорезы вернулись и количество ударов, посыпавшиеся на нас, мы перестали считать.

Надеюсь, что Катя удачно доберется до безопасного места.

Как и следовало ожидать ее не нашли. Она либо хорошо бегает, либо прячется. Что по сути ее и спасло.

Родитель чрезвычайно огорчен таким поворотом событий. Правда, душу отвел. Я не мог лежать на спине три дня, пока следы от проклятой палки немного не зажили.

Нас привезли куда— то, развели по разным комнатам и оставили до утра.

Глава 69. Она сказала неправду

Варя вышла из палаты. Сунув руки в карманы прогулялась по коридору. Серо, однообразно.

– Тоже ищешь туалет?

– Что?

– Туалет ищешь?

Симпатичный парень. Красивые глаза.

Варя отвернулась:

– Не твое дело. Хочу ищу, хочу нет.

– Значит, не сильно приспичило. Давно тут? Раньше я тебя не видел.

– Я не местная.

– Это и хорошо. Новое свежее лицо. Твоя сестра здесь? Ты вышла из палаты.

– Нет, не сестра. Родственница. А ты почему здесь?

– Разговариваю с тобой. Будем знакомы?

– Находить друзей посреди психушки не самый благоприятный исход.

– Кто бы знал, – заулыбался парень.

– Я однажды была здесь. Ничего не изменилось.

– Ну вот, а мне хотелось провести тебе экскурсию.

– Это свидание?

– Психушка не самый благоприятный вариант для знакомства.

– Зато занятный. Пойдем покажу тебе столовую.

Наверное, где— то в мире существовало равновесие.

Судьба забирает что— то у человека и отдает взамен, если не равнозначное, то вполне стоящее.

Парня зовут Паша. Отчего он тут и с чем, он не стал пояснять.

Ведь сути это не меняет. Шрамы на его руках сказали все за него.

Варя не стала провоцировать его на откровенный разговор, сама не готовая к такому повороту событий. Ей сложно рассказывать о себе, вспоминать прошлое. Она вдруг поймала себя на мысли, что втайне любит парнем. Пусть он не окажется психом. Или не совсем им.

Наступила ночь. Телефон брата молчал. Варя не находила себе места. Что— то произошло. Иначе Женя уже сменил ее. Не мог он увлечься делами настолько.

Девушка набрала маму, и та тоже не знала ничего. Волнуясь она стала мерить шагами коридор.

Впервые, она позавидовала Лере. Лежит себе и ей все равно.

Вот что любовь делает с людьми. Одна съехала с катушек, другой безуспешно едет за ней следом.

Не о такой любви мечтаешь долгими зимними вечерами. Такая слишком неправильная, разрушающая.

Не лечит, а калечит, вернее переезжает тебя, наматывая внутренности на колеса... Проклятие.

Если Лера безумна, то ее брат уж и подавно. Он совершенно чокнулся и чувствует, его место будет в этой же палате.

Где же он шляется?

Ольга с трудом дождалась рассвета.

Пусть и Андрей заверил ее, что все будет хорошо, он присмотрит за сыном и даже не смотря на его заверения и твердый голос, материнское сердце не обманешь.

Матери чувствуют приближение беды к своим детям.

Ведь они словно ростки, растут прямым из сердца.

Номер Андрея не отвечал вторые сутки. Ожидание затянулось. И Ольга не могла найти себе места. Нервы сдавали.

В дверь позвонили, спотыкаясь в беге, Ольга подскочила к входной двери и широко распахнула ее.

И за дверью ее ждал сюрприз. Вероника собственной персоной.

– Чего приперлась? – Ольга не ожидала теперь ничего хорошего, раз змея заявила.

– Я пришла за своими внуками. Будь добра выведи сюда детей.

– А не пошла бы ты?!

– Это мои внуки.

– Это твои внуки? Да неужели? С каких это пор?

– Дети остались сиротами. Мать в психушке, отец умер. У них есть только я. Да, совсем забыла. Твой сын. Мои сожаления по поводу его преждевременной кончины. Ты его зря не жди, не вернется.

Ольга остановилась и глубоко вздохнула:

– Спасибо, Вероника. Жди здесь.

Развернулась и быстрым шагом отправилась к сейфу.

Слава Богу, обращаться с оружием она умела.

Достав ключи, недрогнувшей рукой схватила охотничье ружье, перезарядила и отправилась назад.

Сейчас она перешагнет через грань, потому что никто не смеет трогать ее детей и внуков.

У самой двери ее перехватил муж.

– Не надо. Она не стоит того, – прошептал он, отбирая у жены ружье.

– Ты слышал, что она сказала на счет нашего сына? Ты слышал? – шепотом ответила она, слезы побежали из ее глаз, оставляя дорожки на щеках.

– Слышал. Она врет. Она всегда врет. А если это правда, Оля... Мы должны защитить внуков. И новообретённую дочь. Ты понимаешь?

Ольга кивнула:

– Ей нельзя отдавать детей. Она своих всех похоронила. Что будем делать?

– Пусть она уйдет. Я сам поговорю с ней. Иди к детям.

Он вышел к ожидающей возле машины Нике. Она с сожалением взглянула на него. Еще один мужчина, не сдавшийся ей.

– Здравствуй, Ника. Не скажу, что рад тебя видеть. Обозначу границу сразу: детей не отдам. Иди в суд, устанавливай опеку, признавай Леру недееспособной. Делай что хочешь. Но пока у тебя никаких прав. Поэтому пока дети останутся тут. Тебе все ясно?

– Яснее некуда. Но и ты уясни. Тело твоего сына будет лежать на холодной земле, его никогда не найдут и не похоронят как следует. Через полгода я получу все права. И тогда участь твоего сына покажется тебе слишком заманчивой. Тебе это ясно?

– Пошла вон, – процедил он сквозь зубы.

Ника оскалилась в свойственной ей манере и уехала. Он повернулся к жене. Она еле стояла на ногах, беззвучно плача.

– Она сказала неправду. Я чувствую как мать. Она сказала неправду. Ведь так?

Он протянул к ней руки, подхватив ее.

Ольга уткнулась ему в грудь, не сдерживая слез. Ему не хотелось говорить ей о том, что полиция нашла брошенную машину, сгоревшую дачу, следы крови.

Ни звонка, ни сообщения, ничего.

Андрей тоже пропал. Можно предположить, что Андрей пропал не просто так и забрал с собой вновь обретенного сына, но зачем? И для чего?

Варю разрывало желание уйти и остаться. Мама позвонила всего час назад и сообщила тревожные новости. Эта неделя стала самой трудной в их жизни. А чокнутая все лежит в своих фантазиях... Брат в очередной раз пострадал из— за нее.

Хватит с нее. Эта самоустранилась и чувствует себя замечательно.

Плавает в воображаемом мире и в ус не дует. Стерва. Вот сейчас она свое получит.

Варя подскочила к Лере. Не давая себе опомниться, девушка залепила подщечину. Лера дернулась и осталась в прежнем положении.

– За что? – прошептала Лера, не поднимая глаз.

– За что?! За что?! За что?? Ты спрашиваешь? Ты смеешь спрашивать за что?

От возмущения Варя едва не задохнулась. Эта чокнутая смеет задавать вопросы?

– Я отвечу тебе. Я отвечу. У меня был брат. Теперь нет. И это ты виновата!

– Я не понимаю.

– Конечно, не понимаешь. Ты эгоистка конченная, Лера. Женьки больше нет и тебе некого больше мучить! Понимаешь это? Мой брат умер!

Варя почти кричала, она снова бросилась к застывшей Лере, когда ее уверенно перехватили и прижали к себе.

– Тихо, тихо, поплачь, станет легче, маленькая, – прошептал Паша, удерживая извивающуюся девушку на месте.

– Это правда? – треснувшим голосом переспросила Лера.

Паша кивнул. Варя завывала во весь голос, впиваясь в его футболку пальцами.

Парень судорожно сглотнул и еще крепче прижал к себе.

Лера отвернулась и замерла, смотря в одну точку.

Лера

Я не могла больше умереть, чем в этот момент, услышав о его смерти. Не уберегла.

Ничего не сделала.

Не спасла, позволила сдаться самой себе.

Не все ли равно, что произойдет со мной дальше?

Я не хотела уезжать домой.

Вернуться туда, значит признать сам факт отсутствия Жени в моей жизни.

А мне не хотелось этого.

Я подожду еще немного, и он вернется ко мне своей улыбкой чеширского кота.

Ведь это неправда.

Не мог он оставить меня. Не мог. Он обещал, что никто и ничто никогда не заставит его

покинуть меня. Даже смерть.

Значит, мне придется стать сильнее.

Я возвращаюсь домой.

Глава 70. Оловянный солдатик

Женя

Нет такой проблемы, которая не могла бы решить отвертка.

И если бы она у меня была...

Вторую неделю я отчаянно пытаюсь выбраться отсюда. И безрезультатно. Со сломанной ногой далеко не убежишь.

С той самой ночи как отец (неужели произнес это вслух?) забрал нас, мы оба стремились вернуться домой. И отвертка чрезвычайно этому помогла помочь.

Ладно, не отвертка, рад буду гвоздику, скрепке.

Вскрыть замок полбеды, придется бежать. Бежать от собственного отца (снова), который вел свою игру. Хорошо, мне не слышно как в соседней комнате поет Петька от безысходности.

Моя любимая в психушке и по крайней мере счастлива в своем неведении. А я здесь... И не могу ничем помочь.

Нас выводили на прогулку один раз в день. Сложно сказать, выводили. Меня выносили. Относились, впрочем с почтением. И свободы не видать.

Я просчитывал все возможные варианты и ни один не подходил, пока моя нога не заживет. А там ищи ветра в поле.

С Петькой мы только на прогулке и виделись. Никто не околачивался поблизости, поэтому мы делали вид, что просто болтали.

– И что дальше? Долго нам еще ждать?

– Пока я оловянный солдатик, да. Я ничего не могу.

– Я думал, ты умный.

– А ты нетерпеливый. Заметил, я еще в гипсе.

– Это не оправдание. Вытащи нас отсюда!

– Я не Копперфильд! И даже не Гудини. В следующий раз он обещал переломать мне пальцы, если поймает за занятием вскрытия замков. Поверь, я тоже хочу выбраться отсюда. Но пока не знаю каким образом.

– Так думай. И быстрее. Сомневаюсь, что у твоего родителя неограниченные запасы терпения. Особенно в части касающейся меня.

– Он тебя не тронет. Тебя уберут потом, как ненужного свидетеля. А до этого я должен придумать, как тебя спасти.

– А себя?

– Мне уже все равно. Живым двоим отсюда не выйти.

– Не нравится такой расклад.

– Сам не в восторге. Надо чтобы нога зажила. И мы побежим. Я обещаю, умрем на свободе.

– Как ты думаешь, она уже далеко отсюда?

– Нет, она рядом. Опасно рядом.

– Откуда ты знаешь?

– Она моя сестра. Помочь ближнему вопреки инстинкту сохранения, наша отличительная черта. Поэтому она никуда не уехала. Сидит где—нибудь в лесу и ждет подходящего момента. И надеюсь, сидит не одна. Потому что одной ей не справиться.

Катя

Женя оказалась прав. Я никуда не побежала. В данный момент следила за домом с биноклем. Ждала подходящий момент, который не наступал.

– Долго будешь там сидеть? Слезай давай, – пробурчал недовольно Алекс, – Есть что— то новое?

– За прошедший час ничего.

– Тогда слезай, мартышка, моя очередь.

Я слезла с дерева и едва не упала, если бы Алекс меня не подхватил. Хмыкнув, он полез на место. Мы ежедневно проводили время возле домика, где держали парней, иногда меняя стороны наблюдения.

– У меня возникла идея.

– Я боюсь этих слов. Обычно после них и происходит какая-нибудь шняпа в духе твоего братца.

Я отмахнулась. Тогда в лесу, встретив Женю, он мне сказал, к кому я могу обратиться. Добралась до города и попросив телефон, позвонила ему.

Мне ответил приятный баритон и вот договорившись, где нам встретиться, через час уже смотрели друг на друга.

Родственные узы я скрывать не стала. К чему? Все равно узнают. А Алексу доверяли и Женя, и Петя. Значит и я доверяю.

Он хотел знать, ради чего это все, потому что ему было кем рисковать. И тут я не стала врать. Рассказала ему все.

Это была самая странная ночь в моей жизни. Алекс внимательно меня слушал, ни разу не перебивая, пока я собирала мысли в кучу.

Мы сидели на кухне незнакомой квартиры и пили кофе.

– Значит, вы оказывается родня с Женей?

– Да, видимо так. Без пяти минут.

– И сколько тебе лет?

– 21. А что?

– Считаю. Жене 26, тебе 21, Варя 18.

– А кто это Варя?

Алекс усмехнулся:

– Это твоя сестра. Младшая, сводная. Характер скверный. Познакомишься еще. А где твоя мать?

– Я не знаю. Отец забрал меня с детского приюта, когда мне было 7. Поэтому о матери я ничего не знаю. Да и какая в сущности разница?

– Получается, отец тебя забрал и воспитывал?

– Сложно сказать, воспитывал. Скорее всего присутствовал. Я жила то там, то сям. Разные семьи, разные города, разные школы. Лет с 15 мы жили вместе окончательно. Думаю, он всегда мечтал о сыне. А чем ты занимаешься?

– Строю дома. Мне надо уладить одно дело, прежде чем я поеду с тобой.

– Какое?

– У меня шестимесячная дочь, – ответил он, будто этим все объяснялось.

С той самой ночи я стала доверять ему. И сомневаться пока не приходилось.

Я подождала, пока он спустится, темнело быстро. Парень спустился, стряхнув ладони.

– Мне нужно красивое платье и ванна. И еще, пожалуй, туфли.

– Куда— то собралась? – взгляд Алекса слегка недоуменный. Он окинул меня с головы до ног, задержавшись взглядом на губах.

– Тебе тоже нужен костюм.

– Куда мы собрались? – недоуменный взгляд синих как океан глаз.

– Заключим сделку.

Алекс с сомнением посмотрел на меня.

– Лады. Пошли по магазинам. И ты бы нацепила что— то более теплое. Простыть недолго, – произнес Алекс, снимая с себя куртку и протягивая ее мне.

– Хорошо, папочка, – буркнула я и взяла куртку.

Женя

Днем позже Андрей пришел в мою комнату. Я не видел сходства между нами, хорошо, что я похож на маму. Хоть какое— то утешение. Слабовато, но что есть.

– Ты ведь знаешь, твоя сестра не вернется.

– Она не дура.

– И хорошо прячется. Не хочешь помочь с поисками?

– Нет. Можешь делать все, что угодно, мне все равно.

– Мне не все равно.

– Ты не был мне отцом. Никогда не был. Так что мешает не быть им дальше? К чему церемониться?

– Я признаю свои ошибки. И свое обещание сдержу.

– Какое обещание?

– Я обещал твоей матери, что сделаю все, чтобы тебя защитить.

– Трогательно. Скажи мне лучше, кто позвонил тебе и сообщил, что Катя здесь?

– Раз уж начистоту. Звонила женщина. Не знаю ее имени. Да и в сущности к чему оно?

На Петра и Катю напал не я.

– А кто?

– Тело этого человека никто никогда не найдет. Живым он не сдался бы и пришлось его убраться. Я думаю, это наемник. И кто его нанял, думай сам. Одно хочу сказать, что здесь со мной, ты в полной безопасности.

– А как на счет остальных? У меня родные, друзья. Я не могу спокойно сидеть здесь, зная, что им грозит опасность от этой сумасшедшей.

– Я могу тебе помочь. Помочь всем вам. Но для начала Катя должна вернуться и не одна. Информация на этой флешке откроет нам другие страны. Мы можем уехать отсюда: ты, твоя девушка, дети, мама, сестры, дяди, тети, коты. Хватит на всех.

– Заманчиво.

– Если Катя не появится здесь через два дня, мы уедем вдвоем. Со всеми вытекающими последствиями. Так что думай.

Андрей вышел, а я уставился в окно. Понимаю, шанс в жизни всего один. Но уверен ли я в том, что подобная жизнь для Леры? Учитывая ее состояние.

Готова ли она на перемены? Ведь здесь придется бросить все. А если она не поправится, смогу ли отдать детей кому— то надежному?

Я не могу уехать без нее, в каком бы она состоянии не находилась. Мое место рядом с ней.

Глава 71. Никто не смеет меня игнорировать

Катя

Тщательно вымывшись в гостиничном номере, который мы сняли на двоих, я вышла из ванной в легком облаке пара.

Алекс стоял около окна, уже собранный. До чего же он молчалив.

Мы решили снять номер на двоих, хотя по сути я жила в нем одна.

Нам показалось безопаснее сделать так, ведь отец знал, могу я снять номер лишь одна.

Он не подумал бы, что кто — то мог мне помочь.

Мы жили так уже две недели, я бы забыла о еде и питье, если не сосед. Он буквально заставлял меня есть и пить.

В жизни не видела столь сосредоточенного человека, тем более мужчину.

Все мои знакомые хотели от меня всего лишь одного и смотрели будто я перед ними нагишом.

За его внимательным взглядом не кроилось ничего оскорбительного, чем он смущал меня еще больше.

Окинет взглядом синих «океановых» глаз, так я стала их звать и мне становится неловко.

Может это из — за разницы в возрасте?

Ему 30 лет, а мужчины в этом возрасте для меня слишком стары и годятся в дедушки.

А может меня задевало его поведение, ведь к мужскому вниманию я привыкла и была им избалована?

Все смотрели на меня, и я всегда использовала это, пусть с отношениями не всегда везло, выбирала заведомо провальными отношения, в которых являлась сильной стороной. Петя не исключение...

Я настолько привыкла быть сильной, что забыла, каково это быть маленькой слабой девочкой возле самодостаточного и уверенного в себе мужчины.

Я знала куда иду. Поэтому без сомнений выбрала черное узкое платье для себя и серый костюм и черную рубашку для спутника.

Алекс только присвистнул, когда увидел меня в коротком черном платье. Подмигнув ему, я прошествовала к нему:

– Говорить буду я. Дядя тебя не знает.

– А я для чего тебе? – мой вид не застал его врасплох.

Ни одного неловкого или пожирающего взгляда. Скала, а не мужчина.

В силу своего возраста мне в голову не пришло, насколько дело было не во мне. Я бесилась рядом с ним, не понимая его.

– Для создания имиджа. И чтобы я не запаниковала раньше времени.

– А такое бывает?

Я пожала плечами, натягивая грозившееся платье соскользнуть вниз.

Под руку с ним и непринужденно улыбаясь друг другу, мы вошли в ресторан.

Я не считаю себя железной леди. Я боюсь. Но когда на кону цена двоих близких тебе людей, ты пойдешь и по углям, и по иглам, по разбитому стеклу... Босыми ногами.

Родная кровь... Что это значит?

Меня воспитали в страхе, вскормили ненавистью, приручили к тому, что когда желаешь что— то больше всего на свете, значит это уже наполовину твое. Осталось подойти и взять.

Между тираном— отцом и любимым, братом, которого я совсем не знала, сестрой, друзьями я не могла сделать другой выбор. Он простит мне, когда поймет. Осталось выпрямить спину и повысить ставки.

Алекс смотрел только на меня, как и задумано. Разумеется, тот, к кому мы пришли, никакой ни дядя. Он работал с отцом долгое время. С дядей Веней мы давно не виделись. Но я всегда знала, где его искать.

– Какие люди! Катюша!

Я оглянулась на лживо— приторный взглас. Осторожно и медленно сжала руку Алекса и освободилась от его рук.

Его лицо не выражало никаких эмоций, лишь пальцы стали выбивать дробь.

Мне не хотелось, чтобы его аристократическому самомнению пришлось лицезреть, с кем он пришел сюда и к кому. Я могу пасть еще ниже, а он... Будет смотреть свысока?

– Здравствуй! Вы можете принять меня и моего друга? – мой голос стал приторно медовым, а вырез на груди более выразительным.

Критически осмотрев Алекса, заодно прощупав его карманы, нам разрешили войти в святую святых: кабинет.

Пот струился у меня между лопаток. Алекс сел так, чтобы я находилась в поле его зрения.

– И что же тебя привело ко мне? – дядя Веня немногословен. За эти годы он значительно поправился и обрюзг, в отличии от моего отца, хотя возраст у них один и тот же.

– У меня деловое предложение.

– погоди, Кэтти, мы так давно не виделись. Выпьем за встречу? – за эту кличку отец едва однажды не вырвал ему кадык и то, что между ног.

Проблема в том, что сейчас отца рядом нет.

Зато есть Алекс и я взглядом просила его не мешать.

– Отчего бы нет? Как на счет шампанского?

– А твой друг? Что будет пить?

– Виски с колой, – ответил Алекс за меня и улыбнулся.

Дядя откинулся в кресле, изучающе смотря на него.

– Как давно вы вместе?

Этот вопрос застал нас обоих врасплох. Мы не договаривались о подобных вопросах. И сейчас ответ замер на моих губах, потому что Алекс вновь улыбнулся и ответил:

– Достаточно давно.

– Не слышал Кэт, что ты наконец— то угомонилась, скача от одного члена к другому.

– Единственный на котором она скачет, это я, – все с той же холодной улыбкой заявил Алекс. Потом я пойму, что он был в ярости, настолько убийственной, готовый ко всему в ответ на оскорбление моей личности.

Дядя Веня коротко рассмеялся, его это к счастью позабавило, а может и напугало, ведь больше подобных сальных шуток он себе не позволил.

– Так что на счет сделки? – вновь спросила я, медленно пригубливая неплохое шампанское. Капелька упала ко мне на грудь, плавно скользая по ложбинке.

– Если это не труп твоего папаша, не сойдемся в цене.

– Это лучше. Это деньги. Причем весьма немалые.

Алекс дернулся. Спокойно

– И что в обмен?

– Жизни. Моя, моих троих друзей и отца. 5 жизней в обмен.

– И где же эти огромные деньжищи?

– На той самой флешке. Это Ваши деньги, Ваши документы. Я лишь верну их назад, а

Вы нас не убьете.

– Катюша. Ты в курсе, что сделает с тобой отец, узнав об этом? Ты ведь просишь сохранить ему жизнь.

– Жизнь, которую он заслуживает. Без конечностей, без глаз, без языка. Почти труп. Но живой.

– Деловой подход. Я согласен.

Мне поцеловали руку, и мы договорились на следующий вечер встретиться для обмена.

У выхода Алекс галантно придержал для меня дверь. А я не удержалась. Прижалась к нему, совсем чуточку и стремительно, во всем виноваты бокал шампанское и нервы.

Ни один мужчина не мог игнорировать меня и тут меня не ждало разочарование.

На секунду он вдохнул в себя воздух и этого вполне достаточно. Я ощутила бедрами его неловкость и пусть он чертыхнулся про себя, отдаляясь от моего тела, я все же заметила. И улыбнулась.

Я дрожала как осиновый лист, выйдя на улицу.

Меня колотило от страха и адреналина.

Алекс молча накинул мне на плечи пиджак. Я завернулась в него как можно плотнее, словно хотела впитать все то тепло, находящееся в нем.

Вдвоем мы добрались до гостиницы, до нашего номера. Я еще дрожала, поэтому Алексу пришлось накрыть своей теплой ладонью мою и повернуть проклятый ключ, не желающий открывать дверь номера.

– Тебе надо согреться. Примешь ванну? Я пока организую тебе горячительное внутрь, – предложил Алекс.

Я согласно кивнула, согласная залезть в костер, лишь бы перестать дрожать.

Проторчав в ванной больше часа, я вышла. Алекс стоял на прежнем месте около окна. Интересно, о чем он думал? Этот бесконечно печальный человек...

– Сколько тебе было?

И зачем ему знать? Это гадкий вопрос и почему он его задал?

– 15.

Я никогда никому не рассказывала об этом.

– Ты, наверное осуждаешь меня?

Алекс вздрогнул и растерянно заморгал.

– Нет, что ты. Я восхищаюсь твоим мужеством. Хотя на месте Петра, был бы в шоке.

– Почему?

– У тебя стальные нервы. Притягивает.

– Тебя ко мне тянет?

– Провокационный вопрос. Я не очень благоприятный выбор.

– Почему?

– Я схоронил двоих любимых женщин. В планы не входит хоронить кого еще.

– Я бесконечно благодарна тебе за помощь. Правда, спасибо Саша.

Алекс усмехнулся.

– Спокойной ночи, Катерина. Добрых снов.

Больше ни разу не обернувшись, он вышел, плотно закрыв дверь за собой.

Впервые я видела мужчину за всю свою жизнь, насколько благородного, словно вышедшего со страниц книги о тех временах, когда на земле еще водились рыцари.

И это не потому что ему наплевать на меня, он ушел не поэтому.

А потому что на миг даже усомнившись, он оскорбил нас обоих, хоть и ненароком.

Ночь выдалась тяжелой. Я почти не спала, дождь лил непрерывной стеной. Барабаны по карнизу, они сводили с ума.

Утро настало, и я с облегчением выбралась из— под одеяла. Дай Бог сегодня ночью я буду спать не одна. И далеко отсюда.

Женя

Мне несказанно повезло. На прогулке в глаза бросился маленький кусочек проволоки. Притворившись, что завязываю шнурок, я прихватил добычу с собой.

Отца не видно сегодня с утра и дождь наконец— то прекратился. Стопа почти зажила, я хромал, но шагал.

подавив в себе желание попрыгать на одной ноге, испробовать так сказать, я отправился к дому. Забавно, начал привыкать к этому месту, изучив его досконально.

Петр шел мне навстречу, когда вдали, возле ворот, куда нас не пускали гулять, раздался какой— то шум.

Инстинктивно я пригнулся, потянув Петра за собой и как раз вовремя, раздались крики, началась стрельба.

– Давай быстрее! – Петька ломанулся за мной сквозь кусты. Ободравшись как следует о проклятые колючки, мы оказались возле забора на другой стороне участка.

Подсадив рыжего недотепу, он все же свалился с забора, чем вызвал мое истеричное хи— хи.

– Не смей ржать! Я первый раз прыгаю через забор.

– Это называется прыгаю? Я бы назвал это переваливанием. Я в первый раз штаны оставил, а ты ничего смотри.

– Хватит болтать, давай руку, придурок.

Я протянул левую руку, и Петька с легкостью втащил меня на каменный забор, едва не ободрав живот.

– Чего дальше?

– Дальше волка ноги кормят. Беги!

Глава 72. Я не умею плакать как все

Катя

Я занервничала, не дождавшись звонка. Алекс беспокойно шагал туда— сюда по номеру.

Он несколько раз уже проверял телефон. Ничего.

Не выдержав, я позвонила сама:

– Алло? Ну что там? Удалось?

– Здравствуй, дочь. Смотря, что ты считаешь удачным.

Я побелела. Алекс в три шага подлетел ко мне, намереваясь перехватить сотовый.

– Не ожидал от тебя, родная. Так легко сдать папку.

– Они живы?

– Живы. Я их отпустил. Оцени благородство. И отдай мое. Мне скоро надоест играть с тобой. Уже скучно. Не вернёшь сегодня через час, считай его трупом. А брата твоего я оставляю в живых, но заберу у него всех. Так что он сам придушит тебя собственными руками. Выбирай.

– Я приду, – твердо произнесла я и отключила вызов.

Алекс продолжал держать мою руку в своей вместе с телефоном.

– Дела наши не очень?

Я закрыла глаза, не позволяя слезам скатиться вниз. Ресницы намокли, но удержали слезы внутри. Не умею плакать как все. Всегда вот так бесшумно и с минимальным количеством воды.

Почувствовав легкое прикосновение к своим пальцам, я вздрогнула и покачала головой.

– Их нужно найти. Он их отпустил. Мне же надо через час быть на месте у него. Попробую поторговаться.

– Я пойду сам.

– Нет, тебе надо найти парней. Обо мне не беспокойся. Спасибо.

Коротко кивнув, он, было подошел к двери, и не обернувшись произнес:

– Любая сделка имеет последствия. И неважно, с кем ее заключать. Береги себя.

Женя

Мы молча шли по лесу, уставшие, взмокшие.

Петр помогал мне идти, потому что с такой ногой далеко мне не уйти. Он почти тащил меня на себе.

– Как ты считаешь, что это было?

– Театральное выступление. Нам просто дали уйти.

– Для чего?

– Может, их достало твое пение? – предложил я.

– Это странно. Добраться бы до телефона. В век инноваций мы совершенно бессильны в лесу. Даже спичек нет.

– Интересно, а медведи здесь есть? – с нездоровым любопытством спросил я.

Петя уставился на меня с ужасом:

– Я брошу тебя здесь, если замечу хотя бы одного.

– Будущего родственника и бросить? Где твое благородство, в конце концов?

– Его никогда и не было. Ладно, отдохнем. Ты знаешь, где север?

– Знаю. Но нам на запад. Тебе повезло, папа натаскал меня по лесу, поэтому куда-нибудь я тебя точно выведу.

– Надеюсь, не к медведю, – буркнул Петя, оглядываясь, – Кстати, я собираюсь сделать твоей сестре предложение. Как ты на это смотришь?

– Я без пяти минут ее брат, не думаю, что мое мнение ее интересует.

– Меня интересует.

– Женитесь, – я пожал плечами.

– А ты придешь?

Кажется, этот вопрос имеет очень важное значение для него. Молчание затянулось, и поэтому я просто кивнул.

– А вы? Что будет с вами?

Я поморщился. Так далеко не заглядывал. Какое «мы»? Нас никогда не существовало.

– В очередной раз выдам ее замуж. Надеюсь, не за матрас с дыркой.

Петр зашелся смехом:

– Да брось ты. Она сильнее, чем кажется.

– Ты под ноги смотри. Змеи в лесу тоже есть. И давай помолчи, мне кажется, дорога где — то недалеко, – переводя разговор в другое русло, произнес я.

Дорогу мы, действительно нашли часа через два. Не знаю, о чем думал мужик на Ниве, когда мы вывалились из леса в таком потрясающем виде.

Катя

Было бы удивительно, если он оставил меня.

Ждал внизу, оплачивая номера золотой картой, даря улыбку администратору.

Не оглядываясь назад, он узнал мои торопливые шаги и поэтому проговорил:

– Готова?

– Готова.

Отдав ключи, забрав у меня дорожную сумку, он проводил меня к машине.

Открыл переднюю дверцу, приглашая сесть.

Я раздраженно ее захлопнула и встала неподвижно.

– Не капризничай. Садись давай.

Продолжая стоять неподвижно, я процедила сквозь зубы:

– Я поеду одна.

– Знаешь, отчего этого не будет?

– Отчего?

– Оттого, что я отец. И не желал бы, чтобы моя дочь оказалась в подобной ситуации одна. Поэтому ты поедешь либо на пассажирском, либо сзади, могу предложить еще багажник.

– Нет. Поведу я. Только тогда поедем.

Поколебавшись пару секунд, он кинул мне ключи. Поймав их одной рукой, я уловила боковым зрением его легкую улыбку. Вот паршивец.

– Чья это, кстати машина?

– Твоего брата. Он, между прочим меняет их как перчатки.

– У него хороший вкус, – ответила я, пряча улыбку. Нервы снова сдавали, я вцепилась в руль до боли в кистях.

Не могу находиться с ним в столь замкнутом и ограниченном пространстве, пришлось включить музыку.

– Фу, что это?

– Классика. Имеешь что— то против?

– Ну и отвратный вкус у братца, – я скривилась.

– Вообще— то диск мой.

– И что, как вообще это можно слушать? И что делать под нее?

– Это ты еще саксофон не слышала. Под классику можно делать все, что угодно.

– Например? Резать кого—нибудь в подвале?

– Я под нее работаю. И мама говорила, что зачат был именно под классику.

– Тройное фу. Как можно этим заниматься под подобное?

– Подрастешь, поймешь, – Алекс рассмеялся, и я не смогла удержаться от ответного смеха.

Столкновение двух абсолютных миров, вот что происходило с нами в обществе друг друга.

Верх и низ.

Мне чрезвычайно интересен его мир, но я прекрасно понимаю, вряд ли там есть для меня такой место. Я рождена и воспитана иначе. Это недостижимая высота, платье, которое мне будет всегда жать.

Мы подъехали к тому домику, за которым следили три недели.

Я притормозила и уставилась на Алекса.

– Пойду я. Давай свою флешку.

– Он убьет тебя. Лучше я. Если не вернусь через час, уезжай.

– Не устраивает.

– Меня тоже. Выбора нет. Я серьезно. Он ждет меня одну. А у тебя дочь.

Алекс хотел возразить и воспоминание о малышке его остановило. Я легонько коснулась его пальцев своими холодными. Коснулась и сжала. И молча вышла.

Шла, гордо подняв непокорную голову, насвистывая мотив пещеры горного короля.

Отец сам вышел мне навстречу.

Подошел и со всей силы залепил пощечину. Ворота не успели закрыть к тому времени, как я упала, поэтому моему взору предстал выбегающий из машины Алекс и спешащий к воротам.

Он мог получить пулю, но ворота закрылись прежде, чем он успел к ним подбежать.

Сощурившись, я поднялась, чтобы снова получить еще одну вполне заслуженную оплеуху.

Ладно, потерпим. Счет открыт, папа. И не думай, склерозом не страдаю. Верну в двойном размере, как ты просил.

– Ты привезла? Она с собой?

Без слов я протянула ему маленькую черную флешку, из— за которой получила столько проблем.

– Молодец. Я дарю тебе жизнь. Понятно?

– Зачем?

– Ради твоего брата. Пусть он отдохнет, наберется сил.

– А как на счет сестры? Ничего не хочешь мне сказать?

– Тебя это волнует? У меня есть все, что нужно. И сын, и дочь. Хотя, стало быть толку

от нее побольше, чем от тебя. Проваливай.

Я, сплюнув на землю кровь, медленно повернулась и пошла прочь. Все также не теряя хладнокровия.

Выйдя за ворота, я попала в объятия ожидающего Алекса.

Он с тревогой всматривался в мое лицо, осторожно вытирая кровь вперемешку со слезами, бумажным платочком.

Я плохо помню обратный путь, потому что прорыдала его. Не беззвучно. Нет.

Я выла. Выла как зверь в западне. Впервые выла.

От того, что жизнь моя уже никогда не будет прежней.

Снова бег.

Я размазывала слезы по лицу, вместе с ярко— красной любимой помадой, тушью и выла.

Он гнал машину как бешеный, поглядывая на меня в зеркало. И этот взгляд ранил больше слов.

Лучше бы он орал на меня, ругался, но не молчал.

И не смотрел так. Я не верила, что можно смотреть, заглядывая в душу.

Терпение его лопнуло, он резко остановился и повернулся, нахмурившись.

— Полегчало? — Алекс протянул бутылку воды.

Я схватила ее, руки дрожат как после жестокого похмелья. Вздохнув, он забрал ее назад и вернул, открутив крышку.

Я жадно глотала воду, одновременно икая. Выдув почти полбутылки, я снова заревела.

Дверь водителя распахнулась, Алекс вышел из машины и теперь приглашал меня выйти тоже.

Неловко выбравшись, я хотела упасть на асфальт и больше не подняться.

Закрыла глаза и подставила ветру заплаканное и перемазанное лицо.

Вдруг почувствовала легкие прикосновения к векам, губам, носу, скулам.

Не стала открывать глаза, чтобы не останавливать его.

Алекс осторожно вытирал мое лицо, смачивая бумажные салфетки водой.

Не знаю, что он чувствовал в тот момент, когда увидел мое лицо без тонны макияжа. Меня настоящую?

Ту девчонку, которую никто никогда не видел?

А если и видел, то забыли, как она выглядит?

Я хотела забыть, как выгляжу на самом деле.

Косметика сильно помогала в этом. Правда, губы все равно оставались такими же пухлыми, а теперь без помады беззащитными. Без макияжа я как голая. Моя душа без спасительной раскраски.

Наверное, у Алекса возникли такие же мысли, вода кончилась.

Я открыла глаза и сразу же встретилась с взглядом его океановых глаз. Правой рукой он продолжал держать мое лицо в ладони, а пальцами левой зачарованно провел по беззащитной нижней губе. Всего подушечкой пальца слева направо, а затем вниз от губы до подбородка, слегка надавив.

Ни один мужчина не касался меня так. Дело не в самом прикосновении. А в достаточно интимном его проявлении.

Не одна я с открытой душой стояла, напротив.

Он закрыл глаза и коротко вздохнул.

Интимность пропала, в мир вернулся звук.

Я стояла, прислонившись к машине и просто смотрела в эти синие глаза. Он бы поцеловал меня, если не его сущность.

И не думаю, что я позволила бы ему отстраниться или сбежать от меня, не получив его до конца.

И дело не в том, что он не хотел этого сделать.

А в том, что хотел. Но устоял. Ценой каких усилий?

Не хочу даже представлять.

За эти три недели я также мало знала о нем, как и в первый день. И мы отлично понимали друг друга, не смотря на это.

Дальнейший путь мы проделали молча. Я сидела, подоткнув под себя ноги и смотрела в окно, на быстро мелькающие мимо нас деревья, людей, машины, дома. Будет ли когда-нибудь меня такая жизнь?

Приближался знакомый пейзаж за окном. Я прервала молчание и попросила остановиться, чтобы успеть привести себя в порядок, попросила сигарету.

Алекс ухмыкнулся и щелкнув зажигалкой, дал прикурить.

Сам тоже сунул сигарету в рот и зажег. С наслаждением втянул дым в себя и выдохнул.

– Не знала, что ты куришь. За три недели ни разу не видела.

– Я бросал.

– А чего снова начал?

– Соскучился. Решил составить тебе компанию.

– У тебя есть хоть какие—нибудь недостатки?

– К примеру?

– Ну, вот ты покуриваешь. Пьешь, что еще?

– Увожу чужих жен. Ты знаешь, я восемь лет назад был твердо уверен, что не могу иметь детей. А оказывается, могу. Вот ведь парадокс. Да?

– Ты слишком правильный. В жизни не поверю, что ты увел чужую жену. И где она сейчас?

– В могиле, – он, не докурив, затушил сигарету. И уставился куда—то вдаль.

– Скучаешь по ней?

– Каждую минуту. У нас слишком мало времени было друг на друга. Я жалею о своем поступке. Быть может, если не я, она могла быть жива. С козлом—мужем, но жива.

– Тут нет твоей вины.

– Есть. Я все равно, что убил ее. Видимо, я порчу все, к чему имею хотя бы отношение.

– Ты знаешь, меня уже ничем не испортить. Вот честно.

– Ты еще такая маленькая. Несмышленьш.

Я покрасила ресницы, решив, сойдет и так. Несмышленьш.

Пусть будет так.

Застегнув косметичку, я готова. Алекс сел в машину, окинув меня нетерпеливым взглядом, и вскоре мы подъехали к незнакомому дому.

Я с любопытством его осмотрела. Стоило нам подъехать, как из дому вывалилась куча народу, среди которой я безошибочно узнала рыжую шевелюру.

Не дожидаясь, пока машина остановится, я рванула прочь, какую—то часть, несомненно лучшую оставив там. Там, за порогом. В «океане».

Глава 73. Перемирие

Лера

Раз решение принято о возвращении, значит надо возвращаться домой.

Осталось убедить врачей в моей психической стабилизации.

Я подошла к двери кабинета главврача и услышала знакомый голос.

– Я все понимаю. Но девочка опасна. В первую очередь для своих детей. Вы видели, что она натворила с собой? Она себя изрезала, душила. А что если в следующий раз она тоже самое сделает, но уже с дочерьми? Что Вы на это тогда скажете? Понять и простить?

– Валерия поступила к нам не на принудительное лечение. Не по решению суда. Держать ее здесь и лечить против воли мы не в праве. Сейчас у нее положительная динамика. Кризис миновал. Будет принимать лекарства, являться на прием и все наладится. Поводов сейчас для беспокойства нет.

Я не стала дослушивать речь и вошла. Вероника метнула в меня взгляд и улыбнулась.

Дети похожи на своих родителей, даже в неуловимых штришках.

Улыбка, взгляд. Он никогда так не смотрел на меня, но его я узнала в ней. И не могу испытывать к ней ненависти.

Вероника засобиралась, и напоследок поравнявшись, я спросила у нее:

– За что Вы меня так ненавидите?

Улыбка не сползла с красивого лица.

– Потому что ты сумасшедшая. И никогда не будешь жить вне этих стен. Это я тебе гарантирую. Надеюсь, твой следующий парень проживет гораздо дольше остальных.

Вероника ушла, громко стуча шпильками.

– Свекровь? – сочувственно произнесла мой врач, чудесная Ирина Викторовна.

Я кивнула.

– Понимаю. Что ж, Валерия, я Вас выписываю домой. Но с условием.

– Каким

– Принимайте лекарства. Строго по расписанию. В случае чего звоните.

Родители Жени забрали меня домой. Варя демонстративно сторонилась меня. Дети соскучились по мне, как и я по ним.

Вероника обратилась сначала в органы опеки, потом в суд. И стало откровением, с какой яростью меня принялись защищать родители Жени, сама Варя, Света, Леша, Алекс. Последний как одержимый, окружил детей заботой. Теперь их у нас пятеро. Маленькая дочка Вики и Алекса тоже здесь, как и двое детей Егора и Вики.

Я почти ни с кем не разговаривала. Да и меня сторонились все, кроме Ольги и Юрия. Эти двое давно стали для меня большим, чем просто родителями Жени и Вари. Они стали и моими тоже. Иначе кем мамой и папой я их и не называла.

Они нуждались во мне, в детях, растворяя в нас свое горе.

Мама Оля часто плакала, прячась на кухне.

Она ждала домой сына, не смотря на то, что были найдены его личные вещи со следами крови. Его и Пети. О последнем тоже ничего неизвестно вот уже четвертую неделю. И я не верила в такой конец для них. Может, остальные сдались, но не я.

Вернись. И ты не услышишь больше ни стона жалобы с моих губ. Я стала сильной

благодаря тебе. И не сдамся. Никогда не сдамся. Этому я научилась у тебя. Не сдаваться и идти вперед, чего бы это не стоило.

Я услышала его голос на кухне и тарелка вылетела из моих рук, но даже не обратила на это внимания.

Не веря в происходящее, зачарованная на цыпочках выглянула в коридор.

Живой. Почти невредимый. С улыбкой чеширского кота. Живой. И мой. Навсегда мой.

Он пожал плечами, мол, так случилось. Я покачала головой, рассеянно улыбаясь. Потом слезы брызнули из глаз вопреки воле, и я бросилась к нему со всех ног. Едва не сбила напором, сжала до боли, до хруста, до настоящего ощущения его реальности. Мой. Живой.

Женька уткнулся в мои волосы, прижимая к себе.

Я слышала, как бьется его сердце: родное, верное и думала лишь о том, что пришла моя пора быть лекарством.

Многие любят свет, а вы попробуйте полюбить тьму в человеке. Принять его темную сторону со всеми пороками, болью, страданием и ни на мгновение не усомнившись.

Я знаю, он любит меня. Безумную, слабовольную, отталкивающую его раз за разом. Любит. Несмотря ни на что.

И я люблю его. Люблю. Люблю всем сердцем, израненным, избитым, но люблю. Через не могу, не хочу, через все преграды. Люблю.

И он смотрит на меня как никто и никогда уже не посмотрит. Со всей нежностью и тоской Вселенной. Это долго копилось в нас, прежде чем стало Настоящим. Нашим Настоящим.

– Иди ко мне, – и мне не надо повторять дважды. Уже нет.

Вечером, уложив детей спать, мы все сидели в гостиной. Я и Лера, Петя и Катя, мама и Варя. Алекс пробурчал, что устал и отправился наверх.

Мне не хотелось думать о чем— то другом, ведь любимая рядом.

Мама, если и удивилась неожиданным гостям, то виду не подала. У нас мировая мама. Накормить такую кучу народа, при этом ни разу не задав ни одного вопроса... Это мастерство. Она все время подходила и касалась меня, словно хотела удостовериться, я здесь, дома.

Завтра у нас у всех трудный день. Суд насчет детей. Я буду биться за них, ни за что не отдам этой ведьме.

Но это будет завтра. А сейчас мне больше всего на свете хочется утащить Леру наверх, остаться с ней вдвоем.

Не только нам не терпелось. Петя и Катя едва не сжирали друг друга глазами.

Хорошо, что их спальня на первом этаже. Он, конечно стал мне другом, а она все— таки моя сестра. Теперь— то мы точно породнимся. Погуляем еще на одной свадьбе.

– Я устал. Нам не пора расходиться? – нетерпеливый тон меня и выдал. Лера залилась краской, чем еще больше завела.

Мы пожелали всем присутствующим спокойной ночи и делая вид, что не заметили сдавленных смешков, пошли наверх.

Стоило нам пропасть из поля зрения, я тут же притянул девушку к себе.

Лестница тянулась бесконечно, мы измеряли ее поцелуями: быстрыми, легкими, долгими, дразнящими. С таким успехом мы навряд ли дотянули бы до спальни. И все же дотянули, окончательно распалившись. Между нами всего лишь ее футболка и наши штаны.

– О, я смотрю, у нас новое белье? – прошептал я, стягивая с нее узкие джинсы, покрывая

нежную кожу лодыжек, бедер поцелуями.

– Пришлось пополнить запасы. Прежние— то никуда не годятся.

– А мне они так нравились. Особенно те, с большим бантом на попе.

– Значит, эти не нравятся? – Лера перевернулась на бок, демонстрируя бантики по бокам.

Я прорычал что— то невнятное и медленно их снял.

– Пожалуй, эти мы оставим. На память.

Петр

Эти двое наконец— то удалились. Мы тоже собирались последовать их примеру, тем более я чертовски устал. Вопреки обыкновению не хотел знать подробностей. Не сегодня.

Катя сидела у меня на коленях, и я думал лишь о том, что она единственная драгоценность в жизни. Мама Жени внимательно разглядывала ее и отводила взгляд и снова возвращала. Варя тоже вела себя отстраненно.

Я хотел знать все, что моя Катя делала эти три недели. Ее рассказ был недолгим и я не ощутил укола ревности, узнав о помощи Алекса. Не потому что не считал его соперником, хотя да, не считал.

Лера

Я лежала на его груди и слушала биение сердца. Тук— тук— тук.

– О чем ты думаешь?

Он задумчиво перебирал мои волосы, пропуская пряди между пальцев:

– Я боюсь, что наступит утро, и ты снова исчезнешь.

– Я не исчезну. Буду рядом

– Спасибо.

– За что?

– За все, что ты делаешь для нас, для меня, для девочек. В доме теперь столько народу.

И все они хотят помочь.

– Я тебя люблю. Мы справимся. Засыпай. Завтра тяжелый день.

Утро выдалось сумасшедшим. Мы едва не проспали и теперь бегали по всему дому, лихорадочно собираясь. Он не спал ночью, его выдали темные круги под глазами. Я тактично промолчала, прильнула к нему на кухне.

– Лер, я не пойду с тобой на суд.

– Как? Почему?

– Алекс пойдет с тобой. И адвокат. Полезу в ее дом. Только я могу найти эту чертову запись.

– И кто пойдет с тобой?

– Никто. Не переживай. Ее дома не будет, мне никто не помешает.

– Ладно, аккуратнее там.

Женя притянул меня к себе. Ума не приложу, как справиться со всем навалившимся на нас... Мы словно в снежном бурене, крепко держимся за руки, не зная увидим ли рассвет...

Глава 74. Твоя любовь до гроба не дожидается весны

Лера

Предварительное судебное заседание прошло совсем не так, как мы планировали. На удивление Вероника вела себя вполне спокойно. Я нервничала. Алекс напряженно смотрел на сестру. Находясь между этими двумя ледяными статуями, мне в голову пришла мысль, не хочу повторения их судьбы нашим девочкам. Смотреть как твои дети ненавидят друг друга? Невыносимо.

Женя ждал нас возле здания суда. Он никуда не пошел, Петя отговорил его, сказав будто есть другой вариант. В это слабо верилось.

Петя

И другой вариант нашелся.

Петя отправился в место столь давно знакомое ему.

Вероника не сразу согласилась встретиться с ним. Ее категоричное нет превратилось в мягкое слегка сопротивляющееся.

Она его ждала, явно не в самом лучшем расположении духа.

– Ты же знаешь, как я не люблю этот плебейский вид. Новая Зайка не дает денег на шмотки?

– И я рад тебе, Ника. Как поживаешь?

– Прекрасно. А ты?

– Я соскучился.

Ника рассмеялась.

– Ах, ты врунишка. Не стыдно?

– Нисколько. А ты соскучилась по мне, моя Ника?

Она соскучилась. Я понял по блеску в ее глазах. Значит, дело за малым.

Мы познакомились с Никой несколько лет назад.

Я тогда начинающий фотограф, она давала свое первое интервью. Первый опубликованный роман, полностью оплаченный ее мужем.

Мы учились с Милой вместе, но откуда Веронике было меня узнать? Она никогда не интересовалась жизнью дочери. Сыновья— вот что имело важность. Ника потом часто говорила, что дочь ее разочаровала.

Вот я, вчерашний студент, работающий в штате местной газеты, совершенно очарован красивейшей из всех женщин. Она трогательно краснела, морщила нос на вопросы. А я ее фотографировал.

Позднее снимки не пришлось редактировать, насколько она идеально вышла: томные глаза, густые ресницы, чувственные губы. И вдобавок изворотливый и пытливый ум.

Я набрался смелости и взяв снимки и экземпляр книги, поехал к ней домой.

Поначалу наши отношения не завязывались.

Она держала дистанцию, а я пылал чувствами к ней, восхищался. Знал, она замужем, трое детей. И меня не останавливало. Я искал встреч, дарил ей цветы, не называясь.

Стал частым гостем в их доме. Руслан тогда ушел из семьи, Мила уехала к своему лягушатнику, Дмитрий всегда работал. И так уж случилось в одном из вечеров...

Мы держали все в секрете, тщательно скрывали от всех. Я сирота, родственников у меня

одна сумасбродная тетушка и та жила далеко.

Я помогал ей деньгами и на этом наше общение заканчивалось.

Крепость пала, пускай и не сразу.

Ника заменила мне семью, которой никогда не знал. Она сделала ремонт в моей скромной квартире, заботилась. А я ее любил.

Ждал, когда же она останется со мной навсегда. Не надо будет прятаться, скрываться. Открыто ходить по улицам, держать ее за руку... Целовать когда хочу, куда хочу и как хочу. Плевать на ее брак, кучу детей. Я хотел быть с ней.

Наши отношения пересекли ту черту, за которой наступило безразличие. Ожидание длиной в три года. И она не ушла.

Конечно, куда ей было идти? К нищему фотографу? Она говорила, у меня дар. Никому ненужный.

У меня не было ничего, кроме любящего сердца. И она его разбила.

Поэтому сейчас довольно легко и привычно обманывать ее. Женщину, которую я когда — то любил. Пока она не оттолкнула...

Катю попросили слить макароны. Алекс появился на кухне с дочерью на одной руке и ведя за пухлую ручку милого мальчугана. От волнения она дернулась, и макароны дружно вывалились в раковину.

— Ага, все же мы родня, готовить у нас умеет только мама, — съязвила Варя, ведя еще одного мальчика постарше.

— Я умею готовить, — возразила Катя.

— Поставлю еще воду, — забормотал Юрий, ловко оттесняя девушку от раковины.

Катя раздраженно вышла вон. От такого количества народа можно чокнуться.

Мобильник завибрировал.

«Жду тебя, зайка у себя. Приходи, согрей меня. Любишь сюрпризы?».

Петя. Вот же мартовский кот. Чего его понесло на старую квартиру?

Вчера ночью он предложил ей выйти замуж. Она смущенно спрятала лицо в подушку. Ей всегда представлялось это несколько иначе.

Более романтично.

Он весь с белом, слезает с лошади, становится на одно колено и протягивает ей коробочку с заветным кольцом...

Конечно, любое предложение ее устраивало, ведь они замечательная пара.

Сюрпризы Катя не очень любила. Хотя может, на этот раз свое мнение она поменяет?

Катя

Выйдя на улицу и привычно закулив, поглубже запахнулась в куртку. Путь неблизкий и девушка подумала, надо прогуляться. Привести мысли в порядок. В таких случаях девушки звонят кому— то из близких, ведь не каждый день выходят замуж... А ей звонить некому... Отец пока не объявлялся и может это к лучшему. Общаться с родственником желания нет никакого. Жаль, она не знает своей матери. Интересно какой она была? Нет ни фотографии, нет даже имени. Лишь смутные воспоминания о маме: слегка шершавые руки, глядящие ее по щеке, потом холодный воздух и далекий голос, интонации, которых Кате уже не вспомнить.

Отец проговорился всего один раз, разъяснив, что сидел, а мать сдала ее в детский дом.

Жива она или нет на сегодняшний день, неизвестно. До происшествия всех событий Катю этот вопрос не очень заботил. Гораздо легче признать, мать ее бросила, чем выяснять причины ее поведения. Так легче и проще.

Добравшись до знакомого дома, Катя подумала, зачем им тут квартира? Тете Оле нужна помощь со всей этой оравой. И пора рассчитаться за проклятые макароны. Покажет им на что способна.

Открыв дверь, Катя услышала шум и войдя внутрь квартиры, остановилась. В голове предупреждение: Не ходи туда! Не надо!

Катя смелая девушка. Поэтому понимая, в чем сущность сюрприза, пошла дальше.

– Здравствуй, зайка.

Незнакомая и очень красивая женщина. И ее Петр.

Ника умела делать больно. Всегда попадала в цель. Такая уж она. Не отдавай свое другой.

Катя развернулась, бросилась прочь.

А Ника улыбнулась. Против молодости есть одна защита. Нападение.

Девочка хороша собой. Красивая. Ладная. Как породистая лошадка. Не пара ее Пете. Совсем не пара.

Он вопреки всему, не дернулся за ней следом.

Одного взгляда Кати хватило, чтобы пригвоздить его к месту. Тут Ника мысленно аплодировала девчонке. Даже она на такое не способна. Вот такой дочерью она бы гордилась. Красивая, гордая.

Даже получив удар, как говорится под дых, вышла с гордо поднятой головой. Умеет держать удар.

– Зачем, Ника? – прошептал Петя, отводя взгляд в сторону.

– Потому что ты мой. Было бы ложью, не был здесь. Ладно тебе убиваться, переезжай ко мне.

– А как же твой муж?

– Мы развелись сразу же после похорон дочери. Поэтому отныне я свободная. Переезжай. Навряд ли у Смирновых тебе будут рады.

Катя прибежала туда, где теперь находился мой дом. Пусть полон народу. Но это единственное место, куда можно прийти.

Сидела в гостиной, пытаюсь собраться по кусочкам...

Глава 75. Я никогда не сделаю ничего, чтобы могло ей навредить

Катя

Это не первый случай, когда мне разбивали сердце. И знаю, это всегда может случиться еще раз. И еще. И еще. Сердце будет разбиваться, пока еще что — то чувствует.

Он один из тех парней, что попирают ногами девичьи сердца. Не потому что он плохой.

Нет, я уверена, он пожалеет о своем поступке. И уверена, придет. Только нужны ли такие отношения, когда станут предавать снова и снова. До тех пор я буду это позволять.

Совершив проступок однажды, велика слабость повторить его снова. Потому что один раз оступившись...

Мама Оля застала меня в гостиной, обнимающей подушку. Слез нет.

Она принесла мне кофту и заботливо укрыла плечи.

Такой обычный жест расстроил. Никто и никогда не проявлял ко мне заботу. Мне не читали книжек на ночь, не укрывали одеялом, не готовили завтрак. Один раз ласково вытирали слезы. Совсем недавно.

И тут кофта. Теплая и пахнущая чужими духами. Приятными. Я завернулась и в нее и тут мама Оля притянула к себе. И здесь нечем возразить. Наоборот. Совершенно не против.

Мы посидели так часа пол, может минут 40. Как только в гостиную вошел Петр, мама Оля тактично ушла, оставив нас вдвоем.

Ему невыносимо тяжело приблизиться к ней. Тем более попросить прощения, когда он не умел этого делать.

Поэтому Петя просто опустился на колени и обняв Катю, замер. Прогонит или нет?

Не прогнала.

Он ушел от Ники, прекрасно понимая, она права. После того как Катя покинула место сражения, он решительно начал разговор.

– Ника, я к тебе не перееду. И не собираюсь в принципе.

– Чего тогда хочешь от меня? Не просто так же пришел.

– Не просто. Я хочу знать правду.

– И какую?

– Ты имеешь какое — то отношение к смерти Руслана?

Ника долго смотрела ему в глаза.

– А сам как считаешь?

Петя пожал плечами. От нее зависело, услышит ли он правду или нет.

– Я облегчила ему страдания. Как мать. И не считаю себя неправой. Он умирал на наших глазах, и никто не мог ему помочь. Кроме меня. Поэтому, если это считается убийством, я его убила. А если считается милосердием, то я проявила сострадание. Что ж теперь. Не тебе жить с этим.

– Мила передала перед своей смертью письмо. Что тебе известно об этом?

– Все. Я знаю о письме. И о видеозаписи.

– Ты имеешь и к ее смерти отношение?

– Нет. Моя дочь, к сожалению, не была уравновешенной особой. Покончила с собой. Я не сразу это приняла. К ее смерти я отношения не имею. Еще вопросы?

– Когда ты успела так измениться, Ника?

– Ты считаешь, что вправе распоряжаться моей судьбой? Тебе так нужна эта видеозапись? О, да я сразу же тебя раскусила. Забирай. Если это все, что тебе нужно, бери.

Ника протянула ему диск.

И с этого момента история изменилась.

Петр понимал, отдав диск со столь долгожданной записью, он спасет пару жизней и погубит одну.

Быть может ту, что заслужила прощение подобным жестом? Ника отдала свою судьбу, жизнь в его руки. Почему? Он слишком предсказуем? Или легковверен?

Он взял диск и уехал. На полпути возле старого моста, остановился. Вышел из машины и сломал диск пополам, не сомневаясь в себе. Ничем эта проклятая запись не поможет. Ни ей, ни им.

Когда— то он сказал, что не причинит ей вреда и не позволит кому— либо сделать это.

Это не совсем верное решение, но кто из нас в жизни не ошибался хотя бы раз?

Поэтому сейчас обнимая Катю за узкие коленки, он думал о том, что в конце концов каждый получает по заслугам.

Ника не играет честно. И никогда не станет.

Это его проверка на вшивость. И он ее прошел.

Теперь она будет доверять ему как никому другому.

– Кать, давай уедем отсюда.

– Куда?

– Да куда угодно. У меня есть немного денег. Продам квартиру и уедем. Начнем сначала.

– А как же все? Как мы их бросим?

– Кого? Ты знаешь этих людей настолько, чтобы назвать родными?

– Они лучше, чем родные. Они наша семья.

– Пфф. Самой то не смешно? Какая семья? Папаша психопат, братец туда же, про сестру я молчу. Зачем, кто они тебе? Ты их знаешь пару недель.

– И что? Тебя я знаю намного больше и вот к чему это все привело.

– Ты такая же, как они.

– Да. И рада этому.

– Значит, не поедешь. Да?

– Я останусь здесь. Мое место здесь. Никакого больше бега. Впервые я знаю, где мое место. Где мой дом. Здесь с этими людьми. Если ты думаешь иначе, это твой выбор. Не мой.

– Я прошу дать мне еще шанс. Последний ради нас. Пожалуйста.

Катя вздохнула и согласно кивнула. Не любила, когда ее о чем— то просили. Но быть может, это действительно стоило сделать?

Ника стояла возле окна, смотря как любимая игрушка садится в машину и уезжает. Она не сомневалась в его решении. Иногда приходится играть чужими чувствами.

Проблема возникнет, если он не оправдает ее доверия. Значит, он все же не такой плохой. Но Ника точно знала, что никакой записи не существовало. Изначально. Письмо писала Мила и под ее диктовку. Расчет немного не оправдался. Смирновы оказались крепче, чем она думала. И ничего. Она справится с ними.

Да, видеозаписи не существовало. Зато существовала другая, на которой Петя получает

от нее диск. Интересно, как отреагирует Женя на предательство близкого и пока единственного друга?

Как там поживает ее сумасшедшая невестка? Пора подкинуть ей еще переживаний...

Глава 76. Ты наполнила меня ядом до краев

Лера

Мне не хотелось домой. Решила прогуляться немного, попросив оставить в одиночестве. Но этому не суждено сбыться, Оксана с Никитой присоединились.

Подросткий мальчуган гонялся за голубями, пока мы медленно шли по парку.

– Какой он забавный, – улыбаясь, произнесла я, смотря на Никиту.

– Да, в этом возрасте они такие. Погоди, не успеешь очухаться, и твои девочки дорастут до брата.

До меня не сразу дошло.

– До какого брата, Оксана? – все еще улыбаясь, переспросила я.

– Как какого? До Никитки. Я думала, ты в курсе.

– В курсе чего?

– Руслан его отец. Разве ты не знаешь?

Звук пропал. Оксана что— то говорила, а я не слышала ничего.

Сын. У моего любимого есть сын. И я о нем ничего не знала. Ничего.

– Мне пора домой. Пока, Оксана, – быстро попрощалась я и поспешила домой.

Фурией, разгневанной фурией я налетела на Женю, стоило ему попасться на пути. Он растерянно едва не пронес чашку мимо рта, когда я начала орать

Мама Оля тут же забрала детей, всю ораву и поспешила выйти прочь. Варя осталась и вот она молчать не собиралась.

– Как вы задолбали! Задолбали! Задолбали!

– Он мне ничего не сказал!

– А разве он должен был это делать? Разве это его сын? Что ты орешь вечно на него, словно он один во всем виноват?

Женя пытался встать между нами и претерпел неудачу.

– А кто? Он знал и не сказал!

– Я тоже знала, что с того? И мама знала, и отец! Да все вокруг знали и молчали. Что с того? Какая разница теперь?

– Вы то откуда знали? – спросил Женя.

– У нас глаза есть. И уши тоже. Никита вылитая его копия. Как под копирку. Дураков в нашей семье нет, а ты Лера дура!

– Сама такая!

– Так спокойствие. Успокойтесь обе. Варя, оставь нас, пожалуйста.

– Никуда я не пойду! С чего это? Хватит разыгрывать комедию. Ты, Лера дура и пора признать это. И заодно перестать винить моего брата во всех грехах. А вот раз я все сказала, пока!

Варя сердито хлопнула дверью. Женя осторожно коснулся моего плеча, и я отпрянула.

– Лер, знаю, что должен был сказать тебе раньше. И упустил из вида. Не злись. Он рассказал бы обязательно.

– И не нашел для этого времени? – зло ответила я.

– Ты сама знаешь, чего у вас не было. На это времени не хватило.

Голос Жени становился тише.

– Я должна была знать. Что ты еще скрываешь от меня? Какие тайны?

– Нет у меня никаких тайн. Лерик, не злись.

А я злилась. И не знала другого способа ее выразить.

– Пошел бы ты. Понял? Ненавижу, – процедила я и ушла вслед за Варей.

Прошло пара дней. Мы не разговаривали и практически не виделись.

В гостиной Женя играл с мальчишками, я хотела выйти к ним, но не смогла. Осталась в тени и молча, наблюдала.

Тут мне пришла в голову испечь пирог.

Единственный который я знала, была шарлотка с яблоками, проблем с ней не возникло.

Стоило запаху из духовки наполнить кухню, как воспоминания увлекли за собой...

Словно по волшебству я оказалась на другой кухне, где кто— то не менее, мной любимый и дорогой, учил простому ее приготовлению. Я всегда резала и чистила яблоки, выполняла самую важную работу, как говорил кто— то.

Кто— то с родным запахом, поцелуями, частенько отдающими горечью из— за лекарств, кто— то, кого нет.

Из— за воспоминаний я чуть не проворонила шарлотку, хорошо, что мама Оля рядом.

В кухню забежали Женя с детьми. Увидев меня, лицо парня приняло то самое выражение, которое не покидало его в первые дни нашего знакомства.

– Женя, ты будешь пить чай? – робко спросила я.

Он не удостоил меня взглядом. Но все же ответил.

– Буду, если ты туда не подсыпала яд. Ах, я забыл, ты же наполнила меня им до краев.

В этом весь Женя. Я не обижаюсь.

Просто оставляю ему кружку на столе и ухожу в другую комнату. Слышу, как мама Оля что— то выговаривает ему, он не оправдывается. Он действительно так считает.

Пью чай в одиночестве, не замечая как плачу вновь.

В последнее время постоянно одна. Иногда я выхожу в город, дохожу до кладбища и остаюсь там на целый день.

Я плохая мать. Хорошо, что есть мама Оля и папа Юра. Спасибо им. Украдкой вытираю слезы, мимо прошел Женя, громко хлопнув дверью.

Поэтому я, снова спросив разрешения, выхожу на улицу вечером, взяв с собой кусочек пирога.

Просто шатаюсь по улицам, друзей у меня нет, мне некуда идти.

Сквозь стену одиночества я никого не пускаю.

Все— таки нужно сходить до дома. Но до дома идти далековато от дома Жени, полчаса минимум. Делать нечего, решила пойти.

Теплый вечер заботливо окутал легкой дымкой. Я шла неторопливо, срывая травинки, пыталась сплести венок из одуванчиков, но плетун из меня еще тот.

Вдалеке громыхнул гром, резко набежали тучки и о, счастье начался дождь. Коротко выругавшись, я добежала до остановки. Никого. Стоило переждать дождик, болеть нельзя.

Минутой позже в остановку забежал какой— то парень. С трудом, но я узнала того самого Сережку, с которым целовалась в 4 года.

Он, кажется, тоже меня узнал. Сощурившись и внимательно приглядевшись, утвердительно сказал:

– Привет, слюнявая. Промокла?

– Да, – ответила я и заулыбалась.

– Давно я тебя не видел. Лет 10 наверное, да?

– Наверное, что ты тут делаешь?

– Приехал отца навестить. А ты?

– Домой шла, пирог вот несла. Хотела попить чаю.

– Пирог? С этого места поподробнее, пожалуйста.

Стоит ли говорить о том, что пирог я почти и не попробовала?

Сережка в детстве был ужасно толстым, его аппетиту только можно было позавидовать.

Но сейчас он очень похудел, истощал, но мое дурацкое прозвище не забыл.

Мы наперебой стали вспоминать счастливое детство, наши семьи тогда немного дружили, общались, иногда праздновали праздники вместе. Поэтому когда родились мы, нам было предназначено либо дружить, либо ненавидеть друг друга.

Мы выбрали первое и были лучшими друзьями, до тех пор, пока у Сережи не развелись родители, и мама не забрала его в другой город.

Мы перестали общаться, хотя поначалу писали письма. Потом мама Сережи повторно вышла замуж, и они уехали.

Сколько забыто и сколько сейчас вновь обрело память под проливным дождем...

Сережка оказывается, бегаёт каждый день, приехал к отцу на полгодика, привести его дела в порядок. Сам он не женат, детей нет, наличие детей у меня его удивило, поэтому я и приглашаю его в гости на следующий день.

Дождь заканчивается, Сережка провожает меня назад, по пути слушая рассказ про мою жизнь.

Дома меня никто не ждёт, поэтому попрощавшись со старым и вновь обретенным другом, прокрадываюсь спать. Едва достаю до подушки, как засыпаю очень крепко. И без кошмаров.

Глава 77. Идиот

Алекс

Мне отдали кабинет Юрия, и я проводил там почти все время. Чтобы чем— то себя занять, конструировал детскую площадку: небольшой замок, непременно с двумя башнями, подвесным мостом и множеством других забав.

Детей в доме становилось все больше и больше и надо сделать для них нечто особенное, пока на улице царило лето.

Закатав рукава рубашки, я терпеливо вымерял, вычерчивал будущее строение. Конечно, можно сделать все на ноуте, но эффект не тот.

Мне нравилось возиться с прямыми линиями, заставляя извилины напрягаться при решении задач. Маленькая Вика мирно спала под присмотром Ольги Ивановны. Поэтому у меня выдалось лишние два часа.

За три недели, проведенные не дома, я безумно соскучился по ней. И хотя Ольга Ивановна регулярно писала о ней, присылала видеофайлы, этого всего не хватало. Гораздо приятнее видеть это маленькое чудо, укачивать его на своих руках, чем видеть как это делают другие.

Я размышлял, как сделать поудобнее, когда дверь скрипнула, и по легким шагам догадался кто это. Катя часто приходила сюда.

Садилась на подоконник, сверкая оголенными коленками и смотрела как я работаю. Она мне не мешала, пусть слегка сбивала с мысли. Иногда ее замечания я принимал, иногда мы просто выходили курить.

Музыка ее завораживала. Здесь хорошая акустическая система, поэтому звук почти чистый.

Неизменно она приносила с собой охлажденный зеленый чай с лимоном. В кабинете благодаря кондиционеру, не столь жарко. Не знаю чего она хотела доказать своим поведением, коленками, прелестными пальчиками ног, пухлыми губами. Пару раз за день Петя приходил проверять, но ему становилось неизменно скучно, видя, чем мы заняты, вернее один я.

Вот сейчас Кате втемяшилось покрасить ногти, смешно высунув кончик языка, девушка наносила лак. Я вспомнил, как Натали красила ногти. О, эта была целая эпопея. Сначала ножки вымачивались в растворе, потом насухо вытирались, потом крем, потом снова ждали, пока крем впитается, потом уже все остальное. И Натали никогда не делала этого сама. Меня все время подмывало спросить, а делала она хотя бы что— то сама? Вечно у нас дома кто— то ошивался: визажисты, парикмахеры, стилисты, фотографы, другие модели, их представители, куча народу. Каждый день. Ее гардеробная была размером с аэропорт. Туда я не совался, боясь заблудиться. Как давно все это было...

Дома меня ждали дела, работа. А я здесь. Боюсь перелета с грудным ребенком. А может просто боюсь.

— Мне кажется, здесь надо опустить мост. Дети маленькие, высоко падать, — Катя ткнула пальчиком в чертеж. Я и забыл о ее нахождении здесь.

— Думаешь? Может просто добавить еще один, пониже?

— Можно.

Я записал на листке бумаги: «Добавь мост».

– И когда ты закончишь?

– Сегодня, думаю. Закажу материалы и начну строить. Хочешь помочь?

– Я умею забивать гвозди, если ты об этом.

– Угу. Сомневаюсь.

– У тебя странное отношение к женщинам.

– Ты не женщина, а ребенок. Так что будь добра, иди поиграй в другое место, – я выпроваживал ее, злясь.

– Я ребенок?!

– Ребенок. Ведешь себя как ребенок, выглядишь как ребенок, думаешь точно также. Вы с Петей отличная пара, застрявшая в детстве.

Девушка возмущенно смотрела на меня, часто дыша и готовый дерзкий ответ готов был сорваться с ее губ.

Я усмехнулся, скривившись, наблюдая за ее борьбой. Со своими демонами разберусь позже.

– Алекс, ты мне нужен внизу, – белобрысая голова возникла в дверном проеме. Женька.

– Иду, – откликнулся я, не сводя глаз с Кати. Воздух сгустился вокруг нас и подумав, не уйду сейчас, пожалею.

Я вышел. Вернувшись через полчаса, обнаружил нарисованную губной помадой фразу на весь чертеж: Идиот!

Подавив в себе смешок, свернул чертеж в трубочку.

– Решил место ему в мусорке? – пробормотал Смирнов, появляясь вслед за мной. Я повертел трубку в руках.

– Не знаю. Наверное, нет. Готовлюсь к завтрашнему дню.

– Я помогу тебе завтра.

– Зачем? Я сам. У тебя и так хлопот выше крыши.

Внизу раздались крики, потом хлопанье дверей, звук отъезжающей машины. Переглянувшись и не сговариваясь, мы оба поспешили вниз, где застали Катю, пытавшуюся чиркнуть зажигалкой.

– Весь дом перебудили, – укоризненно произнес Женя, помогая сестре прикурить. Она затаилась и ответила:

– Извини. Я могу съехать, раз доставляю много хлопот.

– Хочешь, я поеду за ним и верну за шкурку?

– Нет, пусть отдыхает, – протянула Катя, выдыхая дым.

Я не стал выяснять причину их очередной ссоры. Они слишком часто ссорились и уже не мирились как прежде. Впрочем, меня это не касается. Развернувшись, я пошел в дом, оставив брата и сестру наедине.

Катя

Ночной летний вечер ласково обволакивал плечи и не смотря на его теплоту, я дрожала.

– Что между вами происходит? – спросил Женя, тоже закурив.

Мне не хотелось говорить об этом даже брату.

– Очередной раз поссорились. Так бывает.

– Ты испортила его чертеж?

До меня не сразу дошло о ком он. Я то имела в виду Петю с его взрывным характером.

Поперхнувшись, я закашляла. Женя похлопал меня по спине и ожидая молчал.

– Это так заметно? – прокашлявшись, ответила я вопросом на вопрос. Женя усмехнулся.

– Довольно таки. Что произошло с вами за те три недели? Никто из вас ничего не рассказывает толком.

– Ничего не произошло. Никто из нас не пересекал черту.

– Алекс довольно замкнутый человек. А Петя далеко не дурак, хотя и притворяется таким. Я к тому, что если ты решила, что твои чувства действительно настоящие. А не простое увлечение под влиянием ситуации.

– Понимаешь, с ним я словно становлюсь чище. С Петей такого чувства нет. С ним я обычная, самая что ни на есть настоящая. С Алексом хочу стать лучше, чем есть.

– Хорошо, что ты не знала меня раньше. Не узнала бы. Может, в этом смысл отношений и любви? Ты становишься лучше, чем есть. И в итоге остаешься собой.

– И что мне делать в итоге?

– Решай сама. Видишь, я мало подхожу на роль эксперта в отношениях. Она дуется на меня и ближе вытянутой руки и не подойти. И сплю я снова на диване, – с улыбкой произнес Женя, – Чего поссорились— то с рыжим?

– Он изменил мне. А сегодня сказал, что я не удовлетворяю его потребностей.

– Оу, ну вернется он, я ему устрою.

– Не надо. Он в чем— то прав. Мы слишком одинаковые.

– И с кем? – он начал спрашивать и внезапно остановился, – Вот почему она отказалась от иска? Господи! Мне надо его найти! Поедешь со мной?

Я согласно кивнула. Объехав все значные места, мы все же нашли моего зеленоглазого рыжика в объятиях золотоволосой красавицы. Брат порывался подойти к нему ближе, а мне все равно. Наша любовь до гроба не дожила до весны.

Может, оно к лучшему?

Женя

Вернувшись домой, я проводил сестру до ее комнаты. Хотел остаться с ней, но она меня выпроводила. Мягко и настойчиво.

Проверив детей, мне нечем заняться. Спать не хотелось, кулаки чесались и просили дождаться рыжего прохвоста. Поэтому я стал листать телеканалы в надежде найти что— то стоящее.

Лера дулась за Никитку вторую неделю подряд. Сблизилась с Оксаной, наверняка стремясь узнать, почему он ей ничего не сказал. Не хватило времени. И остался лишь я, которого можно бесконечно тыкать чужими грехами...

Глава 78. Тебе идет красный

Катя

Петя вернулся под утро. Виновато сел на край кровати, на которой я не спала и не смотря в глаза, завалился спать.

Я оставила его одного, отсыпаться и спустилась вниз, на задний двор, где уже вовсю кипела работа. Босыми ногами ступая по зеленой еще мокрой траве от росы, я сунула руки в карманы шорт.

– Привет, – поздоровалась я, – Примешь в помощники?

Алекс окинул меня взглядом, задержавшись на босых ногах:

– Конечно, только накинь что— нибудь на ноги, занозу подцепишь.

Почему мужчины позволяют себе думать, будто в чем— то превосходят нас?

Женька тоже пришел полураздетым, день обещал быть жарким. Дети играли в спасительной прохладе, старшие умудрялись путаться под ногами.

Никитка восседал на Женькиной шее, руководя процессом. Ольга Ивановна принесла зелёный чай со льдом, и мы с наслаждением выдули полграфина. Алексу не хватило стакана, и я протянула ему свой. Он прищурился на солнце и протянул:

– Опять красная помада.

– Давай вытеру, раз ты такой щепетильный.

Он хмыкнул и залпом осушил стакан, его губы ровно приложились к тому месту, где остался след от помады.

Стройка продолжалась до вечера, с перерывом на обед. Хорошо, что детали настолько выверены, что оставалось их правильно собрать.

Мне доверили подавать шурупы, я протягивала их на ладошке Алексу.

Один раз чуть не съездил локтем по носу, едва не уронил на мою ногу шуруповерт. Он нервничал в моем присутствии. То— то же мистер Хладнокровие.

Спросив разрешения отдохнуть, я сняла вверх, оставшись в одном купальнике. Красном. И возлегла на лужайке перед стройкой, подставляя тело жарким лучам солнца.

– Почему мне не достались такие гены? Она тощая, как селедка, а я как бочка с жиром! – завопила Варя.

– Она как сухарик, а ты сдобная булочка, радость моя, – ответил ей Женька, заливаясь смехом.

Я взмахнула ему рукой, мол шути. Своей фигурой я более чем довольна. Даже прической. Хотелось бы иметь длинные волосы, но за ними столько ухода.

Варя раздраженно фыркнула. Мне нравилась младшая сестра с ее детской непосредственностью. Вряд ли наши чувства взаимны. Порой она бросала на меня недоумевающие взгляды, ровно, как и ее мать.

Они не знали как себя вести. Не знали ничего обо мне, чтобы составить мнение. Хуже здесь приходилось раньше только Лере, девушке, постоянно летающей в облаках и от которой без ума старший брат.

Чьи это дети, в конце концов, я до конца не поняла. И им завтра исполняется год. Всем троим карапузам решили праздновать день рождения в один день. Здесь жило еще два мальчика, одному 5, другому три, последний как привязанный ходил за Лерой, сунув пальчик в рот.

Как мне пояснили это сводные братья дочери Алекса, их родители умерли и пока опеку оформили на Женю и Леру. Брат к слову был их крестным. Сплошной винегрет.

К вечеру почти все поставили, осталось раскрасить. После легкого ужина, на который Алекс, между прочим, не пошел, я вновь пошла на задний двор, помочь.

Алекс мешал краску и готовился залить в баллон с распылителем.

– Тебе помочь?

– Наденешь респиратор, то пожалуйста.

– Тебе идет, – улыбнулась я, кивая на его вид. Он повел глазами. Улыбается поросенок.

Смешно ему

Определившись, с какой стороны начать каждому, мы зашумели. Мне нравилось красить, вжик, вжик и готово. Никакой мороки.

Я закончила. И вполне довольная результатом.

– Молодец, на сегодня хватит, я устал, – тяжело дыша и снимая маску, заявил Алекс, появляясь с другой стороны.

– Пошли умываться.

Вдвоем мы отправились назад к дому. Жара спала и идти с ним вместе в теплом июньском воздухе так хорошо.

Он пропустил меня вперед в ванную. Я посторонилась, приглашая жестом зайти в ванную, к раковине.

Шутя двинул меня бедром, я ответила тем же. Резвясь как маленькие дети, мы забрызгали все вокруг. Я посмотрела в зеркало, капли желтой краски остались на лбу. Намылив руку, я попыталась их оттереть.

– Позволь мне, – попросил он, и осторожно касаясь лба, оттер капли.

– Ты постоянно портишь мне макияж.

– Не заметил. По— моему я стираю лишнее. Или ты хочешь ходить с краской на лице? – он щелкнул меня по носу пальцами в пене.

Я надулась и плеснула в него водой.

– Какой же ты противный! – вскрикнула я, когда он окатил меня ледяной водой. Растерянно хватая воздух, я бросилась за ним.

Он поймал меня в полутьме и, прижавшись губами к левому уху прошептал:

– Тсс, на цыпочках.

Прошептал и тут же растворился полумраке. Сдавленно хихикнув, мы играли в прятки по всему огромному дому. Адреналин бушевал в моей крови, пока я крадучись пряталась возле дивана.

Аккуратно выглядывая из— под подлокотника, я и представить не могла, что через секунду он с легкостью подхватит меня на руки и мы вместе рухнем вместе с диваном назад. Не давая ему опомниться, пока он хохотал, я успела запечатлеть на его щеках поцелую и сбежала, ловко обходя все препятствия. Вслед мне полетела подушка.

Я слышала, как он прошагал мимо и сменила место локации, спрятавшись за шторой.

Алекс появился неожиданно, снова заключив меня в объятия, штора не выдержала такого напора и рухнула вместе с карнизом. Запутавшись в ткани, мы оба вынырнули с разной стороны. Вспыхнул свет.

– И что это вы тут делаете? – Ольга Ивановна старалась предать голосу серьезный тон, хотя улыбка говорила совсем о другом.

– Сережку ищем.

– Помаду я смотрю уже нашли.

Алекс ни капельки не покраснел:

– Мало ли каким извращениям предается человек в свободное время, да?

– Не забудьте после извращений повесить карниз на место, – ответила Ольга Ивановна и уже не сдерживая улыбку ушла.

Алекс помог мне подняться, улыбаясь. Затем мы с горем пополам повесили злосчастный карниз на место. И теперь стояли друг напротив друга и не знали куда себя деть.

Я подошла к нему первая, намереваясь стереть с щек эту злосчастную помаду. А он привлек меня к себе, внимательно следя за реакцией на его прикосновения. Я казалась себе маленькой, пушинкой в его руках. Вытерла помаду и закинула руки ему на плечи, сцепив их в замок

– Довольно забавно как тебе идет этот красный цвет.

– Тебе он идет больше.

– Я думала, тебе не нравится.

– Странно. С чего ты взяла?

– Не знаю. Такое чувство.

– Зря.

Мы простояли так еще пару минут и наконец, он отстранился:

– Поздно. Пора спать. Спокойной ночи, Катерина.

Я ничего не понимаю в мужчинах. Или мне попался самый ненормальный?

Глава 79. Я справлюсь

Алекс

На следующее утро в общей суматохе я совсем упустил Катю из вида.

Она несомненно где— то рядом, но мне доставались обрывки ее слов, фраз, аромат духов, тепло на месте, где она только что сидела.

Девушка явно меня избегала. Ольга готовила на кухне, я вызвался ей помочь, поэтому и встал рано.

Чуть позже к нам присоединилась и Оксана, приведя Никиту.

Мелкий поразительно стал похож на племянника. Тот же серьезный взгляд и черты лица. Насколько мне известно, Леша подал на развод. И бедняжка искала утешения у нас, в частности у Женьки. Лера вела себя подчеркнуто вежливо, даже слишком.

Стол накрыли во дворе. Катю я увидел, когда она расставляла тарелки. Не одного меня она игнорировала, судя по всему. Рядом с ней шагал Петр, сунув руки в карманы.

Милые бранятся, только тешатся.

— Алекс, не хочешь сходить Куда-нибудь сегодня выпить? — Женька возник за спиной неожиданно, поймав за наблюдением за сладкой парочкой.

— Думаешь, стоит?

— Развеешься.

— Почему бы и нет? Пойдем.

— Пока ты смотришь, он на ней женится. Вот увидишь. Поверь моему горькому опыту.

— И пусть. Я буду счастлив по— своему.

— Странный ты парень, Алекс. Иногда кажется, мы с тобой родственники.

— Тьфу, сплюнь!

Женька рассмеялся.

Я обманывал самого себя. И ничего менять не стану.

Вдовец, с маленьким ребенком на руках. Перспектива так себе. И пусть меня тянуло к ней с непреодолимой силой, справлюсь.

Я повторял это как мантру весь день.

Она сидит напротив меня, рядом Петр.

Справлюсь.

Он трогает ее за руку.

Справлюсь.

Они идут танцевать.

Справлюсь.

Я уверен в собственной правоте. Тем более мой отъезд не за горами. Жду только документов и прощай.

Вечером после ужина, уложив детей спать, народ устроил танцы.

Я позвал Леру, лишь бы она не танцевала со своим другом, которого притащила с собой.

Женя отплясывал с Оксаной, чьи огненные волосы напомнили мне о той, что не со мной. Она так и не сказала мне, что любит. Ни разу.

— Далеко отсюда? — произнесла Лера, застенчиво улыбаясь. Я вздрогнул, прогоняя навязчивые мысли.

В этом мы похожи с ней и как никто понимали друг друга. У нас обоих та же дыра

внутри, которая не затягивается. У обоих все, что осталось от любви— в детских ладошках, ямочках, кудряшках, улыбках.

За два года ничего не изменилось, рана продолжала болеть.

Катя

Я сторонила его целый день, а он не удосужился, и спросить отчего.

Может, ему действительно все равно? И как же он меня бесит! Вымораживает до зубного скрежета! Самодовольный! И какие у него красивые океановые глаза...

Пойду сама позову его танцевать. Откажет, залеплю ему пощёчину.

Я подошла, нетерпеливо потянув его за рукав рубашки. Недоумевая, эти двое уставились на меня.

С очаровательной улыбкой я протянула:

– Потанцуем?

Сначала показалось, он согласится, а он (гад!) покачал головой!

– Прости, Катерина, я натанцевался на сегодня. Думаю, брат с легкостью потанцует с тобой.

Мы с Лерой уставились теперь друг на друга, оставшись вдвоем.

– Если хочешь объяснить с ним, это самый подходящий момент.

Я развернулась на каблуках и припустила за ним следом.

Нагнала его на пороге дома.

– Что происходит? Стой!

Он застыл и резко развернулся:

– Что?

– Это я хочу знать! Что происходит, в конце концов?

– Между кем?

– Между мной и тобой? Почему ты бежишь от меня как от чумы?

– Тебе показалось. Мир знаешь, не вертится вокруг тебя одной!

– Но мой мир вертится возле тебя, неужели ты не видишь?

– Между мной и тобой ничего нет, Катерина. Абсолютно. Пожалуйста, прекрати истерить.

– Ничего нет? Даже так?

Я не из тех, кто отвернулся бы и пошел лить слезы. Нет. Я другая. Поэтому я подошла к нему вплотную и прошипела:

– Нет, есть. Между мной и тобой. Не ври сам себе.

Испепелив друг друга глазами, я повернулась, чтобы уйти. А меня схватили в охапку и почти впились в мою красную помаду жадно, нетерпеливо. Я хотела взрыва, получите распишитесь. Даже в своих мыслях я не могла представить настолько, давно он копил в себе эмоции, строя одну плотину за другой, дамбу за дамбой, пока весь самоконтроль не полетел к чертям. Да и какой тут самоконтроль?

Я всегда получаю, что хочу. И пусть платье бесстыже задрано, а губы саднило и кровоточило, пусть.

Ответом на все мои вопросы его прерывистое дыхание на моей вспотевшей шее.

– Прости меня, – прошептал Алекс, бережно отпуская мое бедро вниз. На нем еще долго будут гореть отпечатки его пальцев. А мне хотелось лишь касаться его волос, цвета черной смородины, накручивать их на тонкие пальцы и тянуть к себе, для очередной доли поцелуев.

– И за что ты извиняешься? – я искала на ощупь туфли, куда они пропали за пару минут?

– Я не знаю. За все, наверное.

Я выпрямилась и уставилась на него, стоящего неподвижно, держащего руки в карманах.

– За свое поведение? Вот за сейчас?

– И за это тоже.

Хотела прильнуть к нему, а он ведет себя как... Как обычно. Этот поцелуй ничего не значит. Не для него... Всего вспышка.

Глава 80. Сыграем на желание

Оксане, да было одиноко. Леша подал на развод и не появлялся в ее жизни. Никиткой не интересовался. Она пробовала найти к мужу подход, хотела объяснить, он не дал ей этого шанса.

Женя подошел к ней и сочувственно произнес:

– Хочешь, я поговорю с ним?

– Нет, он не станет слушать. Ни меня, ни тем более тебя. Мы оба предатели, ты же знаешь его.

Да, Леша еще тот моралист. Ему нужно время и поэтому его оставили в покое.

Алекс

Она невозмутимо отправилась восвояси, больше не сказав ни слова. Я смотрел ей вслед, она возвращалась к гостям, к свету, босиком. И не оглянулась. К лучшему.

Я пошел наверх, Ольга Ивановна попала мне на лестнице, приложила палец к губам и прошептала:

– Уснули. Спокойной ночи.

– Спасибо, спокойной ночи, добрых снов.

Не стал заглядывать в детскую, чтобы не дай Бог разбудить детей. Их всегда сложно уложить, особенно мне, не имеющего никакого опыта для обращения с крохами. Сложности начнутся, когда мы с маленькой Викторией останемся вдвоем.

Я отправился в душ. Глянув в зеркало, непроизвольно расхохотался. Красная помада размазана по всему лицу. Удивительно, что Ольга ничего не сказала. Хотя быть может, мое то замечание прозвучало не совсем уместно.

Контрастный душ привел мысли в спокойное состояние. Спать расхотелось окончательно. Выйдя из душа, я оделся и пошел в кабинет, немного поработать, где и обнаружил не совсем трезвых Женю и Катю, играющих в карты.

– У вас что— то тут тайное общество любителей— полуночников?

– Присоединяйся, – Женя хлопнул по полу.

Катя улыбнулась. Причину их уединения можно не выяснять.

Машины Женю нет на месте, Леры в спальне, как следует тоже. И эти двое не могут найти другого утешения, кроме алкоголя.

– Сыграешь с нами? Мы играем на желания. Катя уже кукарекала. А я весьма фальшиво пел.

– Я пас. Может и вам уже пора баиньки?

– Она пошла с ним в кино. Вот взяла и пошла. Сеанс закончится через, – Женя вскинул руку и посмотрел на часы, – Час. У нас еще час. А потом мы пойдем их встречать.

– Ладно, раздавай.

Мы проиграли в карты почти час, когда Лера вернулась.

Сергей, видимо совсем без тормозов, раз проводил ее аж до порога. Удержать Смирнова мог бы пожалуй бронепоезд. И то навряд ли. Зная, они обязательно рассорятся, мы с Катей остались вдвоем.

– Сыграем еще раз? – девушка перемешивала карты. Я внимательно следя за ее ловкими движениями кивнул.

– На что играем?

– На желание. Мое такое: мы с тобой уедем Куда-нибудь на пару дней. Только ты и я. Сходим в кино, театр, ресторан, куда угодно. И тогда я спокойно тебя отпущу. Туда куда ты хочешь уехать. Идет?

– А мое желание?

– Чтобы я от тебя отстала? – Катя заметно сникла.

– Нет. Мы можем сделать это и без глупой игры в карты. Хочешь поедem хоть завтра вечером.

– Так хочешь от меня избавиться? – грустно протянула девушка.

– Нет, хочу провести время с тобой, – прошептал я. Катя радостно взглянула на меня и сердце сделало сальто. Раз она так хотела, мог ли я ей отказать? Даже в такой малости?

– Тогда до завтра, – прошептала она в ответ и зардевшись, смущенно улыбнулась. Я взял ее за руку и провел по нежной коже ладони кончиками пальцев.

– До завтра.

Женя

Я ждал ее около двери, готовясь выскочить из дома и наброситься на этого парня. Какого черта она копается и не идет домой?

Наконец Лера вошла в дом и нахмурилась, увидев мрачного меня.

– И как кино?

– Нормально. Я думала, ты уже спишь.

– Нет, как видишь. Понравилось, значит. Он тебя трогал?

Лера остановилась и с отвращением произнесла:

– Ты пьян.

– И что с того? Так что?

– Тебе какое дело? Даже и трогал! Может, я его трогала, что с того? Тебе что с того? Ты мне кто?

– Я твой. Разве этого мало?

Она попробовала уйти, а я схватил ее за руку.

– Отвали от меня, Смирнов. Проспись сначала.

Я продолжал держать ее за руку.

– Ты делаешь мне больно! Пусти!

Лера начала вырываться и на мою попытку поцеловать ее, залепила мне пощечину.

Тут же нас разняли Алекс и отчим. Последний забрал меня в комнату, а Леру увел Алекс.

Глава 81. Грани морали

Катя

Я собрала вещи быстрее, чем следовало. Предвкушение сильнее будоражило. Мысли забегали далеко, оттого я не успевала сосредоточиться на них.

Петя молча наблюдал за мной, порхающей от шкафа к сумкам.

Он не имел на меня никаких прав и знал об этом. Простила ли я его? Мне все равно. Не в его власти причинить больше боль.

Напряженно наблюдая за чем, что я собираю с собой, он все же не выдержал и высказал:

– Я не понимаю для чего тебе это.

Я пожала плечами. Ему никогда не понять, разве стоит это объяснять? Да и его мнение не особо волновало.

– Если это месть за измену. Стоит ли так изощряться? Сделайте это здесь. Зачем куда—то уезжать?

– А мне неудивительно твое непонимание. Отношений когда разрешена измена, мне не надо. Это не месть, слава Богу. Я сама этого хочу.

– Ты нормальная? При мне говоришь, что хочешь другого?

– Я уже сказала, ты не поймешь. Я хочу просто уехать и провести время. Отдохнуть.

– Зачем тебе тогда Алекс? Поехали со мной. Я увезу тебя куда захочешь.

Тяжело вздохнув, я села рядом с ним.

– Я никогда не была в Диснейленде.

– И что? Он твой Диснейленд? Какие странные у тебя ассоциации.

– Нет.

Я не знала, как объяснить ему.

Мне хотелось узнать мир, увидеть, почувствовать. Его глазами. Я хотела понять. Меня невыносимо влекло к этому странному человеку. Словно он Земля, а я Луна. Борьба с притяжением невозможно.

Прежде чем окончательно испортить жизнь себе, я хочу увидеть какой она может быть.

– Значит, ты все же решила меня не прощать?

– Я решу, когда вернусь. Хорошо?

– Хорошо.

Петя

Разумеется, справиться с ревностью, не поранив себя, тяжело. Но я понимал, ей это нужно.

Хочет уехать, значит, это ее право. И думаю, что готов мириться с этим.

Она уже давно все решила. Просто боится признаться самой себе.

А я вижу, как они смотрят друг на друга. Не плотоядно.

А с жадной. И каждый раз она иссушает их обоих.

К сожалению, я не собираюсь бороться. Я не чокнутый Смирнов, вцепившийся в одну единственную.

На мою долю хватит женского пола. И все же... Все же смотря как Катя садится в его машину, я ощутил укол зависти. Естественно, он богат, умен, и в отличии от меня умеет

работать. Он с другой стороны. Мне крыть нечем. Удар по самолюбию. И нечем крыть.

К слову, Алекс пытался поговорить со мной. Разговор не удался, пускай он и хотел расставить все точки над и. Я не хотел. Лишь дал понять, их отношения с Катей меня не волнуют, как и сама Катя.

Мы больше не друзья, и я не знал, что до сих пор делать здесь.

У каждого из них теперь существовал человек, которому нужен. Алекс и его дочь, Женя и Лера, их 4 детей, Катя, которая нашла смысл в Алексее. А я? Кому я нужен? Никому. Никому в этом большом доме я не нужен.

Алекс

Я тоже собирался. Мама Оля легко отпустила нас. Кажется, наши отношения с Катей волновали не только собственно нас. Тяжело оставлять ребенка, совсем еще крошку. Может, это шанс для будущего?

Что брать с собой? Нет конкретного плана. Я не успел ничего придумать за ночь. Буду импровизировать.

Телефон мигнул экраном. Сообщение от любимой сестренки:

«Нам надо встретиться. Это важно».

Мне хотелось одного: послать ее к черту. Хотя подозреваю, этим ее не удивишь.

«Я не шучу. Не приедешь, пеняй на себя, дядя».

Я разозлился. Придется заехать к ней, перед поездкой.

С Катей мы встретились внизу, взяв у нее сумки, нервно улыбнулся. Она ответила мне счастливой улыбкой.

Хотелось обнять ее и никогда уже не отпускать.

– Мне надо заехать кое— куда. Поедешь со мной сразу или я могу заехать позже за тобой?

– Вот еще. Подожду в машине.

Она потянулась ко мне для поцелуя, и я не смог удержаться. Тяжело держать себя, свои чувства, эмоции под постоянным контролем. В присутствии этой девушки оборона не действовала. Одна сплошная капитуляция.

Катя

Алекс мягко остановил машину и, поцеловав на удачу еще раз Катю, вышел и отправился к дому Королевых. Дверь в этот дом давно закрыта для него и приглашение на разговор настораживало.

Встречи с любимой сестрой хотелось избежать, правда, на ее стороне везение. Или его личное проклятие?

Он вошел в дом, прошел в гостиную и замер, заметив Веронику.

Та улыбнулась ему давно забытой улыбкой. О, она ему знакома.

Сестренка улыбалась так, задумывая величайшую гадость в своей жизни. Спокойно. Навряд ли Ника решила испортить ему настроение. Тут что— то другое. Более зловещее.

Ника подошла к нему вплотную и протянула лист бумаги.

Недоумевая, Алекс взял его и углубился в чтение. Воздух. Его вдруг стало катастрофически мало. Не только в легких, а во всем мире

– Каково это братец? Я хочу знать, что ты ощущаешь теперь? Теперь ты по— настоящему счастлив?

Алекс побелел и закрыл глаза.

Счастье находилось в его руках непродолжительное время и снова утекало сквозь пальцы. Мифическое. Грязная и обезображенная любовь. Его любовь как величайший из грехов общества, не принимаемый и не прощающий.

Перед глазами промелькнуло лицо Кати, черты которого он знал, как свое собственное. Полные нежные губы, глаза, смотрящие на него. И все лопнуло. Исчезло в один момент.

Племянница и дядя. Какое на свете общество способно принять такие чувства и возможно ли такое в принципе? А самое важное, способны ли они оба принять себя, родственные связи и при этом остаться не прежними, нет, собой? Способны ли остаться свободными между собой?

Он не сможет. Не потому что данная связь порочна в проявлении и идет в разрез с его жизненными устоями и принципами. Не сможет. Потому что барьер между ними отныне непреодолим. Это не преданный муж, не брошенные дети, не ложь. Тут другое. Более пугающее. То к чему ни он, ни она не готовы. И навряд ли будут когда—нибудь.

Ника молча наблюдала за борьбой, мелькающей на лице сводного брата. За то время, что она его знала, он всегда оставался для нее неразгаданным. Чистый, благородный, и легковверный. Полная противоположность ей самой: воплощением порока.

Еще не до конца разобравшись в ситуации, она понимала, Алекс проиграл. Сдался. Отступил. Не будь так, он один мог усмирить ее. Мог. Но это в прошлом. У него хватит благородства и силы воли оставить Катю в блаженном неведении, но не хватит сил остаться с ней рядом. Значит, минус два противника. Всего одна маленькая ложь. И полная капитуляция.

Ника не стала его добивать. Победа далась легко. Сейчас он уедет, освободив ей путь. Вернее, не мешая больше.

Алекс еще раз пробежал глазами документы и мрачно усмехнулся:

— Великолепная подача, сестренка. Была бы шляпа, я ее все равно не снял. Чего ты хочешь?

— А ты? Я лишь хочу оградить тебя от ошибки. Ведь она моя дочь. Я хочу узнать ее поближе.

— С чего бы это? Что за родственные порывы? Да я тебя на пушечный выстрел не подпущу к ней!

— Я хочу денег, Алекс. Ты же у нас богатенький Буратино. Дай мне денег и я ничего никому не скажу.

Алекс, прищурившись, посмотрел на сестру. Зря он сюда приехал. Хотел помочь племяннику и вот во что все это вылилось.

— Ладно, я переведу. Что—то еще?

— Нет, мне вполне хватит, если ты не поскупишься.

— Вероника, я тебя понял. Но и ты пойми меня. Подойдешь к ней или даже подумаешь об этом, и я лично вернусь и сверну тебе шею.

— Главное, чтобы ты держался от нее подальше. А я как-нибудь продержусь.

Брат вышел, терзаемый собственными демонами. Один его взгляд не понравился ей. Что—то проскользнуло в его глазах...

Катя

Он сел в машину и буквально превратился в ледяную статую. Вроде это тот же человек,

те же глаза, тот же голос. Но это не он. Оболочка.

– Что— то случилось? Мы никуда не едем? – осторожно спросила я.

– Едем. Все нормально, Катерина.

И все. Больше ни слова за всю дорогу. За все 5 часов дороги. Машину вел манекен, робот, чужой человек. Я в полном недоумении закусила нижнюю губу. С чего такая резкая перемена? Полчаса назад мы целовались и... Да что случилось?

– Ты так и будешь молчать?

Алекс даже не взглянул на меня:

– О чем ты хочешь поговорить?

– А ты? Расскажи, что случилось. К кому ты ходил?

– К сестре.

– Разговор не очень приятный?

– Можно сказать и так. Слушай, мне надо заехать в банк. Подождешь? А потом поедem дальше.

– Ладно, – согласилась я.

В банк он ушел, не прикоснувшись ко мне больше. Хотя я пыталась притянуть его к себе за воротник. И проиграла. Он отшатнулся от меня как от чумы. Что в конце концов происходит?

Глава 82. Мой недружелюбный парень

Лера

Проснувшись сегодня утром, мне не хотелось покидать уютную белоснежную кровать. Сегодня я спала одна. За долгое время с наслаждением потянулась в кровати, чувствуя, как приятно задвигались мышцы.

Детей дома не было, родители ушли гулять, Алекс и Катя уехали еще с утра.

Мы с Женей остались вдвоем в большом опустевшем доме. Запихав в себя пару печенек и запив их чашкой кофе, я отправилась на поиски парня, раз настроение хорошее.

Женя нашелся в подвале, колотил грушу. Бисеринки пота скопились на идеально гладком торсе, вдоль позвоночника на накаченной спине. Парень не ожидал увидеть меня, в просторной футболке, спальных шортах.

– Давно здесь? Кофе не хочешь? – несмело спросила я.

Парень посмотрел на меня с жаром, исподлобья. Жаль, что ночью я не вижу его красивого лица с острыми скулами и пухлым волевым ртом. Воспоминания вызвали смущение. Мы не спали вместе с той ссоры, и я скучала по нему.

– Я хотел еще тут побыть, но, если настаиваешь, через минут 20 поднимусь.

Я ждала его за круглым столом, от нечего делать задумчиво раскладывала кубики рафинада на салфетке.

Парень заявился через полчаса свежим, с не до конца высохшими светлыми волосами, лежавшими в идеальном беспорядке, в серой футболке, в просторных серых штанах с широкими лямками, свисающими по бокам. Он громко плюхнулся на стул, пододвинув к себе остывший кофе.

– Чем займемся сегодня? – спросила я несмело.

Парень сделал большой глоток кофе и поморщился:

– Лично я поеду по делам.

– Я думала, что мы побудем вдвоем, раз малых забрали твои родители.

– К чему? Лер, я понимаю все, правда. Но мы вроде все решили, так? Не стоит притворяться передо мной. Я прошу искренности, а ты опять врешь мне. Не стоит хвататься за меня и делать одолжение из— за моих к тебе прошлых чувств. Все будет хорошо, ты же знаешь, я рядом с тобой, но больше никакой лжи между нами.

– Ты меня больше не любишь? – жалобно вырвалось у меня. Парень горько усмехнулся.

– Не нужно делать вид, что тебе это важно. Будь собой и позволь мне делать также. Что было между нами, пусть останется. Мы можем жить спокойно друг от друга, не причиняя боль. Прости, – тихонько произнес Женя, избегая моего взгляда.

Я ощутила свою потерю. Он рядом, но и далеко от меня. Странно слышать от него имени эти слова, столь долгожданные мной. И теперь сказанные им, облегчения они не принесли. Одиночество, тоска по минувшим дням затягивали на чёрное дно. Я сама во всем виновата, все испортила. Почему люди поступают низко по отношению к тем, кого любят?

Я эгоистично требовала от него полной отдачи, оплакивая потерянную любовь. Неудивительно, он не хочет иметь со мной никакого дела. Он надеялся быть со мной, любить, а я снова нанесла его сердцу кровоточащие раны. Поэтому он закрылся, спрятался от меня. Может и нет никаких чувств уже?

– Я не хочу расставаться с тобой, – тем же тихим голосом произнесла я, еле сдерживая

предательские слезы.

– Чтобы расстаться, нужно хотя бы день повстречаться. Это я так к слову. Мне нужна ты вся целиком, и ночью, и днем. Мне мало тебя в одно время суток.

– Ты не можешь требовать от меня этого.

– Правда? Тогда почему ты требуешь меня всего без остатка? Забираешь себе все, ничего не давая взамен. Я не могу постоянно наполнять свою любовь смыслом, я лучше буду беречь ее в глубине своего сердца, чем отдам до самой последней частички, – быстро проговорил Женя и закусив губу, вышел из кухни.

Слова застыли на моих губах. Что я должна была сказать ему? Каких бы он слов не ждал, я не могла произнести их.

Два часа я провела в гордом одиночестве. Женя появился к обеду, мы в молчании пообедали и разошлись по своим комнатам, поэтому когда приехали его родители и дети, я образовалась их приезду.

Тем же вечером, уложив не в меру расшалившихся детей, мама Оля позвала меня пить чай. Вдвоем усевшись с кружками чая с мятой, некстати напомнив запах Женьки, его мама принялась расспрашивать как мы провели время. Похоже, ответы не ее удовлетворили. Напоследок она сказала:

– Я думала, если оставить вас вдвоем, вы помиритесь, все произойдет само собой и станет как раньше.

Жаль ее разочаровывать. Пожав плечами, мол, не виновата я, ушла спать.

Раз общения между нами не вышло, я проводила все время с Сережкой. Слава Богу, он приехал на все лето. В детстве мы были неразлей вода. Наши отцы учились вместе, вместе служили, свадьбы праздновали в один день, неудивительно, что мы стали друзьями еще с колыбели. Все мое детство связано с ним, первые шишки, синяки, крыши домов, разодранные коленки. Мы проучились в одном классе до девятого. Затем мой лучший друг уехал. Первое время мы переписывались, связь потом прервалась. В детстве и вплоть до своего отъезда Сережа был полным, а сейчас он весьма хорошо выглядел. От того пухлого и смешного мальчишки остались неизменными улыбка и доброе сердце.

– Почему ты не женился до сих пор? – спросила, как— то я.

– Не знаю, у меня была девушка, но перед отъездом мы расстались. До детей как— то дело не дошло, – Сережа грустно улыбнулся.

Мы сидели на лужайке возле дома Смирновых, вытянув босые ноги. Дети спали в шезлонгах, под зонтом, надежно защищающих их от солнца.

– Знаешь, пальцев у тебя, как и прежде 10, – вдруг заметил парень.

– Да, все как прежде, – сдерживая улыбку, я согласно произнесла.

Парень протянул мне руку и наши пальцы переплелись. Под солнышком, греющим нас, плохое отступало. Свет рассеивал тьму в моем сердце, сбрасывал оковы, сковывающие его. Впервые за долгое время я почувствовала себя свободной.

Сережа продолжал держать меня за руку, задумчиво теребя свободной рукой траву.

– Знаешь, с тобой я снова маленькая.

– С тобой я сам свой. Ты моя сестра, помнишь, мы клялись на крови?

Я улыбнулась, вспомнив тот день на залитой солнцем кухне, мы торжественно обменялись капельками крови, закрепив нашу дружбу. Нам было по семь лет. Сережа носил большие, круглые очки и мешковатую одежду. Мы ели по вечерам макароны с сыром по очереди у друг друга. В то время наши отцы крепко заливали за шиворот. Мы были никому

не нужными, но не испытывали неудобств. Ведь мы были у друг друга, а большего нам ничего не нужно было.

Удивительно, насколько крепки узы дружбы, связывающие вас с детства, того самого наивного, чистого, свято верящего в чудовищ под кроватью и в шкафу.

Такие узы покрепче лески впиваются в кожу, не нанося ей вреда, но оставляя неизгладимый след в душе. Тогда ваши сердца – одно целое и бьются как одно, пылая. Мне не хватало друга, самого первого и самого родного. Наконец, он снова со мной.

– Он следит за нами.

– Кто? – я вертела головой по сторонам, но никого не видела.

– Твой недружелюбный парень. Раз пять подходил к окну на кухне.

– Не обращай внимания, он не мой парень.

– Что тогда между вами? Ты рассказывала про своего мужа, про детей, а про ничего, кроме того, что живешь у него. Почему?

– Мне больше некуда пойти, ты же знаешь. Тем более уйди я отсюда, будет чудовищный скандал.

– Это его дети?

– Нет, они мои. Хочешь перекусить? Можем пойти в кафе, здесь пообедать нам вряд ли дадут.

– Пошли, я не против. Давно не был в любимом городе, тем более в кафе, – Сережа рассмеялся, приподнимаясь с травы. Он подал мне руку и помог подняться, силы в нем заметно прибавилось.

– Я заскочу домой, переоденусь во что— то подходящее.

– Хм, для кафе нашего ты прилично одет, а вот мне надо что— то иное. Подожди меня, я отпрошусь и переоденусь.

– Ок, герла, я тебя жду.

Я вприпрыжку бросилась в дом и наткнулась на хмурого Смирнова, державшего руки, скрещёнными на груди.

– В этом доме, что уже не приветствуют друг друга?

– Сам виноват, приехал, поглядел букой и ушел в дом. Но если ты настаиваешь, то привет.

– Спасибо. Куда собралась?

– Я в кафе, пообедаем с Сережкой и вернусь. Хорошо? Могу взять с собой девочек.

– Ага, как же. Идите вдвоем.

– Спасибо, что разрешил.

– Я тебе никто, чтобы что— то запрещать или разрешать. Сама справишься.

– Ага. Ну я тогда пошла.

– Лера? – позвал меня парень и на мгновение я снова увидела его прежнего с любовью в глазах. Обманчивое явление, на лице снова безразличное отношение к происходящему.

– Что? – я стояла на несколько ступенек выше него и смотрела сверху вниз.

– Ничего, может, стоит носить платья подлинней? – добавил он сдавлено, смотря на мои ноги. Взгляд его глаз скользил от моего лица к ногам.

– Надень на меня еще паранджу и запри в комнате.

– Я не это имел в виду, ты все же молодая мать, а он мужчина, хоть и страшный.

– Неудивительно слышать от тебя такое, – я повернулась к нему спиной, ноги приготовившись сделать шаг, пронеслись мимо ступенек, и я едва не упала, но сильные руки

подхватили меня.

Наши тела соприкоснулись, и парень крепко прижал меня к себе. Он зарылся лицом в длинные и густые волосы и сжал меня еще сильнее.

– Эй, кто же обещал мне, – попробовала запротестовать я, но не успела. Его губы впились в мои с утроенной силой требуя ответа.

Поцелуй длился долго, с накопившейся в нас обоих страстью, желанием. Я впилась в его спину обломанными ногтями, которые никак не могла привезти в порядок.

По телу Жени пробежала мелкая дрожь. Он подхватил меня и усадил на тумбочку с журналами, стоящую возле лестницы.

Платье задралось наверх, мысли спутались, перемешались. На свете остались лишь мы вдвоем.

Женя первым отстранился, тяжело дыша, пронзая меня горящими глазами. Ему сравнительно не терпимее оторваться от меня.

Я открыла было рот, но тут же прикусила губу и бросилась наверх.

Вниз я боялась спускаться, боялась вновь наткнуться на ту часть жизни, которая мне не принадлежала. Переодевшись в простые джинсы и футболку я с опаской выглянула из двери спальни и осторожно спустилась вниз. В гостиной Женя перебирал струны гитары, я замерла, вроде пронесло, он меня не заметил.

– Ты можешь поехать со мной, – предложил Сережа в кафе.

Кусок блина едва не выскочил из меня.

– Я? Но – начала говорить я, парень меня перебил.

– Ты и дети. Можете пожить у меня, жизнь наладится, ты увидишь.

– Я не хочу никуда уезжать, ты мой друг и все такое, но я не готова сорваться, все бросить и уехать.

– Я же не замуж тебе предлагаю.

– Разве нет?

– Ты везде видишь романтическую подоплеку?

– Мне надо подумать.

– Дело в твоём Жене?

– Он не мой.

– Тогда почему ты не хочешь ехать?

Я не выдержала и рассказала все, что относилось ко мне и Смирнову.

Сережа не прерывал поток слов, сосредоточено жевал салатные листья. Ему бедному приходилось сидеть на строгой диете, иначе он тут же как по мгновению волшебной палочки превращался в тыкву.

– И я не знаю, как поступить.

– Прости, но нельзя сразу любить двоих. Второй бы не появился, если ты любила первого. Не обижайся. Отпусти его, пусть он начнет свободно дышать. Ты паразитом, плющом обвилась возле несчастного парня и душишь его. Почему ты раньше не поговорила с ним? Давала и поощряла его порывы? Возможно, я не прав, ты можешь не согласиться со мной, но ты весьма эгоистична. Отпусти его, если вам предназначено быть вместе, ты это поймешь. Тем более если ты сама не знаешь чего хочешь.

– Мне нужно съехать от него?

– Конечно, пусть парень задышит свободно. Вы не в браке, а живете в одном доме. Я бы

уже давно съехал. Могу помочь с вещами.

– Он меня не отпустит. Я поговорю с ним сегодня, – пообещала я. Сережка подмигнул мне и подозвал официантку.

Разговора не получалось. Женя категорически отказался говорить со мной на эту тему и психанув, уехал.

– Он хочет быть с тобой, даже после всего еще верит, что ты можешь ответить ему да, – выразила свое мнение Варя.

– Я не хочу говорить ему да. Я хочу начать все сначала, без напоминаний о плохом.

– Неужели мой брат вызывает у тебя исключительно плохие воспоминания? Чем он заслужил такое отношение к себе?

Варя сидела рядом со мной на диване и испытующе смотрела на меня. Наши отношения улучшились после рождения малышей, чувствую, сегодня они резко снова ухудшатся.

– Хотя ты права, уезжай и чем дальше, тем лучше. Уезжай, быть может он смирится. Заживет спокойно.

– Можно подумать, сейчас он живет беспокойно.

– С тобой— то проживешь, – укоризненно ответила Варя.

Глава 83. Я хочу знать, откажешься ли ты от меня

Алекс

Я зашел в банк и пока ждал, позвонил Жене и поделился своими сомнениями. Тот, естественно не поверил ни единому слову Ники и обещал позвонить отцу.

– Ты знаешь, он говорил, что не знает ее. Поэтому если ты сомневаешься, тест— днк в помощь. Иначе никак не проверить.

– Да. Но как я объясню это Кате?

– Скажи правду. Правда всегда лучше лжи.

– А если это правда? Что тогда?

– Насколько я могу предположить, в этом лишь моральная сторона жизни и детей общих лучше не заводить. А так. Мнение самой Кати тоже нужно выслушать.

– Ладно. Я позвоню, как все выясню.

Деньги сняты, и я вернулся в машину к Кате. Она надулась и я вполне понимаю ее чувства.

– Кать, мне нужно поговорить с тобой, пока все еще не стало слишком сложным.

– Я так и знала. Знала, что этим все и закончится! – вспыхнула девушка.

– Что это? – догадываясь о ее негодвании переспросил я.

– Ты. Я тебе не подхожу. Да?

– Подожди. Ты меня неправильно поняла.

– А как тебя понять? То ты целуешь меня, то такой холодный и мрачный, словно я противна тебе.

Я задержал дыхание и выпалил:

– Мы с тобой возможно родственники

– Что?! – Катя выглядела потрясенной.

– Моя сестра. Она утверждает, что ты ее дочь. Значит, я тебе дядя.

– Она моя мать? Но почему я тогда оказалась в детском доме?

– Не знаю. Ника была беременна после Руслана и Милы. Только в родах девочка умерла.

Я знаю, потому что мама говорила мне об этом и показывала фото беременной Ники.

– И как такое может быть?

– Я не знаю. Мне надо подумать. И покурить.

Катя выбралась из машины и облокотившись на капот, закурила. Я встал с ней рядом.

– Будем делать тест? Сколько это времени займет?

– День— два.

– Я хочу узнать. Сейчас. Чтобы там не показал этот проклятый тест, моих чувств он не изменит. А твои? Я хочу это знать сейчас.

Она просила ответа, который я не хотел давать. Изменит ли тест мои чувства? Нет. Но он изменит мое восприятие. Изменит меня самого. Есть на свете принципы, устои. Катя плохо меня знала. А точнее не знала вовсе. А знал ли я себя?

– Кать.

Естественно, она меня нетерпеливо перебила.

– Ты должен мне сказать. Я хочу знать. Если все окажется правдой. Ты откажешься от меня? Ради своих идеалов, морали, нравственности?

Мне нечего ей ответить. Я лишь смотрел ей в глаза, которые наполнялись слезами. И

даже когда они потекли из глаз, я не раскрыл рта. Не позволил себе и прикоснуться. Мой бедный несмышлениш.

Хмыкнув носом, она залезла назад в машину. Я докурил и мы продолжили путь в полном молчании.

Ответ нам обещали дать завтра. Катя отказалась от ужина и всех развлечений, а я не стал настаивать. Мы сняли два разных номера, и кажется, этим поступком я оскорбил ее еще больше.

До утра со мной оставались пачка сигарет и бутылка виски, да еще бессонница.

Моя первая жена Натали умерла от передозировки, выйдя после лечения. Стоило выпустить ее из больницы, и она тут же сорвалась. Супермодель, девушка с обложки, актриса и законченная наркоманка, которую я не смог спасти.

Вика. Умерла в родах, подарив мне дочь. И снова я не успел ничего сделать.

Катя. Стоило мне полюбить, как любовь уплывала от меня.

Подвергалась опасности. Было ли это проклятием или просто совпадением? Не хочу выяснять. Я лучше буду знать, что она счастлива и жива. Пусть не со мной.

Плевать на тест, плевать на Нику и весь бред, что она несет. Плевать.

Катя

Я не спала. То подходя к двери, то снова меряла шагами номер. Отец мне не отвечал. Я оставила ему десятки сообщений и впала в истерику.

Честно, моральная сторона меня не волновала. Мне все равно. Желание быть с ним затмило все. Детей я не планирую совсем, а у него уже есть дочь. Зачем нам еще? Мы можем уехать куда угодно, где нас никто не знает и можем начать все заново. Вдвоем. Я готова бороться за него, но вместе с ним. Рука об руку. Только понимаю, такой вариант не для него. Если он и любит меня, то явно недостаточно для подобного шага. Он откажется от меня. И я ничего не смогу сделать.

Какая мать? Я ничего не знаю о материнской любви и судя по выражению той стервы, которую застукала я с Петром, данное чувство тоже ей незнакомо. И не похожи мы. Вот на отца я похожа. А на эту дрянь нет.

Я вышла из своего номера и застыла в нерешительности возле его двери. Подняла руку и приготовилась постучать.

И вдруг остановилась. Что я ему скажу? Ведь призналась в своих чувствах, а он промолчал. Это ли не ответ?

Постояв еще пару минут, я развернулась и было направилась к себе.

– И чего тебе не спится? – прошептал Алекс. Он вышел в коридор, подошел ко мне.

– Не мне одной как видимо.

– Я полуночник. Для меня это норма. Все пошло не так, как мы планировали, да?

– Есть время все исправить. Ты знаешь.

– Я немного нетрезвый. Поэтому во избежание недоразумений, пора отправляться спать. До завтра, Катерина.

– До завтра, Саша.

Утром мы встретились за завтраком. Не одной у меня была беспокойная ночь. Молчание продолжалось и черт знает, что творилось с нами двумя. Мы горим в собственном аду, не протягивая друг другу и кончиков пальцев. Какого это, когда тебя пытаются оградить от себя? Я знаю. Ведь тот же огонь бушует в моих венах и причиняет боль.

– Хочешь сходим куда— нибудь? Пока ждем?

Я не успела ответить. Зазвонил телефон у Алекса и он принял вызов.

– Привет, – выдохнул он в трубку и уже мне прошептал, – Это Лера.

Разговор недолгий. Закончив, Алекс пару секунд помолчал, потом вновь прошептал, побелев:

– Мы возвращаемся. Оля и Юра попали в ДТП. Мне так жаль. Все. Не спасли.

Он протянул ко мне руки, и я буквально упала к нему, вцепилась и заревела.

Глава 85. Попроси у облаков

Лера

Горе всегда накладывает свой отпечаток. И говорят, беда никогда не приходит одна.

Сейчас он висит на телефоне, организуя похороны родителей, делает хоть что— то, лишь бы не сдаваться. И я вижу, чего ему это стоит. Он бледен, едва стоит на ногах. И продолжает быть опорой для всех. Оксана ревет в гостиной, я пытаюсь собрать детей в кучу. Варя не выходит из своей комнаты.

Петя тут, хотя собирался уезжать. Он мерит шагами коридор, держа Женю в поле зрения.

И когда Алекс приезжает с Катей, Женя позволяет себе расслабиться.

В жизни рядом нужен рядом еще кто— то более сильный, чем ты сам. Небо падает на твои плечи и под этой тяжестью ты неизбежно сгибаешься. Давление растет, а сил в руках все меньше и меньше...

Папа Юра и мама Оля поехали за продуктами, они всегда по субботам закупались. Дом большой, семья тоже, поэтому в субботу они выбирались в город. Ничего не предвещало беды. Наоборот мама Оля веселая, обещала испечь пирог. Вчера мы с ней разговорились на счет Кати. Она ей нравилась. И Алекса она знала давно, пускай и не так близко. Но за эти два года мы все желали ему счастья. И честно, отпуская их на три дня, мы все верили, будем гулять еще на одной свадьбе.

Все случилось быстро. Они ехали за фурой, груженной щебнем и ту занесло и несколько тонн щебня буквально засыпало наших родителей. Спасти их жизни было невозможно...

Стоило Кате переступить порог дома и увидеть Петра, она бросилась к нему на шею, заливаясь слезами.

Я успела увидеть выражение лица Алекса, и в этот момент все стало понятно.

Алекс аккуратно забрал телефон из рук Жени и подозвал меня:

– Уведи его. И будь с ним. Дальше я сам.

Я взяла несопротивляющегося парня за руку и вывела на улицу.

Теплый летний воздух. В такое время, время сумерек, не верится в дурное. Не верится, что твоя жизнь может прерваться самым ужасным образом.

Чья— то машина въехала во двор и из машины вышла Вероника. В красном. С огромным венком в руках.

Женя поднял голову, и выражение его глаз мне не понравилось.

Вероника медленно шла к нам по садовой дорожке.

Я едва успела крикнуть Алексу, когда Женя сорвался с места. Наперевес брату кинулась Катя, и кто бы мог подумать, что такая с виду хрупкая девушка, сможет его задержать, хотя бы на пару секунд.

Ойкнув от неожиданности, Женя слегка замедлился и грубо оттолкнул сестру в сторону, на клумбу. Катя упала в огромные кусты роз и тут же поднялась на ноги, хватая парня за штаны, из дома выбежали Алекс и Петя.

Последний ринулся ему наперевес и первый получил удар по ребрам. Алекс успел захватить Женю и подставить ему подножку, парни упали вместе. Женька лягнул Алекса ногой и бросился на Веронику. Петя закрыл ее собой, поэтому удары посыпались на него.

Теперь и Катя, Алекс, Оксана, выскочившая из дома, оттаскивали его от нее. Бедный

Петя, несмотря на его телосложение, не мог справиться с яростью Смирнова.

Тот колотил всех без разбору, вырывался, рвался к ней, задыхался от ярости и ненависти к той, причинившей нам столько горя.

Втроем они скрутили Женьку и утащили в дом.

Я последовала за ними, осторожно оглядываясь на Нику.

Петя помог ей встать с земли и хорошо, что Женя не успел причинить ей большего вреда, чем извалить в грязи.

Алекс

Катя принесла мне лед, приложить к фингалу. Кто же знал, что Женя начнет размахивать руками. Я поморщился, почувствовав холод.

– Она уехала?

– Петя повез ее. Может, повезет и он скинет ее где—нибудь в озеро.

– Кровожадная ты, как погляжу.

– Она испортила мне жизнь. Пусть радуется, что я ей не повыдирала черные патлы.

Я усмехнулся и девушка, заметив мою усмешку, фыркнула.

– Я ведь могу уйти. И бросить тебя одного.

– Но ты же не настолько жестока.

– Я хуже.

Катя осторожно подула на вздувшуюся губу.

– Знаешь, с кровью на лице ты кажешься более реальным.

– А ты более совершенной. Тебе ведь тоже досталось. Позволишь мне?

Это соблазн и провокация. И я на 99 процентов уверен, она думает о том же.

– Хочешь, чтобы я разделась?

– Только для осмотра, – улыбаясь как дурак ответил я.

– У меня всего один синяк. И тот на локте. Для доктора ты слишком скрупулёзен.

– Я всегда такой. Просто ты меня плохо знаешь.

– Иногда мне кажется, я совсем тебя не знаю.

Я внимательно посмотрел ей в глаза. Ее взгляд погрузнел. В моих силах прогнать эту грусть с ее глаз, из ее сердца. В моих силах. Но я не сделаю ничего.

Аккуратно, едва касаясь нежной кожи я обработал перекисью маленькие царапины от шипов роз. Подул на них, наблюдая больше за реакцией Кати. Ее кожа покрылась мурашками и я едва не совершил ошибку. Мои губы остановились в миллиметрах.

– Не помешаю? Женя просит тебя зайти, – Лера просунула голову в проем двери и покраснела, увидев нас вместе. Странно, привыкать к новой роли намного сложнее, чем мне думалось. Мы легко перемещали границы, не задумываясь, как это выглядит со стороны. Хотя Лере ли нас осуждать?

Я оставил Катю и пошел к Женьке, сунув ватный диск с каплями крови в карман...

Глава 86. Без шансов

Алекс

Он сидел на полу в комнате родителей. Я опустился рядом.

Мне понятна его боль. Потеряв родителей в юном возрасте, сестра как единственный мой родственник взяла меня к себе. Полагаю, не из жалости. А из— за денег. Родители были баснословно богаты и мне как единственному наследнику принадлежало многое.

Ника польстилась на деньги, имущество и несколько лет я жил в ее семье. Не сказать, что эта жизнь была сказкой или окруженная семейным теплом. Нет. Разумеется, нет. Ника не знает, что такое семья. На людях она довольно успешно играет роль отличной хозяйки и любящей заботливой матери.

И только те, кто видел жизнь изнутри, знал насколько она лжива. Но таких людей было совсем мало. Подруг у Ники не было, она не терпит соперничества и конкуренции. Был только я. В 18 лет наконец я покинул этот дом и продолжал навещать племянников.

— Я бы убил ее, — твердым голосом, не терпящим возражений произнес Женя. Он не смотрел на меня, даже головы не поднял.

— Это не решит проблему. К завтрашнему дню тут будет полно народу. Много свидетелей. Давай сделаем все для родителей. А потом решим вопрос с ней. Я помогу.

— Ты обещаешь, что она заплатит?

— Да.

Смотря на него, я понимал, на какой грани он сейчас балансирует. Если не сдержать его сейчас, потом это не удастся. Поэтому я пообещал помочь.

И лично выкопаю для любимой сестренки могилку.

Где—нибудь в лесу.

Но не сегодня.

— Хочешь, я сам все закончу. Тебе надо отдохнуть.

— Я лучше займусь чем—нибудь. Иначе сойду с ума.

— Ладно, тогда пошли вниз.

Петя отвез Нику домой. Она раздраженно выскочила из машины и отправилась прочь. Он пошел за ней.

Ника прошла в дом и приблизившись к бару, налила себе выпить. Ее руки слегка дрожали. Петру она выпить не предложила

— Значит, ты с ними заодно?

— А чего ты хотела? Другой реакции? Хорошо, что он забыл про ружье дома. Чего ты приперлась?

— Я хотела проявить сочувствие!

— Ты и сочувствие? Это совершенно разные вещи.

— Да, мне хотелось сделать ему больнее. И заодно увидеть дочь.

— Держись от нее подальше.

— А то что?

— Ничего. Зачем тебе все это? Ты свободная, еще полна сил. Зачем портить жизнь себе и окружающим? Тем более брату. Почему ему? Он в чем виноват?

— Он не достался мне, не достанется никому!

Петя попытался забрать у нее бутылку и вскоре ему это удалось. Он отнес Нику в спальню и оставил ее одну.

Катю он нашел на кухне.

Девушка о чем задумалась, стоя возле стены. Ему хотелось подойти к ней и обнять.

Не до конца понимая, на что он способен ради этой худой и смелой девушки, Петя подошел к ней.

– Привет. Как ты?

– Привет. Все нормально. А ты?

– Все в норме. Что я могу сделать для тебя?

Катя молча уткнулась ему в плечо.

– Я прошу, оставайся моим другом. Пожалуйста. Я не могу сейчас выяснять отношения. Слишком все запуталось.

Петя вздохнул и прижал девушку к себе. Пусть так оно и будет.

Женя

На похоронах мы держались особняком, одинаково застыв без эмоций. Катя судорожно держала Петра за руку и подозреваю, это давалось не только ей тяжело.

Я. Я перегорел. Умер внутри. И не знаю насколько меня хватит. Лера стояла со мной рядом, и я благодарен ей за это. Без нее и детей моя жизнь не имела бы смысла.

Родители не должны хоронить своих детей. Это долг детей. И я выполнил его. Им еще бы жить и жить. А я не успел сказать им ни спасибо, ни что безумно люблю обоих.

Лера

Похороны прошли. Я ни на секунду не оставляла его одного. Дом опустел. Нет привычных звуков, даже детские голоса не спасают от тоски, которые громко просили Олю и Юру.

Варя не выходила. Алекс поднимался к ней с подносом, но она отказывалась от еды. Меня же она совсем не желала видеть.

Помогая на кухне Кате с завтраком для толпы детей, я почувствовала себя дурно.

Едва успела нагнуться над раковиной, когда меня вывернуло наизнанку.

Катя заботливо подскочила ко мне, роняя полотенце.

– Что с тобой? Ты вся зеленая.

– Все нормально. Плохо стало. Не обращай внимания.

Девушка пожала плечами и вернулась к детям, громко требующим свою порцию каши.

Меня вновь замутило и я, сдерживая рвотные позывы, налила себе воды.

Меня мутило теперь постоянно. И пока это ловко удавалось скрывать.

Еще один ребенок. Наш ребенок. И я не могла признаться. Не сейчас, когда он бесконечно занят. Честнее признаться, быть может это растопило бы лёд между нами.

Но с каждым днем я вижу в нем неотвратимые изменения. Это больше не тот парень, балагур и весельчак. Нет. Передо мной другой и все же родной и близкий.

Женя

Отец приехал после похорон. Не скажу, что удивлен. Букет белых роз едва пометился на могиле матери. И я знал, цветы от него. Теперь он приехал и стоял возле меня.

– Спасибо, – больше я ничего не мог ему сказать.

– Мое предложение еще в силе. Я готов помочь вам.

– Спасибо. Лучше скажи правду. Хотя я и так ее знаю. Почему ты соврал, будто не знаешь Веронику?

– Не посчитал существенным. Да и не знал, что она оказалась беременной. Она призналась, когда я уже сидел. Поэтому пришлось Кате ждать, пока я смогу ее забрать.

– Она говорила, что помнит свою маму. И кем была эта женщина?

– Она ее удочерила, а потом умерла. Так Катя и оказалась в детском доме, где потом я ее и нашел.

– Дерьмовым ты оказался отцом. Но не смотря на это, у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Помоги нам. Я хочу продать все и уехать. Всем вместе.

– Хорошо. Я позвоню, как будет все готово. И ты скажешь мне кто точно едет.

– Ладно. Жди звонка.

Отец помолчал еще немного и уехал.

Петя, наблюдая за Алексом и Катей, назрел для разговора. К Жене сложно подойти, и он все же рискнул.

Смирнов просматривал счета, делая пометки на документах.

– Я хочу спросить

– А? – Женя вопросительно взглянул на него.

– Что происходит между этими двумя?

– Это называется Любовь.

Петя с сомнением посмотрел на парня и вновь спросил:

– Тогда почему они не вместе?

– Разве? – улыбаясь, ответил Женя и кивнул головой в сторону Алекса и Кати. Те сидели в гостиной, он читал вслух, дети сидели полу кружком вокруг него, старшие раскрыв рот.

– Значит, у меня ни единого шанса?

– Ни единого.

– Но официально же они не пара. В чем проблема

– Проблема в Алексе. Я его знаю на протяжении вот уже лет 20. И поверь, это самый замороженный парень на свете на счет приличий. Особенно это касается семейных дел.

– Почему?

– Не мне рассказывать семейные секреты. Но поверь, если он победит своих демонов, это случится не скоро. И Катя будет ждать. Поэтому никаких у тебя шансов нет.

– Как у тебя с Лерой?

– Да. Как у меня, – он горестно вздохнул и больше не сказал ни слова.

Глава 87. Звереныш

Варя

Мне одиночество лечит раны. Мимо проходит время, пролетает листва за окном, а я тоскую. Тоскую по матери, по отцу. Тоскую по прежней жизни.

Музыка не спасает.

Хоть я и стараюсь выплеснуть горечь утраты через нее. Не удается.

Боль не желает покидать сердце, накапливается там, стонет, воет и не оставляет в покое.

Тяжелые ночи, проводя без сна, сидя у открытого окна, прикуривая стыренные сигареты у Кати, я смотрю на город вдаль. Людей много на свете и говорят, мы все родственники между собой. И я бы хотела поменяться с кем—нибудь судьбой.

Под этой крышей раньше звучал смех, голоса... А теперь тишина и слезы. Слезы. Бесконечные потоки слез. Брат, любимый брат несчастен, сестра, которую я мало знаю, несчастна. Да и все в этом доме такие. Дом несчастных...

Вымучивая гитару, я от злости схватила ее и разбила.

К черту!

К черту!

К черту!

Кому теперь нужна она? Как и я? Ее дарили мне папа с мамой, которых я больше не увижу... Помню, как папа привез ее на день моего 16—тия. Исполнил Мечту. А я...

Заревела, обхватив голову руками, как зверь в своей берлоге.

И вдруг меня ласково коснулись, прижали плачущую к себе. Не из чувства долга, или жалости. Из сострадания. Из любви ко мне. Ко мне зверенышу.

— Поплачь, тебе станет легче. Ненамного, но гораздо терпимее, — Катя ласково касалась моих волос рукой.

Так гладила меня мама. Едва касаясь, боясь причинить еще больший вред. Мама любила нас с братом, она, уверена полюбила и нашу сестру. Потому что Катя хорошая и хотя разница между нами не такая большая, мне хочется узнать ее получше и стать похожей хоть чуточку на нее.

Она красивая и заботится о всех, как может. Семья большая, на всех не хватает рук. Особенно на детей, толпой бегающих друг за другом. Никита и Дима, почти одногодки по пятам скачут за Алексом, который успевает еще уделять внимание девочкам. Мелкого Степу я забрала к себе, ему всего три и ему как мне нужна мама. Может, потому что он потерял обоих родителей как я, он ближе мне всего?

По крайней мере, мы быстро нашли общий язык. И сердце мое стало оттаивать.

Я стала выходить из комнаты, возилась с детьми и приходила в себя...

Прошло два месяца. Лера так и не сказала ничего. Тошнить ее перестало, и она расслабилась. Расскажет все, как придет время.

Глава 88. Помеха справа.

Лера

На выходных приехала Света, она бесконечно извинялась, что не приехала раньше.

Она познакомилась с Сережей и эти двое оказались совершенно очарованы друг другом. И я обрадовалась, смотря на этих воркующих голубков.

Света как торнадо промчалась по всем комнатам, собирая детей в кучу.

Катя и Алекс взяли на себя кухню, у них все получалось синхронно. Если один готовил, другой мыл посуду, кормили мы детей все вместе, каждому досталось по ребенку.

Света и Сережа взяли на себя прогулки, Варя и Женя купание, я стирку и глажку, Петя вызвался выносить мусор, и он закупал продукты, мы все по очереди составляли ему списки. Вести большое хозяйство оказалось проще, чем мы думали, тем более нас заметно больше.

По вечерам уложив детей спать, мы расходились по комнатам, Света и Сережа ходили гулять. Он ей показывал город.

– И надолго ты приехала?

– Пока нужна, буду здесь.

– А работа? Что тебя дома никто не ждет?

– Работа. Но сейчас я в отпуске и Лере нужна помощь.

Их роман развивался стремительно. Сережа удивлялся, как можно вернуться в свой родной город и там встретить судьбу?

Поистине, удивительно.

Романы у него были, но постоянной девушки не случалось. Не по той причине, что Сергей слишком требовательный, нет.

Не судьба. А сейчас девушка с васильковыми глазами и длинными волосами полностью завладела его мыслями.

Он помогал, как мог Лере, Жене, последний немного смягчился, узнав его поближе и самое главное, Сережа никоим образом не претендовал на его Сокровище. Нет, он и Лера, закадычные старые друзья и никогда, никогда между ними не существовало ничего большего, чем просто дружба.

Света другая. В ней била жизнь. Не ключом, а фейерверком. Деятельная, она успевала быть везде одновременно. При этом не становясь навязчивой. Женя ее побаивался и старался обходить стороной. Света бесконечно жалела его и Варю, и от ее опеки они бегали по всему дому. Конечно, большее внимание все посвящали детям.

И тут приехала Алиса. Яркая блондинка с хвостом, Лера ее знала совсем немного и то потому, что Света болтала о ней в последнее время. Она, конечно, приехала не просто так, а привезла вещи подруге. И буквально зависла на Жене.

Красивый и худой парень привлек ее внимание.

Еще тогда после свадьбы Леры и Руслана, Света все уши прожужжала про него и Алисе стало интересно, по кому ее любимая подружка сохла непродолжительное время.

Да... Свете всегда не везло с парнями. Они боялись ее неуправляемой и неиссякаемой энергии.

Женя не исключение. Поэтому пострадав пару месяцев и поняв уже даже на той злополучной свадьбе, кому принадлежит его сердце, она успокоилась.

Сейчас вот ей нравился Серёжа.

Алиса критически оглядела и его. Да, Светка значительно схуднула, но оставалась простушкой с пухлыми щечками.

Алиса работала фитнес— тренером, у нее создана школа, есть ученики. Одна из самых блестящих, кстати и стала ее лучшей подругой. Она— то своего не упустит...

Лера

Петя и Алекс неизменно играли в шахматы перед сном. Катя присутствовала при каждой игре вместе с Варей. Последней совсем некуда себя деть, хотя держалась она молодцом. Женя проверял счета, работал в основном дома, иногда ему помогал Алекс, больше сведущий в бизнесе, чем остальные. Я вязала носки и пока никто не следил за мной, маленькие пинетки.

Приближалась зима. Осень почти передала свои права. Листья с деревьев облетали, моросил мелкий дождь. Температура по ночам падала, но не критично.

На общем совете мы решили, первыми уедет Алекс и Вика. У него заканчивалась виза и ее нужно было продлевать. Документы на девочку готовы и ему нужно подготовить все на той стороне, чтобы перевезти нас.

Я и Варя вызвались разобрать вещи Ольги и Юрия. Вдвоем мы зашли в спальню, захватив с собой пару коробок. Почти не разговаривая, мы методично принялись за работу. Варя раскладывала вещи по коробкам, любовно поглаживая. Она делала это машинально, забыв о моем существовании. Девушка по большей части молчала целыми днями, возилась с детьми и практически не общалась с нами, в частности со мной. Не знаю, может она винила меня в бедах, постигших их семью. И отчасти права. Пока я не появилась, их жизнь текла намного счастливее.

Мы бесконечно несчастные. Ни у одного не задалась личная жизнь.

Варя зашмыгала носом, я тактично молчала. Что я могла ей сказать в утешение? Что я знаю о ее боли? Знаю, каково это терять близких? Она и так это знает. К чему нажимать на ноющую рану...

Здесь поможет лишь время. И больше ничего...

Глава 89. Цена за право быть с тобой

Алекс

Мы готовили вместе ужин, я резал мясо, Катя чистила овощи. Разговор между нами не клеился, впрочем, он явно был бы лишним.

Мы устали за все это время, Катя знала, я уезжаю и мы оба оттягивали этот разговор.

Напряжение росло, но пока терпимо. Катя бросала украдкой взгляды, я же со своей стороны делал тоже самое.

У нас все выходило синхронно, словно мы обменивались мыслями.

Сев за стол большой компанией, мы довольно быстро справились с ужином, накормили детей, выкупали каждого, уложили спать, перечитав кучу сказок. У меня слипались глаза.

– Пойдем выпьем чего—нибудь, – прошептала Катя и я не смог ей отказать.

Спустившись вниз, я открыл бутылку вина и налив два бокала, один протянул ей.

Соблазн велик. Двое в полутьме, слегка нетрезвые, влюбленные. Что может быть ужаснее, когда желание прикоснуться к любимой сопоставимо с отвращением?

– Знаешь, кажется, ты не очень хочешь разговаривать сегодня, – Катя сделала большой глоток и раскашлялась.

– А ты не болеешь?

Я похлопал осторожно по ее спине и потрогал лоб. Ничего.

Катя перехватила мою руку и крепко сжала.

– Поговори со мной. Пожалуйста.

– О чем?

– О нас. Поговори со мной.

Я смотрел ей в глаза, находящиеся так близко ко мне... Соблазн велик. Прикоснуться к ней, сжать в объятиях, накрыть эти чувственные полные губы своими и раствориться в ней без остатка.

– Я хочу рассказать тебе кое—что.

– Хорошо, – прошептала она. Я чувствовал ее дыхание на своих губах и едва сдержался.

Усадив девушку рядом с собой, я взял ее изящную ручку в свою и погружаясь в воспоминания начал свой рассказ.

– Мне было 15, когда родители погибли. Другой родни, кроме Ники у нас не было и меня она и Дима забрали к себе. Руслан и Миле на тот момент было 10, Макс 2 года. Тебе получается было 6. Мы росли вместе до моего 18—я. Потом я вступил в наследство, которое еще не до конца было промотано. Бизнес свой, кстати Дима успешно поднял оттуда же. Как бы там не было, я покидал дом без единого сожаления.

– Почему у вас с ней такие отношения?

– Мне было, тогда как Варе. Ника в прежние времена обожала устраивать вечеринки, на которых творилось черти что. И в тот вечер она слишком перепила и забыла, что я ее брат, а не очередной любовник. Не было ничего такого, за что можно было ненавидеть ее еще сильнее. Но тогда я понял, общего между нами ничего не может быть. Понимаешь, я не хочу быть таким как она. Не хочу, чтобы мерзость ее натуры сравнивали со мной. После того случая я перекрыл денежный поток и она разозлилась. Обвинила меня, что я к ней приставал и так далее. Никто ей не поверил. Но это наложило определенный отпечаток на нашу жизнь. Прости, я не знаю как правильно описать свои чувства. Для меня это ты, не связанная с ней

никаким образом. И все же, узнав правду люди, смешают нас с ее грязью.

Катя сжала мне пальцы, в ее глазах стояли слезы, ведь фактически вместо слов любви, я отказался от любых чувств к ней, кроме родственных

Причинил ей боль, хотя мог этого не делать.

Мне важно дать ей знать, я не считаю наши чувства постыдными.

Нет.

Я лишь хочу, чтобы она меня поняла. С демонами в душе нелегко бороться и прежде чем дело пойдет слишком далеко, я не хочу сомневаться в своих поступках.

Проблема в том, что сейчас она закусила нижнюю губу и слезы готовы покатиться из глаз.

– Катя, – прошептал я ласково.

– Что? Ты... Это несправедливо!

– Жизнь вообще несправедлива.

– Ага. Очень метко подмечено. И что теперь? Ты уезжаешь, оставляя меня. И что мне делать? Без тебя.

– Тоже самое, что делала до. Катя, пойми меня правильно. Пожалуйста. Я не хочу сделать тебе больно. Правда, не хочу. Не хочу забирать у тебя возможность на другую жизнь. Тебе всего 21. Лет через пять тебе захочется детей, а я не смогу тебе этого дать. У меня есть дочь, мне нечего больше желать.

– Я не планирую детей! Если это цена за право быть с тобой, пожалуйста.

– Ты это говоришь в силу возраста. Когда тебе захочется, а ты откажешься и потом уже не сможешь, я не хочу знать, что лишил тебя этого.

– Глупо говорить про мистических детей. У нас будет Вика и куча племянников. Куча детей. Куда еще? Почему ты решаешь за нас двоих?

– Потому что я могу.

– А я значит, нет?

– Можешь. Но тебе подавай все и сразу. Мы не в магазине и не можем выбирать то, что по душе.

– Значит, я опять веду себя как ребенок?

– Да. Дуешься, споришь. Ты требуешь и не слышишь меня.

– Я требую? Да, я требую! Что в этом такого?

Она не желала слушать меня. Не давала мне передышки, брала напором. Мы не совпадали не только по темпераменту, но и по пережитому опыту. У нас слишком мало времени, чтобы узнать друг друга получше.

Я пожелал Кате спокойной ночи и решительно ушел спать. Завтра нужно собрать вещи и в путь.

Катя

Алекс собирал вещи, когда я пришла к нему. Постояла в проеме и прошла в комнату. Мне нечего сказать ему, но я чувствовала себя целой, находясь с ним рядом.

Он уедет вот уже завтра и заберет часть меня с собой.

Я просто смотрела на него, стараясь запомнить до мелочей. Выражение лица, мимику, запах.

Не смотря на результат теста, больше осознавать, что для него мораль выше собственных чувств. И моих тоже. Он на расстоянии вытянутой руки, я могу прикоснуться к

нему, если захочу. Нельзя. Нельзя касаться друг друга, нельзя говорить.

Иначе вся наша крепость падет. Пока боль не станет терпимее, нам нельзя быть рядом. Мы можем лишь смотреть.

Два месяца. Два долгих два месяца: споров, забот, истерик. Два месяца в аду. Ни шагу навстречу. Один раз я попробовала сломать лёд между нами и потерпела поражение. Я почти поцеловала его, он почти ответил. И мы оба пристыженные позорно отбежали друг от друга.

Дядя.

Семья.

Что я знала о семье?

Ничего. Брата и сестру я полюбила и приняла. А его... Я любила как мужчину и видела, как мужчину. А должна видеть родственника.

Сложно. И больно.

С матерью я не виделась, хотя она пыталась. Мне не о чем говорить с этой женщиной. Мама Оля лежит в земле, и она стала для меня единственной, кто мог носить звание матери. Другой мне не надо.

Вероника или как ее там, вызвала меня на встречу, я пошла. Хотела посмотреть ей в глаза. Ничего путного не вышло...

Красную помаду я выкинула. Равно как и другие привычные вещи. Теперь я точно не несмышленьш. Я продала бы душу за те три недели, когда была просто Катей, а он был Сашей. И мы могли быть вместе.

Алекс вышел из комнаты, а я молнией сорвала с вешалки его свитер и убежала к себе. Зарылась в его запах с головой и разревелась.

Свои вещи я не собрала, время еще есть. Петя позвал меня съездить отдохнуть перед поездкой, привести мысли в порядок.

И пока есть время, я хожу за Алексом как привязанная, прощаясь не только с ним, с собой прежней. Я бы хотела ходить за ним тенью, следуя везде шаг в шаг.

Его чемодан заметно похудел к вечеру. Он заметил и виду не подал. Он всегда сможет купить себе другие вещи, чужие мне. А эти останутся со мной. Моим Алексом: в футболках, свитере, флакончиком туалетной воды, портмоне, ручкой, карандашом, дисками с музыкой, даже чертежами...

Глава 90. Она меня раздражает

Лера

Я собиралась капитулировать. 12 недель прошло и теперь никто не отправит на аборт. У беременных свои страхи, и он самый яркий сейчас в моем случае.

Я боялась, что наш ребенок окажется в тягость и ненужным. Поэтому продолжала молчать, хотя на учет уже встала. Никто не задавал мне никаких вопросов, не обращая никакого внимания. Света увлечена Сережей, тут же еще эта противная Алиса.

Мы не терпели друг друга. Раньше я только слышала о ней, а познакомившись поближе, подумала, лучше вообще ее не знать.

Сегодня Женя позвал меня в кабинет. Робея я зашла и подошла к нему, сидящему в кресле.

– Я хотел поговорить с тобой.

– И о чем?

– Лера, нам не уехать всем вместе. Поэтому придется спросить. Ты выйдешь за меня замуж?

Я оторопела, а он продолжал, тараторя:

– Просто по— другому нам не надут забрать детей. Мы поженимся и сразу же усыновим парней. Как ты на это смотришь? Не хочешь?

Я заулыбалась:

– Тебе и так придется жениться на мне, раз ты скоро станешь папой.

– Не понял. Кто станет папой?

– Ты дурачок, кто же еще?

Он пару секунд молчал, а потом схватил меня в охапку.

– Ты же серьезно? И как давно ты знаешь?

– Я не хотела говорить раньше времени. Прости. Ты рад?

– Конечно, рад! Ты еще и спрашиваешь! Все, завтра в загс, писать заявление. Надо сделать все максимально быстро, тем более тебе теперь точно не отвертеться.

Он довольно протянул последнюю фразу, будто я собиралась. Глупости.

Присутствие в доме Алисы напрягало. Я становилась похожей на шарик, постоянно ела.

А она ходила вокруг Жени как кошка. Он посмеивался над моими претензиями, продолжая ходить с ней заниматься. По утрам они стали и бегать вместе, пробовали кататься на лыжах.

Я бесилась. И поделаться ничего не могла. С меня сдували пылинки и во всем ограничивали, что касалось домашнего быта. Заявление мы подали и оставалось только ждать. Боюсь, до родов мы точно отсюда не уедем.

Женя

Я приводил дела в порядок. Отъезд затянулся. Вероника устроила истерику в обоих офисах, узнав о продаже дома. Я испытал незабываемые ощущения, наблюдая как она бесится. После всего, что она сотворила, это малая часть расплаты. У нее не осталось ничего, кроме груды тряпок.

– Ты пожалеешь, Смирнов. Вырвешь свое сердце и принесешь мне его на руках, прося прощения!

Я усмехнулся и показал ей весьма неприличный жест. Делай, что хочешь, ведьма, ищи ветра в поле.

Мы почти готовы к переезду. Тем более нас тут больше ничего не держит. Единственное, что меня тревожило Никита. Мы не могли забрать его с собой. Оксана отказалась уезжать с нами. И я обеспечил им будущее, пусть она еще и не знала об этом.

Лера ждала меня дома. Наши отношения улучшились.

Если бы не смерть родителей известие о беременности Леры вызвало бы наибольший восторг. Я счастлив, правда. Только думаю, самой Лере беременность не в радость. Тем более от меня...

Она стала странной. Более летающей в облаках, чем раньше. И пускай на этот раз она носила под сердцем моего ребенка, это не приносило ощутимого спокойствия.

Она все также далека от меня. Моя любовь не стала бледнее, нет. Она смирилась с вечным отрицанием. Я продолжал любить Леру и этого ничего не изменит. Даже усердные попытки Алисы вызывали лишь улыбку. Девчонка так искренно старалась, а ее я игнорил. Уверен, она хорошая и мы могли стать друзьями, стоило ей бросить попытки затащить меня в кровать. Лерик бесилась и это вдвойне радовало.

Глава 91. Если я останусь

Женя

Вечер прощания вышел грустным. Мы молча поужинали. Алекс встал первым из-за стола, помогая убирать с него Лере. Одна Катя сидела неподвижно, как струна.

Пришла пора прощания. Варя неуклюже обняла высокого Алекса и захлюпала носом. Маленькая Вика уже спала, сладко посапывая, в машине.

Мы тоже с ним обнялись, Лера заревела и уткнулась в плечо. Чего они развели водопад, учитывая, что увидятся через пару недель?

Все дело в Кате. Той, что смирилась. И прощалась.

К слову сказать, я бы не выдержал. Но надо знать Алекса. Тогда можно было понять его. Представляю, чего это стоило им обоим. Ведь по ним видно, как это тяжело. И сейчас они прощались не как родственники, а как влюбленные, расстающиеся навсегда.

Мы втроем тихонько вышли из коридора, оставив их вдвоем. Им сейчас это нужнее.

Алекс

Она стояла напротив, качаясь с пятки на носок. Я попробовал улыбнуться и улыбка вышла так себе.

Не люблю прощаться. И никогда не умел этого делать. Я протянул к ней руки и она буквально упала ко мне. Слезы, короткие поцелуи, наши руки перепутались между собой.

– Я хочу, когда ты соскучишься, ты отбросил свою гордость и вернулся ко мне. Я буду ждать. Год, целую жизнь, если понадобится. Ты состаришься быстрее, твоя дочь вырастет, и ты вернешься ко мне, мудрый с годами.

– Беззубый и лежачий?

– Тогда ты точно не оставишь меня. Не сможешь дважды

– Я люблю тебя, Катерина. Но хочу, чтобы у тебя была своя семья. Это важно для меня. И быть может старый и беззубый приползу просить прощения. Но не сейчас. Не сейчас, когда люблю тебя так сильно и безумно.

Я спрятала лицо на его груди, улыбаясь сквозь слезы. Он любит меня. А остальное неважно.

Я буду ждать. Это я умею лучше всего.

Пусть сегодня он уезжает, забрав мое сердце с собой. Верю, не все еще потеряно для нас.

Сдаться, значит проиграть. Проиграть. Я не сдаюсь. Не проигрываю. Я иду вперед, не оглядываясь.

Он уехал, помахав на прощание. Мысленно я сидела с ним рядом в машине, наблюдая как смешно он морщит лоб, как длинные узкие пальцы обхватывают руль. Он думает обо мне. Сомневается. Значит, не все еще закончено.

Глава 92. Дети своей матери

Женя

Прошло шесть месяцев.

Сегодня мы поехали на кладбище с Варей. Лера осталась дома с Оксаной. Последняя буквально жила у нас. Впрочем, никто из нас не был против. Скоро на свет должен был появиться наш сын, и мы с нетерпением ждали его появления. Уехать раньше у нас не вышло. Сначала известие о гибели Петра и Кати, потом вот заболели дети, Лера плохо себя чувствовала, лежала на сохранении и отъезд откладывался на неопределенное время.

Постояв у могил Руслана, Милы, мы пошли к родителям. Свежие ослепительно— белые розы появлялись на могиле мамы каждый день. Я не разговаривал на эту тему с Андреем. Он любил маму, но им так не суждено было остаться вместе. Я, кстати отдал ему все письма, что она бережно хранила. Мне ни к чему, а для него может что— то значило. Варя общалась с ним, знаю. Сама же проговорила. Он потерял дочь, мы сестру. На ее могиле красные, бархатные свежие розы, тоже появляющиеся тут каждый день. Я ни разу не видел, чтобы он приходил. Сам ли приносил цветы или кто из его подопечных? Неизвестно.

Я простил его. Пускай. Сейчас не важны прежние ссоры, обиды. Та, что учила меня смирению и доброте, простила его. А я сын своей матери.

Время тянулось бесконечно.

Сережа и Света больше не вернулись, остались в другом городе и я ни капельки не виню их в этом. Мы приносим несчастье...

Лето полностью вступило в свои права. Мы жили вдалеке от города, от его суеты. Соседей вокруг мало, что не может не радовать.

Воздух чист и свеж. Алиса любила бегать по утрам. Эта привычка ее успокаивала, стабилизировала. Во время бега мысли спокойно текут своим чередом, не мешая.

В это утро она также вышла на пробежку, как и раньше. Ровно в шесть утра.

Включила таймер и побежала.

Она уже давно собрала свои вещи и собиралась с духом, чтобы уехать. Света и Сергей звали её к себе, но куда мешать двум влюбленным? Поэтому ей оставался лишь бег. Лишь спорт.

Предприняв последнюю попытку соблазнить Женю, она сдалась после её позорного провала. Фиаско.

Поэтому сегодня она готова уехать.

Женя присоединился к ней как всегда незаметно. Пару секунд и он уже подстроился под её ритм.

До чего же с ним хорошо! Даже без слов, ненужных абсолютно. Один взгляд его синих глаз из— под длинных ресниц и ее сердце не то чтобы делало сальто, нет. Оно взрывалось сумасшедшим вулканом и бурлило, бурлило. Ее чувства к нему чадили, затмевая все остальное. Сколько раз она представляла себе как этот рот прижимается к ее? Сколько раз представляла тяжесть его тела, пусть слегка похудевшего, но мускулистого на себе? Сколько раз представляла себе стон, сорвавшийся с его губ при...

Она едва не слетела с дорожки, запнувшись. Женя вовремя успел поймать ее за талию и, прокрутив на месте, поставил на землю.

– Почему? – вырвалось у девушки.

– Почему что?

– Ты знаешь, о чем я.

– Понятия не имею. И знать не хочу. Готова?

Алиса буркнула и побежала со всех ног. Пусть попробует догнать.

Курить я бросил сразу, как узнал о беременности Леры. И пока играл в догонялки с Алисой, впервые этому обрадовался. Что за строптивая девчонка эта Алиса. Надо ее познакомить с кем-нибудь, конечно лестны ее чувства ко мне, но ее все жалко. Чего она во мне нашла?

Последней каплей стала наша с Лерой свадьба. Хотя свадьбой ее назвать можно с натяжкой. С большой натяжкой.

Мы пошли и расписались, без свидетелей, без суеты. Я счастлив, даже во тьме для нас мелькал лучик света.

Естественно, в конце концов, нам пришлось сказать Алексу правду. Он обещал приехать, как найдет Вике няню, которая устроит его придирчивый вкус. По документам мальчики уже наши. Степа зовет Варю мамой, она ему ближе, чем мы с Лерой.

Приближалось время родов, до которых оставались считанные дни. Мне нечем заняться. Вещи уже давно собраны, дела закончены, все продано, кроме нашего дома и дома Королевых. Алекс уже подыскал нам новый дом и Лере он очень понравился по фото. Мне же все равно. Я оставлял тут гораздо больше. Андрей уговаривал меня не уезжать из России, остаться здесь. Но мне невыносимо дышать одним воздухом с Вероникой. Она, между прочим куда— то пропала. За эти восемь месяцев тишина. Признаться честно, я ждал удара от нее. Жил в ожидании. Я слишком хорошо ее знал.

Алиса уехала на прошлой неделе. Наконец ей стало понятно, что между нами ничего никогда не будет. Хотя признаться честно, как человек она хороший. Мне нравилось общаться с ней, бегать по утрам. И если она решила уехать, ценю ее выбор.

Лера родила через неделю замечательного малыша. Наше маленькое очередное Чудо. В больницу я взял с собой Степку, Дашу и Машу, посмотреть на братика. Уставшая Лера смотрела на нас с улыбкой, держа на руках младшего Смирнова. И счастье, бесконечное счастье выплескивалось из нас, переливаясь через край.

Степа серьезно протянул Лере дорогую сердцу машинку. Он долго выбирал, сосредоточенно подарок младшему братику и решил, лучший подарок, его любимая машинка. Даша, сунув деловито конфету в рот, разглядывала палату.

– Папа снова балует вас конфетами? – принимая суровый вид спросила Лера.

– Ну кто— то должен это делать, – принял я огонь на себя.

– Мы по одной! – хором воскликнула вся троица.

Мы расхохотались с Лерой.

Наконец их выписали домой. Варя на этот случай испекла шарлотку, хотя дети требовали пиццу. Отношения между сестрой и моей уже женой оставались прохладными. И ни одна не желала ничего менять. Для дружбы у Леры была Оксана, а Варе никто не нужен кроме детей.

Сестра умудрялась одновременно учиться и заниматься домашними делами. За что я ей бесконечно благодарен.

В дверь раздался звонок. Довольная Варя, бросив полотенце на стол, отправилась открывать и вернулась с Андреем. Лера бросила на меня умоляющий взгляд и широко улыбнулась. Дети тут же повисли на новоиспеченном дедушке. Он всегда приходил с огромным ворохом подарков и сейчас не изменил себе, вдобавок притащив пиццу. Это проделки Никиты, кстати тоже считающего Андрея дедом. Тот и не возражал. Как— то он выразил мнение, что нет чужих детей, все, кто есть, могут смело называть его дедушкой.

Наша семья значительно сократилась и сейчас усевшись за стол: я, Лера, Варя, Оксана, Андрей, дети, мы как никогда чувствуем себя целыми. Те, кто ушли, всегда с нами... Просто вышли из— за стола на пару минут.

Андрей после обеда хотел понянчить младшего Смирнова, но Лера ревностно не позволила. Догадываюсь отчего, но не стал заострять на этом внимания. Андрей, если и обиделся, виду не подал.

Наконец он уехал, вдоволь поиграв с детьми. Варя собрала посуду и отправилась на кухню.

Мне не хватало родителей, друзей. В доме, хоть и звучат детские голоса, смех, все равно тоскливо. Я держусь, стараюсь держать себя в руках. Иногда кажется, я потерял способность чувствовать, насколько заперт в себе.

Света по природе достаточно робкая. Находясь между двух огней, она не могла решить, что делать. С одной стороны Лера, почти уже готовая вышвырнуть Алису из дома, а с другой стороны Алиса, увлеченная Женей.

У Алисы это чувство скорее спортивное.

Женя становился призом, очередной наградой. Алиса не понимала глубины его чувств к Лере, не понимала, никуда ему не деться. Что Лера, пухленькая, да и в любом виде даст сто очков любой стройной красотке. Потому что он ее любит. А она любит его. И третьей третьего там никого не может быть.

Света, настолько поглощенная чужими отношениями, что чуть не проворонила свои.

Сережа не пришел в восторг от беременности Леры. И так дом полон детей, а она еще удумала рожать в такое неподходящее время. Нет, детей Сережа любил, но считал, сейчас их и так слишком много. А сама Лера мало подходила на роль матери большего семейства. Вернее, не подходила совсем.

Он переодевался, когда Света зашла к нему в комнату. Отношения у них застопились. Дальше поцелуев дело не шло. А тут она сама пришла и обняла его.

— Я хочу пригласить тебя к себе. Познакомить с отцом. Как ты на это смотришь?

— Положительно. Сережа, ты такой хороший.

— А к твоим мы когда поедем?

— Когда захочешь.

— Тогда я хочу и чем быстрее, тем лучше. А то скоро все разъедутся.

Алекс

С Варей мы стали бегать по утрам. Девчонка даст фору любому. Холодный зимний воздух, синхронные движения и я отдыхал. Отдыхал, бегая и ни о чем не думал. Дела сейчас шли хорошо, имущество продавалось и стало спокойнее. Варя чувствовала себя намного лучше, хотя тоже до конца не пришла в себя. Еще больше замкнулась. Известие о

беременности Леры ее не обрадовало, но она, сделав над собой колоссальное усилие, выдавила улыбку. Ей тяжелее, чем нам. Нет подруг, нет друзей. Лишь мы по парам и дети.

Алекс уехал и уже к вечеру следующего дня был наконец— то дома. Катя была следующей. Петя заехал за ней и увез в аэропорт. Они договорились уехать вместе, чтобы не вызывать лишних подозрений. Катя никогда не видела моря и чтобы сделать следующий шаг, ей нужно подумать. Кажется, Петр не против ее решения, наоборот он изменился. Стал более ответственным и дети его обожали. Света и Сережа тоже уехали. Эти двое вцепились в друг друга клещами и отправились знакомиться с родителями.

Свадьба, конечно не за горами и мы надеялись присутствовать на ней. Мы остались втроем.

И стоя на крыльце родного дома, махали ей из всех сил. Лера и даже Варя заревели и я обнял их обоих. Все почти позади. По плану Варя должна была уехать с Алексом, но заартачилась. Теперь мы поедем все вместе: трое нас и 4 детей.

Катя

Я стояла в очереди, ожидая начала регистрации. Петя рядом. Вчера я виделась с той женщиной. Не знаю, зачем пошла на это второй раз. Мазохизм?

Я хотела посмотреть ей в глаза и понять, что с ней не так? Она лишила меня детства, материнской любви, любимого... И я хотела понять для чего?

Я на нее совсем не похожа. Ни капельки. Папина дочь. Пусть она и красива. Да, ослепительно красива. Женя показывал мне фото братьев и сестер. Между нами нет сходства и очень жаль. Может тогда между Вероникой и мной было бы что— то общее...

Алекс уехал и мысленно я следовала за ним. Интересно, чем он занят сейчас? Мы обещали писать друг другу каждый день, и он с утра забросал меня сообщениями. Я хотела поменять свой билет и рвануть к нему.

Не знаю, кому больше нужна эта поездка. И это глупое мое обещание. Женя уговорил меня уехать, мол надо развеяться.

Вот и поехала развеяться... Объявили наш рейс. Я испуганно посмотрела на улыбающегося Петра.

— Мы летим? И я увижу море?

— Океан. Целый океан, Катя, — ответил он мне.

Женя

Я стал бояться звонков. Прошел месяц с их похорон. И я не смог сказать ему. Боже, я не могу решиться на этот звонок. Он писал почти каждый день, отчитываясь о делах, о маленькой Вике. Спрашивал о Кате. А я не мог сказать, что ее нет.

Никто из нас не мог.

Мы втроем ввали, заливаясь слезами, впиваясь в руки до крови.

Я не мог сказать, ведь для него она еще живая. С босыми ногами, в красном купальнике греется на море, поэтому не берет трубку и не отвечает на сообщения. Алекс уже готов сорваться. И мы чувствовали это. Любовь сильнее всего, но не смерти. Против нее она бессильна.

Так пусть еще немного Катя погрееется на солнце. Хотя бы еще немного... Для него.

Глава 93. Границы

Женя

Я хотел переодеться после работы, пробрался в гостиную, и зарылся в шкаф. К сожалению, мои привычки после брака не изменились. Что— то несомненно осталось прежним.

Вот, к примеру состояние моего шкафа. Одежда не вываливалась оттуда по одной причине, я действовал быстрее. Успевал хлопнуть дверкой, прежде чем одежда успевала свалиться на мою голову. Кстати, радуется, супруга моя не отличается от меня. В её шкаф тоже страшно заглядывать. И я не возражаю. Нет во мне аккуратности и педантичности в этом вопросе.

Засунулось и ладушки.

Я даже научился гладить сам. А это уже великое достижение. По крайней мере пеленки, детские вещи гладил я. Лере не до этого, а Варя и подавно.

Оксана старалась помочь по мере возможности. Она помирилась вроде с Лешей, но из— за его новой вахтовой работы она с Никитой практически жила с нами. Никто особо не возражал, быть может только Варя. Но моя сестренка что айсберг. Никогда не мог понять, что творится в этой красивой голове. Чаще всего кажется, мы с ней поменялись ролями. Она стала старше.

Куда интересно делись мои спортивные штаны? Они почти еще совсем чистые. Недоумевая, я замер возле шкафа, почувствовав, что не один в комнате.

Оглянувшись, я увидел Оксану почти нагую, в легком халатике, который больше показывал, чем скрывал.

— Тьфу ты, Рыжик, напугала. Чего подкрадываешься? — напустив на себя невозмутимый вид, спросил я, не отрываясь от поиска штанов.

Оксана медленно улыбнулась. Совсем девки с ума посходили. Пора бежать. На них так кольцо действует?

Иначе к чему все эти прелести женского тела, которые почти выставленные напоказ? Увы, легкое кружево никоим образом не прикрывает. Все как я любил.

— Хочешь я тебе помогу?

Вопрос, конечно провокационный. Но я то воробей стрелянный. Меня голыми руками не возьмешь.

— Хочешь помочь найти штаны? У меня пропадают вещи.

— Могу помочь остаться без штанов, — прошептала Оксана, не сводя с меня глаз.

— Я так и знал, вы таскаете мои шмотки. Нет, уж спасибо. Тебе, между прочим не холодно? Может, температуришь?

— Любишь ты прикидываться идиотом.

— Это мое естественное состояние. Тебе ли не знать.

Я отвернулся от девушки и тут же нашлись штаны.

— О, штанишки!

Поспешно схватив их в охапку, поспешил выйти из комнаты.

Подумаю об этом потом. Сейчас мне не до этого. Мало ли что пришло в голову давней подруги. Не хочу даже думать об этом.

Мир сошел с ума. Или я стал другим? Хуже или лучше? Однозначно козлом я не

остался.

Лера после родов стала еще краше. Стройная как берёзка, роды никаким образом не повлияли на ее фигуру. Быть может на характер, но он и до рождения детей оставлял желать лучшего. Теперь она стала мягче.

Мы старались помогать ей с новорожденным, которому никак не могли подобрать имя. Варя предложила имя Федор, Андрей: Аркадий, что вообще не в какие рамки. Оксана оставила имя нам на выбор и звала малышом.

Мы с ней упрямо делали вид, будто ничего не произошло. Мы по—прежнему друзья, хотя ее присутствие больше тяготило, чем радовало. Их дружба с Лерой крепла и напрягала. Варя разделяла мои взгляды, не высказывая их. Она внимательно и пристально наблюдала за ними. Ее то в свою компанию они не брали.

Вечная одиночка. У нее был один единственный друг Максим, с которым они бывало, переписывались. Возвращаться он не собирался, интересовался делами, племянниками. Сестра подолгу просиживала в сети по ночам. Ей нужно общение, больше чем наше и детей.

Тем более я вечно на работе, Андрей приходил к нам, когда я был дома. Лере он не нравился. И тут мне понятны ее опасения. Правда, считаю они малость необоснованны. Я легковерный и доверяю людям. Отца он никогда мне заменит, но не давать шанс не имею права. Мама бы поняла меня. Тем более он не мешает, даже наоборот. Дети его обожают и висят на новоиспеченном деде гроздьями.

Сегодня звонил Алекс. Он приезжает через две недели. Предстоит тяжелый разговор, зная своего друга.

Андрей предложил свою помощь в бизнесе, которую я разумеется отверг. Дело не в гордости, а в том, что я сам делаю все хорошо. Помощь не нужна. Дела на самом деле шли хорошо, своим чередом. Новый персонал, и черт возьми как же я скучал по старой команде. Тогда мы с полуслова понимали друг друга. Сколько воды утекло с тех пор... Нет Руслана, гения, нет Егора. Но есть Надя. Да, Надя. Она вернулась примерно с месяца три назад. Более замкнутая, более чем обычно. И принялась с жаром работать. И работала хорошо. И мне стало спокойнее, чувствуя рядом надежное и верное плечо.

Возможно, Андрей обиделся, но виду не подал. Он понимал, граница есть граница. От нее никуда не денешься. Пока я не готов.

Мне еще многое предстоит, один приезд Алекса полностью выпотрошит. Надо решить, где его поселить. Дом не резиновый, комната Кати и Петра стояла пустой, никто из нас не решился нарушить порядок вещей в ней. Комната родителей также пустовала. А в комнате Алекса жила Оксана. Едва мне стоило озвучить предложение о ее переселении, как Лера категорически его отвергла.

– Она моя подруга. И раз ей некуда пойти, она останется с нами.

Я горестно вздохнул. Иногда у нас гораздо больше детей, чем кажется.

– Алекс приедет. Не отправишь же его в гостиницу, – мягко возразил я.

– Почему? Пусть поживет там, заодно избавится от воспоминаний.

– Он наш друг. А у Оксаны дом есть между прочим.

– С его деньгами он вполне может купить себе собственный дом. Рядом с нами.

– Это бесполезный спор.

– Давай переселим его в другое место. Рядом с кабинетом есть подсобка. Переделаем ее в спальню и дело с концом, – предложила Лера, обвивая руками мою шею.

– Еще один ремонт? Я не выдержу, – мои позиции таяли с каждым ее прикосновением. Черт с Оксаной. Пусть живет. А ремонт нужно срочно сделать.

– Выдержишь. Я в себя верю, – улыбаясь, прошептала Лера, прикасаясь губами к моим губам.

И я сдался, потеряв нить разговора, привлекая свою любимую к себе...

Глава 94. Гиперопека

Женя

Дни бежали за днями. Дети росли, жизнь продолжалась.

Варя начала с кем— то встречаться из другого города, и я счастлив за нее. Хотя боялся, она откажется от поездки с нами. За шесть месяцев она расцвела. Моя сестренка выросла.

Я сел рядом с ней, а она явно собиралась с духом, чтобы поговорить со мной.

– Чего случилось? Хочешь что— то сказать? Говори, я весь во внимании.

– Ты ведь знаешь, я познакомилась с парнем. Его зовут Артем. Он приглашает меня на свидание.

– И?

– Мне нужно красивое платье. И твое благословение.

– Я не уверен, что это хорошая идея. Не нравится мне это знакомство в инете. Поэтому ты, конечно сходи на свидание и я тебя заберу домой. Если парень нормальный, то поймет. После всего что случилось, сама понимаешь. Я не переживу, если с тобой что— то произойдет.

Варя прильнула ко мне, как в детстве. Бывало, она шла ко мне со своими горестями: разбитыми коленками, двойкой за невыученный урок, слезами за потерянную игрушку... Быть старшим братом нелегко и раньше я не ценил многое в своей жизни. Сейчас на мне большая ответственность. Не только за своих детей, жену, но и за сестру, и как ни странно отца. Мы близкие люди. Единственные близкие люди.

Лера не вызвалась помочь моей сестре, что удивило меня, но не Варю. В итоге она вместе с Оксаной выбирала наряд.

И вот после часа времени, убитого на подготовку, мы вдвоем отправились в путь. Сестра нервничала и ее состояние понятно. Думаю, я нервничал больше нее. В конце концов, я могу не сдержаться.

Я остановил машину недалеко от кафе, где они договорились о встрече и повернулся к Варя:

– Сразу же звони. Место людное и если что— то пойдет не так, я буду ждать.

– Хорошо, – буркнула Варя и выбралась из машины.

Я задумчиво посмотрел ей вслед. Моя воля, никуда бы она не поехала. Но думаю, мои права сильно ограничены.

Варя

Я вошла в кафе и огляделась по сторонам. Заняла свободный столик. Я нервничала. Это мое первое свидание за три года. Да и по сути первое во всем. С Максом мы дружили, с Димой... Не могу вспоминать. На свидание меня никто не приглашал. А что, если он не придет? Или придет, увидит меня и убежит...

Артем вошел в кафе, и я сразу его узнала.

Да. Хорош. Золотой мальчик. Меня всю трясло, но оказалось напрасно. Он почти безупречен в общении. Не ойкал, ни чокал, не матерился. Все это делала я. Пыталась себя сдерживать. Артем и виду не подавал на мои выпады.

Брат присылал сообщения почти каждые 10 минут.

– Что— то срочное? – Артем кивнул на мой телефон.

Я покраснела и сунула телефон в сумку. Достал.

– Это брат. Беспокоится.

– Давно ни с кем не встречалась?

– Что— то типа того. У него гиперопека. У братьев это бывает.

– И у сестер. Но хуже всего родители.

На моих глазах непроизвольно выступили слезы. Как бы я хотела, чтобы мама и папа...

Да. Услышать бы еще раз голоса любимых...

Мы не ценим, пока не потеряем.

Незаметно утерев слезы, я выдавила из себя улыбку. Он не обязан знать о моей потере.

К чему портить чудесный вечер?

Братец появился в поле зрения неожиданно. Вошел в кафе, оглянулся по сторонам и занял свободный столик. Что ж. Сама виновата. Гиперопека. Сорвала его с дома, с работы, от детей и вечной его Головной Боли.

– Ты меня извини, но мне пора домой. Отлично посидели, спасибо за вечер, – пробормотала я и встала. Артем удивленно посмотрел на меня:

– О, так рано? Я чем— то тебя обидел?

– Нет, нет, что ты. Все хорошо. Просто я живу в другом городе и мне пора уже домой.

– Тебя проводить? Хочешь отвезу тебя?

Я посмотрела на брата. Тот совершенно игнорировал мое присутствие. Будто я плохо его знала.

– Я сама доберусь. Спасибо. Правда, спасибо, – улыбка не покидала мое лицо, будто приклеилась.

Ну получит Женя у меня в машине!

Наскоро попрощавшись с Артемом, я наблюдала, как в кафе девушки провожали брата голодными взглядами. А он безразлично смотрел только вперед. Когда он успел так измениться? Куда делся тот прежний Женька? Я боюсь, никогда его больше не увижу.

Вместе с потерями близких, мой любимый брат потерял себя.

А я? Разве я та же? Нет, горе изменило нас обоих. Я больше не маленькая сестренка, а он остался моим старшим братом, моей опорой, моей крепостью, защитником. Знаю, их отношения с отцом оставляют желать лучшего, да и мои в принципе тоже. Но мне жаль Андрея. Жаль. По— человечески жаль. Он уже не молод, возраст, время берет свое. Кто останется рядом с ним? Кому он нужен, кроме своих детей, пусть таких и бестолковых. И что— то подсказывает мне, мама была бы рада, , что мы могли наладить с ним хоть какой— то контакт. Помню как позвонила ему первый раз и он перепутал меня со старшей сестрой. Я тогда в волнении слышала его плач. Говорят, мужчины не плачут. Плачут. Не так как мы. Но плачут. Потом он признался, что обознался в первые же секунды и понял свой промах. Мы много с ним разговаривали о ней. Сестре, которую мало знали оба. Чем она жила, чем увлекалась... Он не мог сказать. Но мы любили говорить о ней. . .

Глава 95. Я стала Океаном

Алекс

Прошлой ночью мне снилась Катя. Тонкие и изящные запястья. Красная помада. Девушка грелась на солнышке, зажмурившись.

– Катерина, – прошептал я, едва сдерживая себя.

– Тсс. Испортишь момент. Я стала Океаном, Саша. Океаном. Не просто частичкой в мире, а слилась с Океаном. Представляешь?

Я улыбнулся сквозь слезы, вспоминая сон до мельчайших деталей. Стоя возле ее могилы, смотря на ее фото, я слышу ее далекий голос:

– Я стала Океаном.

Говорят, боль притупляется со временем. Хотел бы я забвения. И пожалуй двойной дозы.

Я вернулся. Только чтобы убедиться в том, что... В чем? Что ничего уже не вернешь? Что я мог спасти ее, но не стал? Что оплатил их поездку на чертов курорт? Что сам подвел ее к гибели?

Убил своими же руками...

Лишь один человек держал меня на этой земле. Моя маленькая дочь, которая сейчас осталась дома, с няней.

Прошло время, залечившее рану или сделавшее вид, будто так оно и есть.

Женя и Лера наконец выглядят единым целым. Семейно. Теперь уже даже я не сомневаюсь в чувствах этой пары. Они счастливы. По— своему. По— особому.

Варя выросла. Она забавно вздрогнула, увидев меня и тут же бросилась в объятия. Я скучал и по ней. Невольно сравнение лезло в голову. Пусть она младшая, но в её чертах я не видел свою Катерину. Девочка выросла, стала настоящей Принцессой. И ни капельки не похожей на сестру. Когда я перестану чувствовать боль потери?

Женя сбивчиво вновь повторил свой рассказ о Кате и Пете. Ему давалось тяжело каждое слово. Мой друг, единственный друг на свете, едва справлялся с собой. Он и Андрей летали на опознание.

Они сняли яхту и на второй день попали в шторм. Опыта в таком деле не было ни к кого из них. Катю нашли через две недели, тело Петра нет, равно как и остатки яхты. Представляю, каким испытаниям они подверглись оба. Она хоть и сильная девушка, но противостоять стихии... Редко кому дано.

Я поселился в комнате возле кабинета. В моей прежней комнате теперь жила Оксана. Не стал уточнять чего она здесь делает. Дом то не мой.

Комната Кати и Петра всегда закрыта. Вещи лежат на своих местах. Словно та, что жила здесь раньше в один прекрасный миг вернется снова.

Понятия не имею, зачем я здесь. Для чего? Искать ее призрачный след? Прислушиваться к легкой поступи? Ощущать ее присутствие? Для чего? Здесь ничего меня не держит, кроме могил. Те, кого я любил, уже не в этом мире.

А дома меня ждет дочь. Сегодня я в комнате не один. Варя задумчиво зашла, посидела со мной в абсолютной тишине и так же незаметно вышла.

Я никогда не жалел о прошлом. Да, совершал ошибки, да многие хотел бы исправить.

Особенно ту, что совершил в коридоре, прощаясь с Катериной... Я мог остаться. И теперь осознание своей вины пригвоздило к этому дому. К этим воспоминаниям. Я могу помочь ее брату, ее сестре и ее отцу. И тем самым облегчить хоть немного свою ношу.

Человеку не дано исправить свои ошибки. Не дано не совершать новые. Дано лишь созерцать результат. И сейчас я как раз этим и занимаюсь. Самобичеванием и тоской.

Мне необходимо наполнить легкие воздухом, которым она дышала. Необходимо запомнить ее такой. С ее дразнящей красной помадой. Моей.

Варя

Артем не отступил, не смотря на мою оборону. Не хочу никого пускать близко к себе. Он ухаживал за мной вот уже месяц, и я старательно ходила словно по минному полю.

Ни шага в сторону, там воспоминания.

Предупредительный знак на двери, которую я не желала отворять. Говорят, существует какая— то методика, позволяющая закрывать, блокировать свои воспоминания. Что ж. Владею ей в совершенстве.

Я больше всего боялась, что иллюзия счастливой девушки лопнет подобно мыльному пузырю. Ведь чем выше поднимается пузырь, тем быстрее он лопаётся. Чаше высота не для них. И мне предстоит огромная работа, чтобы не допустить «лопанья».

Артем хотел познакомить меня с родителями, да и с моей семьей ему любопытно познакомиться. Я мало рассказывала ему о себе, лишь краткие сведения. На большее не могла решиться. И знакомиться с его семьей не хотела. Не знаю отчего...

Меня давно никто не целовал. И поэтому когда Артем сделал это, я ответила машинально. Он нравился мне: правильный, чуткий, внимательный. Я позволила себе немного расслабиться в его руках. И тут же отпрянула, испугавшись. Мне противны прикосновения мужчин, кроме разумеется брата. После всего произошедшего со мной, только его прикосновения не вызывают во мне ненависть и растерянность. Он мой брат. Любимый брат, не сделавший ничего плохого мне. И мой брат долгое время даже за руку не смел меня брать, понимая состояние. Я— звереныш. И никому не разрешено меня трогать. Артем заметил страх на моем лице и спросил:

– Что не так?

– Все так. Все хорошо. Я просто, – я замялась, не зная ответа.

Артем ласково убрал прядь с моего лица:

– Я понимаю. Мы не будем торопиться с этим.

О, его слова вскрыли консервным ножом мои раны. О, если бы ты знал... Но я тебе никогда этого не скажу. Ни за что на свете.

Никогда.

Мне понравилась его семья, дом. Дружная семья: двое детей. У Артема есть старшая сестра, она давно жила отдельно, но в этот раз приехала посмотреть на меня. Я не ударила лицом в грязь. Старательно изображала счастливую и богатую девочку. Знакомство прошло на ура. Пусть я считала втайне это преждевременным событием. Не хватало еще предложения руки и сердца.

Жене и Алексу Артем не понравился. Андрей тактично промолчал. Сложно объяснить Артему, кто кому здесь приходится, поэтому пришлось обойтись общими фразами: отец, брат, его жена и их дети, семейный близкий друг.

Артем присвистнул, подсчитав количество детей.

– На вашем месте я бы не оставлял их в одиночестве, – пошутил он, когда мы прогуливались возле дома. Я катила впереди коляску с маленьким племяшом да, с Лерой нас связывают не теплые чувства, но детей она смело мне доверяла. Малыш сладко спал, а мы просто болтали о всякой ерунде.

На крыльцо вышел Алекс, достал сигарету и закурил, не обращая на нас внимания. Он практически ни с кем не общался, кроме детей. Артем посмотрел на него и почему— то шепотом произнес:

– Он такой странный.

Я пожала плечами. Странным я его не считала. Бесконечно грустным, одиноким. Но не странным.

Артем поморщился. Знаю, он терпеть не может курящих и мне пришлось бросить курить, что далось нелегко.

– Поедем сегодня ко мне? Или хочешь пойдём в кино?

– Давай в кино.

Мы отправились в кино, сдав смену Лере и Оксане.

А когда вернулись, я замерла в прихожей. Мама. Ее голос. Родной и любимый. Мама смеялась во весь голос. Зачарованная я прошла в зал, не выпуская руки Артема из своей.

Мама обернулась на мои шаги и наши взгляды встретились.

Тетя Ира. Я не видела ее очень давно. С мамой они как— то поссорились и долго не общались. Тетя Ира поднялась ко мне навстречу и я бросилась в ее объятия, рыдая.

Артем растерянно замер, потерявшись.

Тетя Ира младше нашей мамы и выглядела хорошо. Она виновато вкладывала последние новости, жила теперь далеко и поэтому узнав от общих знакомых о потере сестры примчалась, как смогла.

Мне не за что ее винить. Лучше поздно, чем никогда. Интересно, как поведет себя Андрей, увидев мамину копию, только помоложе?

Как и следовало ожидать, Женя уговорил тетю Иру остаться у нас, дом большой, места хватит. Я проводила Артема до машины, он поцеловав на прощание, уехал.

Мы проболтали почти всю ночь втроем, вспоминая маму, папу. Давно так не было по— семейному между нами. Ира рассказывала смешные истории и уверена, мама была бы счастлива ее видеть.

Разошлись мы уже все под утро, и я впервые почувствовала смену атмосферы нашего старого и осиротевшего дома...

Глава 96. Прокаженная.

Варя

Я начала привыкать к нему. Цветы, свидания, поцелуи, на которых он не настаивал. Мне стало нравиться проводить с ним время.

Он интересен, забавен, умеет рассмешить и безупречно воспитан. А я вечно попадала впросак.

Женя его демонстративно не замечал сейчас. Алекс наоборот, всегда находил время для перекидывания парой фраз с Артемом.

Последний часто околачивался у нас дома, потому что я все же находилась в няньках. Артем открыто не высказывал свое мнение на этот счет, но заметно, ему не совсем по душе, что дети постоянно висели на мне одной.

Женя отвозил старших в школу, потом на секции, я умудрялась учиться и сидеть с младшими. Степа не слезал с моих рук, даже ночевал со мной, в моей комнате, звал мамой. Первый раз, назвав меня мамой при Артеме, я заметила его реакцию и постаралась все ему объяснить. Он вроде и понял и смотрел с подозрением. А мне стало все равно. Я полюбила этого пухлощекого малыша. Если ему так хотелось звать меня мамой, то что ж.

Сегодня вопреки всему Артем не забрал меня с занятий. И почему— то его телефон выключен. Мало ли что произошло. Погруженная в свои мысли, я сама добралась до дома.

Мне нравилась тетя Ира, она просила звать ее просто по имени. Она тихими и легкими шагами обошла весь дом, трепетно касаясь вещей мамы. Подолгу рассматривала фотографии. Она рассказывала о маме так, будто мама ненадолго вышла и вот— вот вернется. Я закрывала глаза и представляла себе маму, настолько интонации голоса похожи.

Ира любила старшую сестру. Оля всегда была правильной девочкой. И ее всегда тянуло к плохим мальчикам. И сейчас именно в племяннице Ира видела сестру, их поступки совпадали. Да, она была в курсе событий, произошедших с ней. Не Оля рассказала.

Камнем преткновения между сестрами послужил Юра и он же поддерживал между ними связь. Ему всегда нравилась старшая сестра и когда Оля оказалась в тяжелом состоянии, именно он пришел к ней на помощь, хотя на тот момент встречался с Ирой. Последняя не простила Оле, ухватившейся за Юру как за соломинку. Родители, равно как здравый смысл не имели значение. Лишь двое детей сыграли свою роль. Поэтому Ира уступила и порвала все связи с сестрой, однако с Юрой и племянниками, продолжив общение.

Ей, несомненно тяжело быть в этом доме. Тяжело смотреть на фотографии сестры. Чувство потери и сожаления, угрызения совести. Ведь сто раз могли помириться. Могли сказать так много друг другу... А теперь к чему это прости?

Вот они с сестрой совсем еще крошки, вот подростки, вот Оля знакомится с Андреем и тут же беременеет. О, как ругалась мама! Папа хватался за сердце одной рукой, другой за лекарство. Хорошо, что у интеллигентной семьи из подручных средств лишь слова. Впрочем, Оля дала бы фору и танку.

«Я выбрала и точка».

Андрей и ухом не повел на Ирину. Они знакомы столько лет и неудивительно, что она, наконец приехала. Жаль, не успела помириться с сестрой.

Варя

Артем не отвечал уже два дня, и я стала беспокоиться. Пробовала позвонить даже ему домой, но трубку никто не брал.

У него завтра день рождения и я решила поехать к нему сама. К брату обращаться я не хотела, потому что он стал бы расспрашивать, задавать неудобные вопросы и вряд ли позволил мне поехать. Отца я тоже не стала просить по той же причине. Остался Алекс. К нему я и подошла с просьбой.

Он пожал плечами и согласился. Я знала его столько лет и никогда не видела таким потерянным. Он не разговаривал о Кате, подолгу сидел в её комнате. И не уезжал. Может, смирялся с утратой? Или казнил себя... Я знала его и чувствовала, как он бичует свое сердце.

Подарок я приготовила еще на прошлой неделе, оделась как можно приличнее и мы отправились в путь.

Дом блестел огнями. Даже на улице слышно орущую там музыку. Алекс остановил машину и серьезно посмотрел на меня:

– Не ходи. Он явно не болен и не при смерти. Не ходи. Поехали домой.

Я фыркнула и выбралась из машины. Алекс высунулся из окна и сказал:

– Я подожду здесь.

– Мне нянька не нужна, – отрезала я и пошла к дому.

Дверь не заперта. Повернув ручку двери я вошла в дом, полный гостей, яркого света и шума.

Стоило мне войти, и воцарилась тишина. Мгновенно. Казалось, исчезли все звуки. Вопросительно вскинув бровь, я прошла вглубь дома.

Артем выскочил откуда— то неожиданно и схватил за руку, потащил за собой.

– Ты чего приперлась? – зло осведомился он, выведя меня на улицу.

– Что случилось? Ты не отвечал, – непонимающе воскликнула я.

– Ты еще спрашиваешь! После того, что я узнал о тебе, ты еще сюда заявила! Чтобы окончательно меня опозорить?

– О чем ты? Я не понимаю.

– Прекрасно понимаешь. Я не хочу иметь ничего общего с тобой. Или ты думала о твоих похождениях ничего не станет известно?

– О каких?

– Не надо притворяться. Ты ш***, Варя.

Он не успел договорить, стоило ему произнести это слово, кулак Алекса резко прервал его речь. Голова Артема дернулась и запрокинулась. Я взвизгнула и повисла на взбешенном Алексе.

Таким я его не знала. Синие глаза потемнели от ярости, но внешне он совершенно спокоен.

– Еще одно слово в её адрес.

Алекс развернулся и взяв за руку, повел за собой.

Я мало помню дорогу домой. Перед глазами мелькали картинки прошлого, воспоминания, которые я тщетно пыталась скрыть.

Если память можно было сжечь...

Что бы я не сделала в своей жизни, это пятно навсегда останется на мне. Как грязь,

которую невозможно смыть.

Вечное пятно позора. Я виновата. Навсегда. Навечно.

Прокаженные. Я представлю, что им пришлось пережить. Люди сторонились их, несмотря ни на что. Прогоняли, избегали. На мне нет их уязвимости, но я чувствую себя одной из них.

Кто посмотрит на меня? Кому я такая нужна? На вопрос: «Сколько у тебя было парней»? Смогу ли ответить?

Отношения не для меня. Теперь я точно и безоговорочно убеждена в этом.

Домой мы ехали в полном молчании. Алекс тактично накинул на мои плечи свой свитер. Слез нет. Я готовилась к такому. Знала, этот день когда-нибудь обязательно настанет.

– Не стоило его бить. Я сама могу постоять за себя, – буркнула я, когда мы подъехали к дому.

– Стоило, – процедил Алекс.

– Некуда девать злость?

– При чем тут злость? Я ударил его не потому что, зол. А потому что никто не смеет так разговаривать с тобой.

– Я заслужила все это. И ты сам знаешь, что это правда. Равно как и ты заслужил свое наказание. Иначе, зачем ты здесь? – выпалила я и бросилась было вон из машины, когда он произнес:

– Пока ты несешь свой грех на груди как крест, люди не упустят случая напомнить о нем, раз ты так его выпячиваешь. И это я не о тебе.

Я промолчала и выбралась из машины, громко хлопнув дверью.

– Сигареты есть? – обратилась я к Алексу.

– Узнает Женька, кто твой спонсор, обещаю не выдать. Отпирайся.

– Ему сейчас не до меня. Мир крутится вокруг Леры. Не заметил?

– Заметил. Но заметил также, что они счастливы. Это плохо? Быть счастливым?

– Откуда мне — то знать? Я чувствую себя лет на 50. Сгорбленная жизнью старуха.

– Ну, тогда я уже фактически прах, раз ты старуха, – улыбаясь ответил Алекс, протягивая мне зажигалку.

Я притворно подула на огонь.

– Вся человеческая жизнь похожа на крошечный огонек. Подует ветерок и нет огня. Нет пламени. Нет человека.

Алекс закурил, выходя из машины. Он прислонился к боку, рядом со мной.

– Это неподходящий разговор между двумя уже почти разложившимися людьми. Но раз мы его начали, ты вдруг выросла и дракон, охраняющий твою башню, теперь и я, хочу прояснить пару моментов. Во — первых, нет выхода, когда ты уже мертв. Во — вторых, не каждый человек, встретившийся тебе на пути, козел и моральный урод. В — третьих, прошлого уже не вернешь. И с высоты своих пожилых лет, могу со всей уверенностью сказать, мир огромен. И право человека выбирать самому свой путь. Ты можешь жить в страшной пропасти и копать себе могилу собственными ручками, а можешь этого не делать. Но чудес не бывает. Бывают люди, которые сами создают чудеса. Позволить себе впасть в такое состояние, Непозволительная роскошь.

– Тогда зачем ты здесь?

– Назовем это замаливанием грехов. В моем случае.

– А в моем?

– А в твоём... Ты красивая девушка, Варя. И помни, крест ты несешь сама. Тебе могли дать его в руки, но решать за тебя никто не может. Ты несешь сама. Подумай об этом. А сейчас прости, надо идти спать. А то я боюсь, поделюсь еще с тобой еще очередной глупостью.

Я докурила сигарету и взглянула на своего еще одного дракона.

– Гиперопека. Знаешь, что это такое?

– Заботиться о близких, не худший грех на свете.

– Иногда забота душит.

– Иногда ты говоришь, как все еще маленькая девочка.

– А ты как старпер. Возраст не показатель мудрости, – последняя фраза осталась за мной. Я развернулась к дому, когда услышала тихий смешок Алекса. Еще и ржет надо мной!

Глава 97. Пора расставить приоритеты.

Алекс

Я старался подобрать слова, не для того, чтобы они стали верными. Нет, хочу, чтобы их смысл стал понятнее.

Разговаривать с Женей в последнее время редко удается. Вернее, не удается сам разговор. Он погряз в работе, и появляется дома поздним вечером.

Я пытался поймать его и в офисе, но малость растерялся среди вороха бумаг. Закатал рукава в буквальном смысле и тоже пропал там. Бизнес есть бизнес.

Надя приносила нам обоим кофе, и сама садилась разбираться.

Промучившись так три добрых часа, мы поехали домой. Как и ожидалось, Варя ждала нас на кухне, отправила мыть руки, пока подогревала ужин. Решимость моя крепла.

Девушка щёлкнула чайником и ушла. Мы остались вдвоём. Женя слишком занят ужином, но деваться некуда.

– Вам пора пересмотреть приоритеты.

– Ты о чем?

– Нельзя сваливать на твою единственную сестру все.

– Что к примеру?

– Заботу о детях. Они едва не ночуют у нее в комнате всем скопом. Она готовит, она убирает. Она с ними сидит. Каждый день.

– Алекс, можно я поем?

– Нет. Сначала выслушай. Ей досталось не меньше вашего, а быть может значительно больше. Определи обязанности. Ради своей семьи. Варя молодая и умная девушка. Ей учиться надо, а не работать бесплатно нянькой.

– Я подумаю об этом, – пообещал Женька и, естественно ничего не изменилось. Лера продолжала заниматься лишь малышом, Оксана— Никитой. Остальные дети остались все на Варю. Бесполезно бороться, раз она молча тянула ляжку. Я помогал ей, старался облегчить ее ношу хотя бы немного. Равно как и Ира. Андрей в меру своих возможностей помогал тоже, правда воспитатель из него никакой, как и отец.

У меня получалось ладить с детьми. Даже с Димой. Парень нелюдимый и его единственным другом стал Никита. Никто из взрослых не стал ему ближе матери и отца. Он достаточно взрослый, чтобы принять их смерть. И от этого мне особенно его жаль. Я потерял родителей и не в столь нежном возрасте, но в любом возрасте это мучительно больно. На контакт парень шел, если пытаться пробиться через плотные заросли. Путь к его сердцу еще не за кирпичной кладкой, всего лишь заросли...

Варя

Домашние чрезвычайно бесят. Все норовят окружить заботой. Глядя на зареванное лицо, многое станет понятным.

Я не выходила из комнаты и ни с кем не общалась. Выполняла переводы и слушала музыку. Не так давно увлеклась изучением французского языка. Сложно сказать, получается или нет. Но мне нравится. От желания чем— то занять свой мозг, можно сойти с ума.

Алекс в совершенстве знает французский и раз мы все едем во Францию, надо чтобы хотя кто— то понимал о чем речь. Братец решил, мол наверстает. Ему вполне хватает и

знания английского. Пижонство. Но это мой брат. Посмотрю на него, когда ему приспичит спросить например дорогу, а он будет напоминать рыбу, вытащенную из воды.

Женя со своей женой ни за кого не обращали внимания, упиваясь семейным счастьем. Какая тут братская поддержка? Когда Лера его Вечная головная боль...

Я не часто оставалась в одиночестве. Всегда находился тот, кто его разрушал: дети, Алекс, Ира. Иногда Андрей. Сейчас тетушка решила брать баррикады.

– Что ты планируешь делать дальше? – Ирина поймала меня в зале, когда я решила немного передохнуть.

– Как что? Мы уедем отсюда.

– Тебе необязательно уезжать с ними.

– А что мне делать? Остаться с отцом?

– Нет. Уехать со мной.

Я приоткрыла рот. Вот это новость

– Зачем? – осторожно спрашиваю.

– Затем, что у них семья. А ты им зачем? В качестве няньки? Не совершай ошибки. Подумай хорошенько. Мы уедем туда, где тебя точно никто не знает. И ты забудешь Артема как страшный сон.

Я уставилась в стену. Заманчивое предложение. И может, стоит согласиться? Все лучше, чем здесь.

– Мне надо подумать. Немного. До отъезда.

– Хорошо думай, – Ира улыбнулась, и я подумала, как же безумно соскучилась по маме.

Алекс

Я заметил огонек от сигареты и вышел покурить. Никак не могу бросить. Варя куталась в шаль на крыльце и вздрогнула при моем появлении.

– Ничего?

Она пожала плечами. Бедный ребенок. Разумеется, все жалели ее и я в том числе. У нас с Женей была мысль на счет ее «кавалера». Можно было проучить его. Лера отговорила. Мол, ждем и так визы, чего усугублять?

Варя протянула зажигалку, заметив мои поиски по карманам.

– Спасибо, – сказал я, возвращая зажигалку.

– Знаешь, кажется теперь, ни один нормальный парень не прикоснется ко мне без отвращения.

– Видел бы он тебя по— настоящему, вряд ли прошлое его заинтересовало. Ты сильнее этого. Сильнее, чтобы заикливаться на прошлом.

Я говорил ей как чувствовал. Бедная девочка теперь напоминала хрупкую изящную вазу. Тронешь и она разлетится осколками, потому что уже давно держится сама по себе. Обидно, ведь она совсем не похожа на Катю. Фигурой быть может, да и Варя значительно сильнее ее по характеру и упертости. Варя похожа на Ольгу, а Катя на Андрея. Ночь и день. Луна и солнце. Странно. Почему я все время сравниваю их?

– Я не спец по отношениям. Но мне кажется, ты обязательно встретишь еще достойного человека.

– Ира предложила мне уехать с ней.

– И ты?

– Сказала, надо подумать.

– Думай, конечно. Это шанс начать все заново. Самой. Уверена, что справишься, то соглашайся. Всю жизнь не проживешь с братом.

– А ты? Ты то едешь с ними.

– Мы нужны друг другу. И я нашел вам отличный дом. У меня и у Вики есть свой.

– Хорошо, что у тебя есть Вика. А я лишена буду этого. Кроме племяшей, своих детей не видать.

Она произнесла последнюю фразу с таким кажущимся равнодушием. Ведь она давно уже смирилась с этим. Приняла. И не могла понять, почему данный факт шокирует остальных.

Мне нечем утешить ее. Обнять и даже прикоснуться к ней я не имею права. Бедный ребенок столько пережила, что любое прикосновение воспринимает как угрозу для себя. Поэтому мне осталось лишь докурить сигарету и затушить окурки.

Девушка поежилась и робко улыбнулась:

– Мир не жесток. Люди в нем, да.

На это даже возразить нечего.

– Поддерживаю. Знаешь, я придумал одну штуку. Хочешь прокатиться?

Мы выскользнули из дома словно воришки. Приехали в парк. Мне всегда здесь нравилось. Небольшой лес и каменная лестница, ведущая наверх. Наверх на небольшую площадку, откуда на город прекрасный вид.

Я вышел из машины, открыл Варю дверь и протянул руку.

– И чего мы тут делаем?

– Гуляем. Пошли. Спорим, я окажусь наверху быстрее тебя?

– С твоим радикулитом? Навряд ли, дедушка, – возразила Варя, проворно выбираясь из авто и вбегая в парк. Против воли я усмехнулся и побежал догонять девушку.

Варя довольно быстро забиралась по узким ступенькам. Девчонке хватало сил еще и насмеяться надо мной. Ну, погоди!

Давненько я не штурмовал вершины. Здесь, если мне не изменяет память, всего— то ступенек 60. Черт их побрал. Узкие, кривые. Их что вырубали гномы? Мне даже с 41 размером некуда ставить ногу.

А Варя успевала чередовать и слегка подпрыгивать на ступеньках.

Чтобы отдышаться, я притормозил и облокотился на перила. Солнце почти догорало в небе, разливая красноватый рассеянный свет по облакам.

– Что пенсионер сдался? Дыхалки не хватает? А я тебе говорила, бросай курить, – подскочила раскрасневшаяся Варвара.

– Мне станет невообразимо скучно без сигарет. Вся романтика уйдет, – пояснил я.

– Приятно уступать дорогу молодым?

– Все мы неизбежно постареем.

Варя шлепнула меня по животу.

– А тут что? Комок нервов?

Я задернул футболку, показав почти идеальный пресс. До Женьки, конечно далековато, но мне есть куда стремиться.

– О, а я надеялась на пузико, – рассмеялась Варя, тыча в мой живот пальцем, – Ты погляди только.

Вернув футболку на место, я дернулся наверх. Старпер. Вот еще.

Слыша позади возмущенный вопль Вари, я в три прыжка долетел до вершины. И прислонившись к столбу, дождался, пока девушка доползет до верха.

– У меня ноги болят, обратно не полезу, – категорически заявила она, хмурясь и усаживаясь на скамейку.

Я только хмыкнул.

– Иди посмотри, какая красота вокруг. Давай набери в грудь воздуха и вырази свое мнение.

– Это как?

Я глубоко вздохнул и заорал:

– Все мужики козлы!

– Ааа! Уроды! – вторила мне Варя.

– Сама дура! – крикнули откуда— то со стороны. Мы прыгнули от смеха.

Наоравшись от души и почти охрипнув, вернулись домой, когда солнце уже давно село. Никому не сказали, куда ездили. Ира вопросительно взглянула на нас, давящихся смехом в коридоре и молча улыбнулась.

Тут же мы с Варей замерли от чувства дежавю. Я помню эту улыбку и помню, в какой именно момент ее увидел. Такую улыбку ни с чем не перепутать. Материнская, искренняя улыбка. Так смотрят только матери на слегка расшалившихся детей, с умилением и любовью, всепрощением.

Тщетно пытаться спрятать свои воспоминания под крепкий замок. Поэтому стремясь заглушить их еще дальше, чем возможно, мы все отправились на свадьбу Сережи и Светы.

Мы не самые веселые люди, но на свадьбе оторвались. Прежний Женя, балагур и звезда танцпола, вернулся. Скромная и тихая Лера осталась дома, вместо нее роковая блондинка не отставала от мужа в танцах. Я давно так не веселился, стремясь не упасть лицом в грязь после их зажигательных танцев.

Алиса, с той которой я познакомился уже на свадьбе глаз не сводила с этой пары. Теперь она точно поняла, не по зубам ей разрушить ее.

Мы танцевали с Ирой. Безупречно элегантная девушка. Про таких говорят, порода. Да, благородство в крови.

Женя уже вовсю отплясывал с невестой, когда как жених танцевал неторопливо с Лерой. Народу на свадьбе, кстати, не так уж и много.

Варя одиноко сидела в сторонке, улыбка приклеилась к ее губам намертво, глаза при этом же остались грустными.

Ира кивнула мне на нее:

– Она боится мужчин.

– После всего, что на нее свалилось, это ожидаемо.

– Но прошло уже больше трех лет.

– Я был там, когда Женя вынес ее на руках. Такое никогда не забыть. Ей сейчас бы парня терпеливого, а не того козла. Тут нужно время. Меня и Женю она же не боится. Я уже давно как родственник, а Женя брат. Она даже Юре не позволяла к себе прикоснуться. Что говорить о других. Сейчас, конечно будь он жив, она скорей бы оттаяла.

– Я хочу забрать ее к себе. Мы много путешествуем.

– Это решать уже ей. Правда, думаю, брат будет сильно возражать.

– Девочке пора начать свою жизнь. Без его крыла.

Я пожал плечами. Может, она в чем— то и права. Я знаю Варю, пусть с недетских лет,

но все же испытываю к ней родственные чувства. Подобной судьбы никому не пожелаешь. С тех пор как я взял на руки дочь, мировоззрение претерпело значительные изменения. И кажется, Варя не хватает уверенности в себе. Она как все мы прячется от этого мира. А ведь многие мужчины на свадьбе бросали в ее сторону заинтересованные взгляды. Никто, правда, подходить не смел. Слишком холодно. Почти ледяная, мертвая зона. Не для меня, впрочем. И не для Жени.

– Пошли танцевать? – спросил я, протягивая ей руку.

– Я не танцую.

– Отчего же?

– Не умею, – застенчиво прошептала девушка.

– Просто ты не пробовала танцевать с королем танцев. Пошли, все будут глазеть на меня.

Варя не устояла и в ответ протянула маленькую ручонку.

Как назло, заиграла медленная музыка. Я давно уже не вытаскивал себя на танцпол. Наверное, в последний раз это было на свадьбе Руслана. Эх...

Варя доверчиво положила мне руки на плечи, маленькая и хрупкая как неземное создание. Эльфийка не иначе.

– И когда ты успела вырасти?

– Мы все взрослеем неожиданно, – с грустью произнесла она.

Я приобнял ее за талию, почувствовав ее дрожь и желание убежать, отпрыгнуть от меня куда подальше.

– Ничего страшного. Это медляк. Руки у нас обоих на месте. Варвара, я последний человек на этом празднике, который может тебя оскорбить ненароком. Так что дышим ровно и медленно переступаем ножками.

– У меня обе ноги левые.

– Напугала. У меня правые. И к тому же в медляке вообще неважно количество ног. Главное, не отдавить их напрочь.

– Почему ты возишься со мной? Вокруг полно девушек, с кем можно потанцевать.

– Ага. И лишь ты не танцуешь. Мне не в тягость, если ты об этом.

– Не надо делать что— то в одолжении.

– Предлагаю потанцевать что— то более ритмичное, раз ты такая колючая.

Варя не успела отвертеться и сбежать. Круговорот танцующих унес нас далеко друг от друга. И впервые мы все видели ее улыбку. Счастливую улыбку.

– На такое волшебство способен только ты. Покружимся? – пригласила меня Лера. И ей я не смог отказать.

Домой мы приехали поздно. Из такси вывалились по очереди. Озабоченные Женька и Лера всю дорогу целовались, как будто завтра вступает запрет на поцелуи. Чувствую, ночь будет жаркой.

Дети мирно спали в своих кроватках, сонная Оксана встретила нас в легком халатике с книжкой в руках. Она единственная, кто не поехал на свадьбу. Света и Серега пригласили ее из вежливости, зная она откажется.

– Как прошло?

– Отлично. А ты как?

– Я нормально. Пошла спать. Спокойной ночи.

Я повернулся к ней спиной и готовился уйти, когда Варя меня остановила тихим шепотом:

– Алекс, спасибо.

– Не за что, – ответил я, улыбаясь. Девушка постояла еще мгновение, покачиваясь с пятки на носки и ушла, оставив в легком недоумении.

Утро выдалось тяжелым. Няня прислала отчет как обычно, партнеры завалили вопросами. Мне нужно возвращаться. Тем более здесь ничего не держит.

Поэтому я заказал себе билет и спустился на кухню, где на меня уставились во все глаза Лера, Женя, Андрей и Ира.

– Я что— то пропустил? – спросил я, удивленно оглядывая всю притихшую компанию.

Женя заговорил первым:

– Алекс, ты присядь только. И дыши ровней.

Я непонимающе уселся на стул, и тогда Женя глубоко вздохнул и продолжил:

– Она жива. Провалялась в коме почти два месяца, память фактически к ней не вернулась. Но она смогла назвать свое имя. Наша Катя возвращается домой.

Глава 98. Память обманчивая штука

Алекс

Это уже не моя Катя. Бледная потерянная от бесконечных объятий, вопросов. Никого из нас она не вспомнила.

Андрей сам летал за ней, и мы все скопом ждали их возвращения. Сиротками, столпившись возле окна.

И вот на второй день джип подъехал к дому, сначала вышел Андрей, следом Катя. Она равнодушно скользила по нашим лицам взглядом. Я с трудом держался, чтобы не заключить ее в объятия. Нельзя. Равновесие наконец восстановлено. Андрей представил меня как дядю, наверное к общему облегчению. Мне все равно. Она жива. И лишь это имеет значение.

Катю проводили в комнату, я словно зачарованный следовал за ней тенью, еще не веря в происходящее. Закрою глаза хотя бы на мгновение и карточный домик разрушится.

Катя вернулась. И неизменным на ней осталась ее любимая красная помада.

Естественно, никуда я не поехал. Куда и как я могу поехать? Тем более сейчас, когда она бледная и хрупкая смотрит на меня своими бездонными глазами, полные вопросов? Как я могу вновь оставить её?

Мы как могли окружили девушку заботой и вниманием. Она что— то помнила, что— то нет. Андрея она узнала. Правда, отцом не звала. По имени только. Видимо, семейное это у них.

Примерно через недели две, когда девушка пришла в себя, стала более разговорчивой, Женя отвел меня в сторонку и начал разговор, давшийся ему нелегко. Он давно вынашивал его, лелеял как маленького ребенка и теперь время пришло.

— Что случилось? К чему эта таинственность?

— У тебя есть знакомые, которым можно довериться?

— Это ты к чему?

— Я буду краток и честен. Хвала Небесам, что сестра рядом с нами, я безмерно счастлив ее возвращению. Но покоя не дают мысли о том, где мы это пропустили.

— Пропустили что?

— Я не доверяю Андрею. Сейчас особенно. Сначала исчезает Катя, он рядом, живет у нас. Потом появляется тетка, потом воскрешение Кати. Что— то тут не вяжется. Я хочу знать все.

— Он же тебе все рассказал. Ты сам ездил на опознание.

— Я ее не видел. Тело. Не видел. Было так страшно и тяжело. Поэтому я больше поехал для моральной поддержки. Теперь я хочу знать все. Как, почему, где. Фото, видео. Хочу знать, чем он занимается. Весь его день.

— Это паранойя. Нет?

— Нет. Если на кону наша жизнь и жизнь детей. Я должен знать, кого пускаю в свой дом и для чего.

Я хмыкнул и это не прошло без его внимания.

— Что?

— Наличие Оксаны в доме меня смущает больше.

— Она старый друг.

— Наверное, привычное дело у друзей пытаться залезть в трусы друг друга?

– Я не понимаю...

– Все ты прекрасно понимаешь. Варя и я, мы не слепые. Она смотрит на тебя и это не простые дружеские взгляды. За что ей ненавидеть тебя?

– Она меня не ненавидит. У нас сложные отношения и всегда они были непростыми. Так ты сможешь помочь?

– Смогу, – пообещал я. Помочь я, действительно могу. У Натали, моей жены есть сестра. Мы поддерживаем с ней хорошие отношения. Нас связывает память потери. И пусть отношения между сёстрами не ладились, Сара любила сестру. У нее свое детективное агентство, поэтому я надеюсь на её помощь.

Написал ей сообщение и тут же поспешил к Кате. Девушка смотрела телевизор, скрестив и без того слишком худые ноги. За шесть месяцев она не утратила своего изящества. Она неохотно разговаривала со всеми, кроме отца. Тот старался проводить с ней как можно больше времени и Женя внимательно наблюдал за ним.

Естественно, Сара согласилась помочь. Дело стоило больших вложений и на наше счастье они у меня есть. К обсуждению деликатного разговора мы больше не возвращались. Женя ждал результата, его пока не было.

Катя

Память. Она представлялась мне огромной библиотекой, со стеллажами до потолка. И в этой библиотеке сейчас лишь пыль.

Целые стеллажи моей жизни утеряны нерадивыми читателями.

Я тщетно пыталась вспомнить, в частности этого красивого и грустного мужчину. Его океановые глаза не давали покоя. Их глубина пугающе знакома.

Я плохо помню тот роковой день. Помню яхту. Маленькую, изящную яхту. Очнулась я уже в больнице. Это все, что нашлось на полках библиотеки под названием «моя память».

Неясные отрывки, чьи— то голоса. Я провалялась в коме пару месяцев, так сказали врачи. Меня никто не искал, потому что уже похоронили, опознали чужую девушку, внешне похожую на меня. Хотя думается, опознать там было нечего. Властям надо было убрать это некому ненужное дело о пропаже, поэтому и к опознанию отнеслись весьма прозрачно.

А теперь мне нужно восстановить свою жизнь... Если это возможно.

Быстрый, а потом тщательный обзор моей комнаты не дал никаких результатов. Красная помада, короткие шорты, пара платьев, джинсы. Ничего интересного, никакого намека на мою жизнь. Ни дневника, ни записок, ничего. Ни одного клочка бумажки. Видимо, я не вела никаких ни подсчетов, ни списков. Интересно, чем я занималась— то вообще? Кем работала? О чем мечтала?

Никто не мог рассказать мне больше, чем родные. Хотя судя по их поведению они знали обо мне втрое меньше, чем я сейчас. Высокий блондин, называвшийся моим братом, не смог ничего рассказать о моем детстве. Равно как и его (моя) младшая сестра. Она красивая и кроткая как ангел. И внешность обманчива.

Мой отец немногословен. Сложилось впечатление, что ему особо поделится нечем. Отец года не иначе.

Женя

Алекс сидел в кабинете, уставившись в окно. Я несмело подошел к нему, и он каким-то образом не отреагировал на мое появление. Возвращение сестры еще больше привязало его к

нам.

Никто не сказал ей правду. Не потому что мы не хотели. Нет.

Это его просьба. Он не хотел ее воспоминаний. Мы долго спорили на эту тему и все же оставили как есть.

В кабинет зашла Катя. Она удивленно посмотрела на нас обоих и протянула:

– Мне кажется, я проводила здесь много времени раньше. Нет?

– Бывало, – осторожно ответил я, избегая взглядов Алекса.

– Может хотите чаю? Лера испекла шарлотку.

– Мы спустимся через пару минут, – пообещал я и сестра ушла.

– И что теперь? Ты уедешь?

– А у меня есть выбор?

– Кто знает.

– Я не стану ничего менять, если ты об этом.

Нет возражений. Он сдался и это очевидно. Ситуация прояснилась. Она его не помнила. Не помнила, как долгие вечера грустила в своей комнате, роняя на подушку слезы. И быть может забвение не худшая награда в жизни?

Они стали общаться как дядя и племянница. Никаких полутонов, полутеней, скрытых улыбок и дрожания губ, переплетения пальцев. Ничего. Им по—прежнему легко разговаривать, есть общие интересы и как прежде Катя смотрела на него как неведомое доселе чудо. И как прежде он оставался для нее загадкой.

Он в её присутствии становился другим. Отчужденным. И с каждым днем пропасть между ними увеличивалась. Да, они по—прежнему кружили вокруг друг друга как два спутника, но теперь да, это напоминало больше семью, чем влюбленных.

Алекс относился к Кате с особым бережным отношением. Приносил чай, укрывал ее ножки покрывалом, следил за тем как, что она принимает в качестве лекарств. Андрей между прочим не отставал от него. Он поначалу воспринял Алекса в штыки, но поняв, его ухаживания не имеют под собой другой подоплеки, кроме родственной, успокоился.

Нам безусловно жаль.

Жаль отголоска той любви, которой не суждено было расцвести, подобно роскошному цветку.

Я не могу представить, как бы вёл себя на месте Алекса. Не могу. Поддерживаю его выбор, потому что принимаю цену. Цену, которую он платит за ее спокойствие, сложно представить.

И ещё сложнее представить реакцию Кати, когда память к ней вернется.

А она вернется.

И моя бедная сестра поймет, он снова предпочёл остаться при своем мнении. В этом весь наш друг. Я бы не выдержал. Но я не он. И судя по всему выдержка у него железобетонная.

Глава 99. Знаешь, как фырчат ёжики?

Варя

Я сидела на кухне, попивая чай после особо активных игр с детьми. За прошедшее время они здорово меня вымотали. Я несказанно рада возвращению Кати, пусть это и причиняло боль дорогому мне человеку. Пусть он и утверждал обратное. У нас есть глаза. И они видели, как он смотрит на нее, когда она рядом с ним.

От раздумий меня отвлек звук сообщения в ватсапе. Опять Артем. Почему он никак не оставит меня в покое? Привязался, зараза. И что на этот раз?

Хочет встретиться. Ненормальный. Сначала посылает, потом бегаёт. Ненормальный.

– Чего тебе надо? – пишу ему ответ и тут же получаю новое сообщение.

– Варь, я бесконечно виноват. Выслушай меня, пожалуйста.

– Отвали.

– Я прошу пару минут.

Делать нечего, я согласилась. Не потому что интересно, а потому что эти парочки, любовные треугольники начали раздражать.

На улице прохладно, не смотря на календарь. Осень не самое мое любимое время года. Больше всего я люблю зиму и весну.

Артем явился с цветами. Знал бы он меня лучше, понимал насколько это бесперспективно. Но он не знал.

Парень начал издали песню, известную мне. Я не стала слушать и развернувшись хотела уйти, когда он сказал:

– Ты не понимаешь меня. Ничего не рассказывала о себе.

Мне пришлось повернуться к нему:

– Тема, что я должна была рассказать? О том, что меня изнасиловали? Поэтому я боюсь парней как огня? Я об этом должна сказать была в первый же день знакомства? Ты бы рассказал о таком?

– Откуда же мне было знать правду? Когда твоя подруга позвонила моей матери и рассказала, чем ты якобы раньше занималась, какова должна быть реакция?

– Кто позвонил? – опешила я. Но Артем продолжал говорить, не обращая внимания на мой вопрос:

– Да, я виноват, что не узнал все сам, а обвинил тебя. Да. Виноват. И извиняюсь теперь. И мама виновата и просит просить ее. Но ведь мы ничего не знали как было все на самом деле.

– Кто звонил? – закипела я.

– Мы не знаем. Она представилась твоей подругой.

– У меня нет подруг, – буркнула я и отправилась назад в дом.

Артем остался растерянно смотреть мне вслед. И пусть. Не собираюсь ничего менять. Интересно, кто же до такой степени меня ненавидит?

Один вариант у меня все же есть. И сейчас она сидела на кухне и пила чай. Я подошла к Лере и выбила чашку у нее из рук:

– Ты считаешь это смешно?

– Ты совсем чокнулась?

– За что ты так со мной? Из— за брата? Из— за чего?

– Я не понимаю, чего ты тут разоралась?

Лера встала со стула и уставилась на меня.

Дальнейшее я помню смутно. Вроде я вцепилась ей в волосы, она тоже. Потом меня уже оттаскивал кто— то, Женя закрывал Леру. Кто бы сомневался.

Алекс почти швырнул меня на кровать. Я зарылась в одеяло и подушки. Не хочу никого видеть.

– Что на тебя нашло? – парень осторожно опустился возле моей кровати на колени.

– Тебе то что?

– Не будет обмениваться колкостями. Расскажешь, что случилось?

– Нет. Уходи.

– Я всего лишь хочу помочь. Просто выслушаю.

– А я не хочу ничего говорить. Она получила по заслугам.

– Рассказать тебе историю? Молчание знак согласия. Ты знаешь, один раз под новый год Натали как обычно умотала куда— то. Я остался один. Ужасно не хотелось встречать праздник одному, и я рванул сюда, в Россию. К вам домой. Тебе тогда было лет 12— 13. Мы напились с Русланом и Женей, Лешкой, Егором как последние сволочи. Виноват то был я, единственный совершеннолетний на тот момент.

– И в чем суть басни?

– В том, что у вас дома всегда хорошо относились к гостям. Мама Оля. Так все называли её. Никакой тети Оли. И она ни капельки не ругалась на нас. Суть такова: терпимее надо быть к близким. Я уверен, это не Лера звонила и говорила о тебе гадости.

– Она. Кроме нее, никому. Это вы все видите в ней ангела во плоти. А я знаю какая она на самом деле дрянь.

Алекс сморщился и запустил руку в волосы.

– Ты не делишь мир на белое, черное. Он у тебя весь черный. Нельзя винить всех вокруг и себя в том числе. Ты ни в чем не виновата. Не виновата.

Он произнес мне эти слова, и я непроизвольно заплакала. Этих слов мне давно никто не говорил. Можно бесконечно обвинять себя и зарываться все глубже в ил, в тину, в болото. Но я больше не хочу.

Алекс протянул руку ко мне и осторожно коснулся волос.

– Сколько я тебя знаю, ты всегда напоминала ёжика. Такого невозможно колючего. Знаешь, как фырчат ёжики?

Я замотала отрицательно головой.

– Фыр— фыр, – улыбаясь произнес Алекс, забавно сморщив нос

– Прямо фыр— фыр?

– Ага. Фыр— фыр.

Теперь и я улыбаюсь сквозь слезы:

– Не знала о твоём тайном увлечении.

– Ты много обо мне не знаешь. Ёжики не самое худшее из них.

Нас прервали. Женя вошёл в комнату без стука.

– Алекс, выйди, пожалуйста.

Брат ни коим образом не прокомментировал нахождение Алекса в моей комнате, равно как и наше близкое положение к друг другу. Алекс вышел, бросив на меня сочувствующий

взгляд. Мне предстояла взбучка.

Женя остановился напротив меня, скрестив руки на груди. Правда, сдавать позиции не в моей натуре.

– Она получила по заслугам. Я извиняться не стану.

– Так значит? Не станешь?

– Не стану, – твердо повторила я.

– Она моя жена. И мать моих детей. Не уважаешь ее, не уважаешь меня. Это понятно?

– Иди к черту. Это понятно?

– Варя, я не хочу ссор, скандалов, криков и так далее. Я уверен, это не Лера звонила. Так что, пожалуйста, давай обойдемся без дополнительных драм в нашей жизни.

– Значит, ты на стороне своей милой женушки.

– Я против ссор и негатива.

– Ой, ну прости, братец, что я такая вся негативная. Я уеду к тете Ире, чтобы не мешать вам всем прекрасно жить.

– Ты ведешь себя как ребенок.

Вместо ответа я показала брату неприличный жест.

Он психанул и пулей вылетел из комнаты. Вот и славно поговорили.

Я снова уткнулась в подушку. Почему любимый брат всегда на стороне этой ведьмы? В том, что это она, сомнений нет. Либо она, либо ее рыжая подружка. Больше некому. Как и защитить меня, кроме Алекса некому.

У него точно такая же рана в груди. Не от сердечных ран, поскольку мы оба ими не страдали.

Мы понимали друг друга, потому что нас ломали бесконечное количество раз. Ломали руки, которые мы протягивали в немом крике помощи, переламывали в мясорубке наши тела и подавали под соусом: «Это жизнь такая хреновая». Попадая под каток судьбы, мало шансов остаться прежним.

Ты неизменно меняешься и принимаешь себя, таким как есть.

Я— Варя. И быть может, смотря однажды на себя в зеркале, я смогу прямо и не испугавшись посмотреть себе в глаза.

Женя

Я вылетел из комнаты Вари и спустился вниз, где наткнулся на Алекса.

– Вижу разговор не очень удался?

– Она невозможна. Честное слово. Вбила себе в голову и не выбить дурь.

– Не зря вы родственники.

– Очень смешно. Обхохочешься.

– Да, ладно. Это пройдет. Она ещё не выросла.

– Порой мне кажется, мы все еще не выросли. Слушай, забери ее с собой, раз ты всё равно едешь.

– Ты в своем уме?

– А что такого? Поживет у тебя, остынет до нашего приезда. Ну пожалуйста.

– Будто она поедет.

– Она собралась к Ире. Это недопустимо.

– Почему?

– Потому что я в ответе за неё. И доверить ее могу только тебе. Ты присмотришь за ней.

– А своей жизни у меня быть не может?

– Твоя жизнь ходить за Катей тенью? Так не все ли равно?

– Спасибо за напоминание. Очень мило. Мне в принципе все равно. Поедет, отлично.

Нет, уж извини. Ей решать. Ок?

– Ок.

– Это странно, ты не находишь? Варя твоя сестра. А ты практически выгоняешь ее из дома, чтобы она не мешала Лере. Не бред?

– Всем будет спокойнее.

– А детям? Варя ими только и занимается.

– Мы справимся.

Алекс прав. Но Леру не остановить. Она ревела, истерила после ссоры с Варей и пришлось пообещать ей каким-либо образом уладить ситуацию. Вот я и уладил.

Варя демонстративно не разговаривала со мной, равно как и с Лерой. Последняя не сильно возражала. Хотя я попытался наладить отношения между ними. Но все осталось по—прежнему. Варя занималась с детьми, не обмениваясь ни словом с их родителями. А я... Я часто думал, во что превратилась наша жизнь. Я женился на самой желанной девушке в мире, и с тех пор моя любовь не изменилась. Не хочется, чтобы младшая сестра чувствовала себя обделенной или чужой в родном доме. Но так стало происходить и глупо этого не замечать. А как наладить нашу жизнь, я не знаю.

Катя и Варя вроде заново подружились, по крайней мере проводили время вместе, наравне с Алексом. Втроем они не могли мирно существовать. И что— то подсказывает, чаще всего они оба: Катя и Алекс делили общение сестры. Алекс гулял с Варей и детьми, неизменно по несколько раз в день. Катя любила больше сидеть дома, смотреть фильмы на диване. Вдвоем Алекс и Катя никогда не оставались, чего нельзя сказать о Варе. Вообще, в доме образовалось два лагеря: Алекс, Варя, Катя, Андрей и Ира, во втором: я, Лера и Оксана. А между нами дети.

Сестры не дружили обе с Лерой и Оксаной. Катя предпочитала не ругаться, а давить численностью. Поэтому любое сражение выигрывал их лагерь. Это касалось кухни, распределения обязанностей, детей. Я не лез, тратя почти все время на работе. Лера жаловалась на сестер, я ругался, а все равно оставался в дураках.

Глава 100. Что мне делать со своей любовью

Катя

Когда-нибудь Вас окатывало холодной водой? Тоже самое чувство настигло меня врасплох. После завтрака, пока старшие были в школе, мы с девочками и Степой играли во дворе. Я убежала от хохочущего Степы вокруг домика и поскользнулась. Но не успела шлепнуться в грязь. Алекс поймал меня и в ту самую минуту, когда он прижимал к себе, я вспомнила. Вспомнила наш поцелуй и переплетение рук.

Воспоминания нахлынули, смели меня сегодняшнюю.

Алекс осторожно опустил меня на землю и даже не посмотрел, оставил и кинулся вслед за детьми.

За что? За что ты вновь так со мной?!

Ничего никому не сказала. Заперлась в комнате, сославшись на головную боль и прорыдала пол вечера. Не понимаю, почему? Почему он промолчал? Почему? Почему ничего не сказал...

Я стала следить за Алексом. Доходило до смешного. Но остановиться я не могла. Быть может есть еще шанс. Обрету вновь, что потеряла. Стану единым целым. Если вспомню все до мельчайших деталей, все может измениться. Между мной той, раньше и этой, шесть проклятых месяцев тишины...

Он и Варя каждый день гуляли с детьми. Неизменно. Никакая плохая погода не могла удержать их дома. И это... это выглядело... Выглядело по— семейному. Целой картиной. Общение между этими двумя не выходило за рамки приличий, по крайней мере я не заметила ни одного жеста или взгляда, которое можно истолковать по другому.

Мне почти ничего неизвестно о матери. Сколько я не пыталась Алекса вопросами, он отвечал крайне неохотно. Разыскать человека, когда не знаешь о нем ничего, проблематично.

Вечером, поймав Андрея в коридоре, я пристала с вопросами к нему. И тут новоявленный папаша проявил крайнее радушие и пообещал познакомить с мамой, если я уговорю Алекса на совместную встречу.

К выполнению задания я приступила тут же. Алекса нашла в спальне девчонок, он читал им сказки, одновременно и по скайпу своей дочери.

Невольно я заслушалась и прильнув к косяку двери, осталась послушать. Слишком поздно я заметила Варю, сестра, полулежа рядом со Степой, тоже слушали сказку.

Сказка длинная и я почти забыла, чего жду. Алекс едва не проскочил мимо меня, когда я умудрилась схватить его за рукав.

— Саша, можно поговорить с тобой?

— Конечно. Пойдем на улицу, выйдем. Хочу прогуляться немного.

Я согласно кивнула и бросилась за курткой.

— Я похожа на мать? — решила брать быка за рога.

Алекс с улыбкой взглянул на меня:

— Нет. Мы с Никой тоже не похожи. Кроме цвета волос.

— Я хочу познакомиться с ней.

— Поверь, это не лучшая идея.

– Почему?

– Ты не интересовала ее до определённого времени. 25 лет она не интересовалась твоей жизнью. И плевать хотела на ее существование. С тех пор, насколько я знаю Нику, ничего не изменилось.

– И с чего она заинтересовалась мной? В какое определенное время? Что произошло?

– Катерина, я понятия не имею, моя сестра крайне неординарная личность, – он соврал. И эта ложь настолько очевидна, настолько открыта, что я почти увидела нечто сокровенное, скрытое от любопытных глаз.

– Ты познакомишь нас?

– Нет. Пойми, знакомство с ней не принесет ничего хорошего.

– Я хочу пойти с тобой. Неужели тебе так сложно познакомить нас?

– Не в моих силах запретить тебе увидеть ее. Но и вместе с тобой, даже ради тебя, нет.

Алекс

Я сказал гораздо больше, чем следовало бы. Представить на миг Катю рядом с Никой? Может ли быть что— то более ужасное? Правда, упрямства Кате не занимать. Чего, чего, а этого добра навалом.

– Можешь совсем не отвечать на мой вопрос, – пробурчала Варя. Я забыл о ее присутствии, на пару минут выпадая из реальности.

– Извини, я задумался. Что за вопрос?

– Уже ничего. Ты нервничаешь. Из— за чего?

– Она хочет увидеть Нику. А я этого не хочу, – ответил я, решив, от Вари не хочу тайн.

Девушка пожала плечами:

– Она практически ничего не помнит. Поэтому желание увидеть мать понятно. Я бы все отдала на свете, выпади такая мне возможность. Пусть познакомятся.

– Ты с ума сошла?

– В твоём присутствии. Тогда Ника навряд ли сможет накапать своего яду ей в душу. Катя умная девушка и все поймет. Всяко лучше, чем она пойдет с папой.

В словах Вари есть резон. И все же познакомить вновь Катю с сестрой, означает дать последней дополнительную возможность ударить нас еще сильнее. Ради чего такая благодетельность?

Катя

Потихоньку восстанавливаюсь и приходя в себя, я чувствую себя хуже некуда. Память подкидывает странные воспоминания. И чаще всего я не понимаю, правда это или ложь. Никто не хочет мне ничего объяснить. Молчат.

Я пыталась разговорить сестру, бесполезно. Её нелегко вывести на откровенный разговор. Быстрее снег выпадет в июле, чем она выдаст чужие секреты.

Что касается жизни Жени и Леры, тут она болтлива, а стоит перевести разговор на Алекса и она сразу же переводит тему.

– Что ты хочешь услышать?

– Хочу знать какие между нами были отношения. Мне не верится в сказку дяди и племянницы.

– С чего ты взяла?

– Ну мне— то лет побольше, чем тебе. Я знаю, как мужчина смотрит на женщину,

которую хочет.

У Вари резко ухудшается настрой:

– Мы тебя потеряли. И снова обрели. Естественно, это сказалось на нашем к тебе отношении. А Алекс... Он другой.

– Мы целовались с ним. Я точно знаю. Мне непонятно, отчего он ведет себя так, будто нет. Ты знаешь правду?

Варя посмотрела на меня так, словно зная правду, скорей всего вырвала бы себе язык, прежде чем, успев признаться.

– Я не знаю. Мы не говорим об этом.

– А о чем говорите? Вы все время вместе.

– Я учу французский. Он мне помогает. Степа меня зовет, я пойду.

Варя срывается с дивана, где мы раньше сидели. Я смотрю ей вслед и тут на диван присаживается Оксана.

Мне она не симпатична, это внутреннее убеждение. И пусть она улыбается, я чувствую, что не одинока в своей антипатии.

– Как ты себя чувствуешь, Катюша? Вспомнила что— то?

– Пока не очень, – качаю головой.

– Да. Понимаю. Тяжело, когда тебя предпочитают другой сестре. Более молодой и неопытной.

– Не совсем тебя понимаю, – протягиваю слова я.

– Ах, – притворно вздыхает Оксана, – Ты же не знаешь. Варюша уезжает во Францию вместе с Алексом. Он сам берет ее с собой. Прошла ваша любовь.

Я хватаю ее за руку:

– Мы с ним были вместе?

– О, я не знаю имею ли право рассказывать все тебе. Но раз ты настаиваешь. Ведь это ужасно несправедливо, не знать правду. Вы, конечно были вместе. И получив желаемое, любовь прошла. Ты так удачно умерла. А тут она, красивая и молодая. Это так печально, Катюша. Мне так жаль.

Я не стала дослушивать, отпустила ее руку и бросилась в комнату Алекса.

Алекс

Я пошел в душ, смыть с себя все невзгоды этого вечера. Мысли роем кружились в голове. Я хотел домой. К Вике. К ее детским вопросам, рисункам, ладошкам. Дочь подрастала и становилась похожей на маму. Тот же разрез глаз, ямочки на щечках и волосы цвета красного золота. Дом. Милый дом. Мы переехали туда вместе с няней. В наш с Натали дом. Дом, в котором я не мог жить один.

Вике он понравился. Правда. Ее даже не смутили постеры, картины, фотографии Натали, развешанные по всему дому. Она любила смотреть на себя. Куча зеркал, куча фотографии. Везде безумно красивая женщина, давно уже лежавшая в холодной земле...

Я не стал ничего менять пока в ее доме. Наверное, поэтому и подыскивал нам новый дом. Этот следовало продать, чтобы оставить прошлое в покое.

Выключив воду, я потянул руку за полотенцем. Как вдруг замер.

– Удивлен?

Катя стояла, держа в руках полотенце.

– И что ты тут делаешь?

– Жду, пока ты наконец— то выйдешь.

– Вернешь полотенце? Неудобно.

– Чего стесняться? Мы же родня. Уверена, мы сто раз видели друг друга голыми и ничего. Что в этом такого?

– Во— первых, голыми мы друг друга не видели. Во— вторых, отдай полотенце. В— третьих, подожди меня в комнате. И мы поговорим.

– Мне не дают покоя отрывки воспоминаний. Стакан с губной помадой. Короткое платье. Дядя Веня. Флешка. Твои губы на моих. И фраза «океановые» глаза. Что между нами было?

Я протянул руку за полотенцем, и Катя медленно отдала его. А затем повернувшись на носках, покинула ванную. Минуту я постоял в тишине и покое, и приведя себя в относительное спокойствие, вышел.

Девушка сидела в кресле, покачивая ногой. Шесть месяцев я оплакивал свою любовь и вот она передо мной, и я впервые рад нашим родственным чувствам. Не надо ничего менять. Прошлому место в прошлом.

– И о чем ты хотела поговорить?

– Зачем ты уезжаешь с Варей? Поменял одну сестру на другую?

Я поморщился.

– Фу, Катерина. Она же ещё ребенок.

– Девке 21 год. Как мне было, когда мы познакомились. Тебя привлекает этот возраст?

– Ты говоришь странные вещи. Я бы сказал, бредовые.

– Отчего же? Ты считаешь ее красивой? Скажи.

– Боже мой. Вы чего с ума посходили сегодня?

– Ты не ответил.

– И не собираюсь. Этот вопрос, равно как и нахождение тут твоей персоны неуместно.

Я подошел к двери и открыл ее. Жестом указал девушке на выход. Катя встала, потянувшись как кошка, и я вдруг увидел несомненное пугающее сходство между ней и Никой. То же хищное выражение лица исказило ее милое личико, перестав на миг быть таким. Моя девочка выросла, потеряла часть себя, ту часть, что я любил в ней.

– Прости меня. Я не знаю, какая муха меня укусила. Может, я просто ревную. Спокойной ночи, – прошептала Катя и виновато потупив взор вышла. Я с грохотом хлопнул дверью и устало опустился на пол.

Ревность. Значит, часть ее все же помнила меня. Но к кому ревновать? К бедному ребенку? Дурдом

Глава 101. Слишком узкие джинсы

Алекс

Два дня я посвятил тщательному изучению Вари как объекту ревности со стороны Кати.

Излишне худая, если не сказать изможденная, маленького хрупкого роста. Подобно сестре любящая темный макияж, добавляющий ей возраста и ненужной зрелости. Длинные, светлые волосы, странная прядь розовых волос. И замкнутость. Девушка жила и дышала, надежно окруженная кирпичной кладкой. Впрочем, на толпу детей она не распространялась. Те и за проволоку бы проникли, к слову сказать.

Так что Катя зря ревновала. Я не видел в Варе ничего женского, что могло бы привлечь меня. Но мне с ней легко, просторно. Вот сейчас мы оба ползали по ковру, собирая замок из лего в компании детей.

– Саша, а ты умеешь играть в твистер? – спросил увлечённо Никита, – Я так давно хотел поиграть.

– Легко. Тащи сюда свой твистер, – я понятия не имею, что это за игра.

Варя хихикнула:

– Хочешь попробовать? Это игра на гибкость. Ты сумеешь?

– Уверен, мы все сумеем. Кит, тащи.

– Мы нарисовали сами, поэтому строго не судите, старое полотно мы уже давно посеяли, – довольный Ник побежал за игрой, получив одобрение.

– Ты уверен? – удивленно спросила Варя.

– В своей гибкости? Уверен. Раз парень хочет, можем и поиграть.

Никита принес коробку и разложившись мы стали играть. К нам тут же присоединились Женя, Лера и Катя, последняя осталась в стороне, наблюдая.

Я не совсем уж гибкий, не стоило хвастаться.

– Ногу на желтый кружок, а руку на левый красный! – скомандовал маленький диктатор, и остальные дети покатались со смеху. Зато мне открылась потрясающая картина на грудь Варвары. Чёрт. Маленькая, аккуратная, идеальной формы. Чёрт.

Она почти уткнулась мне в лицо! И тут я запоздало вспомнил про свои узковатые джинсы, явно ставшие еще уже в данный момент. Надо срочно подумать о чем— то другом! О чем угодно, желательно ужасно отвратном.

Да, попробуйте этот способ, когда перед носом заманчивое видение. Чёрт!

– Варя, ногу левую на зеленый кружок.

Мы поменялись местами. Теперь она, выгнувшись повисла подо мной, а я над ней. Боюсь, конфуза не избежать. Если я еще раз передвинусь, то футболка и так уже ничего не скрывает, а джинсы натянуты до предела. Мне даже не поправить и не попытаться сделать хоть что— то.

Стояк – это стояк. И чем больше девушка в опасной близости ко мне, тем меньше шансов на переключение.

Я почти зарычал, когда она в очередной раз сменила положение и теперь моему взору предстала еще больше восхитительное зрелище как ее зад. Компания веселилась. Им то что. Конечно, весело, смешно. Веселей то ничего не придумаешь.

– Эй, когда там моя очередь?

– Ты же вроде утверждал, что гибкий и твистер не проблема? – заулыбалась Варя. Мое

лицо запылало огнем.

Еще какая проблема. Еще мой член тоже та еще проблема. И если кто— то зайдет слева хохот станет еще громче. Я бы и стал посмеяться, если не был сам виновником торжества. Стояком программы. Гвоздем.

– Я погорячился! Могу я выйти из игры?

– Не раньше нас. Мы уже заканчиваем.

И я сделал то, что должен был. Упал.

Ответом мне послужил вздох разочарования. Я шмякнулся на Варю и подмял ее под себя, чему мой нижний мозг весьма обрадовался. Кто бы сомневался. Девушка ойкнула, приняв мой вес на себя.

– Извини, – пробормотал я. Мое лицо пылало до кончиков ушей.

Жаль, люди еще не изобрели телепорт. Иначе я бы скрылся отсюда и никогда бы не появился в таком виде.

Давно я не пытался скрыться ото всех. Забился в свою нору.

Что со мной? Неужели я настолько безнадежно испорчен? Захотеть девушку, которую знаю давно и на которую не обращал никакого внимания?

Что со мной?

Почему я такой неправильный?

Ведь среди миллиона девушек, выбираю всегда не тех.

Всегда не ту.

Может, в чем— то проклятая сестренка изначально была права? Я такой же испорченный, такой же грязный как она? И у нас свой извращенный вкус на двоих? Она захотела брата, а я так же родную кровь...

С того вечера я стал избегать общества обеих сестер. Катя бесилась, Варя искренне не понимала, отчего я перестал возиться с ней. Но в отличии от старшей сестры она не наседала, ничем не выдавала ни грамма разочарования или заинтересованности.

Девушка жила за каменной стеной и если мне в какой— то раз удалось сдвинуть хотя бы один кирпичик с места, он не был водворен на место. Для меня стена была чуточку ниже. Поэтому при желании я могу дотянуться до нее, как не может никто другой. Поэтому побесившись пару дней, и как следует пропесочив себя, вновь начал общаться с Варей.

Ей тяжело жить здесь и если бы не дети, она бы давно ушла из родного дома. Отношение к ситуации ее брата не изменилось. Он стоял на защите Леры горой. И думается, ему следовало вести себя иначе, чтобы не потерять сестру. Но он как и многие в этом доме слишком упрям и горд.

Оксана так же подливала масла в огонь, в итоге Варя почти все время свободное проводила в своей комнате. Поэтому честнее и справедливее я считал не оставлять ее одну.

Часто мы прогуливались по вечерам. Она неизменно шагала рядом, сунув руки в карманы. Мы мало говорили, думая о своем.

Сара слала отчеты о проделанной работе и у нее есть новости относительно нашего Рыжего друга. Честно, я испытал огромное облегчение, когда узнал о его благополучии. Он сидел в тюрьме и внешне здоров. Осталось вытащить его оттуда без оглашения.

Варя училась, поэтому часто забирал и отвозил ее я. Она не возражала и казалось легче дышала в моем присутствии, чем брата или отца.

Артем бывало пытался наладить с ней общение, впрочем зря. Она проходила мимо него, стоящего с огромным букетом цветов, даже не одаривая взглядом. Он растерянно смотрел ей

вслед, не окликая.

Я сочувственно хлопал его по плечу и забирал букет. Честно, должность дракона устраивала. Вика подрастет, и быть может ее папаша поумнеет за это время...

Глава 102. Амнезия больше не в рейтинге

Катя

Он вёл себя странно. И еще страннее вела я себя сама. После всего пережитого, после всех несчастий, свалившихся на наши головы, я должна была быть счастлива. Но не была.

Конфликт в доме нарастал. Варя и Лера бесконечно ругались, лаялись по каждому поводу с друг другом. Женя и Ира не знали, как их утихомирить. Да еще и новости.

Вчера он отвел меня в сторонку и сообщил, что Петя, мой Петя живой. И у него относительно все хорошо. Только Алекс взял с меня обещание никому ничего не говорить. Пришлось искренне удивиться, ведь моя амнезия уже носила чисто номинальный характер. Забавно, слушать, как любимый мною человек рассказывает, как я безумно люблю другого.

Я пообещала. Взамен Алекс дал мне телефон и я смогла поговорить с Петей. Он так искренне радовался моему голосу, что мы проболтали часа три.

– Я скоро вернусь, Катя и заберу тебя отсюда. У нас будет своя семья. Конечно, если ты сама этого хочешь.

– Хочу, – ответила я, зажмурившись. Да, не смогла сказать ему нет, ведь он в чужой стране совсем один и ему нужна моя поддержка. Пусть даже и такая.

Дни тянулись за днями, в ожидании возвращения Петра. Я конечно, не до конца понимала, отчего такие секреты, но раз пообещала, слово держала.

И я слонялась по дому, играла с детьми, готовила на кухне.

За окном шумел дождь. Резкие потоки воды барабанили по стеклу.

Ненавижу чистить яблоки. Как и картошку. На кухню пришел Алекс, молча отобрал у меня овощечистку и быстро очистил фрукты на пирог. Также молча нарезал их тонкими полукружочками, аккуратно уложив на противень. Не знаю откуда в нас эта синхронность. Мы чаще обходимся без слов, делая что— то вместе.

Волшебство разрушила Варвара, явилась на кухню, бессовестно залезла и слопала несколько ломтиков.

Алекс шутливо цокнул на её диверсию и внезапно мне захотелось закричать на них обоих. Это неправильно! Она и он. Неправильно... Несправедливо получать то, что мне никогда не будет принадлежать. Варя уселась на стул, нисколечко не подозревая о моих эмоциях. Алекс развернулся к ней спиной и тут же налил ей чай, не спрашивая ни вкуса, ни предпочтений. К чему? Он знал.

Сестра тем временам успела стянуть у него прямо из— под руки еще пару ломтиков. И он почистил ей яблоко, порезал на дольки и поставил перед ней блюдце.

Довольная Варя улыбнулась ему в благодарность. А он покраснел. Мой Алекс покраснел!

Это извините, не в какие рамки.

– У тебя странное выражение лица. Ты хорошо себя чувствуешь? – с заботой спросил Алекс, всматриваясь в мое лицо.

О, этот тон! Не я здесь краснею в присутствии нахальной девицы!

– Ты белки сейчас заporешь. Дай мне, – Алекс отодвинул мягко меня от миксера. Я хотела уйти возмущенно. Но осталась.

Эту часть своей жизни я утратила. Разумеется, я вспомнила его, признаваться не стала. К чему? Он отпустил меня. Мораль, его гребаная мораль победила. И любовь тут не причем.

Хрупкое равновесие. Вот что его заботило. Не выглядеть в своих глазах уродом.

Только беда его не в этом. Он вечно выбирает не ту. И Варя тут не исключение. Ревность душила меня, травила ядом. Эти двое так и не поняли, почему я выкинула весь противень в мойку. Нет. Они молча начали все сначала.

– Это вообще— то последние яблоки, Катерина.

– А мне то что? Сходи, купи другие.

Алекс вздохнул и покинул кухню. Варя укоризненно взглянула на меня:

– Пмс?

– Нет.

– Тогда что?

– Ненавижу его, – вырвалось у меня и тут же осеклась. Слово не воробей и мне не вернуть слова назад.

Варя усмехнулась:

– Ага. Значит, история с амнезией больше не в рейтинге?

– Видимо, да.

– Я так и подумала. Больно ты чудная.

– Сама такая, – огрызнулась я и повернулась к мойке.

Вари и след простыл.

Варя

Я догнала его по дороге. Неизменна сигарета в пальцах, широкий шаг. Поднятый воротник.

Приноровившись к шагу, я молча следовала за ним. Протянула руку и схватила его за теплую ладонь. К слову сказать, этот поступок сродни героизму для меня. Мне не свойственны проявления чувств, тем более нежностей. Но с ним это выглядело естественно.

Алекс ничего не ответил на эту выходку, мы молча гуляли с ним минут 40, забыв про яблоки, шарлотку, дом, Катю.

Лишь под конец прогулки, возвращаясь назад он прервал молчание и спросил:

– 35 для тебя очень много?

– Если лет, то ничего особого, – ответила я с улыбкой, – Я хочу в цирк. Возьмем детей и махнем?

Алекс сжал мою ладонь в своей и подмигнул.

На душе потеплело. На самом деле возраст не имеет никакого значения. Никакого значения между двумя людьми. Потому что данный вопрос касается только их обоих. Да, поэтому 35 не пугает.

Катя

Я вспомнила все. Все. Память избил мое сознание, обрушившись на меня нескончаемым потоком воспоминаний. И едва стоило вспомнить, ревность накрыла второй волной. Никогда не думала, что буду выть в клетке, сотканной из собственной боли.

Он и я.

Две противоположности одной сути. Две половины одного целого. Любовь, жажда этой не полноценной любви иссушала меня изнутри.

Это мука.

Мука видеть его каждый день и знать, мы никогда не сможем быть вместе. Никогда эти глаза не посмотрят на меня как на Единственную.

Никогда эти руки не коснутся, не оскорбят саму суть любви. Мне никогда не встать рядом с ним на жизненный путь, лишь плестись сзади, плотая вместо воздуха пыль от чужих чувств. Чужой любви. Видела ли я в сестре соперницу? Я видела ее в каждой девушке. В любой, находящейся с ним рядом. Ревность убивала. И его непоколебимая уверенность в собственной правоте. Я всего лишь тень. Тенью следую за ним, куда бы он не шел. Стараюсь вместить в себя остатки его внимания. Он вежлив со мной. Безукоризненно соблюдает границы. Спокойно дышит, смотря в глаза. И пульс его не учащен в моем присутствии. Проверяла.

Он не любит меня со всей страстью как я. Горю и страдаю я одна. Лишь я одна в этом проклятом доме. Ирина жалела меня, наблюдая. Она пыталась несколько раз поговорить со мной, по— матерински приободрить. А я к сожалению, плохо поддаюсь психоанализу.

Парочка вернулась, держась за руки. Невинный жест. А я вцепилась и вонзила ногти в край стола от боли. Разве смеет он касаться ее? Вот так просто. Каждое его прикосновение принадлежит мне. Мне одной.

Они зашли в дом, о чем— то разговаривая, Алекс прошел на кухню, поставил пакет на стул, совершенно не обращая на меня внимания. Варя преследовала за ним, стала разгребать пакет, достала яблоки и закинула из один за одним в миску.

Алекс тщательно вымыл их, и только повернувшись к столу, обратился ко мне:

— Кать, ты не передумала на счет шарлотки?

— Нет, — буркнула я и вышла вон, не в силах вынести этого общества.

Варя

Алекс дочистил яблоки и аккуратно разрезал на тонкие ломтики. Я замешивала тесто, пока он раскладывал их на противень.

— Кто научил тебя готовить?

— Мама. Она обожала готовить, — Алекс выпрямился, в его пальцах остались пара кусочков яблока, и я вопросительно взглянула на них.

— Хочешь доесть?

— Умираю как.

— Ты знаешь, Белоснежка тоже любила яблоки.

— К счастью для нас, злой ведьмы здесь сейчас нет.

— Да, она улетела буквально пару минут назад, — деловито произнесла Оксана, — Ужин почти готов, ждем только вас и Андрея. Поторопитесь, пожалуйста. О, яблоки, — Оксана так ловко и быстро выхватила ломтики из пальцев Алекса и сунула их в рот.

— Эй, это вообще мои яблоки! — возмутилась Варя.

— Успевай хватать. А то останешься голодной, — парировала Оксана и прихватив салфетки, ушла.

— Наглость второе счастье, — прошипела я, раздраженно выливая тесто на противень.

— Позволь мне, — перехватил инициативу Алекс и забрал миску, — Напоминает мне сказку про избушку ледяную и лубяную.

— Напекаешь, что я зайчик и меня скоро вышибут отсюда?

— Нет, слишком много лисиц вокруг маленького зайки.

— Я не маленькая.

— Конечно, нет. Но хищников вокруг полно.

— А ты к кому себя относишь?

– К старому бурому медведю. Или мудрому Ка.

– Воспитание дочери идет тебе на пользу, какие глубокие познания в области детского фольклора, – не удержалась я от колкости. Алекс улыбнулся краешком губ и от этого мое сердце еще больше забилось. До чего же он красивый. А я действительно наивный маленький зайчик, раз таю раз за разом. Глупо отрицать мое настоящее отношение к нему. Всегда было глупо.

– Ты думаешь, сказки пишут только для детей?

– Большинство. Читал сказки братьев Гримм в их первоначальном варианте?

– На оригинале да. Круче фильмов ужасов.

– Может, посмотрим какой—нибудь ужастик вечером? После ужина?

– Заметано, – он отвернулся от меня, включая духовку. А мое сердце билось в бешеном ритме.

– Я растущий организм и хочу жрать, где вы оба шляетесь? Пошли за стол, – послышался голос Жени, крайне раздраженный.

Я бросила полотенце на спинку стула и пошла ужинать.

Глава 103. Я всего лишь глупая Варя

Ирина собирала осколки посуды после очередного скандала уже со стороны Кати. Стоило ей узнать, что Алекс и Варя куда— то едут на выходные, она устроила жуткий переполох. Со стола полетело все вместе с ужином. Лишь Андрей спокойно успел забрать свою тарелку и поесть. Остальные остались ни с чем и в раздражении разошлись по своим комнатам.

- И почему ты молчишь? – накинулась Катя на отца, – Тебя что все устраивает?
 - А против чего я должен возражать?
 - Твоя дочь едет с взрослым мужиком!
 - Во— первых, одна моя точно выросла уже, чтобы я мог возражать, а во— вторых, они едут с детьми. Пятеро детей, между прочим. Это экскурсия. А не любовная прогулка.
 - Откуда тебе знать? Наличие детей когда— то кого— то смущало?
 - Я довольно скверный папаша. Поэтому не мне судить. Они едут в цирк. И ещё встретить Вику в аэропорту. Какая романтика, о чем ты? Да они святые люди! Я, кстати хочу поехать с ними. И Иру проводим заодно. Ей пора домой к мужу. Хочешь, поехали все вместе? Никто же не против.
 - Больно надо. Катитесь.
 - Ты бы лучше извинилась перед братом. Совсем вы его девки замордовали. Я бы уже сбежал.
 - Так беги. Кому ты тут нужен, – буркнула Катя и отправилась помогать Ирине с уборкой.
- Она почти дошла до столовой, когда услышала голоса.

Женя

Я аккуратно извлекал пинцетом стекло из ковра. Алекс рядышком отирал остатки ужина от обоев и обивки дивана. Варя, забравшись на стремянку, пыталась снять тяжеленные шторы. Мы хотели ей помочь, но были немедленно посланы. Хорошо, что дети к тому времени играли наверху под присмотром Леры.

Ирина собрала почти всю разбитую посуду в ведро.

- Чего она так взбесилась? – спросила она, – У вас всегда так весело? За последние дни это уже второй набор посуды. Скоро будем есть из одноразовой.
- Не всегда. Бывает и повеселее, – ответил я и вовремя успел схватить стремянку, опередив Алекса на пару секунд. Ну Варя. С таким характером как жить? И как мне передать тебя в надежные руки?

Мы с Лерой уже обсуждали этот вопрос. Если что со мной случится? Кто тогда позаботится о моей младшей сестренке?

Мне необычайно важно знать сейчас, что ей ничего не будет угрожать, что она не останется одна, если меня не станет. К чему скрывать, мы все, что осталось от нашей прежней семьи. Она никому не нужна больше. Андрею я доверяю, но Варя нет. Она никогда не откроется ему навстречу. Поэтому у меня оставался только один человек, готовый взять на себя и эту ношу.

Варя все же едва не шлепнулась с высоты. Она покачнулась и схватилась за шторы. Я подошел и с силой дернул их вниз, запоздало услышав, что— то про слабый карниз. Все

свалилось на нас с Алексом. И шторы, и стремянка и моя сестра

Вынырнув с разных сторон, мы расхохотались.

– Эй, хватит валяться. Где у вас тут шторы? Надо повесить другие, – спросила Ирина.

– Я сейчас принесу, – вызвалась Варя и выбравшись, полетела к шкафу, где мама хранила шторы.

– Когда вы поедете? – спросил я, смотря вслед сестре.

– Я заказал билет Вике и няне на послезавтра. Поэтому послезавтра. А что?

– Ничего.

– Помогите мне, пожалуйста! – позвала Варя. Я поспешил ей на помощь, по пути заметив Катю. И не стал застрять на этом внимания. Захочет, выйдет.

Наконец шторы мы повесили с горем пополам, навели относительный порядок.

Я давно хотел поговорить с отцом. Его личная жизнь оставалась тайной для нас. Катя рассказывала, женщины у него водились, правда он никогда не знакомил их с ней. Сейчас он практически жил с нами, я отдал ему свою комнату, а сам переехал к Лере.

И меня волновала его личная жизнь. Ведь, как и в случае с Варей, кто позаботится о нем?

Обои в столовой теперь следует переклеивать. Поэтому с утра я поеду за новыми обоями с отцом. Андрей немногословен. Кажется, ему все эти хлопоты не по душе. Он не семейный человек, хотя с внуками возился охотно, те вязали из новоиспеченного деда веревки. Тем более пока Алекс не сообщит мне ничего нового, я хочу присматривать за ним.

По— хорошему следовало заставить сестру заниматься подготовкой к ремонту. Впрочем, когда все уедут, она займется этим, никуда не денется.

Варя

Алекс позвал нас всех смотреть кино. Катя демонстративно отказалась и ушла спать. Женя тоже пробормотал, что устал от всего и хочет отдохнуть. Мы остались в меньшинстве. Лера и Оксана отправились на прогулку, посидеть где—нибудь в кафе и заодно перемыть мне косточки. Андрей и Ира помогли уложить детей и присоединились к нам.

Я решила стесняться нечего, и села рядом с Алексом на диван. Он почистил мне яблоко и во время фильма растерянно кормил с рук. Ломтиком за ломтиком. Фильм страшный, я пару раз зажмурилась в страхе.

Ира даже вскрикивала. Не думала, что она такая трусиха.

Андрей принес вино, отметив это тем, что он сегодня насмотрелся гораздо больше ужасов. Женя спустился к нам тоже и вдвоем уже с Алексом выпили по пиву.

Близость меня к нему не комментировалась. Казалось, братец не обращал никакого внимания на то, как я почти лежу на его друге, удобно устроившись на его плече.

Под конец фильма мы уже сдавленно хохотали, стараясь не шуметь. Парни налили и нам с Ирой вина. От которого мы обе покраснелись. Сразу видно родственники. У меня после даже капли вина предательски пылают щеки. Ира страдала тем же. Поэтому взглянув друг на друга, мы расхохотались.

– Кто со мной курить? – Алекс осторожно встал с дивана и вопросительно взглянул на нас. Женя виновато забегал глазами и тяжело вздохнув, отправился с ним. Ясно, мне уже не покурить. Алекс вернулся и подал мне руку.

– Боюсь, дракон будет возражать, – улыбнувшись, ответила я.

– Не будет, драгой твой дракон не против. Пошли.

Он полностью проигнорировал внимательно смотрящего на него Андрея. Но я видела его взгляд. И он мне не понравился.

– Курить не буду, просто постою, – успокоила я отца и не отпустила ладонь Алекса.

Мы вышли на свежий воздух. Женя, едва закурив, закашлял и возмущенно ругаясь, оставил нас одних. На улице довольно прохладно, поэтому я даже не думая, что делаю и зачем, забралась под куртку Алекса. Он ойкнул от моего напора и не оттолкнул. А наоборот еще сильнее прижал меня к себе, зарываясь лицом в мои волосы.

Впервые в жизни и не без действия вина разумеется, я жаждала прикосновений. Не случайного, чужого мужчины. А именно этого. Моего дракона. В какой— то миг мир вокруг нас превратился в ничто. Я всего лишь Варя. Смешная, глупая Варя. Зайчик. И естественно у такого мужчины ко мне не может быть ничего... Хотя его дыхание на моей шее говорило об обратном. И то как он прижимал меня к себе. Как никто другой раньше. И как никогда раньше.

– Вернемся? Иначе ты совсем замерзнешь, – его твердый голос отрезвил меня и вернул в реальность. Конечно, ему всего лишь жаль бедного зайчика.

А у него есть его Катя. Его единственная Любовь. Куда тут уж мне...

Тем же вечером Ира потянулась на груди Андрея. Прятаться бесконечно надоело. Тем более ей казалось, все уже обо всем знают.

– И когда мы им расскажем?

Андрей растерянно протянул прядь ее длинных волос между пальцев:

– Смешно, я боюсь реакции собственных детей.

– Они уже не маленькие. Поймут.

– Все слишком сложно. Расскажем, когда вернемся с поездки.

– Ок. Как скажешь.

Ира опустила голову и прижалась к мужчине. Они с сестрой опять поменялись местами. Ольга любила Андрея, и он в свою очередь любил её, но им не суждено было быть вместе. Не судьба. Никто не предпочел рискнуть всем ради совместного счастья. А Ира смогла. Разумеется, никакого мужа у нее нет. Да и появилась она в этом городе после трагедии с сестрой. Ей она бы точно не смогла ничего объяснить. Они довольно долго не общались, и Ира сомневалась, что Оля простит ей пятилетнюю связь с бывшим любимым.

Андрей сам нашел ее. Теперь уже и не мог представить себе жизнь без Иры. Она его якорь. Сдерживающий фактор. И он держал ее существование в тени. Почему?

Жизнь у него такая. Бандит с большой дороги и подвергать любимую лишнему риску не хотелось. Достаточно того, что теперь всем известно про его большую семью. Не хватало заявить еще и про любимую...

Сегодня их ночь. Пусть она и остается между ними...

Ему о многом нужно подумать. И эта поездка кстати. За Алексом, за этим умным парнем надо следить. Не из— за Вари, разумеется.

Женю, его не далекую женушку, да и прочих обитателей дома можно дурить бесконечно. Но не этого парня. Он всегда смотрел на Андрея так словно догадывался об истинных причинах его жизни здесь. Можно укрываться детьми как щитом, демонстрировать любовь к внукам, но тяжело под наблюдающим и анализирующим взглядом. Алекс его заставлял нервничать. А нервы это скверно.

Ирина хотела уехать. На нее как на многих других этот дом давил. Давил своей

пустотой. Своим призывом несчастья. Казалось, все здесь от малого до великого прокляты. Прокляты дети, оставшиеся сиротами, прокляты взрослые, одинокие, влюбленные, молодые. Да и сама она.

Ошибки молодости всегда трудно исправимы. Пока кровь бурлит в венах огромным потоком, мало задумываешься о последствиях. Мало ценишь близких и родных. Кажется, впереди еще долго не замаячит надгробие. Ирина думала, что она всегда успеет помириться с сестрой. Всегда успеет еще ее обнять, поговорить, объяснить. И сейчас она понимает, сестра приняла бы ее. Приняла. Как всегда принимала. И простит. Жаль, что только сама Ира себя не простит. Ей с этим жить. Жить.

Женя

Мне не спалось. Мерил шагами спальню туда— сюда. Странное тревожное чувство. Мне часто снился один и тот же сон: пепелище нашего дома. Не знаю, что больше пугало: обугленные стены, полусгоревший стул посередине или отсутствие кого— либо рядом? Я тщетно звал родных, раскидывал завалы, пытаюсь найти хоть кого— то... Тщетно.

Потом я долго не могу уснуть, бросаюсь в детскую, целую детей, перекрещиваю их, возвращаюсь к жене, мирно спящей, осторожно прижимаю ее к себе. Я не выдержу еще одной потери. Нет.

Хорошо, что Алекс и Варя вместе с отцом, теткой и детьми уедут. Подальше от этого проклятого места.

Смешно, я перестал любить это место. Перестал любить свой дом из— за вечной боязни все потерять. В миг остаться сиротой. В миг потерять смысл жизни...

Глава 104. Да вы охренели все.

Алекс

Она орала на меня как разгневанная фурия. После того вечера Катю словно подменили. Скандал за скандалом. Сегодня за завтраком она кинула в меня тарелку и умудрилась задеть. Остатки овсяной каши разлетелись по столу.

Спокойствие. Только спокойствие. Хорошо, что дети уже поели и теперь с интересом наблюдали за происходящим.

– Никуда вы не поедете вдвоем! Понял! А то я в опеку позвоню!

– Какую опеку? Ты совсем с ума сошла?

– Она ребенок! А ты, ты!

– Договаривай, – мой тон стал обжигающее ледяным, и девушка это поняла. Правда, отступить она не намерена и договорила:

– Извращенец.

Едко и метко. Она знала, как я отношусь к подобным словам в свой адрес. И знала, больней ей меня не ударить.

Катя пристыженно замолчала, ожидая моей реакции на ее слова. На слова, причиняющие боль.

– Не смей так говорить о нем! Поняла? – на кухню влетела Варя, разгневанная и прекрасная в своем гневе.

– О, маленькая потаскушка явилась! Интересно, какой он у тебя? 50— ый? Или с толпой мужиков тебе интереснее?

Ответом ей послужила пощечина. Не моя и не Варина. Ира занесла повторно руку и ее тут же перехватил Андрей:

– Не смей бить мою дочь.

– Тетю не трогай! – взвинтилась Варя.

– Да вы охренели все! – тут же взревел Женя, раскидывая всех по углам. Я схватил Варю в охапку и утащил к себе.

Девушка заревела у меня на руках. Семейная драма в самом рассвете.

Я растерянно гладил девушку по волосам, ее слезы пропитывали мою футболку, но мне было все равно. Слова Кати отзывались во мне колоколом. Уверен, она сейчас жалеет о их произношении. Но именно они позволили моим путам наконец— то пасть, оставив после себя лишь пустоту. Она хотела сделать мне больно, а вместо этого освободила. Освободила от терзаний.

Варя затихла и теперь растерянно теребила рукава. Она хотела отстраниться от меня, но к чему? Чтобы успеть заложить кирпичную кладку? Я не пустил. Взял ее хрупкие пальчики в свои и сжал.

– Спасибо.

– Она на самом деле не думает так. Не воспринимай ее серьезно. Уверен, она уже сожалеет о них.

– Помнишь ты говорил мне про крест, что я несу на себе?

Я кивнул, не понимая к чему она клонит.

– Сделать больно может лишь близкий человек.

– И снять этот крест тоже. По крайней мере можно нести его вдвоем.

– Нет, Алекс нельзя. Он только мой. Для родной сестры я мразь и потаскушка, что посягнула на принадлежащее ей.

– Твоя сестра не отличается большим благоразумием. И терпеливостью. Нельзя требовать того, чего я никогда не смогу ей дать.

– Ты ее любишь?

– Как свою племянку. Никак больше.

– И когда ты это понял? Что не можешь дать ей того, чего она хочет?

– Знаю, о чем ты думаешь. Почему я не переспал с ней. Почему наши отношения не продвинулись дальше пары поцелуев?

– Не совсем так. Но я хочу знать и на этот вопрос ответ.

– Потому что это был бы не я. Будь ее чувства ко мне не превыше собственных, и все равно это был бы не я. Я не такой. Она вообразила себе бешеную любовь, безумные чувства, которых никогда не было. Ей захотелось драмы в своей жизни, способа отвлечься. Вот и все. Запретный плод всегда сладок. Но вкусив его, никто не доел до конца. Ни разу. Никто. Он тем и сладок. Предвкушением. Получив от меня отдачу, заручившись поддержкой Катя быстро бы остыла. История была коротка. Ни один мужчина никогда не отказывал ей. А тут я. Две недели и не поддался чарам. Вызов.

– И когда ты это понял?

– Сразу же. Всего лишь игра. А повязла она в ней, поняв, что по ее не выйдет.

– А я почему— то верила ей.

– Она сама верит себе. Вот и бесится. Не обращай внимания. Мы скоро все разъедемся.

– И я поеду с вами?

– Это как сама захочешь. Как сама решишь.

– А ты как хочешь? – выпалила Варя, выдавая себя с головой. Я грустно улыбнулся:

– У меня свой крест, Варвара. В этом мы до боли похожи. Ладно, пора заняться делами, помочь прибраться на кухне после скандала

– Можно я посижу у тебя? Не хочу ни с кем разговаривать.

– Конечно, располагайся. Потом сходим, погуляем? Детям и тебе нужен свежий воздух.

Варя согласно кивнула и легла на его кровать. Я ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

Варя

Да, слова сестры ранили меня. Не так как она хотела.

Ведь ей больнее. У меня не было сестры раньше, и я всегда ее хотела. Горько оплакивала ее потерю и ни о чем не жалею. Я рада, что она у меня есть. Даже не смотря на боль, что она причиняет.

Алекс

На кухне Ира оттирала остатки каши со стола. Дети уже бесились во дворе под присмотром Жени и Леры. Я молча взял тряпку и помог убрать произведённый бардак. Ира сочувственно похлопала меня по плечу. На щеках следы недавних слез. Глаза покраснели. И не смотря на то, что я знаю ее секрет, она мне симпатична.

– Чаю не хочешь? Я заварю.

– Ага, хорошо. Вынесу мусор и вернусь.

След Андрея простыл, как и Катерины. Видимо, увез ее успокоиться.

Я вынес мусор, получил сообщение от Сары. Пётр освобожден и готовится к приезду сюда. Я сообщил новость Жене и Лере. Они устало кивнули и улыбнулись. Эти двое действовали как единое целое.

– Завтра едете с утра? – спросила Лера, качая коляску.

– Да. Уверена, что справитесь здесь?

– Конечно. Отдохнем хоть от этой толпы.

Я тактично промолчал, ведь отдохнуть, по сути, нужно нам, не ей. Мы с собой увозим всех детей, кроме младшего. И то, если можно было, она и его отдала бы нам. Ладно, не мое дело. Я постоял еще немного и ушел в дом.

Варя мирно заснула в моей кровати, я укрыл ее покрывалом и отправился пить чай с Ирой. Вдвоем мы приготовили обед, я позвонил дочери, она готовилась сесть в самолет. Забронировал номера еще вчера, подтвердил бронь. Мы сняли небольшой домик на всех. У каждого взрослого своя комната. Дети будут жить вместе.

Варя

Я спустилась только к ужину. Попросила помочь с переводом. Поэтому уютно расположившись уже в своей комнате после ужина, Алекс легко перевел мне две страницы задания.

– Почему тебе так легко даются языки?

– Не знаю. Я свободно разговариваю на трех.

– Я хочу выучить французский. Ведь как то надо мне будет общаться с людьми.

– Это хорошая идея. Вика вовсю шпарит, правда на смеси русского и французского.

– Думаешь, мы легко привыкнем к чужой стране?

– Поначалу будет тяжело. А потом втянетесь. Получишь второе образование, найдем тебе занятие.

– Вика часто тебя видит?

– Не так как бы хотелось.

– Много работы?

– Много заказов, проектов. Я начинал в фирме тестя, а потом создал свою.

– Я все думаю, не буду ли там лишней.

– Не будешь. Ведь с тобой будут близкие люди. А с толпой всегда легче.

– Тебя я совсем редко буду видеть, – буркнула я, отворачиваясь.

Алекс приподнялся на локте. Мы лежали на ковре в моей комнате, близко к друг дружке, настолько позволял ковер.

– Я всегда буду рядом, – серьезно произнес он и потянулся ко мне.

Дверь открылась, и в нас полетел детский мячик. Алекс успел прикрыть меня собой и теперь между нами и лист бумаги не просочился бы. Он так близко ко мне, что я начала таять, еще не конца понимая этого. Никита хохоча как сумасшедший, крикнул: – Саша ляпа!

– Дети, – проворчал полу сердито Алекс и хотел подняться, когда я прижалась к нему плотнее.

– Давай сделаем вид, что нас тут нет.

– Они не отстанут, маленькие изверги, – он словно сглазил, потому что вслед за мячиком в нас полетели разные игрушки градом.

– Извини, я должен принять бой, – серьезно заявил Алекс и на этот раз я не возражала. Лишь еще плотнее прижалась к нему, сильнее прежнего, бедрами ощущая как он напрягся.

– Могу я проводить тебя на войну?

– Если только благословить на победу, – лукаво парировал он.

Я потянулась к нему, к губам. Едва прикоснулась к ним своими, едва ощутила их суховатость. Ожидание того стоило. Первый поцелуй с Принцем.

Алекс с трудом оторвался от меня и его затуманенный взгляд сказал многое.

– Я словно пьяный. Ладно, не хочу проиграть маленьким чудовищам. Ты будешь болеть за меня?

– Я буду сражаться с тобой, – прошептала я и вновь наши губы нашли друг друга. Прикусив нижнюю губу, сорвала его стон, заставивший меня трепетать.

– В бой, мой храбрый рыцарь!

Женя

Четверо взрослых против 5 детей. И победа не нашей стороне. Лера с улыбкой наблюдает за нами, не в меру расшалившимися взрослыми и казалось все ссоры забыты. Хотя бы на время.

Алекса повалили Даша и Маша, отчаянно визжа. Я убегаю от Никиты с водяным пистолетом, Варю защищал сам Степа, не разрешающий никому стрелять в его маму.

И впервые за столь долгое время я счастлив. Все тревоги отошли на второй план. Моя семья рядом со мной. И большего мне не нужно.

Варя заливисто хохочет, когда струя холодной воды настигает ее, как бы не защищал Степа. Лера ей вторит, получая свою порцию. Мокрый Алекс еле двигается от висящих на нем девчонок. Ира стоит возле дверного косяка и тоже улыбается, смотря на наши забавы.

Завтра нам рано вставать, а мы еще бесимся, словно это наш последний вечер вместе. Словно пытаемся выжать все из этого вечера, ведь так может быть не всегда.

Меня бесит собственный пессимизм. И никуда не могу от него деться.

Приезжают Андрей и Катя и веселье сразу же пропадает. Дети идут мыться, с них хоть выжимай воду, равно как и с нас. Помогаю Варю с купанием детей, пока Алекс и Ира убирают последствия нашей водной битвы.

Сестра почти не реагирует на мои новости о Петре. Она внимательно следит за Алексом, чем раздражает еще больше. Мой друг демонстративно ее сторонится, несмотря на её красноречивые взгляды.

Так ей и надо. Пусть подумает, прежде чем бросаться словами. Он не простит ей этих слов. Не потому что считает их правдой. Нет, именно за то, что она так по настоящему думает о нем. Она лишь высказала личное отношение. Глупая. Сама же все разрушила. Я

предупреждал ее, говорил, Алекс другой, не тот человек, что легко пойдет на поводу. Она так и не смогла понять его. Пойми она хотя бы на миг, они могли бы остаться друзьями. Но теперь ни за что на свете.

Алекс всегда четко проводил грани.

Несмотря на то, что я знал его почти с детства, он всегда отличался от нас. Не одеждой, или акцентом, который потом пропал. Нет, он отличался болезненной тягой к справедливости. Ему не было важно, что о нем думают другие, ему важно собственное ощущение. Он долгие годы не раскрывался передо мной, хотя с Русланом у них всегда были теплые отношения. Не дружеские. Именно родственные. Алекс как я уже говорил, четко проводил грани. Грань между нами не быстро стерлась, но теперь я знал, вернее друга не будет никогда. Такой он человек.

Катя позвала его пить чай, и он согласился без малейшего притворства. Родне не отказывают. Сестра сама не скоро поймет, за какой чертой теперь она будет всегда. Она проиграла, не понимая этого. Что ж. Розовые очки бьются стеклами внутрь.

Я от чая не отказался. Все— таки семья на то и семья, чтобы прощать.

Варя тоже присоединилась к нам, принципиально садясь рядом с Алексом. Катя и бровью не повела, отец оказал на нее не малое давление за время их отсутствия. Хорошо, что нас воспитывал не он. Правда, хорошо. Вон как за три часа обработал дочь, сидит словно аршин проглотила.

Варя избегала взглядов в сторону сестры. Да и разговор за столом не клеился. Все молча пили чай, коротая время. Лера вскоре спустилась с Оксаной, дети уже всю спали.

Младшая сестра первая допила чай и пожелала всем спокойной ночи, она вышла из— за стола, Алекс тут же проследовал за ней. И мне жаль стало Катю. Она сидела выпрямившись как струна, натянутая до предела и лишь одинокая слезинка стекла по её левой щеке. Я знаю, что за боль терзала её сердце, поэтому вопреки себе окликнул Алекса. Тот удивленно развернулся. И выходя из кухни во взгляде сестры прочитал благодарность.

Алекс ждал меня возле лестницы. Вари и след уже простыл.

— Что случилось?

— Ничего. Просто разбуди меня завтра. Я сам могу проспать.

— Ладно, до завтра. Нам надо быть в Питере в 10 утра, поэтому мы выезжаем в шесть.

Мы распрощались и разошлись. Я подождал пока Алекс зайдет в свою комнату и закроет дверь.

Глава 106. Лучше не будет.

Катя

Утром я вышла провожать громкую компанию. Дети зевали, по очереди целуя Леру и Женю, Оксану, которая к слову снова осталась здесь ночевать.

Я хотела развеяться и умолять его взять меня с собой. Умолять простить меня. И попроси я, открой только рот для этого, он бы взял меня с собой.

Варя не прощалась со мной. Казалась отстранённой и чужой.

Я потеряла вчера саму себя. Стала не похожей на ту, прежнюю. Та, бы никогда не закатила подобную истерику. И тем более не стала причинять боль тому, кого любишь. Мне стало казаться, я упала в его глазах

Они уехали, помахав нам на прощание. Андрей за рулем, Ира рядом, Алекс и Варя затерялись среди детей. Хорошо, что машина вместительная. С таким успехом им нужен будет школьный автобус

Мне нечем заняться. Поэтому я и позвонила матери. Сама не знаю зачем. У меня не было шанса узнать поближе ее, а теперь моя амнезия могла сыграть свою роль. Тем более это полезно.

Ника не изменилась. Притворяться как она безумно рада мне, она умела. Ее интересовали подробности моей жизни. Надо же.

Мне стоило больших усилий удержаться и не ударить ее по мраморному лицу. Интересно, во сколько ей обошлась ее морда? Уколы ботокса? Сколько денег стоит ее холенная физиономия? И тело? Кто теперь спонсирует мамашу?

Мы мило беседовали о всякой ерунде, периодически Ника смахивала слезы, чтобы меня впечатлить. Шаг за шагом она начала выспрашивать об Алексее. Чем он занимается, как его прелестная дочурка? Какие у нас отношения?

Я сделала вид, мол, отношения у нас хорошие. Он меня любит по—прежнему. Не знаю, зачем я это лягнула. Мамашу аж перекосило. Неужели она до сих пор так его ненавидит? О своих внуках она не спросила. Равно как и о Никите. Болтала о себе, единоличница.

Мама. Раньше казалось, я увижу ее и буду безразмерно счастлива. Неужели меня породило такое чудовище? Это она? Моя мама?

Безупречная в манере общения и холодная в плане эмоций. Она никогда меня не любила, и увы никогда не будет любить. Да и за что? Она не испытывала особых эмоций с остальными детьми, чем я лучше остальных? Самое печальное, она меня не знала и не собиралась знать.

И смотря на мать, я поняла, Алекс прав. Я не нужна ей была и теперь особо не пригодилась.

Младший брат Максим, насколько я поняла, не собирался общаться с матерью, он учился за границей и тех пор не возвращался домой. Хотелось спросить о нем Нику, но я постеснялась раскрывать все карты.

Амнезия. Это штука сложная.

Занятно, у нас нет общих интересов, тем для разговора, но Ника трещит как заведенная. Охотно обо всем, кроме меня или отца.

Последний тоже не распространяется на счет нее. "Было и было", – буркнул папаша в ответ на мои расспросы. Семейка... правду говорят, что иногда зов крови не так уж и важен,

а в нашем случае еще и не нужен.

Я, не испытывая никаких чувств к ней, усиленно улыбалась, так что вскоре у меня заболела челюсть.

Выпив ни одну чашку чая, я поторопилась домой.

Оставила кучу сообщений в ватсапе Алексу. А он не ответил. Ни на одно...

Обиделся как маленький. Разве это правильно? Правильно наказывать меня таким образом? Я верю, наивно верю, как последняя идиотка, все может измениться, мы можем быть вместе.

Жизнь странная штука.

Дом опустел. Я слонялась без дела, хотя Женя и дал четкие указания. Чувствовала себя как никогда лишней и одинокой...

Глава 107. Сахар на твоих губах

Алекс

В машине дети громко пели песни на разный лад. Чем дальше дом, тем Варя расцветала на глазах. Я давно не видел ее такой веселой и раскрепощенной. Мы оба не пытались пересечь границу, к которой не готовы вместе. Тот поцелуй в ее комнате почти ничего не значил, хотя и пробил довольно большую брешь в обороне с двух сторон. Чем дальше от дома мы уезжали, тем больше становились похожими сами на себя.

Луна— парк понравился детям. Оголтелая толпа наших детей едва не свела с ума четырех взрослых.

Маленькая и очень независимая француженка Вика скоро превратилась в маленькое неуправляемое чудовище. Мы не успевали следить за перемещением детишек.

Нас с Варей отправили на колесо обозрения, пока дети ломали паровозик.

– Не боишься? Там высоко, – поинтересовался я у Вари, зачарованно смотрящей вверх.

– Пфф. Вот еще, – ответила девушка, держа в руках сахарную вату. Она несомненно хороша сегодня, длинные волосы, прядь розовых волос, как дань прежней жизни. Однажды я спросил её зачем она ей. Девушка покраснела и ответила:

– Так я словно супергерой. И детям нравится. Я с ней прежняя. Та 17— ая, не знающая ни потерь, ни боли, окруженная родителями.

Сейчас на ней мое любимая фатиновая юбка и кожаная куртка. Принцесса. Улыбаясь, мы забралась в кабинку, помавав уставшим Андрею и Ире, детям. Вика довольно прокричала: «Папуля, пока!»

Варя уселась напротив меня, скрестив ноги:

– Знаешь, могли бы покататься на американских горках еще раз.

– Боюсь, мой вестибулярный аппарат второй раз этого не выдержит.

– Да в твоём возрасте тебе нужно поберечь себя, – серьезно произнесла Варя. Её глаза искрились смехом, несмотря на тон голоса.

– Все не настолько плохо, смею заверить.

Варя смотрела вниз, сахарная вата медленно таяла и стекала по её руке.

– Вата тает.

Девушка отмахнулась и отщипив кусочек, сунула мне в рот, не успел я и опомниться.

И расхохоталась, смотря на мое удивленное лицо.

Правда, недолго. Потому что теперь и я, отщипив кусочек, бросил в неё и попал в длинные волосы.

– Черт! Я все исправлю, Варя! Она липкая и сладкая, но смывается же.

Варя сощурилась и залепила кусок ваты уже в мои волосы и снова расхохоталась.

Довольно странное у нее чувство юмора.

Да.

Думаю, оно у нас обоих довольно странное. Потому что ваты явно не хватило для нас обоих, раз с рук мы перешли на губы. Губы, покрытые талым сахаром словно снегом, губы, которые явно давно никто не целовал.

Её глаза, широко распахнутые, окруженные густыми ресницами, смотрящие на меня с нестерпимой тоской. Я смотрел в её глаза и тонул в них. Глубже и глубже. И впервые в жизни я хотел утонуть и больше никуда не бежать.

Я дома.

Скорее всего Андрей и хотел что— то сказать, но оставил это при себе, окидывая нас обоих с прищуринной.

Варя необычно веселая, со слипшимися волосами. И я не лучше с дурацкой улыбкой на лице. Запретивший себе думать. Не думать и никоим образом не отдавать себе отчет в поступках. Пусть все идет своим чередом.

— Какие планы на вечер, молодежь? — спросила Ирина, — Отпустить вас куда-нибудь?

— Я думаю, что пора вас отпустить куда-нибудь. А мы вас сменим, — ответил я. Кажется, Ира даже выдохнула с облегчением. Поэтому мы остались с детьми, продолжающими громить парк, а они отправились на ужин.

— Я совершенно не против их союза. Только прятаться надо получше, — пробормотала Варя, смотря им вслед.

— Ты знаешь?

— Знаю. И давно.

Я промолчал и робко притянул девушку к себе.

— Варвара, я...

— Заткнись. Иначе все испортишь.

Она обвила меня своими худенькими ручками и вздохнув, прижалась.

Мы простояли так казалось вечность. И страх. Страх прочно поселился в сердце. Я знаю вкус потери, и он сильнее сладкого вкуса розовой сахарной ваты. Намного сильнее.

Убийственно сильнее.

Дети не в меру расшалились, моя маленькая проказница больше всех. С трудом разбив их на пары, отправились на новое место жительства.

Через час вымыв всех, накормив, переодев, укладывали чертеньшей спать. Пришлось спеть пару песен и дети вскоре голосили вместе со мной на разный лад.

Варя пела со всеми, хлопая в ладоши. И укладывание малость затянулось.

Я отправил девушку в душ после тяжелого дня. Чувство дежавю не отпускало. Гостиница, девушка. И на этот раз я тоже не уверен, что хочу переступить эту грань.

Не потому что страх сильнее возможностей любви, нет. Потому что...

Не везёт мне с этим чувством. Стоит обратить внимание на кого— то, судьба сразу же забирает ее у меня.

К чему все эти сложные уравнения?

— Алекс! Подойди сюда, пожалуйста!

Я встал, отложил телефон в сторону и пошел в сторону ванной комнаты. Варя стояла наготове с шампунем в руках.

— И что случилось?

— Я тебе завозюкала волосы, предлагаю вымыть.

— Не знал, что у нас подключена такая услуга.

— Это одноразовая акция.

Я пожал плечами и стянул футболку через голову, покорно наклонился над раковиной.

Варя аккуратно разделяла прядки волос, смывая остатки сладкой ваты. Потом также бережно намылила голову, погружая изящные пальчики в пену.

— Тебе удобно? Не горячо?

– Все хорошо.

Хрупкой девушке нелегко пришлось. Промывать мою гриву удовольствие сомнительное. Густые, непослушные, жесткие волосы. Иногда желание состричь их возникало, правда, дело дальше не шло.

Варя выключила воду и закутала полотенцем голову.

– Спасибо, – поблагодарил я и улыбнулся:

– Теперь твоя очередь.

– Я стесняюсь.

– Меня? Варь, ты чего? Глупости.

Девушка стрельнула глазами, отчаянно краснея, медленно сняла футболку. Она не отвернулась, лишь опустила взгляд вниз.

Шрамы. Тонкими полосками опоясывали запястья, плоский животик, спускались к бедрам.

– Я некрасивая, – прошептала Варя. Вместо ответа я приблизился и взял ее личико в ладони. И едва дыша аккуратно поцеловал в уголок рта, в нежные губы, спустился по шее вниз, запрокинув ее голову назад. Отключил полностью совесть. Я целовал девушку, которую знал, и которая нравилась. Без всяких полутонов и загадок. Целовал, потому что сам этого хотел.

Глава 108. Между вами большая разница

Женя

Мы клеили обои. Лера уже села в ведро клея, поэтому Катя выгнала ее наверх. Всегда удивляла эта неуклюжесть.

Сестра терпеливо выполняла свою работу, насвистывала песенку, почти не обращая ни на что внимания.

Мы оба не разговаривали на волнующую тему. И напряжение лишь росло. Катя злилась в частности и на меня, ведь идея то принадлежала именно мне. Я переживал больше за Алекса, чем за Варю.

Почему? Он более уязвим, вечно сомневается, при этом решительный и упрямый. Отец, конечно, не поддерживал выбор, но открыто не возражал. Даже если у Вари и Алекса ничего не получится, он ее не оставит в беде. И этого знания достаточно для успокоения.

– Когда возвращается Петр?

– Должен через пару дней. Его депортируют, поэтому все так затянулось.

– Понятно. Поедешь встречать?

– Поеду, конечно. А вы когда уезжаете?

– Подождем Петьку, вашу свадьбу и рванем.

– И она с Ним останется там?

– Она твоя сестра. И я надеюсь на это.

– Как ты можешь?! Почему все за моей спиной?

Катя вскочила на ноги и уставилась на меня.

– А в чем проблема?

– Ты знаешь в чем.

– Не знаю. Поясни.

– Он мой. А ты толкаешь его в объятия другой!

– А тут ты ошибаешься в двух вещах сразу. Он не твой, это раз. А во— вторых, никто его никуда не толкает. И В— третьих, ты замуж выходишь. Поэтому успокойся. У вас все равно бы ничего не вышло. Ты такая же как Вероника. Эгоистка

– А ты не такой

– И я такой. А он другой. Он из тех кто скажет, я твой. А не ты моя. Разницу нужно понимать. А ты её не видишь.

– Иди ты сам знаешь куда.

– Только после тебя, – парировал я, продолжая ремонт. Катя возмущенно цокала, но никуда не ушла, пока мы не закончили.

Алекс

Я никогда ни с кем не просыпался. Ни разу за всю свою жизнь. Натали не любила общий сон, спальни у нас изначально были разные. Поначалу это жутко бесило, я пытался доказать свое право на совместность жизни. Натали была непреклонна в этом вопросе и ни разу не уступила.

Поэтому необычно просыпаться с кем— то в кровати, пусть и гостиничной.

Вчера мы проболтали с Варей до утра и видимо уснули, не раздеваясь. Дальше поцелуев мы оба боялись идти. Голова девушки мирно покоилась на моей груди. Я осторожно

прикоснулся к ее волосам, боясь нарушить покой.

– Доброе утро, полежу еще полчаса, – промурлыкала Варя и перевернулась на другой бок.

Я выполнил желание девушки. Встал, умылся, оделся, разбудил детей, отвел всех на завтрак и не переставал думать о ней, спящей в моей комнате.

Желание подняться наверх раздирало изнутри.

Демоны мои никуда не делись. Наоборот они весьма оживились, понимая им может в этот раз перепасть добыча.

Андрей и Ира спустились, когда дети уже почти доели. Мальчики запросили аквапарк, девочки— зоопарк и лошадок.

Андрей и Ира выбрали зоопарк. Пришлось нам отправляться в аквапарк.

– У меня, кстати, и купальника нет, – запоздало протянула Варя.

– И у меня, поэтому поедем— ка мы в кино на мультики.

Сказано, сделано. Дети с упоением смотрели мультики, пока мы с Варей сидели в кафе напротив друг друга, пили кофе.

Девушка мило выглядела в длинной юбке и кожаной куртке. Один поцелуй можно засчитать ошибкой, а вот вчерашние явно признавали химию между нами.

Варя

Прошедшее ночью, вернее то, что не случилось, заставило задуматься.

Я мало что знаю о любви и о мужчинах. Они всегда причиняли боль. Как физическую, так и душевную.

Само слово «мужчина» уже вызывало протест и отторжение. И почему не к Алексу? Я знаю его столько лет и ни разу его поступок не вызывал отрицательных эмоций.

Я думала о нем всегда как о принце. Далеком и красивом. Была немного в него влюблена, будучи совсем ребенком. Втайне представляла его поцелуй. И вот он свершился. И камень превратился в песок.

Сердце растаяло, захотело чего— то большего, чем просто прикосновения.

Я считаю себя грязной, ущербной, недостойной того, чтобы меня так целовали. Чтобы на меня так смотрели.

Мне 21 год, и я не знаю, как себя вести. Многие мои знакомые имеют семьи, детей. А я словно иду по тонкому льду, стараясь удержаться на весу.

– Задумалась? – отвлек от горестных раздумий Алекс.

– Ага, – буркнула я, вышло сердито.

– О чем расскажешь?

Ночью рассказала и так много, чего никому никогда не говорила.

– Да особо не о чем. Чем займемся после кино? Обед и пойдем гулять?

– Да, наверное. Хочешь, пойдем танцевать куда—нибудь.

– Танцы это не мое.

– Ты просто не нашла еще того, с кем хотелось бы танцевать.

– Всякое может быть, – уклончиво ответила я и улыбнулась. Мне хочется остаться с ним наедине и растаять под его губами, руками...

Этого мне хочется больше всего на свете. И ночью, оставаясь в постели одной я смогу помечтать об этом.

Дети в восторге от поездки, вконец нас умотали. Поэтому когда мы приехали назад, я в

изнеможении уселась в коридоре, не в силах стянуть сапоги. Ирина встретила меня и не говоря ни слова помогла снять сапоги. Давно никто обо мне не заботился так по—матерински.

– Ну что молодежь? Сходите Куда-нибудь погуляете? Хоть поужинаете или в кино сходите? В общем, мы вас отпускаем часа на три. Гуляйте, – разрешил Андрей и наскоро выпроводил нас обратно на улицу, едва мы успели переодеться и прийти в себя.

– Кофе?

– Это типа свидание, да? – поинтересовалась я, будто невзначай.

– Почему типа?

– Ну не знаю. Мы вроде с тобой как близкие друзья. И вот пошли на свидание.

– И не на первое, судя по всему. Хотя на настоящее. Честно, не смотря на мой солидный возраст, я мало что знаю о свиданиях.

– Я тоже. Что делают обычно на первом настоящем свидании?

– Просто гуляют, наверное. Я знаю, чего категорически нельзя делать на первом свидании.

– И?

– Быть скучным. Иначе второго не получится.

– И целоваться нельзя.

– Да? А на каком можно?

– На свидании третьем.

– Черт возьми. Каналья. А если мы сейчас пойдем в кино, потом на ужин, потом на танцы, это будет считаться третьим свиданием?

– За один вечер? Ты слишком нетерпелив.

– И ужасно настойчив.

Алекс поймал меня за талию и привлек к себе.

– Мне кажется и поправьте, если ошибаюсь. Но мы давно знаем друг друга, может к черту правила?

– Я хочу есть. Пойдем Куда-нибудь перекусим.

Алекс

Мы зашли в небольшой ресторанчик. Здесь просто со вкусом, забытый стиль прованса.

– Я скучаю по Парижу, – сказал я, осматривая интерьер. Ничего схожего с Парижем, кроме нарисованной лаванды и Эйфелевой башни.

– Расскажешь мне что—нибудь о себе, Александр, – начала Варя, чем ввела меня в ступор.

– А ты Варвара, расскажешь что—нибудь о себе? Например что закажем? Или на мой вкус? Раз я угощаю? Вино будем пить?

– Я буду мартини и спрайт. Не люблю вино, от него у меня сразу лицо красное. Как свеклой намазалась.

– Ок, – пожал плечами я и подзвав официанта, сделал заказ. Пока мы ждали, у меня запиликал айфон, я извинился и посмотрел сообщения.

Катя. Кто бы сомневался.

«Прости меня. Мне невыносимо быть вдалеке от тебя в ссоре. Поговори со мной. Пожалуйста».

Я знаю, чего ей стоило это сообщение. И уступил, ответил:

«Я не сержусь. Все нормально. Завтра позвоню».

«Позвони сейчас. Я хочу слышать твой голос. Мне так плохо, Саша. Поговори со мной, пожалуйста. Ты же знаешь...».

«Ложись спать. Спокойной ночи, Катерина. Добрых снов».

Следующей прилетела смска уже от Жени:

«Ты один? Она истерит. Взяла с меня слово, что я узнаю у тебя с кем ты и что делаешь. Никогда её такой не видел».

– Можно я выйду на минуту, оставлю тебя и вернусь? Надо срочно ответить, – спросил я у Вари. Девушка сухо кивнула.

Я поспешно выбрался на улицу и набрал Женьку. Ответила мне Лера.

– Что там у вас?

– Она истеричка! Абсолютно ненормальная. Как с цепи сорвалась.

– А Женька где?

– Ломает дверь в ванную. Она заперлась. О, сломал.

– Дай ей телефон. Я поговорю.

Я оглянулся на ждущую меня Варю. Она помахала мне рукой. Мысленно собравшись я ждал ответа.

– Саша?

– Катерина, в чем дело? Что случилось? – мой голос тверд и бескомпромиссен.

– Я хотела просто поговорить с тобой. В голове такой туман и неразбериха. Саша, ты слышишь меня?

– Слышу. Я ложусь спать. Ты тоже ложись. Завтра поговорим. Хорошо?

– Ты с ней? С ней ложишься спать?

– Я ложусь спать. И с кем не имеет значения. Хоть с твоим отцом. Тебе какая разница?

– Есть разница. Я схожу с ума. Пообещай мне. Пообещай.

– Что?

– Не спи с ней. Пожалуйста. Ради всего святого. Ради дочери своей. Не спи.

От негодования я почти задохнулся. Судорожно хватал воздух.

– Ты меня с ума сведешь. Никогда не было и вот опять, да?

– Ты наказываешь меня. Я понимаю. Но не так жестоко. Не с сестрой. Пожалуйста.

– А ты не думала, что я её просто люблю? Люблю по— настоящему, впервые в жизни? Люблю? Тебе это не приходило в голову?

– Ты её не любишь. Невозможно любить такую убогую. Предпочесть мне её. Ты хочешь сделать мне больно! У тебя получилось! Слышишь козел? Вышло у тебя, мне также больно как и тебе было, когда я была с Петром! Слышишь? Мне больно! Ты победил.

– Ты ненормальная. Я не могу и не хочу выяснять ничего. С тобой невозможно разговаривать.

– Если я через пять минут позвоню отцу и тебя не будет в своей комнате, я себе вены вскрою! – Катя зарыдала, и я сделал то, чего не должен был.

Замахнулся и дубасил телефон по стене, пока не расквасил костяшки пальцев в кровь вместе с айфоном. Вдребезги.

Варя выбежала из ресторана с побелевшим лицом и только ахнула, смотря на то как капает кровь с моей руки. Девушка сняла шарф и осторожно разжала мне пальцы, палец за пальцем и прижала к ним шарф.

– Тебе бы на скорую. Пусть перевяжут.

– Нет, – почти зарычал я и с трудом придя в себя, повел Варю за собой домой.

В домике нас встретили встревоженные Андрей и Ира.

Последняя увела меня в ванную, обработать руку.

– Зачем идти у нее на поводу? Теперь она будет знать чем вас достать.

Мне не хотелось обсуждать эту тему. И так все понятней некуда. Цирка хотели. Вот и он. Шоу уродов.

Ира обработала мне руку и заклеила пластырем.

– Как новенький. Ладно, я с ног валюсь. Пойду спать. И ты ложись. Ей сделали укол, Женька её скрутил. Истерика дело непривычное. Спокойной ночи.

– Спасибо, спокойной ночи, – поблагодарил я в ответ и пошел к себе, избегая смотреть по сторонам. Вари не было в общей гостиной. Я хотел было поискать её и одумался. Веду себя как ненормальный. Порчу свидание. Разбиваю телефон. Придурок.

Глава 109. Не вздумай решить, будто все по— прежнему.

Варя

Утром он безупречен, как всегда. Улыбается. Дети галдят возле него, спрашивают про руку, он отшучивается. Я спускаюсь к завтраку, ночью проревела в подушку, считая себя отверженной и сделав определенные выводы. Ирина смотрит на мое лицо, на синяки под глазами и только вздыхает.

Будь со мной брат, он бы объяснил мне что к чему. Но его нет со мной сейчас. Все чего мы добились за эти месяцы, оказалось перечеркнуто вчерашним вечером. Да, он все равно принц, но теперь я считаю, у меня нет никаких оснований и претензий на него. Отношения не начинаются так, по моему представлению.

Алекс протянул мне чашку с кофе: натуральный перемолотый кофе, полчашки холодного молока и две с половиной ложки сахара. Мое любимое сочетание. Наши руки на мгновение соприкасаются, и я чувствую искру, побежавшую между нами. Она затихла на моих губах.

Вика сыпала на отца вопросами, бесконечно обнимая и целуя его в щеки. Она видно ужасно соскучилась. Как я. Только меня он не любит.

– Папа, пойдём на мультики? Только ты и я?

– Я думал, пойдём все вместе. Разве нет?

– Я хочу с тобой, – закапризничала Вика, надув губы.

– Сходим моя сладкая, ходим. Может, возьмем Варю с собой?

Я вымученно улыбнулась и замотала головой:

– Идите вдвоем. Я найду, чем себя занять.

Я отвернулась от его вопросительного взгляда. Прошлой ночью я уже все решила. И собиралась держать оборону.

Алекс

Вика совершенно меня умотала. Сначала покупка мне нового телефона, потом ей нестерпимо захотелось новую куклу, а заодно и подарить всем что—нибудь. Мы мотались по магазину, потом пошли в кино, где я никак не мог связаться с Варей. Кирпичная кладка за ночь значительно увеличилась и почти скрыла мою возлюбленную.

Вчера я впервые признался самому себе, что влюблен. И вчера сам все испортил.

Общение в ватсапе не задалось. Варя отвечала односложно. «Все ок. Играем. Да. Нет. Все ок».

Отчаявшись, я отправил ей: Скучаю по тебе позавчерашней».

«А я запомнила тебя настоящим вчера».

Мы еще толком ничего не выяснили, а уже поссорились. Возвращаясь домой, я купил букет роз, естественно и своей Королевишне тоже.

Приехав домой, Вари нет. Ира объяснила, что она списалась кем—то из друзей и уехала на встречу. Да, я то мнил себя её единственным другом.

Позвонила Сара, она прилетела с докладом и отчетом по проделанной работе. Оставив Вику на попечение Ирины и Андрея, я отправился на встречу.

Не видел Сару несколько лет. После смерти Наты мы редко встречались. В основном

поздравляли друг друга с праздниками, да то по телефону или электронке.

Мы порывисто обнялись, Сара очень хорошо выглядела. Сверкает и сияет, несмотря на перелет. У нее совсем мало времени на общение.

– Не знаю, что ты будешь делать с этим, – протянула она мне конверт, – Девушка и парень живы, поэтому быть может стоит закопать это дело? Не тревожь прошлое.

– Я должен знать, – возразил я и упрямо протянул руку.

– Как скажешь. Все чеки там. Парень едет домой через два дня. С ним мой человек, проследит, чтобы все прошло нормально.

– С ним все хорошо?

– Да. Подавлен. Хоть виду не подает. Ты не говорил, что он такой красивый.

– Сюрприз хотел сделать. Думал, что хоть ты не податлива на его чары.

– Эх, Алекс, мне надо искать себе тихую гавань. Жаль, этот парень не из тех, кто надежно привяжет свой якорь. Ладно, у меня рейс. Приедешь домой, первым делом пригласи меня на бокал вина, – Сара чмокнула меня в щеку и подмигнув, пошла на свой очередной рейс.

Конверт жал мне карман. Хотелось все узнать. Но обещание, данное другу сдерживало. Это подождет.

Я подъехал к домику на такси и увидел, как из знакомой машины выбирается Варя с очередным веником. Значит, позвонила ему. Другу.

Напустив на себя невозмутимый вид, я сделал вид, что все обычно и пропустил девушку вперед. Ладно.

У нее горели щеки. Она явно смущена от того, что практически я её застукал с бывшим. И никаким образом не прореагировал. В комнате её ждали розы и вопреки всему не они оказались в мусорном ведре. Поэтому что я её знал. Знал интуитивно её предпочтения.

Вечер прошел беспокойно, маленькие чертенята вымотали Андрея до боли в спине.

Уложив всех спать, наконец, я спустился на кухню. Варя сидела там одна в полутьме, корпела над переводом.

– Тут ты со временем ошиблась, – заявил я, сунув нос в её записи.

– Спасибо, я справлюсь сама, – колючка.

Впереди маячила вывеска: Не влезай убьет!

И на мне никакой защиты против её ударов.

– И вот тут ошибочка, – не тактично указал я вновь.

– Мистер Совершенство, – буркнула она себе под нос.

– Не так хорош, как Мистер разбитый нос, но быть может в следующий мы его повысим до звания Мистер Сломанные ребра?

– Ведете себя хуже ребенка. Избалованного и капризного.

– Беру пример с Вас, Варвара Юрьевна. Учусь.

– Получше учиться то надо.

Её телефон завибрировал и на экране высветилось:

«Я ужасно рад увидеть и почувствовать тебя рядом. Спасибо за прекрасный вечер».

Девушка вновь покраснела, и я не удержался от замечания:

– Да, а цветы то все равно в помойном ведре. Какая жалость. Такие чувства и в ведро.

– Много бы Вы понимали, Александр. Шашни свои оставьте при себе.

– Они останутся при мне, равно как и самолюбие.

– О, этого Вам не занимать. Чего, а самолюбия с избытком.

– Еще что— нибудь Вас не устраивает, дрожайшая Варвара Юрьевна?

– Нет. Вы вправе делать все, что вздумается.

– Все, что вздумается? – переспросил я.

– Все, что Вашей душе угодно, – съязвила Варя с укором смотря на меня.

– Зря ты это сказала. Зря, – ответил и я прежде чем она успела опомниться, сгреб её в охапку.

За свой порыв я мог получить либо по лицу, либо по другому более чувствительному месту. Но она не сделала ничего из этого, наоборот притянула меня к себе, обвила стройными ногами и руками.

Поцелуй, горевший лихорадочно и спонтанно грозил перейти грани. Я лучше владел собой, чем она.

– Не вздумай решить, будто все по—прежнему, – переводя дыхание заявила Варя, отстраняясь от меня. Я тактично отвел глаза от выреза ее кофты.

– Я уже так думаю. Знаешь, эта мысль теперь крепко засела в моей голове.

– Зачем я тебе? – ответ не застал меня врасплох. Он неизбежно преследовал ее с первого нашего времени вместе. Она никак не могла понять, зачем и почему.

– Заслужил я еще одно свидание? Мы завтра идем в цирк.

– Тебе мало цирка в жизни?

– Фыр— фыр, Варя. Фыр— фыр, – улыбка лезла на мое лицо, удержаться невозможно.

Оставив Варю в легком недоумении, я отправился спать в прекрасном настроении.

Цирк так цирк...

Глава 110. А ты будешь моей мамой?

Варя

Андрей и Ира чрезвычайно обрадовались нашему походу в цирк. И не захотели составить компанию. И упрекнуть их не в чем. Пусть и они отдохнут немного.

Я придиричиво рассматривала себя в зеркале. Пожалуй я немного худощава. Почти ничего не ем.

Покрутилась. Во мне нет природного вкуса. Нет, я люблю красивые вещи, но совершенно не умею в них разбираться.

Нет у меня и изюминки никакой. Проста как валенок.

– Можно? – попросилась тетя, слегка приоткрыв дверь комнаты.

– Заходи, – разрешила я и натянула на себя джинсы, на которых и остановила выбор.

Ирина подошла и встала рядом со мной. В зеркале отразилось ее грустное лицо, озабоченное. Я улыбнулась ей совершенно искренне.

– Могу я спросить кое— что у тебя, Варюша?

– Можно.

– Как далеко все зашло? У вас?

Я вздохнула и резко выдохнула:

– Хочешь дать совет?

– Нет. Кто я такая, чтобы давать советы. Ты еще слишком молода, но опыта у тебя гораздо больше чем у меня. Негативного опыта. Поэтому я думаю, в обиду ты себя не дашь.

– Не дам. Никто не собирается меня обижать. Я знаю его так долго и полностью доверяю. Тут не о чем беспокоится.

– Но если ты захочешь поговорить, не только об этом, я буду ждать.

Странно. Но свои размышления буду держать при себе.

– Готовы? – крикнул снизу Андрей, – Я вас отвезу, спускайтесь.

Я пожалала плечами и порывисто обняла тетушку. Та охнула и еще крепче прижала меня к себе, поцеловала в макушку.

В цирк мы приехали как раз вовремя. Алекс разбил детей на пары и взяв за руку Степу, повел нас на представление.

Я никогда не была в настоящем цирке. Дети визжали от восторга, смотря на тигра, верблюдов, трюкачей, клоунов. Я смотрела на Алекса, сидящего рядом со мной. Наши бедра соприкасались и это ощущение возвращало мыслями к нашим поцелуям. Да, их было по пальцам пересчитать, но какие запоминающиеся: волнующие, тягучие, напряженные, словно нервы мои оголены и медленно растягиваются, порхающие как крылья бабочки.

Я снова принялась копаться в себе. Недостаточно красивая, опытная, уверенная. Могу ли посягать на что— то большее? Тем более на само сердце Алекса. Он такой красивый и уверенный в себе. Самодостаточный.

Зачем ему я? Сиротка... с разрушенной судьбой и пытающаяся собрать себя воедино как гребанный пазл, который никак не желает сходиться.

И да, моя вчерашняя выходка. На кой я написала Артему? Он примчался так быстро и неожиданно. Между нами ничего не было, мы просто посидели, выпили по чашке кофе и он довез меня до дома. С утра забросал сообщениями. Липкий и приторный. Хорошо, что Макс снова нашелся и написал. Он встречался с новой девушкой и кажется, это наконец— то по

настоящему.

Пальцы Алекса сжали мои. Родной жест. Он не повернул в мою сторону головы, лишь продолжал держать мою ладонь в своей. Привычный жест, в который мы так много вкладываем.

– Папа, я вату хочу и попкорн еще! – заявила Вика. Маленькая девочка внимательно посмотрела на меня своими синими глазами. Перевела взгляд на наши переплетенные пальцы и снова на меня.

Алекс покорно последовал исполнять пожелание дочери, оставив нас с глазу на глаз.

– Ты красивая. Не такая как моя мама, но красивая, – бесцеремонно произнесла Вика.

Я улыбнулась малышке:

– Спасибо.

– Вы с папой пара, да? У нас будет семья? Взаправду будет?

Я не нашлась что ответить.

– Наверное, еще сложно судить.

– Взрослые. У вас всегда все сложно, – подвела итог девочка и обняла меня.

– Мне так хочется, чтобы ты стала моей мамочкой. Так хочется, – прошептала она мне на ухо, целуя в щеку. Я прижала ее к себе.

– Эй, это моя мама! – сердито возразил Степа и полез отталкивать сестру.

– И она наша тоже! – визгнули двойняшки и бросились на нас.

Тут же и Никита, Дима подскочили обниматься.

– Вы совсем замучаете Варю, и мне ничего не достанется! – нарочно строго заявил Алекс, появляясь с полной еды руками.

Я хихихаю, и по очереди принимаю от детей поцелуи, пока мои губы не накрывают другие.

В толпе детей, окружающей нас, счастье переполняет меня. Я счастлива и плачу сквозь смех.

Вскоре оторвавшись от меня, дети рассаживаются на свои места, шумят, хрустят, поглощают вату, чипсы, попкорн и газировку. Досталось бы нам от Жени, увидев это безобразие.

Алекс протянул мне сахарную вату, оторвав кусочек, я протянула ему:

– Съешь или в твоем возрасте вредно много сахара?

– Это тебе не вредно, ты тощая, а мне потом эту вату сжигать в зале часа три.

– Боишься потолстеть?

– У меня славный метаболизм.

– Иногда мне кажется, вы с братом больше родственники, чем с Русланом. Он боялся потолстеть. Поэтому ел мало, правильное питание и так далее, а вы с Женей как две пираньи с бездонным брюхом.

– Я помню тебя, такую пухленькую, очаровательную, – подразнил Алекс.

– Я не была пухлой! – возразила я категорически.

– Была, была. Я то помню и на память не жалеюсь.

– Это скоро начнется. Провалы в памяти.

– Ага, – Алекс отвлекся на вопрос Никиты и отвернулся от меня.

Алекс

После цирка мы повели детей гулять, нужно прогуляться на свежем воздухе. Варя вела

себя отстранено, Шагала рядом, погруженная в себя. Самокопание не только мой конек.

Я не хотел возвращаться в дом Смирновых. Конверт так и оставался нераскрытым. И почему— то казалось зря. Может, если бы не Варя, мои чувства к ней... все могло быть иначе.

Но я занят мыслями о будущем с Варей. И не думаю о настоящем.

Я думаю о ней. Такой мягкой, со своим внутренним светом, влекущим за собой. Я думаю, как сделать ее счастливой, прогнать с ее лика печаль. Думаю как останусь с ней наедине и пойду дальше, дальше ее нежных губ.

Ирина отпустила нас поужинать. На это раз я оделся более приличнее. Рубашка и брюки. Варя удивила меня не меньше. Короткое красное платье.

Заместив слегка отвившую челюсть, девушка покраснела. Андрей крикнул и пробурчал про себя пару нелестных комментариев в мой адрес.

– Как прозаично и классически, – прошептала Варя, беря меня за руку.

– Если следовать канонам, впереди нас ожидает хороший вечер.

– И ночь? – зачем – то уточнила Варя. Я удивленно посмотрел в ее широко распахнутые глаза.

– Будущее. Оно всегда непредсказуемо. Потому что строим мы его сами. Готова?

Варя

Вечер действительно стал хорошим. Мы не спеша поужинали, немного потанцевали и выпили. Вино ударило мне в голову, и довольно бесстыже я прильнула к плечу моего спутника. Он вёл себя как всегда безупречно, ни шага компрометирующего в мою сторону. Как истинный джентльмен. И до чего же бесячий!

Во взгляде я читала совсем другое, нежели он хотел показать. Он прятался от меня за бокалом, то за очередной шуткой, улыбкой. И я подумала, быть может так оно и надо? Ведь все эти поцелуи ничего не имеют общего сейчас с происходящим. Они из другой оперы.

Мы делаем вид, будто не хотим оказаться в миг полуобнаженными в объятиях друг друга. Играем в странную игру, где каждый выполняет свою маленькую и важную роль. Я не думаю о том, как соблазнительно выгляжу в этом коротком красном платье, как предательски мои щеки пылают, когда я представляю себе немного другой вариант развития событий. Как блестят глаза, и грудная клетка лихорадочно поднимается и опускается. Адреналин шумит в моих венах, но всего этого я не замечаю. Тело уже давно выдало меня с головой. Все желания на моем лице...

Воспоминания лезут в голову. Если бы мама была со мной, она подсказала правильный ответ на мой вопрос. Я не понимаю зачем я ему. Проигрываю по всем пунктам. Слишком маленькая для него, слишком глупая. Слишком неопытная. Другая бы на моем месте. Хотя я помню разговоры про него и Катю. Общество, наблюдающее за их отношениями, разделилось на две стороны: одни считали, что они уже давно спят и будут вместе, другие как к примеру мой брат, знавшие Алекса немного лучше других, пророчили этой паре несчастливый конец. Мне не интересно спали ли они с Катей или нет. Оба взрослые люди. Но я не хотела сравнений с ней. Пусть мы сестры и он не должен стоять между нами. У него случались романы. Я помню Наташу, эту ослепительную девушку. Я хотела походить на нее в детстве. Они были безумно красивой парой.

– О чем задумалась?

Я встрепенулась и закинула эти воспоминания в дальний угол.

– Со мной бывает. Ты же знаешь.

– Знаю, поэтому и спрашиваю.

– Когда мы поедem домой? – решила перевести тему.

– Через пару дней. Соскучилась по дому?

– Немного. Я редко куда— то выезжаю надолго. А ты? Не скучаешь по своему дому?

– Все, что мне нужно уже рядом. А дом... Дом всего лишь стены. Конечно, Андрей и

Ира уже устали. Дети выматывают, а у нас круглосуточный детский садик.

– Поехали домой? Я устала, – протянула я. Алекс попросил счет и пока он оплачивал ужин и вызывал такси, я старалась не разреветься.

В такси мы ехали молча, лишь переплели наши пальцы вместе как обычно...

Глава 111. Мы тебя раскрасили

Варя

Еще один день пролетел мимо и оставшись, наконец в одиночестве в номере, я устало вытянула ноги. Закинула туфли в угол. Сняла короткое платье и залезла в любимую футболку. Скоро мы возвращаемся домой, и сказка закончится. Закончится...

В дверь раздался стук. Я, не вставая, крикнула:

– Открыто.

Алекс появился на пороге с мороженым в руках.

– Дети сводят с ума Иру и Андрея. А я принес тебе мороженое. В знак извинения.

Я запоздало подумала, что сейчас на мне кроме футболки, пусть и длинноватой, и простых трусов нет ничего. Ноги оголены и попыталась натянуть футболку на них.

Он сел рядом, протянув рожок.

И мне пришлось его взять, изобразив радость, когда хотелось плакать.

– Расскажешь?

– Что?

– Тебе лучше знать. Я сделал что— то не так? Твоё настроение стремительно падало вниз, и я не понимаю причины.

– Я стесняюсь тебя. Не умею правильно себя вести.

– Не заметил. Ты сейчас не выглядишь стесненной, – он кивнул на мои голые ноги и покраснел. Покраснел?!

– А что не так с моими ногами? Это просто ноги.

– Как архитектор могу сказать про них, что это идеальные параметры.

– Ты предвзято к ним относишься. Любой архитектор скажет так же.

– Вообще я против, сильно возражаю против того, чтобы твои ноги рассматривал кто—нибудь другой.

– У тебя предвзятое отношение. И никто смею заверить не покушается на их созерцание.

– Я. Я покушаюсь. И даже не знаю надолго ли меня хватит.

– Повторю еще раз, предвзятое отношение. Я же не покушаюсь на твои ноги. Равно как и на другие части тела, – разговор между нами принимал странную окраску. И ни черта непонятную.

– Что примечательного в мужских ногах? Вот женские да.

– Напишешь оду моим ногам? Можем заодно их и короновать. Пойду, возьму у детей фломастеры.

Я не успела встать с кровати, в мою комнату вломилась толпа детей, а завидев мороженое в наших руках, толпа издала обиженный вой. Пришлось поспешно бежать за мороженым и награждать им абсолютно всех.

– Никита, принеси краски, порисуем немного.

Мы тут же убрали ковёр в зале, расселись и принялись рисовать на руках, ногах. Уставшая Ирина, едва не плакала, смотря на умиротворенную картину. Детки сидят друг за дружкой и сосредоточенно разрисовывают друг дружку. Даже Андрей замер, потом включил тихонько музыку.

Алекс закатал штанины джинс до колен, потому что Вика непременно хотела

порисовать на папе. Футболку ему пришлось так же снять, иначе не в меру капризная дочь грозилась испачкать и ее.

Дети сопели, корпя над художественной работой. Степа вооружился самой большой краской и подошел ко мне.

– Мамуля, можно я нарисую тебе солнышко?

– Конечно, я сейчас мой хороший переоденусь.

Я вернулась в комнату, надела более удобные шорты и майку.

Это ужасно непедагогично. Но ужасно весело. Степа нарисовал на моей левой руке маленькое солнышко больше похожее на переспелую тыкву.

– Могу я нарисовать что—нибудь тоже? На благословенных ногах? – улыбаясь, спросил Алекс с кисточкой в руке.

Я кивнула, вытянула ноги, усевшись на пол и закрыла глаза. Чувствую как легонько кисточка с теплой водой выписывает на ногах узоры, точки, сплетения.

– И на руки тоже. Мама будет еще красивее, – шепчет Степа и тут же другие захотели сделать меня еще красивее.

Их движения не столь корректны к моей коже. Дети хохочут, вымазывая меня в краске разных цветов, кисточки размазывают краску по моим ногам, рукам, животу, лицу, шее. Ступни щекочут. Открывать глаза совершенно нет охоты.

– Теперь ты Варвара сияешь всеми видами красок. Никакой черноты. Мы тебя заново раскрасили, – шепчет на ухо Алекс, – Хочешь посмотреть?

Я дергаю головой, слыша сдавленный смех не только детей, но и Андрея. И открываю глаза.

Четверо взрослых сверкают как лучшие картины, ведь они нарисованы детскими ручками.

– Почему у тебя нос красный? – смеюсь я, смотря на разрисованное лицо Андрея.

– Художникам виднее, – отец хохочет. Я никогда не видела его таким помолодевшим. Казалось, краска стерла все отличия между нами, превратив всех не в меру расшалившихся детей. Просто мы немного выше.

Разделившись на две группы, мы с Ирой пошли мыть девочек, Андрей и Алекс мальчиков.

Наши малютки устали за весь вечер, вымотались вконец и глаза у них почти закрывались.

Легли спать без задних ног. Мы вернулись в зал, где Андрей убирал остатки красочного пиршества.

– Воды не так уж и много, поэтому дамы вполне могут помыться, – предложил Алекс. Он забавно выглядит и слишком сексуально даже в краске.

Я беру его за руку и веду за собой, забыв про старшее поколение. Если не сделаю этого сейчас, буду жалеть всю оставшуюся жизнь. Нельзя жить в скорлупе, тем более от него.

Путь лежит в мою ванную комнату, и Алекс не задает вопросов. Я завожу его в комнату, закрываю дверь в ванную и поворачиваюсь к нему. Решаю не раздеваться, поэтому залезаю под душ и тяну парня за собой. Он не отрываясь смотрит на меня и молчит. Синие глаза потемнели и в них бушевал шторм.

Я повернула кран и нас в миг окатило холодной водой. Подавив в себе вскрик, я лишь плотнее прижалась к нему, моему молчаливому спутнику. Вода потеплела и я закрыла глаза, стоя под душем. Краска стекала с нас разноцветными ручьями. Стекала с моих волос, по

спине, перемешивалась и утекала прочь. Не без помощи его рук. Аккуратно, едва касаясь он оттирал краску с моего тела кончиками пальцев. Бережно смывал с волос шампунь и вёл себя безупречно, не как влюбленный до безумия парень, а как заботливый родственник. Честно, я ожидала чего— то другого. Вспышки между нами, той искры. А ее нет. Может, я все придумала себе? Глупая и наивная девочка.

Я представить себе не могла насколько далека от правды.

Алекс

Я представлял себе, что мою бабушку. Иначе штаны бы и то, что в них ярости рвалось внутри, разорвало бы к чертям.

Я никогда и никого так не хотел, как Варю. И не знаю, каким усилием воли я себя сдерживал. Огромным усилием не переступить грань.

Меня сдерживало пару факторов.

Во— первых, за дверью с ружьем уже возможно стояла Ирина, вместе с Андреем. Я успел заметить ее взгляд, когда Варя схватила мою руку и повела за собой. Этот взгляд обещал оставить меня без мужского приданого, если я пойду дальше своих мечтаний.

А то что это чудовищное испытание, ей не было и дела.

Во— вторых, я не сторонник заниматься любовью в душе, особенно когда прервать могут в любой момент. Андрей выбьет эту дверь, а ночевать на улице с голым задом перспектива так себе.

В— третьих, я не совсем готов. Дружок в штанах не возражает против отсутствия силиконовых преград, он то всегда за обнаженку, но я не знаю как к этому отнесется девушка. Мужчина должен быть больше продуман в этом плане, не даме же этим заниматься. Тем более их у меня не было. Я не думал о них, собираясь в поездку (в такие туманные дали не заглядывал).

А подойти и стрельнуть их у Андрея...

Перспектива так себе.

Как— то мрачновато.

Поэтому погружая пальцы в пену на голове Вари, я старался думать о чем— то отталкивающем.

Как то мы навещали бабушку Наты, впадающую медленно и верно в маразм. Немало тягостных минут провели. Натали считала данные визиты своим долгом, хотя бабушка давно не узнавала ее. Меня то и подавно.

Вот о ней я и вспоминал до мельчайших подробностей. Поэтому удалось обуздать самого себя.

И мне бы удалось, если бы со мной действительно была бабушка, а не девушка, которую я люблю и хочу.

Потому что, не смотря на мою холодность и отстраненность Варя прижималась все ближе, нежно касалась кожи и ненароком задевала характерную выпуклость внизу. Я радовался неопытности Вари, иначе никакой самоконтроль не помог бы.

Низкое грудное рычание вырвалось из моей груди, когда девушка вновь задела меня бедром. К черту!

Рывком закинул ее левую ногу себе за спину и прижал бедняжку к кафелю. Мои губы впились в ее рот, причиняя боль. В этом момент плевать на то, с какими глазами я выйду отсюда, как буду выглядеть и кем себя чувствовать.

Больше меня волновали ее мокрые шорты, не желающие сниматься со столь желанного мной тела. Пришлось рвать. Рвать на ней, в перерывах между яростными натисками, так не похожими на обычного меня. Я планировал нежность, а не вот это.

Ледяной душ окатил нас обоих и заставил задрожать и оторваться друг от друга.

– Ой, – вскрикнула девушка, не отрываясь взглядом от меня, – Холодно!

Я выключил воду и схватив полотенце протянул его Варе. Почти бесцеремонно выпроводил ее из комнаты, успев заметить и Иру, и Андрея, и включил ледяной душ на полную мощь. Стоял под ним, пока не начала бить дрожь.

Выйдя из душа, завернулся в полотенце и вернулся к себе. Никто на пути не попался. Дети уже давно спали, а старшее поколение вероятно распекало Варю. За неподобающее поведение.

Варя

Ира утатила меня к себе в комнату и уставилась в окно. Сменив одежду и суша волосы феном, я думала о произошедшем. А тетя все подбирала слова.

Шанса испортить все я ей не дала. Собрала свои мокрые вещи и ушла к себе. Алекса и след простыл. Печально. Я могла пойти к нему, тем более он не спал. Его выдавала полоска света под дверью. Поэтому я просто написала ему, раз он онлайн:

«Надеюсь, ты не обиделся на меня. Мир?»

Ответ пришел не сразу. А спустя пару минут, когда я уже отчаялась на него.

«Прости меня, Варюша. Я бесконечно сожалею о том, что не держу себя в руках.»

«Я не хрустальная ваза. Не надо беречь меня от собственных чувств. Может чаю? Примирительного чаю?».

«У нас есть такой чай?».

«Есть. Пойдем налью».

«Ок».

Я жду его на кухне, в легкой полутьме. Чайник давно уже вскипел и заварен. А он не идет. Наконец узнаю его кошачью походку.

– Привет, – здороваается он и смущенно улыбается.

– Привет, чай?

Он садится напротив, внимательно ищет на моем лице следы слез и обиды. И с облегчением не находит. Выдох.

– Думал, я буду реветь?

– С чего бы это?

– От того что меня бесцеремонно выставили прочь.

– Интересно отчего?

– Тебе лучше знать. Ты же меня выставил.

– Я не выставил. Вода холодная пошла. Ты можешь заболеть.

– Фыр— фыр. Дурацкая отговорка.

– Почему?

– Прямо глупая. Придумайте что— то получше. Поизобретательней. Или правдивее.

– Мы играем в слова на букву П?

– Хватит уже паясничать.

– Ты использовала все слова. Хотя одно осталось. Прости меня.

– Да за что? – вспылила я.

– Я вёл себя как урод.

– А сейчас? погоди, ты извиняешься за что именно? Что поцеловал меня или за то что выгнал?

– За все сразу. Неудобно вышло. Пошло и вообще. Напористо.

– Играешь в слова на букву Н?

– Да. Я лишь хочу сказать, что не хотел сделать тебе больно или неприятно. Поэтому, если сделал, прости меня.

– Тогда поцелуй меня. В знак примирения. Поцелуй. И считай мы квиты.

– Хочешь, чтобы я заболел? Мне и так простуда светит. Ледяной душ в последнее время стал обыденностью.

– Теплой воды тебе не хватает?

– Она не помогает. Даже представить на твоём месте бабушку, – краска предательски залила его лицо.

– Фу, ты что целуешь меня и представляешь себе бабушку? – я прыснула от смеха.

– Что же сделать, если на тебя такая реакция.

– И помогает?

– Не очень, – Алекс сам еле сдерживался от смеха.

– Может и мне представить на твоём месте более старшего мужчину? Такого седого в морщинках? И бородой до пола?

Алекс захохотал.

– Если это поможет держаться от меня подальше, то рискни. Иначе знаешь длинная борода и все такое. Запутаешься.

– Так ты поцелуешь меня? Дед то заждался.

– Обещай не представлять на моём месте никого. Никаких дедушек и прочих мужчин.

– И ты пообещай. Никаких бабушек. Сейчас и никогда больше, – прошептала я в ответ, потянувшись к нему.

– Обещаю. Никогда больше, я весь только твой, – прошептал Алекс в ответ, мягко накрывая мой рот своим. И видимо нет никаких бабушек, потому что поцелуй вышел то, что надо. Никаких полутонов. Никаких теней между нами.

Я твой, я твоя. И больше никого.

Напряжение между нами росло, поцелуй крепчал и нарастал, никем не сдерживаемый. Интересно, если до этого он тормозил себя картиной бабушки, то получается контролировал себя в наших поцелуях? Поэтому они получались запоминающимися, но слегка скомканными? Волосы наши перемещались, равно как и пальцы сплелись между собой. Пропустила тот момент, когда оказалась прижатой к поверхности стола, за которым мы так и не допили чай. Его много вокруг меня, голова совсем не хочет думать о чем— то другом, кроме его прикосновений. Там где его губы касаются меня, кожа горит огнём.

– Походу, душ нужен нам обоим, раз никаких бабушек и дедушек. Или ледяная ванна. Много, много льда, – простонала я, выгибаясь дугой.

– Ммм? Лёд? Ты хочешь лёд? – прошептал Алекс где— то в районе моего живота.

– Лёд, да я хочу лёд.

Лицо Алекса нависло надо мной. Потемневшие глаза смотрели с вопросом в глазах.

– Тебе жарко? Попить дать?

– Да, – выдохнула я, – Хочу пить. Что—нибудь холодное.

Алекс помог мне сесть, голова кружилась и потолок плыл перед глазами. Он принес стакан минеральной воды и с тревогой уставился на меня.

– Все в порядке?

– Угу, – буркнула я, лихорадочно глотая воду. Он остался между моих ног, пока я сидела

на столе.

Мне полегчало, по крайней мере туман в голове рассеялся. Допив я поставила стакан на стол и повернулась к нему, подталкивая его ногами ближе к себе.

– Время полтретьего ночи. Завтра рано вставать, – слабая попытка мне возразить.

Пальчики ловко пробежали под край футболки и коснулись живота.

Алекс вздрогнул и прикусил губу.

– Я серьезно. Время уже вставать, а не спать ложиться.

– Давай не ложиться, я не против не спать до утра.

– Если бы не дети, я не отпускал тебя из— под себя ни на минуту. Но скоро рассвет, а у нас на него большие планы.

– Насколько большие? – вопрос вызвал мимолетную улыбку на губах.

– А вот завтра и узнаем.

– Хотя бы намекни.

– Тебе понравится.

– Как самоуверенно.

– Я просто это знаю. Может капельку и самоуверенно. Ладно, пошли спать, – парень сунул руки под мои бедра и взяв, таким образом, на руки пошел в спальню.

– Тебе не тяжело? Все— таки возраст.

– Не дразни меня, золотко. А то я могу передумать. Дети расстроятся, твоему отцу придется меня пристрелить, поэтому будем нежными с их чувствами, – Алекс легко донес меня до спальни и поставил на ноги, не смотря на мои попытки его удержать.

– Спокойной ночи, Варвара Юрьевна, – попрощался он, целуя меня в макушку.

– Вообще я Андреевна. Ты же знаешь, – указала я на его промах. Он упрямо звал меня по отчеству Юрия. Иногда словно специально при Андрее.

– Я знаю, добрых снов, – он уже на полпути в свою комнату.

– Спокойной ночи, добрых снов, – шепчу я в ответ и закрываю дверь.

Глава 113. Моя прерогатива

Алекс

Вас когда-нибудь будили дети?

Торнадо пролетело по всей комнате, Никите и Диме приспичило покинуть летающую тарелку в доме. Естественно, она попала не туда, куда метилась изначально.

– Вы поели? – спросил я у дочери, задумчиво смотрящей на братьев.

– Нет, папочка. Ира отказалась жарить нам блины. Но мы намешали тесто сами.

– А плиту кто включил?

Сон моментально слетел с меня, не потрудившись надеть штаны, я вылетел из комнаты и устремился на кухню. Где и застал Варю со сковородкой в руках. Девушка вылила поварешку теста на сковородку и поставила на плиту.

– Завтракать будешь? Я уже штук 30 испекла. Дети растащили. Доброе утро. Ты штаны забыл.

– Доброе утро, я спущусь через пару минут и помогу тебе. А Андрей где с Ирой?

– Уехали за продуктами. В холодильнике хоть шаром покати, – ответила Варя.

Я оставил ее на кухне и пошел к себе. Пока привел себя в порядок, умылся, собрал осколки вазы, пострадавшей в результате игр с тарелкой, потом согнал детей вниз, налил всем чаю, раздал блины. И лишь потом сменил уставшую девушку возле плиты.

В кармане завибрировал телефон. Попросил Варю достать и посмотреть.

– Тебе пишут что— то про встречу сегодня, – Варя сосредоточено переводила текст сообщения.

– Ааа, значит по работе, ответь им коротко: ок. Я потом посмотрю.

– Значит, пропадешь на целый вечер?

– Наверное. Понятия не имею пока. Счас, – я вылил тесто и поставил сковородку на плиту. Схватил телефон и бегло прочитал сообщение про приглашение на ужин сегодня в шесть. Ничего особого, давний партнер просто хотел встретиться. На работе сейчас меня невозможно поймать.

– Пошли со мной. Там наверняка будут дамы. Посмотришь на мой круг общения.

– Я стесняюсь. У меня нет ничего подходящего из одежды. Кроме того красного платья.

– Нет, – слишком громко возразил я, – Никаких красных платьев. Не хочу, чтобы на тебя пускали слюни стареющие ловеласы.

– И сколько ему лет?

– 62. И его новой жене 25. Поэтому я задохнусь от ревности.

– К старому деду? Ах, я забыла, что он может быть вполне в моем вкусе. Ммм.

– Не смешно, между прочим. Пускать слюни на тебя моя прерогатива, – буркнул я себе под нос.

Накормив детей и отправив их на прогулку возле дома, мы стояли на деревянном крыльце. Курить хотелось нестерпимо. Но я не купил сигареты.

Варя ковырялась в моем телефоне, тихонько ругаясь про себя.

– Что не так?

– Почему у тебя сообщений так много? И все от левых баб!

– Это не левые женщины. А в большинстве имена мужские, французские, – пояснил я, смотря на детей, бегающих за мячом.

– Кто такая Сара? И почему она скидывает тебе фото в купальнике?

Я усмехнулся и пояснил:

– Сестра Натали. Мы давно дружим.

– Поэтому она скидывает тебе фото своей задницы?

– Это просто фото, Варя. Сара ездила недавно отдыхать и теперь делится фотками отпуска.

– Ну не знаю. Тут жоп на порядок больше, чем отдыха. Ааа, вот тут еще и грудь.

– Её грудь мало меня интересует. Мы как то спорили с ней можно ли на фото определить настоящая она или нет. У Сары мания что— то переделывать в себе. В прошлом месяце она хотела увеличить грудь. Я ее отговорил.

– А про увеличение других органов вы не говорили?

– Ха, Варь, ты что— то имеешь против?

– Это странно посылать фото своей задницы и груди мужчине! Даже в купальнике. Ты же не посылал ей ничего такого?

– Варя, – хохочу уже во весь голос, – Если бы ты знала Сару, даже не обратила внимания.

– Она часто пишет тебе. Гораздо чаще, чем остальные.

– Я же говорю, мы дружим.

– И сообщения от Кати. Семимесячной давности. Почему не удалил?

– Я думал, что она умерла. Поэтому рука не поднималась стереть. Эй, так нечестно! – бросился я на помощь Степе, гнавшегося за братьями и павшего прям в грязь.

Варя

Я перечитывала старые сообщения переписки Алекса и Кати. Обычные ничего не значащие слова. Она писала ему как ей вольно дышится на берегу океана. Как здесь тепло, хорошо. Присылала фотки, где она на фоне заката, в красном купальнике, где загорает, фото Петра, показывающего язык.

Неизменно каждое утро, в обед, перед сном отосланные десятки сообщений. Она писала раз за разом, как тоскует без него, как ей его не хватает. Как ей не хватает тех двух недель, когда она была просто Катей, а он просто Сашей... Как она хотела бы все вернуть назад. Последнее от нее сообщение было час назад. Катя в очередной раз писала бесконечное прости.

Были сохранены сообщения от Руслана. Они тоже переписывались по несколько раз на дню, обменивались смешными картинками.

Переписка с братцем тоже здесь была. Как и с Вероникой. Её сообщения не отличались особой оригинальностью и сводились лишь к просьбам денег. Деловой переписки тоже много.

На анккауте гугла полно всякой ерунды. В основном в облако копировались фотографии, видеозаписи. Фото со свадьбы Руслана и Леры. Даже моя фотография в греческом платье. Фото Женьки, совсем пьяного. Фото Вики. Её беременный животик и рука Алекса на нем.

Это фото поразило меня больше всего. Он никогда не упоминал о ней. Но в одном единственном фото столько любви, нежности. Как он смотрит на нее, влюбленным взглядом, губ касается знакомая улыбка. Она умерла в родах, пока я мучилась от своей боли. Меня даже на похоронах не было. Девочка похожа на нее, только глаза Алекса. Синие как

океан.

Варя

Алекс вернулся со Степой на руках. Мальчик хныкал от боли и разорванной штанины. У него такая сильная привязанность ко мне. На моих руках он моментально успокаивается, я отдаю Алексу телефон и обнимаю сына. Приезжают Ира и Андрей, когда мы уже обедаем.

– Отпустите нас вдвоем на ужин? В шесть часов. Мы побудем там немного.

– Просто вдвоем? – уточняет Ирина, но я слышу совсем другой вопрос.

– Это деловой ужин. Мой старый партнер приехал, хочет встретиться.

– Зачем? – спрашивает Андрей.

– Думает, наверное, что у меня проблемы. Раз я все бросил и уехал. Хочет удостовериться, что все нормально.

– Могу я поехать с тобой. Ради интереса, – предложил Андрей. Алекс сморщился:

– Это чисто дружеский ужин. Вино, женщины. Вам будет скучно, а Варваре Юрьевне полезно послушать разговорную речь. Надеюсь, особых возражений нет?

– Нет, – пробурчал про себя Андрей.

Я отнесла тарелку в раковину и хотела уже замочить посуду, как меня окликнула Ира, мол помоеет сама, а я могу идти собираться.

Я пошла вверх, совершенно растерявшись. Ума не приложу, что надеть. Ира догнала меня возле самой двери:

– Хочешь помогу тебе собраться?

– Помогги.

После часа примерок не мне одной стало казаться, что идти никуда не следует. Ира убеждала в этом меня. Горячо и с напором.

– Ну что тебе там делать? Тем более когда ты никого знать не знаешь? Кроме Алекса. И то его ты тоже плохо знаешь. Остайся с нами. Он пообщается и вернется.

– Ир, почему ты так против настроена? Из— за Андрея? Он не жалуется Алекса.

– Он старше тебя. Ты еще такая молоденькая.

– Бред какой.

– Зачем ты ему? Такая чистая и невинная?

– О, – я зло расхохоталась, – Чиста? Невинная? Ты с какой планеты, тетя? Весь город судачит обо мне как о последней шалаве на свете, даже родная сестра кинула мне это в лицо! О чем ты говоришь?

– Я лишь хочу убереечь тебя от еще одной ошибки. Чтобы ты потом не считала себя вновь виноватой.

– А я не считаю себя виноватой! Я не виновата в том, что произошло тогда! Понятно? И хотел бы он сделать со мной что— то подобное, уже давно бы сделал.

– А как же Катя? Он разбил ей сердце. И упрямо продолжает ее наказывать. Наплевательски относится к ее чувствам.

– Если бы она так хотела быть с ним, может тогда не стоило уезжать с другим парнем? Нет? И почему ты защищаешь всех подряд, кроме меня?

– Я хочу тебя убереечь. Всего то.

– От чего убереечь? От молодости, от ошибок? Я и так достаточно накосячила в своей жизни до него. Я хочу узнать, каково это когда тебя любят.

– Ты действительно считаешь, он тебя любит? Тебя?

– Не знаю. Я верю в это. Верю, что любит. Иначе бы не был рядом. От меня же никакого толку.

В дверь постучали. Я открыла дверь и увидела небольшую коробку с бантом.

Предвкушая, я взяла коробку и перенесла в комнату, поставила на кровать.

– Что это?

– Пока не знаю, – ответила я и сорвала бант. В коробке оказалось классическое черное платье, чулки, и шикарное нижнее белье, изящные лодочки, красная роза и записка: «Я положился на свой вкус, во всем кроме платья. Жду ровно в пять. Твой».

Ира цокнула восхищенно языком и погрустнела.

– Когда мужчина дарит нижнее белье, он подразумевает потом его увидеть и снять. Это чтобы ты понимала.

Я решила не обращать внимания на ее тон и поспешила в ванную. Папаша плохо влияет на тетку. Волосы почти высохли и уложив их феном, я быстро переоделась, почти во все новое, кроме трусиков. Их я выбирала долго. И наконец выбрала черные с эмблемой Бэтмена. Удивлять, так удивлять.

Алекс ждал меня внизу. Я медленно спустилась и покружилась перед ним. Он подмигнул мне, и мы вышли из дома.

Глава 114. БЫВШИЙ ТЕСТЬ.

Алекс

БЫВШИЙ ТЕСТЬ с воплем пронесся ко мне и заключил в крепкие объятия. Я никому и слова не сказал, кем приходится этот здоровенный мужчина. И теперь с улыбкой наблюдал за смущением моей Вари, представляя двух дорогих мне людей друг другу.

– Какая красавица! Где ты такую нашел? Это живое подтверждение тому, что в России живут самые красивые девушки! Все, я решил, следующая моя жена из России. Алекс, дорогой найди мне жену!

Я лишь отмахнулся, бесконечно улыбаясь. Пьер мне как отец, как друг. И пусть нас уже не связывают деловые или родственные отношения, а всего лишь дружеские. Как отца и сына.

И уверен, он безумно рад за меня. Он очень переживал за меня в свое время и эта тревога еще не сдала свой пост. Эту часть моей чужестранной жизни мало кто знал. Практически Варя первая, кто познакомился со мной другим.

– Когда свадьба? Как моя маленькая внучка?

– Я надеюсь, что следующим летом. Варе нужно получить диплом и она свободна. Виктория как настоящая принцесса.

– Я нашел твоему другу работу. Так что с переездом дело решено. Ты только позвони, когда соберетесь точно.

Мы говорили на французском и Варя с трудом нас понимала. Речь разговорную труднее понять, тем более быстро.

Взгляд мой упал на коленку девушки. И с чего пришло в голову купить ей чулки? Наклонившись слегка в сторону, мне открылся прекрасный вид на резинку чулок и оголенную бархатную кожу бедра.

– Алекс, та информация от Сары для тебя оказалась полезной? Она передавала тебе большой привет.

– Да, конечно, спасибо. Расскажи лучше о себе. Как здоровье?

– Все чудесно. Ты же знаешь, как разговоры о здоровье портят мне аппетит. Поговорим лучше о вас. Вы такая красивая пара. Чем занимаетесь в России?

– Просто отдыхаем. Я уже скучаю по работе.

– Возвращайся. Мы отгрохаем шикарную свадьбу. Кстати, чего это у твоей невесты нет кольца? Она ещё не очень готова или малость не знает о грядущей перемене.

– Не знает, – смущенно ответил я.

– Узнаю своего Алекса. Это в твоей манере. Натали тоже долго не знала о твоих планах. А потом вы раз и поженились. Купи кольцо в конце концов. Будь древним необтесанным мужланом! Схватил, на плечо и в пещеру. И не выпускай, пока не обзаведетесь потомством. Иначе вовек не дождусь внука.

– Ладно, – пообещал я и заговорил уже с Варей: Тебе скучно? Ты отстранённая. Все нормально?

– Нет, все хорошо. Я ем, пью. Не переживай.

– Она хорошо кушает, отстань от девочки, поел бы сам, а то тощий совсем стал. Глаза ввалились. Натали на небе переживает, небось. Скажет, вот оставила на тебе старом своего милого, а ты его до костей довел. Ешь давай.

Я не могу противиться и покорно ем. Пьер меняет гнев на милость. Варя удивленно смотрит на меня.

— Мужика кормить надо. И самой есть. Это полезно. Поели, марш танцевать. Кстати, Алекс, сейчас моя благоверная подойдет, она морду красит, так задержалась. Познакомить давно вас хотел.

— Мне, между прочим Сара запретила.

— А мы ей ничего не скажем. Люси очень милая. А вот и она.

К столу подошла стройная азиатка. Боже мой, потянуло старика на экзотику.

— Дорогая, это мой сын Алекс, его жена Варя. А это моя Люси.

Я поздоровался и пожал протянутую сухую ладошку.

— Пошли танцевать. А то сейчас ещё парни подойдут. Я хотел тебя познакомить. Пока еще живой и двигаюсь. Принимай дела, так вроде называется. Все хорошие, надежные кадры. Потанцую я с твоей невестой.

Варя не успела моргнуть глазом, как ее закружили в танце.

— Значит, вот так выглядит знаменитый и любимый сын. Я представляла Вас немного другим. Почему— то блондином, — заговорила со мной Люси.

— Ожидание иногда оправдывается, иногда нет. Зачем вы сюда приехали? Отец сказал по делам, но думаю причина другая.

— Не знаю. Лучше поговорите с начальником его охраны. Пригласите меня на танец?

Я подал ей руку, не теряя из виду Варю. Она стрельнула в нашу сторону глазами, чем вызвала усмешку.

— Ваша жена ревнива. А Вы сам?

— Разумеется. Вы надолго приехали?

— Сегодня же улетаем ночью.

Мы замолчали, двигаясь под музыку. Пьер проводил Варю на место и она следила за нами, растерянно улыбаясь.

Музыка сменилась, я проводил Люси и протянул руку Варе. Она вспорхнула со стула и крепко прижалась.

— Мне так тоскливо без тебя. О чем вы говорили?

— Ревнуешь?

— Ответишь на мой вопрос, я отвечу на твой.

— Об отце, я спросил, зачем они сюда приехали. Мне кажется, он чего— то не договаривает. Иначе, зачем приезжать сюда? Чтобы меня увидеть? Это странно. Он словно обрадовался, что я жив и здоров.

— Да, ревную. Чужие женские руки касаются моего Алекса, — прошептала Варя на ухо, по телу от её нежного шепота пробежала дрожь.

— Я тоже тебя ревную. Правда, правда. И с Мистером— Разбитый— нос произошло все именно так. Я хотел тебе сказать, но подумал, стоит ли.

— А сейчас зачем сказал?

— Просто. Я ревную. Особенно когда знаю, что у тебя под платьем.

— Почему чулки? Не совсем мой стиль.

— Я подумал о твоих ногах и почему— то решил, чулки подходящие для вечера и для платья.

— Чулки для вечера? Или для тебя?

Я покраснел:

– Зачем ты тогда их надела, если тебе не нравится?

– Я не сказала, что не нравится. Ощущение новое. Непривычное. Я думала, они будут слезать с ног, а они настолько плотно облегают ногу. Комфортно. Но непривычно. В связи с этим возник вопрос, тебе не нравится как я одеваюсь?

– Почему? Нравится. Ты сказала, нечего надеть, поэтому я и выбрал на свой вкус. Не сильно шокировал?

– Ты знаешь, как разительно ты отличаешься от того Алекса, которого я знала всю жизнь?

– Чем?

– С нами ты другой. Даже со мной другой.

– Я просто из тех людей, кто открывается не сразу. Ты не устала кружиться?

– Давай не поедem сегодня домой. Снимем номер где—нибудь и останемся вдвоем на всю ночь, – предложила Варя, прислонив голову к моему плечу.

– Заманчиво. Мне надо переговорить с Пьером, пока он не уехал. Ничего, если я тебя оставлю ненадолго?

Варя вздохнула и пожала плечами. Я усадил ее за стол и отошел вместе с Пьером.

Разговор затянулся на два часа. Сейчас в огражденном месте ото всех, Пьер говорил совершенно серьезно. На Сару напали. Последним чем она занималась было мое дело.

Моя просьба.

Пьер хотел знать, куда вели все нитки. Либо хотели убрать ее из—за него, либо из—за меня. В обоих случаях опасность есть для меня. Для моих близких.

– Сейчас ее положение стабильно. Но она пока не приходит в себя. Поэтому я хочу знать, чем она занималась для тебя.

– Я просил вытащить друга из тюрьмы. Проверить и сопоставить кое—какие факты. Она нашла здесь детектива, который кое—что раскопал. Если хочешь, я перекину тебе все данные.

– Да, хочу. Перекинь. Есть еще одна мелочь. Тебе этот дом никогда не нравился, поэтому я не думаю, ты сильно расстроишься.

– И когда?

– Буквально час назад. Пожарные еще тушат. Поэтому я уверен, вы не туда копнули. Я представлю тебе пару своих людей. Ничего особого, не дергайся. Они просто будут рядом. Заканчивай тут дела и марш отсюда. Тебя уже давно зовут в Штаты, поэтому соглашайся и переезжай со своими принцессами. Чем скорее ваш след остынет, тем лучше.

– Я не могу взять и уехать. Как же мои друзья?

– Хочешь, чтобы вас всех некому было хоронить? Сынок, это серьезно. Моего влияния не хватит для защиты. Я ничего не смогу сделать. Ладно, я скину тебе адресок Люси, напишешь ей.

– Она же твоя жена?

– Ну, брось. Нужен ей такой кусок сала, как я. Конечно, нет. Ладно, иди к своей принцессе. Люси сняла вам номер, не могла же бедняжка ждать тебя в холле. Нам пора на самолет.

Пьер похлопал меня по плечу. Мы распрощались, и я отправился искать Варю, с электронным ключом в кармане.

Глава 115. Гармония.

Варя

Номер красивый на двоих. Большая, нет, просто огромная кровать. Бежевый тон, классика. Мягкий ковер.

Я сняла туфли и пошла по нему, аккуратно ступая.

Люси смотрела с улыбкой. Наверняка, считает меня душой. По— русски она, между прочим замечательно говорит. Надо сказать Алексу, когда он вернется. Когда он вернется... Эта мысль вызвала волну ужаса. Он же вернется. Ко мне. А я?

— Ладно, спокойной ночи, постарайтесь отдохнуть. Напомните ему завтра с утра, чтобы он скинул всю информацию. Рада познакомиться, Варвара, — Люси пожала мою руку и с улыбкой закрыла дверь. Хотела бы я хоть немного ее грациозности и очарования.

Я осмотрела весь номер, на маленьком столике фрукты, шампанское в ведерке со льдом. Два бокала.

Ванная тоже красивая. Огромная лохань и все вокруг такое безупречно белое. Отдельный душ, биде. Я растерянно включила воду и пока ванна набиралась, позвонила брату. Он еще не спал.

— Как дела? Все нормально? Почему так поздно не спишь?

— У нас все хорошо. А ты почему?

— Маленький Женя капризничает. Мы с ним вдвоем боремся с коликами.

— А Лера где?

— Спит, Оксана уехала к Леше, он со смены вернулся.

— А Катя? — я с трудом произнесла ее имя.

— Куда— то умотала. Она вся в ремонте. Разгромила комнату Алекса в пух и прах, теперь решила исправить, — брат рассмеялся.

— Мою, надеюсь, не трогала?

— Нет, Лера не дала. Ира сказала, вы куда— то умотали с Алексом? Чего домой не едете?

— У него деловой ужин. Макс писал вчера, хочет увидится. У него новая девушка. Хочет познакомиться. Ты знал про тестя Алекса?

— Да, а что с ним не так? Классный дядька.

— Просто с этой стороны я его никогда не знала.

— Он же не хранился в стеклянном шкафу до встречи с тобой. У него своя жизнь, в которую он не часто нас посвящает. Айсберг, а не человек. Ой, мелкий уснул. Попробую поспать, пока он угомонился. Когда вы вернетесь?

— Не знаю. Я уже соскучилась по тебе и даже по Лере. Наверное, через пару дней. Спокойной ночи, братишка.

— Спокойной ночи, моя сладкая. Позвони мне завтра. Пока.

Брат отсоединился. Освободившись от платья и белья, я легла в ванную, расслабленно закрыла глаза. Телефон завибрировал. Макс.

«Не спится?»

«Нет, время то детское. А ты чего не спишь?»

«У нас уже утро. Забыла про разницу во времени?»

«Забыла. Когда приедешь?»

«Давай лучше ты ко мне?»

«Я»?

«Ты».

«А как же твоя девушка?»

«Какая девушка?»

«Твоя. Девушка. Ты хотел нас познакомить!»

«Варя, иногда меня поражает твое тугодумие. Какая девушка? Я хочу пригласить тебя сюда, причем тут какие— то девушки? Всегда была только ты одна. Четвертый год я твержу тебе одно и то же».

«Ты совсем дурак?»

«Это ты дура, Варвара! Я тебя люблю! Люблю с самого детства, а ты опять строишь из себя идиотку!»

«Ты уехал! Оставил меня здесь!»

«Я звал тебя с собой. Тебе освежить память? Ты предпочла остаться с семьей. Поэтому я снова зову тебя к себе. Хочешь, я сам приеду за тобой? Что тебе делать? У брата своя семья. Ты там лишняя. Мы об этом уже говорили сто раз. Ты же соглашалась со мной. Хотела приехать. Что изменилось за прошедшее время?»

Я не могла сказать ему про Алекса. Пока не могла. Мне известен его ответ на мое признание. Мол, зачем я ему? Молодая и неопытная дурочка. Поиграет и бросит.

Признания Максима. Я относилась к ним легко. Он думает, что любит меня и быть может так оно и было. Эти признания прилетали с периодичностью раз в неделю. И за все это время он ни разу не приехал в ответ на мои истерики. Переступить через себя ради меня ему не удавалось. Папа всегда говорил, что по поступкам мужчины можно судить по нему и только по ним.

«Пойду спать. Спишемся», – набрала я ответ и погрузилась в воду. Интересно, он скоро придет? На часах почти час ночи.

Вымывшись как следует, я вылезла, накинув белоснежный халат, высушила волосы, слопала почти весь виноград, яблоко, пощелкала пультом. Снова надела платье, причесала волосы на другую сторону. Ожидание затянулось. Я решительно не знала, куда себя деть и ужасно нервничала.

Наконец дверь распахнулась, мужчина моей мечты зашел в номер.

– Я думал, ты уже давно спишь.

– Не спится. Кино интересное смотрю.

– Извини, заставил тебя сидеть тут в одиночестве. Пьер и Люси улетели, я их проводил.

Пойду приму душ, если ты не против.

На ходу снимая жилет, Алекс прошел в ванную.

Вечер явно не удался у нас обоих. Подожду его. Не буду спать назло. Я почти Бэтмен.

Алекс вышел из ванной, когда я уже полежала на кровати на животе, болтая ногами.

Платье задралось, но это уже не мои проблемы. Немного провокации еще никому не мешало.

Я внимательно следила за ним, ходящим по номеру туда— сюда как лев в клетке. Ему вскоре это надоело, раз он уселся в кресле напротив меня.

– Так и будем сидеть и молчать? – прервала я паузу.

– Ты же кино смотришь. А я думаю.

– И о чем?

– Так ни о чем.

– Я тоже думаю. Все думаю и думаю.

– И о чем?

– Когда ты меня уже поцелуешь? Или мне подойти самой?

– Подойди, – тембр его голоса снизился до появления в нем хриповатых ноток.

А мне то что? Я с легкостью встала с кровати и остановилась перед ним. Алекс протянул мне руку и привлек к себе на колени. Пришлось сесть на его сверху и обвить руками шею. Волосы цвета черной смородины еще не совсем высохли и мокрыми прядками выбивались из общего строя.

Он, не отрываясь, смотрел на мои полураскрытые губы, медленно приближающиеся к его рту.

Наши губы соприкоснулись, раскрылись навстречу друг другу как хищные цветы.

Вцепились в одном безмолвном стоне, тело мое звенело, как натянутая струна, таяло, приобретая новую для себя форму.

Выгнув спину, лишь бы ему удобнее, я едва не упала, сильные руки вовремя подхватили меня и привлекли назад.

– Если я зарвусь, дай знать, – выдохнул он мне в шею.

– И что это значит?

– Ты такая хрупкая, что я боюсь ненароком тебя обидеть, – горячим шепотом пояснил Алекс. Я качнула бедрами в ответ, а он судорожно сжал меня за талию.

– Эй, поаккуратнее, я не хочу раньше, чем ты, – простонал он.

В ответ я лишь сильнее прижалась к нему, избавляясь от лишней одежды.

Я не знаю, как описать его прикосновения к моему телу, волосам, губам. Не знаю существуют ли такие слова, чтобы описать происходящее между нами в эту ночь. Не знаю...

Хотя одно все же найду для описания. Гармония. Гармония во всем.

Я, конечно, подозревала в нем некую аккуратность, но и представить не могла, что мне это так понравится. Ни один участок моей кожи не обошелся без внимания.

И пока это моя лучшая ночь.

Глава 116. Колечко на пальчик.

Алекс

Она заснула на мне, мокрая от пота с улыбкой на нежных губах. Укрыв нас обоих одеялом, я блаженно закрыл глаза и уснул. Впервые за долгое время спокойно.

Мы проснулись почти одновременно и слегка увлеклись до обеда.

Понятия не имею надолго ли снял нам номер Пьер, но выпускать отсюда друг друга не хотелось.

Моменты статья непредсказуемо быстротечны. Они оставляют на губах легкое послевкусие, когда чаша горя никогда не оскудевает, пока человек не доведен до мрачного отчаяния.

С трудом созданный уютный мирок легко рушится извне. Моя дочь могла стерпеть отсутствие отца вечером, ночью, утром, в обед, но после обеда маленькая каприза проявила недетское упрямство и потребовала вернуться.

Поэтому пообедав завтраком, крепко держась за руки, мы оставили наш маленький мирок за дверью.

Варя заметно погрузилась по дороге к домику.

– Сегодня воскресенье. Чем займемся? – невзначай спросил я, заворачивая к дачному поселку.

– Чем хочешь.

– Чем я хочу, нельзя заняться в присутствии полного народа доме. Поэтому конкретизирую вопрос, чем бы ты хотела заняться не со мной вдвоем и в одежде?

Девушка улыбнулась и смущенно закрыла лицо золотистыми волосами.

– Я думаю, может нам съездить в контактный зоопарк? Детям будет интересно. Женя спрашивал, когда мы вернемся.

– Скоро нужно будет возвращаться. У старших каникулы закончились. Пару дней они еще пропустят, ничего страшного. К среде вернем, – я не стал ничего говорить про мой сожженный дом, про то, что я нужен был Саре, про то, что за нами ехала машина и нам нужно вести себя аккуратно. И что я не возьму ее с собой, пока все не уляжется.

– Зоопарк хорошая идея. Отпустим Ирину и Андрея отдохнуть

– Думаешь, они сильно злятся?

– Не все ли равно? По моему никаких прав по отношению к тебе у них нет.

– Она все— таки моя тетья. А он отец. Хотя и непутевый. Я жалею его.

Я прикусил язык на всякий случай.

– Сложно сказать про право в отношении меня. Они заботятся обо мне. По своему.

– Я оспорю скоро любое право требовать от тебя ответа.

– Собственник, – довольно бросила она.

– Еще какой. Ты меня еще плохо знаешь. Я жуткий ревнивец.

– Не сильно пугает.

– А я и не пугаю. Я предупреждаю.

– Может мне стоит держаться от тебя подальше?

– Поздно, – ответил я и остановил машину.

Дети гуляли на улице. Ирина помахала нам рукой, пытаясь сдержать детей не броситься к нам навстречу.

Вика и Степа бежали наперегонки. Пухлый малыш не успевал за быстроногой красавицей. Кудряшки рассыпались по ее плечам, из груди вырвался победный клик.

Боже, ей надо было родиться парнем.

Варя побежала навстречу Степе и поймав, закружила в крепких объятиях.

Остаток дня и до позднего вечера мы развлекали маленьких чудовищ.

Ирина с благодарностью передала нам все бразды правления. Она ничего не спрашивала у нас и мне это не нравилось. Андрей тоже молчал. Уверен, он то успел как следует пожаловаться на меня, потому что несколько сообщений его старшей дочери ставили в тупик. Всю информацию я успел сбросить Люси. Надеюсь, что ничего страшного не произойдет и мы не лишимся нашей любимой Сары. Я позвонил и Женьке вкратце ему объяснил происходящее. Он расстроился из— за отложения переезда и подготовки документов. Потом я позвонил в Нью— Йорк и подтвердил свое решение о переносе бизнеса туда. Свое же дело мне скрепя сердце бы продавать, но тут я придумал как поступить, не оставив людей без работы. Проведя вебинар со своей командой, они дружно согласились с моим решением. Я оставлял им свое детище, своей правой руке, бывшему мужу Милы Оливье и он чрезвычайно счастлив. Они все хором выразили сожаление по поводу пожара и готовы помочь в случае чего. Я заверил, все путём и поблагодарил. Прежние заказы они дорабатывают и в путь. Я пообещал приехать на прощальную вечеринку.

Остальными делами займется Пьер. Он похвалил за проделанную сегодня работу. Сара пришла в себя. Дело сдвинулось.

Зоопарк детям понравился. Хотя и гулять два часа ножками им надоело. Поэтому пришлось пообещать им пиццу на вечер. Утренние спутники следовали за нами по пятам, неприметно и ненавязчиво.

Варя стояла возле клетки с тигром и зачаровано смотрела на зверя. Я подошел к ней, и она оказалась в плотном круге моих рук.

— Красивый, да?

— Ничего, — ответил я, целуя ее в упрямый затылок. Пора ей рассказать. Нельзя держать ее в неведении. Тем более когда ситуация начинает выходить из— под контроля.

Ее телефон завибрировал.

— Кто это? — нарочно спокойным голосом спросил я.

— Макс. Мы с ним вчера повздорили.

— Не помню, чтобы ты при мне повздорила с кем—нибудь.

— Это было до.

— И что послужило камнем преткновения?

— А как обычно. Я оказалась стервой.

— Чем же ты его так обидела?

— Сказала, что он придурок. Он заслужил.

— Чем?

— Он якобы меня любит.

— Любит и всегда любил.

Варя развернулась и возмущенно уставилась на меня:

— А откуда ты знаешь?

— Фыр— фыр, Варя. Я его дядя. Мы думали, что со временем это пройдет, он перерастет.

– И как ты думаешь, как он отнесется к нам?

– Категорически. На нашей свадьбе его скорее всего не будет.

– А что у нас будет свадьба?

– Разумеется, будет. Не уходи от разговора. Вы же с ним как не разлей вода были?

Неужели ты не замечала его чувств?

– Нет. Он для меня всегда был как брат. Горячо любимый брат. Как Женька. Я никогда не смотрела на него по— другому.

– Ясно.

– Обиделся?

– На что? Нет, конечно. Но поговори с парнем. Хочешь, я сам ему скажу? Никитос, бросать камни в пруд нельзя.

– Я сама. Он мой друг. Он поймет.

Я в этом сомневался. В Максе слишком много Вероники, чтобы он отступил спокойно.

Приглашу его в гости. Может, он поймет все сам и отпустит ее?

Варя

Зачем он начал этот глупый разговор? Какая разница, кто что чувствовал?

О, Алекс с его потрясающей способностью стремится сделать мир лучше для всех, кроме себя.

Он бы и меня отдал в угоду любимому племяннику, ведь тот страдает! А собственные чувства не так важны, когда речь идет о семье. Прямо бесит. Ни за что не позволю ему распоряжаться ни собой, ни собственным счастьем.

Мы весело провели время в зоопарке.

– Вы когда женитесь— то? Папа, где кольцо? – сердито спросила Вика, вышагивая рядом со мной. Алекс в растерянности замер.

– Какое кольцо, сладкая моя?

– Нормальное. Вот с таким бриллиантом! Тетя Ира сказала, что, Варя скоро станет моей мамой и мы погуляем на свадьбе. Где кольцо, папочка?

– Я не хочу, – слабо запротестовала я, махая руками.

– Пошли купим кольцо и кучу воздушных шариков, – предложил Алекс, хохоча над моим выражением лица.

– Ура! – завопили дети хором.

Кольцо мы выбирали долго. Никите нравилось с голубым камушком, Даша и Саша непременно считали, надо с розовым, Степа задумчиво слюнявил палец и не мог решить. Лишь Дима заявил, что надо предоставить выбор мне.

– Я хочу вот это, – тыкнула пальцем я в красивое и безумно дорогое колечко с черным камнем в оправе. Алекс пожал плечами, кивнул очаровательным двум сотрудницам. Кольцо перекочевало на мой пальчик.

– Ух ты. Папа, а можно мне новые сережки? – зачаровано разглядывая витрину, полусшепотом произнесла Вика.

Приехав, когда на улице стемнело, дети гурьбой с пакетами и воздушными шарами выскочили из машины. Алекс повернулся ко мне:

– Вообще, я хотел сделать все по— другому. Не слишком рано для тебя?

– Нет, – как объяснить ему про свое бесконечное девичье счастье? Принц моих грез купил колечко! И такое красивое. Жаль, я не могу поделится этим с мамой. Она бы оценила.

Я подставила губы для поцелуя, и мы слегка задержались в машине.

Глава 117. Все беспокоятся обо мне.

Варя

Вечером уничтожая пиццу и запивая ее молоком, дети кружком сидели на полу, возле телевизора. Алекс ушел разговаривать по скайпу. Андрей присел возле меня и заговорил:

– Где вы вчера были?

– На ужине. Я же сказала Ирине.

– И кто там был еще?

– Никого. Партнер Алекса и его жена. Больше никого.

– Понятно. А о чем они говорили?

– Тебе нечем заняться?

– Просто интересно. Я беспокоюсь о тебе.

– Раньше надо было. Может, тогда звучало бы искренней.

– Ты несправедлива, Варвара. Я не выговариваю тебе за отношения с взрослым мужчиной.

– Я тебе тоже. Не выговариваю за отношения с сестрой мамы.

– Это Алекс тебе рассказал?

– При чем тут он? У меня у самой глаза есть. Я видела вас как— то ночью. Умножила два на два. Иначе чего ей тут жить рядом с нами?

– Она здесь не только из— за меня. Есть у нее причина, чтобы остаться здесь.

– Только надеюсь, эта причина не живет у нее в животе? А то знаешь в нашем доме до фи́га уже детей.

– Нет. Спроси у нее сама.

– Это все что ты хотел сказать?

– Нет. Я действительно беспокоюсь о тебе. Мне не нравятся ваши отношения. Не только из— за твоей сестры.

– Надеялся, выдать её замуж раньше? Обеспечить более счастливое будущее себе? Безбедное?

– И снова нет. Мне казалось, у нас с тобой отношения наладились. Более менее.

Андрей встал с дивана и подошел к окну. Задумчиво вгляделся в темноту.

– Извини, что нагрубила, — ответила я и поднялась: — Пойду поставлю чайник.

Странный папаша у меня. И Алекс застрял со своим скайпом. Он разговаривал с Сарой, я даже на кухне слышала его залихватистый смех. Смешно ему.

Ирина присоединилась ко мне, пока дети заняты и за ними присматривает Андрей.

– Почему ты не едешь домой? Разве муж не ждет тебя?

– Семейная жизнь не всегда радостная и безоблачная, Варюша.

– Мама и папа жили хорошо. Я практически и не помню их ссор. Как случилось, что он выбрал старшую сестру?

– Так вышло. Она гораздо красивее, умнее меня. Я была наивной дурочкой, когда познакомилась с ним. Юре тогда было уже 30, а мне всего 18 стукнуло. Он преподавал нам в университете и я моментально потеряла голову. Красивый сексуальный мужчина. Тогда никакой бороды еще и в помине не было. За ним бегали все, начиная от первокурсниц и заканчивая преподавателями. Даже замужние дамы охали и ахали. Историю обожали. А он ни на кого не обращал внимания. И чтобы как— то стать для него видимой, я бросилась под

его машину. Ну и завертелось, закрутилось.

– А мама когда появилась?

– Когда мы решили пожениться. Андрея тогда посадили, Леля на руках с маленьким Женей переехала к родителям и вот тут то и произошла судьбоносная встреча.

– Получается, мама увела у тебя жениха?

– Не сразу. Мы не поженились, но продолжали встречаться. Потом появилась ты, и он окончательно ушел. Вот и все. Роману конец.

– Поэтому вы так долго не общались с мамой?

– Не только. Она не могла меня простить. До самой смерти не простила.

– Почему? Что ты такого сделала? Папа изменил ей с тобой? После того как ушел?

– Не совсем. Мы наговорили с ней много лишнего друг другу. Много гадких слов, полных ненависти. Понимаешь, я смотрю на тебя и вижу себя. Вижу свои ошибки.

– Ты думаешь, он может вернуться к ней? Бросить меня?

– Он мужчина. А Катя... Вы как лед и пламя. Он не может получить ее, поэтому довольствуется тобой. Она поманит, и он побежит. Мужчины одинаковы.

– Он подарил мне кольцо сегодня, – я старалась оградить хрупкую любовь от ее ядовитых слов.

– У него полно денег. Он уже одел вчера тебя как дорогую игрушку. А это совсем не твой стиль. Не твой. А ее, Катин. Она одевается так.

– Мы с ней даже не похожи.

– Это не важно. Главное, что вы сестры. А потом он растопчет твое сердце, как когда то растоптали мое. Подумай об этом. Подумай о моей судьбе и матери.

– Ну вот, я освободился, – радостно провозгласил Алекс, появляясь на кухне. Ирина сразу же уткнулась в кружку. А я. А я отвернулась равнодушно протянув:

– Чай будешь?

– Буду, меня Вика зовет, наливай, я мигом, – он поспешил на зов дочери.

Я поставила с глухим звуком кружку на стол и налила кипятка. Алекс пьет только горяченный чай. Никакой разбавки.

Ирина допила чай и отправилась в зал, на помощь Андрею. А мой Алекс вернулся, привлек к себе и хотел поцеловать, да я увернулась.

– Что не так? – пытаюсь поймать мой взгляд спросил он. Кончиками пальцев он поднял мое лицо за подбородок.

– Живот болит. Я нехорошо себя чувствую, придумать ничего лучше я не смогла.

– Давай поглажу? Уложу тебя в кровать, взобью подушки?

– Я выпила таблетку. Пойду посплю, ладно?

– Ты всегда ужасно врешь. Прямо отвратно.

– За что ты прекрасно, – подумала я про себя и вымученно улыбнулась.

– Я не вру. Seriously болит. Я посплю и все пройдет.

Он чмокнул меня в макушку и отпустил.

Пройдя в коридор, я залилась слезами. Вечно несчастная. Вечно одинокая. Маленькая глупая Варя.

Глава 118. Неподходящие роли.

Алекс

Иру я поймал после укладывания детей. Андрей уже дрых вовсю. Забрав у него спящую Дашу, перенес ее в кровать.

Ира вздрогнула при виде меня на кухне.

– Решила попить чаю?

– Ага, будешь?

Я сел напротив, изучающе смотря на нее. И что же ты интересно ей наговорила?

– Ира, мы вроде уже обсуждали с тобой это. Попросила взять тебя с собой, я согласился исключительно по доброте душевной. И что я вижу в итоге?

– Речь не шла о ваших отношениях. Мы хотели просто отвлечься. А вместо этого ваша ненормальная любовь.

– Я не подхожу на роль будущего мужа? – с усмешкой поинтересовался я.

– Не подходишь.

– Напомню, что право выбирать для дочери, давно брошенной тобой, у тебя и не наступало. Так что твое мнение не учитывается в любом случае. Еще вопросы есть?

– Ты старше ее, она ещё совсем ребенок. У тебя есть Катя. Зачем тебе моя дочь?

– Во— первых, никого у меня нет, а во— вторых, смотри пункт чуть выше. Дочери у тебя нет. Я последний раз предупредил. Не хочешь быть рядом с ней в роли тети, не будешь совсем. И хватит уже тыкать Катей где не попадя. Они не сестры и тебе это давно известно.

– Я всего лишь хочу оградить ее.

– Огради от себя. Полезней будет, – бросил я последнюю фразу и вылетел прочь.

Поскребся в комнату Вари. Бедное мое солнышко. Заплаканное лицо, бледный вид. С такой мамашей— кукушкой это неудивительно.

– Полегче стало?

– Немного.

– А чего реवेशь?

– Девочки такие девочки.

– О, да. В этом не могу не согласиться. Что я могу сделать для тебя?

– Ты меня любишь?

– А ты сомневаешься?

– Хотелось бы полной уверенности.

– Я тебя люблю, Варя.

– Покажешь?

– С удовольствием.

– Только чтобы доставить полное удовольствие, я хочу знать, что ты только мой.

Вместо ответа я ее поцеловал, нежно, едва касаясь, подразнивая. Переместил вес на руки, продолжил с губ, на шею, на ключицы и вниз.

Как можно доказать любимой, что ты только ее? Самоконтроль, дамы и господа. С каждым движением внутри нее, я выдыхал в ее распухшие от поцелуев губы: Я твой, твой, твой.

Пока Варя уже не простонала:

– Я убеждена, не могу больше, взорвусь.

– Подожди, я же не слышал, что ты моя.

И с сорвавшимся с ее губ словом: «Твоя, садист» мы оба унеслись со вздохом.

Девушка свернулась около меня и блаженно улыбалась, гуляя пальчиками по моей груди.

– Ты невозможный садист. Знаешь об этом?

– Впервые слышу. Есть хочется. Не против перекусить?

– Проголодался? Думаешь, мы никого не потревожим?

– Мы уже это сделали, не очень-то стесняясь.

– Ужас какой.

– Они взрослые люди. Не думаю, что мы сильно шокировали их. Знаешь, однажды я ночевал у вас дома. Даже не вспомню почему. Помню, что точно ночевал. Наверное в стельку пьянящий. И вместе с нами ночевал Руслан с очередной девушкой. Среди ночи я подумал, что на корабле и куда— то плыву, да и еще рядом убивают какое— то животное. И не я один так думал, потому что в коридоре нас собралось куча народу. Женя, Юра, Оля, Лёша, Оксана, я. Мы наперебой спорили убивает он там ее или же нет. На следующее утро всю нашу компашку ждал разбор полетов. Руслан сидел весь красный как рак, пока Юра распекал нас. Это был своего рода первый раз, когда кто— то из взрослых пытался говорить нам о сексе. Самый старший и бестолковый, хоть и женатый. Женька тогда долго стебал Руслана.

– А сколько вам тогда было?

– Парням по 17, мне как самому старшему 21, с тех пор я понял, комфорт окружающих важен, равно как и собственный.

– Руслана мало это заботило. Судя по тому, что они творили с Кристиной.

– Тебе надо поспать. Засыпай моя милая.

– Хочешь, я признаюсь тебе кое в чем?

– Ммм?

– Ты всегда мне нравился. Честно. Ты был моей мечтой, моим принцем. Я конечно, раздумывала между тобой и Русланом, но когда ты появлялся в нашем доме, мое девичье сердце сразу екало.

– Впечатляет, принц, значит.

– Принц, – рука Вари обвила мою шею.

Она уснула, а я не мог набраться смелости и рассказать ей хотя бы немного правды.

В дверь тихо постучали.

Аккуратно сместив Варю в сторону, пришлось натянуть штаны. Открыв дверь, за ней стояла Ирина.

– Я так и знала, что ты здесь. Одевайся и иди к нам быстро, – прошептала Ира, тревожно смотря на меня.

Недоумевая, я выполнил ее просьбу, тихо вышел из комнаты, поцеловав спящую Варю.

Андрей и Ира ждали меня в комнате первого. Окно открыто, и Андрей курил в форточку. Увидев меня, потушил окурок и протянул молча телефон.

Я взял его в руки и прочитал сообщение от Жени:

«Немедленно улетайте. Катя привезет документы. И все объяснит. Она уже выехала».

– И что это значит?

– Мы не знаем. Телефон выключен. Позвонили Кате, она велела ждать ее.

– Странно. Я не согласен. Может, отправить Ирину и Варю, а мы с Андреем сможем

вернуться и помочь?

– Дождемся Катю. Она должна подъехать через часа два. Так что аккуратно собираетесь.

Лера

Я гуляла с малышом на улице. Стоял похожий денек, Женя недавно уехал с Катей в магазин.

Ремонт затянулся. Нечего было громить чужую комнату.

В Катю словно демоны вселились, настолько она была разгневана. Я честно, не понимаю ее острой реакции на отношения Вари и Алекса. Да, разница в возрасте несущественная, но ведь причина не в этом. Катя как женщина не смогла принять того факта, что он выбрал не ее. Несмотря на все препятствия, несмотря на ее внезапное воскрешение, всего этого оказалось мало. Или наоборот послужило для того, чтобы он укрепился в своем решении. Кто знает.

Мы с мужем не обсуждали этот вопрос. Женя не хотел знать мое мнение, ведь отношения между мной и его любимой сестрой совсем испортились. И не я виновата в этом.

Я никому не звонила и не говорила о прошлом. Мне бы и в голову это не пришло. Но она мне не верила.

Ее отношение ко мне не изменилось, осталось прежним. Она не верила в мою любовь к Жене. И винить я не могу ее. Мы могли стать подружками, но так и стали ими.

Честно признаться, дома стало намного спокойнее, тише. Я скучала по детям, хотя немного отдохнула от них.

Прогуливаясь с коляской возле дома, я замерзла. Подумала, что можно оставить Женечку досыпать на улице, а самой выпить чаю, оставив коляску под окном.

Сказано сделано, я забежала домой, затащив коляску на крыльцо.

Время пролетело незаметно. Младший Женя спал, я успела вымыть посуду, напиться чаю и поставить ужин в духовку.

Женя и Катя вернулись с охапкой пакетов.

– Как дела? Все хорошо?

– Да. Я скучала.

– Малой в комнате? Не стал спать на улице?

– В смысле? – удивилась я.

– Ну, он не стал спать в коляске? И ты его уложила дома?

– Он в коляске спит.

Женя рванул на улицу, не дослушав меня. Через минуту он вернулся с безумным видом и без нашего сына.

Глава 119. Мое мнение не учитывается.

Алекс

Варя встретила меня сидящей на кровати, когда я вернулся к ней.

Медленно подняв глаза, протянула:

– Что случилось?

– Славная моя, у нас проблемы. Поэтому надо собраться и ждать новостей.

Девушка уткнулась мне в грудь. Борясь с желанием вернуться немедленно вместе с ней под одеяло, я ее поцеловал и начал собираться, вкратце объяснив ситуацию.

Через 15 минут мы полностью собранные, сидели в зале и прикидывали, что же произошло на самом деле. Почему Женя велел уезжать? И ещё немедленно? Варя села в кресло, поджав под себя длинные ноги. Я мог дотянуться до нее в любой момент и она это знала, потому что пока отец и Ира собирались, она безостановочно протягивала мне узкую ладошку и сжимала пальцы.

– Чтобы не случилось, я не поеду. Мое место рядом с братом, с тобой. Рядом.

Ей не нужно произносить этих слов. Я думал также.

Время шло, а мы сидели на диване бедными родственниками. Ира дежурила возле окна и когда к дому подъехала машина, бросилась открывать дверь.

Катя приехала и прошла мимо нас, не сказав ни слова, молча кивнула, задержавшись взглядом на мне.

– Моя мать— психопатка похитила ребенка. Поэтому вам нужно всем уехать. Тебе, Андрей соваться в это нельзя. Женя запретил.

Ира стояла, скрестив руки на груди. Её колотило и трясло. Андрей молча подошел к ней и приобнял за плечи.

– Почему он так решил?

– Она угрожает. Лера истерит.

– Нельзя идти на поводу, – предупредил я.

Катя дернулась при звуке моего голоса и обернулась. И тут же не выдержала.

Она бросилась ко мне, порывисто прижалась к груди, вцепилась руками в свитер и зашмыгала носом.

Андрей предупреждающе шагнул наперевес младшей дочери, которая теперь метала в нас молнии. Я умоляюще посмотрел на Варю. Только не сейчас, родная. Не надо сцен. Не сейчас.

Ничего другого не оставалось, как обнять девушку в ответ. Катя быстро успокоилась и взяла себя в руки.

Она стыдливо отстранилась от меня и обернулась на остальных. Варя к тому времени вышла из комнаты.

– И что будем делать?

– Ира и Варя остаются здесь. С детьми. Мы с тобой и Катей едем назад, – ответил Андрей.

– Я не согласна. Мое мнение не учитывается? – тоном не терпящим возражений спросила вернувшаяся Варя.

– Учитывается. Поэтому ты остаешься здесь, – ответил Андрей.

– Поговорим? – обратилась Варя уже ко мне. Делать нечего, я мягко отстранился от

Кати и вышел вслед за Варей.

Варя

Она вцепилась в него, словно она, не я провела с ним ночь. Словно имела право на него. Какого черта? Я едва сдержалась, чтобы не спросить об этом напрямую. И сейчас прильнула к нему, такому родному, моему.

Алекс потянулся к моим губам, и я не смогла больше злиться. Не в этот момент, когда его губы нежно касались моих. Не тогда, когда левая рука соскользнула на мой затылок и сильнее прижала к себе. Не тогда, когда правая рука обвила талию и бедра прижались ближе. Целоваться с ним и не желать большего, невозможно. Мне всегда будет мало, что бы я не получила. В этом то и проблема.

Но свою жадность я показывать не хочу. Не сегодня.

Поцелуй длился и длился, и плавно перетекал в горизонтальное положение.

Алекс остановился, еле переводя дыхание.

– Не хочу оставлять тебя здесь. Но так будет лучше. Ты понимаешь?

– А ты?

– Не особо. Я плохо соображаю, когда ты рядом. Она не слушает и меня, попробуй я убедить ее в обратном. Но я не хочу, чтобы твой брат и мой друг пострадал. Он убьет ее при случае. Я не хочу этого допустить.

Я притянула Алекса за шлевки джинс. Он улыбнулся уголком рта и потянулся опять ко мне.

– Я уверен, что мы наверстаем свое, когда вернусь.

– Я хочу поехать. Пусть Катя остается, а я поеду. Там моя семья. И ты.

– Варь, так будет лучше, понимаешь? Я бы и Катю оставил здесь.

– Но она не слушает?

– Будто ты не знаешь. Её и танком не остановишь.

– Хорошо, пусть будет так, как ты хочешь. Я подожду.

– Вот и славно.

Он вновь поцеловал меня, и мы запутались в друг друга.

Глава 120. Помоги мне.

Женя

У меня был сейчас рядом лишь один человек, к которому я мог обратиться.

Леша.

Мы почти не общались с ним, после всех событий. Он поздравил с днем рождения маленького Евгения и все. Со слов Оксаны он устроился на работу вахтовым методом и редко бывал дома. Судя по всему, отношения с Оксаной у них то налаживались, то снова охладевали. Она все время пропадала у нас, так что удивляться нечему.

Бывают ли друзья бывшими? Сейчас это и предстоит мне выяснить.

Подъезжаю к дому Алексея и пару минут не могу найти в себе сил, а может смелости посмотреть ему в глаза. Достāju сигареты, которые прячу в бардачке, за квитанциями неоплаченных штрафов.

Первая затяжка и стук в окно.

– Придурок, зайди в дом. Иначе я чувствую себя еще большим идиотом, – Леша стучит в окно машины костяшками пальцев.

Повинуюсь и с сожалением тушу сигарету. Почему стоит мне вновь закурить, кто-нибудь обязательно мешает?

Иду вслед за другом. У Леша скончался недавно дедушка и они всей семьей переехали в небольшой домик. Разумеется, здесь меня раньше никогда не было. Но на полке стоит наша совместная фотка с какого— то праздника. Нам всего по 15 лет и вид наш совершенно дурацкий.

Друг заметил мой взгляд и перевернул фото лицом вниз. Детский сад.

– Чего хотел?

– Помоги мне. У нас пропал ребенок.

– А что Королев больше не может тебе помочь?

– Ты ведешь себя как ребенок. Я пришел к тебе за помощью! А ты припоминаешь старые обиды.

– Старые обиды, говоришь. Смирнов, этой старой обиде вот уже 7 лет. И ты, скотина даже слова мне не сказал!

– Какая сейчас в этом разница? Какая скажи мне?

– Это ты любишь чужих детей и потерял своего, потому что на близких тебе людей тебе всегда было плевать! Я не такой! И сомневаюсь, что и Королев такой же. Он своего не воспитывал, ночей не спал!

– Какая разница тогда? Для меня Никитка как родной! И плевать чей он: твой, Руслана или еще кого— то.

– Тебе не привыкать содержать чужих детей. Ничего удивительного.

Я с трудом сдержался, чтобы не ударить его. А он словно этого ждал. Нет, Леша, ты бичуй себя сам, без моего участия.

– Ты сможешь или нет?

– Что делать надо?

Я вздохнул с облегчением. Леша накинул куртку и вдвоем мы поехали на поиски сына.

Катя

В машине мы трое молчали. Я думала о Варе, смотрящей на меня с тревогой. Не время для интрижек. Как она этого не понимала?

Память была наотмашь воспоминаниями. Та же машина, мы не прежние. Уже нет. Он смотрит на меня не по— прежнему.

Я тщетно ищу в его глазах отголоски того чувства, связывающего нас таких разных воедино.

Цепи лопнули, и ничто уже не свяжет нас вместе.

Он невозмутим и если я знала его лучше, возможно решила бы, что это маска безразличия. Но я знала его хуже. Даваясь надеждой, не желала признавать очевидное. Он меня больше не любит. Вернее, любит, но не так сильно. А может никогда не любил достаточно сильно...

Мне снова захотелось вернуть те две недели, проведенные рядом. Я Катя, он Саша и никаких недомолвок между нами.

Почему нам не суждено быть вместе? Вопреки всему не дано. И дело тут в противостоянии общества и нас. А в том, что даже ради любви он не способен перейти эту черту...

Алекс

Женя не обрадовался нашему приезду. Он был сильно пьян и едва стоял на ногах. Андрей и Катя повели его в спальню, а я позвонил сестре. Она так и не сменила номер. И звонок приняла сразу.

— Да? Братик, неужели ты вспомнил обо мне? Какая честь.

— Не паясничай. И лучше верни ребенка.

— Господи, Алекс, не начинай только ты, пожалуйста. Моя недобитая невестка заражает вас вокруг своим безумием. Я устала повторять одно и то же. Не трогала я вашего ребенка. Зачем он мне? Я ему никто.

— Все указывает на тебя.

— Идите всем хором и лечитесь. Вам в психушку надо. Seriously. Я терпеть не могу маленьких детей, это правда. Но зачем мне ваш?

— Ника, верни. Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы вы отстали от меня. Нет у меня никакого вашего ребенка. Это смешно! Оставьте меня в покое! Я замуж выхожу и мне нет дела до вас и ваших проблем! Я все сказала. Позвоните мне еще раз с подобным и я сама на вас напишу заявление!

Раздались гудки.

Я растерянно посмотрел на экран телефона. Сообщение от Вари:

«Я скучаю по тебе, полностью растворившись, не могу соединиться вновь. Я скучаю по тебе».

Я хотел набрать ответ, как услышал крики в доме и поспешил туда. Катя и Лера стояли напротив друг друга и орали. Посередине их Андрей, переводящий взгляд с одной на другую. Я выбрал Леру, за Катю можно не беспокоиться. Кивнул Андрею и сгреб в охапку сопротивляющуюся девушку.

Она пробовала вырваться, ничего не вышло. Я подумал о том, что хорошо этого не видит Варя. Хотя признаться честно, она быстро бы навела тут порядок.

Оставив рыдающую Леру одну, я пошел вниз. Катя собирала вещи, Андрей кому— то звонил.

– Куда собралась?

– В гостиницу. Эта велела мне убираться к своей мамаше.

– Она не в себе. Успокойся.

– Мне нет здесь места. Ты знаешь сам.

– Не знаю. Следуя твоей логике, мне тоже нет здесь места.

– Потому что оно возле Вари?

Она произнесла ее имя, и я вздрогнул, вспомнив про так и не отправленный ответ.

Катя смотрела на меня с затаенной обидой, по— детски надув губы. Так и не выросла.

– Кать, давай не будем заново переливать из пустого в порожнее.

– Почему не я? Почему? Почему все вокруг молчали?

– Потому что я попросил. Все кончено было. К чему ворошить прошлое? Ты не помнила.

– Но я помню! Помню сейчас! И мне больно! От того, что ты не выбрал меня! Разве это правильно? Почему ты так со мной? За что?

Я опустил руки. Не имею права приближаться к ней. Теперь уж тем более. Нечего сказать. Нечего предложить ей. И она знает это.

Попытка манипулировать мной провалилась. Я все решил еще давно. И мое мнение не изменилось. Где— то в глубине сердца я всегда буду любить ее, но никогда не признаюсь в том, что моя любовь переходит какие— либо границы.

– Молчишь.

– Мне нечего сказать. Ты моя племянка. Я твой дядя. Хочешь ты этого или нет, ничего не изменится. Это граница, за которую я не перейду.

– И непустишь, да?

– Да.

Катя подошла ближе и дотронулась до меня. Ее прохладные пальчики касались кожи, перебегая от рук до лица. Ни одна мышца во мне не дрогнула. Потому что я помнил Варю, свернувшуюся на моей груди.

Я молча смотрел на девушку, закусившей губу.

– Знаешь, в чем разница между мной и тобой? Сейчас?

– В чем? – поинтересовалась она.

– Я не изменяю.

Лучше бы я ее ударил. Эффект был бы меньше. Катя отшатнулась от меня и закрыла лицо руками:

– Я тоже могу сделать тебе больно.

– Больнее чем мне было, узнав что ты погибла? Навряд ли. Катюш, – прошептал я, опускаясь рядом с ней на колени, – Я дорожу тобой. Ты по— прежнему частичка моей души, у нас одна кровь на двоих. Не надо мучить ни себя, ни меня больше.

Девушка устало оперлась на стену и закрыла глаза:

– Я представляла себе это намного иначе. Женя был прав, мне не понять тебя. Потому что, не смотря на ту же кровь в наших венах, мы с тобой абсолютно разные. И больно мне сейчас не от того, что мы не вместе, а от того, что я не приняла этот факт раньше.

– Это пройдет, Катерина. Поверь. Пройдет.

– Ты любишь её?

– Я с ней живой, – ответил я.

Катя ничего не ответила, глубоко вздохнув.

Поиски ни к чему не привели. Лера истерила, умоляла вернуть ей сына. Варя звонила каждый день и рвалась приехать. Два долгих дня обитатели дома сходили с ума от неизвестности. Андрей сделал все, что мог. Ребенок как в воду канул.

Андрей задумчиво докурил и затушил окурок. Интересно, до каких граней он может пойти?

Не впервые он отдавал приказ об полном устранении. Ради близких он пошел на многое. Вспомнить хотя бы ситуацию с Варей.

Ольга свято хранила этот секрет. И насколько он понял, главным участникам он известен не стал.

К лучшему. Ему то доподлинно известно, дочь у него одна, равно как и сын. Варя ему никто. Да, он привык уже к ней, потому что она безумно похожа на Иру. Любимой он к никогда не упоминал этой ошибки. Вот почему она вернулась. К дочери. Вот почему долгое время не появлялась на глаза сестре. У каждого своя правда. Поэтому он совершенно не против отношений между Варей и Алексом.

Иру было жалко. Она не знала, как подступиться к ребенку, которого бросила. Строила карьеру и подбросила малышку сестре. Женя хоть и был смышлённым, не помнит этого. Может оно и к лучшему.

Андрей знал, где сейчас Ника и внешне никаких признаков ее участия нет. Записка обнаруженная в коляске ни к чему не привела. Следует надавить на Нику, но ее голыми руками не возьмешь. Прошло три дня, а он ничего путного не сделал.

Варя

Я послушалась и примчалась домой вместе с детьми и теткой. Сидеть там в ожидании новостей невыносимо.

Алекс встретил нас во дворе. Он курил на крыльце и обрадовался, увидев нас. Вика побежала ему навстречу и повисла на отце. Я последовала ее примеру. Повисла на своем слегка небритом принце.

– Как ты? – прошептала, закрыв глаза.

– Уже намного лучше. Я соскучился по тебе, но ты совсем меня не слушаешь. Я же просил тебя побережись.

– Мое место рядом с тобой. С братом. С моей семьей, – ответила я, – Известно, что— то?

– Пока нет. Мы ищем, но пока ничего.

Никита тоже бросился к матери, Оксана вышла встречать его. Остальные выскочили из машины и поплелись в дом.

Ирина сухо поздоровалась с Алексом, она больше не говорила со мной на тему наших с ним отношений. Мы провели эти два долгих дня почти в молчании, ожидая новостей.

Теперь я дома. А значит все придет в порядок. Все обязательно наладится.

Новую комнату Алекса я оценила. У Кати отменный вкус и он настолько совпадал со вкусом Алекса, что диву только. Новая мебель, новая кровать, новое белье. Вика в восторге бегала из комнаты в комнату, решив жить в комнате отца, а не девочек. Моя комната осталась неизменной, слава Богу. Не хочу ничего в ней менять.

Кинула вещи на пол и поспешила к брату, его дома не оказалось. Лера заперлась у себя. Ей недавно сделали укол.

Ирина на кухне ставила чайник. Кати нигде не видно, встретаться с сестрой выше моих сил. Поэтому я помогала с племянниками, мыла посуду, готовила, прибиралась. Все, чтобы хоть немного отвлечься.

Брат приехал к вечеру, злой и измотанный. Темные круги под глазами, спутанный взгляд. Он обнял меня, прижал к себе и устало вздохнул. Бедный мой братец. Бедный мой. Бедный.

Я обвила его руками и пригладила его волосы, как всегда находящиеся в легком беспорядке.

– Он обязательно найдется. Вот увидишь.

Я оказалась пророком. Потому что через час ребенок живой и невредимый нашелся.

Ника встретила его при всем параде. Андрей двинулся на нее, но она не отпрянула. К чему ей его бояться? Он хотел семью, он ее получил.

– Что с тобой?

– Где ребенок? Где мой внук?

Ника уселась в кресло, вытянув длинные ноги:

– С ним все хорошо. Спокоен. Спит. Не переживай.

– Мы так не договаривались. Ты нарушила сделку.

Ника расхохоталась:

– И ты говоришь мне это? Мы договаривались, что я не стану мстить твоему сыну. Конечно, тот факт, что Алекс вполне себе счастлив, удручает. Инцест не удался. Что ты еще хочешь?

– Верни внука.

– Едь и забери свое сокровище. Я бы на твоём месте поторопилась. Адрес пришлю, как сядешь в машину. И помни, я пока только пугаю.

Андрей метнул в нее взгляд, не предвещающий ничего хорошего и поспешно вышел.

Уже в машине он получил смску от Ники и поехал по адресу. Он не представлял себе, как объяснит где нашел ребенка. И какую цену он заплатил за него.

Глава 121. Приезжай.

Варя

Вопросов задано море. Но главное осталось лишь то, что младший Смирнов вернулся домой. Без единой царапинки.

Лера не выпускала малыша из рук. Она без устали улыбалась. И мы ожидали всплеска новой истерики.

Семья собралась за столом. Вместе. В честь счастливого возвращения закатали целый пир. Расселись за большим столом: Женя, Лера с малышом на руках, Маша и Даша, Ирина, Оксана, Никита, Дима, Катя, Андрей, Алекс с Викой и я со Степой. Изначально я хотела сесть рядом с Женей и Лерой. Мы с ней помирились, обнялись и разрыдались в объятиях друг друга.

Хрупкий мир восстановлен. Ценой невероятных усилий.

За столом оживленно, дети галдят, а я ревную.

Ревную, смотря как Катя смотрит на моего Алекса, сидящего как раз напротив нее. Она медленно пьет вино из длинного бокала, неизменно оставляя следы красной помады на стекле, пьет и смотрит сквозь бокал на него.

Алекс делает вид, что не замечает ее провокаций, он полностью занят дочерью, умудряясь поддерживать разговор за столом. Иногда он подмигивал мне и растерянно улыбался. Мне казалось, между нами огромная пропасть и неизвестно, когда через нее перекинется хлипкий мосток. Я разумеется, не рассказала брату о предложении Алекса, а сейчас с горечью подумала, может и не стоит говорить вовсе. Кольцо я сняла и хранила в кармане.

С ужином покончено, дети разбрелись по комнатам, я отправилась укладывать Степу спать, бедняга засыпал на ходу. Он потребовал сна в моей комнате, как и прежде. Я не ждала Алекса, когда ему удалось поймать меня возле ванной комнаты.

Я уклонилась от поцелуя, и он пришелся в мою щеку.

– Что не так? – с тревогой спросил Алекс, вглядываясь в мое лицо.

– Ничего, – буркнула я.

– Так уж и ничего? А если правду?

– Меня Степа ждет, я обещала рассказать сказку.

– Я приду? Или ты ко мне? – спросил Алекс, он навис надо мной, ожидая ответа.

– Я слишком устала. Извини, – я старалась не смотреть на него. Иначе вся моя решимость испарилась бы.

Алекс отпрянул от меня, будто получил удар.

– Спокойной ночи, Варвара Юрьевна.

Не попробовал, и прикоснуться, не поцеловать. Пожелал спокойной ночи и ушел. Он злился, ведь полными инициалами он звал меня, чтобы подразнить или как в этом случае злился сам.

Степа спал, когда я вернулась. Свернулся калачиком на моей кровати, подвернув под пухлую щечку ладошку.

Укрыв его одеялом, я улеглась рядом. Телефон горел новыми сообщениями. И они, увы не от Алекса. Писал Максим. Спрашивал нашелся ли малыш, как наши дела. Я рассказала ему сразу, как все узнала. Он очень переживал и не знал как помочь.

«Рад, что все благополучно. Держи меня в курсе. Если я что— то могу сделать для тебя, для Жени, ты только скажи».

Зная на 100 процентов, пожалею о своем поступке, я написала короткое:

«Приезжай».

Алекс

Она избегала меня. Не оставалась наедине. Ни разу за эти три дня. Вела себя отстранено. Занималась с детьми, разговаривала со всеми, кроме меня. И, пожалуй, еще и с Катей.

Я чувствовал себя отвратно. С Женей мы пытались поговорить, однако он в легкой эйфории мало соображал. Он не верил мне. Не верил. Даже несмотря на кучу доказательств, он не верил.

Я сходил с ума. Медленно и верно.

Зачем— то спустившись на кухню, застал там лепящих вареники Варю, Иру. Монотонное занятие, но судя по их скорости вполне удачное. Дети на дневном сне, поэтому в доме необычно тихо.

– Вам помочь? – спрашиваю, не надеясь на благополучный ответ. Варя жмет плечами, мол, понимай, как хочешь.

– Поставь, пожалуйста, кастрюлю на плиту, самую большую, – отвечает Ирина.

Я подчиняюсь, беру самую большую, ставлю ее на большую конфорку, включаю. Ирина вымыла руки и извиняющее произносит:

– Я на минуточку, сейчас приду.

Она уходит, оставляя нас одних.

Я беру стул и сажусь позади девушки. Обнимаю ее и прижимаю крепче к себе. Зарываюсь лицом в ее волосы, шепчу, что люблю ее больше всего на свете, целую в шею, мгновенно покрывающуюся мурашками. И она не выдерживает.

– Я занята.

Ни слова не произношу, переходя от шеи к плечам.

– Ты не хочешь мне помочь?

– Я помогаю. Разве нет?

– Не очень, ты меня отвлекаешь.

– На то и расчет.

Девушка разворачивается ко мне лицом и подставляет губы, которые я немедленно целую. Ее руки в муке, обвивают мою шею, пальцы путаются в волосах, притягивая к себе еще ближе. Огонь между нами разгорается с прежней силой и не успевает задышать в полную силу, когда Варя решительно отстраняется.

– Мы тут не одни.

Я оглядываюсь, никого нет.

– И что?

– Вдруг кто— то войдет? А тут мы?

– И что? Ты меня стесняешься? – вдруг понимаю я.

– Нет, просто не хочу афишировать наши отношения.

– Они так тяготят?

– Обременяют.

Я молчу. Убираю руки с девичьей талии, отсаживаюсь подальше.

– Мне надо уехать недели на две. Надеюсь, ты за это время отдохнешь от обременения в виде меня и наших отношений.

Вышло зло. Варя вздрогнула и сунув руку в карман, выложила кольцо на стол:

– Тогда уж чтобы наверняка.

Иногда у меня просыпаются не те черты характера, которые я обычно стараюсь не демонстрировать и о наличии которых я стараюсь не вспоминать.

На кухню вернулась Ира, окинула нас встревоженным взглядом. Следом за ней вспорхнула и Катерина:

– Ой, Саша, а я тебя везде ищу. Помоги мне, пожалуйста, без мужской силы не обойтись.

Не смотря больше на Варю, молча иду за Катей. Пару дней назад мы с ней разговаривали и пришли к выводу, что отношения как между дядей и племянницей нас вполне устраивают. Правда, это не помешало с завидным постоянством ей флиртовать со мной. Впрочем, у меня сформировался давно иммунитет.

Катя заводит меня в свою комнату и велит помочь сдвинуть шкаф в другую сторону.

– Мне самой никак, – в голосе звенят извиняющиеся нотки.

Я легко сдвигаю шкаф на пару метров и предлагаю ей сходить покурить.

– Когда ты уже бросишь?

– Не знаю, когда—нибудь, так обязательно. А пока это мой способ подумать.

– И о чем?

– Так. О жизни вообще.

Дети гуляют по двору, бегают по комплексу, что мы построили в прошлом году.

– Кажется, его надо обновить. Краска слегка облупилась, – произнесла девушка, выдыхая дым.

– Надо. Вика давно просит маленький домик.

– Так в чем дело? Давай построим.

– Мне надо уехать на пару недель. Дела. Поэтому я заброшу тебя в аэропорт, раз Петр прилетает завтра, а сам улечу.

– А Варя тебе разрешает?

– Что именно?

– Ну, ты и я. В одной машине. Мало ли, – улыбаясь, заявляет Катерина.

– Да, действительно. Заманчиво.

Она издает короткий смешок, поэтому я слегка не понимаю, шутит она или нет.

Глава 122. Мой лучший друг.

Варя

Вечер почти догорел в последних лучах заката. Дом утомился. Мой принц и сестренка сосредоточено чертят план на планшете. Он терпеливо объясняет ей всё тонкости, сидят себе, вплотную прижавшись на диване в зале. Я почти ненавижу обоих.

Женя тут же играет в монополию с Никитой и Димой. Лера держит на руках младшего и внимательно следит за игрой. Не хватает только нашего отца и Ирины. Она сослалась на головную боль и ушла к себе.

– Не так. Подожди, – поправляет Катю Алекс. Она вспыхивает до кончиков длинных ресниц и кладет изящную ладонь ему на колено и он вполне спокойно к этому относится. Поскольку не дергается и весь погружен в чертеж.

– А вот тут окно будет. Видишь, как все просто? И почти готово.

Я уверена, ни фига она не поняла. Ей нравится дразнить меня. Потому что мне сложно контролировать себя.

Алексу звонят, он извиняется и отходит.

Я хочу пойти за ним и помириться. И силой воли удерживаю себя на месте. Нечего бегать за ним.

Раздается звонок в дверь. Пошла открывать, и стоило распахнуть дверь, как замираю в изумлении. Макс. Собственной персоной. Макс.

Вокруг царит ажиотаж. Женя и Лера ужасно рады видеть Максима. Я немного смущаюсь, ведь долгих 4 года мы не виделись. Он возмужал, но остался тем же верным другом.

Мы неловко обнялись. Я запоздало подумала о реакции Алекса и зря. Он то с племянником виделся гораздо чаще.

Когда восторги улеглись, Максима со всеми перезнакомили, в том числе и с Катей. Родственники же.

Накормив парня ужином, ему отвели комнату Алекса, тот сам предложил, раз он уезжает, комната ему ни к чему. Это слегка расстроило Катю, по ней заметно. Она столько труда вложила в неё, столько себя, а он легкомысленно отдал её другому.

Наконец все разошлись спать, Алекс не стал прощаться со мной, хотя я ожидала этого. Мне не хотелось расставаться с ним на две недели вот так. Они уезжали с Катей в пять утра и поэтому пошли спать раньше всех. Напрасно я ждала стука в дверь, его так и не последовало. До пяти утра натянутая как струна, я просидела в кресле.

Слышала, как они с Катей пьют кофе, привычно подразнивая друг друга. И чего я разозлилась на него? Он уезжает, и я его не увижу долгих две недели.

Звуки стихли. В окно я видела, как они садятся в машину, он за руль, она на пассажирское сидение. Вдвоем...

Алекс

В пути, пока мимо пролетала дорога, я изложил Кате все, что знал. Женя меня не слушал, а поддержка вещь необходимая.

Девушки молча слушала, а потом произнесла:

– Я догадывалась, что папаша ведет двойную игру. Но не думала, что настолько.

Неужели он пошел на такое? Ради чего? Денег?

– Я не знаю. Но Сара нашла необходимые доказательства. Вас обоих заказали. Петра не смогли убрать, он успел выкинуть тебя за борт, прежде чем яхта взорвалась. Не было никакого шторма. Ты ударила головой и потеряла сознание. Тебя он дотащил до берега, где вас обоих уже ждали. Видимо, целью не служило убийство тебя. Только его. Но не вышло. Помешали. Если хочешь, я могу тебе назвать полный список на чем тебя держали и где. Вы пытались бежать, ты успела, а он нет. В тюрьме он оказался совершенно случайно. Его задержали, ведь ни документов, ничего при нем не было.

– И я впала в кому?

– От дозы наркотиков да. Врачи тебя откапывали долгих два месяца.

– И чего теперь нам с этим делать?

– По легенде ты поехала меня провожать. У нас же любовь, как ты помнишь. О том, что Петр приезжает, не знает никто.

– И как ты всё объяснишь Варе? Ведь она уверена, мы с тобой вместе.

– Она поймет. Я и Максима уговорил приехать, чтобы немного сдержать Веронику. Главное, сейчас привезти Петра, чтобы он дал показания против твоего отца и моей сестры. А дальше я надеюсь, мы вздохнем спокойно.

– А если нет?

– Плохо, если нет. Короче, встречаем Петра и смотрим на реакцию. Пиши мне и звони.

Катя согласно кивнула. Встреча с Петром удалась на славу. Девушка визгнула и повисла на нем. Парень слегка опешил от такой бурной радости и подал мне руку.

– Спасибо.

– Не за что. Береги ее.

Парочка удалилась, держась за руки. А я поплелся на рейс.

Катя

Нам обоим неловко. Мне в частности из— за того, что столько времени прошло, а сейчас я веду себя как чужая. Ведь он спас мне жизнь. Впервые. Спас.

А Петр. Петр в своей, только своей манере привычно улыбается. Этого парня не сломать.

Он обнимает меня, и я думаю, не все так уж и плохо.

Да, меня отвергли, да, не любят. Но мир не рухнул. Мы всегда будем частичками друг друга. В нас одна и та же кровь. Страсть проходит. А любовь такая как у нас, любовь родни всегда останется с нами. Да, я не его женщина, он не мой мужчина, но мы навсегда связаны.

Разве это плохо?

Мы не стали терять времени и поехали на квартиру, которую предупредительный Алекс нам снял.

Красивая и уютная студия. Очень светлая. Бросив вещи на пол, я обошла всю жилплощадь.

– Не перестану никогда ему удивляться.

– О чем ты?

– Я об Алексее. Я не успел и спасибо ему сказать. А ведь есть за что. Он вытащил меня из ада. Привез сюда. И спас тебя. Сможем ли мы когда-нибудь ответить ему тем же?

– Надеюсь, не понадобится, – отвечаю я и прикусываю язык. На всякий случай плюю три раза, чтобы не сглазить.

У нас нет никакого плана. Абсолютно. Женя нам не верит. Папаша ведет двойную игру. И мы беззащитны.

Пропажа ребенка только начало. Моя сумасшедшая маманя лишь показала, настолько мы уязвимы.

Значит, мы все скоро уедем. И тогда, наконец, вздохнем спокойно. Алекс никому не сказал, кроме меня про круглосуточную охрану дома. За домом и его обитателями следит в общей сумме человек 7. Поэтому Алекс почти спокойно улетел.

Две недели пролетели быстро. И к концу второй недели мы уже почти срослись с Петей. Много гуляли, пили, ели, проводили время в обществе друг друга и были абсолютно счастливы.

Он необычайно нежен и терпелив. И я благодарна ему за это.

Мне не хочется возвращаться. Не хочу покидать эту квартиру, маленький оплот нашего, хрупкого мира. Бог знает, как долго продлится наше время...

Глава 123. Ты не та девушка, что я знал

Варя

Макс провел меня по всем знакомым местам, удивленно осматривая чуть ли ни каждый камень. Я тактично разделила его воспоминания, ведь безумно скучала по своему единственному другу.

Правда, он бессовестно нарушал границы, не выпускал мою ладонь из своей, поправлял прядь волос.

Я не знала, как тормозить его. Как объяснить ему, что сердце мое не свободно? Он упрямо не видел намеков, проводил со мной все свое свободное время. Даже на сдачу экзаменов поехал со мной и терпеливо ждал.

Алекс не звонил. И ни одного сообщения. Только курьер ежедневно доставлял мне цветы. Темно бордовые розы.

Как же я скучала по нему! Я чувствовала себя разбитой на две части, одна безусловно уехала вместе с ним, вторая осталась здесь.

Макс замечал мое подавленное настроение и спросил прямо:

– Что случилось? Ты такая странная.

А я зачем— то все ему рассказала. Его реакция предсказуема. Он обиделся, раскричался на меня.

– Он взрослый мужик, Варвара! О чем ты думала?! Какая тут любовь? Тобой попользовались и бросили как ненужную игрушку! Ты ненормальная? Я бегаю за тобой с пяти лет, а он охмурил тебя за пару дней? И добился того, что ты с радостью раздвинула ноги?! Ну и семейка у меня! То дядя, то брат. Еще теперь ты. Фу, Варя!

Я молча давилась слезами, пока Макс бушевал.

– Варя, я тебя не узнаю. Категорически. Ты не та девушка, что я когда— то знал. Ты чужой мне человек! Ты хоть понимаешь, что наделала? Варя?

– Что я наделала?

– А ты не понимаешь? Он же с твоей сестрой, потом с тобой? Какой кошмар.

Я не стала дослушивать его, пошла вперед быстрым шагом, сунув руки в карманы. И зачем он приехал? Учить меня жить?

Две недели пролетели. Немного изменилось за это время. Я сдала экзамены, и мы с Максом почти не общались. Он вредничал. А я дулась.

В конце концов, он извинился, сказав, что был неправ, но слова назад не взял.

Макс

Не совру, сказав, будто новости о романе Вари и Алекса обрадовали. Совсем нет. Конечно, когда-то она могла начать встречаться с кем-то. Проблема в том, что я думал это про себя. Я должен быть стать кем-то, а не мой дядя.

Тяжело смириться. Не подозревал, что окажусь однолюбом. Надо было забрать ее с собой.

С мамой я не виделся. С тех пор как мы с отцом уехали, а потом он скончался, мы и словом не обмолвились. Мама не пожелала приехать на похороны мужа, а я не настаивал. Семья развалилась, а быть может, она никогда и не была крепка?

Отец тяжело переживал смерть двоих детей за прошедшее время. Это здорово его

подкосило. Если Руслан всегда держался отстраненно, то Мила была его дочкой. И его ужасно расстроил сначала ее отказ от переезда с нами, а затем и ее самоубийство. Он винил себя, маму, Алекса в этом. Не уследили, не уберегли. Кажется, он так не убивался по Руслану, как по Миле. Отношения между ними всегда были странными. Брат откровенно презирал отца за его брак с матерью, за то что тот всегда шел у нее на поводу. Отец сокрушался об этом, ему бы хотелось более теплых отношений между нами всеми. И незадолго до инфаркта, отец сказал мне, что ненавидит мать и это она во всем виновата.

До нас, даже во Франции доходили слухи о ее любовниках, абсолютно не стесняющихся жить в нашем бывшем доме. Но отец не стал ничего менять.

Еще мне кажется, он ненавидел Алекса, хотя практически мы жили на его деньги. Дядя на самом деле сделал многое для нас. Спасал папин бизнес, вкладывал деньги в наше образование, Мила успела поработать моделью, получала пусть и эпизодические роли в фильмах и сериалах, пока жива была его жена Натали, он выучил Руслана, оплачивал мое образование, лечение отца, помогал издавать мамины книги. И все же отец его терпеть не мог.

В моем детстве стоило Алексу приехать, у отца резко портилось настроение, зато мама расцветала. Тогда отношения между ней и дядей были значительно лучше нынешних. Хотя если он приезжал не один, а с Натали, у мамы тоже портилось настроение.

Варя категорически не желала признавать мои чувства. Впрочем, как и прежде.

Я украдкой следил за ней, следил за каждым взмахом длинных ресниц. Она изменилась. Никакого больше черного цвета, черного лака. Она стала мягче, взрослее, изящнее. Нескладная подростковая фигура приобрела девичьи черты. Лицо сбросило детские очертания, обнажив красиво очерченные скулы.

Варя стала похожей на дивную розу. И Боже, как она красива.

К сожалению, звание лучшего друга накладывает свои отпечатки. Я типа родственника. Любимого, родного, близкого. И за чертой.

Между нами утрачена прежняя дружба. Я заново узнаю Варю. Ее звонкий смех, смелую улыбку, взгляд. Алекс сумел разбудить ее настоящую. Он. А не я.

Я не сделал ничего для нее. Позорно сбежал. А он принял ее такой, какой она есть на самом деле.

Печально, видимо нам придется действительно породниться.

Глава 124. Черт с этим чаем.

Варя

Катя вернулась вместе с Алексом. Стерва.

Она вышла из машины довольная как кошка, нажравшаяся сметаны до отвала. Да и мой принц не отставал от нее. Глаза блестят, улыбка до ушей. Убила бы обоих.

Видимо, две недели у них прошли на ура. Я не вышла их встречать. Пошли к черту!

Не спустилась ни на обед, ни на ужин. Макс приносил мне поднос, просил поесть. Даже братец в кой— то веки вспомнил о своей сестре. Пришел, погладил по голове, сказал, не переживай.

Не переживать? Когда твой любимый уехал куда— то с твоей сестрой? И вернулся довольный как слон...

Я орала в подушку, не в силах справиться с собой. Уж надеюсь, она его полностью удовлетворила.

От мыслей, что они могли быть вместе, я сходила с ума. Ирина сочувственно смотрела на меня и вновь предложила переехать к ней. На этот раз я обещала подумать.

Степа принес свои игрушки. Ему бедняжке не с кем играть. Никита и Дима играют вместе, девочки втроем, а мой славный малыш остается совсем один.

Мы с ним поиграли немного, потом спустились к ужину. Андрея опять не было дома, где он все время пропадал? За эти две недели он появился от силы раза три. И то ненадолго. Тётя не распространялась на этот счет. Кажется, их отношения странным образом затихли.

— Сыграем в карты? — предложила Катя.

Я промолчала, но осталась. Место мне нашлось между Лерой и Максом.

Дети уже давно спали, а мы не могли разойтись. Пару желаний пришлось загадать, Женя прокукарекал, Лера спела. Голос у нее не важный.

Алекс от партии отказался, он чистил яблоко от кожуры. Тихий спокойный вечер.

Макс проиграл, поэтому пересел на диван рядом со мной.

Алекс продолжил монотонно нарезать яблоко. Я протянула руку за ломтиком и схватив пару, сунула в рот.

— Сядешь рядом? — провокационно протянул Алекс, не отрываясь от занятия.

— Нет, мне тут хорошо, — парировала я.

Алекс хмыкнул и остался на месте.

Компании надоело играть. Женя переключил на какой— то ужастик, в полутьме Макс осмелел и закинул руку на мое плечо.

Сделав вид, что не заметила этой оплошности, я не дернулась, наоборот с вызовом посмотрела на Алекса. Он закончил с яблоками, подал мне тарелку и сел на место. Катя расположилась внизу на ковре. Заманчиво скрестила ножки и помахивала ими, пока шел фильм. Женя сидел в обнимку с Лерой рядом со мной.

— Пойду попить, кому что принести? — спросила я, освобождаясь от руки на плече.

— Можно чаю, — хором заявили все.

Я выбралась из стола и отправилась на кухню. Щелкнула чайником. Знакомый запах туалетной воды совсем, мужские руки обвили мою талию и развернули к себе.

Требовательно и не спрашивая, Алекс взял мое лицо в ладони и поцеловал. Я в миг растаяла и унеслась. Какая разница в эти двух неделях, когда тебя так целуют?

С трудом восстанавливая дыхание, я судорожно сглотнула, вспоминая кто такая есть.

– Чаю? – лукаво прошептал Алекс, не убирая руки от моей талии.

– Черт с ним, с этим чаем, – отвечаю я, засовывая руки в задние карманы джинс, своего принца.

– Я ждала две недели. Две долгие недели.

– А вдруг кто— то зайдет? Как же наше благочестие? – подразнил Алекс, а я снова притянула его к себе.

– Дом большой, а спрятаться негде, я хочу поговорить с тобой.

– Только поговорить?

– Сначала да. А потом хочу отдать то, чего лишился сам на 14 дней.

Делать нечего, подчиняюсь. С деланным равнодушием отпускаю его и разливаю чай.

Алекс за мной наблюдает, слегка прищурившись. Мы сидим на кухне и пьем чай, пожирая друг друга глазами. Приходит Макс, он меня потерял и найдя в компании дядюшки, тоже садится пить чай. Женя и Лера желают нам спокойной ночи, Катя тоже уходит к себе. Макс допив чай, окидывает нас взглядом, отправляется спать.

– Идем? – Алекс протягивает мне руку, я иду за ним. Он ведет меня в мою комнату, где мы остаемся вдвоем. Степа сегодня спит в комнате у мальчиков.

Алекс усаживает меня на кровать и рассказывает, как он провёл эти две недели. И под конец рассказывает про мою настоящую маму.

Алекс

Две недели я провел, разбираясь с документами. Навестил Сару, разгрёб пепелище своего дома. Он сгорел не дотла, что радовало. Страховкой его не восстановить. Но я и так хотел от него избавиться, правда, не таким категоричным способом.

Увидел еще раз Люси, с которой мы вроде нашли общий язык.

Кате не разрешили поехать сразу домой с Петром. Фактически его не существовало. Новое имя. Новые документы. Новая жизнь. Я оставил их в Питере, сняв квартиру. Пусть наслаждаются заслуженным счастьем.

Стоило мне вернуться, как мы вдвоем поехали домой. Катя выглядела счастливой и вполне излечимой от любви ко мне.

Сейчас я рассказывал Варе про ее маму. Жили на свете две сестры. Одна встретила Андрея, другая Юру. Родила старшая сестра Женечку, хорошего сыночка. А младшая собиралась замуж за Юру, забеременела, родила и бросила мужа с ребенком одних. Уехала искать лучшей жизни.

А Юра и старшая сестра, объединенные общим интересом: воспитанием детей, стали жить вместе. Поженились и прожили долгие счастливые годы...

Варя слушала, не перебивая. Жаль, разрушать ее мир, в который раз.

– Прости, что не сказал раньше. Надеюсь, она признается сама, – я чувствовал себя виноватым. В какой— то мере так оно и есть.

Варя глубоко вздохнула и прижалась ко мне, обхватив худыми руками.

– Я знаю. Вернее, чувствовала, она не просто тетя, случайно вспомнившая о племянниках. Вероятно, ей далось это нелегко. Значит, Андрей мне не отец? И получается, Катя мне даже не сводная сестра?

– Она сводная Жене. А тебе... Хм, просто родня. Я не очень силен в этих связях. А разве это важно?

– Нет, теперь вообще не важно, – вздохнула моя Варя и улыбнулась, – Я тебя люблю. Правда, люблю.

– Я тебя люблю, – повторяю я и в одно мгновение растворяюсь. Нет больше меня и Вари, мы одно целое.

Глава 125. Женись на мне.

Варя

Я стала мягче относиться к Ире, зная теперь ее главный секрет и боязнь признаться. И если бы не Алекс, я навряд ли согласилась дальше общаться с ней. Она, впрочем, держала дистанцию. А я не настаивала. Созреет, сама скажет.

Больше всего меня напрягал Макс. Я теряла лучшего друга.

Он старался избегать моего общества, особенно сейчас, стоило Алексу вернуться домой.

Разумеется, Алекс вёл себя безупречно, ничем не предъявлял свои права на меня. Порой казалось он внешне холоден, но я то знала его.

И чего ему стоило держать себя в руках, когда Макс касался ненароком моих волос, пальцев. Алекс предпочитал уходить в такие моменты, лишь бы не сорваться. Днем он сходил с ума от ревности, а ночью... А ночью моего любимого словно меняли. Чаще всего я не успевала видеть сны и собиралась с духом, чтобы немного ограничить его пыл. Любовь любовью, но спать то я тоже хотела...

Сегодня они с Катей красили домик для девочек во дворе. Катя в своих коротких шортах невероятно бесила. До чего же у нее длинные ноги! Теперь, когда я знала, что мы не сестры, жить не стало легче. Она вела себя неправильно. Нельзя ходить кошкой возле моего Алекса!

Женя и Лера опять ругались. Не знаю, чего не поделили.

– Опять орут. Не хочешь прогуляться? – спросил Макс, появляясь на крыльце. Он по привычке опустил руку мне на талию и не собирался ее убирать, пускай я и дернулась в сторону.

– У детей скоро обед. Давай попозже.

– Как скажешь. После обеда, так после обеда.

Веселый меня ждет обед, судя по взгляду Алекса на руку племянника на моей талии. Да...

Алекс

На обед приехал Леша, самый нечастый гость в нашем доме. Надеюсь, он не собирается оставаться здесь жить. И так народу слишком много.

Я сел напротив Вари и Максима. Места рядом с ней мне не нашлось. Ладно.

Лёша болтал за двоих. Андрей молча мерил его взглядом, в кой— то веки заявившись. Женя мрачные тучи, Лера не спустилась к обеду. Опять поругались из— за очередной ерунды.

Макс открыто провоцировал меня. Ему некуда девать злость. Ведь наши отношения задевали его больше всех.

Я сдержан своим собственным обещанием держать себя в руках. И безумно ревновал, видя, как он прикасается к Варе.

Удручало одно, неужели ей так сложно стряхнуть его чертову руку со своего нежного плеча? Или мне все же стоит переломать ему руки? Вместе с ногами?

Занятый мыслями о четвертовании племянника, я не сразу заметил как Катя пинает мою ногу под столом.

– Что?

– У тебя нездоровый вид. Ты хорошо себя чувствуешь? – прошептала Катя, наклоняясь

ко мне.

- Пойду чайник поставлю, – пробурчал я в ответ и, встав из стола, отправился на кухню.
 - Алекс? Все нормально? – спросила Варя, появляясь вслед за мной на кухне.
 - Сегодня всех интересует мое самочувствие.
 - Необязательно грубить в ответ.
 - Необязательно позволять себя трогать.
 - И что это значит?
 - Ничего.
 - Ты обещал не ревновать.
 - Я соврал.
 - Держи себя в руках. Он просто мой друг.
 - Может мне пойти тоже кого—нибудь потрогать? Просто по—дружески.
- Варя прищурилась. Нехороший знак.
- Не веди себя как ребенок.
 - Это я веду себя как ребенок?!
 - О, вот ты где. Я готов идти, – протянул Макс, возникая на кухне.
 - И куда собрались? – невзначай интересуюсь я.
- Варя краснеет и быстро отвечает, уводя Максима прочь:
- Гулять.

Хочу сказать, как это мило, но не говорю. Они уходят и я впервые задумываюсь. Они же ровесники. И знают друг друга с детства. Он чувствует ее не меньше чем я. И разницы никакой между ними нет...

Варя

Мы идем по дороге. По той самой дороге, по которой раньше гуляли с Алексом. Макс молчит, погруженный в свои мысли. Я молчу тоже, переваривая разговор с любимым. Ох, взбучка меня ждет.

Мы мало стали проводить времени вместе, в частности из—за Максима. Он отнимал почти все мое время, он и дети. Алекса я видела только ночью и нам было не до разговоров. Сейчас идя по дороге, я думаю о нем. Станный у него взгляд был на кухне. И он мне не понравился.

Я оказалась права. Пока мы гуляли, всего—то часик, Алекс куда—то уехал, удивительно, что с Женей и Лешей, а не с Катей.

Вечер быстро пролетел. Алекс и брат вернулись, но ко мне ни один не подошел. Я слышала их не совсем трезвый хохот в зале, но спускаться не пошла. Мужская компания она и есть мужская. Хотя через пару минут в ней зазвенел и смех Кати. Здрасте.

Окончательно надувшись, я легла спать, взяв в собой в кровать Степу. Впрочем, я зря волновалась. Алекс ночью не пришел.

Наутро он ничем не объяснил свое поведение. А я не стала настаивать. Станный он в последнее время.

Вика появилась на кухне и утщила папу продолжать строить домик. Я не присоединилась к их компании, пускай и хотела этого.

Макс подошел сзади и тронул меня за плечо.

- Варь, я хочу поговорить с тобой.
- И о чем?

– О нас. Я знаю, тебе сейчас сложно ответить на этот вопрос. Но я прошу тебя только подумать. Ему 35. Через лет 15 он сломается. Хотя такие как он живут ярко. Вы слишком разные. Я знаю тебя.

– Знал бы по— настоящему, не подошел бы с такой ерундой. О чем ты говоришь? Мы друг друга любим!

– Он поиграет и бросит тебя. Я же всегда рядом, – проникновенно говорит Макс и я не успеваю очухаться, как он меня целует. Прикасается губами к моим и тут же получает под дых.

– Еще раз посмеешь коснуться меня и я тебе врежу посильнее. Понятно? – зашипела я и направилась прочь из дома, к смеящимся Алексу и Кате. Они, естественно ничего не видели. Да это и неважно. Подхожу к нему и закидываю руки ему на шею.

– Женись на мне. Я хочу носить твою фамилию. Хочу быть твоей. На всех законных основаниях. Что скажешь?

– Я только за. Варвара Юрьевна, ты окажешь мне великую честь и станешь моей женой? Вместо ответа я его целую и в миг растворяюсь в нем, как и всегда.

Глава 126. Выведи ее из этого уравнения.

Пожалуйста.

Алекс

Мы слегка увлеклись и лишь аплодисменты привели обоих в чувство. Женя, Лера, Катя стоят и бьют в ладоши. Ира стоит, надувшись вместе с Максом. Они оба до сих пор думают, что имеют, какое-либо отношение к нашей с Варей жизни. Фигушки.

Пока мы планируем свадьбу, Макс порывается уехать. Знаю, Варя вздохнула бы с облегчением, но мы семья. Мы с ним единственные, кто еще может так себя называть. Я сам начинаю с ним разговор.

– И куда ты поедешь?

– Домой.

– А он не тут?

– Ты сам говорил всегда, дом лишь стены. У меня работа.

– Ладно. Раз работа, значит больше спонсировать тебя можно перестать?

Макс остановился:

– Будешь попрекать меня деньгами?

– Разве когда-нибудь тебя попрекал? Я просто хочу, чтобы ты порадовался за меня.

– Хм. Алекс, ты ведь сам знаешь. Я не рад за вас обоих. И мама тоже не очень будет рада. Я сохранял видимость наших отношений с Варей, не только ради себя одного. Она убила всех, кто был мне дорог. И сейчас ваша свадьба как... Как бомба. Если с Варей что— то случится, я никогда этого тебе не прощу.

– Ничего не случится. Мы с тобой это обсуждали.

– Мы обсуждали не вашу свадьбу. Последствия. Руслан тоже думал, что просчитал все. А в итоге. Её невозможно просчитать. Она безумна. Ты ошибаешься, что сможешь поймать ее.

– Она не одна. В этом то и все дело.

– А если ты не сможешь? Что если она окажется умней? Кем ты согласишься пожертвовать?

– Чего ты хочешь?

– Пусть Варя уедет со мной. Выведи ее из этого уравнения. Пожалуйста, Алекс. Я ее люблю. И не хочу хоронить. Никого больше не хочу.

– Ладно. Не уезжай еще день. Дай мне всего день.

Макс кивнул. Он прав. Я подписал Варе смертный приговор, равно как и себе.

Петя в Питере давал показания против Андрея и Вероники.

Варя

Я упиралась, как могла. Но Алекс непреклонен. В последнее время он излишне бледен. Я чувствую, он врет мне. Врет как сивый мерин. И сейчас уговаривает меня уехать вместе с Максом и детьми.

– Я никуда не поеду. Мое место рядом с тобой.

– Это не обсуждается. Ты уедешь. Возьмешь наших детей и уедешь. Сегодня же.

– Не поеду. Не заставишь!

– Варюша, я тебя прошу. Умоляю. Уезжай.

На семейном совете все меня уговаривают. А я не хочу. Оставить их одних? Ни за что.

Лера и Женя собирают вещи детей. Я никого не помогаю. Алекс собирает мои вещи, я разбираю. Мы ходим по кругу по комнате. Наконец ему первому надоедает. Он обнимает меня и прижимает к себе. Мы стоим так недолго, потому что тут же забываем обо всем на свете. Его руки в моих волосах, губы на моих губах. И в мире нет никого больше.

С каждым толчком внутри я растворяюсь в нем, впивая пальцы в кожу спины. Мне не надо просить, чтобы он двигался побыстрее, ритм наш общий. И мне вполне хватает лишь одного его протяжного стога, чтобы счастье накрыло нас с головой обоих...

Утром все молчаливы. Женя пьет кофе, у Леры покрасневшие глаза. Она бесконечно целует детей, не соблюдая никакой порядка.

Наконец мы прощаемся. Я обнимаю брата, Леру, Иру.

Сую длинное письмо в карман Алексу.

Он упрям. Но я упрямее.

И несмотря ни на что он сажает меня в машину, сам пристегивает ремнем, протяжно целует и шепчет:

– Ты простишь мне это. Когда—нибудь. Береги детей.

Кивает Макс и захлопывает дверь. Машина трогается, и сердце мое разрывается.

Прилипнув ладонями к окну, я плачу, реву во весь голос. Потому что чувствую, это последний раз. Я вижу его в последний раз. И запомню его именно таким. Моим.

Женя

Я и Катя проводили всю компанию до аэропорта. Детей поделили поровну в машине. Они бедняжки совсем притихли. Вика не поняла, почему папа не едет с ней. Она требовала его честь в машину, а он лишь поцеловал ее и перекрестил.

Ребята помахали нам на прощание. Варя обняла меня и прошептала, орошая слезами мою футболку:

– Я люблю тебя, братец. Береги себя. Встретимся на той стороне.

– Обязательно встретимся. Все будет хорошо. Ты не переживай. Ты же меня знаешь. Да и Алекса. Все будет хорошо, – улыбается брат и прижимает меня к себе.

Они машут нам и уходят, мы идем по трапу, я крепко держу Степу за руку, а слезы текут по моим щекам. Макс поджимает губы, сдерживая себя. Я мотаю головой и поворачиваю назад. Мое место рядом с семьей. Я никуда не лечу.

Глава 127. Ты останешься моим принцем.

Алекс

Проводив друзей, детей и любимую, я вспоминаю свои собственные слова. Настало время исполнить обещание.

Ника ждет меня в доме Королевых. Огромный дом стоит несколько лет заброшенный. Я перекупил его пару лет назад, намереваясь сравнить с землей. И повод теперь подходящий.

Сестра встречает меня в гостиной. Стоит возле заколоченного окна, смотря сквозь просветы в обрешетке.

Я не здороваюсь. Мы давно не виделись и не испытываем никакой радости при виде друг друга. В конце нашей беседы отсюда выйдет кто— то один.

– Пришел, – констатирует факт Ника. Она выглядит уставшей и держит в руках бокал вина.

– Зачем звала?

– Я хочу проститься. Мы все же родня.

– У тебя есть сын и дочь. Трое внуков.

– Ты сам знаешь, как дорог мне. Единственный кто дорог. Выпьешь со мной? Я уезжаю через два часа. Вот решила навестить старый дом.

– И куда направляешься?

– Выхожу замуж за очередной денежный мешок. Ты тоже женишься, как я знаю.

– Зачем ты меня звала? – повторяю вопрос.

– Я всегда любила тебя. Ты всегда хорошо ко мне относился, среди всех. Даже когда ненавидел. Любил ты меня когда—нибудь? Когда—нибудь?

– Ради чего все это, Ника? Ради чего смерть Руслана, потом Милы? Ты хотела убить Катю, Петра. Ради чего?

– Я совершила много ошибок в своей жизни. И сожалею о многом. Я плохая мать, плохая сестра. Да и бабка из меня не вышла. Плохая жена.

– К чему эти откровения? Я не понимаю.

– Я хочу облегчить свою душу. Это исповедь.

– Я не священник.

– Ты для меня близкий человек. Сейчас нет у меня никого ближе тебя. Мне тяжело жить с таким грузом на шее. Выслушай меня, пожалуйста.

Я сел на стул и кивнул. Ладно, послушаю чего она решила рассказать. Варя и дети теперь далеко и им никто не угрожает.

Письмо в кармане, вот что беспокоило меня больше всего. Письмо от моей Вари.

– Ты знаешь, почему я вышла замуж за Диму. Мой брак не был счастливым. Хотя муж меня и любил. А я не любила никого. Ни сыновей, ни дочерей. Выпьешь со мной?

– По— моему ты уже достаточно наакалась.

– В последний раз. Выпей со мной.

Ника ждет моего ответа и сдавшись, я соглашаюсь. Плевать, может она быстрее закончит? Беру у нее бутылку и отпиваю из горлышка. Хлебнув пару глотков возвращаю бутылку ей. Все уже давно решено. Полиция приедет с минуты на минуту.

– Я никогда никого не любила. С Андреем вышла та же ситуация. Случайный роман. Он был партнером Димы и одним вечером все закрутилось. Я забеременела. И уехала к матери в

деревню. Зачем не знаю сама. Зачем оставила ребенка. Живот был совсем небольшим. Дима редко обращал на меня внимания и мое отсутствие на время родов прошло незамеченным. Родила и сразу же отказалась. Может не зря? Как ты считаешь?

Мотнув головой, я сидел словно вусмерть пьяный. Голова тяжелела с каждой минутой. Горло раздирает кашель.

– А стоило тебе вырасти и расцвести подобно цветку, я поняла, что люблю тебя. Тебя. Брата. Я всю жизнь тебя люблю, а ты никогда не выбирал меня. Всегда кто— то другой. И сейчас ты выбрал 21— ую дурочку. Но ты меня знаешь. Я не умею делиться.

Слова Ники долетают до меня как через толстое стекло. Звук пропадает. И даже когда я падаю на пол и ударяюсь головой, Ника успевает меня подхватить и бережно укладывает на пол.

– Я не трону ни ее, ни твою дочь. Ты останешься вечно только моим. Моим принцем.

Лера

Я сходила с ума. Ирина пошла погулять с маленьким Женей, раз на улице хорошая погода. Хорошо, что Оксана, ставшая лучшей подругой, рядом.

Она пришла вскоре после того, как все уехали. Мне одиноко. Поэтому когда Оксана предложила чаю, я согласилась.

Мы уселись в гостиной, Оксана сама принесла две чашки.

Мой на вкус горьковат, но может потому что он зеленый?

Отхлебнув изрядную долю чая, мне захотелось спать. Отчаянно зевая, я буквально упала на диван лицом.

– Я не хотела так, Лера, – произнесла Оксана, прикасаясь холодными руками к моему шее.

Тело не слушалось, я пыталась возразить ей, хотя бы открыть глаза. Бесполезно.

Оксана почти заботливо накинута подушку Лере на лицо. Дура. Беспросветная дура. Правильно про нее говорила Ника. Дурища, которых ее поискать надо.

А теперь все кончено.

Придавив подушку к лицу, девушка со всей силой налегла на нее. После сильного снотворного у Леры нет шансов на сопротивление.

А быть может, оно и к лучшему. Осталось лишь разлить везде бензин, да побыстрее. Пока никто не вернулся и не испортил веселье.

Мертва. Когда огонь уничтожит и последнее напоминание о ней, Оксана будет уже далеко...

Глава 128. Отчаяние.

Катя

Зарево мы увидели еще задолго до того, как свернули на дорогу, ведущую к дому. Я с тревогой взглянула на брата, побледневшего как сама Смерть.

Машина летела, едва вписываясь в поворот. Больше всего сейчас на свете мне хотелось оказаться где—нибудь, не здесь.

Не рядом с братом. Потому что я предчувствовала в течении этих последних дней что—то дурное, нависшее над нами.

Чувствовала как ядовитый, едкий туман надвигающейся беды окутывает нас каждого, отделяя друг от друга.

Я молилась лишь о том, чтобы он не пережил ее надолго и о том, чтобы у меня хватило сил отпустить и его.

Дом не просто горел. Он полыхал. Пламя гигантским ревом словно голодное, одичалое животное, пожирало наш дом.

Потом уже после всего, я пыталась вспомнить, что Женя сказал мне перед тем, как кинулся в огонь.

Но так и не смогла. Это означало бы принять тот факт, что он прекрасно понимал, конец близок и прощался не только со мной.

А с жизнью.

Огонь слишком сильный. И несмотря на этот факт, Женя бросился внутрь. И больше я не видела его живым.

Я в отчаянии ждала, пока Женя выйдет из дома. Недалеко уже ревели сирены. Но раньше всех приехал Андрей. Мы не видели его уже пару дней и теперь он также храбро кинулся в огонь, не обращая на меня никакого внимания. Он вынес из огня Женю. Больше никого.

Я не видела большего отчаяния, чем отец обнимает безжизненное тело своего сына.

Как тщетно пытается вернуть.

Как из его груди вырывается животный крик, когда он понимает, все.

Конец.

Его сын больше не откроет свои глаза.

И как мало сказано, как мало сделано. Время безжалостно.

Я упала на колени перед домом. И внезапно приняла решение, поэтому, не произнеся ни слова, села в машину брата...

Отец научил меня справляться с болью, поглощающей сердце, только одним способом. Я отвечаю болью за боль. И она заплатит.

Ника совершенно не ожидала меня увидеть. Ее красивые глаза округлились, и она ойкнула при виде меня. Она тщетно пыталась выдавить из себя слова, а я ей не предоставила такого шанса.

Мое сердце горело. От боли. От невероятной боли. Я потеряла брата. Любимого брата. Еще пару часов назад я знала, что изменилась. Сейчас я прежняя. Сильная и не отступлю.

Меня не научили любить. Я не знаю какво это. Смотря на женщину, родившую меня, давшую жизнь и не чувствую к ней ничего, кроме жгучей ненависти. Я ненавижу ее.

Ненавижу за себя, что выросла такой. За Алекса ненавижу, за брата, за Леру, за Варю. За детей, которые остались без родителей, ненавижу.

Увидев ее возле тела Алекса, мою крышу снесло далеко и надолго. Я потеряла слишком много в этот день. Его сердце не билось, в широко открытых глазах не плескался больше океан.

Ника начала хрипеть и закатывать глаза. Она тщетно пыталась скинуть с себя меня руками и вонзала ногти, куда смогла дотянуться. Я зажмурилась, но не ослабила хватку.

Ты отняла у меня все.

Все. Моих двоих любимых мужчин.

А я заберу у тебя жизнь.

Слезы текли по моим щекам, но хватка не ослабла. Я думала лишь о том, как посмотрю в глаза Варе и детям. И у меня есть только один шанс отомстить этой змее за всех нас.

Она почти потеряла сознание, когда меня стали оттащить от нее.

Петр. Я лягнула его ногой, он не сдался. Навалился на меня, стремясь разжать руки. Ни за что. Живой ей отсюда не выйти. Я переступлю и через него ради этого.

– Катюша, отпусти ее, – прошептал он, борясь со мной.

– Она убийца! – огрызнулась я в ответ.

– Она да, ты нет. Пожалуйста, отпусти ее.

Ну, уж нет. Меня оттащат от нее, когда я услышу ее последний вздох.

И этому не суждено было случиться. Полиции удалось оттащить меня от задыхающейся Ники. Петр скрутил меня и поехал вместе со мной в полицию. Его стараниями мне обеспечили адвоката и отпустили. Только идти мне больше некуда.

На улице я отмахнулась от него, пообещав ударить, если попробует дотронуться.

Побрела по улице, словно пьяная, не замечая ни лиц, ни дороги. Петр шел рядом. Молча. Курил сигарету за сигаретой.

Он прав. Но я никогда за это не прощу саму себя.

Петр

Есть моменты, о которых лучше никогда не напоминать. В частности, про те, когда человек был максимально незащищен. За две недели, что мы провели вместе, да за все время, я знал, что она влюблена в другого. И тогда мне показалось, это прошло. А сейчас... Я бы не хотел, чтобы меня так любили. Моя девушка могла сколько угодно потом говорить про родственные чувства, но я все видел своими глазами...

Я должен был оттащить ее от тела Алекса. Но не смел.

Слышал ее рыдания на его груди и не смел ее прервать.

Горячий, еле слышный шепот. Потом горькие рыдания. Раньше никто и никогда не слышал как она плачет... Да и можно назвать это плачем?

Вой. Звериный вой. Судорожно цеплялась за футболку Алекса, просила его не смеяться над ней и дышать.

Никогда больше я не видел ее в таком состоянии. Потерянная, измученная сама собой. Люди ломаются быстро и Катя не исключение.

– Кать, Кать, надо чтобы о нем позаботились. Катя, – попытка оттащить девушку не удалась ни мне, ни врачам.

– Катя, нас ждет Варя, – упоминание девушки отрезвило Катю. Она робко прикоснулась

ко лбу Алекса, трепетно и нежно коснулась лица.

Коснулась с какой— то благочестивостью. Так прикасаются к иконам в церкви.

И только потом позволила себя увести, бросая на тело растерянный взгляд.

Я не успел сказать ему, как благодарен за все. Не успел сказать, что ценю все, что он сделал для меня. Сделал, просто потому что сделал. У нас были непротые отношения, но я никогда не желал ему ничего плохого.

Жаль, я не успел назвать его своим другом.

И мне бесконечно жаль...

Прости меня, дружище. За все прости. Я позабочусь о ней, буду рядом, не смотря ни на что. Потому что она хорошая, она лучшее, что могло произойти со мной.

Глава 129. Расплата.

Оксана металась по комнате, лихорадочно собирая вещи. Ника обещала ей денег, если она сделает все как надо. Но у нее сдали нервы.

Её трясло. От страха. Трясло каждый раз, но настолько они все легковёрны! Даже Алекс с его умом и проницательностью. Никто не заметил ничего. Тщательно спрятав ненависть за дружбой к этой тупорылой, Оксана ждала. Терпеливо ждала.

– Куда— то собираешься? – спросил Лёша. Он уже две недели жил дома и порядком надоел.

– Мы уезжаем, – коротко бросает через плечо.

– И куда же?

Вот привязался. И зачем она вновь помирилась с ним? С дебилом. Почему она думала, что когда— то любила его? Ведь всегда любила, любила только одного. Его одного, не пожелавшего её.

Лёша смотрел на женщину, которую все еще любил. Любил, не смотря на измену, чужого ребенка. Он вернулся к ней, чтобы начать все заново. А она...

На телефон пришло сообщение:

«Лёша, ты видел Оксану? У нас пожар! Перезвони мне срочно! Нигде не могу найти Алекса».

Макс. Лёша бросив, еще один взгляд на жену, вышел из комнаты и набрал Макса. Тот почти не мог говорить, лишь выдавил три слова:

– Никого не осталось. Мертвы.

Лёша отсоединился и вернулся в комнату.

Оксана к тому времени собирала рюкзак Никиты.

– Что ты сделала?

– Не твое дело.

– Что ты сделала?!

– Отвали от меня! Не хочешь помочь, отвали! – она толкнула мужа в сторону, – Хочешь узнать, что я сделала? Обеспечила своему сыну будущее. Наследство его отца.

– Не ты. Ты не могла. Мы же, они наши друзья.

– Твои. Мне никогда не были друзьями, ни тупая Лера, ни красавчик Женья. У меня был любимый, которому я не была нужна. И муж дебил.

– Что же ты наделала...

– Ничего особого. Снотворное и огонь. Больше ничего. Это не так страшно, как остаться без ничего.

Был ли у него другой выбор?

Нет.

Не потому что не смог бы просить ей это. А потому что жить после такого невозможно. Женья всегда был для него лучшим другом и сейчас так невыносимо поверить, что его больше нет. Никого нет.

А виновата она. Она. И ни капли раскаяния. Нет. Она гордится собой. Гордится разрушением стольких невинных жизней. Она ничем не лучше Ники, а быть может безумнее ее. Добровольно совершить...

Оксана пыталась сопротивляться, вскинула руки, намереваясь выцарапать ему глаза.

Но Алексей в десятки раз сильнее. И поэтому, накинув ей на шею ремень, крепко стянул.

Свой долг он выполнил. В расчете.

Варя

Пепел. Мое сердце превратилось в пепел. А может пеплом стала я сама.

Кто знает предел своего терпения, выдержки, силы встать с колен? Не знаю.

Я без него не встала бы. Не открыла глаза, не сделала бы вдох.

Одно спасло меня: дети. Они ждали нас в гостинице, испуганные, дрожащие, осиротевшие в миг.

Я оставила их там в тот злополучный день. И приехала на пепелище.

Пепелище прежней жизни. Огонь унес моего брата. Забрал близкого человека. И я не знаю как сделать вдох.

Каждый вдох причиняет мне невероятную боль. Три новых гроба. Трое похорон. И его кольцо на моем пальце. Я судорожно держусь за Катю. И она держит мою руку в ответ.

Ты сказал мне, что я прощу тебя когда—нибудь.

Простить, значит отпустить.

А отпустить тебя я не смогу никогда. Каждый день без тебя длится бесконечно долго. Я скучаю по тебе. Невыносимо.

И прощаться с тобой все равно, что прощаться с жизнью.

Вчетвером мы покидаем кладбище. Катя ведет меня за руку к машине. Она держится лучше нас с Петей. Мы проходим мимо еще трех свежих могил. И Катин шаг на секунду сбивается. Она отпускает мою руку и просит оставить её одну.

Мы повинемся и отходим.

Катя

Я сажусь на корточки и поправляю венок на могиле отца.

Андрей пережил сына всего на несколько часов. Застрелился. Не выдержав бремени ответственности.

И я его простила. Все же отцом он был хорошим для меня. Не бросил меня, не оставил. И поэтому, да, папа, я тебя прощаю. Прощаю.

Две могилы рядом. Оксана недалеко ушла от возмездия. Лёша повесил ее на ручке двери и повесился сам после этого. Дома был один Никита и с тех пор он не разговаривает.

Мы забрали его к себе в гостиницу. Дима, его верный друг пытался разговорить. Надеюсь, он придет в себя быстрее нас.

Макс и Петя вокруг нас словно два рыцаря. Я держусь ради них, ради сестры. Ради них всех дышу. И заставляю дышать Варю.

Мы должны выжить. Должны возродиться из пепла.

Он никогда бы не простил мне, если я не смогла встать. Заставил б и потащил на себе.

Мне не будет хватать его Океана. Волн, что плещутся под биение его сердца. Сердца, благородного и верного. Я не изменяю...

О, мой дорогой и любимый Саша... Верный своим принципам ты не мог подумать, в какую ловушку попал сам...

Я сберегу твою любимую. Я обещаю.

Спите спокойно. Все кончено.

Встретимся на Той стороне.

Эпилог.

10 лет спустя.

Варя

Жалость. Я безмерно жалела эту некогда красивую и властную женщину. Я застала ее рассвет, теперь же смотрю на закат некогда одной из самых красивейших людей.

Жестокость и ненависть изменили ее. Шикарные волосы цвета вороньего крыла потеряли свой блеск и представляли собой колтуны из седых нечесанных волос.

Она лежала на больничной койке совершенно неподвижно. Я приблизилась к ней и хотела коснуться ее руки: прежде белоснежной и холеной... и в последний момент передумала.

Казалось, она не замечала моего присутствия.

Мы обе изменились. Только я готова принять это и простить ее за все.

Не знаю, чего стоило Максиму найти ее, вытащить и обеспечить ей нормальное существование. И хорошо, если я этого никогда не узнаю. Из всех нас он до сих пор платит. Вероника умирала. Умирала безумной, на больничной койке, так и не выйдя на свободу.

Я лично настояла на том, чтобы приехать и посмотреть на ее последние часы. Мой Алекс умирал на ее руках, и я не хотела пропустить момент ее последнего вдоха.

Ее черное сердце перестало биться, и я ничего не почувствовала. Ее смерть не дала облегчения, просто еще одна дверь с воспоминаниями оказалась теперь на крепком замке...

Мы живем все вместе в Нью—Йорке. Чего нам стоило все это, мы стараемся не вспоминать.

Живем обычной жизнью, Макс ходит на работу каждый день, дети посещают детский сад и школу, я работаю переводчиком. С виду мы обычная семья. У нас много друзей, не знающих нашего прошлого. Да и мы стараемся не говорить на эту тему.

Катя вышла замуж за Петра и где они теперь, Бог знает.

Она заставила меня жить. И когда я сделала первый самостоятельный шаг, ушла.

Я редко слышу ее голос в телефонной трубке. Чаще всего она пишет. Пишет, что все хорошо, она счастлива, живет на побережье. И я знаю почему. Океан. Все дело в нем. В этом бесконечном синем океане...

Я вижу его. Слышу. В шуме волн. В синем цвете. Как вижу и слышу любимого брата и Леру. У меня не осталось ничего на память. Все уничтожено огнем...

Ира... вернее моя мама, живет с нами. Она все пытается загладить свою вину, когда никто ни в чем ее не винит. Комплекс, наверное.

Никита похож на Руслана как две капли воды. Ему 17 лет. И он потрясающе красивый.

Дима похож на Егора. Степа похож на меня. Честное слово! А Вика на мать с синими пронзительными глазами. Даша и Маша – вылитые Лера. Только глаза зеленые. Папины.

Евгений младший весь в отца. Ему всего 10, но поклонниц уже не счесть.

Я часто закрываю глаза и слыша голоса детей словно переносусь в прошлое. Мне не хватает их. Тех, кого мы потеряли...

Да, у нас с Максимом есть сын. Он еще совсем крошка, всего пара дней и это самый ожидаемый малыш за эти 10 лет. Александр Максимович. У него нет таких синих глаз как у его дяди, но черные как смоль волосы с легкостью это компенсируют. У Кати и Петра детей

нет. И скорее всего никогда не будет, пару лет назад они попали в серьезную аварию, и Петя повредил позвоночник. Катя подняла его на ноги, сама при этом едва ходя. Она часто говорила лишь о том, что не хочет детей, куча племянников ее вполне устраивает.

Я смотрю на окружающую меня толпу пускай взрослых, но еще детей, мужа и счастлива.

Я верю, что там, на небе они счастливы тоже.

Я верю.

Потому что Вселенная бесконечна. Именно поэтому да. Потому что да, однажды я тебя простила.

Конец.